

Annotation

Человечество достаточно развилось как межзвездная жизнь чтобы привлечь к себе внимание Подавляющих (Inhibitors, «механическая» форма жизни следящая за тем чтобы никакая другая жизнь не расселилась по всей вселенной). Учитывая что люди так и не нашли других живых рас, а только их останки, причем все расы уничтожены именно этими Подавляющими, шансы у человечества практически нулевые.

- [Аластер РЕЙНОЛЬДС](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

Аластер РЕЙНОЛЬДС
КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ

Пролог

В красоте мертвого корабля было что-то непристойное.

Скейд облетала его по спирали. Двигатели малой тяги ее корвета корректирующими выхлопами выбивали в пространстве причудливые татуировки, которые почти мгновенно таяли. Шаттл снова вырулил из-за корабля. Виток за витком — и солнце системы то появлялось, то исчезало. Скейд слишком засмотрелась на него. Горло нехорошо сжалось, она ощутила прилив тошноты, возникающей при полетах в безвоздушном пространстве.

Только этого не хватало!

В раздражении Скейд визуализировала прозрачную трехмерную картину своего мозга. Словно очищая плод от кожуры, она срывала слои коры и подкорки, убирая те части собственного сознания, которые не интересовали ее в данный момент. По туманной серебристой «паутине», имплантированной в мозг, которая была топологически идентична сети ее естественных синапсов, пробегали переливы — это двигались нервные импульсы, передавая пакеты информации от одного нейрона к другому со скоростью километр в секунду. Биологические сигналы ползли по нервной системе в десять раз медленнее. Конечно, в действительности Скейд не могла проследить это движение — для этого ей пришлось бы повысить скорость осознания, то есть заставить нейроны двигаться еще быстрее. Тем не менее, увеличенная схема мозга позволяло обнаружить наиболее активную зону.

Скейд выделила крупным планом специфическую функциональную зону мозга под названием «Area Postrema» ^[1] — допотопный клубок нервных волокон, который разрешал конфликты между зрением и чувством равновесия. Судя по всему, внутреннее ухо сигнализировало, что шаттл движется с постоянным ускорением, а глаза при этом регистрировали циклическое изменение картины — он наматывал витки вокруг корабля. И эта доисторическая часть мозга находила единственное объяснение такому противоречию: она делала вывод, что у Скейд галлюцинации, и посылала сигнал в другую часть мозга, которая появилась, чтобы уберечь организм от действия ядов.

На самом деле, глупо винить свой мозг за появление этой тошноты. Связь между галлюцинациями и ядом очень хорошо выполняла свою задачу на протяжении миллионов лет, позволяя предкам людей

экспериментировать, делая в свой рацион разнообразнее — насколько это было возможно. Но здесь и сейчас, на холодной окраине чужой планетной системы, она неуместна. Пожалуй, лучше стереть эту функцию, чтобы не вызывать конфликта между зрением и чувством равновесия. Достаточно будет аккуратного вмешательства в топологию базовой нервной сети. Но проще сказать, чем сделать. Тем более, что голографическое изображение показывало огромное количество хитросплетений имплантированных и биологических нервных окончаний, напоминая безнадежно перегруженную сложностями компьютерную программу. И можно не сомневаться: «выключение» зоны мозга, ответственной за чувство тошноты, повредит другим функциональным зонам, с которыми она обменивается нервными импульсами. Но с этим вполне можно жить. Скейд уже тысячу раз проделывала подобные операции, и на ее когнитивной сфере это никак не отразилось.

Ну вот. Провинившаяся зона запульсировала розовым и исчезла из сети. Тошнота отступила, и Скейд вздохнула с огромным облегчением.

Все, что осталось — это злость на собственную беспечность. В свое время Скейд была полевым оперативником и часто участвовала в проникновениях на вражескую территорию. При столь наплевательском отношении к своему организму она бы не дожила даже до того, чтобы провести скромную нейрокоррекцию! Она становится небрежной, это непростительно. Тем более теперь, когда вернулся корабль — событие, которое может стать для Материнского Гнезда не менее значимым, чем любая из предыдущих военных кампаний.

В ней просыпалась жадность. Она все еще прежняя Скейд: пора стряхнуть с себя пыль и держать ухо востро. Прямо сейчас.

(Скейд, ты будешь осторожна, не так ли? Ясно, что с этим кораблем случилось нечто весьма необычное.)

Голос был женский, спокойный и звучал только у нее в голове. Скейд ответила мысленно.

«Я знаю».

(Ты идентифицировала его? Это один из двух кораблей. Ты поняла, какой? Или какой был?)

«Это корабль Галианы».

Теперь, когда Скейд снова плыла вокруг корабля, зрительные доли ее мозга формировали его трехмерное изображение — что-то вроде эйдетического образа ^[2], в серо-зеленых тонах, наподобие призрака. А чуть ниже этого изображения, в квадратных скобках, двигались ровные линии текста-описания, меняясь по мере поступления информации, выживаемой

из разбитого корпуса.

(Галианы? Именно Галианы? Ты уверена?)

«Да. У всех трех кораблей, что улетели вместе, были небольшие конструктивные различия. Этот больше всего похож на ее корабль».

Ответ пришел после небольшой паузы — такое иногда случалось.

(Мы тоже дали согласие на эту экспедицию. Но с тех пор как Галиана покинула Материнское Гнездо, с кораблем явно что-то случилось, правда?)

«Если это вопрос, то случилось многое».

(Давай вернемся к началу и попробуем исходить от противоположного. Есть признаки повреждений — серьезных повреждений. Разрывы, выбоины... некоторые фрагменты обшивки отсутствуют. Похоже, их вырезали и выбросили, точно зараженные ткани. Как ты думаешь, это Эпидемия?)

Скейд помотала головой, вспомнив свой недавний визит в Город Бездны.

«Я видела последствия Комбинированной Эпидемии достаточно близко. Не сказала бы, что это они».

(Согласны, это что-то другое. Тем не менее, надо принять все меры предосторожности. Для начала — полный карантин. Возможно, мы все-таки имеем дело с возбудителем инфекции. Можешь сосредоточить внимание на кормовой части корабля?)

В голосе — этот голос никогда не спутаешь с голосами других Объединившихся — появились колкие менторские нотки, словно говорившему давно известны ответы на все вопросы, которые он задает.

(Ты понимаешь, из чего сделаны эти конструкции, Скейд?)

Группы черных кубов разной величины, расположенные здесь и там в случайном порядке — казалось, они до половины вдавлены в обшивку корабля, словно в сырую глину. Их изогнутыми хвостами окружали цепочки кубиков поменьше, образуя элегантные фрактальные арки.

«Выглядит так, словно они пытались срезать с корпуса все, что возможно. Похоже, у них не хватило времени».

(Мы того же мнения. Чем бы это ни было, с ними, несомненно, надо обращаться с предельной осторожностью, хотя они действительно могут быть уже неактивны. Возможно, Галиане удалось остановить их распространение. В конце концов, это мог сделать ее корабль, даже если он возвращался домой на автопилоте. Скейд, ты уверена, что на борту нет никого живого?)

«Не уверена. И не буду уверена, пока не окажусь на борту. Но картина выглядит не слишком многообещающей. Внутри никакого движения и явно никаких источников тепла. Корпус слишком холодный, чтобы говорить о

каких-то процессах жизнеобеспечения — разве что там работают криогенные установки».

Скейд помедлила, просматривая одновременно несколько моделей-симуляций, которые разворачивались у нее в сознании на заднем плане.

(Скейд?)

«Согласна: может быть, кто-то уцелел — считанные единицы. Но основная часть команды — замороженные трупы, и ничем иным они быть не могут. Возможно, мы сумеем протралить их память и что-нибудь выудить, но, на мой взгляд, это слишком оптимистичный прогноз».

(Нас интересует только один труп.)

«Я даже не знаю, на борту ли Галиана. Но даже если она там... и даже если сделать все возможное, чтобы вернуть ее к жизни... мы можем ничего не добиться».

(Понимаем. В конце концов, кому сейчас легко? Конечно, будет восхитительно, если мы чего-нибудь добьемся, а провалить попытку — это хуже, чем не пытаться вообще. По крайней мере, по мнению Материнского Гнезда.)

«А Ночной Совет тоже так считает?»

(Мы все так считаем. Явное поражение может оказаться слишком сильным ударом. Но это не значит, что мы не сделаем все возможное. Если Галиана здесь, мы просто обязаны сделать все, на что способны, чтобы вернуть ее в наши ряды. Но придется соблюдать полную секретность.)

«Насколько полную?»

(Полностью скрыть от Материнского Гнезда возвращение корабля невозможно. Но мы можем пощадить их, Скейд. Не давать надежды и не лишать ее. Мы сообщим им, что она мертва, и надежды на воскрешение нет. Пусть боль Объединившихся будет быстрой и яркой, как вспышка сверхновой. Их ненависть к врагам станет только сильнее. Тем временем мы будем продолжать работу усердно и с любовью. Если удастся воскресить Галиану, ее возвращение будет чудом. Да, в определенный момент мы допустили сокрытие правды, но нас простят).

Скейд одернула себя прежде, чем рассмеялась вслух.

«Соккрытие правды? По-моему, лучше сказать „откровенная ложь“. А как добиться того, чтобы Клавейн поверил в эту историю?»

(Ты думаешь, с Клавейном будут проблемы, Скейд?)

«Как я понимаю, вы не собираетесь ему ничего рассказывать?»

(Это война, Скейд. Есть старый афоризм по поводу правды и списков погибших, но мы не будем заставлять тебя ждать. Мы уверены, что ты понимаешь, о чем идет речь. Клавейн — наше самое ценное тактическое

оружие. По образу мышления он не похож ни на кого из Объединившихся — вот почему он обеспечивает нам постоянное превосходство над врагами. Ему будет больно, он будет горевать — так же недолго, как и все остальные. Вскоре он снова станет прежним — как только поймет, насколько нужен нам. Ты не находишь, что это лучше, чем заставить его ждать и надеяться, а потом — может быть — разрушить его надежды?)

Голос зазвучал более напряженно. Возможно, он чувствовал, что на этом моменте следует особо заострить внимание.

(Клавейн — эмоциональный человек, Скейд. Он куда более эмоционален, чем остальные. И он был уже стар, когда пришел к нам. Его нервная система старше, чем у любого, кто к нам когда-либо присоединился. Его сознание до сих пор вязнет в прежних способах мышления. Об этом никогда не следует забывать. Он хрупок и нуждается в нашей заботе, как нежное теплолюбивое растение.)

«Но врать ему насчет Галианы...»

(Возможно, нам и не придется этого делать. Мы опережаем события. Для начала, надо осмотреть корабль — в конце концов, ее может не быть на борту.)

Скейд кивнула.

«Это было бы лучше всего, правда? Тогда бы мы знали, что она где-то в другом месте».

(Конечно. Но в таком случае нам придется ответить на один маленький вопрос: что произошло с третьим кораблем.)

За девяносто пять лет, которые прошли с начала Комбинированной Эпидемии, Объединившиеся научились многому и успешно боролись с заражением. Будучи одним из последних сообществ, сохранившим верность технологиям, которыми пользовались до Эпидемии, они очень заботились о соблюдении карантина. В мирное время легче и безопаснее всего было бы проверить корабль в тот момент, когда он будет пересекать границу системы Эпсилон Эридана. Но теперь это серьезный риск: Демархисты могут засечь всплеск активности, так что придется позаботиться о маскировке. Зато Материнское Гнездо располагало оборудованием для обнаружения заражающих устройств, и сейчас это было очень кстати.

Однако принять меры предосторожности все-таки необходимо, а значит, придется немного поработать в открытом космосе. Первым делом служебные роботы избавили корабль от двигателей, перерезав лазерами стойки-крепления их конических корпусов. Сбой в работе силовых установок мог просто уничтожить Материнское Гнездо. Конечно, это почти

нереально, но Скейд решила не рисковать — тем более пока непонятно, что случилось с кораблем. Роботы еще возились с двигателями, когда она отдала команду ракетам-тягачам, и те подогнали к дрейфующему звездолету черные глыбы несублимированного кометного льда. Другая группа роботов тут же принялась размазывать эту массу по обшивке корпуса. Скоро он был покрыт ровным слоем примерно метровой толщины. Роботы справились быстро, и при этом ни один не пришел в соприкосновение с судном. До начала этой операции работ корабль был просто темным; теперь же напоминал сгусток непроницаемой черноты.

Наконец все было готово. По приказу Скейд крючья вонзились в лед, и целая тысяча ракет-тягачей закрепилась по всему корпусу судна. Во время буксировки корабля ледяная оболочка примет на себя всю нагрузку, поэтому меньшим числом было не обойтись: какой-нибудь фрагмент ледяного панциря мог отколоться. Зрелище, которое последовало за этим, поражало красотой. Тысяча коротких остроконечных кисточек холодного голубого пламени высунулась из ракетных сопел, окружив конический корпус мертвого корабля дрожащим заревом. Скейд медленно и ровно увеличивала скорость тягачей. Как аккуратно она рассчитала! Перед последним броском к Материнскому Гнезду ей потребовалось лишь чуть-чуть подкорректировать траекторию — чтобы вовремя оказаться в «слепом пятне» наблюдательной системы Демархистов. Последние наивно полагали, что Объединившимся об этих «слепых пятнах» ничего не известно.

Наконец звездолет был благополучно доставлен в Материнское Гнездо, где его поместили в доке пятикилометровой ширины с керамическим покрытием. Этот док, оборудованный специально для кораблей, зараженных чумой, был достаточно велик, чтобы в нем без труда поместилось судно вместе с отрезанными двигателями. Толщина керамического покрытия стен достигала тридцати метров. Каждое устройство, которое находилось внутри, снабжалось специальной защитой от всех известных штаммов Эпидемии. Едва корабль вполз в док, все люки были немедленно задраены. Скейд вместе со своей командой специалистов осталась внутри. Теперь им предстояло работать, находясь в изоляции от всего Материнского Гнезда, от миллиона других Объединившихся. Эти ограничения распространялись на всех, кто был занят в этой операции, поскольку не на всех можно было положиться. Но Скейд не жаловалась. Она была лучшей — наверно, единственной из Объединившихся, кто действительно мог работать в полном одиночестве, в глубине вражеской территории.

Итак, за корабль можно не беспокоиться. Теперь в док под давлением в две атмосферы начали подавать аргон. Слои льда отделялись один за другим — кроме последнего, самого тонкого, который растает только через шесть дней. Стайки сенсоров, словно чайки, с шипением выпуская аргон, летали вокруг искалеченного звездолета в поисках инородной материи. Но ничего необычного они не обнаружили — обычная корабельная обшивка.

Скейд выжидала. Она твердо решила соблюсти все меры предосторожности и ничего не трогать без крайней нужды. Крючковидный гравитометр на длинном шнуре полз вдоль корабля, сканируя внутреннее пространство и выискивая на поврежденные детали. Большинство выглядело знакомо: Скейд уже удалось познакомиться с чертежами звездолета. Стоп... а вот это странно. Такого здесь явно не должно быть. Что-то черное тянулось внутри корабля, ветвясь и скручиваясь штопором. Оно пронизывало все корабельные помещения; картина напоминала следы пуль на снимках судебной экспертизы или треки субатомных частиц, прошедших через пузырьковую камеру. ^[3] И везде, где отростки достигали обшивки, Скейд обнаруживала кубик, наполовину торчащий наружу.

Индикаторы по-прежнему не засекали признаков живой материи, но на корабле был аварийный отсек, в котором могли спастись уцелевшие. Нейтринный радар и гамма-лучевой сканер показывали ей все новые и новые структуры, но Скейд по-прежнему не видела ничего существенного. Теперь, хочешь или не хочешь, но придется переходить ко второй фазе исследования — то есть начинать работу в физическом контакте. Скейд распределила по корпусу корабля многочисленные бурильные молоточки, чередуя их с микрофонами. Когда был приклеен последний микрофон, молоточки глухо застучали. В своем скафандре Скейд слышала этот грохот — звук распространяется и в аргоне. Казалось, где-то вдалеке лихорадочно работала целая армия кузнецов. Микрофоны «вслушивались» в металл, улавливая отраженные звуковые волны, возвратившиеся из недр корабля. Это нервная и нудная работа — одна из первых обязанностей, которые поручались Скейд: расшифровывать фрагменты томограммы, сводя ее в единую картину распределения плотности вещества.

Эта картина в сознании Скейд рисовалась в серо-зеленых тонах. Ничего такого, что противоречило полученным до этого сведениям, разве что небольшие уточнения по поводу некоторых зон. Но чтобы узнать больше, придется проникнуть внутрь корабля, а это задача не из легких. Все шлюзы были намертво задраены изнутри пломбами из расплавленного металла. Медленно, со злостью, Скейд прорубала их с помощью лазеров и перфоратора с гипералмазным наконечником. Можно себе представить, в

каком ужасе и отчаянии пребывала команда корабля... Наконец первый люк был вскрыт, и отряд роботов-исследователей — механических крабов с прочными керамическими панцирями, достаточно разумных для подобной работы — немедленно устремился внутрь. Все, что они наблюдали, напрямую передавалось Скейд.

Ужасно.

Команду просто изрубили на куски. Одни были разорваны буквально в клочья, расчленены, расплющены, размолоты до состояния однородной массы, порезаны на мелкие кусочки; некоторые напоминали очищенные плоды. Другие сгорели, задохнулись, замерзли. Судя по всему, резня длилась долго. Скейд впитывала все новые детали, и они складывались в целостную картину. Серия жестоких схваток, последние рубежи обороны по всему кораблю, остатки баррикад, за которыми экипаж отбивался от захватчиков. Корабль тоже делал все возможное, чтобы защитить свою команду. Он перестраивал свои внутренние помещения — вот большой отсек, где он пытался изолировать противников. Некоторые отсеки затоплены охлаждающей жидкостью, в других до предела повышено давление... И повсюду Скейд находила странные, неуклюжие остовы машин — конгломераты тысяч геометрически правильных структур.

Гипотеза сформировалась быстро — в этом не было ничего сложного. Кубы «присосались» к корпусу корабля Галианы. Они поглощали и «переваривали» обшивку, множились, разрастались... Чем-то похоже на Эпидемию. Но Эпидемия действовала на микроскопическом уровне, ее споры невозможно разглядеть невооруженным глазом. «Это» выглядело более грубо, механистично... Словно кто-то пытался имитировать действие Чумы. Эпидемия, в конце концов, просто пропитывала ткани, переделывая их структуру и создавая фантастические химеры из механизмов и плоти.

Нет, сказала себе Скейд. Это однозначно не Комбинированная Эпидемия. Хоть какое-то утешение... хотя вряд ли в этой ситуации вообще может быть что-то утешительное.

Кубы прогрызли обшивку корабля, затем образовали атакующие формирования — что-то вроде боевых конгломератов, которые медленно двигались сквозь корабль из каждой точки заражения, убивая всех на своем пути. Судя по остаткам, они больше напоминали бесформенные асимметричные сгустки, в какие сбивается осиный рой, чем группу индивидуумов. Похоже, кубики умели просачиваться сквозь мельчайшие отверстия и снова собираться вместе по другую сторону преграды. И все-таки, битва длилась долго. По оценкам Скейд, прошел не один день, прежде чем звездолет пал... пожалуй, даже не одна неделя.

При этой мысли у нее по коже прошел озноб.

На следующий день роботы обнаружили несколько тел, которые выглядели почти нетронутыми. Лишь головы людей были облеплены кубами, словно одеты в черные гермошлемы. Похоже, чужие машины были неактивны. Когда роботы убрали наружные части «шлемов», оказалось, что из них выростали щупальца, которые проникали в череп человека через глазницы, ушные отверстия и носоглотку. Дальнейшие исследования показали: в глубине мозга эти отростки многократно ветвились, пока не достигали микроскопических размеров и срастались с имплантатами, которые вживляли себе все Объединившиеся.

Но машины были так же мертвы, как люди, которых они погубили.

Скейд попыталась представить, как это случилось. От корабельных архивов остались жалкие обрывки. Очевидно, Галиана поняла, что столкнулась с чем-то враждебным. Но почему эти кубики не уничтожили ее корабль сразу, одним ударом? Они проникали внутрь долго, мучительно... Единственная причина, которая представляется разумной: кубы хотели, чтобы звездолет оставался неповрежденным как можно дольше.

«Интересно, где еще один корабль — тот, что шел с ним в паре? Что случилось с ним?»

(Есть мысли, Скейд?)

«Есть, только не слишком приятные».

(Тебе кажется, что кубы хотели узнать о нас как можно больше?)

«Никакой другой причины я не вижу. Эта пакость запускала щупальца им в мозг, считывая информацию с имплантантов. Как будто охотилась именно за ней».

(Да, согласны. Должно быть, кубы многое узнали о нас. И это представляет для нас серьезную угрозу — несмотря на то, что мы не знаем, где был корабль Галианы, когда они его захватили. Но у нас появилась надежда, правда?)

Надежда на что? Скейд боялась даже подумать об этом. Сколько веков человечество искало братьев по разуму. И каждая новая находка не оставляла от этих надежд камня на камне. Трюкачи, Странники — и еще восемь или девять ископаемых цивилизаций, вернее, то, что от них осталось. Но никто из этих разумных существ не использовал машины, и ни одна не могла померяться силами с человечеством.

До настоящего момента.

И посмотрите, для чего эти разумные существа использовали свои машины. Для того, чтобы подкрасться к их кораблю, проникнуть внутрь, перебить людей, проникнуть в их черепа.

Чертовски плодотворный контакт.

«Надежда? Вы серьезно?»

(Да, Скейд. Мы не знаем, могут ли кубы передавать информацию тем, кто их подослал. В конце концов, корабль Галианы возвращался домой. Она бы никогда не вернулась, если бы знала, что приведет сюда врагов. Думаю, Клавейн может гордиться ею. Она думала о нас, она думала о Материнском Гнезде!)

«Но риск...»

Голос Ночного Совета не дал ей договорить.

(Корабль — это послание, Скейд. Мы должны расценивать его возвращение именно так. Галиана хотела предупредить нас...)

«Предупредить?»

(Кто предупрежден, тот вооружен. Так или иначе, нам еще предстоит встретиться с этими «кубиками».)

«Можно подумать, вы ждете их в гости».

Ночной Совет не ответил.

Галиану обнаружили только на другую неделю — корабль был весьма просторным, и многочисленные изменения в планировке затрудняли поиск.

Скейд вошла внутрь вместе со своей командой. Поверх обычных атмосферных скафандров пришлось надеть тяжелую керамическую броню. Эти щитки, похожие на маслянистый черепаший панцирь, делали движения крайне неуклюжими, заставляя контролировать каждый шаг. Промучившись несколько минут, Скейд наспех сочинила программу «образ тела-движение» и запустила ее в синапсы мозга, которые до сих пор пребывали в праздности. После этого перемещаться в пространстве стало немного легче, зато появилось мерзкое ощущение, словно твоими движениями управляет призрачный кукловод. Скейд сделала ментальную памятку: переписать программу так, чтобы движения воспринимались как произвольные — независимо от того, насколько это соответствует истине.

К этому времени роботы сделали все, что было в их силах. Они обезопасили просторные корабельные помещения, залив останки врагов эпоксидной смолой с алмазным волокном, и взяли образцы ДНК почти со всех трупов в обследованной зоне. Каждый образец генетического материала был идентифицирован по спискам экипажей Материнского Гнезда, хранившимся в Департаменте Исследовательского Флота. Однако многие образцы все еще были не протестированы.

Определенные проблемы все равно возникали. Когда корабль, на котором находился Клавейн, вернулся домой, стало известно, что в

глубоком космосе, на расстоянии многих светолет от Материнского Гнезда, члены экспедиции приняли решение разделиться. Слухи о войне с Демархистами дошли и до корабля. Часть экипажа настаивала на возвращении. Они чувствовали: пора доставить собранные сведения домой. Расстояние было слишком велико, чтобы передавать информацию через пространство.

Расставание прошло без эксцессов. Было сожаление, была печаль — но чувства разобщенности не возникло. После диспутов, без которых Объединившиеся не принимали ни одного решения, наиболее логичным шагом было признано разделение группы. Это позволяло двум кораблям продолжить экспедицию, а третьему — вернуться домой с уже накопленными знаниями. Но Скейд не знала, кто именно решил остаться в глубоком космосе и, соответственно, не могла знать, что произошло после этого. Точно также она могла лишь догадываться об изменениях в составе экипажей двух оставшихся кораблей. Несомненно, запертый в доке звездолет принадлежал Галиане. Но это отнюдь не означало, что его хозяйка находится на борту. И Скейд приготовилась пережить разочарование, если эта догадка подтвердится.

Более того, это разочарование пережило бы все Гнездо. В конце концов, Галиана была их номинальной главой. Эта женщина создала Конджойнеров как таковых — четыре века назад, в одиннадцать световых годах отсюда, среди лабиринта подземных лабораторий Марса. Она отсутствовала почти два столетия — достаточно, чтобы стать живой легендой; правда, сама Галиана упорно сопротивлялась этому, пока находилась среди них. И вот она вернулась... если догадка Скейд верна, и она действительно на борту. И не имеет значения, что Галиана, возможно, мертва, как и многие другие. Достаточно того, что домой вернулись ее останки.

Но Скейд нашла нечто большее, чем останки.

Место упокоения Галианы — если можно так выразиться — находилось довольно далеко от центральной части корабля. Она надежно укрылась от всех и вся за прочной баррикадой из листовой брони. Тщательное обследование показало, что все каналы передачи данных между ней и кораблем были целенаправленно отрезаны, причем изнутри. Несомненно, Галиана пыталась полностью изолировать свое сознание от всех Объединившихся, кто еще оставался на борту.

Самопожертвование или самосохранение?

Галиана находилась в состоянии «холодного сна». Ее тело было охлаждено до температуры, при которой замирают все жизненные

процессы. Но черные машины все равно добрались до нее. Они прогрызли броню криогенного саркофага и втиснулись в тесное пространство между телом Галианы и стенками саркофага. Понятно, что от самой камеры мало что осталось, и теперь Галиана покоилась в непроницаемо-черной оболочке, напоминающей затвердевшие погребальные пелены египетских мумий. В том, что это Галиана, можно было не сомневаться: сканеры проникли сквозь кокон и взяли образцы костных тканей. Структура ДНК опознавалась с легкостью. Также почти не приходилось сомневаться, что за время перелета тело не было повреждено и подверглось разложению. Сенсоры даже уловили едва заметные сигналы из «паутины» имплантантов — слишком слабые, чтобы установить связь между сознаниями. Но становилось ясно: тот, кто находился внутри саркофага, жив и способен мыслить, а значит, до него можно дотянуться.

Для начала следовало заняться коконом. Химический анализ ничего не дал. Кубики были сделаны непонятно из чего — у этого вещества не было даже подобия атомной решетки. Их грани сохраняли форму за счет силового поля и напоминали глухие стенки — правда, прозрачные для некоторых форм излучения — и были очень холодными. Подобный принцип не использовался ни одним из известных видов машин. Кубики легко отделялись от основной массы, но тут же быстро уменьшались, тая до микроскопических размеров. Помощники Скейд пытались просканировать их, надеясь понять хоть что-то из того, что происходит внутри, но всякий раз действовали недостаточно быстро: от кубика оставались лишь несколько микрограмм чуть теплого пепла. Похоже, внутри находился какой-то механизм саморазрушения, который запускался в определенной ситуации.

Отодвинув основную часть бронированных щитов, команда Скейд немедленно перенесла Галиану в специально оборудованную камеру, которая гнездилась на одной из стен огромного космического дока. Они по-прежнему работали в экстремальных температурных условиях, чтобы не причинить телу еще больший вред, чем уже был причинен. Очень бережно и аккуратно они начали удалять последние слои чужих механизмов.

Наконец, когда не осталось почти ничего, препятствующего осмотру, стало более или менее ясно, что произошло с Галианой. Черные машины сумели забраться ей в голову, но по сравнению с остальными членами команды последствия были минимальны. Некоторые из имплантантов Галианы разрушились, уступая место «щупальцам», но сомневаться не приходилось: ни одна из базовых структур мозга не пострадала. Скейд не могла отделаться от впечатления, что «кубы» тренировались на

корабельной команде, прежде чем взяться за Галиану — когда окончательно выяснили, как проникать в мозг без последствий для человека.

Она ощутила прилив оптимизма.

Черная структура казалась монолитной и неподвижной. При правильном подходе это будет вполне возможно — даже несложно: удалить эти кубики, один за другим.

«Мы можем сделать это. Мы вернем ее такой, вернем прежней».

(Будь осторожна, Скейд. Ты еще не дома, так что не расслабляйся.)

Ночной Совет не зря настаивал на осторожности. Команда Скейд приступила к удалению последнего слоя «кубиков». Сначала — ступни. Кожа оказалась почти нетронутой, что радовало. Работа продолжалась, и вскоре тело было очищено до самой шеи. Казалось, еще немного, и температуру тела можно будет поднять до естественной — даже если процедура окажется более сложной, чем обычное «отогревание». Но, когда техники начали очищать лицо Галианы, стало ясно: до завершения работы еще очень далеко.

Кубики неожиданно зашевелились, заскользили, перекатываясь друг через друга. В этих волнообразных конвульсиях было что-то тошнотворное. Остатки кокона просачивались в Галиану, словно ожившая нефтяная пленка. Черная масса всасывала сама себя через ее рот, нос, уши и глазницы, огибая глазные яблоки.

Галиана оказалась в точности такой, как ожидала Скейд: ослепительно прекрасная королева, вернувшаяся домой. Даже ее длинные смоляные волосы сохранились — хрупкие, смерзшиеся, но совсем такие, как в тот день, когда она покидала Материнское Гнездо. Но сейчас в голове у этой женщины сидела черная масса микромашин, пополняя объем естественных и искусственных образований. Сканер регистрировал небольшие смещения биологических тканей. Куда хуже пришлось сети имплантантов: часть ее просто разрушилась, уступив место инородным включениям. Черный паразит напоминал по форме краба, который вцепился своими многочисленными клешнями в разные зоны мозга.

Медленно, в течение многих дней, команда Скейд «отогревала» Галиану. Теперь температура тела была лишь ненамного ниже естественной. Все это время за паразитом велось наблюдение. Уцелевшие имплантанты «оттаивали» и заново подключались к оживающим мозговым тканям, но черная масса выглядела по-прежнему.

Так что же получается, несмело подумала Скейд — они все еще могут победить?

Как оказалось, это было не слишком далеко от истины.

Она услышала голос. Человеческий голос... женский, странным образом лишенный тембра — наверно, так должен звучать голос божества. Обычно голос рождался прямо у нее в голове. Но это был голос, который сформировался в человеческой гортани, миновал несколько метров пространства, заполненного воздухом, и наконец был принят и расшифрован человеческими органами слуха — вместе со всеми едва уловимыми искажениями, которыми обзавелся по дороге. Это был звук, которого она очень давно не слышала.

— Здравствуй, Галиана, — произнес голос.

«Где я?»

Ответа не последовало. Несколько мгновений спустя голос мягко добавил:

— Скоро ты тоже будешь разговаривать, если сможешь. Все, что нужно — испытать желание сформировать звук. Все остальное сделает трал: поймает сигнал и пошлет нервные импульсы в твою гортань. Боюсь, мысленного ответа будет недостаточно: между моим и твоим сознанием нет прямой связи.

Кажется, слова появились спустя целую вечность. После веков, которые она пользовалась нейронной сетью, разговорный язык звучал непривычно медленно и ровно, хотя грамматика и синтаксис были ей знакомы.

Она сделала попытку заговорить и услышала собственный голос, усиленный и звенящий:

— Почему?

— Мы еще об этом поговорим.

— Где я? Кто вы?

— Меня зовут Скейд. Ты цела и невредима. Ты вернулась домой, в Материнское Гнездо. Мы нашли твой корабль и «отогрели» тебя.

До сих пор Галиана различала лишь неясные тени вокруг себя, но теперь помещение как будто осветилось. Она лежала на спине почти горизонтально, под небольшим углом, в ящике, очень похожем на саркофаг для «холодного сна», только открытым — так что, несомненно, дышала воздухом. Боковое зрение уже восстановилось, но она не могла шевельнуть ни одним мускулом, даже посмотреть вбок. Потом в фокусе зрения появилась неясная фигура и склонилась над ней.

— Скейд? Я не помню тебя.

— Разумеется, — ответила незнакомка. — Я присоединилась после того, как ты улетела.

Вопросов были тысячи, и все требовали ответа. Произнести их разом она не могла — прежде всего потому, что приходилось общаться этим неуклюжим допотопным способом. Тем не менее, с чего-то надо было начинать

— Как долго меня здесь не было?

— Сто девяносто лет, месяц в месяц. Ты покинула нас в...

— В 2415 году, — быстро перебила Галиана.

— Да, а сейчас 2605-й.

Многое Галиана помнила смутно... и многое, пожалуй, предпочла бы не помнить вообще. Но самое необходимое сохранилось в памяти. Она покинула Материнское Гнездо и вела три космических корабля вглубь космоса. Задача состояла в том, чтобы проникнуть за границы пространства, изученного и обжитого человеком, исследовать миры, которые он еще не посещал, обнаружить иные формы жизни. Когда слухи о войне дошли до экспедиции, один из кораблей отправился в обратный путь. Но другие два продолжали миссию, петляя среди планетных систем.

При всем желании Галиана так и не смогла вспомнить, что случилось со вторым кораблем, который вел поиски. Она ощущала лишь потрясение от потери и глухую пустоту в голове — пустоту, которую должны были заполнять голоса.

— А моя команда?

— Поговорим об этом позже, — тихо произнесла Скейд.

— А Клавейн и Фелка? Хотя бы они вернулись? Мы расстались в глубоком космосе; предполагалось, что они направятся в Материнское Гнездо.

Пауза была ужасной — просто ужасной. Потом Скейд ответила:

— Они вернулись.

Галиана вздохнула — вернее, вздохнула бы, если бы могла. Чувство облегчения было потрясающим. Она и представить себе не могла, в каком напряжении пребывала до сих пор, пока не узнала, что люди, которых она так любила, в безопасности.

В течение нескольких мгновений блаженного покоя Галиана разглядывала Скейд. Кое в чем та походила на Конджойнеров времен Галианы. Одета очень просто: брюки вроде пижамных и свободная блуза из материала, похожего на черный шелк — ни узоров, ни знаков отличия. Аскетическая худоба и бледность — словно эта Скейд долго находилась на грани голодной смерти. Гладкое лицо кажется восковым... Нельзя сказать, что в этом было что-то отталкивающее, но на нем не было тех линий и морщинок, которые создает обычная смена выражений. Полное отсутствие

волос или чего-либо подобного на голове и на лице делало ее похожей на недоделанную куклу. Но такими были тысячи других Объединившихся — связь между сознаниями накладывала свой отпечаток. Если бы не сгусток ментальных проекций, которые создают индивидуальность, их вообще было бы трудно различить.

Но она никогда не видела, чтобы у кого-нибудь из Конджойнеров был гребень. Узкий костяной гребень, который начинался примерно в дюйме от переносицы и, выгибаясь, проходил по всей голове. Да, несомненно, это была кость. Но по его бокам струились очень красивые вертикальные полосы. Они переливались каскадами радужных полутонов, точно дифракционная картинка, от сверкающе-оранжевого до цвета электрик, стоило Скейд немного повернуть голову. Однако этим дело не ограничивалось. Галиана обнаружила, что разноцветные волны пробегают по гребню, даже когда женщина не двигается.

— Ты всегда была такой? — спросила она.

Скейд нежно дотронулась до гребня.

— Нет, Галиана. Это Конджойнерская огментация. ^[4] Многое изменилось с тех пор, как вы покинули Материнское Гнездо. Лучшие из нас думают быстрее, чем ты можешь себе представить.

— *Лучшие из вас ?*

— Я не совсем точно выразилась... Просто некоторые из нас поняли, что возможности человеческого тела ограничены. Мы вживляем себе имплантанты, которые позволяют думать в десять, а то и в пятнадцать раз быстрее, причем постоянно. Но эта система нуждается в охлаждении. Моя кровь проходит через гребень, через сеть внутренних каналов, в которых отдает тепло. Сеть устроена таким образом, что площадь охлаждения получается весьма приличной. Кроме того, они колышутся — так создается циркуляция воздуха. Выглядит красиво, хотя это не самое главное. Кстати, позаимствовано у динозавров. Получается, они были не такими глупыми, как считалось, — Скейд снова коснулась гребня. — Это не должно тебя пугать, Галиана. Здесь не все изменилось.

— Говорят, у вас была война, — проговорила Галиана, — Мы были на расстоянии пятнадцати световых лет отсюда, когда получили сообщение. Конечно, сначала — Эпидемия, а затем война. Чушь какая-то... там говорилось, что мы воюем с Демархистами, нашими старыми союзниками.

— Это правда, — печально ответила Скейд.

— Но, во имя всего святого! Из-за чего?

— Из-за Эпидемии. Она выкосила ряды Демархистов, и на Йеллоустоуне образовался, что называется, вакуум власти. По их просьбе

мы организовали временное правительство в Городе Бездны и его сателлитах. Они понимали: лучше мы, чем какая-нибудь другая фракция. Представляешь, что могли наворотить ультра или скайджеки? Это правительство работало в течение нескольких лет. Но потом Демархисты начали восстанавливать силы. Им не понравился способ, которым мы достигли контроля над системой, к тому же они не были готовы к переговорам о мирном возвращении власти. В итоге между нами началась война. Вернее, это Демархисты начали ее, и все об этом знают.

Галиана почувствовала, как воодушевление тает. А ведь она надеялась, что разговоры о войне окажутся раздутыми слухами!

— Но мы, как я понимаю, победили, — проговорила она.

— Нет. Пока еще нет. Понимаешь, война до сих пор продолжается.

— И это длится...

Скейд кивнула.

— Пятьдесят четыре года. Конечно, были перерывы и затишья, боевые действия прекращались, наступало перемирие. Но ненадолго. Старый идеологический раскол открывался снова и снова, как незажившая рана. Положа руку на сердце, Демархисты никогда нам не доверяли. А мы считали их реакционерами, вроде лудитов ^[5], которые не желают понять, что человечество вышло на новый уровень эволюции.

Внезапно, впервые с момента пробуждения, Галиана ощутила странное давление в голове, за глазами яблоками. Вместе с болью поднялся целый шквал переживаний, которые вырывались наружу из древней части ее биологического мозга. Это был страх животного, которую преследуют невидимые хищники. Которое чувствует, как стая постепенно сокращает разрыв.

Машины, заговорила память. Машины, похожие на волков, которые пришли из межзвездного пространства и набросились на твоих измученных людей — тех, ты любишь всем сердцем.

Ты назвала их Волками, Галиана.

Их.

Нас .

Странное чувство длилось лишь несколько мгновений.

— Но мы работали вместе, — произнесла Галиана, — И так долго... Я уверена, мы снова можем найти общий язык. Есть вещи, о которых действительно стоит беспокоиться — вместо того, чтобы устраивать мелкие склоки из-за власти в одной-единственной системе.

Скейд покачала головой.

— Боюсь, уже поздно. Слишком много смертей, слишком много

невыполненных обещаний, слишком много жестокости. Конфликт распространился на другие системы — повсюду, где есть Конджойнеры и Демархисты, — она улыбнулась, но улыбка получилась вымученной; казалось, ее мышцы только ждали возможности, чтобы снова расслабиться, вернув лицу бесстрастное выражение. — На самом деле, не все так ужасно, как тебе кажется. Мы медленно, но верно движемся к победе. Двадцать два года назад вернулся Клавейн, и ситуация сразу изменилась. До этого мы постоянно проигрывали. Мы попадали в одни и те же ловушки: наш коллективный разум заставлял нас действовать одинаково, и наши действия было легко предсказать. Но Клавейн вывел нас из этого тупика.

Галиана попыталась вытеснить из головы воспоминания о волках — или воспоминания волков?.. Она мысленно вернулась в то время, когда впервые встретила Клавейна. Это произошло на Марсе. Тогда он был солдатом Коалиции Странников Чистоты Нервной Системы и находился по другую сторону баррикад. Коалиция выступала против экспериментов по расширению сознания с помощью электроники, которые проводила Галиана, и считала уничтожение Объединившихся единственным удовлетворительным решением проблемы.

Но Клавейн видел нечто большее. Прежде всего, еще будучи в пленнике Галианы, он заставил ее увидеть, насколько ужасными выглядели ее эксперименты в глазах остальных фракций. До сих пор она действительно не понимала этого, и Клавейн терпеливо объяснял ей, месяц за месяцем. Позже его освободили. И когда начались переговоры о прекращении боевых действий, никто иной, как Клавейн привлек переговорам Демархистов — третью сторону, которая до сих пор сохраняла нейтралитет. Демархисты составили текст договора, и Клавейн давил на Галиану до тех пор, пока она не подписала этот документ. Поистине мастерский ход! Это соглашение скрепило союз между Демархистами и Конджойнерами — союз, который длился веками, в то время как Коалиция Странников Чистоты Нервной системы даже не заслужила упоминания в истории. Конджойнеры продолжили свои эксперименты, которые были встречены союзниками терпимо и даже с одобрением, поскольку Объединившиеся не посягали на другие культуры. К тому же Демархисты нашли применение новым технологиям, продавая их другим фракциям.

В итоге все были счастливы.

Но Скейд права: союз — нелегкое дело. И рано или поздно война начнется снова, как только случится что-нибудь вроде Комбинированной Эпидемии.

Но пятьдесят четыре года! Клавейн не смирился бы с этим, подумала

Галиана. Он бы понял, чего будет стоить людям эта война. Он бы нашел способ покончить с ней раз и навсегда — или, по крайней мере, поддерживать постоянное перемирие.

В голове по-прежнему что-то давило. Это напоминало мигрень. Теперь боль усилилась. И еще: такое ощущение, словно что-то поселилось у нее в голове и смотрит оттуда ее глазами.

Мы не спеша приближались к паре твоих кораблей. Мы — древняя раса убийц, которая не помнит поражений. Ты чувствуешь наши умы, безжизненные, опасно балансирующие на грани разумного, старые и холодные, как межзвездная пыль.

Ты чувствуешь наш голод.

— Но Клавейн... — начала Галиана.

— Что Клавейн?

— Он бы нашел способ прекратить войну. Почему он до сих пор этого не сделал?

Скейд отвернулась. Теперь ее гребень напоминал узкую вершину горного хребта, острую, как лезвие. Когда голова Объединившейся приняла прежнее положение, на ее лице отражалась целая гамма чувств.

Ты видела нас, когда мы захватили ваш первый корабль — те назойливые черные машинки, которые облепили его со всех сторон. Они просто изгрызли его. Ты видела взрыв, который отпечатался в сетчатке твоих глаз розовым пятном, похожим лебедя. Тогда ты почувствовала, как из сети, соединяющей ваши сознания, вырвали кусок. Ты словно почувствовала, что потеряла тысячи твоих детей.

Ты пыталась уйти, но было слишком поздно.

Настигнув твой корабль, мы стали осторожнее.

— Не все так просто, Галиана.

— Что именно?

— Насчет Клавейна.

— Ты сказала, что он вернулся.

— Да, вернулся. И Фелка тоже. Но... прости, что должна тебе об этом сказать... Их нет в живых.

Слова появлялись медленно, по одному на выдох.

— Это случилось одиннадцать лет назад. Демархистам удалось нанести удар по Гнезду... Оба погибли.

Только один ответ был оправдан — отрицание.

— Нет!

— Мне жаль. Я была бы рада сказать что-нибудь другое... — гребень Скейд вспыхнул ультрамарином. — Я была бы рада, если бы этого никогда

не произошло. Они были бесценным достоянием...

— Достоянием?!

Похоже, Скейд почувствовала ярость Галианы.

— Я имела в виду... мы любили их. Мы оплакиваем их, Галиана. Все без исключения.

— Покажи. Открой свое сознание, сними барьеры. Я хочу заглянуть в него.

Скейд застыла у края саркофага.

— Зачем?

— Потому что так надо. Пока я этого не сделала, я не пойму, говоришь ли ты правду.

— Я не лгу, — мягко сказала Скейд, — Но не могу позволить нашим сознаниям общаться. Понимаешь, у тебя в голове сидит что-то чужеродное. Пока мы пока не знаем, что это такое. Но оно может оказаться враждебным.

— Я не верю...

И тут изнутри на глаза надавило почти нестерпимо. Галиана пережила отвратительное чувство — словно нечто оттолкнуло ее, схватило и втиснуло в какой-то тесный уголок ее собственного черепа. Что-то невыразимо злое и древнее захватило власть в ее голове, глядело из ее глазниц.

— *Вы имеете в виду меня?* — Галиана услышала собственный голос.

Скейд, казалось, лишь сделала полшага назад, очень мягко и незаметно. Галиана была в восхищении: эта женщина проявляла изумительную выдержку.

— Возможно. Кто вы на самом деле?

— У меня нет имени, кроме того, что дала мне она.

— Она? — переспросила Скейд. В ее голосе звучало лишь спокойствие и легкое удивление, но гребень нервно вспыхнул бледной зеленью — признак нешуточного ужаса.

— Галиана, — ответило существо. — Прежде чем мы захватили ее, она назвала нас — наш разум — Волками. Мы настигли ее корабль, проникли в него, после того как уничтожили второй. Сначала мы мало что понимали. Но потом мы вскрыли их черепа и поглотили их центральную нервную систему. И узнали гораздо больше. Как они думают, как общаются, что сделали со своим сознанием.

Галиана попыталась пошевелиться, хотя Скейд держала ее в парализованном состоянии. Она попыталась закричать. Однако Волк — весьма подходящее название — полностью контролировал ее голосовые связки.

Все стало по-прежнему.

— Почему вы не убили ее? — спросила Скейд.

— Неправильно! — проворчал Волк. — Вопрос надо ставить по-другому. Почему она не убила себя, прежде чем все это случилось? Ты же знаешь, Галиана могла уничтожить корабль со всеми, кто там находился. Ей стоило только захотеть.

— Ладно... Почему она так не поступила?

— Мы пришли к соглашению, после того как убили команду и оставили только ее. Она не совершает самоубийство, а мы позволяем ей вернуться домой. Ты знаешь, что это значит. Мы вошли в ее череп и исследовали ее воспоминания.

— Почему именно Галиана?

— Она была королевой вашего роя. Мы прочитали память каждого члена экипажа и поняли, что она единственная, кто именно нам нужен.

Скейд молчала. Аквамариновые и нефритовые волны наперегонки пробегали по ее гребню от бровей до затылка.

— Она бы никогда так не рискнула привести вас сюда.

— Она рискнула. Она думала, что сможет предупредить вас заранее, и эта выгода перевесит риск. Видишь, как удобно. Галиана дала нам время узнать много нового. И надежду на то, что мы узнаем еще больше. Что мы и сделали.

Скейд коснулась верхней губы, потом вытянула палец вперед, словно хотела определить направление ветра.

— Если ваш уровень развития настолько превосходит наш — почему вы не пришли сюда сами? Вы же узнали, где мы обитаем.

— Хороший вопрос, Скейд. Кое в чем ты права. Но мы не знали, куда именно Галиана нас приведет. Мы не могли передать эти знания своим собратьям. Но это неважно. Ваша цивилизация осваивает космос. Вас раздрают раздоры. Но для наших планов это тоже не важно. Из воспоминаний — тех, что мы впитали, и тех, в которые сейчас погружены — мы узнали ваше примерное месторасположение в космосе. Вы расширяете сферу своего обитания, и площадь ее поверхности увеличивается в геометрической прогрессии. И с такой же скоростью увеличивается вероятность нашего столкновения. Это уже произошло и может произойти снова, в любой точке пространства, где наши сферы обитания соприкоснутся.

— Зачем вы мне это говорите? — спросила Скейд.

— Чтобы напугать тебя, зачем же еще?

Но Скейд была слишком умна, чтобы испугаться.

— Нет. Вам нужно кое-что другое. Вы хотите заставить меня думать, что вы можете быть нам полезны, верно?

— И каким образом?

В голосе Волка появились мурлыкающие нотки — он забавлялся.

— Я могла бы вас убить, здесь и сейчас. В конце концов, предупреждение уже получено.

Если бы Галиана могла пошевелиться или хотя бы моргнуть, подать хоть какой-нибудь знак! Да, да! Она хотела умереть. Жить больше незачем. Клавейна не стало. Фелки не стало. Она была в этом уверена — как была уверена в том, что при всей своей изобретательности Объединившимся не освободить ее от этой мерзости, засевшей у нее в голове.

Скейд права. Галиана исполнила свой последний долг перед Материнским Гнездом. Теперь Объединившиеся знают о существовании Волков, что они, по всей вероятности, подкрадываются все ближе, идут на запах человеческой крови.

Оставлять Галиану в живых хотя бы минуту — бессмысленно. Волк только и ждет случая, чтобы покинуть ее мозг, и неважно, насколько бдительна будет Скейд. Материнскому Гнезду придется кое-чему у него научиться — использовать минимальный шанс, играя на желаниях или слабости чудовища, бегство которого должно иметь самые ужасные последствия.

Галиана знала это. Волк получил доступ к ее памяти — но и она произвела слабое и, возможно, намеренное заражение его сознания и теперь могла прикоснуться к его прошлому. Ничего конкретного. Эти образы почти не поддавались словесному описанию. Угадывался лишь общий смысл: список уничтоженных мыслящих видов длиной в вечность, летопись ксеноцида, который производился с точностью хирургической операции. Эти воспоминания с мрачной бюрократической аккуратностью сохранялись на протяжении сотни миллионов галактических лет. [6] И каждый случай гибели — просто строка в списке, не больше. Она чувствовала, что время от времени это уничтожение превращалось в бешеную бойню — выбраковка началась слишком поздно. Однажды она ощутила нечто необычное: грубое сожаление, когда сделанный ранее выбор оказался удовлетворительным.

Не было лишь одного: чувства, которое возникает у потерпевших поражение.

И вдруг, с шокирующей внезапностью, Волк выпустил ее. Он позволил ей говорить.

— Скейд, — проговорила Галиана.

— Что такое?

— Убей меня. Пожалуйста, прямо сейчас.

Глава 1

Антуанетта Бакс наблюдала за представителем полиции, который появился в шлюзе. Робот целиком состоял из черных бронированных плоскостей с подчеркнута острыми краями и напоминал абстрактную скульптуру, сооруженную из большого количества разобранных ножиц. От представителя полиции исходил смертельный холод — он прибыл сюда на одном из трех открытых куттеров, которые сейчас прицепились к кораблю Антуанетты. Иней цвета детской неожиданности, образованный замерзшими частичками ракетного топлива, оседал на черной броне, украшая ее очаровательными завитушками и спиральками.

— Отойдите, пожалуйста, — предупредил робот. — Физический контакт нежелателен.

Понятно. Пары топлива токсичны. Пропуская представителя полиции, Антуанетта опустила щиток гермошлема.

— Не представляю, что вы надеетесь обнаружить, — проговорила она, следуя за ним на безопасном расстоянии.

— И я не представляю, пока не обнаружу.

Он уже настроился на частоту радиопередатчика ее скафандра!

— Эй, посмотрите внимательно. Я не промышляю контрабандой. Мне слишком дорога жизнь.

— Все они так говорят.

— И зачем мне, по-вашему, везти в хоспис Айдлвилд контрабанду? Там обитают богомольные чудики, которые помешаны на аскетизме, а не маньяки-контрабандисты.

— Вы так много знаете о контрабандистах?

— Я никогда не говорила...

— И даже не думали. Дело в том, что идет война, мисс Бакс. Должен сказать, мы ни для кого не делаем никаких исключений.

Представитель полиции умолк и изогнулся. Со всех сочленений посыпались крупные хлопья желтоватого льда. Тело представителя полиции напоминало черное яйцо с множеством конечностей, манипуляторов и оружия, расположенных по экватору. Он был слишком мал, чтобы внутри мог помещаться оператор — да и не был для этого предназначен. Зато для электроники, которая позволяла поддерживать связь с пилотом, места хватало. Сам пилот сейчас находился снаружи, в одном из трех куттеров, лишенный всех ненужных органов и погруженный в

канистру, снабженную системой жизнеобеспечения.

— Если хотите, можете связаться с хосписом, — предложила Антуанетта.

— Мы уже отправили запрос. Но в подобных ситуациях кое-кто хотел бы быть абсолютно уверенным, что груз на борту. Вы согласны?

— Я соглашусь с чем угодно, только бы вы покинули мой корабль.

— М-м-м. А почему вы так торопитесь?

— Потому что у меня слякоть... извините, замороженный пассажир. И кое-кому очень не понравится, если он растает.

— Я очень хочу взглянуть на вашего пассажира. Это возможно?

— Вам трудно отказать, не так ли?

Чего-то подобного она ожидала, поэтому и надела вакуумный скафандр еще до появления представителя.

— Хорошо. Это займет не больше минуты, а затем вы сможете продолжать путь, — робот выдержал паузу. — Конечно, при условии, что других нарушений не будет.

— Сюда, пожалуйста.

Антуанетта обернулась и нажала большим пальцем на панель, открывая потайной вход в лаз, ведущий в главный грузовой отсек «Штормовой Птицы». Пропуская представителя полиции вперед, она твердо решила, что будет говорить добровольно, но мало что скажет — если вообще станет что-нибудь рассказывать. Возможно, она покажется убийственно упрямой, но если слишком активно делиться информацией, это будет выглядеть еще более подозрительно. Милиция Феррисвильского Конвента не пользовалась популярностью, особенно с тех пор, как начала заниматься гражданскими делами.

— А у вас неплохой корабль, Антуанетта.

— Для вас я мисс Бакс. Не припомню, чтобы мы называли друг друга по имени.

— Хорошо, мисс Бакс. Но мое мнение таково: ваш корабль внешне кажется неприметным. При этом он, судя по всему, в прекрасном состоянии и пригоден для межзвездных перелетов. Корабль с такими данными можно было бы выгодно использовать для совершенно легальных торговых рейсов даже в эти смутные времена.

— И тогда у меня не было бы повода заниматься контрабандой, так?

— Нет, но меня удивляет, что вы отказываетесь от своей выгоды и служите на побегушках в хосписе. Конечно, Орден Ледяных Нищенствующих — влиятельная организация, но не настолько... — представитель выдержал выразительную паузу. — Признайтесь, это

наводит на размышления. Обычно спящих везут в Айлдвилд по другому маршруту, а по этому люди покидают хоспис. Перевозка замороженного тела в окрестностях Айлдвилда — само по себе странное явление: большинство «отогревается» еще до того, как покинуть хоспис.

— Задавать вопросы не входит в мои обязанности.

— Понимаю. Зато в мои, до некоторой степени — входит. Мы уже добрались?

В настоящий момент в грузовом отсеке не было воздуха, и им пришлось пройти туда через шлюз. Антуанетта включила свет. Ничего похожего на груз — зато огромное помещение было забито стеллажами — трехмерными рамами, на которых обычно помещались грузовые поддоны и контейнеры-«стручки». Антуанетта протискивалась сквозь эту кристаллическую решетку, а впереди двигался представитель полиции, цепляясь за перекладины и стойки на манер тарантула.

— Однако вы не обманули. Вы действительно летите порожняком. Здесь нет ни одного контейнера.

— Это не преступление.

— Я такого и не говорил. Однако это очень странно. Похоже, Нищенствующие неплохо вам заплатили, раз вы позволили себе такой рейс.

— Правила устанавливают они, а не я.

— Чем дальше, тем интереснее.

Конечно, полицейский прав. Каждому известно: в хосписе заботятся обо всех спящих, которых выгружают с прибывших звездолетов. В том числе о малоимущих, раненых, временно потерявших память. Нищенствующие «отогревали» их, оказывали медицинскую помощь и проводили реабилитацию, присматривали за ними — пока состояние не позволяло путешественникам покинуть хоспис. В крайнем случае, у спящих в минимальном объеме восстанавливались функции организма и психики. Некоторые из тех, у кому так не вернулась память, оставались в хосписе и после определенной подготовки вступали в Орден. Но прием спящих с борта звездолетов никогда не превращался в рутинную операцию.

— Ну хорошо, — проговорила Антуанетта, — Они сообщили мне, что произошла ошибка. Путаница в документах в процессе выгрузки. В общем, одного из спящих вместо другого доставили в хоспис и начали обследовать, но еще не «отогрели», хотя его следовало переправить в замороженном состоянии в Город Бездны и «отогреть» там.

— Странно, — прокомментировал представитель полиции.

— Похоже, парень не любил космические путешествия. Да... такая пурга поднялась! Когда они забили тревогу, спящий был уже на полпути к

Йеллоустоуну. В общем, бардак... Хоспис вознамерился вернуть все на свои места, пока ситуация не стала еще хуже. Они наняли меня. Я обнаружила парня у Ржавого Обода... и теперь тороплюсь вернуться в Айлдвильд.

— Но к чему такая спешка? Если тело заморожено, можно не сомневаться...

— Его саркофагу место только в музее. К тому же последнее время его явно и бросали, и кантовали. Плюс ко всему, семьи начали задавать каверзные вопросы. Чем быстрее этих замороженных кукол поменяют местами, тем лучше.

— Как я понял, Нищенствующие желают сохранить происшествие в тайне. До сих пор у хосписа была безупречная репутация, и если что-то выплывет наружу...

— Ага.

Антуанетта позволила себе чуть-чуть расслабиться. Ситуация скользкая, но можно убедить полицию немного сбавить обороты.

— Теперь, когда картина в общем ясна... Как насчет того, чтобы меня отпустить? Вы же не хотите сказать, что вам плевать на Хоспис?

— Конечно, нет. Но после того как мы проделали такой путь, будет стыдно не взглянуть на пассажира. Вы не находите?

— О да, — с чувством произнесла Антуанетта. — Вне всякого сомнения!

Они подошли к саркофагу. Это была обычная, ничем не примечательная криогенная камера, установленная у дальней стенки грузового отсека — матово-серебристая, с прямоугольником из дымчатого стекла на верхней стенке — смотровым окошком. Ниже располагалась утопленная в крышку контрольная панель с кнопками, рычагами и индикаторами. Она была прикрыта таким же дымчатым экраном, за которым ползали, вспыхивая и угасая, туманные треки.

— Странное место для саркофага, — произнес представитель полиции. — Слишком близко к корме.

— А по-моему, ничего странного. Рядом с запасным выходом. Его быстро погрузили и еще быстрее выгрузят, если что.

— Звучит правдоподобно. Вы не возражаете, если я посмотрю поближе?

— На здоровье.

Робот приблизился к саркофагу примерно на метр. Несколько конечностей с сенсорами протянулись в сторону камеры и замерли, не касаясь ее. Полицейские действовали осторожно: они опасались причинить

ущерб собственности Хосписа или человеку в саркофаге.

— Вы говорили, что этот человек недавно поступил в Айдлвилд.

— Я знаю только то, что мне сообщили в хосписе.

Робот задумчиво постучал по крышке одной из конечностей.

— Странно. За последнее время сюда не прибыло ни одного крупного судна. Сообщения о войне уже достигли самых дальних систем, и сейчас Йеллоустоун уже не столь притягателен, как прежде.

Антуанетта пожала плечами.

— Если это вас так волнует, свяжитесь с хосписом. У меня на борту «слякоть», и они хотят ее получить ее обратно. Это все, что мне известно.

Робот задумчиво поводил конечностью в миллиметре от окошка. Судя по всему, манипулятор был снабжен видеокамерой.

— Так... это определенно человек, — произнес он с таким видом, как будто сообщал Антуанетте очень важную новость, — к тому же... в состоянии глубокой криогенной заморозки. Не возражаете, если я открою панель и ознакомлюсь с показаниями приборов? Если есть какая-то проблема, я, возможно, смогу вызвать эскорт, который вдвое быстрее доставит вас в хоспис...

Прежде чем она успела придумать благовидную причину для отказа, представитель полиции уже откинул дымчатое стекло с панели, усеянной кнопками, датчикам и маленькими дисплеями. Робот оперся на крышку и принялся водить черным сканирующим глазком взад и вперед по дисплею.

Антуанетта наблюдала за этим и чувствовала, что покрывается холодным потом. Показания приборов выглядели вполне убедительно. Но тот, кто достаточно хорошо разбирается в технологиях «холодного сна», сразу заподозрит неладное. Во всяком случае, когда со спящим все в порядке, приборы так себя не ведут. И если подозрения возникнут, будет достаточно уделить чуть больше внимания некоторым скрытым показателям — и правда станет очевидной.

Представитель полиции скрупулезно считывал информацию, затем выпрямился. Похоже, результаты осмотра его удовлетворили. Антуанетта на миг закрыла глаза — и тут же пожалела об этом.

Треклятая машина снова тянула свои лапы к панели. На этот раз конечность была снабжена изящным манипулятором.

— На вашем месте я бы не трогала...

Но он уже вводил команду. По дисплеям зазмеились голубые, как молнии, кривые диаграмм.

— Так быть не должно, — сказал представитель полиции.

— Что?

— Как будто спящий уже мер...

— Прошу прощения, Маленькая Мисс! — прогремел незнакомый голос.

Антуанетта чуть слышно выругалась. Сто раз говорила Тварю, чтобы он сидел тихо, пока она общается с полицией. Но он просто проигнорировал приказ.

— Что такое, Тварь?

— Входящее сообщение, Маленькая Мисс, адресованное лично вам. Пункт отправки — хоспис Айдлвилд.

Робот резко выпрямился.

— Что это за голос? Я думал... вы сказали, что вы одна.

— Так и есть, — отозвалась Антуанетта. — Это просто Тварь. Субличность моего корабля.

— Хорошо, тогда прикажите ему заткнуться! А сообщение из хосписа адресовано не вам. Это ответ на запрос, который я направил ранее.

— Сообщение, Маленькая Мисс? — снова прогремел бестелесный голос корабля.

Антуанетта улыбнулась

— Валяй.

Полицейский замер. В этот момент Тварь спроецировал сообщение на щиток шлема Антуанетты таким образом, что казалось, будто Нищенствующая стоит посередине грузового отсека. Скорее всего, оператор в куттере «видит» ту же картинку.

Эта Сестра Ордена Ледяных Нищенствующих принадлежала к числу Новых Достопочтенных. При виде по-настоящему старого человека Антуанетта, как всегда, испытала легкое потрясение. Пожилая дама с накрахмаленным апостольником [7] на голове, в традиционном облачении Нищенствующих, украшенном снежинками — символом Ордена. Морщинистые, покрытые вздувшимися венами руки были спокойно скрещены на груди.

— Я прошу прощения за задержку с ответом, — произнесла она. — У нас снова проблемы с сетью — думаю, вы в курсе. Теперь формальности. Меня зовут сестра Амелия, и я намерена подтвердить, что тело... индивидуум в состоянии «холодного сна»... который поручен заботам мисс Бакс, является временной и очень ценной собственностью хосписа Айдлвилд и Святого Ордена Ледяных Нищенствующих. Мисс Бакс любезно согласилась обеспечить его скорейшее возвращение...

— Но там мертвое тело, — осторожно проговорил представитель полиции.

— ...и мы будем весьма благодарны, если полиция воздержится от вмешательства. Мы уже не первый раз пользуемся услугами мисс Бакс и вполне удовлетворены тем, как она выполняет наши поручения, — Сестра улыбнулась. — Я не сомневаюсь: Феррисвильский Конвент понимает, насколько важна осторожность в подобных ситуациях... В конце концов, нам необходимо заботиться о безупречности нашей репутации.

Сообщение закончилось. Вспышка — и Сестра исчезла.

— Видите, я говорила вам только правду, — пожала плечами Антуанетта.

Робот вытянул манипулятор в ее сторону. На ее конце тускло поблескивал глазок сенсора.

— Здесь что-то не так. Согласно медицинским показателям, человек в саркофаге мертв.

— Послушайте, я же говорила, что этот старый сундук пора выбрасывать. Что-то сбоят в диагностике, вот и все. Или вы держите меня за идиотку, которая перевозит труп в криогенной камере?

— Я с вами не согласен.

— Может быть. Но вам придется со мной согласиться, правда? Слышали, что сказала почтенная Сестра? Я обеспечиваю его скорейшее возвращение. Если не ошибаюсь, она выразилась именно так. Вам не кажется, что это вполне официальная формулировка?

— Не знаю, чего вы добиваетесь, — проговорил робот. — Но, чтобы убедиться полностью, я должен осмотреть содержимое саркофага.

Девушка улыбнулась.

— Отлично. Благодарю вас, желаю приятно провести день. А теперь марш с моего корабля!

После того, как полицейские убралась, корабль лег на прежний курс. Пусть все думают, что «Штормовая Птица» в самом деле направляется в хоспис Айдлвилд. Ровно час спустя Антуанетта повернула — так резко, что корпус корабля застонал. Сколько горючего она сожгла на этом вираже, лучше было не думать. Еще час — и «Штормовая Птица», покинув Йеллоустоун и пояс его спутников, оказалась далеко за пределами территории, которая официально числилась под юрисдикцией Феррисвильского Конвента. Полиция даже не пыталась поймать ее, но это нисколько не удивило Антуанетту. Очевидно, они решили побережь топливо. К тому же на эту область пространства власть Конвента не распространялась. Более того, здесь начиналась зона боевых действий, где каждый получал неограниченные шансы и тысячу способов закончить свое

существование. Одним словом, овчинка не стоила выделки.

Окрыленная, Антуанетта составила сообщение с благодарностью, которое тайно отправила в хоспис. Она выражала признательность за их участие и пообещала оказать ответную услугу, если Айдлвилду понадобится помощь — в подобных ситуациях ее отец всегда поступал именно так.

От сестры Амелии пришел ответ.

«Бог вам в помощь и удачи в вашем деле, Антуанетта. Джим очень гордился бы вами».

Надеюсь, она знала, подумала девушка.

Следующие десять дней прошли почти без приключений. Корабль вел себя превосходно — никаких намеков на технические неполадки, тем более на необходимость произвести ремонт. Однажды, на расстоянии предельной чувствительности радаров, появились слабые, еле заметные пятнышки — скорее всего, пара баньши ^[8]: неясные, точно иероглифы, нарисованные секретными чернилами. На всякий случай Антуанетта приготовилась припугнуть их. Однако после виртуозного маневра в ее исполнении баньши поняли, что взять на бордаж «Штормовую Птицу» будет непросто, и снова ушли в тень. Наверно, на поиски новой жертвы, которая позволит себя обчистить. Во всяком случае, Антуанетта их больше не видела.

В общем, ей даже не пришлось толком поволноваться. На корабле опять стало нечего делать. Оставалось только есть и спать; впрочем, спать Антуанетта старалась так мало, как только могла. Каждый раз ей снился один и тот же сон, что не могло не беспокоить. Раз за разом она попадала в плен к «паукам» — они похищали ее с лайнера, который носился по Ржавому Ободу от одной «карусели» к другой. Они увозили Антуанетту на одну из своих баз-комет на краю системы, раскалывали ей череп и погружали отвратительные сверкающие инструменты в серую мякоть мозга. Затем, когда Антуанетта сама почти превращалась в «паука», когда от ее собственных воспоминаний почти ничего не оставалось, а мозг был нашпигован имплантатами, которые превращали ее в часть их коллективного разума, появлялись «зомби». Точно пчелиный рой, клин их боевых звездолетов обрушивался на комету. Штопорные капсулы на огромной скорости впивались в лед, растапливая его и достигая центральных помещений, похожих на кроличий садок. Здесь из капсулы извергались толпы доблестных вояк в багровой броне. Десантники мчались по лабиринтам туннелей, отстреливая «пауков» с гуманной аккуратностью солдат, приученных не тратить даром ни одной флекетты, ни одной пули, ни одного шага во время атаки.

Симпатичный молодой «зомби» — судя по всему, новобранец — вытаскивал Антуанетту из камеры, где «пауки» проводили допросы и идеологическую обработку. Он удалял из ее мозга имплантанты, заново собирал ее череп, накладывал швы и, наконец, погружал ее в восстановительную кому — перед долгим путешествием в госпиталь для гражданских, который находился во внутренних районах системы. И пока шел процесс замораживания, держал Антуанетту за руку.

События повторялись с чертовской точностью. Похоже, «зомби» заразили Антуанетту сном-пропагандой. Несмотря на выполнение всех рекомендаций, ей так и не удавалось полностью вычиститься. По правде сказать, не очень-то и хотелось.

Однажды она получила передышку. Вместо «пауков» и «зомби» Антуанетте всю ночь снился отец. Это был печальный сон.

Она знала, что сны-пропаганда содержат массу преувеличений. Правда, дело касалось только деталей. Людям, которых угораздило стать пленниками Конджойнеров, мягко говоря, не повезло. Впрочем, Антуанетта не сомневалась: пребывание в плену у Демархистов тоже не напоминало воскресные посиделки.

Сейчас пространство, где то и дело вспыхивали сражения, оставалось в стороне, хотя формально корабль еще находился в зоне боевых действий. Антуанетта строила траекторию полета так, чтобы обогнуть основные фронты. То и дело она наблюдала яркие вспышки — на расстоянии многих светочасов отсюда шло сражение. Эти беззвучные сполохи были лишь слабым отблеском исполинских залпов, которые их породили, и Антуанетте ничего не стоило обманывать себя, воображая, будто война уже закончилась, и она летит в межпланетном пространстве по обычному маршруту. Впрочем, она была не слишком далека от истины. Нейтральные обозреватели в один голос утверждали, что война близится к концу, «зомби» теряют позиции. На протяжении последнего месяца «пауки» одерживали победу за победой и продвигались к Йеллоустоуну.

Но даже если исход уже ясен, война продолжается. Так что лучше не расслабляться, если есть желание уцелеть. Видимо, именно так надо трактовать сон-пропаганду.

Антуанетта думала об этом, приближаясь к Мандариновой Грезе — самой большой планете системы Эпсилон Эридана. Она мчалась во всю прыть, двигатели «Штормовой Птицы» работали на предельной мощности. Газовый гигант типа земного Юпитера — зловещая бледно-оранжевая масса, словно беременная гравитацией — по мере приближения превращалась из диска в шар. Вокруг нее по всем орбитам болтались

спутники-перехватчики, и три из них, немного напоминающие маяки, уже окружили ее корабль, бомбардируя эфир угрожающими посланиями.

«Это Спорное Пространство. Вы вторглись...»

— Маленькая Мисс... вы уверены? При всем уважении, следует отметить, что это неправильная траектория для постановки на орбиту.

Антуанетта скорчила гримасу — именно такой получалась улыбка на полной скорости.

— Я знаю, Тварь, но у меня на это самая веская причина. Мы не ложимся на орбиту, мы собираемся войти в атмосферу.

— В атмосферу, Маленькая Мисс?

— Именно.

Она почти услышала звук движущихся шестеренок — как будто заработала антикварная счетная машинка, которую впервые за века очистили от пыли и повернули ручку.

Субстрат, вмещающий Тваря, помещался в охлажденном цилиндре размером примерно с гермошлем. Антуанетта видела его только два раза. Оба раза это происходило при разборке носовой части корабля. Отец в бронированных перчатках извлекал субстрат из штатного хранилища, и оба смотрели на этот цилиндр почти с благоговением.

— Вы сказали — туда? — повторил Тварь.

— Я понимаю, это нельзя назвать обычным штатным маневром.

— Вы абсолютно уверены, Маленькая Мисс?

Антуанетта полезла в карман своей рубашки и достала оттуда клочок бумаги — овальный, с потрепанный и ободраный по краям, зато украшенный вычурным рисунком, который был сделан золотом и серебром. Она указала пальцем на лоскуток, словно это был могущественный талисман.

— Да, — сказала Антуанетта, — более чем когда-либо в чем-либо была уверена.

— Очень хорошо, Маленькая Мисс.

Похоже, Тварь понял, что спор ни к чему не приведет, и начал подготовку к полету в атмосфере.

Схема на командной панели позволяла видеть, как всевозможные скобы и антенны втягиваются внутрь. Это продолжалось несколько минут. Теперь корпус «Штормовой Птицы» стал выглядеть чуть более обтекаемым. Остались кое-какие выпуклости, но им ничего не сделается. А вот доковые крепления и иглы убрать невозможно, так что их, вероятней всего, оторвет в атмосфере. Ничего страшного. «Штормовая птица» переживет, если потеряет несколько перышек.

— Теперь слушай, — торопливо произнесла она. — Где-то у тебя в мозгах есть программы для входа корабля в атмосферу. Отец однажды говорил мне про них, так что не притворяйся, будто никогда о таком не слышал.

— Необходимо в срочном порядке установить необходимые компоненты.

— Хорошо.

Антуанетта почувствовала, что настроение поднимается.

— Тем не менее, можно поинтересоваться, почему вы ни разу не говорили об этом маршруте?

— Если бы ты знал о моих планах заранее, ты всю дорогу занимался бы тем, что меня отговаривал.

— Может быть.

— Не принимай так близко к сердцу. Я просто прагматик.

— Как пожелаете, Маленькая Мисс, — Тварь выдержал паузу — достаточно длинную, чтобы Антуанетта почувствовала всю тяжесть своей вины. — Программы установлены. При всем уважении к вам необходимо заметить, что последний раз они использовались шестьдесят три года назад и с тех пор профиль корпуса судна претерпел некоторые изменения, которые могут ограничить способность к...

— Отлично. Я уверена, что ты симпровизируешь.

Очень непростая задача — заставить корабль скользнуть из вакуума в атмосферу газового гиганта, хотя бы в верхние ее слои. Даже если у звездолета такая надежная броня и прекрасная аэродинамика, как у «Штормовой Птицы». В лучшем случае, такое испытание закончится серьезными повреждениями обшивки, с которыми судно все-таки сможет доползти домой, до анклавов Ржавого Обода. В худшем — ему больше никогда не выйти в открытый космос.

Ни тот, ни другой вариант Антуанетту не устраивал.

Ладно, подумала она. Одно утешает: если корабль разобьется, ей лично, по крайней мере, не придется сообщать плохую новость Ксавьеру.

Слабое утешение.

И тут из панели донесся приглушенный перезвон.

— Тварь... — сказала девушка. — Это было то, о чем я подумала?

— Весьма вероятно, Маленькая Мисс. Радарный контакт на расстоянии восемнадцати тысяч кликов. Три градуса от прямого курса, два градуса к северу от эклиптики.

— Мать твою... Ты уверен, что это не маяк или орудийная платформа?

— Объект слишком велик.

Антуанетте не потребовалось производить в уме расчеты, чтобы понять, что это значит. Там, между ее звездолетом и газовым гигантом, находится еще один корабль.

— Что ты можешь о нем сказать?

— Двигается медленно, Маленькая Мисс, курс точно в атмосферу. Скорость корабля на больше, чем у нашего — пару кликов в секунду, угол траектории вхождения немного острее, но они, судя по всему, намерены совершить тот же маневр, что и мы.

— Похоже на «зомби», ты не находишь? — живо отозвалась Антуанетта, надеясь убедить себя в обратном.

— Можно не гадать, Маленькая Мисс. Корабль только что связался с нами по «плотному лучу». Протокол послания от Демархистов, совершенно точно.

— «Плотный луч»? Какого черта?

— Предполагается, что вы это выясните.

Пользоваться «плотным лучом» для связи на небольших расстояниях — это самый настоящий выпендрег. По обычному радио связь была бы не хуже, а кораблю «зомби» не понадобилось бы наводить лазер на движущуюся цель.

— Подтверди как-нибудь, — приказала она. — Мы можем ответить им по «плотному»?

— Нет, Маленькая Мисс. Придется выдвигать устройство, которое будет очень проблематично убрать обратно.

— Выдвигай. Только не забудь потом втащить его назад.

Она услышала, как механизмы выдвинули одну из антенн в вакуум открытого космоса. Последовали частые щелчки — корабли обменивались посланиями. И вдруг перед Антуанеттой появилось лицо женщины, которая выглядела еще более усталой и изможденной, чем она сама — оказывается, такое возможно.

— Приветствую, — сказала Антуанетта. — Вы меня видите?

Женщина ответила красноречивым кивком. Ее губы были плотно сжаты, словно пытались сдержать переполняющую ее ярость, готовую вот-вот выплеснуться наружу.

— Да, я вас вижу.

— Я не ожидала, что кого-нибудь здесь встречу, — произнесла Антуанетта. — И решила, что будет неплохо ответить так же, плотным лучом.

— Вы могли не беспокоиться.

— Не беспокоиться? — эхом отозвалась Антуанетта.

— Да. После того, как ваш радар уже обнаружил нас, — женщина наклонилась, чтобы посмотреть на что-то внизу, и ее бритая голова блеснула синевой. Она выглядела немногим старше Антуанетты, но точно определить возраст «зомби» невозможно.

— Хм... и в этом вся проблема?

— Да, когда пытаешься от чего-то спрятаться. Я не знаю, зачем вы сюда прилетели и, честно говоря, меня это не волнует. Надеюсь, вы откажетесь от своих планов, что бы ни задумали. Эта планета находится в Спорном Пространстве. Так что я имею полное право взорвать вас, не дожидаясь, пока вы отреагируете.

— У меня никогда не было разногласий с зом... с Демархистами, — сказала Антуанетта.

— Рада слышать. А теперь разворачивайтесь.

Антуанетта снова бросила взгляд на клочок бумаги, который недавно достала из кармана рубахи. На нем был изображен человек в допотопном скафандре с гофрированными соединениями на локтях и коленях. Человек держал бутылку и внимательно ее разглядывал. Кольцо на его шее, где должен присоединиться шлем, напоминало разломанный эллипс из сверкающего серебра. Глядя на бутылку, в которой светилась золотистая жидкость, человек улыбался. Нет, подумала Антуанетта. Пора проявить характер.

— Я не поверну, — сказала она. — Честное слово, я не собираюсь пожить на вашей планете. Я даже близко не подлечу ни к вашим очистительным заводам, ни к чему-нибудь еще. Я даже не открою ни один всасывающий шлюз. Мне надо просто войти в атмосферу. Выйти и войти. И больше вы меня не увидите.

— Отлично, — ответила женщина. — Я очень рада. На самом деле, проблема вовсе не во мне.

— Не в вас?

— Нет, — женщина сочувственно улыбнулась. — За вами следует еще один корабль. Думаю, вы его еще не заметили.

— За нами?

Женщина кивнула.

— У вас на хвосте «пауки».

И Антуанетта поняла, что настоящие проблемы только начались.

Глава 2

Скейд как раз втиснулась между двумя округлыми черными массивами аппаратуры, когда раздался сигнал тревоги. Один из ее датчиков просигналил, что корабль занял позицию, удобную для атаки, и перешел в состояние повышенной боеготовности. Не факт, что случилось что-то серьезное, но нужно немедленно уделить этому внимание.

Скейд отключилась от аппарата. Пучок оптических волокон, который только что торчал из ее пупка, втянулся в свой кожух. Она нажала на белую панель над желудком, и все проводки сложились, образовав на ее талии аккуратную подушечку. Почти немедленно электронный накопитель начал загружать собранные данные в защищенную область долговременной памяти — собственной памяти Скейд.

Тем временем сама Скейд пробиралась по узким проходам между нагромождениями узлов установки — иногда настолько тесным, что ей приходилось изгибаться и почти ползти. Так продолжалось метров двадцать. Потом в стенке открылось круглое отверстие. Скейд наполовину высунулась в него и застыла, словно ледяная статуя. Замерли даже цветные волны на ее гребне. Наконец сеть имплантантов в ее голове определила, что в радиусе пятидесяти метров нет никого из Конджойнеров, и подтвердила, что на время присутствия Скейд система слежения в коридоре переключена в «слепой режим». Как бы то ни было, не стоит терять бдительности. Скейд пошевелилась и поглядела вверх и вниз вдоль коридора. Ее движения были утонченно спокойными и осторожными, как у кошки, которая отважилась прогуляться по незнакомой территории.

В пределах видимости никого не было.

Скейд вылезла из отверстия и подала мысленную команду, которая заставила его плотно закрыться. На поверхности стенки остался крошечный пяточок, похожий на сургучную печать. Никто, кроме Скейд, не знал, где расположены эти отверстия, и только она могла управлять ими. Даже если Клавейн обнаружит существование этой скрытой машинерии, он никогда не сможет подчинить их, а применение грубой силы запустит функцию самоуничтожения машин.

Корабль по-прежнему двигался в режиме свободного падения. Они преследовали вражеское судно и, похоже, решили подобраться поближе. Состояние невесомости вполне подходило Скейд. Она летела по коридору, отталкиваясь от стен руками и ногами — каждое движение настолько

точное и экономное, словно ее окружало персональное гравитационное поле.

(Не хочешь отчитаться, Скейд?)

Никогда не угадаешь, в какой момент Ночному Совету приспичит свалиться тебе на голову... вернее, в голову. Например, с момента последнего сеанса, который начался так же внезапно, прошло немало времени.

«Пока без неожиданностей. Мы еще не разобрались, на что способны эти устройства, но пока все работает по-прежнему — как мы и думали».

(Хорошо. Конечно, желательно провести более тщательные исследования...)

Скейд почувствовала вспышку возмущения.

«Я уже говорила. Чтобы установить, какое воздействие оказывают машины, нужны очень точные измерения. Значит, нам придется проводить секретные исследования под видом обычных военных операций».

Не сбавляя скорости, она свернула в боковой проход и влетела на мостик, а затем немного подкорректировала химический состав крови, чтобы успокоиться.

«Согласна, нужно сделать еще многое, прежде чем мы сможем оснастить флот. Но расширять программу исследований очень рискованно. О наших достижениях могут узнать слишком многие. В том числе за пределами Материнского Гнезда».

(Твоя позиция понятна, Скейд. Но нам не нужно напоминать. Прими это как данность. Удобно тебе это или нет, но дополнительные исследования состоятся. Потому что это нужно.)

Навстречу проплывал еще один Объединившийся — он направлялся в противоположный сектор корабля. Скейд коснулась его сознания и оценила общую картину недавних эмоций и переживаний. Это напоминало копанье в полужидкой глине. Ничего интересного — и ничего такого, что имело бы значение для ситуации. Под этим аморфным слоем находились более глубокие пласты памяти. Мнемонические структуры напоминали затонувшие монументы, которые уходили куда-то вниз, в непрозрачную темноту. Скейд тщательно исследовала и проверяла каждый. По-прежнему ничего ценного. И лишь на самом дне Скейд обнаружила несколько личных воспоминаний, не связанных между собой. А вот это должно быть любопытно. Во всяком случае, какая-то информация, которая должна быть для нее недоступной. На мгновение ее охватил трепет. Скейд испытала сильнейшее желание добраться до этих воспоминаний и кое-что поправить в одном или двух эпизодах — коротких, но очень ценных для этого

человека. Не стоит. Она и так узнала достаточно.

Все это время сознание Объединившегося настойчиво посылало встречные запросы. Все они возвращались, наткнувшись на запрет доступа. Скейд чувствовала, что человек заинтригован и удивлен: он не ожидал обнаружить на борту кого-то из Закрытого Совета.

Это ее позабавило. Он знает о Закрытом Совете. Возможно, у него даже есть какие-то догадки по поводу сверхсекретного ядра Совета — Внутреннего Кабинета. Но Скейд была уверена: ему в голову не приходило, что существует еще и Ночной Совет.

Объединившийся проплыл мимо, и она продолжала путь.

(Ты против, Скейд?)

«Конечно, против. Мы затеяли игру с огнем — с божественным огнем. Такие вещи не делают очертя голову».

(Волки ждать не станут.)

Скейд рассердилась. Теперь они еще и Волков помянули! Конечно, страх бывает весьма действенным средством, но... как говорилось в старой пословице, Манхэттенский Проект [\[9\]](#) не сразу строился. Или это был Рим? В общем, что-то такое на Старой Земле.

«Я помню о Волках».

(Хорошо. Мы тоже. И очень сомнительно, чтобы Волки забыли о нас.)

И она почти физически ощутила, как Ночной Совет сжался и исчез в какой-то крошечной нише, которая помещалась у нее ее голове, и которую было невозможно обнаружить. Там он будет ожидать следующего сеанса связи.

Скейд прибыла на мостик «Ночной Тени» с четким осознанием того, что ее гребень пульсирует и переливается всеми оттенками алого и розового. Мостик располагался в недрах корабля и представлял собой сферическую камеру без окон, достаточно просторную, чтобы пять-шесть Объединившихся могли разместиться с комфортом. Впрочем, сейчас в камере находились только Клавейн и Ремонтуа — они оставались здесь все время, пока Скейд отсутствовала. Оба полулежали в противоперегрузочных коконах, закрыв глаза, и работали с обширной системой сенсорного оборудования «Ночной Тени». Оба выглядели до нелепости безмятежно — возможно, из-за того, что их руки были аккуратно сложены на груди.

Скейд дождалась, пока камера поместит ее в отдельный кокон, спеленав ее тело лианами проводов и тросов, и непринужденно вошла в сознание присутствующих. Ремонтуа был открыт полностью — даже мощные барьеры вокруг информации, которая касалась Закрытого Совета, словно не скрывали ее, а просто отделяли от остальной. Это был

стеклянный город, слегка подернутый дымкой, которая немного ухудшает видимость, но в целом почти не мешает. Искусство смотреть сквозь экраны Закрытого Совета — первое, чему ее научил Ночной Совет. Навык оказался весьма полезным, особенно когда Скейд сама вошла в Закрытый Совет. Понятно, что существовали тайны, в которые были посвящены лишь немногие члены Совета — взять для начала тот же Внутренний Кабинет, — но от Скейд ничего не могло укрыться.

Наоборот, считывать сознание Клавейна было крайне сложно, что одновременно восхищало и раздражало Скейд. Ни у кого из Объединившихся не было нейроимплантантов настолько древней модификации, и он не позволял заменять их новыми. В итоге многие зоны его мозга вообще не включались в Сеть, а те, что были доступны, напоминали островки в океане и почти с ними не связывались. «Найти-и-исправить» — алгоритм, разработанный Скейд — мог выделить паттерны из любой части мозга Клавейна, которые подсоединены к паутине. Но даже это относилось к области «проще сказать, чем сделать». Исследуя сознание Клавейна, она чувствовала себя так, словно получила ключ от самой богатой во Вселенной библиотеки, по которой до этого прогулялся вихрь. Чаще всего Скейд обнаруживала искомое, но к этому времени оно уже теряло актуальность.

Тем не менее, Скейд много узнала о Клавейне. С момента возвращения Галианы прошло десять лет. Если она правильно истолковала то, что прочла в его необычном сознании — а у нее не было причин в этом сомневаться, — он до сих пор не представлял, что случилось на самом деле.

По большому счету, он знал то же самое, что и все Материнское Гнездо. В глубоком космосе корабль Галианы столкнулся с враждебными инопланетными сущностями — машинами, которых с тех пор называли Волками. Волки просочились на корабль и разрывали членов команды, пытаясь проникнуть в их сознание. Клавейн знал, что Галиану пощадили, что ее тело не пострадало. Он знал, что у нее в черепе находится некое образование, несомненно имеющее отношение к Волкам. Но Клавейн даже не подозревал — и Скейд была в этом убеждена, — что Галиана находилась в полном сознании, прежде чем Волк заговорил через нее. На самом деле, такое повторялось несколько раз.

Скейд вспомнила, как лгала Галиане. Как сказала ей, что Клавейн и Фелка погибли. Поначалу это было весьма непросто. Подобно любому из Объединившихся, она благоговела перед Галианой. Она была матерью Конджойнеров, их королевой во всех смыслах этого слова. Ночной Совет

утверждал: она, Скейд, исполняет свой долг перед Материнским Гнездом — мысль, которая должна помочь ей справиться со сложной задачей. Это прямая обязанность Скейд — максимально использовать те минуты, когда сознание Галианы проясняется, и узнать как можно больше о Волках. И оградить Галиану от лишних контактов. Да, это больно и тяжело. Но Ночной Совет не сомневался в необходимости подобных действий. В конце концов, это лучшее, что можно предпринять в ближайшее время.

Постепенно Скейд прониклась этим убеждением. В конце концов, женщина, которую она обманывает — лишь тень того, что когда то было Галианой. Одна ложь породила другую: ни Клавейн, ни Фелка никогда не узнают о том разговоре.

Скейд убрала свой ментальный зонд, восстанавливая обычный уровень доверительности. Она позволила Клавейну видеть ее поверхностные воспоминания, ощущения и эмоции — вернее, их умело подретушированные копии. Ремонтуа тоже видел ровно столько, сколько ожидал увидеть, и это тоже были версии, подправленные в соответствии с планами Скейд.

Кокон переместился в центр сферы и замер позади двух других. Скейд сложила руки на груди, прикрыв изогнутую панель порта, который все еще делился своими секретами с сознанием Скейд.

Клавейн немедленно отреагировал на ее присутствие.

(Скейд? Как мило, что ты к нам присоединилась.)

«Я почувствовала изменение боеготовности, Клавейн. Как я понимаю, мы собираемся заняться кораблем Демархистов?»

(На самом деле, все немного интересней. Взгляни.)

Клавейн протянул ей кабель для передачи данных с корабельных сенсоров. Воткнув его в порт, Скейд отдала своим имплантам команду отобразить данные с обычными поправками.

И переместилась. Ощущение было бесподобным. Ее собственное тело, тела компаньонов, камера, в которой они трое плавали, гладкий корпус «Ночной Тени», похожий на огромную угольно-черную иглу, — все это стало нереальным.

Впереди вырос роскошный газовый гигант в окружении непрестаннодвигающихся облаков немислимых форм — так она видела запретные зоны и безопасные маршруты. Вокруг по низким орбитам грозной стаей ползли орудийные платформы и сторожевые маяки. А на самой границе атмосферы метался корабль Демархистов, преследуемый «Ночной Тенью». Он уже почти входил в верхние слои Мандариновой Грезы: его обшивка раскалялась. Похоже, они собрались нырнуть в верхние

слои атмосферы, на несколько сотен километров, чтобы укрыться под облаками. Отчаянный шаг, ничего не скажешь.

От слова «отчаяние», подумала Скейд.

Полеты в атмосфере газовых гигантов всегда сопряжены с риском, даже если корабль построен специально для этого. Перед тем, как войти в атмосферу и выйти из нее, капитан звездолета должен максимально сбросить скорость. Однако порой дело того стоит. Помимо того, что слои атмосферы — прекрасное прикрытие (впрочем, здесь многое зависит от защищенности сенсоров на корабле-преследователе и от того, засекут ли беглеца низкоорбитальные спутники и «шершни»), был еще один бонус: возможность пополнить запасы топлива.

В первые годы войны главным источником энергии для обеих сторон было антивещество. Объемов, в которых его до сих пор производили секретные заводы Конджойнеров на границе системы, было достаточно для ведения боевых действий. И даже если бы производство прекратилось, все знали, что Объединившимся доступны почти неисчерпаемые источники энергии. Демархистам удавалось производить антивещество чуть более десяти лет. После этого они снова вернулись к термоядерному синтезу, для которого был необходим водород. Идеальным источником оказались «океаны» газовых гигантов, где он был сжат до твердого состояния. Капитан корабля мог открыть отверстия забора топлива, всасывать водород прямо из атмосферы и сжимать его под давлением. Можно было рискнуть и погрузиться в море «просто жидкого» водорода — в глубине он постепенно становится твердым, покрывая, точно скорлупа, каменное ядро планеты. Но поврежденным в бою звездолетам такое, мягко говоря, не рекомендуется. Для них существовал более легкий способ. Капитан даже не открывал топливные отверстия. Он договаривался с одним из многочисленных танкеров, которые болтались атмосфере, и исполнял скорбную песнь о турбулентности и химии углеводородов. После этого цистерны корабля обычно наполнялись готовым к употреблению металлическим водородом. Часть использовалась как топливо, а часть — уходила на боеголовки.

Вход в атмосферу — азартная игра для отчаянных и отчаявшихся. Но это подходит тем, кто уже потратил достаточно времени и сил на отчаянное бегство от преследователей и готов напоследок рискнуть головой.

Скейд сформулировала мысль и послала своим компаньонам.

«Я восхищаюсь решимостью капитана. Но это ему не поможет».

Клавейн отозвался немедленно.

(«Ей», Скейд. Мы поймали сигнал, когда она связывалась по «плотному лучу» с другим кораблем. Они находились на краю «кольца»;

там достаточно метеоритных обломков и пыли, так что луч частично отразился в нашем направлении.)

«Как я понимаю, незаконные торговые операции?»

На этот раз отозвался Ремонтуа.

(Мы подозревали, что это грузовой корабль, как только получили более или менее четкое изображение на радаре. Сейчас выяснилось кое-что еще. В общем, все не так просто.)

Он снова бросил ей кабель.

Перед внутренним взором появился нечеткий силуэт грузового судна. Он увеличивался, обрастая деталями, словно кто-то невидимый создавал в пространстве трехмерный чертеж. Корабль был вполтину меньше «Ночной Тени» — типичный внутрисистемный грузовоз, построенный лет сто или двести назад, но точно еще до Эпидемии. Плавные обводы корпуса — скорее всего, судно рассчитано на вход в атмосферу и посадку на поверхность планеты — например, Йеллоустоуна. За время своего существования корабль обзавелся множеством выпуклостей и игл, вызывая ассоциации с рыбой, которая имела несчастье пережить какую-то редкую мутацию. Оознавательные машинно-считываемые знаки выглядели довольно загадочно, а в тех местах, где обшивку меняли, отсутствовали вовсе.

Ремонтуа решил не дожидаться расспросов.

(«Штормовая Птица», грузовое судно, снят с регистрации из Карусели Нью-Копенгаген в Ржавом Ободе. Командир и владелец — Антуанетта Бакс... правда, является таковым чуть больше месяца. Прежний владелец — Джеймс Бакс, предположительно ее родственник. Что с ним случилось, мы не знаем. Однако протоколы показывают, что семейство Бакс владело этим судном задолго до войны, возможно, даже до Эпидемии. Судя по всему, их деятельность — обычная смесь законного и полузаконного. Несколько мелких нарушений в разных точках системы; пара разборок с Феррисвильским Конвентом. Но ничего настолько серьезного, чтобы послужить поводом для ареста, даже если подходить со всей строгостью закона.)

Скейд почувствовала, как ее далекое тело кивнуло головой, выражая согласие. Пояс анклавов на орбите Йеллоустоуна давно служил пристанищем для всевозможных авантюристов, зарабатывающих на транспортных операциях. Они осуществляли любые перевозки — от скоростных и дорогостоящих до неспешных, за которые берут меньше денег и задают меньше вопросов. Для последних служили тихоходные суда на термоядерных и ионных двигателях. Даже после Эпидемии, которая

сделала из некогда сверкающего великолепиям Блестящего Пояса куда менее великолепный Ржавый Обод, кое-какие коммерческие ниши никуда не исчезли — для тех, кто готов ими воспользоваться. Например, карантин, которые иногда нужно обойти. Кроме того, масса новых клиентов появилась с падением Демархистов — не все они оказывались надежными людьми, с какими можно иметь дело дважды.

Скейд ничего не знала о семействе Бакс. Но можно представить, как они поднялись в подобных условиях. И особенно во время войны. Когда время от времени какая-нибудь зона пространства попадает в кольцо блокады, и обе стороны всеми способами вербуют шпионов, которых забрасывают в глубокий тыл противника. И не беда, что администрация Феррисвилля, которой пришлось разгрести всю грязь в системе Йеллоустоуна, установила режим нетерпимости, какого не знала история. Несмотря на жесткие наказания, предусмотренные Конвентом для нарушителей, всегда находились желающие рискнуть своей шкурой.

Что ж, психологический портрет Антуанетты Бакс можно считать завершенным. Оставался лишь один вопрос, на который Скейд не могла ответить. Что делала Антуанетта так глубоко в зоне конфликта? И почему ее до сих пор не убили?

«Что ей сказала капитан?»

(Она предупредила Антуанетту. Сказала, чтобы та поворачивала, или это станет ей боком.), — ответил Клавейн.

«А Бакс?»

Ремонту прочертил вектор грузового судна. Оно направлялось прямо в атмосферу планеты-гиганта, как и корабль «зомби», который шел немного впереди.

«Чушь какая-то. Капитан Демархистов должна была уничтожить грузовоз, который вторгся в Спорное Пространство».

(Командир корабля пригрозила, что так и сделает), — пояснил Клавейн. — (Но Бакс проигнорировала предупреждение. Она пообещала капитану не воровать водород, но дала понять, что даже не подумает поворачивать.)

«Или смела до глупости, или просто дура».

(Дуракам везет,) — заключил Клавейн. — (Ясно, что капитану Демархистов просто нечем выполнить свою угрозу. Скорее всего, она расстреляла все заряды в последнем бою.)

Скейд знала, что они задумали. Корабль Демархистов уже входил в атмосферу, но пока не вышел из зоны досягаемости орудий «Ночной Тени». Не факт, что его удастся уничтожить, но лучше хоть какой-то перевес в

счете, чем ничья. Однако Ремонтуа и Клавейн возражали против такого плана. Они хотели подождать, пока корабль снова вынырнет из атмосферы, отяжелевший от принятого на борт топлива, но по-прежнему почти безоружный. И вот тогда-то, по их мнению, имело смысл брать судно на абордаж, чтобы выкачать данные из его памяти и завербовать его команду, сделав их рекрутами Материнского Гнезда.

«Я против захвата корабля. Никакая выгода не стоит того, чтобы рисковать „Ночной Тенью“.

Она почувствовала, как Клавейн попытался зондировать ее сознание.

(Почему, Скейд? По какой причине над этим кораблем так трясутся? Допустим, причина есть; но тебе не кажется немного странным, что мне никто об этом не сказал?)

«Это дело Закрытого Совета. Ты мог стать одним из нас».

(Но ему бы все равно не все сообщали, правда?)

Скейд яростно переключила внимание на Ремонтуа.

«Ты знаешь, что я здесь по делам Закрытого Совета. И это единственное, что имеет значение».

(Но я тоже член Закрытого Совета. И все равно понятия не имею, чем ты здесь занимаешься. Хочешь сказать, это секретная операция Внутреннего Кабинета?)

Скейд вскипела. Насколько было бы проще вовсе не иметь дела со старыми Объединившимися!

«Да, этот корабль представляет особую ценность. Потому что это прототип, а прототипы всегда ценны. И это вам давно известно. И, конечно, мы не хотим терять его в какой-то мелкой стычке».

(Ты знаешь больше, чем говоришь.)

«Возможно, Клавейн. Но мы обсудим это в другой раз. Подготовьте ракеты дальнего действия для корабля Демархистов и еще одну для грузового».

(Нет. Мы подождем, когда оба корабля выйдут из атмосферы. Если они уцелеют — будем действовать.)

«Я не могу позволить этого».

И не позволит. Она надеялась, что до этого не дойдет, но Клавейн буквально выкручивал ей руки. Хорошо... Скейд сконцентрировалась, проводя сложную серию нейрокоманд. И почувствовала, как издалека пришло подтверждение: система управления орудиями признала ее правомочность и полностью подчиняется. Конечно, она не могла управлять ее так точно и быстро, как собственными имплантатами, но этого и не требуется. Все, что нужно — это запустить несколько ракет.

(Скейд!)

Клавейн. Похоже, засек, как она подключилась к системе управления оружием. Скейд почувствовала его удивление: он не ожидал, что ей такое под силу. Самонаводящиеся ракеты уже находились в шахтах, и она подтвердила готовность.

И тут другой голос произнес:

(Не надо.)

А это уже Ночной Совет!

«В чем дело?»

(Командуй отбой. Делай, как хочет Клавейн. В дальнейшем это будет нам на руку.)

«Нет, я...»

Голос Ночного Совета стал резче.

(Командуй отбой, Скейд.)

Вне себя от ярости, оскорбленная таким обращением, Скейд повиновалась.

Антуанетта подошла к саркофагу. Он по-прежнему стоял в том грузовом отсеке, где его осматривал робот.

Положив руку в перчатке на крышку ящика, она глядела на отца сквозь матовое стекло. Семейное сходство бросалось в глаза, хотя возраст и гравитация сказались на его внешности не самым лучшим образом: казалось, какой-то карикатурист изобразил Антуанетту в виде пожилого мужчины. Глаза закрыты, на лице застыло выражение усталое спокойствие. Как это похоже на папу — вздремнуть ненадолго, что бы не происходило вокруг. Она еще не забыла его храп, разносящийся по палубам. А однажды она поймала отца на том, что он наблюдал за ней сквозь ресницы, притворяясь спящим. Ему было важно знать, как она будет действовать в критических ситуациях, потому что однажды ей придется все делать самой.

Антуанетта проверила, надежно ли саркофаг закреплен на решетке. Все в порядке, ничего не сломалось и не сдвинулось с места в ходе недавних маневров.

— Тварь... — проговорила она.

— Да, Маленькая Мисс?

— Я внизу, в трюме.

— Неловко это слышать, Маленькая Мисс.

— Я бы хотела перейти на дозвуковую скорость. Скажешь, когда сделаешь, хорошо?

Антуанетта приготовилась услышать возражения, но их не

последовало. Потом последовал толчок, и у нее заложило уши. «Штормовая птица» снижалась, одновременно сбрасывая скорость. Строго говоря, корабль уже не летел. Аэродинамика его формы не была приспособлена для того, чтобы планировать в атмосфере, поэтому высоту приходилось поддерживать при помощи двигателей, направляя выхлопы вниз. До сих пор вакуум в трюме обеспечивал ему определенную «плавуемость». Но Антуанетта не планировала слишком погружаться в атмосферу.

Девушка ясно понимала, что только чудом осталась жива. Капитану корабля Демархистов ничего не стоило сбить ее. Звездолет «пауков» тоже мог атаковать «Штормовую Птицу», прежде чем та вошла в атмосферу. И даже во время погружения ее подстерегала гибель. Это не был аккуратный спуск, который Антуанетта планировала изначально — когда все находится под контролем. Нет, это была безумное пикирование в попытке прорваться за облака, скользя в водовороте воздушных потоков за кораблем Демархистов. Как только корабль снова возобновил движение в горизонтальной плоскости, Антуанетта оценила степень повреждений. Новости были, мягко говоря, неутешительные. Если ей удастся добраться до Ржавого Обода — что очень маловероятно, учитывая, что за границами атмосферы ее по-прежнему поджидают «пауки» — у Ксавьера будет много работы. *Очень* много.

Нет худа без добра. По крайней мере, ему не придется лезть во всякие заварушки.

— Скорость ниже звуковой, Маленькая Мисс, — отрапортовал Тварь.

— Хорошо. — Антуанетта в третий раз убедилась, что прикреплена к решетке так же крепко, как и саркофаг, и проверила установки скафандра. — Открой люк номер один грузового отсека, ладно?

— Один момент, Маленькая Мисс.

Ослепительный серебряный луч как будто вскрыл обшивку корабля в той части трюма, где находилась Антуанетта. Она поспешно прищурилась и опустила дополнительный бутылочно-зеленый щиток.

Сияющая трещина увеличивалась, затем порыв ветра ворвался внутрь и швырнул Антуанетту к стойке решетки. Несколько секунд — и в трюме с воем закружились вихри. Сенсоры скафандра мгновенно проанализировали состав воздуха и настоятельно посоветовали не поднимать щиток шлема. Давление составляло одну атмосферу, но воздух был высоко токсичен, а температура настолько низкой, что от одного вдоха должны были склеиться легкие.

Сильно охлажденный коктейль из ядовитых газов, подумала

Антуанетта. Вот чего стоит изысканная расцветка, на которую так приятно полюбоваться из космоса.

— Еще на двадцать кликов ниже, — произнесла она.

— Вы уверены, Маленькая Мисс?

— Да, черт побери!

Пол задрожал. Антуанетта следила, как стрелка барометра на ее скафандре ползет вверх. Две атмосферы, три... Четыре... Давление продолжало расти. Учитывая, что «Штормовая Птица» находится в вакууме... Будем надеяться, что судно не разлетится, словно надутый бумажный пакет.

Будь что будет. Про гарантийный ремонт, судя по всему, можно забыть...

Когда к Антуанетте вернулась уверенность (вернее, когда частоту пульса уже можно было с натяжкой назвать нормальной), она начала продвигаться к открытому люку — дюйм за дюймом, таща за собой саркофаг. Это был очень трудоемкий процесс. Через каждую пару метров крепления ящика приходилось пристегивать и отстегивать заново. Но чего она почти не чувствовала, так это раздражения.

Глаза уже привыкли к ослепительному сиянию, и она заметила, что свет стал серебристо-зеленым. Потом он начал тускнеть, приобретая оттенки железа и тусклой бронзы. Даже из космоса Эпсилон Эридана не выглядел очень ярким. Сейчас его свет проходил сквозь фильтры атмосферных слоев. По мере погружения вокруг бы становилось все темнее и темнее, словно корабль погружался на дно океана.

Именно этого хотел ее отец.

— Отлично, Тварь. Следи, чтобы корабль не двигался. Я собираюсь привести свой план в исполнение.

— Будьте осторожны, Маленькая Мисс!

Грузовые люки располагались по всему корпусу «Штормовой Птицы», но тот, что был открыт сейчас, находился на «днище» — если смотреть вдоль главной оси корабля. Сейчас Антуанетта стояла на краю отверстия, и носки ее сапог на дюйм торчали наружу. Положение выглядело опасным, но она старательно закрепилась. Сверху нависала черная плоскость, которая плавно изгибалась к хвосту звездолета — внутренняя поверхность трюма, но ни сбоку, ни снизу ничто не загораживало обзор.

— Ты был прав, папа, — она вздохнула — достаточно тихо, так что будем надеяться, что Тварь не услышит. — Удивительное место. Я думаю, ты сделал хороший выбор, все на это указывает.

— Что вы сказали, Маленькая Мисс?

— Ничего, Тварь.

Антуанетта начала отстегивать крепления гроба. Раз или два корабль накренился и качнулся, заставляя ее желудок скрутиться. Гроб ударился о перекладину стеллажа. Но, по большому счету, Тварь отлично держал высоту. Судя по воздушным потокам, скорость упала значительно ниже звуковой: похоже, он не ограничился тем, чтобы просто выполнять приказ. Яростный ветер стих, и лишь иногда налетали случайные порывы.

Гроб был почти полностью освобожден от креплений и готов отправиться за борт. Отец в самом деле выглядел так, словно ненадолго вздремнул. Бальзамировщики сделали основную работу, а встроенный рефрижератор — все остальное. С трудом можно было поверить, что отец уже месяц как мертв.

— Ну что ж, папа, — сказала Антуанетта, — вот и все. Мы это сделали. Думаю, больше можно ничего не говорить.

Корабль любезно воздержался от комментариев.

— Я до сих пор не знаю, правильно ли делаю. Я имею в виду... ты однажды сказал, что хотел, но...

Стоп, сказала она себе. Вот об этом не надо.

— Маленькая Мисс?

— Да?

— Настоятельно не рекомендуется затягивать прощание.

Антуанетта вспомнила наклейку от пивной бутылки. Она не могла достать ее, но не было ни одной детали, которую она не могла бы себе представить. С тех пор как этикетку бережно отклеили от бутылки, серебряные и золотые краски немного потускнели, но в воображении мисс Бакс они светились волшебным светом. Обычная бутылка из-под дешевого пива, какие в огромном количестве продаются на каждом углу. Но эта наклейка имела для Антуанетты значение священного символа. В тот день, когда она отклеила этикетку от бутылки, ей исполнилось двенадцать или тринадцать лет. В тот день, в честь богатого улова, отец взял ее с собой в бар, где любили посидеть капитаны грузовых кораблей. Память не удержала всех деталей, но, кажется, это был хороший вечер — много смеялись, вспоминали забавные истории. Потом, ближе к ночи, заговорили о разных способах, которыми хоронят звездолетчиков — по традиции или личному пожеланию. Отец почти все время молчал, только улыбался про себя, когда серьезный разговор сменялся шутками, и смеялся над курьезными историями. И вдруг, к удивлению Антуанетты, сказал, что хочет быть похороненным в атмосфере газового гиганта. В другое время она могла подумать, что папа просто шутит в тон пожелания своих

товарищей, но что-то в его тоне подсказывало — он говорит абсолютно искренне, хотя прежде никогда не обсуждал подобных вещей; и непохоже, что все это выдумано из ничего. И тогда Антуанетта дала себе клятву. Она аккуратно содрала этикетку с бутылки, как напоминание, и пообещала себе: когда отец умрет, и если у нее будет хоть какая-то возможность исполнить его пожелание, оно будет выполнено.

В течение последующих лет она не раз представляла себе, как выполняет свою клятву. Это было очень легко, так что со временем она стала реже задумываться об этом. Но теперь отец умер, и Антуанетта лицом к лицу столкнулась необходимостью выполнить обещание. И не важно, что клятва могла показаться ребяческой и нелепой. Значение имела только убежденность, которая — в этом Антуанетта не сомневалась — звучала в его голосе той далекой ночью. Тогда ей было всего двенадцать или тринадцать лет, она могла просто придумать все это, ее могла обмануть напускная серьезность отца. Но Антуанетта дала себе слово. Значит, слово нужно сдержать — даже если это выглядит нелепо, стоит непомерных усилий, даже если создает угрозу для ее жизни.

Она отстегнула последнее крепление и подтащила гроб к люку, выдвинув его примерно на треть наружу. Один хороший толчок — и отец будет похоронен именно так, как хотел.

Безумие. Сколько лет прошло с той ночи, с того разговора в баре с подвыпившими астронавтами — и никогда больше он не вспоминал, что хочет погребенным в атмосфере газового гиганта. Но разве это значит, что его желание не было искренним? В конце концов, он же не знал, когда умрет. У него просто не было времени составить завещание — до того, как все это произошло. И не было смысла подробно объяснять ей, как его следует хоронить.

Безумие... зато по-настоящему.

И Антуанетта вытолкнула саркофаг наружу.

На мгновение он завис в воздухе за кормой, словно не желая начинать долгий спуск в забвение, а потом медленно начал падать, кружась в объятиях ветра. Саркофаг быстро уменьшался. Вот он стал такого размера, как большой палец, когда вытянешь перед собой руку; вот он превратился в маленькое крутящееся тире, которое трудно разглядеть; а теперь он — просто точка, которая вспыхивает время от времени, ловя слабый свет звезды, и гаснет в нагромождениях пастельных облаков.

Сверкнув в последний раз, саркофаг исчез.

Антуанетта привалилась спиной к стойке. Она почти не надеялась на это — но дело сделано. Теперь, когда отец был похоронен, усталость

неожиданно навалилась на нее. Казалось, вся атмосфера газового гиганта легла ей на плечи. Ни особенной печали, ни слез — все слезы были давно выплаканы. Это еще придет. Антуанетта не сомневалась. Но сейчас она чувствовала только беспредельную усталость.

Антуанетта закрыла глаза. Прошло несколько минут.

Потом она велела Тварю задрать грузовой люк и отправилась в долгий путь на главную палубу.

Глава 3

Невил Клавейн находился в глубине шлюза. Со своего наблюдательного пункта он мог видеть, как на корпусе «Ночной птицы» словно раскрывается огромный глаз. Бронированные роботы, похожие на вшей-альбиносов — эту разновидность Конджойнеры называли «скарабейми» — беспорядочно вываливались наружу. Под подвижно сочлененными щитками прятались многочисленные манипуляторы, сенсоры и оружие. «Скарабеи» быстро пересекали пустоту, которая отделяла «Ночную тень» от вражеского корабля, похожего на раскрытую клешню, и присоски на их лапках надежно прилипали к обшивке. Те, что уже достигли цели, сновали в районе повреждений в поисках отверстия, через которое можно было забраться внутрь. Они хорошо знали слабые места кораблей.

«Скарабеи» двигались хаотично и действительно напоминали жуков. Они могли без особого труда прогрызть обшивку, но тогда возникал риск погубить уцелевших — кто-то мог спрятаться в отсеках, где давление еще сохранилось. Поэтому Клавейн настоял на том, чтобы роботы пользовались только воздушными шлюзами, даже если это потребует больше времени.

Но долго ждать не пришлось. Как только первый «скарабей» оказался внутри, стало ясно, что вооруженного сопротивления не будет. В корабле царили тьма, холод и безмолвие. Клавейн почти чувствовал запах смерти. Роботы разбрелись по палубам. Один из них поймал в «прицел» видеосенсора лица людей, погибших на посту. Подобные сообщения приходили то от одного, то от другого «скарабея», которые обследовали судно.

Клавейн отозвал почти всех «скарабеев» и послал на корабль небольшую группу Объединившихся по маршрутам, проверенным роботами. Глазами одного из «скарабеев» Клавейн время от времени видел свою команду — компанию решительно настроенных призраков, похожих на белые луковицы.

Группа прочесывала звездолет, пробираясь по узким коридорам, дополняя данные наблюдений, которые пришли от «скарабеев»: никакие технические ухищрения не заменят человеческой наблюдательности. Они обследовали оружие в тайниках, затем вскрыли люки заслонки, надеясь обнаружить выживших. Но никого не удалось найти. Мертвых осторожно обследовали, но ни один из них не подавал признаков жизни. Тела начали

остывать, и тепловая картина их лиц указывала на то, что смерть уже наступила, хотя и недавно. И никаких признаков насилия или ранений.

Клавейн сформулировал послание и направил его Скейд и Ремонтуа, которые все еще находились на мостике «Ночной Тени».

«Я собираюсь внутрь. Никаких „если“, никаких „но“. Я там не задержусь и постараюсь не рисковать без особой надобности».

(Нет, Клавейн).

«Извини, Скейд, но ты не можешь мне запретить. Я не вхожу в твою маленькую теплую компанию. И это значит, черт подери, что я буду делать то, что считаю нужным. И тебе придется с этим смириться, Нравится или нет... считай это частью сделки».

(Ты для нас очень важен, Клавейн.)

«Я буду осторожен. Обещаю».

Он почувствовал, что его твердость заставляет Скейд буквально истекать желчью. Что касается Ремонтуа, то он не слишком волновался.

Это было немыслимо — чтобы кто-то из Закрытого Совета рисковал собой, поднимаясь на борт захваченного вражеского корабля. Достаточно того, что они вообще покинули Материнское Гнездо. Многие из Конджойнеров, включая Скейд, хотели, чтобы Клавейн стал членом Закрытого Совета: так его мудрость приносила бы больше пользы, и в то же время он оставался бы в безопасности. Пользуясь своим влиянием, Скейд могла сделать жизнь Невила невыносимой, если он будет продолжать оставаться в стороне, направляя его на малозначительные задания или в какие-нибудь бездействующие резервные формирования. Нашлись бы и другие виды «наказаний», и ни одно из них ему бы не понравилось. Время от времени он даже подумывал, не вступить ли ему, в конце концов, в Закрытый Совет. По крайней мере, у него появится возможность найти ответы на некоторые вопросы и, скорее всего, оказывать влияние на врагов.

Но пока Клавейн не поддался соблазну и оставался всего лишь солдатом. Никаких ограничений к нему не применялось, и, черт возьми, он не собирался поступать вопреки своим желаниям.

Клавейн готовился надеть скафандр. В свое время, двести-триста лет этот процесс требовал гораздо меньше сил и времени. Просто надеваешь маску и кое-какие устройства связи, потом шагаешь в нечто вроде дверного проема, затянутого тонкой мембраной. За «дверью» вакуумная камера, поэтому мембрана облепляет тебя, как вторая кожа — и вот ты уже в скафандре. По возвращении ты проходишь через ту же дверь, и скафандр просто стечет с тебя, как слой слизи. В общем, выйти в космос все равно

что на пляж — достаточно надеть солнечные очки. Понятно, что в условиях боевых действий это не имело смысла: тонкие скафандры не защищали во время атаки. После эпидемии они вообще вышли из употребления — тогда могли применяться только самые примитивные формы нанотехнологии.

Клавейн подозревал, что подобные сверхусилия вызовут у него сильнейшее раздражение. Но по каким-то причинам он обнаружил, что этот процесс — неторопливое пристегивание защитных армированных щитков, тщательная проверка subsystem, закрепление оружия и сенсоров — странным образом успокаивает его. Может быть, он напоминал долгий и продуманный ритуал, призванный защитить от злого рока. Или он вызывал в памяти какие-то вещи, которые он делал в детстве.

Клавейн прошел через воздушный шлюз и поплыл в сторону вражеского корабля. Его корпус на фоне темной стороны газового гиганта, точно сияющая клешня. Звездолет определенно получил повреждения. Но обезгаживания оболочки, которая указывает на нарушение целостности корпуса и потерю герметичности, не было. Значит, у выживших оставался шанс. Инфракрасные сканеры по-прежнему ничего не обнаруживали, но лазерные детекторы зарегистрировали какое-то движение внутри, взад и вперед. Этому можно было найти множество объяснений, но самым очевидным казалось одно: на корабле кто-то уцелел и теперь перемещается по внутренним помещениям, стуча по переборкам. Но «скарабеем» не удалось никого найти, как и поисковой группе.

Неожиданно внимание Клавейна привлекла изломанная бледно-зеленая молния над темным лимбом газового гиганта. С тех пор как корабль Демархистов снова вышел из атмосферы, он почти не думал о грузовом звездолете. Антуанетте Бакс не выбраться. По всей вероятности, она уже мертва — можно назвать тысячу вариантов того, как можно погибнуть в атмосфере газового гиганта. Трудно себе представить, что там понадобилось этой девице. Клавейн подозревал, что ее цели и действия не заслуживали одобрения. Но она была совершенно одна на своем корабле — или он что-то путает? И на тех, кто хочет умереть в космосе, она мало похожа. Он вспомнил, как девчонка отреагировала на предупреждение Демархистов. Черт возьми, он почти восхищается ее поступком! Кем бы ни была эта Антуанетта Бакс, в храбрости ей не откажешь.

В этот момент Клавейн врезался в корпус вражеского корабля, спружинил, слегка согнув колени, и выпрямился. Подошвы тут же прилипли к обшивке. Подняв ладонь козырьком — щиток гермошлема не защищал от ярких солнечных лучей — Клавейн повернулся к «Ночной Тени», пользуясь редкой возможностью полюбоваться своим кораблем со

стороны. Корпус звездолета был настолько темным, что в первый момент Клавейн потерял его из виду. Затем его имплантанты окружили корабль пульсирующим зеленым сиянием, сверху поползли алые столбики справочной информации — цифры и символы. Субсветовик, пригодный к межзвездным перелетам. Плавные обводы корпуса сходились к игловидному носу — корабль был рассчитан на скорость, максимально приближенную к световой. Изящные очертания корабля были данью законам газодинамики, а не эстетики. В самой широкой точке, где корпус скруглялся к тупой плоской корме, можно было разглядеть нечто вроде пояса — к нему крепились два двигателя. Изящные стойки не давали им соприкоснуться с корпусом. Знаменитые двигатели Конджойнеров. Объединившиеся веками держали монополию на выпуск и продажу силовых установок подобного типа, позволяя Демархистам, Ультра и другим фракциям лишь использовать свои технологии. Однако физические процессы, которые лежали в основе работы двигателя, так и оставались тайной. Покупатели получали двигатели в полностью собранном виде и с защитой от вскрытия.

Сто лет назад ситуация изменилась. Ни с того ни с сего Объединившиеся полностью свернули производство двигателей. Ни объяснений, ни обещаний когда-либо возобновить выпуск не последовало.

С этого момента двигатели Конджойнеров резко повысились в цене. Время от времени кто-нибудь организовывал отчаянные налеты в попытке заполучить хоть один экземпляр. Одна из таких попыток и послужила поводом к началу войны.

До Клавейна доходили слухи, что Объединившиеся продолжают выпуск двигателей для собственных нужд. Но он совершенно точно знал, что это просто выдумки. Указ о немедленном свертывании производства распространялся на всех без исключения. Более того, было введено жесткое ограничение на использование уже существующих экземпляров, причем даже внутри фракции. Но зачем? Клавейн терялся в догадках. Он предполагал, что инициатива исходила от Закрытого Совета, но не понимал, почему эти меры сочли необходимыми.

При этом «Ночную Тень» построили именно по распоряжению Закрытого Совета. Клавейну поручили провести испытания прототипа, но открыли ему только несколько секретов корабля. Ремонтуа и Скейд явно знали больше, и он готов был поспорить, что Скейд обладает еще более полной информацией, чем Ремонтуа. Чуть ли не весь рейс она находилась непонятно где — возможно, занималась каким-то сверхсекретным военным оборудованием. Все попытки выяснить, что она там делала, провалились.

А зачем Закрытый Совет санкционировал постройку нового корабля? Война близится к концу, враг почти разбит — какой был смысл это затевать? Клавейн снова подумал о том, чтобы войти в Совет. Возможно, это не обеспечит ему ответов на все вопросы — для этого ему, пожалуй, придется стать членом Внутреннего Кабинета. Но он сможет узнать намного больше, чем сейчас.

Соблазнительная перспектива.

С какой легкостью Скейд и остальные Объединившиеся крутят им! Клавейн с отвращением отвернулся от «Ночной Тени». Зеленое сияние угасало — по мере того, как он осторожно приближался к ближайшему входу.

Вскоре Клавейн уже находился внутри и пробирался вдоль трубопроводов разной толщины, которые уже не могли нормально держать воздух. Он запросил данные по схеме корабля и ощутил что-то вроде легкой щекотки, когда информацию подгрузили ему в сознание. Это был миг необъяснимого узнавания, похожего на приступ дежа вю. Впереди был очередной воздушный шлюз. Протиснуться в тамбур в этом неуклюжем бронированном скафандре оказалось непросто. Клавейн захлопнул за собой люк, и воздух с ревом ворвался в тамбур. Затем на противоположной стене распахнулся люк, пропуская его в помещение, где еще сохранились остатки атмосферы. Тьма буквально обрушилась на Клавейна — ошеломляющее чувство, которое длилось несколько секунд. Сенсоры шлема заработали в режиме повышенной чувствительности, заменив обычное визуальное восприятие инфракрасным излучением и сонарные лучи поверх нормального визуального поля.

(Клавейн?)

Его вызывала одна из Объединившихся, входивших в разведгруппу. Клавейн обернулся, чтобы «осветить» ее лицо, и налетел на переборку.

«Что вы обнаружили?»

(Ничего хорошего. Все мертвы.)

«Точно все?»

Мысли женщины, четкие и меткие, влетали в его голову, словно пули.

(Да, причем смерть наступила недавно. Никаких повреждений. Все выглядит очень продуманно.)

«И никаких признаков уцелевших? Мы думали, что хотя бы один из них жив».

(Никого, Клавейн.)

Она открыла ему свою память. Клавейн принял предложение и заранее приготовился к тому, что предстояло увидеть.

Очень скверно, как и ожидалось. Больше всего это походило на сцену заранее спланированного массового самоубийства. Никаких признаков борьбы или принуждения. Эти люди даже не колебались. Они умерли на своих постах, словно кому-то поручили выдать им ядовитые пилюли. Был еще более отвратительный вариант: к экипажу обратились с какого-то центрального пункта и убедили в необходимости добровольно уйти из жизни, после чего они вернулись на свои посты. Возможно, они продолжали выполнять свои обязанностями до того момента, пока капитан не отдал приказ совершить самоубийство.

В невесомости у покойников не болтаются головы и не открываются рты. Трупы остаются в более или менее естественных позах. Так было и сейчас. Одни висели на месте, опутанные какими-то тесемками, другие просто плавали от переборки к переборке. Подобные сцены являлись одним из самых первых и наиболее пугающих уроков космической войны: в невесомости трудно отличить живого от мертвого.

Все члены экипажа были тощими, если не истощенными — казалось, последние несколько месяцев их держали на полуголодном пайке. У некоторых оказались ссадины и кровоподтеки — старые и не зажившие до конца. Кое-кто, похоже, умер раньше остальных. Таких просто вышвыривали из корабля, чтобы сэкономить топливо за счет массы их тел. таких изолировали неподалеку от топливных цистерн. Головы мертвецов, под шапками и шлемофонами, покрывал лишь сероватый пушок — когда-то люди были обриты наголо. Все носили униформу, но знаки отличия указывали скорее на техническую специализацию, чем на воинское звание. В тусклом свете аварийного освещения кожа приобрела серо-зеленый оттенок.

Потом Клавейн собственными глазами увидел, как один из мертвецов двигается.

Казалось, труп чуть заметно отталкивается от воздуха руками, приоткрыв рот и уставившись непонятно на что в нескольких метрах перед собой. Потом он врезался в переборку, и сонар уловил слабое эхо.

Клавейн послал мысленное сообщение женщине из своей команды.

«Подержи этого, хорошо?»

Женщина ничего не ответила, но повиновалась. Клавейн приказал всей разведгруппе застыть и не двигаться. Больше ни один из трупов не двигался. Внутри корабля вообще не осталось ни одного движущегося объекта.

Клавейн выждал время, чтобы «Ночная Тень» могла обновить данные. С корабля по-прежнему поступали импульсы датчиков движения.

В первый момент Клавейн не поверил.

Это было невозможно. Но в недрах вражеского судна что-то по-прежнему двигалось.

— Маленькая Мисс?

Эти нотки в голосе Тваря Антуанетта узнавала мгновенно — они не предвещали ничего хорошего. Упав обратно на противоперегрузочную кушетку, она пробормотала фразу, смысл которой понял бы только сам Тварь:

— Опять что-то, да?

— К сожалению, Маленькая Мисс. Нельзя быть полностью уверенным, но, похоже, какие-то проблемы в центральной зоне синтеза.

Тварь вывел на главный иллюминатор мостика схему термоядерной установки, превратив его в подобие дисплея, на который можно было смотреть, не меняя положения головы. За стеклом проплывали пласты облаков — «Штормовая Птица» поднималась в космос. Некоторые элементы термоядерного двигателя были выделены зловещим пульсирующим пурпуром.

— Вот дерьмо, господи! Токамак? [\[10\]](#)

— Похоже, именно он, Маленькая Мисс.

— Мать твою! Помнится, мы его заменили, когда проходили капремонт.

— Именно «проходили», Маленькая Мисс. И... извините за напоминание... что сделано, то сделано.

Антуанетта запустила несколько систем диагностики, но результаты были однозначно неутешительными.

— Это все Ксавьер, — буркнула она.

— Ксавьер, Маленькая Мисс? И в чем провинился господин Лю?

— Ксав клялся, что эта хрень выдержит как минимум три полета!

— Возможно, Маленькая Мисс. Но прежде чем обвинять господина Лю, вы, может быть, вспомните, как полиция остановила нас, когда мы отходили от Ржавого Обода? Тогда пришлось срочно глушить главный двигатель. А быстрая остановка токамаку пользы не приносит. Потом, при входе в атмосферу, имела место сильная вибрация, которая могла усилить повреждение.

Антуанетта нахмурилась. Иногда приходилось только догадываться, на чьей стороне в действительности выступает Тварь.

— Хорошо, Ксава пока не трогаем. Но от этого не легче, правда?

— Катастрофа возможна, Маленькая Мисс, но не гарантирована.

Антуанетта снова проверила показания.

— Нам нужно разогнаться до десяти кликов в секунду, чтобы выйти на орбиту. Что скажешь, Тварь?

— Будет сделано все возможное, Маленькая Мисс.

Антуанетта кивнула. Большого она не может требовать. Облака над кораблем уже редели, небо потемнело до глубокого синего цвета, словно ночью. Казалось, до открытого космоса рукой подать.

Но путь будет очень долгим.

Клавейн наблюдал, как удаляют последние слои маскировки, скрывавшей тайник, где прятался уцелевший. Один из солдат поднял горелку и осветил мрачную камеру. Беглец, закутанный, как в кокон, в грязное серое термоодеяло, завозился в углу. Клавейн вздохнул с облегчением. Одной маленькой проблемой меньше. Теперь можно спокойно уничтожить неприятельский корабль, и «Ночная Тень» вернется в Материнское Гнездо.

Обнаружить уцелевшего оказалось намного проще, чем ожидал Клавейн. В течение каких-то тридцать минут акустические и бисенсорные сканеры локализовали зону поиска. Куда больше времени ушло на то, чтобы вырезать переборки и аппаратуру, чтобы добраться до тайника — крошечной ниши, куда могли поместиться разве что два посудных шкафа, составленных вместе. Убежище находилось в той части судна, куда команда лишней раз не заглядывала — поблизости от термоядерных установок, испускающих смертоносное излучение.

Почти сразу Клавейн сообразил, что перед ним наспех сооруженная тюремная камера. Очевидно, что на этом корабле никогда не перевозили заключенных. Скорее всего, арестанта поместили в нишу и забаррикадировали ее оборудованием и панелями, скрепленными между собой, оставив лишь крошечное отверстие, через которое просовывали воду и пищу. Камера напоминала загаженное логово. Взяв пробу воздуха, Клавейн случайно потянул носом, и его едва не стошнило от вони. Впрочем, экскременты были явно человеческими. Любопытно, как давно команда измывалась над пленником? С начала полета? Или, когда «Ночная Тень» начала преследовать Демархистов, им стало не до арестанта?

Впрочем, его содержали неплохо. Стены ниши были обиты двумя слоями мягкого материала — на случай боевых маневров. В одной из стен обнаружился встроенный интерком — правда, он работал в одностороннем режиме: арестант мог обратиться к команде, но не слышал ответа. Одеяла, остатки пищи... Клавейну доводилось посетить места заключения, которые

выглядели куда хуже. А в некоторых — даже ненадолго задержаться.

Он послал мысль солдату с горелкой.

«Сними одеяло с него, хорошо? Я хочу посмотреть, кого мы нашли».

Солдат полез в нишу. Интересно, кто это может быть? Клавейн быстро пересчитал в голове возможные варианты. Кто-то из Объединившихся? Вряд ли: в последнее время никто из них не попадал в плен. К тому же Демархисты вряд ли сохранили бы пленнику жизнь: лишняя головная боль им не нужна. Значит, кто-то из своих — дезертир или предатель.

Солдат подошел к пленнику, который забился в угол, и сорвал с него одеяло.

Тот немедленно свернулся клубком, точно зародыш, и часто заморгал темными глазами: он явно отвык от света.

Клавейн с любопытством разглядывал заключенного. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы отбросить все прошлые догадки. В первый момент его можно было принять за молодого мужчину — вернее, подростка, судя по росту и пропорциям. Он лежал на полу, обхватив себя руками — совершенно голый. Бледно-розовая кожа тоже выглядела вполне человеческой. Одно предплечье, которое было хорошо видно, покрывали жуткие следы ожогов — яркие пятна молодой кожицы и мертвенно бледные шрамы.

Гиперсвин, или человек-свинья — генетическая химера свиньи и человека.

— Привет, — произнес Клавейн. Он говорил вслух, и его голос, усиленный динамиком скафандра, бил по ушам.

Гиперсвин зашевелился. Следующее движение было резким и совершенно неожиданным. Он выбросил вперед руку, сжимая в кулаке какой-то длинный металлический предмет. Блестящее лезвие рассекло воздух с певучим звуком, какой издает камертон, и с силой ударило Клавейна в грудь. Острие чиркнуло по броне, оставив узкую блестящую бороздку, скользнуло наискось к плечу, где щитки напозлали друг на друга, и вошло в щель. В шлеме назойливо запищал сигнал тревоги. Клавейн отскочил прежде, чем лезвие пробило внутренний слой скафандра и коснулось тела. Клинок, выскочив из щели, с сухим треском ударил в переборку, вылетел из руки гиперсвина и завертелся на полу, словно звездолет, у которого вышли из строя система гироскопов. Это был пьезонож; нечто подобное лежало у Клавейна в пояснике. Похоже, человек-свинья ограбил кого-то из Демархистов.

Клавейн перевел дух.

— Ну что, начнем сначала?

Конджойнеры уже повалили гиперсвина на пол. Клавейн обследовал свой скафандр, вызвав схему повреждений. Небольшой разрыв герметической оболочки в районе плечевого сгиба. Смерть от удушья пока не грозит, но на борту неприятельского корабля вполне можно подхватить какую-нибудь неизвестную заразу. Почти не задумываясь, Клавейн вынул из поясника баллончик-спрей, подобрал диаметр носика и принялся замазывать эпоксидным уплотнителем поврежденный участок. Клей застыл почти мгновенно, образовав на месте разрыва серый пузырек наподобие цисты.

Задолго до начала эры Демархистов — на рубеже двадцать первого и двадцать второго века, то есть вскоре после рождения Клавейна — ученые провели эксперимент над домашними свиньями. Часть генов у этих животных заменили человеческими. Ткани свиней уже давно пересаживали людям, и предполагалось, что это расширит возможности трансплантации. В итоге у свиней действительно появились органы, идентичные человеческим, которые вполне годились для пересадки. Со временем появились более эффективные способы восстановления поврежденных тканей, но разрешение на эксперименты со свиньями оставалось в силе. Генетические изменения становились все более значительными, и наконец дело зашло слишком далеко. Результат оказался совершенно неожиданным: подопытные свиньи начали проявлять несомненные признаки разума.

Никто, и в первую очередь сами свиньи, так и не узнал, что произошло на самом деле. Скорее всего, ученые не ставили себе цели поднять интеллект животных до человеческого уровня. Но появление способности к связной речи не было случайностью. Не все свиньи оказались в равной степени «одаренными». Среди них выделялись группы с разным уровнем умственных и лингвистических способностей. Но умение говорить не появилось само по себе — его формировали и развивали целенаправленно. Это было не так просто — научить свиней правильно строить грамматические конструкции. Кроме того, легкие, гортань и ротовая полость гиперсвинов также были адаптированы под человеческую речь.

Клавейн нагнулся, чтобы побеседовать с заключенным.

— Ты понимаешь, что я говорю? — он обратился к гиперсвину сначала на норте, а потом перешел на каназиан — основной язык Демархистов. — Меня зовут Невил Клавейн. Ты под защитой Объединившихся.

Свин ответил. Перестроенная анатомия гортани и рта позволяла ему формировать вполне членораздельные звуки.

— Меня совершенно не волнует, кто кого защищает. Отвали и сдохни.

— Извини, но у меня на сегодня другие планы.

Гиперсвин осторожно приоткрыл один глаз с красновато-розовым белком.

— Кто вы такие, мать вашу? И где все эти уроды?

— Команда корабля? Боюсь, мертвы.

— Вы их перебили? — непохоже, что пленник был бы рад это услышать.

— Нет. Когда мы проникли на борт, они уже были мертвы.

— А вы кто?

— Как я уже сказал, Объединившиеся.

— А, «пауки», — гиперсвин презрительно скривил рот — гримаса получилась очень человеческой. — Знаешь, что я делаю с пауками? Скидываю в сортир и мочусь на них.

— Очень мило.

Похоже, разговоры ни к чему не приведут, подумал Клавейн. Он мысленно приказал солдатам ввести пленнику снотворное и переправить на «Ночную Тень». Он понятия не имел, что представляет собой этот гиперсвин, откуда он взялся и как его втянуло в круговорот войны. Ничего, когда этого поросенка протралят, многое тайное станет явным. А некоторые медикаменты Конджойнеров сами по себе творят чудеса.

Клавейн оставался на борту вражеского корабля, пока разведгруппа продолжала поиски. Однако Демархисты не оставили никакой ценной информации. Все банки данных были девственно чисты. Группы, проводившие разведку параллельно, не нашли ни технологий, которые не были бы известны Объединившимся, ни оружия, которое стоило бы взять с собой. Таким образом, все сводилось к стандартной процедуре уничтожения судна, чтобы оно не попало обратно в руки врага.

(Клавейн?)

«Что такое?»

(Мы поймали сигнал бедствия от грузовоза.)

«Антуанетта Бакс? Я думал, она уже мертва!

(Пока нет. Но это только вопрос времени. У ее корабля проблемы с двигателем — кажется, токамак вышел из строя. Она не может разогнаться, соответственно, ей не выйти на орбиту.)

Клавейн кивнул — скорее самому себе, чем Ремонту. Он представил параболическую траекторию «Штормовой Птицы». Возможно, корабль еще не достиг пика параболы. Но рано или поздно Антуанетта Бакс начнет падать в обратном направлении, к облакам. Можно представить ее отчаяние, если она решилась подать сигнал бедствия, зная, что в радиусе досягаемости —

только корабль Конджойнеров. Клавейн убедился на собственном опыте, что большинство пилотов предпочитали умереть, чем попасть в плен к «паукам».

(Клавейн... ты понимаешь, что мы не можем подтвердить запрос.)
«Понимаю».

(Мы создадим прецедент. Это все равно что поощрять нарушение закона. В крайнем случае, придется ее завербовать — у нас просто не останется другого выбора.)

Клавейн снова кивнул. Сколько раз он сидел пленников, которые вопили и бились в истерике, когда их вели на процедуру Присоединения. Операция сводилась к тому, что их мозги наспиговывали нейромашинерией Объединившихся. Их страхи были совершенно необоснованны. Клавейн знал это лучше, чем кто-либо другой. Он помнил, как отчаянно сопротивлялся... но понимал, что чувствуют те, кто оказался на его месте.

Интересно, подумал он. Хочу ли я, чтобы Антуанетта Бакс прошла через этот ад? Или нет?

Некоторое время спустя Клавейн увидел ярко-голубую вспышку — корабль Демархистов вошел в атмосферу газового гиганта. Никто не производил расчет времени, но получилось так, что это произошло на ночной стороне планеты. Пурпурные отблески еще долго озаряли нагромождение облаков. Картина поражала своей красотой. Клавейн внезапно вспомнил о Галиане. Это огненное шоу привело бы ее в восторг — она вообще любила подобные зрелища. А еще она бы одобрила способ, которым он уничтожил вражеское судно — не потратив ни одной ракеты, ни одного фугаса. Все, что ему понадобилось — это три ракеты-тягача с «Ночной Тени». Маленькие «шершни», таща за собой тросы, прикрепились к корпусу корабля Демархистов, как рыбы-прилипалы. Потом тягачи повлекли судно к атмосфере газового гиганта и отцепились за минуту до того, как оно вошло в верхние слои — почти отвесно. Гибель вражеского звездолета выглядела впечатляюще.

Сейчас буксиры летели обратно, набирая скорость, чтобы догнать «Ночную Тень», которая уже взяла курс на Материнское Гнездо. Когда ракеты-тягачи вернутся, можно считать, что операция завершена. Останется только разобраться с пленником. Впрочем, с этим можно не торопиться. Но эта Антуанетта Бакс... Какими бы мотивами она не руководствовалась, Клавейн не мог не восхищаться ее отвагой. Дело было даже не в том, что она умудрилась проникнуть вглубь зоны военных

действий. Скорее его восхитила наглость, с которой Антуанетта проигнорировала предупреждение Демархистов. Потом ей хватило духу обратиться к Объединившимся... Ей должно быть известно, что она напрасно сотрясает эфир. Она нелегально проникла в зону конфликта и потому не имела никакого права на содействие, тем более со стороны военного корабля. Какой им резон тратить горючее и время и вытаскивать ее грузовоз из атмосферы? Кроме того, даже если Объединившиеся сохранят ей жизнь, ценой за это будет вступление в их ряды — а такая участь, как утверждала Демархистская пропаганда, была хуже смерти.

Нет. Если она в своем уме, то не рассчитывает на спасение. И все-таки сколько нужно смелости, чтобы просить о помощи!

Клавейн вздохнул, балансируя на грани отвращения к самому себе... И отдал мысленный приказ экипажу «Ночной Тени»: направить «плотный луч» в сторону терпящего бедствие грузовому судну.

Как только связь установилась, Клавейн заговорил вслух:

— Антуанетта Бакс?.. это Невил Клавейн. Я говорю с борта корабля Объединившихся. Как слышите?

Последовала пауза, потом пришел ответный сигнал — на редкость плохо сфокусированный. Голос Антуанетты звучал так, словно пришел с самого отдаленного квазара.

— С какой стати ты вдруг решил мне ответить, родной? Как я понимаю, чтобы я умерла спокойно?

— Мне просто любопытно, вот и все.

Он затаил дыхание, наполовину уверенный, что Антуанетта не ответит.

— Что именно?

— Что заставило вас просить о помощи Объединившихся. Или вас не пугает то, что мы с вами сделаем?

— Почему это должно меня пугать?

Ее безразличие не обмануло Клавейна.

— Как правило, мы придерживаемся одной политики в отношении пленных, Бакс. Они должны стать такими, как мы. И, как правило, становятся. После того, как вы окажетесь у нас на борту, мы вживим в ваш мозг свои имплантаты. Это вас не волнует?

— Знаете, мать вашу, что меня куда больше волнует? То, что я вот-вот впишусь, ко всем чертям, в эту сраную планету!

— Весьма разумная точка зрения, — улыбнулся Клавейн. — Я в восторге.

— Вот и славно. А сейчас... будьте так любезны, отвалите и дайте

умереть с миром.

— Слушайте меня внимательно, Антуанетта. Вам кое-что надо сделать, и желательно побыстрее.

Похоже, она заметила, что его тон изменился, но в ее голосе по-прежнему звучало недоверие.

— И что именно?

— Прикажите вашему кораблю выслать мне свои чертежи. Мне нужны сводные данные по всем параметрам прочности несущих конструкций. Усиленные точки... и все такое. Если вы убедите его изменить окраску так, чтобы я увидел контуры максимального напряжения — еще лучше. Я хочу понять, где можно приложить нагрузку, не опасаясь, что ваш звездолет сложится в гармошку.

— Простите, но мне уже ничем не поможешь. Вы слишком далеко. Даже если развернетесь прямо сейчас... все равно не успеете.

— Поверьте, еще не все потеряно. А сейчас передайте данные, пожалуйста... или я дам волю своим инстинктам, и это будет не лучшее, что можно сделать.

Некоторое время она молчала. Клавейн ждал, нервно почесывая бороду — и наконец вздохнул с облегчением: «Ночная Тень» подтвердила получение данных. Очистив сообщение от нейровирусов, Клавейн впустил информацию в свое сознание. Все, что нужно было знать о грузовозе, расцвело у него в голове, вписанное в кратковременной памяти.

— Большое спасибо, Антуанетта. Все будет просто чудно.

Он послал команду одной из ракет-тягачей, и та, резко развернувшись, помчалась обратно к Мандариновой Грезе — любого пассажира, который находился внутри, во время такого маневра просто размазало бы по стенкам. Клавейн отменил все внутренние ограничения, связанные с безопасным режимом. Он оставил лишь одно условие: сохранить запас горючего для возвращения на «Ночную Тень».

— Что вы делаете? — спросила Антуанетта Бакс.

— Развернул тягач. «Шершень» прикрепится к корпусу вашего корабля и вытащит его в открытый космос, из поля притяжения Мандариновой Грезы. Потом он слегка подтолкнет вас в направлении Йеллоустоуна, но после этого, боюсь, вы будете предоставлены самой себе. Надеюсь, вы сможете привести в порядок свой токамак, иначе будете очень долго добираться до дома.

Казалось, смысл его слов доходил до нее целую вечность.

— И вы не собираетесь брать меня в плен?

— Не сегодня ночью, Антуанетта. [\[11\]](#) Но если вы еще раз мне

попадётся... честное слово, я вас убью.

Клавейн произнес это без малейшего удовольствия — просто надеялся, что угроза вернет ей чувство реальности. Он прервал связь прежде, чем она успела ответить.

Глава 4

Женщина стояла у окна одного из зданий Кювье ^[12], столицы планеты Ресургем, отвернувшись от двери и сцепив руки за спиной в крепкий замок. — Следующий! — произнесла она.

Дождаясь, пока введут подозреваемого, она стояла неподвижно, восхищенно любуясь картиной за окном — картиной, которая потрясала своим строгим величием и грандиозностью.

Окна поднимались от пола до потолка, наклоняясь наружу. Правильные шеренги административных зданий расходились во всех направлениях — гигантские кубы и прямоугольники, которые громоздились друг на друга. Безжалостно прямолинейные, они вызывали чувство сокрушительной согласованности и соподчиненности — волноводы, созданные для того, чтобы уничтожающие малейший проблеск веселья или воодушевления.

Ее офис — крошечная клетка в огромном организме Дома Инквизиции — находился в перестроенной части Кювье. Исторические документы — сама Инквизитор не присутствовала при этих событиях — свидетельствовали о том, что здание было возведено примерно в той самой точке, где террористы Движения «Праведный Путь» привели в действие свое первое взрывное устройство. Оно было величиной с булавочную головку и с зарядом в две килотонны — не самое мощное из того, с чем приходилось сталкиваться Инквизитору. Но она полагала, что главная сила оружия не в самом оружии, а в том, как его применяешь.

Террористы применили его не самым разумным образом, и результат получился довольно скромным.

— Следующий... — повторила Инквизитор, на этот раз немного громче.

Дверь открылась на ширину ладони, и она услышала голос охранника, который стоял снаружи:

— На сегодня все, мадам.

Конечно, дело Иберта было последним в стопке.

— Спасибо, — ответила Инквизитор. — Я полагаю, вы не слышали ничего нового о расследовании по делу Овода?

В голосе охранника появился оттенок смущения — похоже, он решил, что совершает передачу информации конкурирующему департаменту правительства.

— Как я понял, мужчину отпустили после допроса. У него железное алиби, хотя пришлось немного постараться, чтобы вытянуть из него эту историю. Что-то такое... был с женщиной, которая не являлась его женой... — охранник пожал плечами. — Обычная ситуация.

— И обычные меры убеждения. Представляю: несколько прогулок вниз по лестнице... головой вниз. И ничего такого, что могло бы привести к Оводу.

— Они не ближе к его поимке, чем вы к поимке Триумвира. Прошу прощения... Вы знаете, что я имею в виду, мадам.

— Да-а... — уклончиво протянула она.

— Что-нибудь еще, мадам?

— На сегодня все.

Дверь со стуком захлопнулась.

Женщина — официально Инквизитор Вуалюмье — вновь перевела взгляд на город. Дельта Павлина уже опускалась к горизонту, окрашивая фасады зданий разнообразными легчайшими оттенками оранжевого и ржавчины. Она любовалась городом, пока не опустились сумерки, а в памяти возникали картины других городов. Город Бездны — и еще более ранние, Окраина Неба. Сумерки были тем временем, когда она окончательно определяла, нравится ей это место или нет. Внезапно она вспомнила, как вскоре по прибытии в Город Бездны спросила человека по фамилии Мирабель, как ему здесь нравится. Ему нравилось в Городе Бездны, хотя он родился на Окраине Неба. Еще он сказал, что научился привыкать к любому месту. Тогда она усомнилась в этом, но, в конце концов, Мирабель оказался прав. Правда, она поняла это лишь со временем, будучи вырванной из Города Бездны, когда начала оглядываться назад с чувством, напоминающим нежность.

Но она так и не смогла вызвать в себе подобные чувства к Ресургему.

Между зданий серебристыми реками текли огни электрокаров правительственной охраны. Женщина отвернулась от окна, пересела комнату и прошла в свой кабинет, закрыв за собой дверь.

В этом помещении окон не было — из соображений безопасности. Инквизитор с облегчением опустилась в мягкое кресло перед огромным подковообразным столом. Когда-то это был секретер, но после того, как его кибернетические внутренности приказали долго жить, их выпотрошили и заменили более надежными системами. На одном конце подковы стоял нагревательный змеевик, а на нем — кружка с совершенно выдохшимся, чуть теплым кофе. Жужжащий электрический климатизатор источал резкий запах озона.

Три стены кабинета — включая ту, через которую только что вошла Инквизитор — были закрыты стеллажами, где выстроились папки с отчетами, обвинительными актами и заключениями — результат пятнадцати лет упорной работы. Бред какой! Целый правительственный департамент не может поймать одного-единственного индивидуума. Женщину, о которой даже нельзя точно сказать, что она до сих пор жива — и тем более, что находится на Ресургеме. Но это не снимало ответственности с Дома Инквизиции, в обязанности которого входил сбор данных обо всем, что могло угрожать колонии извне. Поиск Триумвира стал одним из самых громких нераскрытых дел. То же самое говорили о Оводе, который организовал и возглавил некое подрывное движение, но этим преимущественно занимался соседний департамент Внутренних Угроз. Несмотря на то, что с момента совершения преступления прошло более шестидесяти лет, высокопоставленные чиновники продолжали настаивать на том, что Триумвир должна быть арестована и предана суду. Просто хотят использовать эту женщину, привлечь к ней внимание общественности, чтобы люди не слишком интересовались делами правительства. Старый как мир метод — создание образа врага. Инквизитору и без того хватало дел — более важных, чем бесполезные поиски военного преступника. Но если сотрудники ее департамента не будут демонстрировать должного энтузиазма в решении этой задачи, кто-нибудь непременно займет их место, а подобного допустить нельзя. Правда, весьма сомнительно, что в новом составе департамент добьется больших успехов в этом деле.

В итоге Инквизитору оставалось только продолжать эту игру. Официально дело не было закрыто. Триумвир принадлежала к фракции Ультра, и это позволяло надеяться, что она до сих пор жива. Только по этому делу проходили десятки тысяч подозреваемых, составлены протоколы десятки тысяч допросов. Сотни биографий и оперативных сводок... А еще было около дюжины индивидов, каждому из которых отводилась добрая часть полки. И это была лишь малая толика архива департамента — заметки, которые должны постоянно находиться под рукой. В подземных хранилищах, разбросанных по всему городу, находились миллионы документов. Сложнейшая секретная сеть пневматических труб позволяла почти мистическим образом переправлять папки из офиса в офис в течение нескольких секунд.

Несколько открытых папок лежало на столе Инквизитора. Множество имен — обведенных, подчеркнутых, соединенных между собой чем-то вроде паутины. Фотографии, прикрепленные к карточкам с аннотациями —

расплывчатые, сделанные длиннофокусным объективом снимки лиц, выхваченных на ходу из толпы. Она листала их, сознавая, что должна убедительно изображать выполнение поставленной задачи. Она должна была принимать донесения полевых агентов и обрабатывать обрывочные сведения, поступающие из шпионской сети. Инквизитору следует демонстрировать все признаки того, что она заинтересована в поимке Триумвира.

Что-то привлекло ее внимание. Что-то на той стене, где не было полок.

Там висела карта Ресургема в проекции Меркатора. ^[13] Карта отображала работу программы терраформирования — маленькие голубые и зеленые пятнышки на фоне теней серого, белого и цвета топленого молока, которые показывали обстановку столетней давности и оставались неизменными. Кювье до сих пор оставался самым крупным населенным пунктом, но рядом уже возникло с десяток поселений — достаточно обширных, чтобы по праву называться маленькими городами. Большинство из них соединялись железными дорогами, между остальными протянулись каналы, шоссе и грузовые трубопроводы. Появились даже вполне удобные посадочные площадки, но воздушного транспорта пока не хватало, поэтому перелеты оставались привилегией ключевых фигур правительства. До самых мелких поселений — метеостанций и бывших археологических лагерей — можно было добраться только на воздушных катерах и краулерах-вездеходах, но дорога занимала не меньше недели.

Сейчас в северо-восточной части карты, где на сотни километров не встретишь ни одного человека, мигала красная точка. Кто-то из полевых агентов вышел на связь. Каждый из оперативных сотрудников обозначался кодовым номером, который высвечивались рядом с точкой, обозначающей местонахождение агента.

Четвертый.

Инквизитор почувствовала, как короткие черные волосы у основания черепа встают дыбом. Она очень, очень давно не получала новостей от этого агента.

Вуалюмье набрала запрос. Ее пальцы хищно клевали тугие кнопки клавиатуры. Находится ли Четвертый в зоне досягаемости в настоящее время? На дисплее письменного стола высветилось подтверждение. Красный сигнал появился в течение последних двух часов. Оперативный сотрудник по-прежнему на связи и ожидает ответа.

— Соединение, — скомандовала Инквизитор.

— Установлено.

— Свяжите с Оперативным Четвертым. Повторяю... Полевой

Оперативный Четвертый. Только аудио. Протокол три.

— Пожалуйста, подождите. Установка связи. Соединение.

— Обеспечьте безопасный канал.

Она услышала, как звук в линии изменился — офицер на коммутаторе ушел из эфира. Инквизитор ждала, но из динамиков доносилось только шипение.

— Четвертый? — выдохнула она.

Последовала мучительная пауза, прежде чем на вопрос ответили.

— Говорите, — голос был еле слышен и то и дело тонул в треске статики.

— Прошло много времени, Четвертый.

— Я знаю.

Женский голос, который был ей очень хорошо знаком.

— Как у вас дела, Инквизитор Вуалюмье?

— Работаю с переменным успехом.

— Понимаю, что вы чувствуете. Нам нужно встретиться, это не терпит отлагательств. Ваш департамент еще не лишили одной маленькой привилегии?

— В определенных пределах.

— Тогда, полагаю, вам придется их растянуть. Вы знаете, где я нахожусь. Маленькое поселение, семьдесят пять кликов к северо-востоку от меня, оно называется Солнхофен. Я могу оказаться там в течение одного дня, и в дальнейшем... — она подробно описала маленькую гостиницу, в которой сейчас находилась.

Инквизитор произвела обычные мысленные расчеты. Если воспользоваться «рукавами» или добираться по дорогам, до Солнхофена придется ползти два или три дня. По воздуху получится куда быстрее, но это рискованно: мимо Солнхофена дирижабли обычно не летают. Еще лучше — воздушный катер: всего полтора дня, даже если придется сделать крюк, огибая какой-нибудь атмосферный фронт. В обычной ситуации, получив подобный вызов от полевого агента, она бы уже приказала готовить катер. Но Оперативный Четвертый... Вуалюмье не могла позволить себе привлекать внимания к этой встрече. Но она чувствовала, что точно не полетит.

Ну и задача.

— Это действительно так срочно? — спросила Инквизитор, заранее зная ответ.

— Разумеется, — собеседница издала странный звук, похожий на кудахтанье курицы. — Иначе я бы не вызывала вас, правда?

— Это касается ее... Триумвира?

Возможно, у нее просто разыгралось воображение. Но ей показалось, что полевой агент улыбнулась.

— Кого же еще?

Глава 5

У кометы не было названия. Когда-то ее классифицировали и занесли в каталог. Но никто не вписал ее в память живых людей. И, разумеется, в общедоступных базах данных не было никакой информации, имеющей к ней отношение. Даже транспондеры никогда не прикреплялись к ее поверхности, и скайджеки не вгрызались в ее ядро, чтобы взять образцы пород. Это была во всех отношениях ничем не примечательная комета — одно из миллиардов холодных космических тел, которые движутся по стационарным орбитам вокруг Эпсилона Эридана. Основную их часть ничто не тревожило с того момента, как система возникла. Лишь изредка отголоски возмущений, сотрясавших более крупные планеты, могли вырвать несколько комет из этого роя, заставив их падать на солнце. Подавляющее большинство комет ждет одно будущее: двигаться по прежним орбитам вокруг Эпсилон Эридана, пока звезда не начнет разбухать. До этого времени они будут пребывать в покое, невыносимо холодные и безмолвные.

По сравнению с другими кометами роя, эту можно было считать крупной, хотя ее размеры не представляли собой ничего экстраординарного: нашелся бы, по меньшей мере, миллион более крупных. Она представляла собой замороженный шар темного льда диаметром двадцать километров — не слишком плотная меренга из метана, монооксида углерода, азота и кислорода с примесью силикатов, похожих на сажу углеводородов и несколькими сверкающими прожилками пурпурных и изумрудных органических макромолекул. Несколько миллионов лет назад, когда галактика была моложе и немного спокойней, они кристаллизовались, образовав красивые переливающиеся разломы. Остальная часть кометы казалась слепленной из непроглядного мрака. Свет Эпсилон Эридана с трудом добирался до нее за тридцать часов, и солнце системы казалось не намного менее далеким, чем самые яркие звезды.

Но однажды пришли люди.

Они прибыли на своих темных звездолетах. Из трюмов эскадры высыпались трансформирующие роботы. Они покрыли комету слоем прозрачного пластика, выпуская его, точно потоки пенистой слюны. Пластик придавал комете прочность, которой она прежде была лишена, но посторонний наблюдатель не заметил бы никаких изменений. Отраженные лучи радаров и спектроскопических сканеров могли заподозрить неладное,

но эти отклонения не превышали обычной погрешности измерительных приборов, которыми пользовались Демархисты.

Облачив комету в пластиковую оболочку, люди приступили к уменьшению скорости ее вращения. Ионные ракеты, умело распределенные по поверхности, начали понемногу гасить угловое перемещение. Наконец, уменьшив вращение кометы до такой степени, чтобы это не вызвало подозрений, ракеты заглушили двигатели, и установки были убраны с поверхности.

Тем временем люди уже пробрались в ядро кометы. Они выдолбили ее изнутри, превратив восемьдесят процентов ее общего объема в тонкий, но твердый панцирь, который служил подкладкой для пластиковой оболочки. Полость имела диаметр пятнадцать километров и почти идеальную сферическую форму. Замаскированные шахты открывались прямо в космос и были достаточно широкими, чтобы через них мог пройти средний звездолет — при условии достаточного мастерства пилотов. Внутреннюю поверхность облепили доки для стоянки и ремонта кораблей, а мелкую расчетную сетку жилых капсул тут и там прорывали криоарифметические установки — приземистые черные купола, похожие на кучки вулканического пепла. Огромные сооружения — квантовые рефрижераторы — извлекали энергию из окружающего пространства посредством вычисления охладителя.

Клавейн столько раз пролетал по этой шахте, что уже не тревожился, когда на очередном извиве приходилось резко менять курс, чтобы не столкнуться с вращающимся панцирем кометы. По крайней мере, он так себе говорил. Но на самом деле он не мог спокойно дышать, пока не оказывался в безопасности, снаружи или внутри. Все это слишком напоминало бросок под опускающуюся крепостную решетку, когда щель становится все уже, и в нее надо успеть проскочить. На таком крупном корабле, как «Ночная Тень», условия маневрирования становились просто зверскими.

Он доверил эту операцию бортовым компьютерам «Ночной тени», которые прекрасно знали, что должно быть сделано. Проход корабля через шахту был именно такой задачей, с которой машины справлялись лучше, чем люди — даже если эти люди были Объединившимися.

Наконец, все закончилось. Они были внутри. У Клавейна до тошноты закружилась голова — не в первый раз. Рукотворный панцирь недолго оставался пустым. Его полость вскоре заполнили устройства, пребывающие в постоянном движении. Казалось, туда поместили гигантский часовой механизм из торопливых шестеренок. Больше всего это

напоминало фантастически сложную армиллярную сферу. [\[14\]](#)

Клавейн снова смотрел на цитадель его народа — Материнское Гнездо.

Оболочка состоит из пяти слоев. Четыре внешних предназначены для создания искусственной гравитации с разницей в половину «g». Каждый слой состоит из трех колец приблизительно одинакового диаметра, их плоскости повернуты под углом шестьдесят градусов относительно друг друга. В двух точках пересечения кольца «врастают» в объемные шестиугольники. Эти шестиугольные узлы играют роль и разделителей, и направляющих: кольца проходят сквозь них, и магнитные поля не позволяют слоям соприкоснуться. Сами кольца — темные, усеяны мириадами крошечных «окошек», — помимо всего прочего, создают освещение.

Диаметр внешней тройки колец составлял десять километров. Этот пояс создавал поле тяготения в два «g». Следующий, меньшего диаметра, отделенный километром пустого пространства — полтора «g». Еще через километр находился третий, имитировавший гравитацию в один «g». Внутри находился самый просторный и густонаселенный уровень пространства — основную часть времени Объединившиеся проводили здесь. И наконец, в самом центре уютно расположилась последняя тройка, с притяжением в половину «g», которая, в свою очередь, заключала в себе прозрачную сферу с нулевой гравитацией, которая не вращалась. Этот пузырь диаметром три километра был наполнен живыми растениями, лампами солнечного света и полузамкнутыми «нишами» с разнообразным микроклиматом. Здесь играли дети, старые Объединившиеся приходили сюда умирать. И именно здесь чаще всего находилась Фелка.

«Ночная Тень» притормозила у внешнего пояса и подошла к причалу. С внутренних уровней уже прибыла техническая группа. Потом Клавейн почувствовал, как корабль тряхнуло — это буксиры пристыковались к корпусу. Когда экипаж покинет судно, «Ночную тень» оттащат к докам, которые лепятся на поверхности. Там уже стояло множество кораблей. Их вытянутые черные тела, поражающие разнообразием форм, были втиснуты в лабиринт опорных устройств и ремонтных систем. Большинство было значительно мельче, чем корабль Клавейна — и ни одно не превосходило «Ночную Тень».

Клавейн, как обычно, чувствовал напряжение и неловкость — словно оставлял недоделанную работу. Прошло много лет, прежде чем он понял, откуда взялось это ощущение. Сходя с корабля, Объединившиеся не говорили друг другу ни слова — несмотря на то, что провели вместе не

один месяц, вместе выполняли миссию и не раз преодолевали опасность.

Робот-перевозчик — вертикальный ящик с огромными окнами, укрепленный на прямоугольной базе с реактивными и турбовинтовыми двигателями — подобрал Клавейна у одного из шлюзов. Шагая на платформу, он заметил, как от соседнего шлюза отстыковался другой перевозчик, более габаритный. В нем сидели Ремонтау, еще двое Объединившихся и гиперсвин с корабля Демархистов. С такого расстояния пленника, ссутулившегося и покорного, можно было принять за человека. В какой-то момент Клавейн подумал, что человека-свинью успешно Присоединили, и тут заметил смиренный обруч, который поблескивал у него на голове.

По пути в Материнское Гнездо гиперсвина протралили, но так и не обнаружили ничего особенного. Основная часть его воспоминаний пленника была надежно заблокированы — и не тем способом, каким работали Конджойнеры. Это были грубые технологии черного рынка, которыми часто пользовались подпольные криминальные структуры Города Бездны. Обычно такими методами скрывали компрометирующие воспоминания, до которых могли добраться всякого рода приспособления из арсенала Феррисвильской полиции — «музыкальные шкатулки», косилки, «стиратели» и «пробойники». Клавейн не сомневался: техники допроса, которые доступны в Материнском Гнезде, смогут разблокировать сознание гиперсвина. Пока же удалось установить немного: им попалась «шестерка», что у пленника склонность к насилию, и он, скорее всего, входит в какую-нибудь из многочисленных «свиных» банд, которые орудуют на Йеллоустоуне и Ржавом Ободе. Ясно, что он успел натворить дел, если Демархисты его арестовали — хотя для свиней это вряд ли было чем-то из ряда вон выходящим.

Нельзя сказать, что Клавейн недолюбливал гиперсвинов, хотя и не питал к ним особой симпатии. Он сталкивался с ними достаточно часто, чтобы понять: их внутренний мир не менее сложен, чем у людей, которые их создали для службы человечеству, и нельзя подходить к ним с одной меркой. Один свин с Ганеша, индустриального спутника Шива-Парвати, трижды спасал Невилу жизнь во время пограничного кризиса, который разразился в этой системе в 2358 году. Двадцать лет спустя на Луне Ирравели, спутнике Фанда, банда «свиной» захватила в плен восьмерых солдат Клавейна. Свиньи начали пожирать их живьем, когда те отказались открыть какие-то секреты Конджойнеров. Из восьмерых удалось выжить только одному, и Клавейн помнил его боль как свою собственную. Он до сих пор носил эти воспоминания в себе, заперев их в самой потаенной

части сознания, куда никто не мог случайно добраться. Но даже такое не заставило его ненавидеть «свиней» как вид.

Вряд ли о же самое можно сказать о Ремонтуа. Когда-то в далеком прошлом ему довелось пережить еще более ужасный и продолжительный эпизод. Он побывал в плену у пирата-гиперсвина по прозвищу Седьмой Заход. Седьмой Заход принадлежал к одному из первых поколений гиперсвинов, и нейрогенетические приращения оставили в его сознании множество психотических шрамов. Пират не просто держал Ремонтуа взаперти — он лишил его мысленной связи с остальными Объединившимися, что само по себе причиняло мучения. Впрочем, Седьмой Заход этим не ограничился. Он пользовался и другими методами, более старыми. И, надо сказать, весьма умело.

В итоге Ремонтуа спасли, а гиперсвин погиб. Но Клавейн знал, что психологические раны его друга до сих пор не зажили, и время от времени боль прорывается, как нарыв. И поэтому, когда Ремонтуа проводил предварительное траление, Клавейн очень внимательно наблюдал за ним. Эту процедуру можно было без особых усилий превратить в изощренную пытку. Пока Ремонтуа не сделал ничего неуместного — более того, действовал даже слишком осторожно, — однако Клавейн не мог избавиться от дурного предчувствия. Если бы пленник не был гиперсвином... И если бы у Ремонтуа не возникало определенных ассоциаций...

Наблюдая за роботом-перевозчиком, который удалялся от «Ночной Тени», Клавейн отметил, что последнее время ничего не слышал о гиперсвине, и что некоторое время будет думать об этой истории. Потом улыбнулся. Глупости, сказал он сам себе. В конце концов, это просто «свинья».

Клавейн послал примитивной субличности перевозчика мысленную команду, платформа качнулась и отчалила от темного корпуса «Ночной Тени», похожей на кита, и поплыла прочь, сквозь часовой механизм непрестанно вращающихся колец к зеленому сердцу кометы, где царила невесомость.

Эту уникальную крепость построили в числе последних. Материнское Гнездо во всех отношениях — хотя в начале войны она была всего лишь самой крупной из тайных лагерей Конджойнеров. Две трети Объединившихся находились на мелких военных базах, рассеянных по всей системе. Эта раздробленность создавала целый ряд проблем. Отдельные группы разделяло расстояние в несколько световых часов, и противнику ничего не стоило перехватить их сообщения. Строить стратегию в реальном времени становилось невозможно, равно как и слить

коллективные сознания двух или более гнезд. Разобщенность нервировала Объединившихся. В конце концов, с большой неохотой, фракция приняла решение объединить все базы, образовав единое Материнское Гнездо — в надежде на то, что централизация принесет выгоды, которые оправдают риск потерять все и сразу.

Оглядываясь на прошлое, решение можно считать очень удачным.

Приближаясь к мембране, которая окружала зону невесомости, перевозчик притормозил. Рядом с гигантской изумрудной сферой Клавейн внезапно почувствовал себя крошечным. Окруженная мягким сиянием, она напоминала миниатюрную планету. Раздался хлопок, и робот проник сквозь мембрану.

Клавейн поднял раму, позволяя воздуху ядра смешаться с атмосферой в кабине перевозчика. Запах зелени защекотал ноздри. Воздух был великолепный — прохладный, свежий, влажный, наполненный ароматом леса после утренней грозы. Клавейн бесконечное число раз посещал Ядро, но аромат напомнил ему не о тех визитах, а о детстве. Он не помнил, когда и где это было, но он уже шел через такой лес — вернее, очень похожий. Где-то на Земле. Кажется, место называлось Шотландией.

В Ядре гравитация отсутствовала. Но растительность, которая наполняла его, не напоминала бесформенную зеленую массу, свободно плавающую в пространстве. Через всю сферу, от одной стенки к другой, тянулись дубовые перекладины длиной около трех километров. То соединяясь, то ветвясь, они составляли симпатичный деревянный «скелет». Некоторые отростки раздувались, внутри образовывались уютные пустоты, освещенные фонариками пастельных тонов. Более мелкие «ветки» сплетались в трехмерные ячейки, где крепилась основная часть растений. Вся эта сложная конструкция была увита оросительными и питающими трубками, подключенными к системе жизнеобеспечения, которая пряталась в самом сердце Ядра. По всей поверхности мембраны были беспорядочно разбросаны «солнечные лампы» — кое-где их можно было разглядеть сквозь листву. Сейчас они горели ярко-синим цветом, имитируя полуденное небо. Ближе к «вечеру» спектр освещения начнет сдвигаться в сторону длинных волн, окрашиваясь оранжевыми и ржаво-красными оттенками заката. Местные сутки составляли двадцать шесть часов, как на Йеллоустоуне.

Потом наступит ночь. Сферический лес оживет, наполнившись стрекотанием и голосами тысяч фантастических ночных животных. Сидя на «перекладине» где-нибудь в центре ядра, в темноте, в самом деле можно было поверить, что лес простирается во все стороны на тысячи

километров. Достаточно было удалиться метров на сто от мембраны — и вращающиеся кольца исчезали в листве, а шум их работы не проникал внутрь.

Робот петлял среди зелени. Он точно знал, куда нужно доставить пассажира. Повсюду Клавейн видел других Объединившихся, но в основном это были дети и старики. Младенцы рождались в триплете с обычной гравитацией. Начиная с шестимесячного возраста, их привозили в Ядро — регулярно, через равные промежутки времени. Здесь, под надзором взрослых, они учились двигаться и ориентироваться в условиях невесомости. Большинство малышей считали это просто игрой, но именно в это время отбирали лучших из них — тех, кому в будущем придется вести войны в космосе. Их было мало, очень мало — детей, которые демонстрировали столь высокие способности к пространственной ориентации, что их ожидало место в команде планирования боевых операций.

Старики были слишком слабы, чтобы долго находиться на уровнях с высокой гравитацией. Однажды они перебирались в Ядро и уже его не покидали. Клавейн как раз пролетал мимо такой пары. Каждый был одет в поддерживающую «сбрую» — медицинскую обвязку, которая удваивала силу мышц. Ноги стариков безвольно волочились по воздуху, точно раздумывая, стоит ли вообще делать какие-то движения. Воспитатели убеждали пятерку детей оттолкнуться от деревянной перекладки и отправиться в открытое пространство.

Непосвященному сцена могла показаться зловещей. Дети были облачены в черные «скафандры» и шлемы, защищающие от острых веток, глаза закрыты выпуклыми темными очками, которые затрудняли восприятие окружающей среды. Старики носили такие же комбинезоны, но без шлемов, что позволяло увидеть полное отсутствие радости на их лицах. Выглядят так, будто отправляют заупокойную службу, подумал Клавейн. Так серьезно, что дальше некуда.

Он активизировал свои имплантанты, чтобы выяснить истинное положение дел. Пространство мгновенно расцвело кричаще яркими структурами. На детях появились туманные наряды, исчерченные огненными завитками и зигзагами, которые походили на племенные знаки. Головы были обнажены, шлемы, отягощавшие их, исчезли. Два мальчика, три девочки. Клавейн оценил их возраст: примерно от пяти до семи. Чувства, которые они испытывают, радостными не назовешь, хотя никто из них не кажется подавленным или безразличным. Скорее, дети выглядели чуть-чуть напуганными и взволнованными. И, несомненно, присутствовало

соперничество: каждый взвешивал свои шансы и риск первым оказаться в воздухе.

Старики почти не изменились, но теперь Клавейн настроился на мысленный тон, который они излучали. Омытые аурой ободрения, лица стариков посвежели и выглядели скорее безмятежными и исполненными терпения, чем строгости. Они были готовы ждать часами, пока дети решатся действовать.

Окружающая обстановка тоже изменилась. Воздух наполнился яркими бабочками и стрекозами, которые стремительно носились вокруг по немислимым траекториям. В листве прокладывали путь неоновые гусеницы. Колибри перелетали от цветка к цветку, зависая в воздухе, словно заводные игрушки. Обезьяны, лемуры и летающие белки нахально пересекали свободное пространство, их глаза блестели, как мраморные шарики.

Клавейн смотрел глазами детей. Они не знали другого мира, кроме этой сказочной абстракции. По мере того как маленькие Конджойнеры будут становиться старше, кто-то начнет умело изменять информацию, которая поступает им в мозг. Эти перемены, происходящие изо дня в день, останутся незамеченными. Однако существа, которые населяют лес, постепенно будут выглядеть все более реалистично, их окраска поблекнет, цвета сменятся естественными — зеленым и бурым, черным и белым. Потом обитатели леса начнут уменьшаться, станут похожими на призраков и, наконец, исчезнут. Останутся только настоящие животные и растения. Потом, когда детям исполнится десять или одиннадцать лет, им осторожно расскажут о машинах, создающих мир, который они видят. Расскажут об имплантатах, о возможности набросить второй слой поверх реальности, и о том, как изменять этот слой при помощи своего воображения.

Процесс обучения Клавейна проходил несколько более грубо. Все произошло на Марсе, когда он второй раз посетил Гнездо Галианы. Она показывала Клавейну детскую, в которой тренировали маленьких Объединившихся, но тогда он еще не был готов позволить вживить себе имплантаты. Потом его ранили, и Галиане пришлось ввести ему медишны — разновидность медицинских имплантантов. Он до сих пор помнил леденящий сердце момент, когда впервые ощутил способность манипулировать субъективной реальностью. Чувство, что твоя голова полностью открыта для множества других сознаний, и что ты сам — только малая часть единого целого. Но, возможно, наиболее шокирующим стал момент, когда он впервые, мельком, увидел разом всех Объединившихся, которые находились вокруг. Психологи называют это «прорывом

сознания», но вряд ли кому-нибудь из них довелось пережить такое на собственном опыте.

Неожиданно его внимание вновь привлекли дети.

(Клавейн!)

Эту мысль послал один из мальчиков.

Приказав роботу-перевозчику остановиться в центре пространства, которое дети использовали для урока левитации, Клавейн развернул платформу так, чтобы находиться с ними примерно на одном уровне с ними.

«Привет», — он облокотился на перила, как проповедник на кафедре.

(Где ты был?) — поинтересовалась девочка, которая, не отрываясь, смотрела на Клавейна.

«Снаружи», — ответил он, осторожно покосившись на учителей.

(Снаружи?! Вне Материнского Гнезда?!)

Как ей ответить? Он не помнил, какого рода знания считаются допустимыми в таком возрасте. Естественно, они ничего не знают о войне. Но сложно рассуждать о каком-то предмете, не затрагивая того, что с ним связано.

«Именно. Вне Материнского Гнезда».

(На космическом корабле?)

«Конечно. На очень большом корабле».

(Можно, я его увижу?) — попросила девочка.

«Как-нибудь в другой раз, не сегодня», — Клавейн почувствовал беспокойство воспитателей, однако никто из них к нему не обратился. — «Кажется, есть другие вещи, на которые вам обязательно надо посмотреть».

(А что ты делал на космическом корабле?)

Клавейн поскреб бороду. Он очень не любил делать две вещи: обманывать детей и пользоваться ложью во спасение. Так что лучше всего будет рассказать часть правды.

«Я кое-кого спасал».

(Кого ты спасал?)

«Э... Одну даму. Женщину».

(А почему тебе пришлось ее спасать?)

«У нее на корабле — космическом корабле — возникли кое-какие проблемы. Ей понадобилась помощь, а я, так случилось, пролетал мимо».

(А как звали эту женщину?)

«Бакс. Антуанетта Бакс. Мне пришлось одолжить ей ракету-буксир, чтобы ее звездолет не упал обратно в атмосферу газового гиганта».

(А почему она оттуда вылетала?)

«Не знаю, так что не буду говорить».

(А почему у нее два имени, Клавейн?)

«Потому что...»

Клавейн понял, что завяз.

«На самом деле... хм-м... Мне не стоит вам мешать. На самом деле...»

Он ощутил что-то вроде дуновения ветерка и понял, что наставники пришли в умиротворенное состояние.

«Итак... хм-м... Кто мне покажет, как умеет летать?»

Вот и все, что требовалось. Пять голосов наперебой зазвучали в голове Клавейна, борясь за его внимания.

(Я, Клавейн! Я!)

И все пятеро, едва сдерживаясь, спрыгнули в пустоту.

Примерно секунду Клавейн любовался зеленой бесконечностью, потом перевозчик прорвал сияющее марево листвы и выплыл на следующую «поляну». Три-четыре минуты назад Клавейн расстался с детьми и летел через лес, точно зная, где найти Фелку.

Ее жилище представляло собой пустое сферическое пространство, со всех сторон окруженное густой растительностью. Одна из перекладин торчала из массы зелени, раздуваясь и образуя жилое «дупло». Первозчик подлетел к перекладине и неподвижно завис вплотную к ней, запустив турбины, давая Клавейну возможность выйти. Трапы и веревочные лестницы были снабжены ручками и опорами для ног, что позволяло двигаться вдоль перекладки, пока он не обнаружил вход в «дупло». Голова снова закружилась, но лишь слегка. Вероятно, какую-то часть его сознания приводила в ужас одна мысль о том, чтобы безрассудно карабкаться по странному сооружению, навевающем воспоминания о пологе дикого леса. Но с годами этот ворчливый повелительный голос, навевающий беспокойство, стих и стал почти не слышен.

— Фелка, — позвал он вслух, — это Клавейн.

Ответа не последовало. Он прошел вглубь, опускаясь — или поднимаясь? — совершенно наобум.

— Фелка!

— Привет, Клавейн, — ее голос оглушительно прогремел откуда-то неподалеку, отраженный и усиленный специфической акустикой перекладин.

Клавейн пошел на голос, поскольку не мог почувствовать ее мысли. Обычно Фелка не подключалась к единому сознанию Конджойнеров, хотя в отдельных случаях делала исключение. Но даже в такие моменты она

держала дистанцию. Когда-то давно, по взаимному согласию, они заблокировали сознание друг от друга — исключение составлял уровень бытовых мелочей. Все остальное расценивалось как нежелательная интимность.

Шахта заканчивалась помещением, похожим на матку. Фелка проводила здесь почти все свое время, здесь же находилась ее лаборатория и мастерская. Стены были покрыты обворожительными деревянными завитками, похожими на естественную скульптуру. По мнению Клавейна, они напоминали геодезическую карту пространства-времени с высоким внутренним напряжением. Канделябры и бра, увешанные фонариками, излучали неяркое сияние, и его многочисленные тени ползли по стенам, трепещая и корчась, точно в пароксизмах страсти. Клавейн помогал себе двигаться, ощупывая кончиками пальцев замысловатые деревянные вещицы, которые свободно плавали в пространстве. Большинство из них он хорошо знал, но одну или две видел впервые.

Клавейн поймал один предмет, чтобы рассмотреть поближе, и тот затрещал, как погремушка. Это оказалась человеческая голова, сделанная из цельного спиралевидного деревянного нароста. Через отверстия в спирали можно было разглядеть еще одну голову, а внутри — еще одну; возможно, их было еще много. Он отпустил поделку и взял другую. Эта представляла собой сферу, утыканную палочками, которые были выдвинуты на разную длину. Клавейн поправил одну и почувствовал, как внутри сферы что-то щелкнуло, точно замок.

— Вижу, ты времени даром не теряла, Фелка, — сказал он.

— Думаю, не только я, — отозвалась Фелка. — Рапорт уже пришел. Что там за история с пленником?

Клавейн разогнал еще одну плавучую группу деревянных фигурок и обогнул выступающую углом балку. Протиснувшись в соединительное отверстие, он оказался в маленькой камере без окон, освещенной только фонарями, которые бросали розовые и изумрудные блики поверх охряных и желтовато-коричневых пятен, покрывающих стены. Одну от пола до потолка покрывали бесчисленные человеческие лица, вырезанные прямо в стене — их черты были слегка утрированы. Те, что располагались на периферии, похоже, еще находились в процессе доработки и напоминали маски горгулий, вытравленные кислотой. В воздухе витал резкий смолистый запах обрабатываемой древесины.

— Не думаю, что от этого типа будет много толку, — проговорил Клавейн. — Его до сих пор не идентифицировали. Похоже, представитель криминального мира. Мы протралили его и вытащили кое-что из недавних

воспоминаний, очень ясных. Наш пленник убивал людей. Не стану углубляться в подробности, но он очень изобретателен, надо отдать ему должное. Напрасно говорят, что свиньи лишены воображения.

— А разве они его имеют? Но есть и другое дело. Я слышала, ты спас женщину?

— О! Забавно. Как быстро распространяются слухи...

Клавейн осекся. Он сам сказал детям про Антуанетту Бакс.

— Она удивилась?

— Понятия не имею. А что, должна была?

Фелка фыркнула. Она плавала в середине комнаты, похожая на раздувшуюся планету в окружении аккуратных деревянных лун. Сейчас на ней была мешковатая рабочая одежда коричневого цвета. Не меньше дюжины незаконченных поделок болтались вокруг ее талии, на нейлоновых лесках. На других лесках висели инструменты для резьбы по дереву — от примитивных сверл и напильников до лазеров и миниатюрных роботов, способных проделывать в древесине извилистые ходы.

— Думаю, она ожидала, что ее убьют. Или, в крайнем случае, заставят Присоединиться.

— Кажется, тебя расстроил тот факт, что нас боятся и ненавидят.

— Это наводит на размышления.

Фелка вздохнула, словно они уже сто раз обсуждали эту тему.

— Как долго мы знаем друг друга, Клавейн?

— Полагаю, дольше, чем кто бы то ни было.

— Да. И большую часть этого времени ты был солдатом. Хотя и не всегда воевал. В душе ты всегда остаешься солдатом.

Фелка подтянула за леску одну из своих поделок и одним глазом посмотрела на Клавейна сквозь деревянное кружево. Он покачал головой.

— Возможно, ты права.

Фелка прикусила нижнюю губу и, уцепившись за более толстую леску, поплыла к стене. Инструменты и поделки, висящие у нее на поясе, плыли за ней, точно суетливая свита, со стуком сталкиваясь друг с другом.

Она занялась приготовлением чая для Клавейна.

— Тебе не понадобилось трогать мое лицо, когда я вошел, — заметил Клавейн. — Это можно считать хорошим знаком?

— В каком смысле?

— Я подумал, что ты начинаешь делать успехи. Ты начинаешь лучше различать лица.

— Нет. Ты разве не заметил стену лиц, когда вошел?

— Наверное, ты закончила их недавно.

— Когда приходит кто-то, и я не уверена, что его знаю, я ощупываю его лицо кончиками пальцев, изучаю. Потом сравниваю свои ощущения с лицами на стенах, пока не нахожу подходящее. Тогда я могу без запинки назвать имя. Конечно, мне приходится добавлять новые лица... Для одних нужно меньше деталей, для других — больше.

— А я?

— У тебя борода, Клавейн. И много морщин. И тонкие белые волосы. Тебя трудно не узнать тебя, правда? Ты не такой, как все.

Она протянула ему кружку, и Клавейн глотнул обжигающего чая:

— Не думаю, что стану отрицать.

Он смотрел на Фелку, собрав всю беспристрастность, на какую был способен. Он сравнивал ее нынешнюю с воспоминаниями о том, какой она была до отлета «Ночной Тени». Прошло всего лишь несколько недель, однако Фелка, судя по всему, стала более замкнутой, отгороженной от мира. Она говорила о посетителях, но Клавейн сильно подозревал, что их было не так уж много.

— Клавейн?

— Обещай мне кое-что, Фелка.

Он подождал, пока она не повернулась. Ее черные волосы, такие же длинные, как у Галианы, спутались и засалились. В уголках глаз скопились шарики беловатой слизи, словно она только что проснулась; бледно-зеленые, почти нефритовые радужки резко контрастировали с белками, которые казались розовыми из-за кровавых прожилок. Кожа под глазами опухла и стала голубоватой. Как и Клавейн, она нуждалась в сне, что было необычно для Объединившихся.

— Что тебе пообещать, Клавейн?

— Если... когда... станет слишком плохо... Дашь мне знать, хорошо?

— Зачем?

— Ты же знаешь, я всегда пытался делать для тебя все, что мог — согласна? Тем более сейчас, когда Галианы нет среди нас.

Натертые глаза Фелки изучали его.

— Ты всегда делал все, что мог, Клавейн. Но ты не можешь помочь такой, как я. Ты не можешь сотворить чудо.

Он грустно кивнул головой.

Фелка была не такой, как другие Объединившиеся. Клавейн встретил ее во время второго визита на Марс, в Гнездо Галианы. В результате прерванного эксперимента по пренатальному ^[15] воздействию на мозговые структуры она выросла не вполне нормальным ребенком. Она не просто не могла узнавать людей в лицо — она была вообще не способна общаться с

окружающими. Все, что происходило в ее внутреннем мире, вращалось вокруг одной бесконечной всепоглощающей игры.

Поселение Галианы было окружено гигантским сооружением, известным как Великая Марсианская Стена — неудачный проект программы терраформирования, прерванной из-за войны. Но Стена не падала. В ходе своей игры Фелка каким-то образом активировала ее механизмы самовосстановления — бесконечный запутанный процесс обнаружения повреждений и перераспределения бесценных ресурсов. Организм этого двухсоткилометрового сооружения был, по большому счету, не менее сложен, чем человеческий, но Фелке удавалось контролировать деятельность всех его систем, вплоть до мельчайших «клеточек». Она не давала стене разрушаться и делала это лучше, чем любой компьютер.

Ее способность решать сложнейшие задачи была поистине изумительной.

Когда во время последней атаки бывших товарищей Клавейна — Коалиции Сторонников Чистоты Нервной системы — Стена пала, Галиана, Фелка и сам Клавейн были вынуждены покинуть Гнездо. Галиана убеждала его не брать Фелку с собой, предупреждая, что без своей Стены та будет чувствовать себя так, словно у нее отняли что-то очень важное — и это намного хуже смерти. Но Клавейн не послушался. Он был уверен, что девочке необходимо дать шанс. В мире должно существовать что-то, способное заменить ей Стену.

Он не ошибся. Но прошли годы, прежде чем его предвидение подтвердилось.

Правильнее было бы сказать «века». Спустя четыреста лет — хотя ни одно из этих столетий не воспринималось больше, чем просто век субъективного времени — Фелке помогли обрести нынешнее шаткое положение сознания. Тончайшие, деликатные неврологические манипуляции вернули ей некоторые функции мозга из тех, что были уничтожены во время внутриутробного вмешательства: речь и зачаточное ощущение того, что окружающие люди — не просто живые автоматы. Некоторые попытки усугубили ситуацию, некоторые закончились провалом — например, Фелка так и не научилась различать лица. Однако успех искупал все неудачи. Фелка нашла множество удивительных вещей, которыми могла занять свой ум, и во время долгих межзвездных экспедиций чувствовала себя счастливее, чем когда-либо раньше. Каждый новый мир предлагал ей неимоверно трудную головоломку.

Однако в конце концов она решила вернуться домой. Они с Галианой

не держали зла друг на друга. Просто появилось ощущение, что настало время обобщить и упорядочить те знания, которых накопилось так много. И лучшим местом для этого оказалось Материнское Гнездо с его богатейшими аналитическими ресурсами.

Но, вернувшись, Фелка обнаружила, что Материнское Гнездо оказалось втянутым в войну. Вскоре Клавейн отправился сражаться с Демархистами, и Фелка поняла, что расшифровка данных ее экспедиции перестало быть главной задачей.

Медленно, очень медленно — это становилось очевидным только с годами — она снова возвращалась в свой замкнутый мирок. Она все менее активно участвовала в делах Материнского Гнезда, изолируя свое сознание от других Объединившихся — за редким исключением. Ситуация усугубилась, когда вернулась Галиана — не живая, не мертвая, пребывающая в каком-то жутком промежуточном состоянии.

Деревянные игрушки, которыми окружила себя Фелка, свидетельствовали о потребности занять свой мозг проблемой, способной бросить ей достойный вызов, и эта потребность граничила с отчаянием. Поделки представляли для нее интерес, но было ясно: спустя какое-то время они перестанут ее удовлетворять, и это неизбежно. Клавейн видел, что процесс уже начался. И знал, что не в его силах дать Фелке то, в чем она нуждается.

— Возможно, когда кончится война... — неуверенно начал он. — Межзвездные перелеты станут обычным делом, и мы снова начнем исследования...

— Клавейн, не обещай того, что не сможешь выполнить.

Фелка взяла свою колбу для питья, перелетела на середину кабинета и, подтянув к себе стамеску, с отстраненным видом принялась трудиться над очередной пространственной композицией. Эта вещица выглядела как куб, собранный из кубиков поменьше и с квадратными отверстиями на некоторых гранях. Вставив стамеску в одно из таких отверстий, Фелка скребла ею взад и вперед, едва поглядывая на свое творение.

— Я ничего не обещаю, — сказал Клавейн. — Я просто сделаю все, что смогу.

— Скорее всего, мне даже Трюкачи не помогут.

— Хорошо, но мы не узнаем, пока не попробуем, правда?

— Думаю... нет.

— Что за мысли, — фыркнул он.

Внутри куба что-то звонко хрустнуло. Фелка зашипела, точно ошпаренная кошка, и швырнула загубленную поделку о ближайшую

стенку. Куб разлетелся на сотни маленьких кусочков. Почти без промедления Фелка схватила другой предмет и принялась обтачивать его, как ни в чем не бывало.

— Если Трюкачи не помогут, можем обратиться к Странникам, — буркнула она. [\[16\]](#)

Клавейн улыбнулся.

— Давай не будем забегать вперед. Если с Трюкачами ничего не выйдет, мы подумаем, что можно сделать еще. Мы перейдем мост, когда подойдем к нему. Сначала надо решить одну маленькую проблему. Победить в этой войне.

— Но они говорят, война вот-вот закончится.

— Так и будет, верно?

Стамеска соскользнула и оцарапала боковую поверхность ее пальца, срезав кусочек кожи. Прижав ранку к губам, она жадно начала сосать палец, словно последние капли сока из лимона.

— А с чего ты взял?

Он почувствовал абсурдное желание понизить голос, хотя и так говорил тихо.

— Не знаю. Возможно, я старый тупой болван. Но ведь старые тупые болваны для того и существуют, чтобы все время во всем сомневаться?

Фелка сдержанно улыбнулась.

— Хватит говорить загадками, Клавейн.

— Это все Скейд и Закрытый Совет. Что-то происходит, но я не знаю ничего конкретного.

— Что именно?

Клавейн очень аккуратно подбирал слова. Он безгранично доверял Фелке, но помнил, что имеет дело членом Закрытого Совета. Тот факт, что она уже давно не участвовала в работе Совета и, скорее всего, не была посвящена в последние секреты, не имел большого значения.

— Мы перестали строить корабли сто лет назад. Никто не сказал мне, почему так получилось, и я быстро понял, что спрашивать бесполезно. Недавно до меня дошли странные слухи о том, что происходит что-то странное: секретные программы по разработке новых технологий, секретные эксперименты. Далее: ни с того ни с сего, когда Демархисты уже почти готовы признать поражение, Закрытый Совет начинает разрабатывать совершенно новый проект — корабль для межзвездных перелетов. Будь я проклят, если «Ночная Тень» — это не оружие, Фелка. Но, черт возьми, с кем они собрались воевать, если не с Демархистами?

— «Они», Клавейн?

— Я имею в виду «мы».

Фелка кивнула.

— И ты будешь немерено удивлен, если Закрытый Совет ничего не затевает у тебя за спиной.

Клавейн сделал крошечный глоток из кружки.

— Я не имею права интересоваться, так?

В течение бесконечно долгих минут Фелка молчала. Тишину нарушал только скрежет напильника по дереву.

— На некоторые вопросы я могу тебе ответить здесь и сейчас, Клавейн. Ты это знаешь. Но ты должен понимать: я никогда не расскажу того, что сообщил мне Закрытый Совет. И ты на моем месте поступил точно так же.

Клавейн пожал плечами.

— Не ожидал... ничего другого.

— Даже если бы я согласилась, не думаю, что мне известно все. И уже не будет. Это многослойная структура. Меня никогда не посвящали в тайны Внутреннего Кабинета и много лет не подпускали к данным Закрытого Совета, — Фелка коснулась виска надфилем. — Кое-кто из членов Совета даже хотел, чтобы мои воспоминания стерли. Тогда я бы забыла все, что узнала за годы активного членства. Единственное, что их остановило — это ненормальная анатомия моего мозга. Они не могли гарантировать, что не сотрут другие воспоминания.

— Хорошо, что хоть это их остановило.

Она кивнула.

— Есть одно решение, Клавейн. Очень простое, если разобраться.

— Какое?

— Ты всегда можешь вступить в Закрытый Совет.

Клавейн вздохнул. Он искал подходящие слова, но понимал, что Фелку не устроят никакие объяснения.

— Можно еще чаю, если не возражаешь? — спросил он.

Скейд пробиралась по извилистым серым коридорам Материнского Гнезда, и ее гребень пылал алым от гнева и напряженной сосредоточенности. Она направлялась в тайную палату, где договорилась о встрече с Ремонтуа и кворумом действующих членов Закрытого Совета.

Ее мозг работал в режиме предельной интенсивности. Она обдумывала, как провести встречу. Все надо организовать очень тонко. Возможно, это самая значимая операция в ее кампании, цель которой — привлечь Клавейна на свою сторону. Большинство членов Закрытого

Совета Скейд вертела, как марионетками, но кое-кто вызывал у нее беспокойство. Пожалуй, этим потребуются нечто большее, нежели обычные меры убеждения.

Одновременно Скейд просматривала последние технические данные, которые передавала секретная система на борту «Ночной Тени». Информация поступала в мозг через устройство, которое сейчас прикрывало ее живот, точно кусок бронированного щитка. Показатели радовали: единственная проблема, которая осталась — это сохранить в секрете свои достижения, чтобы не допустить более серьезных тестов оборудования. Она уже порадовалась новостями Производителя Работ, так что последние технические достижения, скорее всего, будут зарегистрированы во время массового отлета флота.

Однако, занимая большую часть своего сознания исследованиям, Скейд в то же время прокручивала запись сообщения, которое недавно пришло от Феррисвильского Конвента.

И это сообщение приятным не было.

Виртуальный спикер парил перед Скейд, двигаясь задом наперед с той же скоростью, что и она. Его ноги безвольно висели в воздухе, скользя над полом. Скейд просматривала с десятикратным ускорением, и спикер жестикулировал, как буйнопомешанный.

— Официальное обращение ко всем представителям фракции Конджойнеров, — тараторил спикер. — Феррисвильский Конвент располагает информацией о том, что корабль Конджойнеров захватил судно Демархистов в Спорном Пространстве в радиусе Мандариновой Грезы...

Скейд перемотала этот фрагмент. Она уже восемнадцатый раз изучала это послание, исследуя все нюансы и пытаясь обнаружить подвох. И уже знала, что дальше последует дико занудное перечисление правовых структур и статусов Конвента. Понятно, что такая информация не могла быть истолкована двояко.

— ... Марушка Чанг, капитан корабля Демархистов, неизвестная фракции Конджойнеров, уже имела официальную встречу с офицерами Феррисвильского Конвента, на которой договорилась о передаче им заключенного. Заключенный, о котором идет речь, находился под стражей на борту судна Демархистов после того, как был арестован на военном астероиде, находящегося под юрисдикцией тех же Демархистов, в соответствии с...

Пропустить. Пластины на гребне ощутимо нагревались.

— ... Вышеупомянутый заключенный, гиперсвин, известный Феррисвильскому Конвенту как «Скорпио», уже разыскивался в связи с

совершением преступлений, связанных с нарушением пунктов генерального законодательства номер...

Она позволила сообщению повториться еще раз до конца, но не обнаружила ничего, что не было предельно ясно. Похоже, этот карлик-бюрократ из Конвента слишком увлечен перечислением пунктов и подпунктов, чтобы оказаться способным на настоящий обман. И все, что он говорил о гиперсвинне, было чистой правдой.

Скорпио известен властям как преступник и убийца. Чанг, скорее всего, информировала полицию о его захвате по «плотному лучу», прежде чем «Ночная Тень» подошла достаточно близко, чтобы прервать передачу сообщения.

И Клавейн, черт бы его побрал, не сделал того, что должен был сделать — разнести Демархистов на элементарные частицы при первой же возможности. Конечно, Конвент разворчался бы по этому поводу. Но Клайвен был в своем праве. Он не знал, что на борту находятся военнопленные, он вообще не был обязан задавать вопросы перед тем, как открыть огонь.

А он взял и он спас этого выродка.

— ... немедленно передать заключенного в наше распоряжение, невредимым, без систем нейроинfiltrации, в течение двадцати шести стандартных дней. Невыполнение требований... — спикер Конвенции выдержал паузу и сладострастно потер руки, — ...приведет к осложнению отношений между фракцией Конджойнеров и Конвентом, на чем я вынужден особо заострить внимание.

Скейд прекрасно понимала, что сам по себе пленник не представляет никакого интереса для Объединившихся. Но в качестве военного трофея ему цены нет. Закону и порядку, которые представляет Конвент, медленно, но верно приходит конец, а люди-свины — сильная и не всегда законопослушная группировка, живущая по своим правилам. В свое время Скейд посетила Город Бездны по секретному поручению Совета, и этот визит едва не стоил ей жизни. Поимка этого поросенка и его казнь станут серьезным предупреждением для остальных подонков — особенно для тех же «свиней», которые объединились в преступные группы. Будь Скейд на месте спикера, она тоже сделала бы такое заявление.

Но от этого пленник не перестает быть проблемой. По правде говоря, Скейд не обязана идти на уступки. Еще немного, и Конвент растеряет последние остатки своего влияния. Производитель Работ заверил ее в том, что через семьдесят дней флот будет полностью готов к отправлению. У Скейд не было никаких оснований сомневаться в точности его расчетов.

Семьдесят дней.

После этого еще десять-двадцать — и все. Три месяца, которые, по большому счету, не имеют никакого значения. Остается только одна проблема. Никому не должно быть известно о существовании флота, равно как и о причинах его существования. Необходимо поддерживать впечатление, что Объединившиеся идут к победе, в полном соответствии с прогнозами независимых обозревателей. Любые сведения вызовут подозрения, как внутри Материнского Гнезда, так и за его пределами. И если Демархисты узнают правду... У них есть такой шанс — мизерный, но его нельзя не принимать в расчет. И тогда они могут взять реванш, использовать полученные сведения, чтобы переманить на свою сторону фракции, которые до сих пор поддерживали нейтралитет. Да, сейчас их силы на исходе, но если к ним присоединятся ультра, этот тандем станет весьма ощутимым препятствием на пути Скейд.

Ну уж нет. И если она хочет победить, то придется расшаркаться перед Конвентом. Так что придется придумать способ передать им гиперсвина — причем до того, как у них возникнут подозрения.

Ее охватила почти беспредельная ярость. Превратив спикера в застывший черный силуэт, Скейд крупным шагом прошла сквозь него, и неподвижная фигура разлетелась на части, словно стая испуганных воронов.

Глава 6

Личный воздушный катер позволял сделать путешествие до Солнхофена существенно короче. Однако на последнем отрезке пути Инквизитор решила воспользоваться наземным транспортом и приказала своему летательному аппарату совершить посадку, выбрав достаточно крупное поселение, которое находилось ближе всего к пункту ее назначения.

Местечко называлось Аубудон — расплзающееся скопление складов, лачуг и куполов, пронизанное монорельсами, грузовыми трубами и путепроводами. По периферии, втыкаясь в грязно-серое северное небо, торчали филигранные спицы — причальные мачты дирижаблей. Но сегодня они были пусты. Ни один воздушный корабль не был пришвартован и, похоже, ни один не собирался появиться в ближайшее время.

Летательный аппарат опустился на бесформенное бетонное пятно между двумя складами. Бетон оказался шероховатым и в выбоинах. Инквизитор поспешно пересекла площадку, приминая жесткую щетку травы, приспособленной к условиям Ресургема, которая торчала из каждой трещины. Время от времени она с некоторым опасением поглядывала на самолет, который, описав широкую дугу, возвращался в Кювье. Там он будет находиться в распоряжении кого-нибудь из правительственных чиновников, пока Инквизитор Вуалюмье не решит, что ей пора домой.

— Одна нога здесь, другая там, — вполголоса проворчала Инквизитор.

Рабочие, которые направлялись куда-то по своим делам, заметили ее. Но здесь, вдали от Кювье, деятельность Инквизиции не была любимой темой для обсуждения. Большинство из них поняли, что перед ними один из членов правительства, хотя Инквизитор была одета очень просто. Но вряд ли они сразу догадались, что она занимается поисками военного преступника. Скорее всего, ее сочли офицером полиции или инспектором, представителем огромной бюрократической армии. Возможно, она прибыла для очередной проверки использования запасов и средств. Появись она в сопровождении вооруженных людей — прислуги или охраны, ее появление, естественно, вызвало бы больше комментариев. Но сейчас люди старались даже не встречаться с ней взглядом, и Инквизитор смогла без приключений дойти до гостиницы.

Ее одежда была темной и неброской и скрыта длинным плащом —

люди не расстаются с такими плащами в тех районах, где часто свирепствуют «бритвенные бури». Под подбородком болтался чехол для дыхательной маски. Наряд дополняли черные перчатки, а все личные вещи помещались в маленьком рюкзаке. Блестящие волосы цвета воронова крыла, стриженные под горшок, как обычно, падали на глаза. Эта прическа эффективно скрывала ларингофонный радиопередатчик и крошечный наушник, который использовался только связи с катером. Миниатюрный бозонный пистолет, изготовленный ультра, который наводился на цель с помощью контактной линзы на одном глазу, Инквизитор взяла с собой исключительно ради чувства безопасности. По крайней мере, она не планировала пускать его в ход.

Гостиница оказалась унылым двухэтажным строением и находилась у главной трассы на Солнхофен. Грузовики на огромных надувных колесах проползали в обоих направлениях через разные промежутки времени, волоча за собой прицепы — рифленые контейнеры, прицепленные к задней оси, которые больше всего напоминали перезрелые фрукты. Водитель располагался в коконе-стручке, подвешенном впереди на двухзвенном манипуляторе, который или опускал кокон к самой земле, или поднимал его на высоту второго этажа. Именно на этот случай в придорожных гостиницах двери предусматривались специальные двери. Обычно три или четыре грузовика шли на автопилоте, причем переднему доставалась роль тягача. Но автопилоту никто особенно не доверял, так что машины не оставляли без присмотра.

Выцветший фасад гостиницы был покрыт ровным слоем грязи. Пожалуй, перчатки снимать не стоило. Инквизитор подошла к кучке водителей, которые сидели вокруг стола и болтали о делах. На столе красовались кружки с кофе, сэндвичи и салаты — от нетронутых до почти полностью съеденных. Натюрморт дополняла скверно отпечатанная газета, в которой деятели искусств делились своими чувствами по поводу очередных преступлений против человечества, совершенных Оводом. Список наиболее заметных деяний прилагался тут же. Кольцеобразное пятно от кофейной кружки окружало голову преступника, как нимб.

Инквизитор простояла рядом, как ей показалось, несколько минут, пока один из водителей не соизволил заметить ее и кивнуть в знак приветствия.

— Моя фамилия Вуалюмье, — представилась она. — Я хотела бы добраться до Солнхофена.

— Вуалюмье? — сказал один из шоферов. — Как Инкви...

— Оставьте свои выводы при себе. Фамилия как фамилия. На

дорогу. Тягач шел на автопилоте и хорошо держал дорогу. Вмешательство человека потребовалось лишь в отдельных случаях. Несомненно, машина могла вообще добраться до пункта назначения без водителя, если бы это было разрешено местными законами. Изредка навстречу проезжала колонна или одиночный тягач. Но по большей части могло показаться, что грузовик едет сквозь бесконечную необитаемую тьму.

На коленях у Вуалюмье лежала газета, и она успела раз пять перечитать статью, где рассказывалось об Оводе. Усталость наваливалась все сильнее, глаза снова и снова пробегали по одному абзацу. Статья описывала соратников Овода как банду жестоких террористов, которые намерены уничтожить нынешнее правительство с единственной целью — «ввергнуть колонию в пучину анархии». И лишь вскользь упоминался тот общепризнанный факт, что Овод искал способ эвакуировать население Ресургема, используя корабль Триумвира. Но Инквизитор прочла достаточно заявлений Овода, чтобы понять его позицию. Ни Силвесты, ни одно из последующих правительств не допускало даже мысли о том, что колония может оказаться беззащитной, если разразится катастрофа, подобная той, что около миллиона лет назад уничтожила расу амарантян. Впоследствии, и в особенности после того, как режим Жирардо рухнул и наступили годы мрака и отчаяния, тему возможности планетного катаклизма тихо исключили из публичных дебатов. Даже простое упоминание об амарантянах — не говоря уже об их судьбе — могло привести к ненужным проблемам. Так что Овод прав. Нельзя сказать, что угроза неотвратима, но она существует.

Овод действительно уничтожал правительственные объекты, но действовал настолько четко и продуманно, что гибель простых граждан сводилась к минимуму. Иногда подобные акции совершались для того, чтобы привлечь внимание к его движению. Однако гораздо чаще их целью было разграбление правительственной собственности или ресурсов. Безусловно, Овод считал необходимым свержение администрации, но это не было его главной целью.

Он верил, что корабль Триумвира до сих пор не покинул систему. Еще он верил, что правительство знает, где именно находится звездолет и как туда попасть. По мнению сторонников Овода, оно располагало двумя полностью исправными шаттлами, на которых можно повторить перелет между Ресургемом и «Ностальгией по Бесконечности».

План был достаточно прост. Первым делом надо обнаружить шаттлы, причем Овод верил, что уже близок к цели. Затем — скинуть правительство или сделать что-то другое, чтобы завладеть шаттлами. После этого

необходимо предоставить людям возможность добраться до заранее оговоренных эвакуационных пунктов. Последняя стадия, вероятно, включала полное уничтожение существующего режима, но Овод постоянно заявлял, что намерен достичь цели как можно меньшей кровью.

Однако правительственная цензура скрыла основную часть его намерений. Цели были изложены с точностью до наоборот, идея угрозы, нависшей над Ресургемом, предстала в самом нелепом виде. Овода изобразили помешанным эгоистом, который возомнил о себе невесть что, а число жертв среди гражданского населения — невероятно завышенным.

Инквизитор разглядывала портрет Овода. Она никогда не встречалась с этим человеком, но много знала о нем. Картинка имела весьма отдаленное сходство с оригиналом, но департамент Внутренних Угроз утверждал, что сходство полное. И это радовало.

— На вашем месте я бы не тратил время на эту чушь, — сказал водитель, когда Инквизитор начала клевать носом. — Парень мертв.

Вуалюмье заморгала и проснулась.

— Что?

— Овод, — шофер ткнул толстым пальцем в газету, которая лежала у нее на коленях. — Тот, что на картинке.

Как это понимать? Или водитель нарочно молчал, пока она читала, либо это маленькая игра с пассажирами, которой он забавлял себя во время поездки.

— Не знала, — отозвалась Инквизитор. — Я имею в виду, что не читала в газетах и не слышала в новостях...

— Наше правительство его прихлопнуло. Знаешь, он зря называл себя Оводом.

— Как можно убить кого-то, не зная, где он находится?

— Все они знают. Можешь не сомневаться. Просто пока не хотят нам рассказывать.

— Они?

— Правительство, любовь моя. Выше голову.

Он явно ведет какую-то игру. Скорее всего, догадался, что она из правительства, и понимает, что у нее нет ни времени, ни желания доказывать свою точку зрения.

— Хорошо. Допустим, они его убили. Тогда почему об этом до сих пор не хотят объявить? Тысячи людей надеются, что Овод поведет их в Землю Обетованную.

— Ага. Но есть только одна вещь на свете, которая хуже, чем мученик. Это мертвый мученик. У них изрядно прибавится проблем, если народ

узнает о его смерти.

Она пожала плечами и свернула газету.

— Я вообще не уверена, что Овод существует на самом деле. Может быть, это выгодно правительству — создать образ надежды, чтобы проще было управлять населением. Или вы полностью верите в эти рассказы?

— О том, что Овод ищет способ вывезти нас с Ресургема? Нет, конечно. Честно говоря, это было бы здорово. Хотя бы избавимся от всяких сопляков.

— Вы действительно так считаете? Что все люди, которые хотят покинуть Ресургем — сопляки?

— Извини, любовь моя. Я догадываюсь, кого ты будешь защищать. Но кое-кто из нас действительно любит эту планету. И шагу отсюда не сделает.

— Не спорю.

Она откинулась на сиденье и прикрыла лицо сложенной газетой, как маской. Если подобный намек не дойдет до водителя, этого типа можно считать безнадежным.

К счастью, намек дошел.

На этот раз ей удалось уснуть по-настоящему. Ей снилось прошлое, и воспоминания вспыхнули с новой силой — их вызвал к жизни голос Оперативного Четвертого. Нельзя сказать, что она не могла выбросить из головы Четвертого, но заставляла себя не воспринимать ее как личность. Это было слишком болезненно. Думать о Четвертом означало думать о том, как Вуалюмье прибыла на Ресургем. Думать о другой жизни, которая, в сравнении с суровой реальностью настоящего, казалась далекой и неправдоподобной фантазией.

Но голос Четвертого — как открытая дверь в прошлое. Некоторые вещи нельзя игнорировать.

Какого черта Оперативный Четвертый вызвала ее на этот раз?

Вуалюмье проснулась оттого, что грузовик начал двигаться как-то иначе. Машина задом заезжала в разгрузочную нишу.

— Уже приехали?

— Это Солнхофен. Конечно, не большой город с яркими огнями, но ведь ты именно сюда хотела попасть?

Через щели в решетчатых стенах ангара виднелось небо цвета анемичной крови. Рассвет или очень близко к нему.

— Мы немного опоздали, — сказала Инквизитор.

— Мы уже четверть часа как в Солнхофене, любовь моя. Ты спала как убитая, так что я не стал тебя будить.

— О да, конечно.

И она неохотно протянула ему остаток платы.

Ремонтуа наблюдал за тем, как несколько членов Закрытого Совета, которые прибыли последними, занимают свои места на многочисленных ярусах тайной палаты. Кое-кто из стариков все еще мог проделать это самостоятельно, но большинство передвигалось с помощью экзоскелетов, слуг и «шершней» величиной с большой палец руки, которые черными тучами вились вокруг. Некоторые были близки к концу физической жизни и почти покинули свою плоть. Эти напоминали головы, качающиеся на подвижных паукообразных протезах, которые заменили им тела. У одного — или двух — мозг был настолько переполнен имплантатами, что не умещался в черепе и находился снаружи, в прозрачной колбе с жидкостью, где пульсировали механизмы систем жизнеобеспечения. Большая часть деятельности их сознания происходила внутри безграничной ментальной паутины Объединившихся. Каждый из них берег свой мозг — точно семья, которая не желает ломать обветшавший дачный дом, хотя в нем почти не живет.

Исследуя мысли каждого из вновь прибывших, Ремонтуа обнаружил несколько человек, которых считал мертвыми. Эти люди не появлялись ни на одном собрании Закрытого Совета, в которых он участвовал.

Сегодня дело касалось Клавейна. Поэтому Ремонтуа вызвал всех, невзирая на возраст.

Неожиданно Ремонтуа почувствовал, что в палате появилась Скейд, вошедшей в тайную палату. Вот она — поднялась на кольцеобразный балкон, расположенный на полпути к верхней части сферической камеры. Палата была непроницаема для всех ментальных трансмиссий. Тем, кто находился внутри, это не мешало, но они были полностью изолированы от остальных сознаний в Материнском Гнезде. Это позволяло Закрытому Совету общаться во время заседаний более свободно, чем через обычные нейроканалы.

Ремонтуа сформировал мысленное послание, определил его как высокоприоритетное и послал Скейд. Оно заглушило рой сплетен, вьющийся вокруг нее, и привлекло всеобщее внимание.

«Клавейн знает об этом собрании?»

Ответ пришел незамедлительно.

(А зачем ему знать?)

«Получается, мы собрались поболтать о нем за его спиной?»

Скейд сладко улыбнулась.

(А почему бы твоему другу не присоединиться к нам? Тогда не было

бы нужды говорить о нем, как ты выразился, за его спиной, не так ли? Это проблема Клавейна, а не моя.)

Ремонтуа встал, чувствуя, что оказался в центре внимания. Всевозможные сенсорные аппараты, как по команде, повернулись в его сторону.

«А кто сказал „проблема“, Скейд? Я просто оглашаю тайную повестку дня. Сообщаю, по какому поводу мы сегодня собрались».

(Тайную повестку дня? Мы хотим Клавейну добра. Я думала, что до тебя это уже дошло, раз ты ему друг.)

Ремонтуа огляделся. Фелки здесь нет, как и следовало ожидать. Она имела полное право участвовать в собрании, но можно не сомневаться: Скейд не внесла ее в список приглашенных.

«Согласен, я его друг. Он спасал мою жизнь не один раз. И даже если бы этого не было... Ладно, мы находились рядом достаточно долго. Может быть, это означает, что я не могу быть объективным. Но я все-таки кое-что вам расскажу».

Он снова обвел взглядом комнату, кивая, когда встречался с глазами или сенсорами других Объединившихся.

«Каждый из вас знает, что Клавейн ничего нам не должен. Возможно, кому-то из вас об этом надо напомнить. Но неважно, о чем Скейд пытается заставить вас думать. Если бы не Невил Клавейн, никого из нас не было бы здесь. Он так же важен для всех нас, как и Галиана, и я не просто так это говорю. Я познакомился с ней раньше, чем кто-либо присутствующих».

Скейд кивнула.

(Конечно, Ремонтуа прав. Но вы заметили, что все подвиги Клавейна, которые вошли в историю, относятся к прошлому — к далекому прошлому? Не спорю, с тех пор, как Клавейн ввернулся из Глубокого космоса, он по-прежнему служит нам. Но — наравне со всеми. Он сделал не больше и не меньше, чем любой из старших Объединившихся. Разве вы не ожидали от него чего-то более серьезного?)

«Более серьезного чем что?»

(Чем простая солдатская служба, которой он себя посвятил. Чем постоянное стремление рисковать.)

Похоже, Ремонтуа предстояло выступить в роли адвоката своего друга, нравится ему это или нет. Он почувствовал легкое презрение к остальным членам собрания. Многие из них обязаны Невилу жизнью и подтвердили бы это при других обстоятельствах. Но Скейд подмяла под себя всех.

Что ж, значит, ему придется говорить за Клавейна.

«Кто-то должен патрулировать границы».

(Конечно. Но у нас есть те, кто моложе, энергичнее... и, будем откровенны, те, кого не так жалко потерять. Они вполне способны делать то же самое. Опыт Клавейна нужен нам здесь, в Материнском Гнезде, где мы сможем найти ему достойное применение. Я не верю, что он цепляется за любую возможность, чтобы уклониться от исполнения долга перед Гнездом. Это не в его интересах. Клавейн делает вид, что он один из нас, но это только игра. Он предпочел оказаться на стороне победителей, но отказался от полной вовлеченности, принять которую означает быть Объединившимся. Это признак самодовольства, эгоизма — того, что враждебно нашему пути. Это даже начинает напоминать вероломство.)

«Вероломство? Никто не был так верен фракции Конджойнеров, как Невил Клавейн. Похоже, некоторым из нас не помешал бы урок истории».

Один из Объединившихся, похожий на голову на пауьем теле, включился в разговор.

(Я согласен с Ремонтуа. Клавейн нам ничего не должен. Он уже тысячу раз это доказал. И если он не хочет становиться членом Совета, его право.)

На противоположной стороне аудитории засиял мозг в колбе. Свет пульсировал синхронно звуковым сигналам.

(Безусловно. В этом никто не сомневается. Но есть еще один аспект, не менее важный. У Клавейна моральное обязательство стать одним из нас. Он расходует свои таланты за пределами Закрытого Совета, такое не может больше продолжаться.)

Объединившийся выдержал паузу. Жидкость в колбе бурлила и булькала, бугристая масса мозговых тканей несколько раз вяло набухла и сжалась, точно жуткий ком теста.

(Я не могу одобрить пламенную речь Скейд. Но в том, что она сказала, есть толика несомненной правды. То, что Клавейн постоянно отказывается присоединиться к нам, равноценно вероломству.)

«Заткнись», перебил Ремонтуа. «Не удивлюсь, если тебе больше нечего сказать. Думаю, Клавейн думает несколько иначе...»

(Оскорбление!) — вскипел мозг.

Но Ремонтуа уловил волну, похожую на сдержанный смешок. Его колкость кого-то позабавила. Этот разбухший мозг явно не пользовался таким уважением, как ему нравилось думать.

Ощущая свои движения словно со стороны, Ремонтуа нагнулся, крепко стиснув перилах балкона.

«Как это понимать, Скейд? Почему именно сейчас? После того как Совет столько лет обходился без него?»

(Что ты имеешь в виду?)

«Я имею в виду следующее: что на самом деле подвигло тебя на этот шаг? Что-то затевается, не так ли?»

Гребень Скейд налился красновато-коричневым. Скрипнув зубами, она отступила на шаг и ссутулилась, точно кошка, которую загнали в угол.

Ремонтуа не сдавался.

«Сначала мы пересматриваем программу постройки кораблей, а через сто лет спустя прекращаем их выпуск, причем причина настолько засекречена, что даже Закрытый Совет ничего о ней не знает. Затем у нас появляется прототип, набитый скрытой аппаратурой неизвестного происхождения и назначения. Принцип их действия Совету опять-таки неизвестен. Теперь есть целый флот подобных кораблей, который собран на комете недалеко отсюда, но это все, что нам сочли нужным сообщить. Уверен — Внутреннему Кабинету есть что сказать по этому поводу...»

(Осторожнее, Ремонтуа.)

«Почему? Это же невинные умозаключения! Почему я должен остерегаться?»

Объединившийся с гребнем, чем-то напоминающим гребень Скейд, встал и попытался вмешаться. Ремонтуа хорошо знал этого человека: похоже, тот не имел отношения к Внутреннему Кабинету.

(Ремонтуа прав. Что-то действительно затевается, и Клавейн — только часть проблемы. Свертывание кораблестроительной программы, странные события, связанные с возвращением Галианы, этот новый флот, тревожные разговоры об орудиях... все это звенья одной цепи. Нынешняя война — просто отвлекающий маневр, и Внутреннему Кабинету это хорошо известно. Возможно, истина смутит нас, обычных членов Закрытого Совета. В таком случае, как и Ремонтуа, я позволю изложить некоторые выводы и посмотрю, что из этого получится.)

Он пристально посмотрел на Скейд, прежде чем продолжить.

(Ходят еще кое-какие слухи, Скейд. Они связаны с так называемым «Введением». Уверен, вам не надо напоминать, что этим словом Галиана называла заключительную серию своих экспериментов на Марсе. Эксперименты, которые она поклялась никогда не повторять.)

Возможно, Ремонтуа только показалось, но при слове «Введение» по гребню Скейд пробежала волна другого цвета.

«Что за Введение?»

Конджойнер с гребнем повернулся к Ремонтуа.

(Я не знаю, но могу догадаться. Галиана больше не хотела повторять эти эксперименты. Они были успешными, более чем успешными, но результаты чем-то ее встревожили. Но пока Галиана находилась далеко от

Материнского Гнезда, во время ее межзвездной экспедиции — что могло помешать Внутреннему Кабинету возобновить их? Галиана никогда бы об этом не узнала.)

«Введение»... Вот оно, ключевое слово. Оно что-то значило для Ремонтуа; во всяком случае, он определенно слышал это слово раньше. Но речь идет об экспериментах, которые проводились на Марсе более четырехсот лет назад. Придется провести в своей памяти настоящие археологические раскопки, чтобы обнаружить истину под толщей воспоминаний. А если учесть, что сам объект поиска — это тайна за семью печатями...

Похоже, проще спросить напрямую.

«Что такое Введение?»

— Я расскажу тебе, Ремонтуа.

Звук настоящего человеческого голоса прорвал молчание, которое висело в палате, заставив каждого вздрогнуть, точно от резкого окрика.

Ремонтуа обернулся. Возле одной из входных дверей стояла Фелка собственной персоной. Должно быть, она вошла, когда собрание уже началось.

Исполненная ярости мысль Скейд ворвалась в его мозг.

(Кто ее пригласил?)

— Я, — спокойно ответил Ремонтуа. Он говорил вслух для Фелки. — Мы решили поговорить о Клавейне... Так что это показалось мне правильным шагом.

— Это он, — подтвердила Фелка. У нее на ладони что-то шевелилось, и Ремонтуа увидел, что она принесла в тайную палату мышонка. — Что-то не так, Скейд?

Та презрительно фыркнула.

(Нам незачем говорить вслух. Это пустая трата времени. Она может слышать мысли так же, как любой из нас.)

— Вы свихнетесь, если услышите мои мысли, — Фелка улыбнулась; улыбка получилась жутковатой, и Ремонтуа подумал, что она не так далека от истины. — Так что не будем рисковать понапрасну, — она посмотрела на мышку, которая кружилась на ее ладони, гоняясь за собственным хвостом.

(Ты не имеешь права здесь находиться.)

— Но я здесь, Скейд. Если бы меня не определили как члена Закрытого Совета, то мне просто не удалось бы сюда войти. И если бы я не была членом Закрытого Совета, я бы вряд ли могла говорить о Введении, правда?

Конджойнер, который первый произнес это слово, тоже заговорил

вслух. Голос у него был высокий и дрожал.

— Значит, мои догадки верны, Скейд?

(Не обращай внимания на Фелку. Она ничего не знает об этой программе.)

— Значит, я могу говорить что хочу. Потому что мои слова все равно ничего не значат. Введение было экспериментом, Ремонтуа, попыткой соединить принципы объединения сознаний и квантовой суперпозиции. Это происходило на Марсе — если хочешь, можешь проверить. Но Галиана зашла слишком далеко — дальше, чем ожидала. Знаешь, почему она прекратила опыты? Она испугалась сил, которые вызвала. Так что на этом все должно было закончиться, — Фелка прямо и с насмешкой посмотрела на Скейд, . — Но не закончилось, правда? Эксперименты начались снова, примерно сто лет назад. Именно послание Введения, и ничто иное, заставило нас прекратить постройку кораблей.

— Послание? — ошеломленно переспросил Ремонтуа.

— Послание из будущего, — произнесла Фелка — так, словно это было очевидно с самого начала.

— Ты шутишь.

— Я совершенно серьезно, Ремонтуа. Кому как не мне знать — я принимала участие в одном из экспериментов.

Мысль Скейд прорезала пространство.

(Мы здесь для того, чтобы поговорить о Клавейне, а не слушать этот бред!)

Фелка продолжала как ни в чем не бывало. Она единственная, кого Скейд не сможет запугать, подумал Ремонтуа. Не считая его самого. Потому что она помнит по-настоящему страшные вещи — какие Скейд и не снились.

— Но мы не можем обсуждать одно отдельно от другого, Скейд. Эксперименты были продолжены, правильно? И они имеют отношение к тому, что сейчас происходит. Внутренний Кабинет кое-что узнал, но даже они не знают всего, а остальные и подавно.

Скейд снова стиснула зубы.

(Внутренний Кабинет установил, что надвигается кризис.)

— Какой кризис? — спросила Фелка.

(Очень серьезный.)

Фелка глубокомысленно кивнула и отбросила с глаз спутанную прядь черных волос.

— А какова роль Клавейна? Чем он может быть полезен?

Отчаяние Скейд ощущалось почти физически. Ее мысли появлялись

обрывками, словно она ждала, что какой-нибудь молчаливый слушатель воспользуется паузой между заявлениями и поддержит ее.

(Нам нужна помощь Клавейна. Кризис может быть... смягчен... если Клавейн вмешается.)

— Что значит «вмешается»? — упорствовала Фелка.

На лбу у Скейд запульсировала тонкая жилка, и по гребню пробежали раздражающе яркие переливы, радужные, точно крылышки стрекозы.

(Очень давно мы потеряли нечто ценное, а теперь точно узнали, где это находится. Мы хотим, чтобы Клавейн помог нам вернуть это.)

— И «это», — договорила Фелка, — само собой, не имеет ничего общего с орудиями, правильно?

Инквизитор попрощалась с водителем. За время пути она спала пять или шесть часов, предоставив ему все шансы обчистить ей карманы и выкинуть посреди дороги. Но все осталось в целости и сохранности, включая пистолет. Шофер даже оставил ей газету со статьей про Овода.

Солнхофен выглядел именно так, как представляла себе Инквизитор: мелкий запущенный поселок. Ей хватило нескольких минут, чтобы обойти весь центр и обнаружить, что она уже несколько раз прошла через сердце поселения — бетонированную площадку в окружении двух неряшливых гостиниц, пары сросшихся административных зданий неопределенного цвета и россыпи разношерстных забегаловок. Чуть дальше громоздились гигантские ремонтные ангары, которые кормили Солнхофен. В северных районах планеты располагались многочисленные терраформирующие машины, которые делали атмосферу Ресургема полностью пригодной для человека и прочих форм жизни, которым для дыхания необходим кислород. Преобразователи исправно действовали в течение нескольких десятилетий, но сейчас обветшали и стали ненадежными. Поддержание их в рабочем состоянии являлось главной статьей расходов централизованной экономики планеты. Общины, подобные Солнхофену, существовали за счет обслуживания и ремонта терраформирующих баз, но это был тяжелый и напряженный труд, для которого требовались — вернее, вызывались официальными запросами — рабочие определенного толка.

Инквизитор помнила об этом, когда вошла в так называемую «гостиницу». Обычно в такое время суток в подобных заведениях тихо, как в могиле. Но дверь отворилась — и Вуалюмье показалось, что она попала на вечеринку, когда веселье достигло апогея и понемногу идет на спад. Гремела музыка, раздавались крики и смех — грубый мужской смех, который напомнил ей о бараках Окраины Неба. Несколько выпивох уже

сошли с дистанции и сидели, нависая над своими кружками, точно ученики, которые пытаются помешать соседу списать контрольную. Воздух спекся от химикалий и резал глаза. Вуалюмье стиснула зубы, наморщила нос и вполголоса выругалась. Ну и местечко! И угораздило же Четвертую устроиться в этой дыре! Инквизитор вспомнила, как впервые встретила ее. Это произошло в баре на одной из каруселей, что на орбите Йеллоустоуна. Более поганой забегаловки Вуалюмье в жизни не видела. Четвертая обладала множеством талантов, но выбор приличных мест для встречи не входил в их число.

К счастью, когда Инквизитор вошла, никто не обратил на нее внимания. Она обогнула пару тел, пребывающих в полукоматозном состоянии, и приблизилась к так называемому бару — пролому в стене, облицованному по краям кирпичом. Мрачного вида женщина, восседавшая за стойкой, раздавала стаканы со спиртным, точно тюремную пайку, швыряла на прилавок сдачу и опустошала бутылки — и все это с таким видом, будто опаздывала к отлету.

— Кофе, пожалуйста, — сказала Вуалюмье.

— Нет кофе.

— Тогда какой-нибудь сраный эквивалент кофе.

— Что за выражения?

— Я выражаюсь как хочу, особенно когда не могу получить кофе, — Вуалюмье наклонилась над пластиковой стойкой. — Вы можете сварить одну чашку кофе, правда? Полагаю, вас пока не просят подать сюда черную дыру на блюдечке.

— Вы что, из правительства?

— Нет, просто хочу кофе. И еще я не в духе — слегка не в духе. Как вы понимаете, сейчас утро, а по утрам я всегда не в духе.

Чья-то рука опустилась на плечо Инквизитора. Вуалюмье резко обернулась, пальцы сами сомкнулись на рукоятке бозонного пистолета.

— Опять нарываешься, Ана? — спросила женщина у нее из-за спины.

Инквизитор заморгала. Она представляла себе этот момент много раз с тех пор, как покинула Кювье, но это было слишком неожиданно — прямо как в какой-то мелодраме. Тем временем Триумвир Илия Вольева, она же Оперативный Четвертый, кивнула женщине за стойкой:

— Это моя подруга. Она хочет кофе. Я полагаю, ты сварешь ей чашку.

Барменша покосилась на нее, что-то буркнула и скрылась из виду. Через некоторое время она вернулась с кружкой, содержимое которой выглядело так, будто его только что откачали из оси главного подшипника наземного грузовика.

— Держи, Ана, — проговорила Вольева. — Примерно то, что мы хотели.

Инквизитор взяла кружку, ее рука чуть заметно дрожала.

— Не стоит так меня называть, — прошептала она.

Вольева уже вела ее к столику.

— Как?

— Ана.

— Но это же твое имя.

— Нет, больше не... Не здесь. Не сейчас.

Столик, который выбрала Триумвир, размещался в углу и был наполовину заставлен пивными кружками. Вольева смахнула на пол остатки пиршества, и уселась, опираясь локтями на угол стола и сплетя пальцы под подбородком.

— Думаю, можно не беспокоиться, что тебя кто-то узнает. Даже на меня никто второй раз не смотрит. А я на этой планете самая желанная добыча для тех, кто ищет преступников — ну, Овод не в счет.

Инквизитор, которая когда-то называла себя Анной Хоури, наконец отважилась на эксперимент и попробовала похужее на патоку варено, которую здесь почему-то называли «кофе».

— Тебе повезло, Илия. Поэтому ты и сбила со следа кое-кого из спецагентов... — она прервалась и огляделась по сторонам, по-прежнему чувствуя себя участницей какого-то дурацкого спектакля. — Можно звать тебя «Илия»?

— Именно так я себя и называю. А «Вольеву» лучше оставить до лучших времен. Не стоит искушать судьбу.

— Конечно. Полагаю, мне следовало сказать... — она не удержалась и снова огляделась. — Рада тебя видеть, Илия. Если я скажу что-то другое, получится вранье.

— Я по тебе тоже соскучилась. Подумать только, однажды мы чуть друг друга не убили. Но все обиды, само собой, забыты.

— Я начала волноваться, ты слишком долго не выходила на связь.

— У меня были серьезные причины, чтобы лечь на дно. Веришь?

— Конечно. Как же иначе.

В течение некоторого времени обе молчали. Хоури снова осмелилась посмотреть на себя со стороны и обнаружила, что вспоминает, как начиналась авантюрная игра, в которую они до сих пор играли. Они придумывали все сами, удивляя друг друга стойкостью нервов и способностью обманывать окружающих. Вместе подруги составляли очень сильную пару. Но однажды им стало ясно, что для максимальной

эффективности лучше работать поодиночке.

Хоури нарушила молчание, когда почувствовала, что больше не в состоянии ждать.

— Что стряслось, Илия? Хорошие новости? Или плохие?

— Зная мой стиль, что ты сама скажешь?

— Предлагаешь погадать на кофейной гуще. Скверные новости? Точнее, очень скверные...

— Угадала с первой попытки.

— Это... Подавляющие, да?

— Извини. Я чертовски предсказуема, а ты снова попала в точку.

— Они здесь?

— Думаю, да, — Вольева немного понизила голос. — В любом случае, что-то случилось. Я сама видела.

— Расскажи.

Илия заговорила еще тише, хотя такое казалось невозможным. Хоури приходилось напрягать слух, чтобы разбирать слова.

— Машины, Ана, огромные и черные. Они вошли в систему. Я не видела этих тварей, пока они не оказались здесь. Просто появились, и все...

Когда-то Хоури довелось прикоснуться к сознанию этих машин и ощутить яростный хищный холод, который исходил от их древних воспоминаний. Это было сознание своры, старой как мир, терпеливо поджидающей в темноте. Оно напоминало лабиринт — скудный разум, почти на грани инстинкта, не отягощенный чувствами и эмоциями. Их вой пронизывал молчание просторов Галактики. Перекликаясь, они собирались в бесчисленный рой, стоило кровавому запаху жизни потревожить их ледяной сон.

— О господи.

— Мы не можем сказать, что не ожидали их, Ана. С тех пор как Силвесту приспичило покопаться в вещах, в которых он ничего не смыслил, это стало вопросом только «где» и «когда».

Хоури пристально посмотрела на подругу. Интересно, с чего ей почудилось, что в помещении похолодало градусов на десять-пятнадцать. Напуганная, исполненная ненависти, Триумвир вдруг показалась ей тщедушной и чуть неряшливой, как бездомная нищенка. Коротко стриженная седеющая шевелюра обрамляла округлое, с жесткими глазами, лицо, которое выдавало примесь монгольской крови. Не слишком внушительно для вестника судьбы.

— Я боюсь, Илия.

— Понимаю, у тебя все основания бояться. Но попробуй не

показывать этого, хорошо? Мы не хотим перепугать местных жителей — пока.

— Что мы можем предпринять?

— Против Подавляющих? — Вольева, прищурясь, посмотрела через очки и чуть нахмурилась, словно впервые серьезно задумалась о предмете их разговора. — Не знаю. Амарантяне в этом не слишком преуспели.

— Мы не бескрылые птицы.

— Нет, мы люди — бич Галактики... или нечто подобное. Не знаю, Ана, действительно не знаю. Если бы только я и ты... Можно уговорить корабль, то есть Капитана, выбраться из своей раковины. Тогда мы могли бы, по крайней мере, бежать отсюда. Даже попробовать воспользоваться орудиями, если это что-то изменит.

Хоури вздрогнула.

— Но если все получится, если мы сможем бежать, это все равно не поможет Ресургему, верно?

— Нет. И... Не знаю как ты, Ана, но я принимаю вещи такими, как они есть.

— Сколько у нас времени?

— Знаешь, забавно. Подавляющие могли уже сто раз уничтожить Ресургем, если бы захотели — если даже для наших технологий это не проблема. Я очень сомневаюсь, что это проблема для них.

— Возможно, они пришли не для того, чтобы убить нас, в конце концов.

Вольева сделала аккуратный глоток.

— Может быть... просто может быть.

В сердце кипящего скопления черных машин процессоры, которые никогда не ощущали себя чем-то обособленным, определили, что интеллект надзирателя необходимо разогнать до уровня самоосознания.

Принять такое решение было нелегко. Обычно зачистка происходила до пробуждения той самой вещи, которую машины были обязаны подавлять. Но на этот раз планетная система оказалась проблематичной. Записи показывали, что зачистки проводились здесь и ранее, четыре с половиной тысячи чистых Галактических оборотов назад. Тот факт, что машинам пришлось вернуться, указывал на явную необходимость использования дополнительных средств.

Роль надзирателя состояла в том, чтобы работать с именно такими случаями. Вторую зачистку нельзя было проводить теми же мерами, что и первую. Прискорбно, но опыт показывал, что лучший способ

уничтожить разум — это использовать толику разума. Когда зачистка заканчивалась, он мгновенно возвращался в исходное состояние, и его дочерние споры очищались — этот процесс мог потребовать еще двух тысяч Галактических оборотов, то есть полумиллиона лет. Надзиратель затихал, его самосознание сворачивалось, пока в нем снова не появлялось необходимости.

Чего могло никогда не произойти.

Надзиратель никогда не спрашивал о работе. Он только знал, что несомненно действует на благо сознательной жизни. И, по большому счету, его совершенно не интересовало, что кризис, который он предотвращал — кризис, который в будущем мог перерасти в неуправляемую катастрофу космического масштаба, если позволить разумной жизни распространяться — будет продолжаться полных тринадцать полных Оборотов — три миллиарда лет.

Это не важно.

Время ничего не значило для Подавляющих.

Глава 7

(Скейд? Боюсь, у нас опять проблемы.)

«Что случилось?»

(Вход в «состояние два».)

«Сколько оно длилось?»

(Несколько миллисекунд. Однако этого оказалось достаточно.)

Скейд и старший механик по двигателям скрючились в тесном отсеке с черными стенами, почти на самой корме «Ночной Тени», которая стояла в ангаре Материнского Гнезда. Чтобы втиснуться в отсек, им пришлось согнуться в три погибели и прижать колени к груди. Не самая удобная поза, но в один из визитов Скейд с удивлением обнаружила в ней некий комфорт, и первое впечатление сменилось спокойствием, достойным дзен-буддиста. Она поняла, что может целыми днями находиться в этом немилосердно тесном закутке — что и происходило в настоящий момент. За стенами размещались сложные и перепутанные элементы аппаратуры — множество узких щелей и отверстий позволяло их разглядеть. Только здесь можно было производить прямой контроль и точную настройку устройств — здесь, где находились самые примитивные органы связи с нормальной сетью, которая управляла кораблем.

«Тело еще там?»

(Да.)

«Я бы хотела на него взглянуть».

(То, что осталось, выглядит весьма плачевно.)

Тем не менее, спутник Скейд отсоединил свой порт и начал боком, точно краб, выбираться из отсека. Скейд последовала за ним. Они ползли из рукава в рукав, время от времени двигаясь очень осторожно, чтобы не зацепиться за выступающие детали. И вся эта сложнейшая машинерия, которая окружала их со всех сторон, оказывала слабое, но несомненное воздействие на само пространство-время, сквозь который двигалась.

Никто, включая Скейд, не имел даже примерного представления о том, как работают эти машины. Кое-кто высказывал догадки, иногда прекрасно обоснованные и правдоподобные, но, по правде говоря, ни одна концепция не могла заполнить зияющую пропасть незнания. Многие из того, что Скейд знала о машинах, было почерпнуто из документов, где описывались конкретные случаи и эффекты, но выказывалось очень слабое понимание физики процессов, которые определяли поведение механизмов. Скейд

знала, что машины в процессе функционирования имели склонность проходить несколько строго определенных состояний, каждое из которых сопровождалось небольшими изменениями параметров локальной метрики. Но эти фазы жестко не разграничивались. Кроме того, было известно, что для каждого устройства существовал свой набор параметров, и они различались очень сильно. Отсюда вытекала проблема несовпадения геометрии поля и мучительная сложность возвращения системы в стабильное состояние...

«Ты сказал, „состояние два“? Тогда в каком режиме они действовали до эксперимента?»

(«Состояние один», согласно инструкции. Мы убрали одно из нелинейных полей.)

«Что случилось? Паралич сердца, как в прошлый раз?»

(Нет. Не думаю, что главной причиной смерти был паралич сердца. Как я уже говорил, там мало что осталось.)

Скейд и техник ползли вперед, извиваясь в узких извилистых червоточинах между узлами установки. Сейчас поле находилось в «состоянии ноль», и никаких психологических эффектов не возникало. Но Скейд так и не могла избавиться от чувства, что в окружающем пространстве что-то не так. Какой-то внутренний голос недовольно ворчал, что в любую минуту мир может снова выйти из состояния равновесия. Она знала, что это иллюзия: ей уже пришлось воспользоваться высокочувствительными вакуум-квантовыми зондами, чтобы обнаружить влияние устройств. Но ощущение осталось.

(Вот мы и на месте.)

Скейд огляделась. Они выбрались в некую полость — одну из самых просторных в недрах устройства. Черные фестончатые стены камеры, такой просторной, что в ней можно было стоять, усеивало множество слотов и вводных портов.

«Здесь все и произошло?»

(Да. В этом месте показания поля оказались самыми высокими.)

«Я не вижу тела».

(Приглядишься повнимательнее.)

Проследив направление его взгляда, устремленного на небольшой участок стены, Скейд приблизилась, протянула руку, обтянутую перчаткой и коснулась покрытия кончиком пальца. То, что выглядело таким же блестящим и черным, как и вся поверхность камеры, напоминало мякоть плода и окрасило перчатку в алый цвет. Стена была облеплена слоем какого-то вещества примерно в четверть дюйма толщиной.

«Пожалуйста, скажи мне, что это не то, о чем я подумала».

(Боюсь, как раз именно оно.)

Скейд ощупала алую субстанцию. Вещество было достаточно вязким, чтобы образовать единую клейкую массу даже в невесомости. Время от времени рука натыкалась на какие-то твердые вкрапления — то ли куски костей, то ли обломки механизмов, но ни одно из них не превышало размером пиктограмму.

«Расскажи мне, как это случилось».

(Он находился рядом с фокусом поля. «Состояние два» сохранялось не больше мгновения, но этого оказалось достаточно. Любое движение могло стать роковым — даже непроизвольное вздрагивание. Может, он был уже мертв, когда его размазало по стене.)

«Как быстро он двигался?»

(Несколько километров в секунду, можно не сомневаться).

«Надеюсь, ему было не больно. Ты почувствовал, как его ударило?»

(Через корабль. Как будто взорвалась маленькая бомба.)

Скейд приказала перчаткам очиститься, и пятно перетекло обратно на стену. Клавейн мог смотреть на подобные сцены совершенно спокойно. За время своей солдатской службы он достаточно насмотрелся на всякие ужасы, чтобы обзавестись мощной психологической броней. Как бы ей хотелось позаимствовать у него эту способность — хотя бы отчасти! Скейд довелось участвовать в боях лишь опосредованно — за исключением пары случаев.

(Скейд?)

Гребень, похоже, выдал ее чувства.

«Не волнуйся за меня. Просто выясни, что произошло, и убедись в том, что такое больше не повторится».

(А программа тестирования?)

«Разумеется, программу надо продолжать. А пока наведи здесь чистоту».

Фелка проплыла в другую камеру своего обиталища. Вместо инструментов к ее поясу было привязано множество маленьких металлических клеток. Нежно позванивая, они двигались вместе с ней, точно спутники, окружившие планету. В каждой клетке находился выводок белых мышей, которые копошились и фыркали, как ни в чем не бывало. Фелка тоже не обращала на них внимания. Она не держала их в клетках подолгу. Мыши хорошо питались, а вскоре им предстояло обрести что-то вроде свободы.

Фелка нырнула в сумрак. Темноту нарушало лишь слабое сияние, которое проникало из соседней комнаты через извилистый цилиндрический переход с полированными деревянными стенами цвета жженой карамели. Нащупав на стене ультрафиолетовую лампу, Фелка включила ее.

Одна из стен комнаты — Фелка никогда не задавалась вопросом, где находится пол, а где потолок — была закрыта бутылкочно-зеленым стеклом. За ним находилось нечто, на первый взгляд напоминающее миниатюрный водопровод — хитросплетение извилистых труб, стоков, сальников, клапанов и насосов. Диагонали и пролеты соединяли их в лабиринт, связывая между собой сферы, назначение которых было трудно понять. Трубы и каналы имели только три деревянных стенки, четвертую образовывало стекло, таким образом, все, что двигалось или протекало внутри, можно было видеть снаружи.

Фелка уже поместила в систему около дюжины мышей. Зверьки попадали внутрь через маленькую дверцу, расположенную с краю стекла, которая открывалась только в одну сторону. Они быстро добирались до ближайшей развилки и выбирали каждый свое направление, и теперь рассеялись по всему лабиринту. Казалось, невесомость не вызывала у мышек ни малейшего беспокойства. Их коготки достаточно крепко цеплялись за деревянную поверхность трубок, чтобы зверьки могли свободно бегать в любом направлении. Наиболее сообразительные научились даже скользить по трубам, сводя к минимуму трение о их поверхность. Но редко какой мышке удавалось освоить такой трюк, не проведя в лабиринте несколько часов.

Подтянув одну из клеток, Фелка открыла ее. Три белых мыши, заключенные внутри, скользнули в лабиринт и тут же разбежались. Похоже, они действительно обрадовались освобождению.

Фелка ждала. Рано или поздно одна из мышей пробежит через лючок или клапан, соединенный с высокочувствительной системой подпружиненных деревянных рычагов. Как только мышшь заденет заслонку, рычаги придут в движение, передавая толчок по всему лабиринту, закрывая или открывая дверцы в паре метров от того места, где они были изначально. Другая мышшь, пробираясь через отдаленную часть лабиринта, неожиданно обнаружит, что проход, который был на этом месте, куда-то исчез. Ей придется принять решение, в чем раньше не было необходимости. Она ощутит беспокойство, которое еще никогда не возникало в ее маленьком мозгу. Возможно, что выбор, который она сделает, в действие еще одну хитрую систему рычагов, что тоже отразится

на каком-то секторе лабиринта. Паря в центре камеры, Фелка наблюдала, как это происходит. Деревянный лабиринт непрерывно и непредсказуемо изменялся, причем эти изменения производили сами мыши. Зрелище было весьма увлекательным.

Правда, Фелке оно уже начинало надоедать. Лабиринт был только первым шагом. Она смотрела на лабиринт из полумрака, который нарушал лишь свет ультрафиолетовой лампы. У мышей присутствовал ген, который заставлял их шерстку светиться в ультрафиолете. Сквозь стекло было хорошо видно, как по лабиринту ползают ярко-пурпурные комочки. Фелка сосредоточенно наблюдала за ними, но ее интерес заметно ослабевал.

Лабиринт был ее изобретением от начала и до конца. Она сама проектировала и разрабатывала деревянные приспособления. Светящиеся мыши тоже были ее работой, хотя по сравнению со всеми уловками и приманками, без которых ловушки и рычаги не могли работать должным образом, это могло показаться детской забавой. Какое-то время ей даже казалось, что результат стоит усилий.

Сложности — вот то немногое, что всегда интересовало Фелку. Первым из миров, который они с Клавейн и Галианой покинули Марс на самом первом из своих субсветовиков, была Диадема. Там им довелось исследовать огромные кристаллические организмы, которым требовались целые годы на то, чтобы выразить единственное подобие мысли. Роль нервных импульсов выполняли неразумные черные черви, ползающие по подвижным аксонам [\[17\]](#) сети ледяных нервных каналов, которые пронизывали глетчер, не имеющий возраста.

Клавейн и Галиана отстранили Фелку от изучения ледника Диადемы, и она никогда до конца не простила им этого. Потом она познакомилась с целым рядом подобных систем, где сложность проявлялась в непредсказуемом сочетании простейших элементов. Она собрала бесчисленное количество компьютерных симуляций, но по-прежнему сомневалась, что ухватила суть проблемы. Если ее система внезапно оказывалась слишком сложной — а подобное нередко случалось — Фелка не могла избавиться от ощущения, что произвольно заложила это с самого начала. Мыши были достижением другого рода. Она отказалась от цифры и воспользовалась аналогом.

Первая машина, которую она попыталась построить, работала на воде. Ее вдохновили чертежи экспериментального образца, который обнаружился в электронных архивах Материнского Гнезда. Несколько веков назад, задолго до эпохи Транспросвещения, кто-то создал аналоговый компьютер, который должен был моделировать денежные потоки в

экономической системе. Машина состояла из стеклянных деталей — изогнутых трубочек, клапанов и тонко уравновешенных маятников. При помощи подкрашенных жидкостей она отражала различные рыночные процессы и финансовые параметры: уровень спроса, инфляцию, торговые дефициты и прочее. Бурля и выплескивая жидкость, машина просчитывая ужасающе сложные интегральные уравнения механической силой жидкости.

Фелка была потрясена. Она создала свою машину по образу и подобию, добавив несколько хитрых приспособлений собственного изобретения. Некоторое время устройство занимало ее, но в его поведении лишь изредка проявлялась непредсказуемость. Машина была безбожно детерминистична, чтобы вызывать подлинное удивление.

Теперь появились мыши. Они были воплощением случайности, носителями хаоса. Благодаря этому работало новое творение Фелки: их беспорядочная беготня заставляла его переходить из одного состояния в другое. Сложная система рычагов, переключателей, переходов и соединений изменяла лабиринт. Он непрерывно мутировал, проходя через фазы — головокружные многомерные математические пространства всех возможных конфигураций. В этом пространстве время от времени возникали точки притяжения, которые, подобно планетам и звездам, создавали «лунки» на гладком листе пространства-времени. Когда лабиринт начинал стягиваться к одной из таких лунок, это напоминало движение по орбите. Параметры системы ритмично изменялись, словно она совершала колебания, пока что-нибудь — встроенная нестабильность или внешний толчок — не выводило ее из этого состояния. Обычно для этого было достаточно поместить в лабиринт еще одну мышь.

Однажды система неожиданно сосредоточилась вокруг одной из точек притяжения, так что мыши стали получать больше корма, чем обычно. Это заинтересовало Фелку. Неужели зверьки, действуя наугад и будучи не в состоянии договориться о сотрудничестве, нашли способ управлять лабиринтом, обнаружив необходимую точку притяжения? Если подобное произойдет еще раз, это можно считать признаком перехода на новый уровень.

Это действительно случилось еще раз. Но и только. С тех пор подопытная группа мышей так и не смогла повторить свое достижение. Фелка поместила в лабиринт еще несколько грызунов, но они только все запутали, создавая другие точки притяжения, и в результате ничего интересного не происходило.

Фелка еще не закончила экспериментировать с этой моделью. До сих

пор в лабиринте оставалось несколько участков, назначения которых ей не удалось полностью понять. Пока они существовали, система представляла для нее интерес. Но где-то на задворках сознания уже появился страх. Она знала, она почти не сомневалась: лабиринт будет занимать ее не слишком долго.

В лабиринте раздавались пощелкивания и приглушенные удары — точно в напольных прадедушкиных часах, которые вот-вот начнут бить полночь. Фелка слышала, как хлопают крошечные дверцы, закрываясь и открываясь. Детали лабиринта плохо просматривались даже через стекло, но перебежки мышей позволяли увидеть, как меняется его геометрия.

— Фелка?

Из устья лаза в камеру вылез человек. Вплыв в комнату, он заставил себя остановиться, зацепившись кончиками пальцев за полированное дерево. Фелка с трудом могла разглядеть его лицо. В полумраке его лысый череп не совсем правильной формы выглядел еще более странно и напоминал удлиненное серое яйцо. Фелка пристально разглядывала гостя. Справедливости ради, надо было отметить, что он всегда ассоциировался для нее с Ремонтуа. В свое время в камере побывало шесть или семь мужчин примерно такого физиологического возраста. У всех были по-детски искренние лица, и обычно она не могла понять, кто из них Ремонтуа. Просто Ремонтуа недавно сюда приходил — поэтому Фелка была уверена, что это он.

— Привет, Ремонтуа.

— Можно побольше света? Или побеседуем в другом помещении?

— Лучше здесь. У меня средняя стадия эксперимента.

Ремонтуа бросил взгляд на стеклянную стену.

— Свет ему повредит?

— Нет, конечно. Но тогда я не смогу видеть мышей, верно?

— Думаю, что так, — задумчиво произнес Ремонтуа. — Со мной Клавейн, он будет с минуты на минуту.

— О-о...

Она включила один из многочисленных светильников. Бирюзовый свет неожиданно замерцал, а потом стал ровным.

Фелка продолжала разглядывать гостя, на этот раз изо всех сил стараясь понять, что выражает его лицо. Хотя ей уже удалось его идентифицировать, это не означало, что она может читать его лицо, как открытую книгу. Текст оставалась туманным и скрытыми намеками. Даже считывание самых обычных эмоций требовало от нее такого же усилия воли, как поиск созвездий среди россыпи тусклых звезд. Время от времени,

надо признать, ее странными нервным механизмам удавалось обнаружить нечто такое, что нормальные люди, как правило, упускали. Но по большей части она не могла доверять собственным суждениям, если дело касалось лиц.

Именно с этим ощущением она изучала лицо Ремонтуа. Он выглядел озабоченным — по крайней мере, это было принято в качестве рабочей гипотезы.

— Почему Клавейна до сих пор нет?

— Хочет, чтобы мы поговорили о делах Закрытого Совета.

— Он знает, что сегодня произошло в палате?

— Ничего.

Фелка подплыла к верхней части лабиринта и поместила туда еще одну мышь, надеясь разблокировать патовую ситуацию в левом нижнем квадрате.

— Так и будет продолжаться, пока Клавейн не согласится вступить в Совет. Но тогда он, скорее всего, будет разочарован: ему все равно не дадут обо всем узнать.

— Понимаю, почему ты не хотела, чтобы он узнал о Введении, — сказал Ремонтуа.

— Что это такое на самом деле?

— Ты действовала против желаний Галианы, так? На Марсе она обнаружила нечто такое, что программу Введения пришлось прервать. Однако ты вернулась из Глубокого космоса, когда ее еще не было здесь, и участвовала в экспериментах.

— А ты хорошо осведомлен, Ремонтуа. Какая неожиданность.

— Эта информация находится в архивах Материнского Гнезда, надо только знать, где искать. Сами эксперименты — не такой уж большой секрет, — Ремонтуа сделал паузу и с некоторым любопытством покосился на лабиринт. — А вот что на самом деле произошло во время Введения, и причина, по которой Галиана свернула программу — совсем другое дело. В архивах нет ни одного упоминания о каких-либо посланиях из будущего. Что такого ужасного было в тех посланиях, если нельзя даже знать об их существовании?

— Когда-то я была такой же любопытной.

— Конечно. Но почему ты пошла против ее желаний? Просто из любопытства? Или было что-то еще? Например, инстинктивный бунт против своей собственной матери?

Фелка подавила вспышку ярости.

— Она мне не мать, Ремонтуа. Галиана просто поделилась некоторым

генетическим материалом. Это все, что у нас с ней общего. И... тот поступок не был бунтом. Просто я искала, чем еще занять свою голову. И думала, что Введение окажется чем-то вроде неизвестного состояния сознания.

— И ты тоже не знала о посланиях?

— Ходили слухи, но я им не верила. Самый простой способ узнать правду — принять участие в исследованиях. Но это не я начала Введение. Программу возобновили до того, как мы вернулись. Скейд хотела, чтобы я тоже приняла участие... Наверно, решила, что мое необычное мышление внесет какой-то ценный вклад. Но я очень мало участвовала в экспериментах и почти сразу вышла из программы.

— Почему? Поняла, что они двигаются не в том направлении, на которое ты надеялась?

— Нет. По сути, все работало очень хорошо. Но... это было самое страшное, что я пережила в жизни.

Ремонтуа улыбнулся ей — только мгновение. Потом улыбка медленно сползла с его лица.

— Почему?

— Раньше я не верила, что зло существует, Ремонтуа. А теперь...

— Зло? — он переспросил так, словно не расслышав.

— Да, — мягко ответила Фелка.

Теперь, когда предмет разговора стал очевиден, она поняла, что вспоминает запах и текстуру камеры Введения. Ощущения были такими яркими, словно все произошло только вчера, хотя Фелка делала все возможное, чтобы избегать воспоминаний о белой стерильной комнате, не желая принимать того, что узнала в ее пределах.

Эксперименты являлись логическим завершением работы, которую Галиана начала еще в Марсианских лабораториях. Она добивалась расширения способностей человеческого мозга, веря, что это будет только на благо человечеству. В качестве модели она использовала путь развития цифровых вычислительных машин, начиная с самых первых, медлительных и примитивных, образцов. Первым шагом стало увеличение способности к вычислению и скорости мышления людей — подобно тому, как компьютерные инженеры прошлого заменили часовой механизм электромеханическими переключателями, переключатели — лампами, лампы — транзисторами. На смену транзисторам пришли твердотельные элементы, а затем — квантовые гейты, которые балансировали на неясной грани принципа неопределенности Гейзенберга. [\[18\]](#) Галиана наполнила мозг своих испытуемых, включая себя, микроскопическими устройствами,

которые образовывали дополнительные связи между клетками, параллельные уже существующим, но способные передавать нервные сигналы намного быстрее. Природная нейротрансмиссия и обмен нервными сигналами подавлялись медицинскими препаратами и другими имплантатами, и обработку нервных сигналов брала на себя вторичная сеть Галианы. Это выглядело так, словно мозг работает в предельном режиме, обрабатывая информацию в десять-пятнадцать раз быстрее, чем в обычном состоянии. Разумеется, возникали определенные проблемы, и поддержание ускоренный режим свыше нескольких секунд вызывало опасение, но в целом эксперименты прошли успешно. В этом режиме работы мозга человек мог проследить, как яблоко падает со стола и, прежде чем оно достигнет пола, сочинить памятное хайку. ^[19] Он мог наблюдать работу мышц, приводящих в движение крылья колибри, или восхищаться разбивающейся каплей молока, похожей на маленькую корону. И, без сомнения, такой человек становился превосходным солдатом.

Затем Галиана перешла к следующей фазе. Создатели компьютеров обнаружили, что для решения ряда проблем лучше всего использовать параллельно несколько машин, соединенных для обмена данными между узлами. Галиана решила проделать то же с группой своих испытуемых, установив прямой обмен информацией между их сознаниями. Теперь они могли делиться воспоминаниями и переживаниями и даже решать определенные психологические задачи — такие, как распознавание образов.

На какое-то время эксперимент вышел из-под контроля. Начались неуправляемые прыжки между сознаниями и разрушение имплантантов, которые уже были вживлены в мозг. Итогом стало так называемое Транспросвещение, а затем — как и следовало ожидать — разразилась первая война против Объединившихся. Коалиция Сторонников Чистоты Нервной Системы уничтожила союзников Галианы и вынудила ее снова уйти в изоляцию, укрывшись в крошечной укрепленной сети подземных лабораторий, окруженных Великой Марсианской Стеной.

Это произошло в 2190 году. Там она впервые встретила Клавейна, который тоже находился в заключении. Там же несколько лет спустя родилась Фелка. В этих лабораториях-лабиринтах Галиана начала третью фазу своих экспериментов. Продолжая следовать путем компьютерных инженеров прошлого, она хотела узнать, как можно использовать принципы квантовой механики.

На рубеже двадцатого и двадцать первого веков, по понятиям Галианы, в компьютерной инженерии только что закончилась эпоха часовых

механизмов, и эти принципы применялись для решения задач, с которыми было невозможно справиться иными методами. Например, поиск первоначального множителя для очень больших чисел. Обычный компьютер проводил бы вычисления до того дня, когда Вселенная закончит свое существование, и даже у целой армии таких компьютеров, соединенная в сеть, шансов было бы не больше. В то же время на «правильном» оборудовании — неуклюжем сооружении из призм, линз, лазеров и оптических процессоров, закрепленным на лабораторной стойке — расчеты занимали несколько миллисекунд.

Темой яростных дебатов стал вопрос о том, что в действительности происходило, при этом о самом множителе благополучно забыли. Самое простое объяснение, которое представлялось Галиане бесспорным, состояло в следующем: квантовые компьютеры распределяли операции между бесчисленными копиями самих себя, находящимися в параллельных Вселенных и объединенных в сеть. Версия выглядела шаткой, но более разумного объяснения никто предложить не мог. Эту версию не взяли с потолка, только для того, чтобы оправдать непонятно откуда взявшийся результат. Идея параллельных миров долгое время считалась одной из базовых концепций квантовой теории.

Галиана решила проделать нечто подобное с человеческим мозгом. Камера Введения представляла собой устройство для соединения одного и более искусственно иннервированных сознаний в когерентную квантовую систему. Брусок рубидия, подвешенный в магнитном поле, проходил непрерывную подкачку квантового цикла, чередующего соединение и коллапс. В течение каждого когерентного эпизода рубидий входил в состояние суперпозиции с бесчисленными двойниками самого себя. Как раз в этот момент и совершалась попытка объединения. Сам акт всегда заставлял пластинку сжиматься до состояния, в котором она была видна невооруженным глазом, но этот коллапс не был моментальным. В какой-то миг одно из соединений кусочка рубидия просачивалось в связанные между собой сознания, вовлекая их в слабую суперпозицию с их собственными двойниками параллельных миров.

Галиана надеялась, что в такие моменты в сознании участников эксперимента должно произойти заметное изменение. Правда, ее теория не утверждала, что оно непременно должно произойти.

В итоге не произошло ничего такого, чего она ожидала.

Рассказывая Фелке о своих ощущениях, Галиана никогда не углублялась в подробности, но та узнала достаточно, чтобы понять: она может пережить нечто подобное. Когда эксперимент начался, когда

испытуемые — один или несколько — лежали на кушетках в камере, и их головы погружались в разверзшиеся белые утробы мощных надежных нейротралов, возникало странное состояние, напоминающее ауру — симптом, предвещающий эпилептический припадок.

Тому, что следовало за этим, Фелка так и не сумела подобрать адекватного описания, которое выходило бы за рамки эксперимента. Она могла лишь сказать, что ее мысли неожиданно начали многократно двоиться, словно каждую сопровождало хоральное эхом других, почти точных ее повторений. У Фелки не возникало чувства бесконечности этого ряда, но она слабо ощущала, что они удаляются в нечто и одновременно как будто распадаются. В тот момент Фелка переживала контакт со своими двойниками.

Потом началось нечто еще более странное. Ощущения стали гуще и плотнее, словно фантомы, которые обретают отчетливые формы после часа сенсорной депривации. ^[20] Фелка понемногу осознавала, что впереди что-то простирается — в измерение, которые она не может толком рассмотреть, но, тем не менее, порождает в ней тревожное чувство протяженности и удаленности.

Ее сознание пыталось зацепиться за слабые подсказки чувств и обнаружить в этих призраках знакомые очертания. Фелка увидела длинный белый коридор, который уходил куда-то в бесконечность, омываемый по краям бесцветными бликами. Будучи не в состоянии сформулировать, каким образом появилось это понимание, она понимала, что видит коридор, который ведет в будущее. Вдоль стен тянулся ряд бледных дверей или отверстий, и каждое вело в какую-либо отдаленную эпоху, Галиана никогда не пыталась открыть какую-нибудь из этих дверей, но ей казалось, что это возможно.

Фелка чувствовала, что этот коридор нельзя пересекать. Можно только стоять у входа и слушать сообщения, которые приходили по нему.

И сообщения приходили.

Как и сам коридор, эти послания были образами, опосредованными ее восприятием. Насколько отдаленным было будущее, из которого они прибывали, и как выглядит эта эпоха? Фелка не могла это понять. Возможно ли вообще передавать информацию из будущего в прошлое, не вызывая причинно-следственных парадоксов? В поисках ответа на этот вопрос Фелка наткнулась на полузабытую публикацию физика по фамилии Датч, который жил за два века до экспериментов Галианы. Этот ученый утверждал, что время можно увидеть не как текущую реку, но как ряд статичных фотоснимков. Будучи скреплены вместе, они образуют то самое

пространство-время, в котором течение времени является не более чем субъективной иллюзией. Описание Датча, несомненно, позволяла путешествовать из будущего в прошлое, сохраняя свободу действия и в то же время не создавая парадоксов. Смысл состоял в том, что конкретное «будущее» могло общаться только с «прошлым» другого параллельного мира. Откуда бы ни приходили те послания, это не было будущее мира Галианы. Возможно, это будущее очень мало отличалось от того, которое ожидало ее мир. Но можно было не сомневаться: именно такого будущего он никогда не достигнет. Впрочем, это не имело значения. Истинная природа этого будущего была не так важна, как содержание самих посланий.

Что именно содержалось в посланиях, полученных Галианой, Фелка не знала, но пыталась догадаться. Возможно, в общих чертах они были сходны с теми, что получила она сама за краткий период участия в экспериментах.

Послания скорее напоминали инструкции, подсказки и знаки, которые помогают выбрать нужное направление, чем подробные чертежи с аннотациями. Иногда это были указы и предупреждения. Но к тому времени, как передачи достигали участников Введения, от них оставалось лишь слабое эхо, искаженное, словно в испорченном телефоне, смешиваясь и соединяясь с десятками других сообщений. Казалось, прошлое и будущее соединено каналом со строго определенной пропускной способностью, и каждая следующая передача сокращала потенциальную пропускную способность для остальных. Однако Фелку насторожило не содержание посланий, а то, что она рассмотрела за ними.

Она чувствовала присутствие разума.

— Мы с чего-то соприкоснулись, Ремонтуа, — проговорила она. — Вернее, что-то коснулось нас. Оно достигло конца коридора и слегка задело наше сознание. Как раз в тот момент, когда мы получали инструкции.

— Это было что-то враждебное?

— Я не представляю, как это описать. Достаточно было просто столкнуться с этим, просто разделить его мысли — и большинство из нас сходило с ума. Некоторые умерли, — она посмотрела на отражения в стеклянной стене. — А я выжила.

— Тебе повезло.

— Ничего подобного. Везение тут не при чем. Просто я поняла, что это такое. Поэтому потрясение было не таким жутким. Кстати, еще и потому, что оно тоже меня узнало. Оно отступило, едва коснувшись моего сознания, и остальным досталось по полной.

— Что это было? — спросил Ремонтуа. — Если ты узнала...

— Лучше бы я не узнавала. Теперь мне приходится жить с этим осознанием. Знаешь, как нелегко...

— И все-таки, что это было?

— Думаю, это была Галиана, — ответила Фелка. — Вернее, ее сознание.

— В будущем?

— В будущем. Только не в нашем или, по крайней мере, не совсем в нашем.

Ремонтуа натянуто улыбнулся.

— Галиана мертва. Мы с тобой это знаем. Как ее сознание могло из будущего говорить с твоим, даже если это будущее немного отличается от нашего? И в чем тогда отличие?

— Не знаю. Мне самой интересно. До сих пор. Как Галиана могла превратиться в... такое.

— И поэтому ты ушла?

— Ты бы сделал то же самое, — Фелка проследила за мышонком, которая выбрал неверное направление — точнее, свернул не туда, куда она рассчитывала. — Ты на меня злишься, так? И чувствуешь, что я предала ее.

— Если не брать в расчет то, что ты только что сказала — да, — однако его тон стал мягче.

— Я не виню тебя. Но мне следовало сделать это, Ремонтуа. И я ни о чем не жалею. Хотя, наверно, мне лучше было бы вообще ничего не знать.

— А Клавейн... — Ремонтуа понизил голос до шепота, — он что-нибудь знает?

— Конечно, нет. Это бы его убило.

В этот момент послышалось ритмичное постукивание по дереву. Затем Клавейн пролез в камеру и некоторое время молча смотрел на лабиринт с мышами.

— Опять перемываете мне косточки?

— На самом деле, мы вовсе не о тебе говорили, — отозвалась Фелка.

— Жалость-то какая.

— Выпей чаю, Клавейн. По-моему, он еще не остыл.

Клавейн принял у нее из рук колбу.

— Можете мне рассказать, что было на заседании Совета? Хоть что-нибудь?

— Мы не имеем права разглашать эту информацию, — ответил Ремонтуа. — Все, что я могу сказать — на тебя будут активно давить, чтобы ты вошел в Совет. И в том числе те Объединившиеся, кто

сомневается в твоей верности Материнскому Гнезду.

— Флаг им в руки.

Ремонтуа и Фелка переглянулись.

— Возможно. Кое-кто до сих пор на твоей стороне. Они чувствуют, что ты не просто демонстрировал свою верность в течение долгих лет.

— Это уже больше похоже на правду.

— Правда, твои союзники тоже хотят видеть тебя в Закрытом Совете, — заметила Фелка. — Если ты станешь членом Совета, то уже не сможешь впутываться во всякие рискованные ситуации. По их мнению, это лучший способ сохранить ценное достояние.

Клавейн почесал бороду.

— Значит, говорите, у меня нет выбора — так?

— Тех, кто был бы счастлив видеть, что ты не вошел в Закрытый Совет, оказались в меньшинстве, — сказал Ремонтуа. — Кое-кто из них — твои преданные союзники. Однако некоторые считают, что позволять тебе играть в солдатики — самый простой способ заполучить твой труп.

— Приятно слышать, что меня ценят. А вы как думаете?

— Ты нужен Закрытому Совету, — мягко произнес Ремонтуа. — И сейчас — больше, чем когда бы то ни было.

Между ними что-то произошло — Фелка почувствовала это, но не могла обозначить словами. Это не походило на нейрональную коммуникацию — это было нечто гораздо более древнее, то, что понятно только близким друзьям, которые давно знакомы и давно доверяют друг другу.

Клавейн утвердительно кивнул и посмотрел на Фелку.

— Ты знаешь мое мнение, — сказала она. — Я помню вас с детства — и тебя, и Ремонтуа. Еще с Марса. Ты прилетел туда ради меня, Клавейн. Ты вернулся в Гнездо Галианы и спас меня, хотя она считала, что я безнадежна. Ты ни разу не бросил меня за все эти годы. Ты сделал меня из того, чем я была раньше. Ты сделал меня личностью.

— А теперь?

— Галианы здесь нет, — произнесла она. — Одной связью с прошлым меньше, Клавейн. Не думаю, что смогу пережить, если оборвется еще одна.

Ксавьер Лю влип хуже некуда, и виной тому были обезьяны. Это произошло в его ремонтной мастерской, на окраине Карусели Нью-Копенгаген, что во внешнем кольце анклавов Ржавого Обода. Управляющий мастерской, который был генетически модифицированным орангутангом, потребовал, чтобы все беличьи обезьяны Ксавьера быстро

выметались из мастерской. Это случилось не по вине Лю — у него всегда складывались отличные отношения со служащими. Просто орангутанг приказал рабочим прекратить работу в поддержку обезьян колобус, которые бастовали на половине анклавов Обода. Насколько понял Ксавьер, весь сыр-бор разгорелся из-за лемурув, которые назначали расценки ниже остальных и тем самым лишали работы высших приматов.

Вообще-то, подобные проблемы его мало интересовали — даже чисто теоретически. Но дело касалось заказа. По большому счету, Ксавьер догадывался, что все произошло из-за территории. Ему нравилось работать с мартышками, человекообразными обезьянами и прочими представителями этого отряда — включая бригады карликовых ленивцев, которых он нанимал от случая к случаю. Иначе бы он никогда в жизни не открыл бизнес на Карусели Нью-Копенгаген.

Внешнее кольцо Карусели напоминало серый щетинистый тор, который вращался вместе с остальным Ржавым Ободом — ветхой процессией анклавов и жалких остатков, которые уже нельзя было назвать анклавами, но которые, вопреки всему, до сих пор находились на орбите Йеллоустоуна. Анклавы поражали разнообразием форм и размеров еще задолго до того, как начали страдать от возраста, диверсий и прочих коллизий. Одни представляли собой чудовищно огромные цилиндры и сферы, наполненные воздухом и украшенные солнечными антеннами в виде зеркал и изящных золотых зонтиков. Другие создавались на основе маленьких астероидов и обломков комет, доставленных на орбиту армиями Скайджеков. Иногда анклавы глубоко вгрызались в толщу этих образований, преобразуя их каменные сердца в головокругительную путаницу плаз и заполненных воздухом жилых помещений. Обитаемые сектора могли строиться и на поверхности, чтобы облегчить выход в открытый космос. Эти выпуклые низкогравитационные поселения жались друг к другу, напоминая комки лягушачьей икры — если только икра может переливаться радужными оттенками синего и зеленого, как павлинье перо. Обычно на куполах сохранялись следы проводимых в спешке ремонтных работ: шрамы сварки, паутина эпоксидных слоев или алмазной пены. Некоторые остались невосстановленными, и в темных проломах можно было разглядеть мертвые руины, похожие на пепелище.

Впрочем, не все конструкции были столь утилитарны. Здесь встречались всевозможные спирали, похожие на раковины наутилуса из бурого стекла, конгломераты сфер и труб наподобие гигантских моделей органических молекул. Отдельные станции непрерывно меняли очертания — на эти беззвучные симфонии чистой архитектуры можно было смотреть

часами. Рядом плавали творения старомодных дизайнеров, словно явившиеся из глубины веков и сохранившие свой вид назло всем инновациям и кричащей безвкусице нового времени. А несколько анклавов были окружены туманом распыленного вещества, который скрывал их очертания.

И еще были заброшенные анклавы. Некоторые опустели во время Эпидемии. После того, как их население эвакуировалось, им не довелось пережить никаких катастроф. Однако большинство пострадало от столкновения с обломками других станций, которые уже рассыпались и сгорели. Отдельные анклавы удалось восстановить и сделать пригодными для жизни, хотя это потребовало не один год работы. Наконец, горстку станций до сих пор удерживали агрессивные поселенцы — несмотря на отчаянные попытки Феррисвильского Конвента добиться от них повиновения.

Карусель Нью-Копенгаген пережила Эпидемию более успешно, чем многие другие анклавы, но без потерь все-таки не обошлось. Сейчас Карусель представляла собой толстое кольцо с внешним диаметром в один километр, которое медленно вращалось вокруг своей оси. Издали оно казалось чем-то разлагающимся и сохраняющим форму только благодаря жесткой внутренней структуре, которая напоминала скелет индустриальной застройки. По мере приближения кольцо превращалось в подобие атолла, состоящего из кранов, стыковочных отсеков, радиолокационных антенн, сервисных башен, плавучих парковочных доков и спиральных решетчатых конструкций. Этот металлический атолл болтался в вакууме, сияя огнями сварочных аппаратов, газовых горелок и рекламных надписей, мигающих маяков и двигателей звездолетов. Даже в военное время корабли непрерывно прилетали и улетали — казалось, вокруг кольца суетится рой насекомых. Регулирование движения в районе Нью-Копенгагена было источником постоянной головной боли.

Когда-то колесо вращалось в два раза быстрее, и центробежная сила создавала на ободе гравитацию, эквивалентную земной. Корабли причаливали к «ступице» в режиме свободного падения. Потом, когда под ударами Эпидемии Блестящий Пояс превратился в Ржавый Обод, крупный обломок какого-то анклава вдребезги разнес центр Карусели. Правда, само кольцо, похожее на колесо без спиц, продолжало вращаться как ни в чем не бывало.

Жертвы этой катастрофы исчислялись, как минимум, несколькими сотнями. Корабли-спасатели причаливали туда, где раньше находилась ступица, принимали на борт поселенцев и перевозили их на поверхность

планеты, в Город Бездны. Точность попадания обломка наводила на размышления, но последующие исследования показали, что виной всему было исключительно стечение обстоятельств.

Однако Нью-Копенгаген выжил. Карусель построили относительно давно, и ее создатели не слишком доверяли нанотехнологиям, на которых паразитировала Эпидемия. Для многомиллионного населения Нью-Копенгагена все осталось почти по-прежнему. Учитывая сложности, с которыми новые корабли сталкивались при стыковке с Каруселью, эвакуация была проведена, как минимум, очень тщательно. Даже несколько месяцев спустя основная часть Карусели оставалась заселенной. Обитатели заботились о том, чтобы анклав продолжал вращаться, хотя на других станциях население отказывалось от своих обязанностей, боясь приближаться к своим машинам. Нью-Копенгаген отвели с траектории возможных столкновений, после чего были приняты самые строгие меры по уничтожению очагов Эпидемии. Конечно, имели место несколько случаев, которые произошли при странном стечении обстоятельств. Так, однажды грузовоз на химических двигателях, принадлежащий некоему Лайлу Меррику, врезался в кольцо и разбился вдребезги. На это место, вопреки всем запретам, до сих пор наведывались туристы, жадные до острых впечатлений. Но в целом Карусель перенесла катастрофу почти без потерь.

В годы реконструкции Нью-Копенгаген время от времени пытался собрать средства для восстановления ступицы. Но эти потуги ни к чему не привели. Торговцы и владельцы судов жаловались, что теряют прибыль, поскольку к вращающемуся кольцу трудно пристыковаться. В свою очередь, население отказалось дать согласие остановить Карусель, поскольку люди привыкли и не желали жить в невесомости. Компромисс, к которому пришли в итоге, вызвал недовольство у обеих сторон. Скорость вращения уменьшили наполовину, соответственно уменьшилась и гравитация на кольце. Докование корабля по-прежнему было сопряжено с проблемами, но гораздо меньшими, чем прежде. Тем не менее, жители Нью-Копенгагена доказывали, что вращение давало судам, которые уходили от Карусели по касательной, дополнительный толчок на старте и тем самым помогало им разогнаться, а потому владельцам было не на что жаловаться. На пилотов этот аргумент впечатления не произвел. Они утверждали, что сжигают при стыковке столько же топлива, сколько экономят на разгоне.

И все же соглашение, как ни странно, оказалось выгодным — правда, это выяснилось только со временем. Несмотря на разгул беззакония,

который продолжался в течение последующих лет, Карусель Нью-Копенгагена была неуязвима для пиратов — по крайней мере, для большинства их разновидностей. Незаконные эмигранты тоже обходили ее стороной. И некоторые пилоты специально причаливали к Карусели, предпочитая ремонтироваться в условиях гравитации, а не в обычных нуль-гравитационных доках, которые предлагали другие анклавы. Перед войной жизнь начала понемногу налаживаться. В центр кольца устремились пробные леса. Их появление говорило о том, что вот-вот должны появиться новые «спицы», а вслед ними — и ступица.

Карусель облепили тысячи доков всевозможных размеров и форм, способные принять внутрисистемный корабль почти любого типа. Большинство были ориентированы к центру колеса, нижней частью открываясь в космос. Обычно корабль затаскивали в док с помощью робота-буксира, а затем намертво крепили сверхмощными стыковочными захватами. Все, что было не закреплено, вылетало обратно в космос — и, как правило, безвозвратно. Ясно, что на такой работе скучать не приходилось. Она требовала сообразительности и ловкости, но желающие всегда находились.

Ксавьеру Лю, которому пришлось работать в одиночку — его команда приматов присоединилась к забастовке — никогда не доводилось обслуживать именно это судно. Однако он не в первый раз имел дело со звездолетами такого типа — небольшими полуавтоматическими грузовозами, которые были разработаны специально для обслуживания анклавов Ржавого Обода. Его корпус представлял собой раму-скелет, на которую крепилось множество контейнеров — ни дать ни взять рождественская елка с подарками. Грузовоз курсировал между цилиндром Свифт-Августина и каруселью, принадлежащей Дому Коррекции — теневой фирме, которая специализировалась на косметической хирургии деликатного свойства — а именно, на устранении изменений, внесенных оперативным путем.

Грузовоз перевозил пассажиров. Каждый располагался в отдельном «стручке» — контейнере, оборудованном в соответствии с личными требованиями. Обнаружив в навигационной системе технические неполадки, которые требовали немедленного устранения, корабль направил на ближайшие «карусели» запрос с просьбой о ремонте с постановкой в док. Фирма Ксавьера Лю предложила приемлемую цену, и грузовоз прибыл к Нью-Копенгагену. Лю лично проследил за тем, как робот-тягач устанавливал судно в доке. Сейчас он карабкался по раме. Магнитные накладки на ладонях и подошвах ботинок со звоном прилипали к ледяному

металлу. Скафандр был увешан инструментами разной степени сложности, на левом рукаве крепился электронный комм последней модели. Время от времени Ксавьер вытягивал несколько проводков и подсоединял их к порталам контрольной сети ходовой части грузовоза, сопровождая каждую попытку крепким ругательством.

Устранить неполадку навигационной системы, какой бы она ни была, ничего не стоит. Главное — ее обнаружить. И тогда остается только ввести переустановочные компоненты, которые записаны на накопителе. Как правило, для обезьян это дело пары минут. Однако на этот раз назревала серьезная проблема: вот уже почти час, как Ксавьер ползал по этому чертову кораблю, но причина неполадки по-прежнему оставалась загадкой.

Ситуация усугублялась тем, что по условиям договора он гарантировал отправку судна в течение шести часов. Первый из этих шести часов уже истек — отсчет времени начинался до постановки звездолета в док. Пяти часов обычно хватало, но у Ксавьера уже появилось мерзкое подозрение, что на этот раз его фирме придется выплачивать неустойку.

— Ты, ублюдок хренов... — пробормотал он, протискиваясь мимо одного из контейнеров. — Дай мне хоть какую-нибудь сраную подсказку...

— Удалось ли вам найти неполадку? — загремел в наушниках голос субличности корабля. — Возможность продолжения миссии внушает серьезное беспокойство.

— Нет. Заткнись. Мне надо подумать.

— Повторяю. Возможность продолжения миссии...

— Заткнись, мать твою в черную дыру!

В переднем конце «стручка» виднелся просвет. До сих пор Ксавьер не удостаивал своим вниманием пассажиров грузовоза, но сейчас увидел нечто совершенно неожиданное. То, что находилось внутри, напоминало крылатую лошадь — правда, у лошадей, даже крылатых, не бывает человеческих лиц, да еще женских. На миг их глаза встретились, и Ксавьер поспешно отвернулся.

Он подключился к другому порту. Может, хоть на этот раз получится найти какую-нибудь зацепку? Может быть, на самом деле навигационная система в полном порядке, просто глючит диагностическая «паутина»? Как у того грузовоза, что прибыл на автопилоте с Отеля Амнезии? Ксавьер покосился в нижний правый угол дисплея, который проецировался на лицевой щиток гермошлема. Осталось пять часов десять минут — в том числе на то, чтобы провести профилактический осмотр и выкинуть это непотребное корыто обратно в космос. Перспектива хуже не придумаешь.

— Удалось ли вам найти неполадку? Возможность продолжения...

По крайней мере, работа позволяет немного отвлечься. Вынужденный решать какую-нибудь сложную техническую проблему в условиях цейтнота, он не мог так часто, как обычно, думать об Антуанетте. Ксавьер рассчитывал, что свыкнется с ее отсутствием, но этого так и не произошло. Он был категорически против этой маленькой командировки, но понимал, что уговоры ни к чему не приведут. Для этого у нее самой должны были появиться достаточно сильные сомнения.

Лю сделал все, что мог. Он сторговался с ремонтной мастерской, где были свободные места; и «Штормовую Птицу» пригнали в отсек техобслуживания, второй по величине на Нью-Копенгагене. Наблюдая эту сцену, Антуанетта не находила себе места. Она была убеждена, что стыковочные захваты не удержат судно с его сотней тысяч тонн центростремительного веса. Но захваты выдержали, и обезьяны Лю проверили в нем все до последнего винтика.

Позже, когда работы были закончены, Ксавьер и Антуанетта занялись любовью — в последний раз перед ее отлетом. Потом она, пятась, исчезла в люке воздушного шлюза. Лю следил, как «Штормовая Птица» покидает док и падает вниз — следил, пока она не превратилась в маленькую, еле заметную точку. На глаза наворачивались слезы.

Некоторое время спустя мастерскую посетил на редкость въедливый представитель Феррисвильского Конвента, жутковатое сооружение из множества острых углов. Он несколько часов ползал по всему доку — скорее, просто с целью запугать Ксавьера — прежде чем потерял всякий интерес, ничего не обнаружив.

Вот и все.

Антуанетта предупреждала, что в зоне военных действий придется поддерживать радиомолчание. Поэтому поначалу Ксавьер не удивлялся, не получая от нее никаких известий. Затем в основной сети новостей замелькали туманные сообщения о сражениях в районе Мандариновой Грезы — газового гиганта, где девушка собиралась похоронить своего отца. Никто не предполагал, что такое произойдет. Антуанетта надеялась воспользоваться временным затишьем, которое установилось в этой части системы. В репортажах не упоминалось о гражданских судах, захваченных в районе конфликта, но это еще ничего не значило. Возможно, «Штормовая птица» попала под перекрестный огонь, Антуанетта погибла, и никто об этом не знает, кроме Ксавьера. А может быть, властям известно о ее гибели, но они не хотят предавать огласке тот факт, что гражданскому звездолету удалось проникнуть так далеко вглубь Спорного Пространства.

Дни переходили в недели, от Антуанетты по-прежнему не поступало

никаких вестей, и Ксавьер начал думать, что она мертва. Что ж, она погибла с честью, исполняя свой долг — даже если в этом не было смысла. Можно сказать, это была смерть на поле боя. Она не позволила бы себе опуститься до того, чтобы цинично отказаться от самой себя. Он гордился тем, что знал ее, и почти смирился с тем, что никогда больше ее не увидит.

— Необходимо спросить вас снова. Вы нашли...

Ксавьер постучал по манжете, отдавая своему комму приказ отсоединиться от субличности корабля.

«Пусть эта хрень немного помолчит», — подумал он и взглянул на часы.

Осталось четыре часа сорок пять минут. А он так и не выяснил, в чем проблема. Фактически, одна-две опрошенных линии, которые еще несколько минут назад выглядели весьма многообещающе, привели в самый настоящий тупик.

— Чтоб тебя, долбаный кусок де...

На манжете запульсировал зеленый огонек. Ксавьер уставился на него сквозь марево недовольства и легкой паники. Вот будет круто, если придется прикрыть лавочку — даже если пока до этого еще не дошло...

Так... получено важное сообщение из-за пределов Карусели Нью-Копенгагена. Пришло только что, по основной коммуникационной сети Карусели. Аудиозапись, ответить в реальном времени невозможно... Это могло означать только одно: послание пришло издалека. Тот, кто его отправил, находился весьма далеко Ржавого Обода. Ксавьер набрал команду, приказывая комму передать запись на наушники и прокрутить полностью.

— Ксавьер... Надеюсь, ты получил это послание. Еще я надеюсь, что твоя контора все еще функционирует, и что тебя в мое отсутствие не завалили заказами. Потому что у меня к тебе просьба: выкинь всех клиентов к чертовой прабабушке.

— Антуанетта, — вслух пробормотал он, улыбаясь как идиот.

— Сейчас самое главное. Остальное потом, при личной встрече. Я направляюсь домой, но меня угораздило слегка переборщить с приращением дельты, так что до Ржавого Обода мне не дотянуть. От тебя требуется добыть спасательный буксир, который сможет меня разогнать — причем, черт подери, тебе надо поторопиться. Кажется, в доке Ласло болталась парочка четвертых «Таурусов»? Думаю, для «Штормовой Птицы» хватит даже одного. Я уверена: после того, как в прошлом году мы довели до ума Дакс-Аутричем, они нам по гроб жизни обязаны.

Она сообщила свои координаты и вектор, и предупредила, что в

обозначенном секторе орудуют баньши. Антуанетта была права: она на самом деле двигалась очень быстро. Это немного удивило Ксавьера, но он решил, что скоро сам все узнает. Хуже другое: времени у него уже в обрез. Антуанетта тянула с отправкой сообщения до последней минуты, так что придется в хорошем темпе решать вопрос с «Таурусом-четыре». В запасе у него полсуток — иначе буксиру будет до нее уже не добраться. После этого решить проблему станет в десять раз труднее. Ксавьеру придется обращаться за помощью к слишком крупным шишкам.

Антуанетте нравится, когда жизнь полна опасности, подумал он.

Ксавьер заставил себя сосредоточиться на грузовозе. Решение проблемы с навигационной системой не приблизилось ни на йоту, но эта задача почему-то больше не вызывала ощущения колоссальной значимости.

Набрав команду на манжете, Ксавьер восстановил контакт с субличностью грузовоза, и в уши тут же ворвался дребезжащий голос. Похоже, этот зануда продолжал говорить без умолку, не беспокоясь о том, слушают его или нет

— ...неполадку? Очень настоятельно рекомендуется исправить эту ошибку в течение оговоренного периода времени. Невыполнение обязательств по договору о ремонтных работах повлечет за собой необходимость выплаты компенсации с вашей стороны в пределах шестидесяти тысяч Феррисов, или в пределах ста двадцати тысяч Феррисов, если невыполнение бу...

Ксавьер снова отключился и некоторое время наслаждался благословенной тишиной.

Потом он проворно спустился с рамы грузовоза и обратно, на одну из ремонтных стоек, подбирая инструменты и сматывая кабель. Успокоения ради последний раз посмотрел на грузовоз, чтобы убедиться, что не оставил на нем ничего из инструментов. Нет, все в порядке.

На заляпанной маслом стене дока располагалась панель с откидной крышкой, и он открыл ее. Внутри выстроились многочисленные контроллеры, кнопки и рычаги — крупные, наподобие детских игрушек, покрытые жирными пятнами. Одни включали и выключали электроэнергию и освещение, при помощи других можно было изменять давление и температуру. Сейчас это было не нужно. Ксавьер выбрал самый большой рубильник, который возвышался над остальными. Этот ярко-алый рычаг включал стыковочные крепления.

Лю оглянулся. Черт возьми, это действительно идиотизм. Еще чуть-чуть, какие-нибудь час или два, и неполадка будет обнаружена — по

крайней мере, такое не исключено. И грузовоз отправится своей дорогой. Не придется выплачивать неустойку — учитывая, что в случае неуплаты мастерская будет опечатана через две недели.

Но могло получиться иначе. Он будет копать еще пять часов и не найдет способа решить эту проблему. Тогда ему придется выплатить компенсацию — в пределах ста двадцати тысяч Феррисов, как любезно заметил грузовой корабль. Можно подумать, ему стало легче от того, что он узнал этот предел! Но это не самое главное. Этих пяти часов может не хватить на то, чтобы подготовить спасение Антуанетты.

Что важнее? Выбор очевиден.

Ксавьер сжал алую рукоятку, потянул ее вниз и удовлетворенно почувствовал, как рубильник со старомодным механическим щелчком занял новое положение. По всему доку мгновенно вспыхнули оранжевые фонари. В наушниках зазвучал голос системы сопровождения, предупреждая о необходимости держаться подальше от двигающейся массы металла.

Зажимы раскрывались один за другим, звонко щелкая, словно допотопный телеграф. На какую-то секунду корабль завис в пространстве — казалось, его поддерживает какая-то магия. Затем центробежная сила победила, и скелетообразное детище космического кораблестроения выплыло из ремонтного дока — плавно и элегантно, почти величественно, как падающая люстра. Ксавьер не смог видеть, как грузовоз удаляется. Карусель повернулась, и судно скрылось из виду. Конечно, можно увидеть его снова, дождавшись, пока колесо сделает полный оборот... Но у Ксавьера было слишком много срочных дел.

Он знал, что судно не пострадает. Как только оно отойдет чуть подальше от Нью-Копенгагена, его немедленно подберет кто-нибудь еще. А еще несколько часов спустя оно, скорее всего, уже будет идти прежним курсом к Дому Коррекции вместе со своими пассажирами, чьи мутации не вполне соответствуют последней моде.

Само собой, платить придется по всем статьям. Во-первых, самим пассажирам — если они поняли, что случилось. Во-вторых, Свифт-Августину — анклав, который отправил это судно. Картелю, которому грузовоз принадлежит. И, возможно даже самому Дому Коррекции за задержку клиентов.

Ну и пошли все они к черту. От Антуанетты пришло послание. И это единственное, что имеет значение.

Глава 8

Клавейн смотрел на звезды.

Он находился за пределами Материнского Гнезда, совершенно один, и поворачивал голову то ли вниз, то ли вверх — он не мог понять, на какой стороне кометы оказался. В пределах видимости не было ни одного человеческого существа, ни одного признака присутствия людей. Случайный наблюдатель мог подумать, что Клавейна безжалостно бросили на поверхности кометы на произвол судьбы, не оставив ему ни корабля, ни провизии, ни защиты. Никому бы и в голову не пришло, что в сердце кометы находится сложнейший механизм — он ничем не выдавал своего существования.

Комета вращалась довольно медленно. Время от времени на горизонте Клавейн видел бледную пасть Эпсилон Эридана — более яркую, чем остальные звезды, но слишком удаленную, чтобы походить на солнце системы. Он чувствовал беспредельный холод пространства, которое отделяло ее от Материнского Гнезда. Конечно, дистанция в чистых 100 астрономических единиц ^[21] не сравнима с расстоянием от звезды до звезды, но даже она до сих пор вызывала дрожь. А что говорить о самом межзвездном пространстве? Даже сейчас Клавейна не покидало смешанное чувство благоговения и ужаса, которое охватывало его всякий раз при встрече с будничной безграничностью космоса.

Внезапно его внимание привлек свет. Вспышка где-то в плоскости эклиптики, неподалеку от Эридана — настолько слабая, что непонятно, как глаз ее заметил. Вот снова — колкая, неожиданная искры на пределе видимости. Значит, не показалось... Еще одна, рядом с предыдущими. Клавейн приказал шлема создать затемнение, чтобы не мешала разница в яркости, и Эпсилон Эридана мгновенно исчезла за темным диском.

Клавейн понял, что это такое. Космическое сражение, которое происходит в десятках световых часов от Материнского Гнезда. Похоже, корабли ведут бой в секторе пространства, ограниченного несколькими световыми минутами, обстреливая друг друга из тяжелых орудий, использующих релятивистские эффекты. Если бы Клавейн находился в Материнском Гнезде, можно было бы обратиться к основной базе тактических данных и запросить информацию о том, кто патрулирует данную часть системы. Правда, база не сообщит ему ничего такого, что он не сможет вычислить сам.

Вспышка, скорее всего, означает гибель корабля. Или — в данный момент — пусковой импульс тяжелой электромагнитной пушки, какие в ходу у Демархистов. Это громоздкое сооружение в виде цилиндра длиной в тысячу километров, снабженное ускорителями. Пушка заряжается для детонации цепочкой бомб из кобальтового сплава. Заряд мог разнести орудие на атомы — но не раньше, чем глыбы стабилизированного металлического водорода размером с танк разгонятся до семидесяти процентов скорости света, которые вылетят на гребне всепоглощающей волны.

Орудия Объединившихся были не менее мощными, но «вытягивали» активирующие импульсы напрямую из пространства-времени, что делало количество выстрелов неограниченным и позволяло и быстрее перенацеливаться. Такие орудия стреляли без вспышки.

Клавейн знал, что результаты спектроскопического анализа установят происхождение каждой из этих вспышек. И, пожалуй, он не слишком удивится, узнав, что большинство из них означало прямое попадание в крейсера Демархистов.

Там гибли враги. Гибли мгновенно — взрывы были столь мощными и быстрыми, что люди не успевали почувствовать боли, осознать наступление смерти. Но безболезненная смерть — маленькое утешение. Эскадра Демархистов многочисленна. С уцелевших звездолетов наблюдают за уничтожением своих товарищей и гадают, кто будет следующим. Им не узнать, когда заряд вылетит в их направлении и, тем более, когда он прибудет к цели.

Оттуда, где находился Клавейн, это выглядело как фейерверк над далеким городом. От знамен Азенкура [\[22\]](#) до горящей Герники, нестерпимого зарева Нагасаки, подобного блику солнца на полированном лезвии катаны, жестоких боев в небе над Куполами Тарсиса... До этих далеких вспышек тяжелых релятивных орудий зари двадцать седьмого века, которые лупят по звездолетам цвета вороненой стали. Клавейн помнил, что война — это кровавый кошмар, и не нуждался в напоминаниях. Но издали она завораживала яростной красотой, от которой леденела кровь.

Вспышки боя перемещались к горизонту. Вскоре они скроются из виду, и никакие деяния людей не будут пятнать небо.

Клавейн размышлял о том, что услышал от Ремонта. Тот — похоже, с молчаливого согласия Скейд — слегка просветил Клавейна относительно роли, которую собирался ему отвести Закрытый Совете. Оказывается, его завлекли не просто ради того, чтобы уберечь от ненужных опасностей. Его

собирались задействовать в одной деликатной операции — в военных действиях за пределами системы Эпсилон Эридана. Речь шла о каких-то ценных артефактах, которые попали не в те руки.

Что это за артефакты, Ремонтуа не сказал. Он только дал понять, что их возвращение — следовательно, в свое время они были каким-то образом похищены! — жизненно необходимо для обеспечения безопасности Материнского Гнезда в будущем. Если Клавейн желает узнать больше... и если ему следует узнать больше, чтобы и по-прежнему быть полезным Материнскому Гнезду... то его прямой долг — стать членом Закрытого Совета. С ума сойти, как все просто! Но сейчас, уединившись на поверхности кометы и размышляя над тем, что узнал, Клавейн приходил к выводу, что они правы. Его сомнения отступали под натиском фактов.

Тем не менее, он не мог себя заставить полностью доверять Скейд. Она знает гораздо больше, и ситуация не изменится, даже если Клавейн войдет в Закрытый Совет. Да, он станет на одну ступеньку ближе к Внутреннему Кабинету. Но только ближе — кто знает, сколько их, этих ступенек?

Вспышки снова показались над горизонтом, теперь с противоположной стороны. Клавейн с дежурным интересом наблюдал за сражением. Сейчас они стали реже. Бой подходил к концу. Можно уже не сомневаться: Демархисты понесли огромные потери, а из кораблей Объединившихся не пострадал ни один. Уцелевшие звездолеты противника поспешно возвратятся на свою базу. Во время этого отступления, похожего на бегство, они сделают все возможное, чтобы не ввязаться в очередную стычку. Что касается этого боя, то его еще долго будут использовать в пропагандистских передачах, слегка приукрасив факты и сдобрив каплей оптимизма. Демархисты потерпели поражение? Что вы, ни в коем случае! Такое происходило уже тысячи раз, и будет происходить... Только уже недолго. Враг сдавал позиции. Он сдавал позиции вот уже несколько лет.

Но тогда откуда это беспокойство о будущей безопасности Материнского Гнезда?

У Клавейна был лишь один способ это выяснить.

Робот-перевозчик нашел свою нишу в кольце и с безупречной точностью, на которую способны только механизмы, влетел туда. Здесь была зона нормальной гравитации. Покинув платформу перевозчика, Клавейн некоторое время шумно переводил дух — с непривычки дыхание требовало усилий.

Он шел по изгибающимся коридорам и пандусам, понимая, что

движется по дуге. Здесь находились другие Объединившиеся, но на Клавейна никто не обращал внимания. Их мысли и чувства словно омывали его. Он знал, какое впечатление производит на встречных. Только спокойное уважение, почтение — возможно, с легчайшим налетом сожаления. Основная часть населения ничего не знала о том, что Скейд пытается затащить его в Закрытый Совет.

Коридоры стали темнее и уже. Суровое однообразие серых стен нарушали многочисленные кабели, панели и гофрированные трубы, из которых вырывался теплый воздух. Снизу и из-за стен доносился мерный рокот машин. Тусклый свет чуть заметно мигал. Клавейн так и не понял, в каком месте он словно прошел через запретную дверь. По общему впечатлению, тот, кто незнаком с этой частью колеса, может легко заблудиться в этой полузаброшенной секции. Не многие забредали так далеко, большинство предпочитало перемещаться по более обжитой территории.

Клавейн шел дальше. Он уже достиг той части кольца, которая не упоминалась ни в одном чертеже или карте. Впереди была бронзово-зеленая выпуклая поверхность, похожая на вытянутое в овал полушарие — ни маркировки, ни охранных систем. Похоже, большинство обитателей Материнского Гнезда даже не догадывались о ее существовании. Рядом находилось железное колесо с толстым ободом и тремя планками-спицами. Клавейн ухватился за две из них и потянул. Поначалу колесо не шевелилось — никто не спускался сюда в течение долгого времени, — потом подалось. Следующий оборот уже не потребовал усилий. Громоздкая дверь-полусфера легко распахнулась наружу, покрывшись каплями конденсата и смазки. По мере того как Клавейн вращал колесо, дверь отходила наружу и в сторону, открывая проход. Теперь она походила на сплюснутый поршень, боковые стороны которого отполировали до яркого блеска ради герметичности.

За дверью открывалось еще более темное пространство. Клавейн перешагнул через полуметровый комингс [\[23\]](#), приседая, чтобы не удариться головой, и случайно коснулся металла. Пальцы обожгло холодом, и он некоторое время дышал на них, пока чувствительность не восстановилась.

Оказавшись внутри, Клавейн обнаружил второе колесо и начал поворачивать его, снова закрывая дверь. На этот раз он натянул рукава на руки, защищая пальцы от ледяного металла. Несколько шагов в темноту — и вокруг тускло засветились бледно-зеленые огни.

Камера была огромной, низкой и вытянутой, как древний пороховой склад. Стены выгибались, образуя арки, повторяющие изгиб огромного

кольца — одного из тех, что составляли Материнское Гнездо. Поодаль один за другим тянулись ряды криогенных склепов.

Клавейн точно знал, сколько их. Сто семнадцать. Сто семнадцать человек вернулись из Глубокого космоса на корабле Галианы, и ни у одного не было надежды на спасение. Многие останки оказались настолько изуродованы, что разделить их удалось лишь с помощью генетической идентификации. Но, тем не менее, в каком бы состоянии ни находился погибший, после опознания его помещали в отдельный саркофаг.

Он шел между рядами, гулко стуча подошвами ботинок по рифленому полу. Саркофаги издавали тихое гудение. Они по-прежнему работали — просто потому, что мертвым лучше было оставаться замороженными. Непохоже, что в останках затаились Волки. По крайней мере, признаков их активности не наблюдалось — разумеется, за исключением одного саркофага. Однако кто гарантирует, что отдельные паразиты не прячутся где-то, до сих пор не обнаруженные? Тела можно было кремировать, но тогда исключалась всякая возможность узнать хоть что-нибудь о Волках. Материнское Гнездо, как всегда, проявляло осмотрительность.

Клавейн приблизился к криогенному склепу, где лежала Галиана — он стоял отдельно от остальных, на возвышающемся пьедестале с наклонной плоскостью. Ржавчина, разевшая металл, напоминала замысловатые арабески, вырезанные в камне. Клавейну представилась сказочная королева — отважная, горячо любимая своими подданными, которая защищала их до конца, а теперь спит мертвым сном, окруженная верными рыцарями, советниками и фрейлинами. Крышка саркофага была полупрозрачной, и черты Галианы проступали под ней неясным силуэтом — Клавейн мог разглядеть ее еще до того, как подошел вплотную. Весь ее вид говорил о том, что она достойно приняла свою судьбу. Руки сложены на груди, подбородок приподнят — его благородные очертания выдавали сильный характер. Лоб не омрачала ни одна морщинка беспокойства: казалось, Галиана просто спит. Длинные волосы, угольно-черные с серебряными прядями, волнами обрамляли лицо, кожу усеивали миллиарды мерцающих кристалликов льда, переливаясь от голубого и розового до бледно-зеленого, стоило поглядеть чуть иначе. Даже в смерти Галиана сохраняла изысканную, утонченную красоту — даже если сейчас это была красота статуи, вырезанной из сахарной глыбы.

Клавейну хотелось рыдать.

Он коснулся холодной крышки, и пальцы скользнули по поверхности, оставляя четыре едва заметных полоски. Он тысячу раз представлял себе слова, которые скажет ей, если она когда-нибудь вырвется из хватки Волка.

С момента возвращения Галиану «отогревали» лишь однажды. Но это не значит, что ее не оживят снова, спустя годы или века. Интересно, думал Клавейн, вспомнит ли она его? Вспомнит ли о том, чем он делился с ней? Вспомнит ли Фелку, которая фактически была ей дочерью?

Какой смысл думать об этом? Клавейн знал, что уже никогда с ней не заговорит.

— Я решился, — произнес он, выдыхая в неподвижный воздух облако пара. — Не уверен, что ты это одобришь. Ты же всегда была против существования чего-то подобного Закрытому Совету. Говорят, этого потребовала война. Так же, как необходимость соблюдать оперативную секретность заставила разделить наши сознания. Но Совет существовал еще до того, как началась война. У нас всегда были секреты, даже от самих себя.

Его пальцы совсем замерзли.

— Я делаю это. Просто подозреваю, что должно произойти нечто ужасное. Если это можно предотвратить, я сделаю все, что смогу. Если нельзя — сделаю все возможное, чтобы Материнское Гнездо вышло из этой катастрофы с минимальными потерями, что бы там не ожидалось. Но я почти ничего не смогу сделать, пока не войду в Совет. Мне никогда не было так трудно идти к победе, Галиана. Мне кажется, на моем месте ты бы чувствовала то же самое. Ты всегда с подозрением относилась к вещам, которые казались слишком простыми, потому что за этой простотой могло что-то скрываться. Мне ли о том не знать. Ведь я как-то угодил в одну из твоих ловушек.

Клавейн поежился. Внезапно он почувствовал, что очень замерз. И что за ним наблюдают.

— Галиана, — сказал он — наверно, слишком торопливо, — я вынужден так поступить. Я вынужден сделать то, чего добивается Скейд, хорошо это или плохо. Я просто надеюсь, что ты меня поймешь.

— Она поймет.

Клавейн резко обернулся — но, еще не завершив движения, узнал голос и понял, что беспокоиться не о чем.

— Фелка...

У него словно гора с плеч свалилась.

— Как ты меня нашла?

— Я предполагала, что ты сюда спустишься. Ты всегда оставлял последнее слово за Галианой.

Она прошла в склеп совершенно беззвучно. Сейчас Клавейн заметил, что дверь наполовину открыта. Вот почему стало так холодно! Как только

герметичность нарушилась, по помещению начал гулять сквозняк.

— Не понимаю, зачем я здесь, — сказал Клавейн. — Знаю, что она мертва.

— Она — твоя совесть.

— Потому я и любил ее.

— Мы все ее любили. Поэтому кажется, что она до сих пор жива и ведет нас, — Фелка подошла совсем близко. — То, что ты здесь — это правильно. Я не стану из-за этого хуже о тебе думать или меньше уважать тебя.

— Думаю, я знаю, что должен сделать.

Она кивнула, словно Клавейн сообщил ей точное время.

— Ладно, идем отсюда. Для живых здесь слишком холодно. Галиана не будет против.

Следом за Фелкой Клавейн направился к выходу.

Оказавшись снаружи, он крепко закрутил колесо, возвратив на место поршнеобразную дверь — словно хотел оставить за ней свои воспоминания.

Клавейну позволили войти в тайную палату. Едва переступив порог, он почувствовал, как мысли обитателей Материнского Гнезда, которые звучали на заднем плане в его сознании, внезапно оборвались, словно вздох умирающего. Наверно, для кого-то из Объединившихся такая изоляция могла оказаться болезненной. Но он ощутил лишь легкое раздражение — и не потому, что недавно побывал в месте упокоения у Галианы, которое было изолировано таким же образом. Клавейн слишком долго находился на положении изгоя, чтобы тревожиться по поводу отсутствия чужих мыслей в своей голове.

Разумеется, полной изоляции не было: он соприкасался с сознаниями тех, кто находился в палате. Однако, в соответствии с обычными ограничениями Закрытого Совета, ему позволяли лишь слегка касаться их мыслей. Сама палата оказалась довольно непрезентабельной: огромная сфера, оживленная множеством полукруглых балконов, которые лепились по всем стенам почти до самого верха, с плоским полом. На балконах были установлены кресла. Еще одно кресло — одинокое, жесткое и строгое — стояло в центре палаты, словно его выдавили наружу из мрачного серого пола.

(Клавейн?)

Скейд стояла на краю выступа, похожего на язык, который высовывался из стены палаты.

«Я весь внимание».

(Сядь в кресло.)

Он повиновался. Каблуки его ботинок звонко щелкали по металлу. Чувство было не из приятных: атмосфера в палате напоминала зал суда, причем сам Клавейн присутствовал в качестве подсудимого... или даже приговоренного к наказанию.

Вопреки ожиданиям, кресло оказалось весьма удобным. Клавейн закинул ногу на ногу и почесал бороду.

«Давай покончим с этим вопросом, Скейд».

(Всему свое время, Клавейн. Ты знаешь, что с бременем знаний придет другое бремя, бремя секретности? Тебе дадут доступ к тайнам Закрытого Совета, но эти сведения ни при каких обстоятельствах не должны попасть к врагам. Даже обмен с другими Объединившимся считается недопустимым.)

«Я знаю, во что ввязываюсь, Скейд».

(Мы просто хотим убедиться. Ты не должен упрекать нас за это.)

В этот момент Ремонтуа поднялся со своего места.

(Он сказал, что готов, Скейд. И этого достаточно.)

Скейд восприняла его слова совершенно равнодушно. Вспышка ее ярости насторожила бы Клавейна куда меньше.

(Спасибо, Ремонтуа.)

«Он прав. Я готов. И хочу этого».

Скейд кивнула.

(Тогда приготовься. Сейчас твое сознание получит доступ к данным, которые были для тебя закрыты.)

Первым побуждением Клавейна было схватиться за ручки кресла, которых не было. Потом он понял, как смешно бы это выглядело. Подобные чувства он пережил четыреста лет назад, когда Галиана впервые ввела его в Транспросвещение. Это произошло на Марсе. Клавейн был ранен, и она вживила в его мозг имплантанты. За несколько мгновений до операции Клавейн почувствовал себя человеком, который стоит перед надвигающейся стеной цунами и отсчитывает секунды до того момента, когда как волна сметет его. Сейчас он испытывал нечто подобное, хотя знал, что кардинального изменения сознания не произойдет. Просто он получит доступ к секретной информации, скрытой от большинства Объединившихся.

Он ждал. И ничего не происходило.

(Чего ты ждешь?)

Клавейн ослабил пальцы, впившиеся в сидение.

«Я чувствую так же, как и чувствовал».

(Нет, не так же.)

Он посмотрел вокруг себя, на ряды кресел, опоясавшие стены палаты. Ничего не изменилось, никаких отличий. Память заверила его, что все осталось таким же, каким было минуту назад.

«Я не...»

(Прежде, чем ты пришел сюда, прежде, чем ты принял решение, мы позволили тебе узнать, в чем заключалась причина нашей настойчивости. Необходимо вернуть то, что было утрачено. Или это не так, Клавейн?)

«Вы не говорили, что именно ищете. Я до сих пор этого не знаю».

(Просто ты не задавал себе правильного вопроса.)

«И какой вопрос мне следует задать, Скейд?»

(Спроси себя о том, что ты знаешь насчет оружия класса «ад». Уверена — ответ будет очень интересным.)

«Не знаю никакого класса “ад”...»

И запнулся. Стало очень тихо. Клавейн знал, и знал очень хорошо.

Теперь, получив доступ к информации, он понял: до него все время доходили слухи об этом оружии. Он слышал о нем с тех пор, как жил среди Объединившихся. Их злейшие враги тоже рассказывал невероятные истории о тайниках Конджойнеров, где хранилось оружие фантастической мощности — настолько разрушительное и жестокое, что оно вряд ли когда-нибудь подвергалось испытаниям. Само собой, его еще никогда не использовали в сражениях. Вероятно, оно было создано очень давно, на заре истории Объединившихся. Слухи обрастали различными подробностями, но в одном сходились: всего в тайниках хранилось сорок орудий, и ни одно не было копией другого.

Клавейн никогда не воспринимал подобные слухи всерьез. Он считал их работой агентов-антиразведчиков Материнского Гнезда, которые хотели посеять панику во вражеском стане. Но чтобы такое оружие существовало в реальности? Клавейн достаточно долго находился среди Объединившихся, и за это время ни в одном официальном источнике не проскочило даже намек на существование чего-то подобного. Галиана тоже никогда не упоминала об этих орудиях. Но если они созданы так давно — еще в эпоху марсианских поселений... Или она знала об их существовании, или такого оружия просто не существовало.

Однако оно существовало.

Клавейн просматривал свои новые «воспоминания» с мрачной зачарованностью. Он всегда подозревал, что у Объединившихся Материнского Гнезда есть секреты друг от друга. Но сколько можно было скрывать столь важную информацию?! Ему казалось, что он только что

обнаружил огромную потайную комнату в доме, в котором прожил почти всю свою жизнь, и не мог избавиться от чувства, что его предали. И растерянности.

Сорок орудий, прямо как в старых сказках. Каждое было прототипом, в каждом невероятно утонченным и омерзительным способом использовались новые принципы физики, которые могли стать величайшими в истории открытиями. Конечно, Галиана, знала об этом оружии. Она сама санкционировала его изготовление: начались гонения на Объединившихся. В то время противник превосходил Конджойнеров скорее численностью, чем уровнем технических знаний. С сорока новыми орудиями Галиана могла стереть врагов с лица Вселенной, но в последний момент отказалась от этого намерения. Лучше стать жертвой геноцида, чем развязать геноцид самому.

Но это было только начало. Потом настало время грубых промахов противника, счастливых случайностей и непредвиденных обстоятельств. Люди Галианы оказывались на краю гибели, но не были вычеркнуты из истории.

Клавейн узнал, что орудия решили сохранить, поместив в другой звездной системе, внутри укрепленного астероида. В его сознании возникли мрачные образы: замурованные хранилища, кибернетические сторожевые псы, трапы с перилами и пропасти. Галиана боялась своего адского изобретения не меньше, чем врагов. Тем не менее, она не уничтожила орудия — она лишь сделала все возможное, чтобы не допустить их немедленного использования. Все данные о производстве были стерты — это исключало дальнейшие попытки создания дубликатов. На случай крайней необходимости — например, новой волны преследований — орудия поддерживались в состоянии боеготовности, но тайник находился слишком далеко. Полет к этой системе занял бы несколько лет, и ровно столько должно было продолжаться затишье между боями. Применение орудий класса «ад» требовало ясности сознания, и длительное космическое путешествие был неплохим средством остудить слишком горячие головы.

Но орудия украли, вскрыв тайник. Когда на астероид прибыла следственная группа Объединившихся, похитителей и след простыл. Кем бы они ни были, им хватило ума прорвать оборону, не используя сами орудия — это выдало бы их с головой.

Клавейн узнал, что попытки найти пропажу предпринимались неоднократно, но ни одна не увенчалась успехом. Если существование оружия было тщательно засекречено, то историю с его похищением

окружили еще более глубоким молчанием. Об этом знали лишь некоторые из старших Объединившихся. Последующие десятилетия проходили в постоянном напряжении: орудия могли разнести любую планету, как кусок стекла. Оставалось лишь надеяться на то, что похитители не догадывались, насколько мощное оружие попало к ним в руки.

Десятилетия сложились в столетие, затем наступил новый век. За это время населенный космос не раз сотрясали катастрофы и кризисы, но орудия так и не заявило о своем существовании. Кое-кто из Объединившихся, посвященных в тайну, начал утверждать, что о пропаже можно забыть: скорее всего, похитители оставили добычу в космосе или сбросили в недра какой-нибудь звезды.

Но орудия не пропали.

Незадолго до возвращения Клавейна из Глубокого космоса в секторе Дельты Павлина — звезды класса Солнца, которая находилась на расстоянии пятнадцати световых лет от Материнского Гнезда, неожиданно появились признаки странной активности. Это было нейтринное излучение — правда, очень слабое. Возможно, первые вспышки вообще не удалось зарегистрировать. Но последующие сигналы не оставляли места для сомнений. Несколько орудий были активированы.

Система Дельты Павлина находилась в стороне от главных торговых маршрутов. Из ее планет была колонизирована только одна — Ресургем. Поселение было основано археологической экспедицией, которую возглавлял Дэн Силвест, сын ученого-кибернетика Кэлвина Силвеста, отпрыска одного из богатейших Демархистских кланов. Археологи собирали информацию о расе птицеподобных существ, населявших планету миллионы лет назад. Постепенно колония прекратила официальные отношения с Йеллоустоуном. Как выяснилось позже, колонисты перестали быть просто учеными-исследователями. Власть на планете несколько раз менялась: политика терраформирования и расширения поселений не могла не привести к конфликтам. Террористические акты и вооруженные столкновения происходили почти постоянно, но Объединившиеся были абсолютно уверены, что на планете нет орудий из тайника. Тщательное изучение транспортной документации Йеллоустоуна показало: среди кораблей, отправлявшихся на Ресургем, числился субсветовик «Ностальгия по Бесконечности». Судно прибыло в систему Дельты Павлина, и приблизительно в то же самое время были зарегистрированы признаки активации орудий. Информация по звездолету оказалась весьма скудной. Однако в списках иммиграционной службы Ржавого Обода Клавейн обнаружил некую Илию Вольеву, которая

непосредственно перед отлетом «Ностальгии» искала новых людей для своего экипажа. Возможно, это было ее настоящее имя, а может быть, и нет — в неразберихе, которая царила после Эпидемии, человек мог получить идентификационные документы на любую подходящую личность. Но фамилия Вольевой всплыла еще раз. С Ресургема на Йеллоустоун редко приходили сообщения. Одно из них, паническое и обрывочное, упоминало о корабле Вольевой, который терроризировал колонию с требованием выдать главу первого правительства Ресургема. Правда, непонятно, зачем Вольевой и ее команде понадобился Дэн Силвест.

Это не означало, что орудия находились у Вольевой. Но Скейд, похоже, не ошиблась: эта женщина возглавляла список подозреваемых. Ее корабль был достаточно велик, чтобы разместить на нем оружие. Она весьма жестоко действовала против колонии, а главное — появилась на сцене как раз в тот момент, когда смертоносные орудия вышли из вековой спячки. Невозможно представить, чего Вольева хотела добиться с их помощью. Но она, несомненно, имела к этому делу самое непосредственное отношение.

Она была вором, которого искали Объединившиеся.

Гребень Скейд пульсировал переливами нефрита и бронзы. Новые воспоминания поступали и поступали в сознание Клавейна. Видеофрагменты, фотоизображения... Клавейн уже успел представить себе коротко стриженую, круглолицую бой-бабу, хотя облик Вольевой абсолютно не соответствовал его ожиданиям. В комнату подозреваемых Илия Вольева оказалась бы последней, к кому бы он повернулся.

Скейд улыбнулась ему. Ей удалось полностью завладеть его вниманием.

(Теперь ты понимаешь, почему нам нужна твоя помощь. Местонахождение и состояние оставшихся тридцати девяти орудий...)

«Тридцать девять, Скейд? Я думал, их сорок».

(Разве я не упомянула, что последнее, сороковое было уничтожено?)

«По-моему, ты упустила этот момент».

(Полной уверенности нет. Орудия выходили из состояния спячки и снова в нее погружались, как живые организмы. Одно из них так и не обнаружили с 2565 года по местному летоисчислению Ресургема. Мы предполагаем, что оно потеряно, а может быть, уничтожено. Шесть из оставшихся тридцати девяти отделились от основной группы. Мы все еще получаем от них слабые сигналы, но они намного ближе к нейтронной звезде на краю системы. Другие тридцать три находятся в пределах одной астрономической единицы от Дельты Павлина, в точке Лагранжа системы

Ресурге́м — Дельта Павлина. Скорее всего, все они в корабле Триумвира.)

Клаве́йн поднял голову.

«Постой. В каком году ты засекала первые сигналы? В 2565-м?»

(По летоисчислению Ресурге́ма.)

«И продолжала получать примерно до... 2580 года? Это было тридцать три года назад, Скейд. Какого дьявола до сих пор никто ничего не делал?»

(Идет война, Клаве́йн. Сомневаюсь, что у нас была возможность организовать обширную, логически сложную операцию, чтобы их обнаружить.)

«До настоящего момента».

Скейд ответила еле заметным утвердительным кивком.

(Сейчас перевес на нашей стороне. В конце концов, мы можем позволить себе отозвать кое-какие ресурсы. Только не строй иллюзий, Клаве́йн. Поиск орудий будет нелегким делом. Мы намерены вернуть похищенное, но уже сейчас столкнулись с огромными трудностями. У Вольевой есть собственное оружие. Очевидно, именно его она применила на Ресурге́ме. Но нам надо вернуть орудия любой ценой).

«Любой? Ты имеешь в виду ценой жизни?»

(На войне потери тебя не останавливали, Клаве́йн. Поэтому мы хотим, чтобы ты координировал эту операцию. Пересмотри воспоминания, если сомневаешься. Если не считаешь себя подходящим кандидатом.)

Обрывки образов без предупреждения ворвались в осознание, уводя назад к предыдущим кампаниям и акциям. Фильмы о войне, подумал Клаве́йн. Совсем как старые двухмерные монохромные видеозаписи, которые он изучал, будучи одним из Сторонников Чистоты Нервной Системы. Клаве́йн надеялся обнаружить какие-то приемы, которые можно применять против реального врага, но обычно от этих сеансов не было никакого толку. Однако сейчас «фильм» прокручивался с огромной скоростью, и главную роль в нем играл сам Клаве́йн. По большей части в эпизодах сохранялась историческая точность, и из-за этого казалось, что он являлся центральным участником всех событий. Освобождение от захватчиков садов Гильгамеш Айсиса, когда Клаве́йн лишился кисти руки из-за взрыва серы и потерял год, пока не восстановился полностью. А вот похищение мозга ученого-Демархиста, спрятанного фракцией ренегатов-Миксмастеров в районе Глаза Марко. Напарница Клаве́йна, женщина-Конджойнер, подверглась хирургической модификации и могла хранить мозг живым в своей матке, так что Клаве́йну пришлось произвести простую операцию, обратную Кесареву сечению. Тело ученого они оставили на виду, чтобы захватчики могли его обнаружить. Потом

Объединившиеся клонировали профессора и пересадили похищенный мозг в новое тело.

Вот Клавейн возвращает двигатель Конджойнеров, украденный диссидентами-Скайджеками, которые разбили лагерь в одном из внешних «узлов» Блоатера — аграрной колонии, огромного человеческого муравейника. Освобождение планеты Трюкачей от спекулянтов-ультра, которые желали получить доступ к живому океану, способному изменить сознание человека. И еще много, очень много всего. Клавейн всегда выживал и почти всегда одерживал победу. Наверно, где-то существуют другие Вселенные, в которых его все-таки убили, несмотря на знания и опыт. Удача — штука непостоянная. Вряд ли Клавейн мог вычислить среднее арифметическое своих побед и решить, возьмет ли следующую высоту.

Конечно, успех не гарантирован. Но у него больше шансов, чем у кого-либо другого.

Он мрачно улыбнулся.

«Похоже, ты знаешь меня лучше, чем я сам».

(Я знаю, что ты поможешь нам, иначе не заводила бы тебя так далеко. Я права? И ты нам поможешь, так?)

Клавейн огляделся. Он изучал этот отвратительный паноптикум — стариков, похожих на привидения или мумии, непристойные комки серого вещества, заключенные в колбы... Все молчали в ожидании его ответа — даже мозги, которые до сих пор тяжело и мерно пульсировали. Конечно, Скейд права. Никому Клавейн не доверил бы эту операцию. Даже сейчас, на закате жизни и карьеры. Да, на это уйдет много лет. Почти двадцать — чтобы достичь Ресургема. Еще двадцать — чтобы вернуться с победой. Но сорок лет, на самом деле — не самый долгий срок, когда у тебя за плечами почти пять веков. Тем более, почти все эти сорок лет он проведет в «холодном сне».

Сорок лет. Плюс лет пять на подготовку... и примерно год на саму операцию. В общем, около полувека. Клавейн посмотрел на Скейд: волнистые полосы на ее гребне почти не двигались. Ждет. Клавейн знал, что чтение самых глубоких уровней его сознания давалось ей нелегко. Его тайное оружие. Это восхищало Скейд и приводило в ярость — но он подозревал, что прочесть его согласие можно достаточно просто.

«Я сделаю это. Но с одним условием».

(Условия?)

«Я сам наберу команду. Если я попрошу Фелку и Ремонта, и они согласятся отправиться со мной на Ресургем, вы им это позволите».

Скейд подумала, затем кивнула, словно персонаж театра теней.

(Конечно. Сорок лет вдали от дома — большой срок. Это все?)

«Нет, конечно, нет. Я не стану действовать против Вольевой, пока не получу тактического превосходства. Таков мой принцип работы, Скейд — полное превосходство над противником. Это значит, что мне мало одного корабля. В самом крайнем случае — два. Три — идеально, но если Материнское Гнездо сможет построить к сроку еще больше, я их тоже возьму. Само собой, официальные распоряжения меня не волнуют. Мне нужны субсветовики с самым мощным оружием, которое только есть в нашем распоряжении. Как я уже сказал, одного прототипа недостаточно. Учитывая, что строительство кораблей требует много времени, надо приступать к работам немедленно. Конечно, если ты не рассчитываешь, что просто щелкнешь пальцами — и через четыре дня на орбите астероида появится корабль».

Скейд коснулась пальцем нижней губы и задумчиво опустила глаза. Клавейн чувствовал, что в течение этого мгновения она ведет напряженную беседу. Глазные яблоки быстро двигались под веками, словно она видела тревожный сон.

(Ты прав, Клавейн. Нам потребуются корабли — со всеми нововведениями, что есть на «Ночной Тени». Но тебе не о чем беспокоиться. Мы уже начали строительство. Они на самом деле превосходны.)

Клавейн прищурился.

«Новые корабли? Где?»

(Не так далеко отсюда.)

«Хорошо, — он кивнул. — Вы не станете возражать, если я взгляну на них? Мне нужно познакомиться с ними получше — вдруг придется внести какие-нибудь изменения».

(Клавейн...)

«Это не подлежит обсуждению, Скейд. Если я хочу выполнить работу хорошо, мне надо осмотреть рабочие инструменты».

Глава 9

Инквизитор ослабила ремни на кресле и начертила окно на темной стенке шаттла. Обшивка послушно раздвинулась и открыла прозрачный прямоугольник, предоставляя ей возможность полюбоваться Ресургемом из космоса — первый раз за последние пятнадцать лет.

Даже за этот период — ничтожно малый по планетарным меркам — многое изменилось. Раньше облака, напоминали ровные пласты тумана, растянувшиеся в высоте. Теперь под действием силы Кориолиса [\[24\]](#) их плотные кремовые массы скручивались волнами и спиралями. Солнечный свет отражался от эмалевых поверхностей озер и миниатюрных морей. Сушу покрывала мозаика угловатых островков, зеленых и золотистых, прорезанная серебристо-голубыми каналами — достаточно глубокими для прохода барж. Едва различимые серые линии дорог и грузовых труб сложной сетью соединяли населенные пункты и города, проступавшие пятнами пересечений улиц и нагромождений зданий. Около старейших, центральных поселений — таких, как Кювье, — виднелись остатки домов первопоселенцев или кольца их оснований. Там и тут высоко в атмосфере двигались яркие бусинки транспортных дирижаблей и крохотные крапинки правительственных воздушных катеров. Но в основном на таком расстоянии следы человеческой деятельности оставались незаметны. С таким же успехом Вуалюмье могла бы изучать раздутый до невероятных размеров вирус.

Инквизитор, которая после стольких лет подавления части личности вновь начинала думать о себе как об Ане Хоури, не питала особой привязанности к Ресургему, хотя провела на этой планете инкогнито не один год. Когда Инквизитор впервые побывала здесь, планета была просто временная колония, но теперь превратилась в нечто большее. Ресургемм стал домом для многих людей, и все они помнили это. В ходе своей следовательской практики Вуалюмье встречалась с огромным количеством людей, и среди них было много достойных. Далеко не все из них были виновны в том, что делало нынешнее правительство, или в прошлых беззакониях. По крайней мере, они заслужили право жить или умереть на планете, которую называли своим домом. Под словом «умереть» Ана подразумевала естественную смерть. К сожалению, этого она гарантировать не могла.

Шаттл был маленьким и быстрым. Триумвир Илия Вольева сидела в

соседнем кресле, надвинув на глаза простую серую кепку. Этот шаттл доставил ее на Ресургем, перед тем как она вышла на связь с Инквизитором. Авиапрограмма шаттла позволяла маневрировать, уходя от лучей правительственных радаров, но рисковать лишний раз все-таки не стоило. Скорее всего, шаттл не поймают. Но если возникнет хотя бы подозрение в том, что какой-то корабль вошел в атмосферу, а затем вернулся в космос, головы полетят на всех правительственных уровнях. Дом Инквизиции не был напрямую вовлечен в эту структуру, но положение Хоури становилось весьма шатким. Прошлое ключевых фигур правительства подвергнется глубокой и тщательной проверке. И, несмотря на все предосторожности, Хоури вполне могут раскрыть.

Чтобы сделать спуск шаттла незаметным, требовалось сбросить скорость почти до минимума, но когда он вошел в чистую атмосферу и оказался вне зоны действия правительственных радаров, его двигатели заработали с нагрузкой до трех «g», и подруг буквально вдавило в спинки кресел. Хоури почувствовала подступающую дремоту. Похоже, корабль впрыснул в воздух снотворное. Она спала без сновидений и проснулась с тем же легким чувством тревоги.

Они куда-то прилетели.

— Сколько мы проспали? — спросила она.

Вольева затаилась сигаретой.

— Всего один день, Ана. Надеюсь, ты состряпала надежное алиби. Оно тебе пригодится, когда ты вернешься в Кювье.

— Я сказала, что встречаюсь с тайным агентом. Так что не волнуйся, прикрытие организовано очень давно. Всегда знала, что рано или поздно мне придется отлучиться на некоторое время... — шаттл больше не разгонялся, поэтому Хоури ослабила ремни безопасности и попыталась почесать зудящую спину. — Есть хоть какой-то шанс принять душ, когда мы прилетим?

— Это зависит от того... Как думаешь, куда мы направляемся?

— Скажем так: у меня есть мерзкое подозрение, что я уже была там.

Вольева затушила сигарету и заставила переднюю часть корпуса корабля стать прозрачной. Они находились далеко в межпланетном пространстве, все еще в плоскости эклиптики, на расстоянии многих световых минут от любого небесного тела. А впереди было что-то, и оно загоразживало половину звездного неба.

— Вот она, Ана. Наша славная «Ностальгия по Бесконечности». Почти не изменилась с тех пор, как ты ее покинула.

— Спасибо. И что у нас еще плохого?

— В последний раз, когда я проверяла душевые комнаты, они не работали.

— В последний раз, когда ты проверяла?

Вместо ответа Вольева щелкнула языком.

— Пристегнись. Я начинаю стыковку.

Шаттл сбросил скорость. Темная бесформенная масса звездолета была совсем близко. Хоури вспомнила, как в первый раз подлетала к этому кораблю — когда ее хитростью заманили на борт. Это произошло в системе Эпсилон Эридана. Тогда субсветовик выглядел вполне нормально — примерно так, как и должно выглядеть большое, не слишком старое торговое судно. На нем не было странных наростов и выпуклостей, а отсутствие привычных прямоугольных выступов и пластин не бросалось в глаза. Обычный корабль с обычным обтекаемым корпусом. Обшивка местами изнасилась, местами ободралась. На поверхности виднелись механизмы и сенсорные устройства, рядом темнели стыковочные отсеки. Но ничего такого, что могло вызвать сомнение или беспокойство. Не было пластов, похожих на лягушачью кожу, не было странных инородных включений. Никаких признаков того, что захороненный внутри биологический материал в конце концов вырвался наружу и начал безумное биомеханическое преобразование металлической плоти звездолета.

Но сейчас «Ностальгия по бесконечности» мало походила на корабль. Она напоминала Хоури сказочный дворец, чей некогда прекрасный ансамбль башен, переходов и шпилей изуродован каким-то злым волшебником. Впрочем, первоначальные обводы еще угадывались. Она смогла рассмотреть главный корпус и две выпуклости двигателей, каждая из которых превосходила по размеру ангар дирижабля. Но угадать их назначение было почти невозможно: повсюду громоздились причудливые наросты субстанции, которая захватила корабль. Она пародировала все возможные принципы развития живой ткани, связывая различные подсистемы корабля и изменяя его облик с каким-то безумным артистизмом. Картина вызывала одновременно омерзение и почти благоговейный ужас. Змеящиеся языки псевдоорганических выростов, пышно разрастаясь, тянулись во всех направлениях. Спирали, похожие на гигантские раковины аммонитов, соседствовали с завитками и узлами, которые как будто имитировали рисунок на древесном спиле. Ажурные каркасы из планок и перекладин, увешанные скомканными сетями... то ли колючки, то ли жесткие волосы, торчащие во все стороны... глыбы, похожие на чудовищный шанкр, и тут же — блоки кристаллических форм. Некоторые структуры повторялись внутри себя, уменьшаясь с каждой

копией до исчезающе малых размеров. Комбинированная Эпидемия оперировала на всех уровнях.

Если смотреть слишком долго, в нагромождении искореженных надстроек начинают угадываться лица или части лиц. Еще немного — и лица превращаются в твое собственное отражение, словно смотришь в кривое зеркало...

Но, несмотря ни на что, эта фантазмагорическая конструкция оставалась кораблем.

— Блеск, — сказала Хоури, — Похоже, за время моего отсутствия эта хрень так похорошела, что смотреть тошно.

Вольева улыбнулась из-под козырька.

. — Я потрясена. Ты наконец-то перестаешь быть Инквизитором и становишься похожей на прежнюю Ану Хоури.

— Да? Жаль только, что придется возвращаться. Эх... шло бы оно все в задницу...

— О, это еще ничего, — ободряюще сказала Вольева, — Подожди, вот попадем внутрь...

Шаттл шмыгнул в морщинистое отверстие, похожее на пустую глазницу, и направился к швартовочному отсеку. Как ни странно, внутри отсек почти не пострадал: он даже сохранил прямоугольную форму. В главных сервисных системах никогда не использовались нанотехнологии, поэтому они уцелели и выглядели вполне узнаваемо. Отсек был забит мелкими летательными аппаратами всех видов, предназначенными для перелетов внутри системы — от тупоносых вакуумных буксиров до главных шаттлов.

Шаттл пристыковался. Эта часть корабля не вращалась, и подругам пришлось высаживаться в условиях невесомости, подтягиваясь на стеновых поручнях. Хоури с радостью пропустила Вольеву вперед. Женщины взяли с собой переносные лампы, а также кислородные маски. Хоури безумно хотелось натянуть маску на лицо. Воздух был теплым, сырым и с омерзительным гнилостным запахом. Казалось, корабль страдал метеоризмом.

Хоури прикрыла рот рукавом, борясь с тошнотой.

— Илия...

— Привыкнешь. Воздух здесь безвредный, — Триумвир достала что-то из кармана. — Сигарету?

— Не курю. И ты это прекрасно знаешь.

— Когда-то надо начинать.

Ана подождала, пока подруга прикурит ей сигарету, и затанулась. Гадость какая... Но нефильТРованный воздух корабля был еще хуже.

— Мерзкая привычка, на самом деле, — сказала Вольева улыбнувшись. — Но мерзкое время рождает мерзкие привычки. Как, полегчало?

Хоури кивнула, но неубедительно.

Туннель, по которому они плыли, был похож на пищевод. Стены поблескивали то влажными выделениями, то обманчиво повторяющимися кристаллическими узорами. Хоури отталкивалась от стен, оставляя на них отпечатки своих обтянутых перчатками ладоней. Она постоянно обнаруживала знакомые детали — трубопроводы, переборки, контрольные боксы — но многие из них они наполовину вросли друг в друга или были сюрреалистически исковерканы. Твердые поверхности дробились и оплывали и как будто таяли в воздухе. На них, отражая свет фонарей, переливались разноцветные склизкие пятна, точно подернутые нефтяной пленкой. По тоннелю плавали амебоподобные шарики, следуя внутренним потокам воздуха — а иногда, казалось, двигались в противоположном направлении.

Миновав какие-то грохочущие агрегаты, подруги пробирались в ту часть звездолета, которая продолжала поддерживать гравитацию. Хоури надоело путешествие в невесомости, но притяжение вызвало неожиданные осложнения. Сила тяжести позволяет жидкости течь. И выделения капали с потолка, стекали по стенам стен миниатюрными водопадами и собирались на полу, прежде чем найти сливное отверстие или решетку. Кое-где образовались склизкие сталагмиты и сталактиты, янтарные или ядовито-зеленые. Хоури делала все возможное, чтобы не касаться их, но это было нелегко. Напротив, Вольева даже не пыталась уворачиваться, и через несколько минут ее куртка покрылась яркими пятнами и промокла.

— Расслабься, — Триумвир заметила, что ее подруга чувствует себя не в своей тарелке. — Тебе ничего не грозит. На корабле вообще нет ничего, что могло бы причинить нам вред. Ты... хм-м... тебе вытащили имплантанты, не так ли?

— Ты должна помнить. Сама же это делала.

— Просто проверяю.

— Ха. Очень весело, правда?

— Я научилась получать удовольствие от любой ситуации, Ана. Особенно когда нахожусь в глубокой заднице...

Вольева швырнула окурок в темноту и закурила другую сигарету.

Подруги продолжали путь в молчании. Спустя некоторое время они

добрались до шахты транспортера, который соединял отсеки корабля и напоминал лифт в небоскребе, толькодвигающийся в горизонтальной плоскости. Пока судно «висело» посреди космоса, притяжение достигалось за счет вращения и возрастало от центра к обшивке, достигая примерно одного «g». Поэтому двигаться вдоль его основной оси было куда проще, чем во время полета. Тем не менее, имело смысл воспользоваться транспортером — длина корпуса составляла четыре километра. Вопреки ожиданиям, подъемник в шахте до сих пор сохранился — потрясающе. Хоури последовала за Вольевой с некоторым волнением, но внутри кабинка выглядела нормально и достаточно плавно взяла разбег.

— Значит, транспортеры еще работают? — спросила Хоури.

— Это главная бортовая система, — ответила Вольева. — Если помнишь, у меня были кое-какие инструменты, которые мешали чуме распространяться. Действуют они не блестяще, но я, по крайней мере, не позволяю этой заразе забраться туда, где мне это слишком невыгодно. А иногда бывает так, что сам Капитан соизволит подействовать. Кажется, он до какой-то степени может контролировать трансформацию.

Она все-таки заговорила про Капитана. До этого момента Хоури цеплялась за надежду, что тот окажется дурным сном, который она перепутала с реальностью. Но Капитан существовал.

— А как насчет двигателей?

— До сих пор работают нормально, насколько я могу судить. Но только Капитан может ими управлять.

— Ты разговаривала с ним?

— Не уверена, что это можно назвать «разговором». Скорее, я с ним... «общалась»... нет, тоже не совсем подходит.

Транспортер повернул, перебираясь в другую шахту. В основном каналы шахт были свободны — основная часть времени уходила на то, чтобы пробираться сквозь плотно загруженные палубы или плотные слои обшивки. То и дело Хоури видела за окошком кабины зараженные помещения, через которые полз подъемник. Большинство из них были так велики, что разглядеть дальнюю стенку было невозможно. Пять из них, особенно просторные, напоминали залы кафедральных соборов. Похоже, именно их Вольева показала ей во время первого путешествия на «Ностальгии». Там хранилось сорок ужасных орудий. С тех пор их стало меньше, но и оставшихся было достаточно, чтобы получить перевес в войне. Возможно, даже если придется сражаться с Подавляющими... И при условии, что Капитан согласится сотрудничать.

— Вы хоть немного уладили свои разногласия? — спросила Хоури.

— Он не убил нас, когда у него были все шансы. Думаю, это ответ на твой вопрос.

— И не винит тебя за то, что ты сделала?

В голосе Вольевой впервые появились нотки недовольства.

— «Сделала»? Ана, это был акт милосердия. Я вообще его не наказала. Я просто... констатировала факт, а затем осуществила лечение.

— Которое в некоторой степени оказалось хуже, чем сама болезнь.

Вольева пожала плечами.

— Он умирал. Я дала ему возможность выжить.

Хоури перевела дух. Они проплывали через помещение, полное странных теней, которые непрерывно меняли форму, точно плавилась.

— Ты называешь это жизнью?

— Маленький совет, — Вольева наклонилась к ней и понизила голос. — Весьма вероятно, что он слышит наш разговор. Просто имей это в виду, хорошо? Будь умницей.

Строго говоря, разговаривать с Инквизитором подобным образом не рекомендовалось. В противном случае через пару секунд можно было обзавестись как минимум одним очаровательным вывихом. Но старой подруге Хоури позволяла и не такое.

— Где он? Все на той же палубе, что и раньше?

— Если ты имеешь в виду его эпицентр, то да. Но сейчас, на самом деле, нет большой разницы между ним и кораблем.

— Значит, Капитан везде? Повсюду, вокруг нас?

— Да. Всевидящий и всеслышающий.

— Мне это не нравится, Илия.

— Ему, скорее всего, тоже.

Путешествие оказалось долгим, но, в конце концов, транспортер достиг мостика «Ностальгии по Бесконечности». К большому облегчению Хоури, randevу с Капитаном откладывалось.

Мостик остался таким же, каким она его помнила. Кабина выглядела весьма удручающе, но основная часть этих разрушений была произведена еще до того, как Капитан изменился — отчасти самой Хоури. Разглядывая ожоги и кратеры, которые оставило ее оружие, она ощутила слабое чувство озорной гордости. Помнится, схватка была весьма горячей. В это время звездолет находился на орбите нейтронной звезды Гадес, на самом краю системы.

В какой-то момент все висело на волоске, но подруги уцелели, и это позволяло надеяться на более крупную победу. Однако появление

Подавляющих в корне изменило ситуацию. Сражение было проиграно еще до того, как раздались первые выстрелы. Все, что удалось сделать — это выгадать немного времени. И сейчас следовало этим воспользоваться.

Хоури уселась в одно из кресел, которое было обращено к проекционному экрану. После боя его отремонтировали, и сейчас на его сферической поверхности красовалось изображение системы Дельты Павлина в реальном времени. В ней было одиннадцать планет, включая Ресургем. Кроме того, дисплей показывал их луны, а также крупные астероиды и кометы — все, что имело стратегическое значение, — их точные координаты и векторы движения. Бледные конусы, исходящие от изображения звездолета, обозначали зону действия чувствительных сенсоров дальнего действия с учетом перелетов с околосветовой скоростью. На других орбитах Вольева разместила группу «шершней»-наблюдателей — так, чтобы они перекрывали каждое «слепое пятно» и усиливали базисную линию интерференции. Впрочем, их следовало использовать с осторожностью.

— Готова прослушать лекцию по новейшей истории? — спросила Вольева.

— А как ты думаешь? Надеюсь, эта маленькая прогулка себя окупит. По возвращении в Кювье мне придется ответить на массу каверзных вопросов.

— Думаю, после того, что ты увидишь, это будет волновать тебя гораздо меньше.

Вольева увеличила масштаб изображения. Теперь почти весь экран занимала одна из лун второго по величине газового гиганта.

— Это здесь Подавляющие организовали свой лагерь? — спросила Хоури.

— Да. И еще на двух лунах примерно такого же размера. И на каждой, по-моему, действуют по одному сценарию.

Теперь вокруг луны мелькали темные силуэты. Они то сбивались в кучу, то разлетались, точно стая воронья. Рой непрерывно менял численность и очертания. Потом опустился на поверхность луны и на мгновение замер, образовав загадочную конструкцию. Судя по всему, запись прокручивалась в ускоренном режиме — часы были сжаты до секунд: превращения происходили слишком быстро. При дальнейшем приближении стала заметна любопытная тенденция: элементы, из которых состояли структуры, напоминали кубы самых разных размеров. Каждая волна трансформации сопровождалась мощным выбросом тепла — казалось, в космос бьют колоссальные тепловые лазеры. Гротескные

черные машины размерами с горы покрывали ландшафт черными сгустками, из-за чего альbedo заметно уменьшалось. Правда, инфракрасное излучение искувало этот эффект с лихвой.

— Что они делают?

— Я сама сначала не поняла.

Прошло две или три недели истинного времени, прежде чем стало ясно, что происходит. Тысячи устройств, распределенных по экватору луны на равном расстоянии друг от друга и похожих на вулканы, вытянули в космос свои жерла на высоту до одной сотой ее диаметра. Внезапно они начали извергать скальные породы, измельченные в пыль — разогретую, но не расплавленную. Пылевой хвост образовал арку, которая достигла орбиты. Другие машины, размещенные на той же орбите — до сих пор Вольева их не замечала, — собирали пыль, не давая ей разлетаться, охлаждая и сжимая. По мере продвижения они оставляли за собой аккуратные дорожки из гигатонн обработанной и очищенной материи, которая образовывала кольцевую систему. Машины сновали между этими глыбами, как мелкие рыбешки, всасывая первично обработанную материю и подвергая ее дальнейшей переработке.

— Что происходит? — спросила Хоури.

— Кажется, они решили разобрать спутник на кусочки.

— Это я уже поняла. Но мне кажется, что они выбрали не самый рациональный способ. Крастбастерная боеголовка сделала бы то же самое за пару секунд...

Вольева кивнула.

— И разбросает половину лунной материи по всему сектору. Сомневаюсь, что им это нужно. По-моему, их цель — переработать и очистить материю с максимальной эффективностью. И у меня есть подозрение, что тремя лунами они не ограничатся. Есть много летучих веществ, которые машинам не обратить в твердую материю, если только они не запустят какую-нибудь мощную химическую реакцию. Похоже, Подавляющие хотят обеспечить себя сотнями миллиардов тонн сырья.

— То есть каменных глыб.

— Ну да. Напрашивается вопрос: для чего конкретно им это надо?

— Полагаю, у тебя уже есть теория.

Илиа Вольева улыбнулась.

— Не более чем догадки. Процесс переработки луны все еще продолжается. На мой взгляд, они хотят что-то построить. И знаешь что? Чем бы оно ни было, я сильно подозреваю — это по сути своей не в наших интересах.

— Думаешь, это будет оружие?

— Похоже, на старости лет я становлюсь предсказуемой. Но я боюсь, что к этому все и идет. Что это будет за оружие, понятия не имею. Совершенно ясно: они могли давным-давно уничтожить Ресургем, если бы это было их непосредственной целью. Причем не стали бы аккуратно разбирать его по камешку.

— Значит, они задумали что-то другое.

— Мне тоже так показалось.

— Мы должны что-то предпринять, Илия. У нас есть Тайник с орудиями. Можно уже сейчас создать разницу потенциалов.

Вольева выключила сферу-дисплей.

— Кажется, в настоящий момент они не догадываются о нашем присутствии — мы начнем падать за пределами радиуса действия их сенсоров, пока не окажемся рядом с Гадесом. Ты готова рискнуть, воспользовавшись орудиями из тайника?

— Мне кажется, это наша последняя надежда.

— Только имей в виду, назад пути не будет. Это совершенно ясно, — Вольева выдержала задумчивую паузу. — И еще кое-что...

— Да?

Илия понизила голос.

— Мы не можем управлять тайником без помощи корабля. А для этого надо договориться с Капитаном.

Конечно, они не называли себя Подавляющими. У них вообще не было причин как-то себя называть. Они просто существовали для выполнения миссии невероятной важности, миссии, необходимой для будущего существования разумной жизни. Они не нуждались в понимании или сочувствии, так что любое имя — равно как и попытка оправдать их деятельность — было абсолютно лишним. Однако они осознавали, что это имя дали им после зачисток, которые последовали за Войнами Утренних Зорь. Тем не менее, длинная тонкая нить воспоминаний, связанных с этим именем, тянулась от одной расы к другой, включая те расы, которые были стерты с лица Галактики. Подавляющие — те, кто подавляет, уничтожает любое появление разума.

Надзиратель с грустью признавал, что это имя, пожалуй, наиболее точно описывало его деятельность.

Трудно сказать, где и когда она началась. Войны Утренних Зорь были первым значительным событием в истории Галактики, конфликтом миллионов цивилизаций. Ее развязали расы, которые первыми вышли в

межзвездное пространство — первые участники игры, которая началась именно тогда.

Войны Утренних Зорь, в конечном счете, вспыхнули из-за единственного бесценного ресурса.

Из-за металла.

Хоури вернулась на Ресурге́м.

В Доме Инквизиции ее встретили вопросами. Она отвечала с таким спокойствием, на какое только была способна. Она провела эти дни в пустыне; она принимала крайне важное донесение от полевого агента, который случайно наткнулся на нечто чрезвычайно важное. Да, это следы деятельности Триумвира, причем намного более свежие, чем все, что появлялось за последние несколько лет.

В качестве подтверждения Вуалюмье активировала закрытые файлы и пригласила кое-кого из прежних подозреваемых для повторного допроса. Откровенно говоря, ее тошнило от всех этих ухищрений. И все это лишь ради поддержания иллюзии собственной честности! Держать под стражей невинных людей, внушать им, что их жизнь или, по крайней мере, свобода в большой опасности... Мерзость какая. Как-то раз ей удалось придумать для себя оправдание: она использовала только тех, кто, согласно секретным файлам конкурирующих департаментов, избежал наказания за совершенные преступления. Какое-то время это работало, затем перестало.

Теперь над ее головой собирались тучи. Администрация начала проявлять подозрительность, и ради их успокоения ей требовалось вести расследование эффективно и безжалостно. Необходимо прекратить слухи, показав всему Кювье, какое положение намерен занять Дом Инквизиции. Люди страдали, чтобы обеспечить ей прикрытие.

Снова и снова Хоури уверяла себя: она действует в их же интересах, для блага Ресурге́ма. Если несколько человек приобретут фобию, это будет небольшая цена за спасение целой планеты.

Вуалюмье стояла в своем кабинете у окна и смотрела вниз, на переплетение улиц, наблюдая, как охранники ведут очередного подозреваемого к тупоносому серому электромобилю. Человек едва переставлял ноги; на голове у него был надет мешок, руки связаны за спиной. Машина будет кружить по городу, пока не настанут сумерки. Тогда она повернет в жилую зону, и этого человека бросят в канаву в нескольких кварталах от его дома

Его развяжут, но, скорее всего, какое-то время этот человек не сможет передвигаться самостоятельно. Скорее всего, его найдет кто-то из

знакомых, возвращаясь из ремонтных мастерских или направляясь в бар. Вряд ли они узнают друг друга с первого взгляда: после допроса с применением форсированных методов у людей случаются провалы в памяти. Но в конце концов недоразумение разрешится, и приятели помогут ему добраться до дома, хотя по дороге будут осторожно оглядываться по сторонам.

Может получиться иначе. Он придет в себя, встанет на ноги и, разлепив щелки оплывших от побоев век, начнет искать дорогу. Скорее всего, жена уже ждет его дома, испуганная, как никто другой во всем Кювье. Когда муж появится на пороге она, наверное, переживет такое же смешанное чувство облегчения и ужаса, которое он испытал, придя в сознание. Они обнимутся и будут стоять так какое-то время, забыв о его плачевном состоянии. Потом жена осмотрит его раны и обработает их, как сможет. Переломов у него, скорее всего, нет — но без более тщательного обследования этого не выяснить. Пожалуй, он может считать, что ему повезло, и будет абсолютно прав.

Позже он, возможно, отправится в бар, чтобы пропустить с друзьями по кружке пива. Они закажут выпивку, усядутся где-нибудь в тихом уголке, и он будет показывать им свои самые впечатляющие шрамы — не обязательно полученные в Доме Инквизиции. Друзья спросят, как его так угораздило и что у него за связи с Триумвиром, а он засмеется и скажет, что Дом Инквизиции творит что хочет, а последнее время особенно. Стоит кому-то случайно попасть в поле зрения Инквизитора — и пиши пропало. И вообще охота на преступников достигла такого размаха, что стоит тебе слово сказать против какой-нибудь шишки из правительства, как ты уже записан в соратники Триумвира.

Хоури следила, как электромобиль, набирая скорость, исчезает из виду. Сейчас ей уже не вспомнить, как выглядел тот человек. Через какое-то время все они — мужчины и женщины — становились одинаковыми, сливаясь в жуткое безликое целое. А завтра будет еще тяжелее.

Ана посмотрела поверх зданий, в небо, синевато-багровое, как кровоподтек. Перед глазами стояла картина, которую она увидела на «Ностальгии по Бесконечности». Меньше чем в двух световых часах отсюда армия чужих машин методично превращала луны в мелкую металлическую пыль. Казалось, механизмы никуда не спешат — они работали с почти человеческой нерасторопностью, с тихим спокойствием гробовщиков.

Хоури уже знала кое-то о Подавляющих. Эту информацию ей соизволили предоставить на борту «Ностальгии по Бесконечности». На

заре времен разразилась война, которая охватила всю Галактику, втягивая в себя множество цивилизаций. Последствия были ужасны. Тогда одна из сторон — раса или сообщество рас — пришла к выводу: разумной жизни не место в космосе. Так были созданы сонмища машин, чья задача заключалась в одном: наблюдать и ждать. Бдительно ловить признаки того, что какая-то цивилизация вышла в космос. Они разбросали по всей Галактике ловушки — блестящие погремушки, привлекающие внимание неосторожных. Эти же ловушки предупреждали Подавляющих о возникновении новой вспышки разума и служили психологическими зондами, конструирующими из отдельных характеристик «портрет» юной цивилизации, которую, возможно, ждало уничтожение.

Ловушки оценивали технологический уровень расы и делали предположение, каким образом она сможет противостоять Подавляющим. По какой-то причине действия машин должны были быть адекватны уровню развития цивилизации. Подавляющие не ставили себе задачей уничтожить всю разумную жизнь в Галактике — или даже в отдельном районе Галактики. Хоури эта причина была непонятна. Несомненно, зачистки имели какой-то более глубокий смысл. Но этот смысл ускользал от Хоури, и она сомневалась, что он вообще доступен пониманию.

Однако и машины были небезупречны. Они начали ошибаться. Правда, это стало очевидно лишь по прошествии миллионов лет. Большинство цивилизаций не замечали ничего, кроме непрерывной череды беспощадных зачисток. Для того, чтобы обнаружить признаки упадка, требовалось слишком длительное наблюдение. Их было невозможно проследить по летописям отдельных народов — они проявлялись как едва заметные различия в развитии событий. Подавляющие были все так же беспощадны, но их методы становились все менее эффективными, а быстрота реакции падала. Глубинные ошибки в замыслах машин, едва заметные на первый взгляд, всплывали на поверхность. То и дело какой-нибудь расе удавалось миновать ловушки и выйти в межзвездное пространство прежде, чем Подавляющие успевают найти и уничтожить ее. Но и выбраковки становились все более жестокими. Они перестали напоминать тонкую хирургическую операцию и превратились в массовую бойню.

Амарантяне — похожие на птиц существа, которые населяли Ресургем миллион лет назад, были одной из таких рас. Попытка провести «зачистку» на их планете затянулась, позволив многим ускользнуть и укрыться в потаенных убежищах. В результате машинам ничего не оставалось, как полностью уничтожить биосферу Ресургема, вызвав катастрофическую

вспышку Дельты Павлина. Со временем активность звезды нормализовалась, но лишь в последнее время планета вновь стала пригодной для жизни.

Выполнив свою задачу, Подавляющие исчезли в межзвездном пространстве. Прошло девятьсот девяносто тысяч лет.

Затем пришли люди, привлеченные загадкой гибели цивилизации амарантян. Группу исследователей возглавлял Дэн Силвест, амбициозный отпрыск одного из богатейших кланов Йеллоустоуна. К тому времени как «Ностальгия по Бесконечности», на борту которой находились Хоури и Вольева, прибыла в систему, он вынашивал планы экспедиции на Гадес — нейтронную звезду, которая находилась на дальней орбите системы. Силвест полагал, что между Гадесом и исчезновением амарантян существует какая-то связь. Он добился помощи от экипажа «Ностальгии». Орудия субсветовика пробили брешь в слое механизмов, который играл роль защитной оболочки Цербера — артефакта размером с луну на орбите нейтронной звезды, — и Дэн Силвест проник внутрь.

Догадка Силвеста полностью подтвердилась. Однако это стоило ему жизни: в недрах Цербера он наткнулся на ловушку Подавляющих и погиб при аннигиляционном взрыве.

Погиб? После этого Хоури встречалась и разговаривала с ним. Насколько она поняла, Дэн Силвест и его жена сохранились в виде симуляций в оболочке нейтронной звезды. Гадес оказался одним из убежищ, где амарантяне скрывались от преследований машин. Но сама звезда была элементом чего-то более древнего, чем амарантяне и Подавляющие — хранилищем трансцендентной информации, системой для обработки данных, огромным архивом. Амарантяне нашли путь внутрь, позже этот путь повторил Силвест. Это все, что знала Хоури и все, что она хотела знать.

Ей лишь раз довелось встретиться с копией Силвеста. С тех пор прошло более шестидесяти лет. За это время Вольевой удалось осторожно проникнуть в общество, которое боялось и ненавидело ее. Хоури позволила себе забыть о том, что Дэн Силвест все еще находился там, в вычислительной матрице Гадеса, и в определенном смысле был жив. Изредка она ловила себя на мысли, что хотела бы знать: задумывался ли Силвест хоть на миг о последствиях своего вторжения в звезду? Отвлекают ли его от пустого самолюбования воспоминания Подавляющих? Вряд ли. Дэн Силвест не производил впечатления человека, который станет беспокоиться о последствиях своих поступков. Но, в любом случае, время в матрице Гадеса течет очень быстро. Должно быть, для Силвеста прошли

столетия, и дела его прошлого представляются по-детски непоследовательными. И уж точно мало кто мог войти с ним в контакт. И какой тогда смысл о нем беспокоиться?

Правда, вряд ли это поможет тем, кто находится за пределами матрицы. Из этих шестидесяти лет почти сорок Хоури и Вольева провели в «холодном сне». Но в оставшиеся двадцать не прошло и дня, чтобы Хоури не вспомнила о Подавляющих.

Теперь ее тревога подтвердилась. Они были здесь. То, чего Хоури так страшилась, началось.

Тем не менее, не похоже, что машины планируют быструю жестокую выбраковку. Они затеяли что-то не в пример более масштабное — иначе зачем бы им потребовалось сырье в объеме трех планет? Пока даже системы противокосмической обороны Ресургема не смогут обнаружить деятельность Подавляющих. Но Хоури сомневалась, что так будет продолжаться и далее. Рано или поздно активность машин превысит определенный предел, и люди заметят, что в космосе творится нечто странное.

Скорее всего, здесь начнется настоящий ад.

Но к тому времени это будет уже неважно.

Глава 10

Один из кораблей отделился от яркого потока судов, идущих по главному предстыковочному фарватеру Карусели Нью-Копенгаген. Ксавьер направил на него встроенную оптику шлема и увеличивал фокус до тех пор, пока звездолет не загородил весь вид. Изображение выросло и зафиксировалось. Несомненно, это «Штормовая Птица» — ее обтекаемый корпус, усеянный многочисленными шипами, трудно с чем-то спутать. Грузовоз вращался вокруг основной оси и одновременно медленно поворачивал. Спасательный буксир «Таурис IV» по-прежнему тыкался в него носом, словно паразит, который смотрит, как бы урвать кусок покрупнее.

Ксавьер моргнул и запросил дополнительное увеличение. Силуэт корабля разбух, расплылся в туманную кляксу, а затем стал четким.

— Боже милосердный... — прошептал Лю. — Что ты сотворила с моим кораблем, черт тебя задери?

С момента их последней встречи его любимая «Штормовая Птица» изменилась самым кошмарным образом. Некоторые секции были срезаны подчистую. Корпус выглядел так, словно последний раз проходил профилактику в дни «Belle Epoque», а не два месяца назад. Оставалось только гадать, куда летала Антуанетта. Неужели ее занесло в самое сердце Завесы Ласкаля? Или она попала в серьезную переделку, нарвавшись на группу хорошо вооруженных баньши?

— Это не твой корабль, Ксавьер. Я просто плачу тебе за то, чтобы ты время от времени приводил его в порядок. И если мне приспичит его разбить, это тоже мое личное дело.

— Черт... — он забыл, что канал связи между скафандром и кораблем все еще открыт. — Я не имел в виду...

— Все гораздо хуже, чем кажется на первый взгляд, Ксав. Поверь мне.

Буксир отцепился в последнюю минуту, исполнил никому не нужный пируэт и по плавной кривой ушел на другую сторону Карусели. Ксавьер уже прикинул, в какую сумму обойдется транспортировка. И, черт возьми, не имеет значения, кто заплатит по счету — он или Антуанетта: у них уже давно, можно сказать, общий бизнес. Придется изрядно одолжиться в их любимом банке... и, скорее всего, потребуется не меньше года — при условии, что судьба будет благосклонна — чтобы понемногу из этих долгов выбраться.

Но все могло быть намного хуже. Три дня назад он почти перестал надеяться, что когда-нибудь увидит Антуанетту. Черт побери! Антуанетта возвращается, живая и невредимая, а он уже перестал радоваться и начал, как обычно, дергаться по поводу пустого кошелька. История с грузовозом, само собой, усугубила ситуацию.

Ксавьер усмехнулся. Гори оно все синим и фиолетовым. Дело того стоило.

Как только Антуанетта объявила о прибытии, Ксавьер немедленно влез в скафандр, выбрался на поверхность карусели и взял напрокат скелетообразный реактивный трицикл. «Штормовая Птица» находилась в пятнадцати километрах от Нью-Копенгагена. Ксавьер сделал пару кругов вокруг корабля, осматривая корпус, и с удовлетворением мазохиста отметил, что повреждения серьезны именно настолько, насколько ему показалось в первый момент. И что теперь придется потратить уйму сил, времени и средств, чтобы привести судно в порядок.

Ксавьер развернулся и направил трицикл к носу «Штормовой Птицы». На темном корпусе ярко горели две параллельных прорези — иллюминаторы рубки. В верхней части одной из прорезей чернел темный силуэт Антуанетты — она стояла на маленьком мостике, которым пользовалась для точных операций вроде постановки в док и выхода из него. Сжав какую-то папку, Антуанетта тянулась к контрольной панели над головой — такая маленькая и беззащитная, что вся его злость мгновенно испарилась. Вместо того, чтобы дергаться из-за пары вмятин на корпусе, следовало порадоваться, что корабль защищал ей жизнь в течение всего путешествия.

— Думаю, ничего серьезного, — сказал Ксавьер. — Немного покопаемся — и все будет в порядке. Ты можешь минимально управлять двигателями, чтобы произвести жесткую постановку в док?

— Просто проводи меня туда, Ксав.

Он кивнул и, сделав крутой вираж, повернул трицикл кормой к «Штормовой Птицы».

— Тогда прошу за мной.

Неясная тень Нью-Копенгагена снова стала расти. Ксавьер вел корабль вдоль ее обода, по псевдоорбите, подстраиваясь под скорость вращения. В брюхе трицикла ровно урчали двигатели. Внизу проплывали крошечные ремонтные доки в золотом зареве, искрящемся яркими вспышками сварочных аппаратов — там кипела работа. Потом «Штормовую птицу» понемногу начал обгонять поезд, ползущий по кольцу, и его тень слилась с тенью звездолета. Ксавьер оглянулся: грузовоз шел ровно и красиво, как

величественный айсберг.

На миг его огромная тень исказилась, скользнув в полусферическую выбоину на краю обода. Это был знаменитый Кратер Лайла — здесь его торговый грузовоз столкнулся с каруселью, когда капитан пытался избежать встречи с властями. Больше за годы войны Нью-Копенгаген не получил ни одного серьезного повреждения. Кратер можно было без труда заделать, но он стал местом паломничества туристов и приносил немалый доход — гораздо больший, чем если бы этот сектор использовался по назначению. Люди прибывали в шаттлах со всех окрестностей Ржавого Обода, чтобы полюбоваться воронкой и послушать легенды о смертях и героях, которые породила эта авария. Даже сейчас на поверхности толпилась группа туристов под предводительством гида. На каждом была обвязка, прикрепленная к специальной сети тросов, которая, точно паутина, опутывала поверхность кольца. Что касается Ксавьера, несколько его знакомых в свое время погибли в различных катастрофах, а потому он не испытывал к этим «вампирам», слетевшимся поглазеть на кратер, никаких чувств, кроме презрения.

Ремонтный док Ксавьера Лю располагался чуть дальше. Он считался вторым по величине доком Карусели, и все же мог оказаться тесноватым для «Штормовой Птицы» — несмотря на то, что Антуанетта убрала с корпуса звездолета некоторые выступающие детали...

Величественное, огромное, как айсберг, судно подошло к устью дока и, клюнув носом, повернулось к ободу. Облака пара, который выползал из промышленных отверстий Карусели, и выбросы микрогравитационных установок самого звездолета сделали видимой багровую сеть лазерных лучей, которая окутывала «Штормовую Птицу». Эта сеть позволяла корректировать положение корабля и его скорость с точностью до ангстрема. Потом, увеличив тягу главных двигателей и разогнавшись до половины «g», корабль начал протискиваться в проход, открытый на поверхности Карусели. Ксавьер закрепился рядом, борясь с желанием покрепче закрыть глаза. Эта фаза докования всегда вызывала у него ужас.

Корабль шел носом вперед со скоростью не более четырех-пяти сантиметров в секунду. Ксавьер дождался, пока грузовоз войдет в отверстие на четверть длины, а затем скользнул внутрь, обогнал «Штормовую птицу» и припарковался у бортика. Здесь он спешил и дал трициклу команду возвратиться в прокатное бюро. Некоторое время можно было видеть, как аппарат, похожий на скелет фантастической твари, с жужжанием удаляется в открытый космос.

Теперь можно было зажмуриться. Ксавьер буквально не мог смотреть

на то, как судно становится в док. Он открыл глаза лишь после того, как металл под ногами задрожал от грохота стыковочных захватов. Шлюз дока закрывался за «Штормовой Птицей». Если корабль останется здесь надолго — а это, похоже, неизбежно — то придется наполнить док воздухом, чтобы обезьяны-ремонтники могли работать без скафандров... Впрочем, это не к спеху. Пока Ксавьеру Лю хватало других забот.

Ксавьер вручную произвел стыковку переходного «туннеля» с люком «Штормовой Птицы» убедился, что давление в нем выровнялось... и сломя голову бросился в шлюз. Пожалуй, стоило снять скафандр, но Ксавьер ограничился тем, что на ходу сорвал шлем и перчатки. Сердце бешено колотилось, точно воздушный насос, у которого пора заменить корпус.

Он бежал по «туннелю» к люку, который вел на главную палубу корабля. В конце разливался пульсирующий свет — значит, люк уже открывался.

Антуанетта покидала корабль.

На секунду остановившись, Ксавьер положил шлем и перчатки на пол и снова побежал — сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Внешний люк неторопливо отползал в сторону, вокруг тяжелыми облаками клубились белые пары конденсата. Коридор казался бесконечным, как время. Вообще, все это напоминало сцену встречи влюбленных из какой-то скверной мелодрамы.

Люк открылся. Антуанетта стояла у комингса. Она тоже была в скафандре и тоже без шлема, который держала в руке. Спутанные светлые волосы липли ко лбу соляными прядями, лицо казалось болезненно-желтоватым, под глазами темнели круги, белки прорезаны красными прожилками. Даже на расстоянии Ксавьер чувствовал исходящий от нее запах давно не мытого тела.

Впрочем, его это мало беспокоило. Даже в таком виде Антуанетта оставалась для него самой прекрасной девушкой в Галактике. Он обнял ее — скафандры коротко лязгнули друг о друга — и каким-то образом умудрился поцеловать.

— Как я рад, что ты вернулась, — проговорил он.

— Рада вернуться.

— Тебе удалось...

— Да..

Ксавьер не ответил, боясь испортить этот момент триумфа. Он вполне осознавал, что значило для нее это деяние. Антуанетта пережила слишком много боли, и меньше всего на свете ему хотелось сделать ей еще больше.

— Я горжусь тобой.

- Так нечестно! Это я должна собой гордиться. А твое дело...
- И не надейся. Ладно... Как я понял, у тебя были какие-то проблемы?
- Ну... пришлось нырять в Мандаринку чуть быстрее, чем я планировала, только и всего.
- «Зомби»?
- И «Зомби», и «пауки».
- Ха... Полный слет. Не могу представить, как все это выглядело. Черт возьми, а как тебе удалось выбраться, если там были «пауки»?
- Антуанетта вздохнула.
- Это длинная история, Ксав. Произошло нечто странное, и я до сих пор не знаю, что думать по этому поводу.
- Так расскажи.
- Потом. Сначала мы где-нибудь перекусим.
- Перекусим?!
- Ага, — Антуанетта усмехнулась. Зубы у нее тоже были нечищены. — Я голодна, Ксав. И хочу пить. Очень хочу, правда. Ты когда-нибудь пил, сидя прямо под столом?
- Ксавьер задумался.
- Кажется... нет.
- Отлично, у тебя появился реальный шанс.

Они разделись, потом занимались любовью, потом примерно час просто лежали рядом, потом мылись в душе... После купания Антуанетта натянула свой любимый жакет сливового цвета, который обычно одевала на выход, с аппетитом поела и выпила по-королевски. Она наслаждалась каждой минутой. Наслаждалась точно так же, как они только что наслаждались друг другом. Впрочем, как раз это было неудивительно. Она упивалась долгожданным ощущением чистоты — подлинной чистоты, которой не дают никакие очистительные процедуры на корабле. И еще здесь была гравитация — всего половина «g» и центробежная, но все-таки гравитация. Проблема состояла в другом. Антуанетта не могла избавиться от тревожной мысли: всему, что происходит, всему, что она видит вокруг, скоро придет конец.

«Пауки» идут от победы к победе. Они захватят всю систему, включая Ржавый Обод. Им не обязательно присоединять всех и каждого к своему коллективному разуму — они даже дали более или менее твердое обещание не проводить подобной политики. Но кто гарантирует, что они не изменят решения? Однажды Конджойнерам удалось ненадолго оккупировать

Йеллоустоун, и на это время он стал весьма невеселым местом. И куда, спрашивается, податься дочери астронавта, у которой только и есть, что собственный корабль, да и тот нуждается в ремонте?

Черт побери... Антуанетта попыталась обмануть эту тревогу, вызывая в себе чуть-чуть преувеличенную бодрость. Кто сказал, что это произойдет прямо сегодня ночью?

Они ехали по Карусели на поезде. Антуанетта хотела посидеть в баре под Кратером Лайла, где подавали великолепное пиво, но Ксавьер отговорил ее: в такое время там будет полно народу, так что лучше выбрать другое место. Пожалуй, это было разумно. Пожав плечами, она согласилась... и была немного удивлена, когда в маленьком баре под названием «У Роботника», в центральной части обода, куда они прибыли по предложению Лю, оказалось почти пусто. И только выставив на часах время Йеллоустоуна, Антуанетта поняла, в чем дело. Было три часа пополудни, время дневной смены на Карусели Нью-Копенгаген. Большинство серьезных вечеринок здесь проходило в те часы, когда в Город Бездны наступала ночь.

— Мы могли бы без проблем попасть в «Лайла», — недовольно сказала она Ксавьеру.

— На самом деле, мне там совсем не нравится.

— А-а...

— Слишком много этих проклятых животных. Когда весь день работаешь с обезьянами... или нет, как бы это сказать ... В общем, обслуживание машинами — чертовски правильная идея.

Выглянув из-за меню, Антуанетта кивнула.

— Вполне ясно.

Особенность «Роботника» заключалась в том, что весь персонал действительно состоял из роботов. Это было одно из немногих мест на Карусели — за исключением лучших ремонтных мастерских — где вы могли увидеть, как машины занимаются разнообразным ручным трудом. Правда, эти роботы давно устарели и вышли из моды, но обладали двумя достоинствами: они были дешевы и не боялись Чумы. Их по-прежнему производили, хотя индустриальная мощность системы, ослабленной сначала Эпидемией, а затем войнами, значительно снизилась. Пожалуй, эти механические официанты были не лишены некоего очарования, свойственного антиквариату... если бы хромоногий робот не уронил четыре раза подряд пиво по дороге от стойки бара к их столику.

— На самом деле это место тебе тоже не нравится, правда? — спросила она чуть позже. — Просто Кратер Лайла еще хуже. Я угадала?

— Спрашиваешь. Меня просто тошнит от того, что место, где погибли люди, превратили в балаган для туристов.

— Думаю, папа согласился бы с тобой.

— Хрен с ними, — невежливо буркнул Ксавьер. — Так что там случилось с «пауками»?

В этот момент Антуанетта как раз начала отдирает наклейку с бутылки. Точно так же, как много лет назад.

— На самом деле — понятия не имею.

Ксавьер вытер пену с губ:

— Кто-то нанес им удар в спину.

— Просто я вляпалась. Сначала все шло прекрасно: я потихонечку шла на сближение с Мандаринкой, и тут — бац! — она подняла подставку для пива и ткнула в нее пальцем. — Прямо у меня перед носом возникает корабль «зомбей», который тоже направляется в атмосферу. Я чисто случайно зацепила его радаром, и они меня засекли.

— И не запустили в тебя ракетой в знак приветствия?

— Нет. Должно быть, их капитан уже устроила кому-то салют и осталась без единого заряда. А может быть, решила не усугублять положение — не хотела, чтобы на выстрел пожаловал кто-нибудь еще. Понимаешь, их преследовал корабль «пауков».

— Да, паршиво, — отозвался Ксавьер.

— Еще бы. Поэтому мне пришлось срочно нырять в атмосферу, плюнув на вопросы безопасности. Тварь повиновался, но в итоге кораблю досталось.

— Ну да, иначе ты угодила бы в плен к «паукам»... Думаю, ты сделала правильно. Потом подождала, пока они смоятся...

— Нет, все было не так.

— Антуанетта...

— Подожди, мать твою! Я похоронила отца и поняла, что больше не хочу оставаться там ни минуты. И Тварь полностью разделял мои чувства. Он хотел убраться оттуда, так же сильно, как и я. Проблема в том, что на подъеме у меня накрылся токамак.

— Тогда ты должна была стать мертвым мясом.

Антуанетта кивнула.

— Чуть не стала. Особенно если учесть, что поблизости болтались «пауки».

Ксавьер откинулся на спинку стула и глотнул пива. Теперь, когда Антуанетта сидела напротив, живая и невредимая, когда все обошлось, он даже получал удовольствие, слушая ее историю.

— Так что было дальше? Ты починила токамак?

— Да. Только позже, когда оказалась в открытом космосе. Потом я поняла, что буду целый век ползти до Йеллоустоуна. Потому-то мне и понадобились буксиры.

— Так ты умудрилась набрать скорость и выйти из атмосферы? Или токамак сдох на орбите?

— Ни то, ни другое, Ксав. Мы падали обратно, в атмосферу. Так что мне оставалось только одно: попросить помощи.

Антуанетта смолкла и допила пиво, наблюдая за реакцией Ксавьера.

— Помощи?

— Да. У «пауков».

— Ох, не хрена себе... Ты, наверное, здорово перетрусила, решилась на это?

— Не знаю, как насчет «перетрусить». Но понервничать пришлось...

— она улыбнулась. — Черт подери, что мне еще оставалось делать? Сидеть в кресле и ждать смерти? Знаешь, когда падаешь в эти сраные облака — и надо сказать, очень быстро — перспектива стать частью коллективного разума представляется не такой уж мрачной.

— С трудом верится. Даже после тех снов, которые ты постоянно видишь?

— Это же пропаганда. Думаю, в реальности все не так страшно.

— Не так, но...

— Когда тебе грозит летальный исход, Ксав, перестаешь бояться всего остального.

Ксавьер откупорил бутылку пива и протянул ей.

— Но...

— Но, тем не менее, я здесь. Рада твоей наблюдательности.

— Что произошло?

— Они спасли меня... — Антуанетта произнесла это так, словно хотела сама себя в этом убедить. — «Пауки» спасли меня. Направили ко мне какую-то хрень вроде «шершня» в комплекте с буксиром. Она прикрепилась к корпусу и дернула как следует, так что мой корабль вылетел из поля притяжения Мандаринки, как пробка. Следующее, что я поняла — что направляюсь к Йеллоустоуну. Правда, с полудохлым токамаком... но, по крайней мере, у меня было на ремонт не пять минут, а чуть побольше.

— И «пауки» тебя отпустили?

Антуанетта энергично кивнула.

— Их главный — какой-то старый чудака — поговорил со мной перед

тем, как выслал буксир. И сделал мне чертовски серьезное предупреждение. Сказал, что если я когда-нибудь ему попадусь, он меня прикончит. Думаю, это надо понимать буквально.

— Мне кажется, тебе немерено повезло. Далеко не все отделяются предупреждением, когда дело касается «пауков».

— Я тоже так считаю.

— Этот старый «паук»... мы что-нибудь о нем слышали?

Она помотала головой:

— Он сказал, что его зовут Клавейн. Мне это ни о чем не говорит.

— Как я понимаю, тот самый Клавейн?

Пивная подставка замерла в руках у Антуанетты.

— Ксав, а кто был тот самый Клавейн?

Ксавьер посмотрел на нее так, словно она сошла с ума или, по крайней мере, впала в маразм.

— Это же история, Антуанетта. Я понимаю, что история — это очень скучно, но... Ты знаешь, что перед самой Эпидемией случилась одна заморочка?

— Меня тогда еще на свете не было, Ксав. Так что я не могла интересоваться подобными вещами, — она подняла бутылку и посмотрела сквозь нее. — Мне нужно еще. Каков мой шанс выпить пива в течение ближайшего часа, как думаешь?

Ксавьер щелкнул пальцами, подзывая ближайшего официанта. Робот неуклюже развернулся вокруг своей оси, шагнул в сторону их столика и упал.

Вечером, по возвращении, Антуанетта решила наверстать упущенное. Недавно ее буквально вывернуло наизнанку — это был самый скверный эффект, который произвело пиво. После этого голова прояснилась, хотя в ушах некоторое время стоял звон. Пробравшись в офис Ксавьера, Антуанетта включила допотопный терминал и запросила базу данных Карусели по поводу Клавейна. В самом деле, это было весьма любопытно. Впрочем, даже если бы интерес проснулся в ней по дороге к Карусели, его все равно не удалось бы удовлетворить, не имея доступа к всесистемным архивам. Отправлять запрос со «Штормовой Птицы» было слишком рискованно, а память корабля располагала далеко не всей полнотой информации.

Антуанетта никогда не работала с сетями Прекрасной эпохи, а потому даже не рассчитывала найти какую-либо полезную информацию — конечно, если таковая вообще когда-либо существовала. Сеть данных

системы пришлось фактически создавать заново: за время катастрофы многое из содержимого прежних архивов было повреждено или стерто.

Как ни странно, сеть располагала весьма подробной информацией о Клавейне. Знаменитый Невил Клавейн — тот самый, о котором говорил Ксавьер — родился на Земле в далеком двадцать втором веке. Это был едва ли не последний год перед тем, как началось оледенение и планета превратилась в гладкий снежный ком. Клавейн переселился на Марс и сражался против первых Объединившихся...

Антуанетта нахмурилась. Опять «пауки»?

Первая слава пришла к Клавейну на Марсе. Его называли Мясником Тарсиса, человеком, который решил исход Битвы при Балдже. Он приказал использовать против пауков красно-ртутное, ядерное и пенно-фазное оружие, покрыв поверхность Марса гладкими оплавленными кратерами диаметром в километр. По мнению некоторых, действия Клавейна позволяли автоматически обвинить его в военных преступлениях. Однако, если верить менее экзальтированным репортажам, Мясник Тарсиса спас миллионы жизней по обе стороны фронта. Миллионы Конджойнеров и коалиционеров были бы убиты в ходе продолжительных кампаний на поверхности планеты. Наконец, многие рассказывали о его героизме, о том, как он спасал из плена солдат и гражданских, о том, как оттаскивал раненых с линии огня, а потом возвращался за другими. Когда «пауки» разрушили башню для докировки воздушных кораблей в Крайсе, Клавейн снова оказался в гуще событий. Восемнадцать дней он провел под завалами, без воды и пищи, располагая только скудными ресурсами своего скафандра. Когда Клавейна вытащили из руин, он сжимал в объятиях кошку с перебитой спиной. Все это время она жила лишь потому, что питалась пайком Клавейна. Через неделю кошка умерла, и ему понадобилось три месяца, чтобы оправиться.

На этом карьере Клавейна не закончилась. Он попал в плен к «паучьей королеве», женщине по имени Галиана, которая и создала весь паучий сброд. Клавейн провел в заключении четыре месяца и был освобожден после того, как стороны договорились о прекращении огня. Однако эти четыре месяца изменили судьбу прежних противников, связав их навсегда. Когда начался нелегкий и долгий процесс восстановления мирных отношений, Клавейн опустил до того, чтобы вести переговоры с «паучьей королевой». Именно во время этой миссии он стал «изменником», то есть одним из Объединившихся, «пауков», позволив им наполнить свой череп множеством омерзительных машинок.

После этого Клавейн почти исчез из анналов истории. Антуанетта

бегло просмотрела оставшиеся записи. Это были отдельные, почти анекдотические сообщения, охватывающие период около четырехсот лет — о том, как Клавейн появлялся то тут, то там и снова исчезал. Почему бы и нет? По крайней мере, Антуанетта не видела в этом ничего невозможного. Клавейн состарился еще до того, как стал «изменником». Но учитывая такие непеременимые атрибуты межзвездных перелетов, как «холодный сон» расширение времени, он мог реально прожить лишь несколько десятков лет из четырехсот. Иначе не помогла бы даже восстановительная терапия, которую практиковали до Эпидемии. Впрочем... это мог быть совсем другой Клавейн. Неужели великого героя человеческой истории могла заинтересовать жизнь какой-то Антуанетты Бакс? Такое просто невозможно.

Ее размышления были неожиданно прерваны шумом, который доносился снаружи — возня, звуки падающих и передвигаемых предметов и громкие протестующие возгласы Ксавьера. Антуанетта отключила терминал и вышла из офиса.

В первый момент она не поверила своим глазам. Ксавьер был распростерт у стены, причем его ноги болтались в нескольких дюймах над полом, и явно испытывал не самые приятные ощущения. Еще бы: его удерживал в таком положении манипулятор многорукого представителя полиции, черного и блестящего. Робот — Антуанетте снова показалось, что он собран из множества гигантских вороненых ножниц — уже успел погулять по кабинету, перевернув массу ящиков и цветочных горшков.

Антуанетта посмотрела на представителя полиции. Эти роботы были почти идентичны, но она не сомневалась: именно этот посещал «Штормовую Птицу» перед отлетом. И пилот, который им управляет, наверняка тот же самый.

— Мать твою... — произнесла Антуанетта.

— Мисс Бакс.

Робот не слишком бережно опустил Ксавьера на пол. Тот перевел дух, закашлялся и принялся растирать горло. Чуть ниже кадыка красовалось яркое пятно. Ксавьер попытался что-то сказать, но смог издать только нечленораздельный хрип.

— Мистер Лю встал на пути расследования, — объяснил робот.

Ксавьер снова закашлялся:

— Я ... просто... недостаточно быстро убрался с дороги.

— Ты в порядке, Ксав? — спросила Антуанетта.

— Все нормально, — отозвался Ксавьер. Его лицо понемногу приобретало нормальный цвет.

Представитель полиции загромоздил собой чуть ли не все помещение. Во время разговора он опрокидывал одни предметы и вертел другие, исследуя их с помощью своих многочисленных манипуляторов.

— Какого черта? — осведомился Ксавьер. — Что вы здесь ищете?

— Ответы, мистер Лю. Ответы на вопросы, которые появились у меня во время последнего визита к вам.

— Этот кусок железа побывал здесь, пока меня не было?

— Совершенно точно, мисс Бакс, — ответил полицейский. — Поскольку вы были вне досягаемости, я счел это необходимым

Ксавьер посмотрел на Антуанетту.

— Он был на борту «Штормовой Птицы», — подтвердила она.

— И?

Представитель полиции перевернул ящик с документами и со скучающим видом принялся просматривать скрепленные бумаги.

— Мисс Бакс показала нам криогенную камеру с замороженным пассажиром. Ее объяснение было подтверждено Хосписом Айдвилд и заключалось в следующем: произошло недоразумение административного характера, и пассажира необходимо доставить в Хоспис.

— И что? — Антуанетта пожалала плечами. Она все прекрасно помнила.

— Пассажир был уже мертв. И вы не полетели в Хоспис. Вы направились в межпланетное пространство вскоре после того, как я покинул ваш корабль.

— И зачем, интересно знать, я так сделала?

— А это, мисс Бакс, мне тоже очень интересно, — уполномоченный отложил папку с бумагами, выдвинул одну из своих ножницеобразных конечностей, жалобно хлюпнув поршнями, и перевернул ящик набок. — Я спрашивал мистера Лю, но он оказался совершенно не в состоянии мне помочь. Правильно, мистер Лю?

— Я рассказал все, что мне известно.

— Видимо, мне следовало проявить к вам более серьезный интерес, мистер Лю — как вы думаете? У вас очень интересное прошлое, судя по отчетам полиции. Вы хорошо знали Джеймса Бакса, верно?

Ксавьер пожал плечами:

— Кто его не знал?

— Вы работали у мистера Бакса. Значит, вы не просто знали о его существовании, так?

— У нас были чисто деловые отношения. Я делал ремонт на его корабле. Я много кому делал ремонт. И вы хотите сказать, что все они были моими закадычными друзьями?

— Но вы, несомненно, понимали, что Джеймс Бакс представляет для нас определенный интерес. Что это человек, которого не очень-то волновали понятия «хорошо» и «плохо». Человек, которого не волновало, насколько его действия противоречат закону.

— Откуда он мог знать? — возмутился Ксавьер. — Вы, чертовы ублюдки, вы меняете свои законы каждый раз, когда...

Робот сделал невероятно быстрое движение, словно превратившись в черный вихрь. Антуанетта почувствовала только порыв ветра, а потом увидела, что Ксавьер снова болтается в воздухе — выше, чем в прошлый раз, и машина держала его крепче. Лю задыхался, царапая манипулятор и безуспешно пытаясь разжать его хватку.

— Вы знали, мистер Лю, что дело Меррика никогда не было закрыто? Ксавьер не мог ответить.

— Дело Меррика? — переспросила Антуанетта.

— Лайла Меррика, — уточнил представитель. — Вы знали этого человека. Торговец, как и ваш отец. И такой же нарушитель закона.

— Лайл Меррик мертв...

Лицо Ксавьера начало синеть.

— Но дело не закрыли, мисс Бакс. Слишком много было свободных концов. Что вы знаете о Постановлении Мандельштама?

— Как я понимаю, один из ваших сраных законов?

Представитель полиции уронил Ксавьера на пол. Он был без сознания... по крайней мере, Антуанетта надеялась, что это так.

— Ваш отец, мисс Бакс, знал Лайла Меррика. Мистер Ксавьер Лю знал вашего отца. Соответственно, мистер Лю почти наверняка знал Лайла Меррика. Что касается вашей склонности к транспортировке мертвых тел в зону боевых действий без логической причины, то она также представляет интерес, понимаете?

— Если вы еще раз коснетесь Ксавьера...

— Что, мисс Бакс?

— Я буду...

— Вы ничего не сделаете. Вы беспомощны. В этой комнате нет скрытых камер и жучков. Я знаю. Я уже проверил.

— Мразь.

Робот наклонился к ней:

— Конечно, вы могли перевозить некий секретный прибор, как я полагаю.

— Что?!

Антуанетта отступила и прижалась к стене, глядя на протянутый к ней

манипулятор. Потом вдохнула, словно пыталась вжаться в стену, но это не помогло. Робот прикоснулся к ее подбородку — очень аккуратно, но Антуанетта с ужасом осознавала, что он может сделать с ней все, что захочет. Затем манипулятор погладил шею девушки и двинулся ниже, задержавшись на груди.

— Ты... мразь.

— Я думаю, что у вас есть оружие или наркотики.

Снова вихрь металла и мерзкий ветерок. Все закончилось прежде, чем Антуанетта успела вздрогнуть. Робот разделался с ее жакетом. Жакет Антуанетты, ее любимый, сливового цвета, был изрезан на лоскутки. Теперь на ней осталась лишь узкая черная «разгрузка». Девушка извивалась, пытаясь вырваться, но робот держал ее крепко. И стягивал с нее безрукавку — как казалось Антуанетте, вместе с кожей.

— Я должен убедиться, мисс Бакс.

Она представила себе пилота в металлической канистре, которая висит под днищем полицейского куттера, припаркованного где-то неподалеку. Нечто чуть большее, чем препарированная нервная система плюс кое-какие расширения...

— Ты, вонючий ублюдок!

— Я просто... тщательно проверяю, мисс Бакс.

За «спиной» робота раздался грохот, и машина застыла. Антуанетта перевела дух. Черт возьми, что происходит? Может быть, пилот вызвал других «прокси» и решил позабавиться от души?

Робот выпрямился и очень медленно развернулся... чтобы оказаться перед ним живой стеной, оранжево-коричневой с переливами черного.

Обезьяны. По оценке Антуанетты, их было не меньше дюжины: шесть или семь орангутангов и примерно столько же модифицированных горилл с серебристой шерстью на спинах. Они стояли в полный рост, сжимая в руках инструменты... которые вполне могли служить оружием. У предводителя «серебристых» был карикатурно огромный гаечный ключ.

— Отпусти ее.

В голосе гориллы, похоже, присутствовали инфразвуковые частоты. Антуанетта скорее чувствовала этот звук животом, чем слышала.

Представитель полиции застыл. Где-то неподалеку его пилот взвешивал шансы. Весьма вероятно, что робот разделается с приматами — в его арсенале есть клеевые пистолеты, шокеры и прочие неприятные устройства. Но за этим последует долгое объяснение с вышестоящим начальством. К тому же нет гарантии, что робот не получит повреждений прежде, чем усмирит или перебьет приматов.

Словом, игра не стоила свеч. Тем более, в дело могли вмешаться влиятельные профсоюзы и члены политического парламента, которые защищают права генетически модифицированных приматов. Феррисвильскому Конвенту было куда важнее расследовать гибель гориллы или орангутанга, чем человека — и тем более на Карусели Нью-Копенгаген.

Полицейский послушно втянул манипуляторы и ретировался. Какое-то мгновение живая стена не шевелилась, словно приматы отказывались выпустить робота, и Антуанетта забеспокоилась: дело могло дойти до кровопролития. Но обезьяны просто хотели закрепить успех.

Стена расступилась, и робот поспешно удалился.

Антуанетта глубоко вздохнула. Она хотела поблагодарить приматов, но сейчас важнее было помочь Ксавьеру. Опустившись на колени рядом с ним, Антуанетта коснулась его шеи, проверяя пульс, и почувствовала, как ее затылка коснулось горячее дыхание.

— Он как?

Девушка посмотрела на величественное лицо «серебристого». Оно казалось выточенным из черного камня.

— Думаю, все в порядке. Как вы узнали?

— Ксавьер нажал кнопку тревоги, — прогудел «серебристый». — Мы пришли.

— Спасибо.

Примат выпрямился, нависая над ней.

— Мы любим Ксавьера. Ксавьер относится к нам хорошо.

Чуть позже она осмотрела то, что осталось от разгрузки. Отец подарил ей эту вещь на день рождения, в семнадцать лет. С тех пор Антуанетта выросла из нее, разгрузка едва доставала до талии, как жилетка матадора — но это не имело значения. Это была любимая вещь, которая оставалась великолепной, несмотря ни на что. И вот теперь она превратилась в кучку истерзанных клочьев и восстановлению не подлежала.

Когда приматы ушли, Ксавьер поднялся на ноги. Его все еще трясло, но все обошлось без физических повреждений. Теперь надо было прибратсья в офисе.

Уборка заняла несколько часов; в основном Ксавьер и Антуанетта раскладывали по местам бумаги. Ксавьер всегда проявлял щепетильность в отношении документации. Его маленькая фирма была на грани банкротства, но он утверждал, что даже в этом случае не позволит этим ублюдкам-кредиторам вытянуть из него больше, чем положено.

К полуночи офис выглядел вполне прилично. Но Антуанетта уже знала, что все только начинается. Полиция вернется, только на этот раз убедится, что приматы не смогут придти на выручку. Даже если никто никогда не узнает, что она на самом деле делала в зоне боевых действий — все равно найдется тысяча поводов, чтобы разорить ее. Например, этот представитель мог уже конфисковать «Штормовую Птицу». Все, что творил робот — действиями которого руководил пилот-человек, напомнила себе Антуанетта, — это игра, цель которой — превратить ее жизнь в ад крошечный. Может быть, просто ради развлечения. Может быть, для чего-то еще.

Она хотела спросить Ксавьера, почему полиция так заинтересовалась ее отцом и при чем тут дело Лайла Меррика, но затем решила выкинуть это из головы — по крайней мере, до утра.

Ксавьер прогулялся наружу, принес две бутылки пива. Пиво они выпили, пока расставляли мебель по местам.

— У нас все получится, Антуанетта, — сказал он.

— Ты правда так считаешь?

— Ты это заслужила, — сказал Лю. — Ты чудесный человек. Ты сделала все это для того, чтобы выполнить волю отца.

— Тогда почему я чувствую себя идиоткой?

— Пожалуйста, не думай так, — ответил Ксавьер, и поцеловал ее.

Они снова занимались любовью, совсем как в последние дни перед отлетом. Потом Антуанетта задремала. Она все глубже погружалась в пласты смутного беспокойства, пока не достигла бессознательного состояния. Ей опять приснился сон-пропаганда Демархистов: она была на лайнере, на лайнер напали «пауки»; ее отвезли на комету, где была их база, и стали готовить к операции.

Но в этот раз продолжение оказалось другим. Когда «пауки» пришли, чтобы вскрыть ей череп и вживить имплантанты, один из них нагнулся над ней и снял белую стерильную маску, которая скрывала лицо. И она узнала его — по хроникам, которые просматривала накануне. Это было лицо бородатого патриарха с белыми волосами, лица, которое не перепутаешь ни с каким другим — печальное и лукавое одновременно. Лицо, которое при других обстоятельствах показалось бы ей добрым и мудрым.

Это был Невил Клавейн.

— Я же предупреждал: не попадайся, — сказал он.

Материнское Гнездо осталось позади, на расстоянии световой минуты. Следуя навигационным данным, полученным от Скейд, Клавейн приказал

корвету повернуть и понемногу запустить тормозные двигатели. Системы крошечного звездолета повиновались безупречно. Тени, чередуясь с пятнами бледного света, скользили по полулежащим телам Клавейна и двух пассажиров. Корветы были самым быстрым и маневренным из кораблей внутрисистемного флота Объединившихся, но размещение внутри его корпуса трех человек одновременно можно было считать математической задачей по оптимальной укладке. Клавейн занимал кресло пилота, оснащенное тактильным управлением и сенсорными дисплеями, которые подстраивались к положению глаз. Правда, корветом можно было управлять «мысленно», даже не моргая, но его проект позволял противостоять кибернетическим атакам, которые могли нарушить обычные команды от нервной системы. Клавейн вел корабль при помощи тактильной системы, хотя для этого требовалось постоянно шевелить пальцами. Столбики тактических сводок теснились у него перед глазами. Ни малейшего намека на присутствие врага в радиусе шести световых часов.

Прямо за спиной у Клавейна, вытянув ноги параллельно его плечам, расположились Ремонтга и Скейд — в свободном пространстве, точно повторяющем формы человеческого тела, между выступами, под которыми скрывались то ли орудия, то ли топливные баки. Все трое, включая Клавейна, были облачены в легкие скафандры. Черные армированные поверхности превращали людей в бесплотные тени, которые, казалось, вообще не имели объема. Места хватало и для скафандров, и для людей — при условии, что скафандры не будут перевозиться отдельно.

«Скейд?»

(Да, Клавейн?)

«Думаю, теперь ты можешь спокойно сказать, куда мы направляемся, правда?»

(Просто следуй плану полета, и мы доберемся вовремя. Производитель Работ встретит нас.)

«Производитель Работ? Я с ним знаком?»

Отражение Скейд лукаво улыбнулось из иллюминатора.

(Тебе еще предстоит это удовольствие, Клавейн.)

Ему не нужно было объяснять: куда бы они ни направлялись, это место находилось в том же кометном венце, что и Материнское Гнездо. Вокруг ничего, кроме вакуума и комет, но даже кометы несли угрозу. Одни были превращены Конджойнерами в приманки для противника, на других они установили сенсоры, подрывные мины-ловушки и системы глушения передач. Однако за себя Клавейн мог не беспокоиться: корвет находился слишком близко от дома.

Пока делать было нечего, Клавейн вошел в поток системных новостей. Лишь некоторые ура-патриотические агентства противника пытались утверждать, что у Демархистов есть какие-то шансы на победу. Остальные открыто говорили, что «зомби» терпят поражение. Правда, формулировки использовались весьма обтекаемые: «приостановка военных действий», «уступка некоторым требованиям врага», «открытие переговоров с Конджойнерами»... Сей скорбный список можно было продолжать до бесконечности, но истина легко читалась между строк.

Атаки против Объединившихся становились все более редкими и все менее успешными. Сейчас противник сосредоточился на обороне своих баз и укреплений, но проку от этого было мало. Большинству объектов требовалось регулярное снабжение провизией и боеприпасами из главных центров производства. Это означало, что через всю систему, по длинным пустынным траекториям потянутся конвои грузовых роботизированных судов. Объединившиеся перехватывали их без труда. Демархисты в авральном порядке запускали программы по восстановлению опыта нанотехнологий, которыми пользовались до Эпидемии. По слухам, эти программы с треском провалились. В военных лабораториях допустили какой-то просчет, и команда исследователей превратилась в серую жидкую массу из-за неконтролируемого роста репликаторов.

Чем более отчаянной была попытка, тем грандиознее поражение.

Оккупационные силы Объединившихся успешно захватили несколько отдаленных поселений и установили там марионеточный режим, позволяя повседневной жизни протекать практически без изменений. Пока о массовых программах Присоединения речи не было. Однако недоброжелатели упорно твердили, что это только вопрос времени. В конце концов, Конджойнеры насильно вживят населению имплантанты и сделают безликими рабами единого сознания. На оккупированных станциях уже появились первые группы сопротивления. Обычно это были свободные союзы, в которые входили Скайджеки, люди-свины, баньши и прочие межсистемные фракции и группировки с сомнительной репутацией, которых связывало только недовольство новой властью. Они даже предприняли несколько довольно успешных акций против «пауков». Впрочем, подумал Клавейн, это только повышало вероятность массового Присоединения, которое будет проводиться «для блага общества».

Но Йеллоустоун и его ближайшие окрестности — Ржавый Обод, анклав и карусели на высоких орбитах и целый рой свободно плавающих доков — пока оставались в стороне. Феррисвильский Конвент упорно делал вид, что выполняет функции руководства — впрочем, это была его

собственная проблема. Такая ситуация вполне устраивала обе стороны. В образовавшейся нейтральной зоне шпионы могли обмениваться информацией, а секретные агенты воюющих фракций — смешиваться с третьими партиями и умасливать потенциальных сторонников и сочувствующих, а также тех, кого объявили изменниками. Правда, поговаривали, что долго это не протянется. Конджойнеры не остановятся, пока не захватят всю систему или основную ее часть. В течение нескольких десятилетий Йеллоустоун был у них в руках, и они не упустят возможность вернуть его. Первый раз это была просто интервенция, которую Демархисты сами себе навязали, но следующее вторжение будет означать установление полного контроля, подобного которому история не знала уже много веков.

Вот такой расклад. А если даже такой прогноз окажется безнадежно оптимистичным?

Скейд сообщила, что сигналы от похищенных орудий прекратили поступать более тридцати лет назад. Записи и данные, к которым Клавейн получил доступ, подтверждали ее слова. В принципе, можно было даже понять, почему возвращение оружия неожиданно стало для Материнского Гнезда делом едва ли не первостепенной важности. Как-то Скейд обмолвилась, что до сих пор операцию не удавалось провести из-за интенсивных военных действий. Можно не сомневаться: это лишь часть правды. Нет, тут есть что-то еще. Что-то произошло или должно произойти, и поэтому вернуть орудия необходимо именно сейчас. Что-то вызвало ужас Внутреннего Кабинета.

Клавейн был бы удивлен, если бы Скейд — и косвенно Внутренний Кабинет — знали о Волках нечто такое, о чем не сообщили ему. После возвращения Галианы их классифицировали как угрозу серьезную, но отдаленную. Когда человечество проникнет глубже в межзвездное пространство, об этом можно начинать беспокоиться — но не раньше.

А если обнаружен новый вид разумной жизни? Или Волки подобралась ближе?

Он попытался отбросить эту идею, но не смог. Достаточно было вспомнить о предстоящем полете, и его мысли закружили, точно стервятники, исследуя ее со всех сторон, срывая слой за слоем. Клавейн продолжал это мучительное самокопание и не мог остановиться, пока его сознания не коснулась мысль Скейд.

(Мы почти на месте, Клавейн. Ты увидишь нечто такое, что не идет ни в какое сравнение с остальным Материнским Гнездом — понимаешь?)

«Конечно. Очень надеюсь: что бы ни здесь делали, вы делали это

осторожно. Если вы привлекли внимание противника, все ваши усилия пойдут прахом».

(Это исключено, Клавейн.)

«Это еще не все. Необходимо исключить любые операции в радиусе десяти световых часов...»

(Послушай, Клавейн...) Она нагнулась к нему, и ремни обвязки, которые поддерживали ее, натянулись, образуя вмятины на черном скафандре. (Ты должен кое-что понять. Отныне война — это не самая главная проблема. Мы ее выиграем.)

«Не стоит недооценивать Демархистов».

(О, не волнуйся. Но с ними мы разберемся потом. Единственное, что сейчас действительно имеет значение — вернуть орудия класса «ад».)

«Именно вернуть? Или можно уничтожить?»

Клавейн внимательно следил за ответной реакцией. Даже после того, как он стал членом Закрытого Совета, сознание Скейд оставалось для него недоступным.

(Уничтожить, Клавейн? Кому такое придет в голову?)

«Ты сказала, что главное — не допустить, чтобы орудия попали не в те руки.

(Это и есть главная цель.)

«Так почему не уничтожить орудия? Решить проблему раз и навсегда... Мне кажется, это намного проще. И намного логичнее».

(Вернуть орудия было бы предпочтительней.)

«Предпочтительней?»

(Гораздо предпочтительней, Клавейн.)

Теперь двигатели корвета заработали жестче. Выпуклый диск кометы — темный, едва видимый, — проступал на фоне непроницаемой черноты космоса. Потoki частиц, изливаясь из дюз корабля, сверкали на ее фоне, словно подметая пространство. Комета вращалась — быстрее, чем Материнское Гнездо, но в разумных пределах. Клавейн оценил на глаз ее диаметр. Семь или восемь километров — не слишком много. Пожалуй, поместится внутри Материнского Гнезда.

Корвет подлетал ближе к черной пенистой поверхности кометы. Из дюз снова рвались струи фиолетового пламени — судно сбрасывало скорость. Потом отстрелились швартовые ракеты, и якоря вошли в поверхность почти невидимого эпоксидного покрова, который скреплял структуру.

«А вы неплохо потрудились. Скейд, сколько человек здесь работают?»

(Ни одного. Некоторые из нас прилетают сюда, но никто не остается надолго. Все процессы полностью автоматизированы. Время от времени члены Закрытого Совета прибывают сюда с проверкой, но в основном слуги работают самостоятельно.)

«Слуги, вообще-то, умом не отличаются».

(Наши — отличаются.)

Клавейн, Ремонтуа и Скейд надели шлемы, покинули корвет через люк и, перемахнув многометровую пропасть, приземлились на прозрачную мембрану — чуть клейкую, как лента для мух. Поверхность дрогнула и упруго завибрировала, постепенно уменьшая амплитуду. Когда мембрана стала ровной, Клавейн аккуратно отлепил ладони и выпрямился. Он уже понял, в чем секрет. Мембрана была устроена таким образом, чтобы помогать передвижению по поверхности. Однако удары и толчки делали ее достаточно жесткой и упругой, чтобы отбросить тело обратно в космос, придав ему ускорение, достаточное для достижения второй космической скорости. ^[25] По мембране можно было идти, но осторожно и медленно: стоило немного прибавить шагу — и она начинала ходить ходуном, заставляя поневоле умерить прыть.

Скейд, которую трудно было с кем-либо спутать из-за гребня на шлеме, показывала дорогу — скорее всего, самую удобную. Минут через пять она привела своих спутников к небольшому углублению, скорее напоминающему вмятину. На дне углубления зияла дыра, почти неразличимая на угольно-черном фоне мембраны и похожая на круглую брешь. Плотный ободок по краю дыры позволял ей сохранять форму.

Опустившись на колени возле отверстия, Скейд дважды стукнула по ободку и замерла. Примерно минуту спустя из темноты появился робот-слуга. Сначала в отверстие просунулись его многочисленные конечности-манипуляторы, состоящие из сочленений на шарнирах, а потом и само туловище. Машина напоминала агрессивно настроенного железного кузнечика. Клавейн опознал базовую конструктивную модель. Он видел тысячи подобных роботов в Материнском Гнезде, но в движениях этой машины проскальзывало что-то нервное и самоуверенно-нахальное.

(Клавейн, Ремонтуа... позвольте представить вам Производителя Работ.)

«Слуга?»

(Поверь мне, Производитель — это нечто большее, чем робот-слуга.), — Скейд заговорила вслух: — Производитель... мы бы хотели осмотреть внутреннее пространство. Пожалуйста, позволь нам пройти.

Голос, который раздался в ответ, был похож на жужжание осинового роя.

— Эти два индивида мне не знакомы

— Клавейн и Ремонтуа получили разрешение Закрытого Совета. Прочитай мое сознание. Ты увидишь, что я ничего не скрываю.

За этой репликой последовала пауза. Робот приблизился к Скейд. Теперь все тело Производителя Работ оказалось на поверхности, и Клавейн мог любоваться впечатляющим набором его конечностей. Некоторые из них заканчивались остриями наподобие пик, другие — зажимами и захватами, приспособленными для разных целей, инструментами или сенсорами. По бокам его клиновидной головы торчали толстые плотные пучки сенсоров, похожие на фасетчатые глаза насекомого. Скейд по-прежнему стояла на коленях, а робот нависал над ней, ритмично покачивая головой. Наконец он выпрямился и шагнул назад.

— Мне надо будет также прочесть их сознания.

— Разумеется.

Производитель Работ направился к Ремонтуа и склонился над ним, словно осматривал его шлем со всех сторон. Это заняло чуть больше времени, чем обследование Скейд. Затем — вероятно, удовлетворенный осмотром, робот приблизился к Клавейну. И Невил почувствовал, что его сознание просматривают — тщательно, методично и беспристрастно. Робот протраливал Клавейна. Поток запахов, звуков, визуальных образов проносился сквозь мозг, воспоминания сменяли друг друга и исчезали. Время от времени Производитель останавливался и как будто перематывал запись назад, а потом изучал отдельные фрагменты медленно и подозрительно. Другие отрывки «пролистывались», как скучная книга. Все-таки машине было не чуждо милосердие — процесс не затянулся. Однако Клавейн не мог избавиться от ощущения, что его только что обыскали с ног до головы.

Внезапно сканирование прекратилось, поток образов иссяк, и Клавейн снова почувствовал себя хозяином собственного сознания.

— Этот противоречив, — заявил робот. — У него есть сомнения. А у меня есть сомнения насчет него. Невозможно восстановить глубокие нервные структуры. Должно быть, мне следует сканировать его с высоким разрешением. Легкая хирургическая процедура позволит...

— В этом нет необходимости, Производитель, — перебила Скейд. — Он имеет право на сомнения. А теперь ты позволишь нам пройти, верно?

— Но с ним не все в порядке. Это абсолютно ненормально. Ограниченное хирургическое вмешательство... — робот по-прежнему пялился своими сенсорами на Клавейна.

— Производитель, это прямой приказ. Дай нам пройти.

Слуга ретировался.

— Очень хорошо. Я действую по принуждению. Но я вынужден настаивать, чтобы визит был коротким.

— Мы не задержимся, — сказала Скейд.

— Не задержитесь. Кроме того, вы оставите свое оружие. Приспособления с высокой энергетической плотностью запрещены в моей комете.

Клавейн посмотрел на свой пояс и отстегнул крепление с маломощным бозонным пистолетом, которым лишний раз старался не пользоваться, и сделал движение, чтобы положить его на лед. Резким неуловимым движением Производитель Работ выхватил оружие у него из рук и швырнул куда-то в темноту. Клавейн проследил взглядом, как тот, вертясь, удаляется куда-то со скоростью, явно превышающей вторую космическую. Скейд и Ремонтуа последовали примеру Клавейна, и их пистолеты постигла та же участь. После этого Производитель Работ развернулся — его многочисленные конечности исполнили замысловатое па — и протиснулся обратно в отверстие.

(Идем. Он не очень любит посетителей и становится раздражительным, когда те задерживаются надолго.)

(Значит, это еще не раздражение?!) — Ремонтуа был весьма удивлен.

«Что за чертовщина, Скейд?»

(Этот слуга, конечно, немного умнее, чем норм... это тебя беспокоит?)

Клавейн последовал за ней в отверстие, а затем в туннель. Теперь приходилось не столько шагать, сколько скользить, касаясь руками ледяных стен. Проход напоминал глотку. Клавейн не мог отделаться от чувства, что конфискованная кобура по-прежнему висит на поясе. Без оружия он чувствовал себя голым. Клавейн ощупал поясник скафандра, но не нашел там ничего, что могло бы послужить оружием, если роботу вздумается выразить протест по поводу их появления. Несколько скоб и миниатюрных зажимов, пара сигнальных маячков, традиционный тубус со скрепляющим спреем... Правда, баллончик вкуче с распылителем отдаленно напоминал пистолет длиной в несколько сантиметров. Однако здесь было и настоящее оружие — пьезо-нож с коротким лезвием. Такая штука вполне могла проткнуть скафандр... только против армированной машины или даже против хорошо тренированного противника она была совершенно бесполезна.

«Ты чертовски хорошо знаешь, что меня беспокоит. В мое сознание вторгалась машина... Такого со мной никогда не случалось. Тем более таким варварским способом...»

(Ему просто надо было знать, что нам можно доверять.)

Во время траления Клавейн все время чувствовал острый металлический привкус искусственного разума.

«И насколько умен этот экземпляр? Узкоспециализированный интеллект?»

(Выше. Достаточно разумен, чтобы говорить, как минимум, об альфа-уровне. Только не надо излучать на меня свой праведный гнев. Тебе уже доводилось доверяться машинам, которые почти так же разумны, как ты сам.)

«Я успел пересмотреть свое мнение по этому поводу».

(Этот старый служака действительно тебя напугал?)

«Напугал? Нет. Все, что я чувствую, Скейд — это сожаление. Сожаление по поводу того, что ты позволила роботу стать разумным и в то же время заставляешь его оставаться твоим рабом. Я думаю, это не совсем то, во что мы верили».

Он почувствовал присутствие Ремонтуа.

(Я согласен с Клавейном. До сих пор мы обходились без разумных машин, Скейд. Не потому, что боялись их, а потому, что знаем: разумное существо должно само выбирать свою судьбу. Однако слуга не имеет свободной воли, не так ли? Он — просто разум. Одно без другого — пародия. Дело закончится как минимум войной.)

Где-то впереди замерцал бледно-сиреневый свет, и на стенах туннеля проступил причудливый естественный узор. На фоне источника света Клавейн увидел темную фигуру веретенообразного слуги. Возможно, робот подслушивал их спор о представителях машинного интеллекта.

(Мне жать, что приходится так поступать. Но у нас нет другого выбора. Нам нужны умные слуги.)

(Тогда скажи «рабы»), — настаивал Ремонтуа.

(Отчаянные времена требуют отчаянных мер.)

Клавейн взгляделся в бледное зарево, которое понемногу стало пурпурным.

«Отчаянные? Я думал, мы просто собираемся вернуть вещь, которую у нас украли».

Производитель Работ провел их во внутреннее пространство кометы и пригласил войти в маленький безвоздушный блистер, похожий на пузырек во внутренней стенке туннеля. Скейд, Ремонтуа и Клавейн закрепились ремнями на раме из жесткого сплава. Пузырек был абсолютно герметичен и отделен от основной камеры. Внутри поддерживался вакуум такой

чистоты, что даже испарения, которые просачивались из скафандров, вызвали заметные изменения его параметров.

Клавейн огляделся. За стеклом находилась пещера немислимых размеров. Она утопала в величественном голубом сиянии, вид гигантских машин, которые наполняли ее, вызывал неосознанное ощущение кипучей деятельности. В первый момент разум отказывался это принять. Клавейну казалось, будто он смотрит на тщательно выписанную средневековую картину, которая внезапно обрела объем. Картина, которая изображает соединенные между собой арки и башни какого-то лучезарного города, населенного сонмами ангелов из серебристой полированной стали. Перспектива уходила в лазурно-голубую бесконечность. Затем, когда он осознал масштаб увиденного, то понял, что ангелы — это просто машины, которые находятся очень далеко. Многотысячные стаи этих стерильных устройств носились в вакууме, выполняя задачи, для которых были созданы. Роботы общались между собой при помощи лазеров. Именно эти вспышки, рассеиваясь и отражаясь, наполняли внутреннее пространство кометы потоками голубого сияния. Там было по-настоящему холодно, Клавейн это знал. И еще он понял, что по всей окружности стен, глубоко утопленные в их поверхность, утолщенные конусы черных криоарифмометров непрерывно поглощали теплоту, которую выделял этот лихорадочно работающий производственный комплекс. В противном случае комета могла вскипеть от перегрева.

Потом Клавейн обратил внимание на то, что создавало повод для этой лихорадки. Он был потрясен. Не тем, что это были корабли — и даже не тем, что эти корабли относились к межзвездному классу. Нет, просто он ожидал увидеть наполовину собранные пустые корпуса, и теперь не верил своим глазам. Корабли были почти готовы к полету. Двенадцать субсветовиков выстроились бок о бок, наполовину загороженные геодезически поддерживаемыми стапелями. ^[26] Полностью идентичные друг другу, гладкие, черные, они напоминали то ли торпеды, то ли китов на мели, а на корме в разные стороны торчали стойки и гондолы для знаменитых Двигателей Конджойнеров. Даже без каких-либо визуальных ориентиров Клавейн понял, что длина любого из крейсеров составляет, по крайней мере, три, а то и четыре километра. А значит, они намного больше той же «Ночной Тени».

Скейд улыбнулась, заметив его реакцию.

(Впечатляет?)

«Еще бы».

(Теперь ты понимаешь, почему Производителя Работ так пугает риск

непреднамеренного выстрела или даже перегрузки электростанции? Конечно, тебе интересно узнать, почему мы снова начали их строить?)

«Ясное дело. Это как-то связано с Волками?»

(Может быть, тебе стоит поделиться своими догадками по поводу причин прекращения строительства?)

«Боюсь, мне такой любезности никто не оказал».

(Ты же такой сообразительный. Я уверена, у тебя уже есть несколько собственных теорий.)

В какой-то момент Клавейн собирался ответить, что никогда не интересовался этим вопросом. И вообще, решение об остановке выпуска субсветовиков приняли, когда он находился в Глубоком космосе, а к моменту возвращения экспедиции стало свершившемся фактом. Наконец, ему прежде всего надо было заботиться о том, чтобы его сторонники победили в войне, а на прочее просто не оставалось времени.

Но это было ложью. Потому что эта проблема всегда занимала Клайвена.

«Обычно принято считать, что мы сделали это по соображениям экономического эгоизма. Или боялись, что двигатели попадут в руки каких-нибудь отбросов общества или тех же Ультра. Обнаружилась какая-то неустраняемая погрешность конструкции, из-за которой двигатель мог неожиданно взорваться без всякой причины».

(Ну да. И еще полдюжины подобных гипотез, от слабо убедительных до смехотворно параноидальных. А как ты сам думаешь?)

«Демархисты были единственными, с кем мы поддерживали стабильные торговые отношения. Ультра покупали двигатели через вторые и третьи руки или добывали воровством. Но отношения с Демархистами начали портиться, когда их экономика рухнула из-за Эпидемии, и мы потеряли главного клиента. Они уже не могли позволить себе разоряться на наши технологии, а у нас пропало желание торговать с Демархистами, потому что они начали вести себя все более недружелюбно».

(Весьма разумный ответ, Клавейн.)

«У меня никогда не было причин особенно в этом копаться».

(В каждой версии есть доля истины. Экономические и политические факторы тоже сыграли свою роль. Но было кое-что еще. Неужели ты не заметил, насколько мы сократили внутреннюю кораблестроительную программу?)

«Мы воевали. И нам хватало кораблей».

(Правильно. Но даже эти корабли не были задействованы полностью. Обычные межзвездные перевозки сильно сократились. Рейсы между

поселениями Объединившихся в других системах были сведены к минимуму.)

«Повторяю: мы воева...»

(Как ни странно, война имеет к этому слабое отношение. То, что известно всем — это просто ширма. Попробуй заглянуть за ширму истории.)

Неожиданно для себя, Клавейн чуть не рассмеялся.

«Ширма?»

(Если станет известна истинная причина, паника охватит весь населенный космос. Социально-экономическое потрясение окажется несоизмеримо больше, чем любые последствия нынешней войны.)

«Я не понимаю. Ты хочешь сказать мне, почему?»

(Твоя интуиция тебя не подвела. Это связано с Волками.)

Клавейн покачал головой.

«Не может быть!»

(Почему?)

«Мы ничего не знали о Волках до возвращения Галианы. А она столкнулась с ними уже после того, как мы разделились».

Об этом можно было не напоминать. Скейд прекрасно помнила, что оба эти события произошли намного позже, чем выпуск кораблей прекратился.

Она еле заметно кивнула.

(Все верно. Само собой, пока Галиана не вернулась, у Материнского Гнезда не было данных, позволяющих понять, что собой представляют эти машины. Но сам факт существования Волков — где-то вовне — стал известен намного раньше.)

«Не может быть. Галиана была первой, кто с ними столкнулся».

(Нет. Она была первой, кому удалось вернуться живым — по крайней мере, просто вернуться. До этого были туманные сообщения, загадочные исчезновения кораблей и странные сигналы бедствия. В течение нескольких лет Закрытый Совет анализировал эти данные и пришел к выводу: в межзвездном пространстве находится нечто, во всех отношениях аналогичное Волкам. Вывод сам по себе удручающий, не говоря уже о том, что из него следует. Я имею в виду свертывание производства субсветовиков. Общая картина случаев указывала на неоспоримый факт: машины, чем бы они ни были, ориентировались на излучение наших двигателей. Мы пришли к выводу, что Волков привлекало тау-нейтринное излучение. Поэтому мы прекратили выпуск двигателей.)

«А Галиана?»

(Когда она вернулась, мы получили подтверждение догадкам. Она дала имя нашему врагу, Клавейн. Мы обязаны ей — настолько, что это невозможно представить.)

Скейд коснулась его сознания и создала изображение. Безжалостная тьма, и в ней лишь редкая россыпь тускло мерцающих звезд. Они не рассеивали тьму — лишь усиливали ощущение подавляющего величия и холода. Космос, представленный Скейд, был непримиримо враждебен всякой жизни, словно бассейн с кислотой. Но среди звезд находилось что-то еще — что-то, кроме пустоты. Это были машины, которые парили в бескрайнем пространстве, предпочитая тьму и холод. Скейд заставила Клавейна ощутить свирепый привкус их разума. По сравнению с этим сознание Производителя Работ казалось безмятежным и дружелюбным. В сознании Волков действительно было нечто звериное. Яростный, неумолимый голод, затмевающий все остальное.

Алчная, бесконечная жажда крови.

(Они всегда находились там. Они скрывались в темноте, наблюдали, ожидали. В течение четырех веков мы были безмерно счастливы. Мы шатались повсюду, с шумом и светом, оповещая о своем существовании всю Галактику. Думаю, в каком-то смысле Волки слепы. А может быть, реагируют только на определенные сигналы, а другие не воспринимают. Например, радиосигналы или телевизионные передачи — иначе давным-давно учуяли бы присутствие человечества. Но этого не случилось. Возможно, их устройства реагируют только на определенные признаки. Признаки цивилизации, способной выйти в космос, а не просто техногенной цивилизации. Это просто мое предположение... но что нам остается, кроме как предполагать?)

Клавейн посмотрел на двенадцать абсолютно новых звездных кораблей.

«А сейчас? Почему вы возобновили производство?»

(Потому что теперь мы можем это себе позволить. Прототип этих кораблей — «Ночная Тень», хотя они превосходят ее по размерам. Их двигатели работают тихо. Мы внесли в топологию некоторые изменения и на два порядка сократили выход тау-нейтрино. Конечно, не идеальный вариант, но теперь мы можем совершать межзвездные перелеты, не опасаясь привлечь внимание Волков. Само собой, технология должна оставаться исключительно под контролем Объединившихся.)

«Кто бы спорил».

(Я рада, что ты правильно понимаешь ситуацию.)

Клавейн снова посмотрел на корабли. Все двенадцать были похожи на

«Ночную Тень», только больше и массивнее. Максимальный диаметр корпуса достигал приблизительно двухсот пятидесяти метров. Они напоминали старые колонизационные шхуны, которые перевозили в своих необъятных чревах десятков тысяч замороженных людей.

«А как насчет остального человечества? Как насчет всех старых кораблей, которые до сих пор используются?»

(Мы сделали все, что могли. Агенты Закрытого Совета успешно восстановили управление запрещенными кораблями — их оставалось совсем немного. Само собой, эти корабли были уничтожены. Ими больше нельзя пользоваться: старые двигатели не удастся переделать так, чтобы они работали в безопасном режиме.)

«Не удастся?»

Скейд нарисовала в сознании Клавейна крошечную планетку — возможно, спутник. На одном из полушарий громоздилось сооружение в форме чаши, налитое вишнево-красным светом.

(Нет.)

«Не думаю, что хоть на миг кому-то из вас пришла мысль обнародовать эту информацию».

Скейд снисходительно улыбнулась из-за щитка своего шлема.

(Клавейн, Клавейн... Ты, как всегда, хочешь поверить во всеобщее благо для человечества. Весьма благородно, не спору. И что хорошего получится? Эта информация слишком деликатного свойства — даже для того, чтобы сообщать ее всем Объединившимся. Я представить себе не могу, какой эффект она произведет на остальное человечество.)

Он хотел возразить, но знал, что она права. Прошли десятилетия, прежде чем любое заявление от Объединившихся перестали воспринимать в штыки. Даже в столь важном предупреждении будут искать двойное дно.

И даже если Конджойнеры капитулируют, это сочтут очередной уловкой.

«Возможно, ты права. Возможно... Но я все еще не понимаю, зачем вы начали снова строить корабли».

(Они нужны нам в качестве меры предосторожности.)

Клавейн снова разглядывал звездолеты. Допустим, каждое судно способно вместить пятьдесят или шестьдесят тысяч спящих... а эти кораблики, похоже, рассчитаны на большее... Значит, флот Скейд в состоянии принять на борт почти половину населения Материнского Гнезда.

«Просто предосторожность?»

(Хорошо. Есть еще небольшой вопрос — это касается орудий класса

«ад». Два корабля плюс «Ночная Тень» составят группу для операции по возвращению оружия. Они получают лучшее, что есть у нас в арсенале, в том числе и свежими технологическими разработками, которые помогут добиться тактического превосходства.)

«Полагаю, вы уже тестировали системы?»

(Конечно, тесты еще не закончены, но...)

Скейд прервала мысленный контакт

— Производитель Работ... Пожалуй, на этом мы закончим. Мои гости увидели достаточно. Каковы последние оценки готовности кораблей к полету?

Слуга повернул к ней голову. Сейчас его конечности были свернуты в огромный бесформенный узел.

— Шестьдесят один день, восемь часов и тридцать минут.

— Спасибо. Убедитесь, что будет сделано все возможное для опережения графика. Клавейн не желает задерживаться ни на минуту, не так ли?

Клавейн ничего не ответил.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — сказал Производитель Работ, вытягивая в сторону выхода один из своих манипуляторов.

Роботу явно не терпелось их выпроводить.

Клавейн убедился, что пойдет следом за ним.

Он делал все возможное, чтобы сознание оставалось чистым и спокойным — насколько это возможно. Например, сконцентрироваться на механическом движении рук. Обратный путь, казалось, занимал намного больше времени, чем путешествие внутрь кометы. Впереди суетливо, с какой-то брезгливой осторожностью, семенил Производитель Работ, его широко расставленные нижние конечности перегораживали все пространство туннеля. Настроение робота было невозможно прочитать, но у Клавейна создалось впечатление, что робот очень рад избавиться от посетителей. Этого слугу запрограммировали на то, чтобы обеспечивать максимальную эффективность работ, но его недовольство при появлении посетителей было просто неподражаемым. Клавейну доводилось иметь дело с роботами-слугами всевозможных модификаций. У всех в программу было заложено некое подобие характера. Но ни один не демонстрировал столь искреннего неприятия человеческой компании.

На полпути к выходу Клавейн неожиданно остановился.

«Одну секунду!»

(Что случилось?)

«Не знаю. Скафандр указывает на небольшую утечку атмосферы в районе перчатки. Наверно, я задел стену и порезал ткань».

(Это невозможно, Клавейн. Стена сделана из кометного льда средней плотности. Ты бы еще сказал, что порезался дымом!)

Клавейн кивнул.

«Считайте, что я порезался дымом. Скорее всего, там был какой-то маленький острый обломок».

Он повернулся и поднял руку. На тыльной стороне перчатки действительно мигало розовое пятно в виде прицела, указывая основной район утечки.

(Он прав, Скейд), — отозвался Ремонтуа.

(Ничего страшного. Вернемся на корвет и починим.)

«У меня пальцы мерзнут. Скейд, мне уже довелось потерять руку. И я не хочу, чтобы это произошло еще раз».

Клавейн услышал, как она фыркнула — этот странный звук прекрасно выражал нетерпение.

(Тогда заделай дырку!)

Вытащив из поясника спрей, он уменьшил диаметр отверстия до минимума и ткнул носиком в центр розового пятна. Тонким червячком выползая из отверстия, серая клейкая масса скрепляла ткань и мгновенно застывала. Клавейн выписывал на ладони миниатюрные синусоиды, сначала горизонтальные, потом вертикальные, пока не измазал всю перчатку.

Рука действительно успела замерзнуть. И нещадно болела, с тех пор как он проткнул перчатку лезвием пьезо-ножа, причем не снимая его с пояса — одним быстрым движением: одна рука скользит поперек острия, а вторая наклоняет нож. Учитывая обстоятельства, Клавейн неплохо справился, рана могла оказаться более серьезной.

Наконец тубик можно было убрать. В шлеме все еще звучал слабый предупреждающий писк, а на перчатке мерцало розовое пятно, но ощущение холода понемногу проходило. Небольшая утечка уже не могла вызвать каких-то проблем.

(Все?)

«Думаю, клея достаточно. Когда будем на корвете, проверю более тщательно».

К облегчению Клавейна, инцидент был исчерпан. Слуга засеменял дальше, люди последовали за ним. Наконец туннель вышел на поверхность. Оказавшись снаружи, Клавейн пережил обычный приступ головокружения. Гравитация кометы была настолько слабой, что едва ощущалась, и по

малейшему поводу воображение рисовало человеческую фигуру, которая висит вниз головой над бездонной пропастью, приклеенная подошвами к угольно-черному льду. Впрочем, это ощущение продлилось недолго и снова сменилось уверенностью и спокойствием. Производитель Работ протолкнул себя в отверстие и исчез в недрах туннеля.

Скейд, Ремонтуа и Клавейн быстро направлялись к корвету, который поджидал их — черный клиновидный провал в россыпи звезд.

(Клавейн?)

«Да, Скейд?»

(Не возражаешь, если я задам тебе вопрос? Производитель Работ сообщил, что ты сомневался... Это правда, или робот просто запутался в твоих вековых воспоминаниях?)

«Понятия не имею».

(Теперь ты понял, что вернуть оружие необходимо? Я имею в виду — принял?)

«Здесь нет ничего неясного. Эти орудия нам нужны».

(Я чувствую, что ты честен. И что ты все понял, не так ли?)

«Думаю, да. То, что мне ты показала мне, многое объясняет».

Клавейн шел в десяти-двенадцати метров перед Скейд и Ремонтуа — с максимальной быстротой, на какую мог осмелиться, пока не поравнялся с ближайшим тросом, удерживающим корвет. И тут, совершенно неожиданно, остановился и схватился одной рукой за трос. Этого движения было достаточно, чтобы Скейд и Ремонтуа застыли на месте.

(Клавейн...)

Клавейн отстегнул пьезо-нож от пояса и вонзил его в пластиковую мембрану. Установив максимальную длину и минимальную толщину лезвия, он резал эпоксидное покрытие, пытаясь по невидимому радиусу. Метр, два... Лезвие вспарывало упругую пленку почти без усилий. Чтобы якоря по-прежнему могли удерживать корабль, разрез не должен был превышать четырех метров.

Это определялось только опытным путем, но омерзительное чувство в животе подсказало Клавейну, что пора остановиться. Лоскут за надрезом тут же начал отгибаться. Эластичная пленка сокращалась, увеличивая прорезь. Четыре метра, шесть, десять... Разрез раскрывался во всех направлениях. Фигуры Скейд и Ремонтуа, которые стояли на другом краю пропасти, начали сами собой отодвигаться назад.

Все это заняло одну или две секунды. Однако для Скейд этих секунд было более чем достаточно, чтобы понять намерение Клавейна.

Через одну или две секунды после того, как нож вонзился в мембрану,

Объединившаяся мертвой хваткой впилась в его сознание. До сих пор Клавейн даже не подозревал о подлинной мощи Скейд. Сейчас она действовала в полную силу, плюнув на вопросы секретности и безопасности. Он уловил алгоритмы поиска и уничтожения, которые пролетели сквозь вакуум, подобно радиоволнам, проникли в его череп и понеслись по уровням сознания, исследуя и проверяя основные и побочные связи. Скейд искала способ парализовать его, лишит сознания или убить. Будь на месте Клавейна любой другой из Объединившихся, ей хватило бы микросекунд — отдать его имплантантам приказ на самоуничтожение, слившись в едином всплеске жара и давления, что означало немедленную смерть. Вместо этого у Клавейна возникло ощущение, словно ему в голову одним жестоким, точно рассчитанным ударом всадили железный кол.

Он потерял сознание — не больше чем на пару секунды, но первым ощущением по прошествии этих секунд была тотальная потерянности. Клавейн не мог вспомнить, где он находится и что делает. Все, что осталось — сухой приказ, записанный в его крови бурлящим адреналином. Причина этого состояния оставалась непонятной, но само чувство было знакомо. Древний животный страх. Надо бежать, спастись, его жизнь под угрозой. Одна рука сжимала туго натянутый металлический трос, за счет чего тело сохраняло вертикальное положение. Клавейн поднял глаза и увидел корвет, висящий прямо над головой. Судя по всему, бежать необходимо именно туда.

Клавейн полез по тросу к кораблю. В сознании начали проступать воспоминания: он затеял нечто важное, и это необходимо осуществить во что бы то ни стало. Затем последовала новая вспышка боли, и Клавейн снова провалился в бессознательное состояние.

Он очнулся и понял, что двигается вниз — не «падает», это было бы слишком сильно сказано, — к какой-то упругой мембране. И снова почувствовал настоятельную необходимость что-то сделать, хотя слабо понимал, где и почему оказался. Над головой висел корабль — Клавейн помнил это с прошлого раза. Значит, он полез по тросу, чтобы добраться до корабля — дюйм за дюймом. Или ему надо было спуститься вниз, чтобы спастись от чего-то, находящегося на борту?

Он поглядел вниз и увидел две фигуры, стоящие на упругой поверхности. Они махали, подзывая его.

(Клавейн...)

Голос — женский, возникший у него в голове — звучал властно, но это было не единственным: в нем проскальзывали нотки сожаления, какое испытывает наставница к талантливому ученику, которому удалось ее

превзойти. И огорчения. Но почему? От того, что Клавейн совершил ошибку? Или от того, что он почти добился успеха?

Он не знал. Он чувствовал: если была бы возможность все обдумать, одна-единственная минута спокойствия и одиночества, он собрал бы все кусочки головоломки. Ведь он же должен знать, что это такое. Что это за комната, полная темноты и зловещих теней.

Все, что нужно — покой и спокойствие.

В голове звучал слабый звенящий сигнал тревоги. Клавейн вспомнил. «Давление падает». Он оглядел свой скафандр, пытаясь найти розовое пульсирующее пятнышко. Вот и оно: на тыльной стороне перчатки, на руке, сжимающей нож. Клавейн прикрепил оружие на пояс, и рука сама полезла в поясник. Там спрей. Стоп: он уже пользовался спреем. А на фоне розового пятна затейливо змеилась нитка затвердевшего клея. Неподвижный серый червячок, изогнувшийся в строчку рунической вязи.

Клавейн повертел ладонью, разглядывая перчатку под разным углом, и наконец прочел надпись. Червячок образовывал слово «КОРВЕТ».

Это был его почерк.

Фигуры уже обошли оконечность пропасти, похожей на резаную рану во льду, и двигались в его направлении — так быстро, как только могли. Клавейн прикинул, сколько им потребуется, чтобы добраться до места крепления якорей. Около минуты. Примерно столько же ему нужно, чтобы подняться по тросу. Может быть, прыгнуть, уповая на точность расчета, которая не позволит пролететь мимо корабля? Однако из глубин сознания уже всплывала мысль: липкая мембрана не позволит оторваться от поверхности. Значит, остается только ползти по металлическому тросу, несмотря на боль в голове и постоянную угрозу потери сознания.

Он снова провалился в темноту, но в этот раз отключка продолжалась куда меньше. Клавейн посмотрел на перчатку, на две фигуры, которые двигались к нему, и решил, что стоит попытаться достичь судна. Он коснулся люка как раз в тот момент, когда первая из фигур, с гребнем на шлеме, приблизилась к месту крепления якоря.

Теперь восприятие представляло поверхность кометы вертикальной стеной, а тросы — горизонтальными линиями. Преследователи походили на мух, сидящих на черной бархатистой ткани, и становились на четвереньки, чтобы забраться на «мост», по которому он только что прошел. Он вошел в отверстие и включил контроллер давления. Внешний люк начал бесшумно закрываться, в шлюзе ворвался мощный поток воздуха. Боль в голове мгновенно утихла, и дышать стало легче.

Ручное управление позволяло открыть внутренний люк еще до того,

как внешний закроется полностью. Клавейн ввалился во внутреннее помещение корвета, оттолкнулся от дальней стенки и врезался головой в верхнюю переборку, а на обратном пути столкнулся с приборной панелью. Он не стал усложнять задачу, закрепляясь по всем правилам в коконе — просто включил двигатели на полную мощность. Целый хор пронзительных голосов возмущенно завопил:

— Рекомендуется немедленно заглушить двигатели! Рекомендуется немедленно заглушить двигатели!

— Закройся! — рявкнул Клавейн.

В этот момент корабль рванулся вверх от поверхности кометы — примерно на два с половиной метра. Затем якорные тросы натянулись до предела и спружинили. Клавейна швырнуло к противоположной переборке, и он почувствовал, как между сердцем и нижним подреберьем что-то хрустнуло, подобно сухой ветке. Вероятно, комета тоже сдвинулась, но это было совсем неощутимо. С таким же успехом корабль мог попытаться двинуть любое небесное тело во Вселенной.

— Клавейн.

Голос раздавался из радиодинамиков корвета и звучал очень спокойно. Невероятно спокойно.

Воспоминания снова начали выстраиваться, толчками вставая на прежние места. Это потребовало некоторого времени, прежде чем Клавейн вспомнил имя своей мучительницы.

— Скейд... Привет.

Он говорил, преодолевая боль. Можно не сомневаться, по крайней мере, одно ребро сломано — это не считая пары-тройки ушибов.

— Клавейн... что ты делаешь?

— Кажется, собираюсь угнать этот корабль.

Он сел в кресло, морщась от захлестывающей боли. Потом со стоном пристегнул на груди тугие ремни. Двигатели работали на грани автоматической блокировки. Клавейн отдавал корвету полубезумные приказы. Можно отцепить якоря и втянуть их на корабль, но это не решает проблему. Тросы опутают Скейд и Ремонтуа — Клавейн уже вспомнил обоих — и вытащат открытый космос, где они и останутся. Скорее всего, им удастся выжить, даже если оставить их плавать над поверхностью планеты. Но это была миссия Закрытого Совета. Мало кому известно, где находятся эти двое.

— Полная мощность, — громко произнес Клавейн. Рывок на полной мощности позволит ему улететь, разорвав тросы или выдрав якоря вместе с кусками кометы.

— Клавейн, — произнес мужской голос, — мне кажется, тебе стоит подумать.

Никто из них не мог дотянуться до его сознания! Корпус корвета полностью блокировал сигналы.

— Спасибо, Рэми... но на самом деле, я уже все продумал. И вся эта затея с орудиями мне совершенно не нравится. Все дело в Волках — верно, Скейд? Вам нужно оружие, чтобы встретить Волков.

— Именно так, как я тебе растолковала, Клавейн. Да, орудия нужны нам, чтобы защититься от Волков. Хочешь сказать, что предосудительно? Что это позорно — стремиться выжить? Может быть, ты хочешь, чтобы... чтобы мы сдались? Чтобы принесли себя в жертву?

— Откуда ты знаешь, что они идут к нам?

— Мы не знаем. Мы просто предполагаем. Вероятность их появления очень велика, исходя из информации, имеющейся в нашем распоряжении...

— Есть нечто более важное

Пальцы Клавейна скользнули к пульту управления главными двигателями. Еще несколько секунд. Или он вырвется на полной мощности, или останется здесь.

— Это все, что мы знаем, Клавейн. Больше ничего. А теперь позволь нам войти в корвет. Уверяю тебя, я сделаю вид, будто ничего не было.

— Боюсь, этого будет недостаточно.

Он запустил главный двигатель и направил фиолетовые арки, истекающие из дюз, подальше от поверхности кометы. Ему не хотелось причинить вред этим двоим. Клавейн не любил Скейд, но не желал ей зла. Ремонта был его другом, но привлекать его к участию в задуманном не стоило.

Корвет продвинулся чуть дальше. Клавейн чувствовал, как вибрация силовых установок, толкающих корабль от поверхности кометы, отдается в каждой косточке. Индикаторы перегрузки мигали красным светом.

— Клавейн, послушай меня, — сказала Скейд. — Тебе не нужен этот корабль. Что ты собираешься с ним делать? Сдаться Демархистам?

— А что, мысль!

— Это самоубийство. Ты никогда не доберешься до Йеллоустоуна. Тебя прикончат — если не мы, то Демархисты.

Раздался громкий хлопок. Шаттл качнулся и задергался, натягивая оставшиеся тросы. Через нижний иллюминатор Клавейн видел, как трос с силой хлестнул поверхность кометы, рассекая защитную мембрану, как масло. На поверхности образовалась рана в метр толщиной, из которой тут же поднялось облако черной пыли — казалось, комета выпустила

чернильное облако.

— Скейд права. Не делай этого, Клавейн — тебе некуда податься. Пожалуйста, я прошу тебя как друг... не надо!

— Разве ты не понял, Рэми? Ей недостаточно найти орудия. Те двенадцать кораблей — совсем для другого. Это часть какого-то большего плана. Это флот эвакуации.

Клавейн почувствовал толчок — это еще один трос оборвался и с яростью вонзился в комету.

— Допустим, — отозвалась Скейд. — И что дальше?

— А как насчет оставшегося человечества? Что делать этим одуроченным бедолагам, когда придут Волки? Справляться собственными силами?

— Вселенная живет по законам Дарвина.

— Ты неправа, Скейд.

И тут лопнул последний трос. Неожиданно корвет рванул вперед на предельной скорости, и Клавейна вдавило в сиденье. Он орал от боли в переломанных ребрах. Потом стрелки контрольных индикаторов двигателей вернулись в нормальное положение и стали зелеными и белыми. Скорость снизилась, непрерывный гул стих, прекратилась вибрация, сотрясавшая корпус. Комета Скейд быстро уменьшалась.

Клавейн прикинул направление и повел корвет к яркой светящейся точке — Эпсилону Эридана.

Глава 11

Илиа Вольева стояла в самом сердце «Ностальгии по Бесконечности», в эпицентре того, что когда-то было ее Капитаном, того, кто в прежней жизни называл себя Джон Армстронг Бренниген. Илиа пыталась сдерживать дрожь, но получалось неважно. Визиты к Капитану всегда сопровождалась крайним физическим дискомфортом, превращая их в подобие покаянного паломничества. В случаях, когда к Капитану приходили не с целью оценить степень его разрастания — которое замедлилось, но не прекратилось, — к нему приходили за советом. Таким образом, неудобства, которые приходилось испытывать посетителям, выступали как бы частью сделки. И это считалось правильным и справедливым, хотя советы Капитана не всегда можно было назвать разумными.

Капитана заморозили, чтобы остановить распространение Комбинированной Эпидемии. Какое-то время криогенный саркофаг, в котором хранилось тело, успешно выполнял эту функцию. Но в конечном итоге неумолимое разрастание Капитана передалось и саркофагу, подчинив его системы и видоизменив их тем же кошмарным образом. Криогенная установка продолжала кое-как работать, но этого было достаточно, чтобы в камере царил смертельный холод. В то время перед визитом к Капитану требовалось в обязательном порядке натянуть на себя несколько комплектов теплой одежды. Дышать промороженным воздухом было нелегко: при каждом вдохе легкие грозили превратиться в миллион хрупких пленочек, похожих на надкрылья насекомых. Во время визитов к Капитану Вольева курила без перерыва, хотя для нее эти встречи проходили легче, чем для других. У нее не было имплантантов, ничего такого, за что Чума могла ухватиться. Другие — ныне все они мертвы — страдали чрезмерной щепетильностью и не могли отказаться от имплантантов. Возможно, это была просто слабость. Вынуждая этих людей находиться рядом с Капитаном, Илиа видела в их глазах ненависть. В такие моменты они хотели стать такими, как она — хотя бы на несколько минут. Хотели отчаянно.

Саджаки, Хегази, Суджика... Имена с трудом всплывали в памяти. Прошло слишком много лет.

Сейчас в камере было ненамного холоднее, чем где бы то ни было на корабле, а по сравнению с некоторыми секторами — даже теплее. Воздух

казался влажным и неподвижным. Все поверхности покрывала блестящая пленка. По стенам, огибая шишковидные наросты, бежали ручейки конденсата. То и дело раздавался омерзительный звук, и масса ядовитых корабельных отходов вырывалась из щели и стекала на пол. Система переработки биомеханических отходов давно работала сама по себе. Однако вместо того, чтобы выйти из строя, она начала каким-то безумным образом эволюционировать, разрастаясь и образуя петли обратной связи. Эта непрерывная и изнурительная борьба с выделениями, грозившими затопить корабль, длилась уже давно. Вольева установила повсюду тысячи трюмных насосов, направляя слизь обратно, в главную перерабатывающую цистерну, где жесткие химические агенты могли ее нейтрализовать. Навязчивое гудение насосов раздавалось непрерывно, точно бэк-вокал запавшей клавиши на органе. Этот звук наполнял все помещения, и Илия просто не обращала на него внимания.

Человек, который знал, куда смотреть, и обладающий определенными навыками по выделению конкретных образов из хаоса красок и линий, мог разглядеть в камере криогенный саркофаг. Когда Вольева позволила ему «разогреться» — а попросту выстрелила флекеттой в систему контроля температуры — он начал с возрастающей скоростью пожирать пространство корабля, отрывая атом за атомом и смешивая их с собственными. Жара стояла как в печке. Вольева не собиралась дожидаться завершения трансформации, но уже тогда стало ясно: Капитан будет разрастаться, пока не уподобит себе весь корабль. Мрачная перспектива... впрочем, столь же приятная, как оставить корабль под контролем другого монстра — Похитителя Солнц. Вольевой оставалось надеяться, что Капитан преуспее в борьбе с разумом-паразитом, который оккупировал «Ностальгию по Бесконечности».

Удивительно, но она оказалась права. Вскоре Капитан подчинил себе весь корабль, деформируя его в соответствии со своей нездоровой фантазией. Это представляло собой уникальный случай проявления Комбинированной Эпидемии, который наглядно подтверждал догадку: знаменитая вспышка Комбинированной Эпидемии на Йеллоустоуне и заражение, охватившее корабль, были вызваны одним и тем же вирусом. Вольевой довелось видеть изображения Города Бездны после Эпидемии — гротескно перекрученные строения, похожие на дурной сон самого города. Порой казалось, что эти трансформации производились с какой-то целью — по крайней мере, с художественной. Но они не были порождением разума. Все разнообразие форм определялось основными принципами биодизайна. Однако с «Ностальгией по Бесконечности» происходило нечто

принципиально иное. Эпидемия поселилась в теле Капитана за много лет до того, как начала изменять его. Возможно, это привело к некоему подобию симбиоза. И когда под конец чума разбушевалась и начала поглощать корабль — может быть, ее трансформации в каком-то смысле отражали образы из подсознания Капитана?

Вольева подозревала, что это так, и надеялась, что ошибается. Тем не менее, во всех отношениях корабль превратился в нечто чудовищное. Когда Хоури прибыла с Ресургема, Вольева сделала все возможное, чтобы побольше узнать о трансформациях, но делала это скорее для собственного блага, чем ради подруги. Вид корабля буквально выбил Ану из колеи. Незадолго перед тем, как позволить Капитану нагреться, Триумвир получила возможность заглянуть в сознание Бреннигена и пришла к пониманию его преступлений. Сейчас это выглядело так, словно оно растянулось до невероятных размеров, так что по нему можно путешествовать. Капитан стал своим кораблем. Судно унаследовало преступления человека и стало монументом собственным злодеяниям.

Вольева разглядывала контуры того, что раньше было криогенным саркофагом. За последнее время он врос в одну из стен и начал выпускать серебристые отростки во всех направлениях. Они могли возвращаться обратно, в потрескавшуюся оболочку саркофага и в самого Капитана и прорастать в его центральную нервную систему. Теперь эти сенсорные щупальца пронизывали весь корабль, извивались, раздваиваясь и воссоединяясь, подобно гигантским аксонам. Вольева знала множество мест, где серебристые отростки сходились и образовывали что-то вроде ганглия ^[27] — вероятно, основные центры обработки данных, фантастически запутанные сплетения. От прежнего физического тела Капитана, скорее всего, не осталось и следа, но его разум — раздутый, призрачный, спутанный — обитал на корабле. В этом можно было не сомневаться. Вольева пока не выяснила, чем были эти узлы — независимыми мозговыми структурами или крошечными компонентами единого сознания размером с весь корабль. Но Джон Бренниген до сих пор существовал — и это было единственным, что она знала точно.

Когда попытка проникновения в Цербер привела к катастрофе, Вольева была уверена, что Хоури погибла, и ожидала, что «Ностальгия по Бесконечности» уничтожит и ее саму. По крайней мере, все шло к тому. «Отогрев» Капитана, Илия рассказала ему, что раскрыла его преступление, и дала все основания наказать ее.

Но Капитан не просто пощадил Вольеву — он спас ее. Он позволил ей вернуться на корабль, где все еще продолжал процесс самопоглощения и

трансформации. Капитан игнорировал все ее попытки завязать общение, но предоставил ей возможность выжить. На борту остались укромные места, которые изменились не до полной неузнаваемости, и Вольева нашла их вполне пригодными для обитания. Вскоре она начала исследовать другие палубы и обнаружила, что подобные обиталища возникают повсюду, куда бы она не переместилась. Значит Бреннигену — или тому, чем он стал — удавалось управлять звездолетом, зная о ее присутствии и жизненных потребностях. Позже Илия нашла Хоури, и ей тоже было позволено находиться на борту.

Это напоминало жизнь в полузаброшенном доме, где обитал одинокий, но необщительный призрак. Корабль предоставлял женщинам минимум необходимого и сохранял полный контроль над уцелевшими механизмами. Однако он не двигался, за исключением коротких внутрисистемных перелетов, и не давал доступа к орудиям, которые оставались в Тайнике.

Вольева не оставляла попыток разговаривать Капитана, но безуспешно. Она разговаривала с кораблем — ничего не происходило, посылала визуальные сообщения — на них не отвечали. Невзирая на это, Илия была уверена, что Капитан все ее видит и слышит. Он попросту впал в кататонический ступор [28], погрузившись в бездну раскаяния и самообвинения.

Корабль презирал себя.

Потом Хоури покинула «Ностальгию» и вернулась на Ресургом, чтобы внедриться в Дом Инквизиции и устроить на этой треклятой планетке гонки за призраком. Ни для нее, ни для Вольевой не составляло проблем проникнуть куда угодно — было бы желание.

Те несколько месяцев были тяжелым испытанием, даже для Илии Вольевой. Она была вынуждена прийти к выводу, что человеческое общество — вполне пристойная штука. Находиться в компании угрюмого, молчаливого, полное ненависти разума, не имея иной альтернативы... Через некоторое время Илия почувствовала себя на грани срыва.

И вдруг корабль начал отзываться. Поначалу она едва не проглядела эти попытки. Сотни дел, которые приходилось делать изо дня в день, не оставляли времени на то, чтобы остановиться и спокойно поразмышлять. Иначе она бы заметила эти неуклюжие жесты примирения. Толпы крыс... поломки насосов... постоянная борьба с Эпидемией в критически важных секторах — с помощью нано-агентов, огня, рефрижераторов, химии...

В один прекрасный день роботы-слуги стали вести себя как-то странно. Подобно крысам, которые сейчас одичали и вытворяли черт знает что, они когда-то составляли часть ремонтной и обслуживающей

инфраструктуры корабля. Роботы последних моделей были поглощены Эпидемией, но самые старые и примитивные машины уцелели. Они продолжали старательно выполнять свою работу, хотя, вероятно, смутно осознавали, что корабль изменился. От большей части этих старых жестянок не было никакого проку, и Вольева оставила их в покое. Очень возможно, им можно было найти применение, но такого очень давно не случалось.

И вот теперь роботы начали ей помогать.

Все началось с поломки насоса. Илия обнаружила остановку помпы где-то на нижних палубах корабля и спустилась туда, чтобы разобраться, что там стряслось. К своему удивлению, на месте аварии Илия обнаружила слугу, который поджидал ее с набором инструментов, более-менее пригодными для ремонта насоса.

Задача номер один состояла в том, чтобы починить помпу. Когда поток испражнений корабля пошел на убыль, Вольева присела и критически огляделась. Корабль выглядел точно так же, как когда Илия проснулась. Те же бесконечные трубы-переходы, по которым как будто ползали гигантские слизи. Та же полужидкая субстанция, которая сочится и капает из каждого отверстия. Тот же тяжелый от испарений воздух, и в качестве сопровождения каждой мысли — непрерывное гудение насосов, словно исполняющих грегорианский хорал... вот только запись заело.

И все же что-то изменилось.

Вольева сложила в контейнер инструменты, которые принес робот. Когда все было закончено, слуга проворно развернулся на своих гусеницах, покатил прочь и исчез за поворотом коридора.

— Думаю, ты меня слышишь, — громко сказала Вольева. — Слышишь и видишь. Тебе известно, что я здесь не для того, чтобы причинять тебе боль. Ты мог сто раз убить меня, Джон, если можешь управлять роботами — ведь ты ими управляешь, верно?

Ответа не последовало, но это ее не удивило.

— Ты, конечно, помнишь, кто я такая. Я тебя «отогрела». Я та, которая догадалась, что ты наделал. Возможно, ты считаешь все это наказанием за свои преступления. Ты не прав. Это не в моем стиле; садизм — это жуткая скукота. Если бы мне хотелось тебя наказать, я бы тебя просто убила... есть тысяча способов, которыми я могла бы это сделать. Меня это тоже не занимает. Просто я хочу, чтоб ты знал мое личное мнение насчет того, что ты достаточно намучился. Ведь ты мучился, правда?

Она смолкла, вслушиваясь в пение насосов и надеясь, что ни один из них не вознамерился в скором времени сломаться.

— Ладно... ты это заслужил. Ты заслужил ад за то, что сделал. Как я понимаю, ты там благополучно пребываешь. И только тебе известно, что это такое — жить так, как ты живешь все это время, так долго. И только ты знаешь, можно ли считать твое нынешнее состояние хоть чем-то, похожим на улучшение.

Пол завибрировал — как будто от отдаленного толчка. Любопытно, что случилось. Возможно, где-то на корабле началась очередная стадия откачки. Или Капитан комментировал ее замечание.

— Лучше так, как сейчас, правда? Должно быть лучше. Ты исчез и стал душой корабля, которым когда-то командовал. Чего еще может пожелать Капитан?

Ответа не последовало. Илия подождала несколько минут, надеясь ощутить новый один толчок или получить еще какой-нибудь сигнал. Ничего.

— Кстати, насчет робота, — сказала Илия. — Я благодарна тебе, спасибо. Ты мне помог.

Корабль снова ничего не ответил.

Однако с тех пор роботы помогали ей постоянно, чем только могли. Если о намерениях Вольевой можно было догадаться, машины мчались вперед, чтобы принести ей необходимые инструменты или оборудование. Если работа затягивалась, они доставляли еду и воду из ближайшего пункта снабжения. Однако когда Илия просто просила что-то сделать, ничего не происходило. Для этого она должна была рассказать о том, что ей нужно — так, будто разговаривала сама с собой, — и тогда корабль соглашался ей услужить. Это не всегда было возможно, но у Илии возникло впечатление, что звездолет старается изо всех сил.

Не исключено, что она ошиблась. Во всяком случае, над этим стоило подумать. Возможно, это был не Джон Бренниген, который преследовал ее, а какой-то другой разум заметно ниже уровнем. Возможно, он представлял собой что-то вроде коллективного разума слуг, и в нем были заложены те же шаблоны подчинения. Тогда, обращаясь к нему как к Бреннигену и разговаривая с ним вслух, она представляла себе этот разум более продвинутым, чем он был на самом деле.

Потом появились сигареты.

Илия никогда не просила сигарет, она даже не подозревала, что они могут быть припрятаны где-то на корабле. И вдруг... Вольева разглядывала их с любопытством и подозрением. Они выглядели так, словно изготовлены в одной из торговых колоний, которые «Ностальгия по Бесконечности» посещала десятки лет назад. Вряд ли корабль соорудил эти

сигареты из местного сырья — для этого они слишком хорошо пахли. Вольева выкурила одну до самого фильтра. Вкус был не менее восхитительным, чем запах. Потом еще одну. И эта тоже не вызвала разочарования.

— Где ты их нашел? — поинтересовалась Илия. — Где, во имя всего...

Она глубоко затаилась, впервые за много недель наполняя свои легкие чем-то, лишенным обычного корабельного запаха.

— Неважно. Мне не обязательно знать. Благодарю.

С тех пор она уже не сомневалась, что имеет дело с Бреннигеном. Только члены команды знали, какие сигареты Вольева предпочитает. Ни одна машина не могла до такого додуматься, сколь бы глубоко не были заложены программы служения. Похоже, корабль хотел с ней помириться.

С тех пор прогресс продолжался, но уже не столь резво. Время от времени корабль снова замыкался в себе, тогда роботы следовали его примеру и отказывались помогать. Первый раз это произошло после того, как она поговорила с Капитаном слишком свободно, пытаясь вызвать его на диалог с помощью психологических уловок. Вольева с сожалением признавала, что никогда не была сильна в психологии. Одной из ее самых серьезных ошибок стали эксперименты с артиллеристом Нагорным, в результате которых он свихнулся. Если бы этого не произошло, то не возникло бы необходимости вербовать Хоури, и все могло бы быть иначе...

Через какое-то время жизнь на борту снова приходила в относительную норму, и роботы снова начинали помогать Вольевой. После первого инцидента она стала внимательно следить за тем, что делала и говорила. По несколько недель со стороны Вольевой не возникало никаких явных попыток пообщаться. Потом она неизменно начинала снова — и снова медленно, но верно доводила дело до приступа кататонии. Но упорно проходила этот цикл снова и снова. Ее не покидало ощущение: после каждого провала следует еле заметный, но очень важный прогресс.

Последний провал случился через шесть недель после визита Хоури, состояние ступора длилось около восьми недель. С тех пор прошло еще десять недель мирных отношений, и сейчас Вольева снова была готова рискнуть.

— Капитан... послушай. Я неоднократно пыталась докричаться до тебя. Думаю, пару раз у меня даже получилось, и ты осознавал сказанное мной. Ты просто был не готов отвечать. Честное слово, я понимаю. Но сейчас мне нужно тебе кое-что объяснить. Насчет внешнего мира, насчет того, что происходит в системе.

Триумвир стояла в огромной сфере корабельного мостика и говорила

чуть громче, чем это необходимо для нормального общения. В принципе, Илия могла произносить свою речь в любом секторе корабля и не сомневаться, что ее услышат. Но здесь, в помещении, которое когда-то было командным центром звездолета, этот спич звучал не так абсурдно. К тому же акустика сферы придавала голосу приятную глубину. Вольева даже жестикулировала сигаретным окурком, словно выступала на сцене.

— Возможно, тебе уже все известно. Я знаю, у тебя есть синаптическая связь с внешними сенсорами и камерам наблюдения. Но я понятия не имею, как ты интерпретируешь эту информацию. В конце концов, ты с этим не родился. Наверное, это странно, даже для тебя — воспринимать Вселенную глазами и ушами здоровенной четырехкилометровой посуды. Но ты всегда чертовски хорошо умел приспособливаться. Полагаю, ты в конце концов привыкнешь.

Никакого ответа. Но непохоже, что корабль впал в ступор. Если верить контрольному браслету, работа слуг по всему кораблю продолжается в нормальном режиме.

— Но, по-моему, ты ничего не знаешь о тех машинах, про которые мы говорили с Хоури, когда были здесь последний раз — ты, наверно, слышал краем уха. Спрашиваешь, что за машины? Их сделали не люди, это точно. Мы не знаем, откуда они прибыли. И они уже здесь, в системе Дельта Павлина. Это все, что нам известно. Нам кажется, это Силвест... помнишь его? Должно быть, он по случайно вызвал их сюда, когда проник в артефакт Гадеса.

Конечно, он помнит Силвеста, если вообще может что-либо помнить из прошлой жизни. Они доставили Силвеста на борт, чтобы вылечить Капитана. Но Силвест сыграл на их потребностях, его интересовал только Гадес.

— Разумеется, — продолжала Вольева, — это только догадки, но они, недалеко от реальности. Хоури знает об этих машинах очень много, куда больше меня. Но она узнала о них таким способом, что ей будет непросто рассказать, что именно она знает. Во многом мы все еще блуждаем впотьмах.

Она рассказала Капитану о том, что происходило на данный момент, потом снова запустила запись на дисплейной сфере мостика. Она показала, как полчища Подавляющих начали переработку трех лун, добывая из их сердцевины нужные им элементы.

— Впечатляет, правда? Но пока они не делают ничего такого, чего не можем мы. И моему сердцу незачем уходить в пятки и там дрожать. Пока — нет. Что меня беспокоит, так это их следующий шаг.

«Горнодобывающие операции» прекратились две недели назад, совершенно неожиданно и беспричинно. Искусственные вулканы, установленные по экватору каждой из трех лун, разом перестали извергать породу. Остались лишь последние тонны измельченного материала, которые все еще кружились на орбите.

По подсчетам Вольевой, на тот момент по крайней мере половина массы каждого из спутников была выброшена в космос. Луны превратились в полупустые оболочки. Это было захватывающее зрелище — когда они сжались, как только работы завершились, и превратились в компактные оранжевые мячики из радиоактивного шлака. Некоторые машины отделились от поверхности, но многие, казалось, выработали свой ресурс и не подлежали восстановлению. Эта картина опустошения напугала Вольеву. Похоже, размеры затрат в первичном цикле обработки Подавляющих не волновали — цель оправдывала средства.

Однако миллионы более мелких машин все еще кружили около лун. Остатки колец обладали собственным тяготением. Машинам приходилось непрерывно «собирать» их, как отару овец, заставляя двигаться по ровным «дорожкам». Разнообразные устройства плавали среди них, поглощая и извергая материю. Вольева обнаружила мощные вспышки экзотического радиоактивного излучения в зонах их деятельности. Машины запустили какой-то жуткий алхимический процесс. Сырая руда, добытая из лун, превращалась в элементы и соединения, которые просто не существовали в природе.

Но еще до того, как «вулканы» прекратили выброс руды, начался новый процесс. Потоки материи покидали орбиту вокруг остатков малых планет. Крупицы переработанного материала образовывали длинные языки, которые вскоре достигли длины в несколько светосекунд. Очевидно, машины-«пастухи» придали им достаточное ускорение, чтобы преодолеть притяжение лун-прародителей. И теперь языки материи вытянулись вдоль гелиоцентрической орбиты, по мягкой параболе, лежащей в плоскости эклиптики, и продолжали растягиваться — уже до нескольких световых часов. Вольева экстраполировала все три параболы и обнаружила точку пространства, в которой они сойдутся.

Сейчас в этой точке ничего не было. Но в момент встречи потоков туда прибудет еще одно действующее лицо — самый крупный в системе газовый гигант. Вольева склонялась к мысли, что это совпадение не случайно.

— Вот что я думаю, — сказала она, обращаясь к Капитану. — То, что мы наблюдали — это добыча сырья. Сейчас его направляют туда, где

начнется настоящая работа. Они что-то творили на Рухе ^[29], что именно — я не знаю. Но можно не сомневаться — это часть их плана.

На проекционной сфере появилась сводка данных по газовому гиганту. В центре висела схема Руха в разрезе, похожая на половинку яблока, демонстрируя все слои и оболочки с соответствующими пояснениями — экскурс в неизведанные глубины, мир сверхъестественных химических процессов и запредельного давления. Газы, обладающие меньшей плотностью и температурой, окутывали океан чистого жидкого водорода. Еще ниже — при одной мысли об этом у Вольевой начиналась мигрень — находился еще один океан водорода, на этот раз сжатого до состояния металла. Илия слегка недолюбливала планеты как таковые, а газовые гиганты вообще считала оскорбительным намеком на ничтожный рост и хрупкость людей. В этом отношении они были немногим лучше звезд.

Но Рух ничем среди прочих планет этого класса не выделялся. Он обзавелся стандартным семейством лун, большинство которых были ледяными шарами, затянутыми его притяжением. Ионы, срываясь с поверхности его горячих спутников, окружили планету огромными тороидальными поясами плазмы, которые сохраняли идеальную форму благодаря могучей магнитосфере гиганта. Но крупных каменных лун у Руха не было — вероятно, именно поэтому машины проводили подготовительные работы в другом месте. Кроме того, Рух окружала система колец с некоторыми интересными резонансными структурами, наподобие велосипедных спиц и странных маленьких узелков. Так или иначе, ничего нового для себя Вольева не увидела.

Что нужно Подавляющим? Что начнется, когда потоки материи достигнут Руха?

— Ты понимаешь мои опасения, Капитан. Я уверена, что понимаешь. Что бы ни задумали эти машины, нам это не понравится. Это орудия уничтожения видов. Вопрос в том, сможем ли мы что-нибудь с этим сделать?

Вольева умолкла и закурила. Пока никаких предвестников кататонии не появилось, и это хороший знак. По крайней мере, Капитан готов обсуждать события, происходящие в мире. С другой стороны, она еще не касалась тем, которые обычно вгоняли его в ступор.

Ладно, это единственный шанс. Сейчас или никогда.

— Я думаю, мы можем кое-что сделать, Капитан. Пусть не уничтожить машины, но хотя бы вставить им в колеса большой гаечный ключ, — она покосилась на свой браслет и отметила, что пока на корабле не происходит ничего необычного. — Как ты понимаешь, речь идет о вооруженном ударе.

Не думаю, что можно использовать веские аргументы против силы, которая разрушила три наши планеты, даже разрешения не спросив.

Что-то произошло, подумала она. Дрожь прокатилась откуда-то из глубины корабля. Такое случалось и прежде и что-то означало — но что именно? Несомненно, разум, который управлял кораблем, избрал такой способ общения, но не обязательно то, на что рассчитывала Вольева. Скорее выражение недовольства — вроде ворчания собаки, которая не желает, чтобы ее беспокоили.

— Капитан... Я понимаю, это трудно. Клянусь тебе, понимаю. Но нам надо что-то делать, и чем скорее, тем лучше. Мы можем воспользоваться орудиями из Тайника — по-моему, это единственно возможный выбор. Осталось тридцать три, а если удастся вернуть те шесть, которыми я обстреляла Гадес — тридцать девять... Думаю, и тридцати трех будет достаточно, если использовать их быстро и точно.

Дрожь усилилась, затем стихла. Это начинает действовать на нервы, подумала Вольева. Но Капитан все еще слушал.

— Думаю, орудие, которое мы потеряли на краю системы, было самым мощным. Но те шесть, что пришлось сбросить, по разрушительной силе стояли на последнем месте — по крайней мере, по моим оценкам. Надо попробовать, Капитан. Рассказать, что я задумала? Взять на прицел три луны, из которых тянутся потоки материи. Девяносто процентов их массы до сих пор крутится на орбитах, но с каждой секундой все больше и больше перетекает к Руху. Почти все машины сконцентрированы вокруг этих лун. Если мы атакуем неожиданно, Подавляющие могут не выдержать. Но даже если кто-то уцелеет, мы сможем рассеять и заразить их запасы материи.

Илиа заговорила быстрее. План действий, который разворачивался в ее сознании, приводил ее в возбуждение.

— Машины смогут перегруппироваться, но им придется искать новые миры. Я даже думаю, что это не составит проблемы. Но мы сможем задать им жару. Мы используем другие орудия из Тайника и оставим от них мокрое место — повсюду, где сможем дотянуться. Мы можем отравить им колодцы, можем помешать им добывать сырье. Тогда им будет непросто довести до конца эту затею с газовым гигантом — если они вообще смогут что-то сделать. У нас есть шанс. Только одна загвоздка, Капитан. Тебе придется помочь.

Илиа снова посмотрела на браслет. По-прежнему ничего не происходило, и она позволила себе мысленный вздох облегчения. Сейчас на него больше не стоит давить. Она и так зашла дальше, чем ожидала, с

этими разговорами о том, как ей нужно его сотрудничество.

И тут ответ пришел. Издалека донесся нарастающий рев разъяренного ветра. Илия услышала его за километры коридоров.

— Капитан...

Но было уже поздно. Вихрь ворвался на мостик и сбил ее с ног. Окурок, вырванный из ее пальцев, закружился по замысловатой спирали в потоках смерча. Рядом летали крысы и целое облако какого-то хлама, поднятого из закоулков корабля.

Она поняла, что едва может говорить.

— Капитан ... я не имела в виду...

Но теперь стало почти невозможно даже дышать. Ветер потащил Вольеву по полу, ее руки вертелись как крылья мельницы. Рев стал невыносимым, словно боль, которую годы, десятки лет испытывал Джон Бренниген.

И вдруг буря прекратилась, и на мостике снова стало тихо. Все, что нужно для создания такого вихря — это открыть люк в одну из камер, где поддерживается глубокий вакуум. Скорее всего, во время этого шоу в космос не вырвалось ни грамма воздуха. Однако впечатление было как от пробойны в корпусе.

Вольева поднялась на ноги. Все кости были целы. Отряхнувшись, она достала сигарету. И курила ее, наверно, целых две минуты, пока не привела нервы в порядок.

Затем она снова заговорила — спокойно и негромко, как мать с ребенком, который только что прекратил истерику.

— Очень хорошо, Капитан. Ты весьма доходчиво высказал свою точку зрения. Ты не хочешь говорить насчет орудий Тайника. Отлично. Это твое право, и не могу сказать, что ужасно удивлена. Но пойми: то, что здесь творится — не просто маленькая проблема местного масштаба. Подавляющие прибыли не просто в систему Дельты Павлина. Они прибыли в Населенный космос. Это только начало. Они не остановятся здесь, нет... даже после того, как уничтожат жизнь на Ресургеме во второй раз за миллион лет. Здесь у них просто разминка. Затем то же самое повторится где-нибудь еще. Возможно, на Окраине Неба. Возможно, это будет Шива-Парвати. Возможно, Гранд-Тетон, Спиндрифт, Заструга... возможно, даже Первая Система. Это совершенно не важно — рано или поздно они доберутся до всех и каждого. За несколько десятков лет или сотен лет. Не имеет значения. Это конец всему, Капитан. Это конец человеческого присутствия в мире, окончательное уничтожение человечества как разума, а значит — конец времен. Нас просто сотрут. Это

я тебе гарантирую. Подавляющие могут уничтожить Ресургом ко всем чертям — одним ударом, адски жестоким и точным. И даже колебаться не будут. Но знаешь что? Мы не будем просто болтаться рядом и наблюдать, когда эта задница случится. Мне плевать на это, и в большей степени, чем ты можешь себе представить.

Вольева затянулась. Крысы уползли обратно в темноту коридоров и в щели, корабль снова чувствовал себя почти нормально. Похоже, он простил ее, хотя она явно перегибала палку.

— Пока машины не удостоили нас вниманием. Пока. Но мне кажется, это временно. А знаешь, почему они до сих пор на нас не напали? Они нас в упор не видят. Их сенсоры рассчитаны на сигналы от более крупных проявлений жизни, чем один-единственный звездолет. А может быть, мы — слишком мелкая цель на фоне их планов. Как тебе такая теория? Подозреваю, Капитан, что именно так они и думают. Они оперируют более крупными масштабами — и пространства, и времени — чем мы привыкли. Зачем утруждать себя убийством одной мухи, когда собираешься уничтожить мух как вид? И если мы хотим что-нибудь сделать, нам надо хотя бы попробовать рассуждать, как они. Нам нужны орудия из Тайника, Капитан.

Сферическая камера содрогнулась, дисплей и лампы начали тускнеть. Вольева посмотрела на браслет и почти не удивилась: корабль снова входил в кататонический ступор. На всех палубах роботы-слуги замирали, как статуи, оставляя работу недоделанной. Замерли даже несколько насосов; Вольева услышала, что вой стал звучать чуть иначе — ряд голосов выпал из хора. Скоро лабиринты коридоров погрузятся в темноту. Нет гарантии, что транспортеры будут работать. Жизнь снова осложнится, и в течение нескольких дней — а может быть, и недель — превратится в банальное выживание.

— Капитан... — произнесла она мягко, сомневаясь, что ее слышат. — Капитан, ты должен понять: я не собираюсь уходить. И Подавляющие тоже.

Одна, в темноте, Вольева докурила то, что осталось от сигареты, вытащила горелку, зажгла ее и покинула мостик.

Триумвир была занята. Ее ждала работа.

Ремонтуа стоял на липкой мембране, которая покрывала комету Скейд, и махал подлетающему кораблю.

Звездолет приближался медленно, поворачиваясь к темной поверхности с явной опаской. Это был маленький корабль, чуть больше корвета, на котором прибыли Ремонтуа и Скейд. Из корпуса уже вылезли

сферы оружейных башен, и их лазерные прицелы рыскали в пространстве. Красный луч блеснул, отразившись от скафандра Ремонтуа, и заскользил дальше, чертя на поверхности мембраны причудливые контуры в поисках мин-ловушек.

— Вы сказали, что вас двое, — задрезжал в шлеме Ремонтуа голос капитана. — Я вижу только одного.

— Скейд ранена, она внутри кометы, под присмотром Производителя Работ. Почему ты говоришь со мной вслух?

— Может быть, это ловушка.

— Я Ремонтуа. Ты не узнал меня?

— Подожди... Повернись чуть-чуть влево, чтобы щиток шлема не отсвечивал.

Прошло несколько секунд. На корабле не спеша, пристально разглядывали лицо Ремонтуа. Потом корвет опустился чуть ниже и выбросил якоря, которые надежно вошли в тело кометы — там, где свернулись три порванных троса. Ремонтуа почувствовал толчки через мембрану, усилившую свое взаимодействие с его подошвами.

Он попытался организовать неврологическую связь с пилотом.

«Теперь ты понял, что я Ремонтуа?»

Возле носовой части судна открылся люк. Оттуда вышел Объединившийся, в полностью бронированном военном скафандре. Громоздкая фигура проплыла метра два, не касаясь поверхности кометы, и только потом приземлилась. Оружие в его руках смотрело точно на Ремонтуа. Корабельные орудия — тоже. Ремонтуа чувствовал пристальные взгляды их широких дул, и это чувство подсказывало ему: одно неосторожное движение — и корабль откроет огонь.

Объединившийся установил связь сознаний, лишь когда подошел почти вплотную.

(Что ты здесь делаешь? Кто такой Производитель Работ?)

«Боюсь, это касается только Закрытого Совета. Все, что я могу тебе сказать — мы со Скейд здесь, и это касается безопасности всех Объединившихся. Эта комета одна из наших, если вы еще не поняли».

(В вашем сигнале бедствия говорилось, что сюда прибыло трое. Где корабль, на котором вы прилетели?)

«Это довольно сложная история».

Ремонтуа попытался проникнуть в сознание Объединившегося — передать воспоминания было бы намного проще — но нейронная блокада Присоединенного оказалась надежной.

(Просто расскажи.)

«Мы прилетели с Клавейном. Он угнал корвет».

(Зачем?)

«Не могу сказать. Мне придется рассказать, что представляет собой эта комета».

(Попробую догадаться. Это касается Закрытого Совета.)

«Ты понимаешь, на что это похоже».

(Куда он направил корвет?)

Ремонтуа улыбнулся. Продолжать игру в кошки-мышки нет смысла.

«Вероятно, внутрь системы. Куда же еще? Он не собирается возвращаться в Материнское Гнездо».

(Как давно это произошло?)

«Более тридцати часов назад».

(Ему потребуется меньше трехсот, чтобы достигнуть Йеллоустоуна. Тебе не пришло в голову предупредить нас раньше?)

«Я сделал все, что мог. У нас чрезвычайная ситуация... ранение с угрозой для жизни. К тому же, я долго уговаривал Производителя Работ, чтобы он позволил послать сигнал в Материнское Гнездо».

(Чрезвычайная ситуация?)

Ремонтуа махнул рукой назад, на небольшую впадину рядом с деформированным и вспученным участком поверхности — вход в комету, где их встретил Производитель Работ.

«Я уже сказал, что Скейд ранена. Думаю, ее надо как можно скорее доставить в Материнское Гнездо».

Ремонтуа пошел вперед, указывая дорогу. Корабельные орудия по-прежнему целились в него, готовые в любой момент оставить на его месте миниатюрный кратер.

(Скейд еще жива?)

Ремонтуа покачал головой.

«Нет. В данный момент — нет».

Глава 12

Клавейн выходил из искусственного сна, пробираясь через образы разрушенных зданий и песчаных бурь. Это был смутный момент, похожий на подгонку системы — когда заново соотносишь себя с окружающей обстановкой, а недавние воспоминания возвращаются на то место, где должны находиться. Клавейн вызвал в памяти сессию Закрытого Совета и полет на комету Скейд, затем встречу с Производителем Работ и то, как узнал о секретном флоте, явно предназначенном для эвакуации. И наконец вспомнил, как угнал корабль и направил его внутрь системы на полной скорости.

Он все еще находился на борту корвета, в кресле первого пилота. Пальцы прошли по панели тактильного контроля, вызывая дисплеи. Экраны возникли вокруг, открываясь и зажигаясь подобно цветкам подсолнуха. Клавейн не настолько доверял кораблю, чтобы общаться с ним через имплантанты, так как Скейд могла установить блокирующие программы в систему управления. Пока на это не похоже, звездолет подчинялся беспрекословно, но незачем рисковать понапрасну.

Экраны-подсолнухи запестрели колонками показателями состояния и схематическими изображениями многочисленных корабельных подсистем, которые сменялись с безумной быстротой. Клавейну оставалось лишь наращивать скорость собственного восприятия, пока каскады образов не начали двигаться спокойнее — настолько, что символы стали легко опознаваться. Здесь были текущие технические показатели и отчеты о повреждениях, полученных во время старта — в общем, ничего угрожающего. На других отражались результаты анализа тактической ситуации в огромном объеме космического пространства. Клавейн изучал пиктограммы и комментарии, определяя местоположение кораблей Объединившихся и Демархистов, беспилотных аппаратов, блуждающих мин и крупных объектов в непосредственной близости от корвета. На расстоянии трех светочасов шло крупное сражение, но больше ничего не обнаружилось. Материнское Гнездо тоже не проявило никакой активности. Это не означало, что его действия не вызвали никакой реакции. Данные, которыми располагал Клавейн, были получены с пассивных датчиков и в ходе прослушивания коммуникационных сетей системы. Использовать активные сенсоры было рискованно: это означало открыть местонахождение корвета любому, кому взбрдет в голову посмотреть в

нужном направлении. Но пока все обошлось.

Клавейн улыбнулся, пожал плечами и сразу же вспомнил о сломанном ребре. Боль притупилась, так как перед сном он озаботился надеть «кирасу». «Кираса» создавала в местах повреждения слабые магнитные токи, ускоряя сращивание костных тканей. Но дискомфорт все еще ощущался, и это доказывало, что побег не был плодом воображения. Кроме того, на тыльной стороне ладони красовался пластырь в виде заплаты — лезвие пьезо-ножа лишь чудом не задело кость. Но эта рана была обработана и почти не болела.

Итак, он это сделал. Был момент, когда Клавейн, заново знакомясь с реальностью, заполняя туманную пустоту в голове, осмелился сделать одно предположение — что воспоминания недавних событий возникли только из серии беспокойных снов. От таких страдает каждый солдат, у которого сохранились хотя бы следы совести; каждый, кому довелось пережить достаточно войн и получить достаточно богатый опыт, чтобы знать: действия, которые кажутся правильными, со временем могут оказаться по сути своей ошибочными. Но он прошел через это, когда предал своих. Этот поступок был именно предательством, и чистота помыслов не имела значения. Скейд и Ремонтуа доверили ему важнейшие тайны, а он обманул их доверие.

На самом деле, Клавейну было некогда оценивать свое предательство по шкале дальновидности — разве что весьма поверхностно. Он увидел флот и понял его предназначение — и знал, что с этой секунды есть только одна возможность сбежать. Угнать корвет, причем именно в тот момент времени, когда это было сделано. Стоило протянуть, допустим, до возвращения в Материнское Гнездо — и Скейд, несомненно, обнаружила бы его намерения. Она уже что-то подозревала, но ей требовалось время, чтобы пробраться сквозь нетривиальную архитектуру его сознания с архаичными имплантатами и полузабытыми протоколами неврологического интерфейса. Скейд не должна была получить это время.

Он сделал это — хотя знал, что, возможно, больше никогда не увидит Фелку. Он не мог рассчитывать, что сохранит свободу — или хотя бы жизнь — после того, как началась следующая, самая трудная фаза побега. Если бы они успели увидеться напоследок! Нет, он даже не надеялся, что уговорит Фелку бежать вместе. А если бы и уговорил — как это осуществить? Но он позволил бы ей узнать о своих намерениях, не сомневаясь, что это останется тайной. И еще Клавейн знал, что она бы поняла, даже не согласившись, и не попыталась отговорить. И, может быть, ответила бы на вопрос, который у него так и не хватило смелости ей задать; вопрос,

который возвращал во времена Гнезда Галианы и боев на Марсе — в то время, когда они впервые встретились. Может ли она быть его дочерью — вот что Клавейн хотел спросить. И знал, что она в состоянии ответить.

Теперь ему придется жить, так и не узнав правды, с мыслью о том, на что так и не осмелился. Честно говоря, за все прошедшие годы Клавейн не предпринял ни одной попытки. Но теперь ему предстоит навсегда стать изгнанником, и невозможность когда-либо узнать правду давила на него, как мрачный холодный камень.

Пожалуй, лучше научиться с этим жить.

Ему и раньше случалось изменять своим принципам. И все равно выживал — и физически, и эмоционально. Конечно, он состарился, но не настолько одряхлел, чтобы оказаться не в состоянии проделать это снова. Обычная уловка — сосредоточиться на непреложных фактах: он еще жив и отделался минимальными ранениями. Возможно, ракеты уже летят следом за корветом... Нет, их не запустили — с момента побега прошло слишком много времени. Разве что корвет уже засекали пассивные сенсоры. Не исключено, что Ремонтуа задержал погоню, чтобы обеспечить ему фору. Не слишком большую, но он, по крайней мере, не расплывается по космосу облачком ионизированного газа. Клавейн удостоил эту мысль вялой улыбкой. Его все еще могут убить, но это хотя бы произойдет вдали от дома.

Клавейн поскреб бороду, чувствуя, как мускулы преодолевают перегрузку. Силовые установки корвета все еще работали на полной мощности. Трехкратное ускорение было неумолимым, как скалы, и ровным, как притяжение звезды. Каждую секунду корабль уничтожал крупинку антивещества величиной с бактерию, но на круглых ядрах реактивных масс и металлического водорода появились лишь незаметные царапины. Значит, корвет в состоянии добраться в любую точку системы максимум за десять дней. Можно даже увеличить скорость, но это приведет к перегрузке двигателей. Это был непреложный факт.

Еще один факт состоял в том, что у Клавейна был некий замысел.

Корвет оснащен новейшими толкающими двигателями-аннигиляторами. Демархисты не могут даже мечтать о чем-то подобном. Да, этим движкам было далеко до настоящих Двигателей Конджойнеров. Они бы не смогли разгонять миллионотонные звездолеты до субсветовой скорости, однако обладали одним значительным тактическим преимуществом: судно с таким двигателем невозможно обнаружить по излучению нейтрино. После того, как Клавейн отключил все обычные преобразователи, маленькое судно мог выдать только раскаленный язык

релятивистских частиц, который вырывался из сопел. Но этот «хвост» — узкий, как клинок рапиры, — почти не рассеивается, а потому заметить его можно лишь в узком конусе и на небольшом расстоянии от кормы. Расширяясь, выброс одновременно слабеет, подобно пламени свечи. Лишь наблюдатель, который оказался очень близко к оси эмиссии, способен зафиксировать достаточное количество протонов, чтобы точно определить местоположение корвета. Стоит конусу отклониться на несколько градусов, и луч снова станет слишком рассеянным, чтоб выдать его.

Но отклонение луча означает изменение курса. Материнское Гнездо не ожидает, что он будет менять курс. Тем более — после того, как выйдет на минимальную временную траекторию к Эпсилону Эридана, а затем и к Йеллоустоуну, который движется по своей тесной, жаркой орбите вокруг этой звезды. На это потребуется не больше двенадцати дней. А куда ему деваться? Корвет не сможет достичь другой системы, он вряд ли дотянет даже до кометного ореола. Остальной мир Эпсилон Эридана, за исключением Йеллоустоуна, до сих пор под находится под номинальным контролем Демархистов. Контроль носит весьма условный характер, но эти параноики обстреляют корвет, даже если Клавейн заявит, что намерен предложить им секретную тактическую информацию. Клавейн все это знал. И еще до того, как воткнуть пьезо-нож в свою перчатку, разработал план — возможно, не самый элегантный в его карьере и вряд ли гарантирующий успех, но можно ли было придумать лучшее за несколько минут? Сейчас Клавейн пересмотрел эту идею, и ничего другого в голову не пришло.

Все, что ему требовалось — это немного веры.

«Я хочу знать, что со мной произошло».

Медики посмотрели на нее, затем переглянулись. Она почти почувствовала постоянный гул их мыслей — они потрескивали в воздухе, словно электрические разряды в ионизированном воздухе во время грозы.

Первый хирург излучал спокойствие и уверенность.

(Скейд...)

«Повторяю, я хочу знать, что со мной случилось».

(Ты жива. Ты перенесла ранение, но смогла выжить. Необходимо...)

Спокойствие хирурга дрогнуло.

«Необходимо что?»

(Необходимо определенное лечение. Но все можно восстановить.)

По какой-то причине она не могла видеть их сознания. Для большинства Объединившихся проснуться с ощущением такой изоляции

означало бы испытать глубокое потрясение. Но Скейд была способна такое пережить. Она переносила свое состояние стоически, напоминая себе, что переживала подобную изоляцию во время каждого заседания Закрытого Совета. Они заканчивались, и это тоже закончится. Дело только во времени, пока...

«Что-то с моими имплантантами?»

(С ними все в порядке.)

Она знала, что хирурга зовут Дельмар.

«Тогда почему меня изолировали?»

Еще не послав вопрос, Скейд догадалась, каков будет. Потому что они не хотят, чтобы она увидела себя глазами врачей. И потому что они не хотят открыть ей всю правду о том, что произошло.

(Скейд...)

«Неважно... я знаю. Зачем вы меня разбудили?»

(Кое-кто хочет с тобой поговорить.)

Головой двигать было невозможно — только глазами. Сквозь дымку бокового зрения Скейд увидела, как Ремонтуа приближается к кровати — или столу, или хирургической кушетке — на котором она лежит. На Ремонтуа был медицинский халат — белый, как электрическая искра, заставляющий белизну палаты казаться тусклой. Голова гостя — странным образом разъединенная сфера — клонился в ее сторону. Роботы-медики с изогнутыми шеями лебедей расступались, пропуская его вперед. Хирург скрестил руки на груди, его взгляд выражал сильное неодобрение. Остальные врачи вежливо удалились, оставив их троих в палате.

Скейд посмотрела на свои ноги, но не увидела ничего, кроме расплывчатой белизны, что вполне могло быть иллюзией. Раздавалось слабое жужжание, но в палате это было вполне уместно.

Ремонтуа присел рядом с ней.

(Как много ты помнишь?)

«Скажи, что произошло, а я тебе скажу, сколько помню, хорошо?»

Он оглянулся на хирурга, позволив Скейд слышать мысли, которые посылал ему.

(Боюсь, вам придется нас покинуть. И вашим машинам тоже: я уверен, у них есть записывающие устройства.)

(Мы оставим вас наедине ровно на пять минут. Этого будет достаточно?)

(Я должен улечься, не так ли?)

Ремонтуа кивнул головой и улыбнулся, наблюдая, как Дельмар выпроваживает роботов из палаты. Их лебединые шеи элегантно

изгибались, чтобы не задеть дверной проем.

(Прошу прощения...)

(Пять минут, Ремонтуа.)

Скейд снова попыталась пошевелить головой, но безрезультатно.

«Подвинься ближе. Я тебя плохо вижу. Они не покажут мне, что произошло».

(Помнишь комету? Клавейн был с нами. Ты показывала ему корабли, которые там спрятаны.)

«Я помню».

(Он угнал корвет, прежде чем мы успели подняться на борт. Шаттл еще стоял на якорях.)

Скейд помнила, что брала Клавейна на комету, но остальное пока ускользало.

«И он улетел?»

(Да, но об этом позже. Проблема в том, что произошло во время его побега. Клавейн запустил двигатели, и корвет разорвал якорные тросы. Они хлестнули по поверхности кометы. К сожалению, один из них тебя зацепил.)

По этому поводу было трудно что-то сказать, хотя с самого момента пробуждения она знала: произошло что-то серьезное.

«Зацепил меня?»

(Тебя ранило, Скейд. Очень тяжело. Если бы ты не была Объединившейся, и имплантанты не помогли бы твоему телу справиться с шоком, то очень вероятно, все закончилось бы летальным исходом. Несмотря на все защитные системы скафандра.)

«Покажи мне, черт подери».

(Я бы показал, но в палате нет ни одного зеркала. А неврологическую блокаду Дельмара мне не пробить.)

«Тогда опиши. Опиши это, Ремонтуа!»

(Я пришел не за этим, Скейд... Очень скоро Дельмар вернет тебя в состояние восстановительной комы, и когда ты проснешься в следующий раз, то будешь уже здорова. Мне нужно спросить насчет Клавейна.)

Скейд ненадолго отпихнула свое неумное любопытство в дальний угол.

«Полагаю, он мертв?»

(На самом деле, его никто не пытался остановить.)

Скейд разозлилась. Любопытство снова высунуло нос, но ситуация с Клавейном интересовала ее не меньше, чем собственное состояние. А разве эти вопросы не были взаимосвязаны? Скейд еще не вполне поняла, что

случилось с ее телом, но достаточно того, что это сделал Клавейн. Может быть, непреднамеренно, но это не имеет значения.

Предатель не может совершить непреднамеренный поступок.

«Где он?»

(Это интересный вопрос. И ответа, по-моему, никто не знает. Мы зафиксировали выброс его двигателей. Клавейн направляется в сторону Эпсилон Эридана. Значит, или на Йеллоустоун, или к Ржавому Поясу.)

«Демархисты его в клочья разорвут».

Ремонтуа кивнул.

(И в первую очередь потому, что это Клавейн. Но сейчас непохоже, что он собрался именно туда — по крайней мере, непосредственно туда. Его корвет двигался по направлению к звезде, потом отклонился от траектории. Насколько — неизвестно, мы больше не улавливаем излучение двигателей.)

«По всему кометному кольцу разбросаны оптические мониторы. Рано или поздно Клавейн должен пересечь луч обзора».

(Проблема в том, что Клавейн знает позиции мониторов. Он без труда проведет корвет так, что ни один луч его не зацепит. Клавейн — один из нас, и об этом следует постоянно помнить.)

«Ракеты запущены?»

(Конечно. Но они не смогли подойти достаточно близко, чтобы поймать цель. И у них было слишком мало топлива, чтобы притащить Клавейна в Материнское Гнездо. Так что нам пришлось их взорвать.)

Скейд почувствовала, как по подбородку стекает капля слюны.

«Мы должны остановить его. Усвой это, Ремонтуа».

(Даже если снова мы снова поймем излучение, корвет давно вышел из зоны действия ракет. Мы не догоним его даже на корабле.)

Скейд притушила ярость.

«У нас есть прототип».

(«Ночная Тень»? Она не успеет разогнаться. Ее строили не для внутрисистемных перелетов.)

В течение нескольких секунд Скейд молчала. До какой степени она может открыться? В конце концов, это дело Внутреннего Кабинета, и даже по стандартам Закрытого Совета может считаться сверхсекретным.

«Так и есть, Ремонтуа».

Дверь открылась. Первым вошел робот, сделав головой ныряющее движение; за ним появился Дельмар. Ремонтуа поднялся и повернулся к хирургу и сделал жест, словно на дюйм отодвигал ладонями невидимую стенку.

(Нам нужна еще одна минута...)

Дельмар остановился у двери и снова скрестил руки на груди.

(Боюсь, мне придется остаться здесь.)

Ремонтуа вернулся к Скейд и склонился над ней. Теперь их лица разделяло лишь чуть больше сантиметра, что позволяло установить непосредственный контакт между сознаниями, в обход усилительных систем палаты.

«Это возможно. Потолок скорости у “Ночной Тени” выше, чем ты можешь представить».

(Насколько, Скейд?)

«Намного, вот увидишь. Все, что тебе надо знать: „Ночная тень“ в состоянии подойти к корвету так близко, что поймает его след. Достаточно близко, чтобы использовать ракеты. И мне нужно, чтобы ты был в составе экипажа. Ты солдат, Ремонтуа. Ты разбираешься в орудиях лучше, чем я».

(Может быть, мы придумаем, как взять Клавейна живым?)

«Мы с этим чуть-чуть опоздали, тебе не кажется?»

Ремонтуа ничего не ответил, но Скейд знала, что смогла доказать свою правоту. Он все понял и скоро примет ее точку зрения. Этот человек — Объединившийся до мозга костей. Он примет необходимость любой акции, даже самой жестокой — если это послужит на благо Материнскому Гнезду. В этом состояла разница между ним и Клавейном.

(Скейд...)

«Да?»

(Если я приму твое предложение...)

«У тебя есть какое-то условие?»

(Не условие, а просьба. Пусть Фелке позволят присоединиться к нам.)

Скейд прищурилась. Несомненно, у Фелки были какие-то основания участвовать в акции. С каким удовольствием она отклонила бы эту «просьбу»! Сведения об операции не должны выходить за пределы Закрытого Совета... но Фелку из Совета не исключали.

«И какая польза от ее присутствия?»

(Это зависит... Если ты хочешь просто расстрелять Клавейна, то никакая. Но если у тебя есть хоть малейшее намерение взять его живым — я на это очень надеюсь. — то Фелка будет просто незаменима. Ты не можешь этого отрицать.)

Скейд знала, что он прав, однако признать это было больно. Ценность Клавейна в операции по возвращению орудий была неизмерима. С его побегом задача значительно усложнится. На этом уровне Скейд привлекала идея вернуть беглеца, чтобы припереть его к стенке и воспользоваться опытом его нелегких побед, которым он пропитан до мозга костей. Но куда

проще взорвать его вместе с кораблем — иначе остается вероятность, что Клавейн переметнется на сторону противника. И Демархисты весьма порадуются, когда услышат о новой кораблестроительной программе, о планах по эвакуации и об орудиях класса «ад».

Не факт, что эти новости воскресят в противнике боевой дух, но это более чем вероятно. Тогда Демархисты объединятся с теми, кто до сих пор оставался в стороне — включая Ультра и другие нейтральные фракции. Если все они сплотятся и обрушат на Материнское Гнездо последний отчаянный удар, все будет кончено.

Нет. Необходимо уничтожить Клавейна. Решение окончательное и не подлежит обсуждению. Тем не менее, нужно сделать вид, что она действует непредвзято, как и в любой другой военной операции. Значит, с присутствием Фелки придется смириться.

«Это шантаж, не так ли?»

(Не шантаж, Скейд. Просто предложение. Если Клавейн и согласится выслушать кого-то из нас, так это Фелку.)

«Он не станет ее слушать, если только...»

(Если только не думает, что она его дочь? Ты это собиралась сказать?)

«Клавейн — старый человек, Ремонтуа. Со своими старческими задвигами. И за них я ответственности не несу».

... Роботы снова расступились, пропуская его. Скейд смотрела, как расплывчатый яйцеобразный предмет — его голова — проплывает через палату, как воздушный шар. В какие-то моменты разговора выяснялось, что в неврологической блокаде, поставленной Дельмаром, по вполне понятному недосмотру остались бреши. И в этих окошках, открытых в сознание Ремонтуа, вспышками стробоскопа мелькали застывшие образы. Она не была уверена, что способна даже на такое. Возможно, это всего лишь игра ее воображения, и никаких окошек нет.

Но вторжение в сознание Ремонтуа — плод фантазии... Тогда и то ужасное, что с ней произошло — тоже. Тот кошмар, который увидел Ремонтуа.

«Дельмар... я действительно хотела бы знать правду.»

(Позже. После того, как ты поправишься. А пока тебе лучше вернуться в состояние комы.)

«Покажи сейчас же, ублюдок!»

Хирург подошел ближе. Один из роботов возвышался над ним, заглядывая через плечо, хромированные детали блестели, как набор маленьких кривых зеркал. Казалось, что машина укоризненно покачивает головой.

(Хорошо. Только потом не говори, что тебя не предупреждали.)

Блоки раскрывались в ее черепе, как тяжелые металлические ставни. Щелк, щелк, щелк... Барьер исчез. Теперь Скейд видела себя глазами Дельмара.

Предмет, лежащий на хирургической кушетке, при желании можно было узнать. Голова осталась цела. Но все остальное выглядело неправильно, хотя и сохранило общие очертания. Скейд почувствовала внезапный приступ отвращения. Казалось, она смотрит на потускневшую фотографию из медицинского архива доиндустриальной эпохи, где собраны всякие медицинские ужасы. И очень хотела перевернуть страницу и увидеть что угодно, только другое.

Ее разрезало пополам.

Трос рассек ее от левого плеча до правого бедра, точно по диагонали, отхватив ноги и левую руку. Края разреза стягивали механизмы, похожие на черепашек — глянцевые белые гудящие наросты, напичканные медицинской аппаратурой; они напоминали волдыри, наполненные гноем. Казалось, Скейд вылезала из белого металлического кокона, как огромное насекомое или погружалась в него, чтобы трансформироваться во что-то фантазмагорическое.

«Дельмар...»

(Сожалею, Скейд, но я предупреждал.)

«Ты не понял. Это... состояние... дело не в нем. Мы Объединившиеся, не так ли? Нет ничего такого, что мы не могли бы постепенно восстановить. Даже меня».

Она почувствовала, как Дельмар расслабился.

(Постепенно, да...)

«Так вот, “постепенно” меня не устраивает. Через несколько дней я должна быть на плаву».

Глава 13

Овода доставили в кабинет Инквизитора. Огромные двери щелкнули и распахнулись. Вот она, стоит перед окном, спиной к вошедшим. Арестант разглядывал женщину сквозь щелки заплывших глаз — он никогда прежде ее не видел. Инквизитор выглядела меньше ростом и моложе, чем он ожидал, и походила на девочку во взрослой одежде. Ботинки начищены до зеркального блеска; темные брюки; однобортный кожаный китель как будто великоват, так что руки в перчатках почти не высовываются из рукавов. Полы кителя почти достигали колен. Угольно-черные волосы аккуратно зачесаны назад, образуя блестящие дорожки, которые выгибались на загривке, точно перевернутые вопросительные знаки. Потом она обернулась почти в профиль. Лицо Инквизитора было на тон смуглее, чем у Овода, тонкий нос с горбинкой нависал над маленьким, плотно сжатым ртом.

Наконец она повернулась и произнесла, обращаясь к охраннику у двери:

— Можете нас оставить.

— Но, мадам...

— Я сказала, можете идти.

Охранник удалился. Овод мог стоять самостоятельно, только слегка пошатывался. Фигура Инквизитора то расплывалась перед глазами, то становилась четкой. Вуалюмье смотрела на него — долго, бесконечно долго, прежде чем заговорила. Овод сразу узнал голос, который слышал из громкоговорителя за решеткой.

— С вами все в порядке? Я сожалею, что вам причинили боль.

— А я-то как сожалею!

— Мне просто хотелось поговорить с вами.

— В таком случае, вам стоит лучше присматривать за гостями, — при каждом слове он чувствовал во рту кровь. — А то, неровен час, с ними что случится...

— Не соизволите пройти со мной? — Вуалюмье жестом указала в другой конец офиса — там находилось нечто вроде ее личного кабинета. — Нам кое-что надо обсудить.

— Спасибо, мне и здесь хорошо.

— Это не было приглашением, Овод. Меня совершенно не волнует где вам хорошо, а где нет.

Интересно, прочла ли она его реакцию — короткое расширение зрачков, которое можно считать признанием. Впрочем, у них мог быть лазер, который сейчас смотрел ему в основание черепа и измерял химический состав пота. В таком случае, она могла догадаться, что арестованный думал по поводу ее заявления. А может быть, у них где-то есть даже трал. Краем уха Овод слышал, что в Доме Инквизиции находится по крайней мере один, времен первых поселенцев, который бережно сохраняется.

— Я не знаю, за кого вы меня принимаете.

— О... вы все прекрасно знаете. Так зачем играть в игры? Идемте.

Оставалось лишь следовать за ней. Во второй комнате не было окон, а по габаритам она была еще меньше приемной. Овод торопливо огляделся в поисках вентиляционных решеток, за которыми обычно скрывалась какая-нибудь гадость, вроде скрытых ниш — как это было в камере для допросов. Однако комната выглядела вполне невинно. Вдоль трех стены тянулись стеллажи с бумагами и папками, на четвертой висела карта Ресургема, усеянная значками и огоньками. Инквизитор предложила арестованному кресло у большого стола, который занимал добрую половину комнаты. С противоположной стороны, со скучающим видом опираясь локтями о край столешницы, сидела другая женщина. Она выглядела немного старше Инквизитора, но такая же худощавая, в тяжелом пальто, коричневом с нежно-оливковым оттенком. Воротник и манжеты были отделаны овчиной, а завершала наряд кепка, надвинутая на глаза. В обеих женщинах было что-то неуловимо птичье. Хрупкие, но быстрые и цепкие птички. Та, что сидела за столом, курила.

Задержанный уселся в кресло, на которое указала Инквизитор.

— Кофе?

— Нет, спасибо.

— Тогда сигарету, — предложила другая женщина, протягивая ему пачку.

— Тоже не хочу.

Однако Овод взял упаковку и повертел ее в руках, разглядывая маркировку и надписи. Изготовлена явно не в Кювье. И похоже, что вообще не на Ресургеме — судя по внешнему виду. Он вернул сигареты женщине в кепке.

— Я могу идти?

— Нет. Мы даже еще не начали, — Инквизитор опустилась в свое кресло, рядом с женщиной в кепке, и налила себе кружку кофе. — Думаю, для начала надо познакомиться. Вы знаете, кто вы такой, и мы знаем, кто

вы такой, но вам вряд ли что-то известно о нас. Конечно, вы догадываетесь, кто я... но, вероятно не очень точно. Можете называть меня Вуалюмье. А это моя коллега...

— Ирина. — представилась та.

— Ирина... да. А вы, соответственно, Овод. Человек, который в прошлом натворил много бед.

— Я не Овод. Правительство понятия не имеет, кто такой этот Овод.

— Интересно, откуда вы знаете?

— Я читаю газеты, как и все остальные.

— Вы правы. Департамент Внутренних Угроз не располагает полной информацией об Оводе. Но только потому, что я делаю все возможное, чтобы сбить с вашего следа правительство, и особенно этот департамент. Вы хоть примерно представляете, чего мне это стоит? И чем грозит?

Овод пожал плечами. Сейчас он делал все возможное, чтобы не выглядеть ни удивленным, ни заинтересованным:

— Это ваша проблема, а не моя.

— Да... а я-то ожидала благодарности. Ладно, проехали. Вы еще не представляете всей картины в целом, так что реакция понятна.

— Какой картины?

— Мы к этому вернемся... как-нибудь потом. Для начала немного поговорим о вас, — Инквизитор взяла пухлую папку, которая лежала на краю стола, и передала задержанному. — Прошу. Откройте ее. Рискните.

Несколько секунд Овод неподвижно взирал на толстенную подшивку. Потом протянул руку, открыл папку наугад и начал листать то вперед, то назад, пытаясь избавиться от ощущения, что держит в руках коробку с ядовитыми змеями. Вся его жизнь была собрана здесь, снабжена примечаниями и перекрестными ссылками, прокомментирована с невыносимой дотошностью. Его настоящее имя — Рензо. Его особые и не слишком особые приметы. Каждый публичный акт, совершенный им за последние пять лет. Любое сколько-нибудь значительное антиправительственное выступление, в котором он играл сколько-нибудь значительную роль. Расшифровки фонограмм, фотографии, судебные протоколы, подробные донесения...

— Ну как? — спросила Ирина. — Правда, интересно?

Он наспех пролистал еще несколько страниц, ощущая в животе липкий холод. Этой информации достаточно, чтобы казнить его много раз подряд, проведя предварительно с десятков показательных судов.

— Я не понимаю, — выдавил он еще слышно. Он не хотел сдаваться. Не так скоро... Но сопротивляться было бесполезно.

— Что вам не понятно, Овод? — спросила Вуалюмье.

— Это департамент... не Внутренних Угроз, а Внешних. Вы ловите Триумвира. Я не... Овод не должен вас интересовать.

— Теперь... — она отхлебнула кофе, — теперь интересуете.

Ирина сделала затяжку и выпустила элегантную струйку дыма..

— На самом деле, Овод, нам с коллегой пришлось устроить форменный саботаж против департамента Внутренних Угроз. Сделать все возможное, чтобы эти ребята вас не сцапали. Поэтому нам надо было знать столько же, сколько им. Это как минимум. А то и побольше.

У нее был забавный акцент. Овод попытался определить его и понял, что не может. Разве что... может быть, в прошлом, когда был намного моложе? Овод покопался в памяти, но ничего не обнаружил.

— Зачем вы это затеяли?

— Затем, что вы нужны нам живым, а не мертвым, — Ирина улыбнулась быстро, как обезьянка.

— Это утешает.

— Думаю, вы хотели бы узнать побольше, — проговорила Вуалюмье. — Что ж, я готова вас просветить. Отсюда мы и понемногу перейдем к описанию картины в целом. Если хотите поспевать за мной, будьте внимательны.

— Я весь внимание.

— Этот кабинет — отделение Дома Инквизиции, которое называется Департаментом Внешних Угроз — не совсем то, чем представляется. И суета вокруг поисков военной преступницы Вольевой — только прикрытие для более деликатной операции. На самом деле, Триумвир уже несколько лет как мертв.

У Овода возникло ощущение, что ему врут. Но это самая невинная ложь из всего, что он здесь слышал.

— И зачем тогда огород городить?

— Потому что на самом деле нам нужна не Вольева. Нам нужен ее корабль. Или способ добраться до него. Но мы привлекаем внимание к Вольевой, чтобы проводить расследование, не упоминая о ее звездолете.

Женщина в кепке, которая называла себя Ириной, кивнула.

— По сути, департамент занимается поисками ее корабля, и ничем больше. Вообще ничем. Все остальное — дымовая завеса. Со всеми сложностями, со всеми войнами — иногда доходит до настоящих войн с полудюжиной других департаментов. Просто дым.

— К чему все эти тайны?

Женщины переглянулись.

— Сейчас расскажу, — Инквизитор, похоже, хотела сказать то же самое, но Ирина оказалась первой. — Поиски корабля надо вести в обстановке строжайшей секретности. Причина очень проста: если что-нибудь просочится наружу, все общество встанет на уши.

— Не вижу никакой связи.

— Это называется «паника», — Ирина помахала сигаретой для вящей выразительности. — Официальная политика правительства всегда придерживалась курса на терраформирование — первыми были Преобразователи во главе с Жирардо. И, начиная с кризиса Силвеста, ситуация усугубляется. Сейчас это уже возведено в ранг идеологии. Любой, кто критикует программу терраформирования — инакомыслящий и едва ли не враг. Не мне вам говорить.

— А при чем здесь корабль?

— Как возможность осуществить эвакуацию. Одна из ветвей местной власти установила некий факт, — Ирина снова затянулась. — Очень необычный и очень тревожный. Внешняя угроза колонии действительно существует, причем не в том виде, в каком ее обычно представляют. Какое-то время этот факт досконально изучали. И пришли к однозначному выводу: население Ресургема необходимо эвакуировать в течение одного — двух лет. Пяти — в крайнем случае, по самым оптимистичным прогнозам.

Она смотрела на Овода и, вне всяких сомнений, ожидала увидеть эффект, который произвела ее речь. Возможно, даже полагала, что до него с первого раза не дойдет, и придется повторять.

— Извините, — арестованный покачал головой. — Вам стоит придумать что-нибудь получше.

Ирина — или кем там она была на самом деле, — выглядела уязвленной.

— Вы не верите тому, что я рассказала?

— Думаю, я в этом не одинок.

— Но вы всегда хотели покинуть Ресургем, — проговорила Инквизитор. — Вы всегда говорили, что колония в опасности.

— Хотел. А что, только я один?

— Послушайте, — резко сказала Вуалюмье. — Вы герой для тысяч людей. Большинство из них не доверили бы правительству завязать шнурки на своих ботинках. А некоторые из них до сих пор верят: вы знаете, где находится пара шаттлов, и планируете массовый отлет в космос для тех, кто в вас верит.

Он пожал плечами.

— И что дальше?

— Конечно, это вранье. Никаких шаттлов у вас нет. Но это не значит, что их в принципе не могло существовать. Особенно в свете последних событий, — Вуалюмье наклонилась к нему. — Просто подумайте над такой гипотезой. Секретное подразделение правительства выяснило, что над Ресургемом нависла глобальная, неотвратимая угроза. То же отделение провело титаническую работу и обнаружило корабль Вольевой. Обследовало звездолет и выяснило, что он поврежден, но может летать. Более того, изначально корабль сконструирован для перевозки пассажиров и подходит для транспортировки огромного числа людей. На нем можно эвакуировать все население планеты, если возникнет угроза катастрофы.

— Прямо Ноев ковчег.

— Вот именно, — ответила Инквизитор, явно удовлетворенная его ответом. — Вы весьма точно выразились.

Подруга Вуалюмье элегантно держала сигарету между двух пальцев. Ее тонкая кисть напоминала крыло птицы, обтянутое кожей, только без перьев.

— Найти корабль, способный сыграть роль ковчега — это только полдела, — сказала она. — Проблема в другом. Если правительство выступит с заявлением о существовании звездолета, это будет воспринято весьма скептически, правда? Конечно, да, — она ткнула сигаретой в его сторону. — А если то же самое скажете вы... Люди поверят вам в том, в чем никогда не поверят нам. — Ирина повертела в воздухе пачкой сигарет: — Кстати, это с корабля.

— Правда? Вот славно. Вы говорили, что не можете даже выйти на орбиту. Или я ослышался?

— Не могли, но сейчас можем. Мы попали на корабль с поверхности, а вернулись на корабельном шаттле.

Арестованный изобразил недоверие. Но он не мог поклясться, что такая операция невозможна. Трудно, маловероятно... но...

— И вы собираетесь эвакуировать всю планету с помощью одного шаттла?

— На самом деле — двух, — Вуалюмье прочистила горло и достала другу папку. — Судя по последней переписи, население Ресургема составляет менее двухсот тысяч. Шаттл — тот, что побольше — может принять на борт пятьсот пассажиров и перевезти их на орбиту, где они перейдут на внутрисистемный звездолет. Его вместимость — две тысячи человек. Это значит, что нам придется четыреста раз слетать с поверхности на орбиту и обратно. Внутрисистемному кораблю понадобится сто рейсов к судну Вольевой и обратно. Само собой, это процесс довольно длительный.

Каждый рейс займет, по крайней мере, сорок часов — даже при условии, что посадку и высадку будут производить очень организованно. В общем и целом почти шесть стандартных месяцев. Мы можем немного сэкономить время, если используем еще один внутрисистемный корабль. В оптимальном варианте можно уложиться в пять месяцев. И это, понятное дело, означает, что две тысячи человек будут готовы в любой момент покинуть Ресургом и ждать отправки. Каждые сорок часов...

Вуалюмье улыбнулась. Оводу, вопреки всему, нравилась ее улыбка — хотя должна была ассоциироваться с болью и страхом.

— Думаю, до вас уже дошло, зачем вы нам понадобились.

— Допустим, я откажусь от вашего... предложения. И что будет делать правительство?

— В таком случае единственным выходом будет массовая принудительная эвакуация, — ответила Ирина — как будто зачитывала официальное заявление. — Переход на военное положение... лагеря для интернированных... идея понятна? Эвакуация не будет праздником. Акты гражданского неповиновения, нарушения порядка. Не исключены многочисленные жертвы.

— Жертвы будут в любом случае, — возразила Вуалюмье. — Организовать массовую эвакуацию планеты без некоторых потерь невозможно. Но мы бы хотели максимально контролировать ситуацию.

— Так зачем понадобился я? — повторил Овод.

— А теперь позвольте изложить план, — Инквизитор заговорила, отмечая конец каждого предложения шлепком ладони по столешнице. — Мы немедленно вас освободим. Вы сможете идти куда пожелаете, и я гарантирую, что буду по-прежнему следить за тем, чтобы департамент Внутренних Угроз вас и пальцем не тронул. Я также позабочусь, чтобы все, кто причинил вам боль, были наказаны... обещаю. Со своей стороны, вы распространите информацию о том, что определили местонахождение шаттлов — более того, выяснили, что Ресургему угрожает опасность, и нашли способ спасти людей. Ваша организация начнет распускать слухи, что эвакуация вот-вот начнется, и намекнет, в каких местах нужно собираться заинтересованным гражданам. Тем временем правительство выступит со встречным заявлением, чтобы вас дискредитировать. Но они не будут полностью уверены в своей правоте. Люди заподозрят, что вам действительно известна какая-то тайна, о которой власти не подозревают. Пока понятно?

— Пока что, да, — Овод улыбнулся.

— Здесь начинается самое интересное. После того, как идея прочно

засядет в головах у населения, а кое-кто даже воспримет ее вполне серьезно, мы вас арестуем. Вернее, инсценируем ваш арест. Через какое-то время правительству придется признать две вещи: то, что угроза Ресургему — реальность и то, что ваше движение действительно имеет доступ к кораблю Вольевой. Таким образом, контролировать эвакуацию будет правительство. Вы сделаете вид, что неохотно даете свое благословение, и останетесь, в глазах народа, главным действующим лицом. Правительство окажется не в самом удобном положении, но люди убедятся, что не шагают в ловушку. Вы станете героем, — Вуалюмье посмотрела ему в глаза — чуть более долгим взглядом, чем прежде. — Все довольны. Никакой паники во время эвакуации. Затем вас освободят, все обвинения будут сняты... Звучит заманчиво, не так ли?

— Конечно, — признался он, — но вы пропустили два момента.

— Какие?

— Что за угроза и что за корабль. Вы не сказали мне, почему надо удирать с Ресургема. Я должен это знать, верно? И должен в это верить. Как я могу убедить кого-либо в том, во что сам не верю, а?

— Честная позиция. А что насчет корабля?

— Вы говорили, что можете до него добраться. Вот и отлично...

Овод посмотрел сначала на Инквизитора, потом на ее подругу. Он ничего о них не знал, но чувствовал: даже поодиночке они весьма опасны... и гораздо опаснее, когда работают в паре.

— Что «отлично»? — спросила Вуалюмье.

— Я смогу взглянуть на него.

Они были в одной светосекунде от Материнского Гнезда, когда произошло нечто необычное.

Фелка смотрела на комету за кормой «Ночной Тени». Поначалу комета уменьшалась медленно, словно в странном затянувшемся сне корабль отплывал одинокого острова, залитого лунным светом. Фелка думала о своей мастерской в зеленом сердце Гнезда, о резных деревянных головоломках, одна сложнее другой. Затем ее мысли обратились к стене с лицами и лабиринтам со светящимися мышами. Не было никакой уверенности, что Фелка когда-нибудь увидит их снова. После возвращения все станет иным, глубоко иным — потому что Клавейн будет либо мертв, либо под стражей. Если бы не он, Фелка давно бы замкнулась в себе, вернулась в успокоительную пустоту прошлого, когда единственной вещью в мире, которая имела значение, была ее любимая Стена. Самое ужасное, что эта мысль совершенно не вызвала отвращения — скорее, ноющий зуд

нетерпения. Все шло бы по-другому, если бы Галиана была жива. И даже если бы она умерла, но осталось бы дружеское расположение Клавейна, которое соединяло ее с реальным миром, со всей его убийственной простотой.

Последнее, что она сделала, после того как закрыла мастерскую и проинструктировала слугу насчет ухода за мышами — пошла вниз, в склеп, навестить Галиану и в последний раз попрощаться с ее замороженным телом. Но дверь не открылась. Выяснить причину было некогда, Фелка могла опоздать на корабль, так что ей пришлось уйти не попрощавшись. Сейчас она гадала, почему это заставляло ее чувствовать себя такой виноватой.

В конце концов, все, что их объединяло — это кое-какой генетический материал.

Фелка ушла в свою каюту, когда Материнское Гнездо стало таким маленьким и темным, что неразличимо невооруженным глазом. Через час после отлета корабль увеличил тягу до одного «g», и постоянно набирал скорость. Еще через два часа, за которые «Ночная тень» удалилась от кометы уже на несколько световых секунд, по внутренней коммуникационной сети корабля пришло сообщение. Оно предназначалось Фелке — остальные Объединившиеся общались при помощи устройств нейросети.

Фелке предлагалось переместиться в носовую часть корабля, которая сейчас находилась над ее головой. По дороге какой-то Объединившийся, один из техников Скейд, любезно предложил Фелке «проводить» ее через многочисленные коридоры и шахты корабля — ей предстояло миновать не одну палубу. Это означало подгрузку плана корабля в короткую память. Фелка отказалась. Это был слишком простой способ знакомства с внутренним пространством звездолета, которое лишило бы ее удовольствия от самостоятельного исследования.

Нетрудно было заметить, когда она приближается к носовой части. Внешние стены становились все более скругленными, а помещения — все более тесными. Фелка быстро пришла к выводу, что на борту находится не более дюжины человек, включая Ремонтуа и ее саму. Все они были членами Закрытого Совета, однако Фелка даже не пыталась проникнуть в их сознания.

Обстановка была самая спартанская, каюты, как правило, без иллюминаторов — интерьер создавался согласно текущим требованиям команды. Однако каюта, где Фелка обнаружила Ремонтуа, выходило наружу, и часть ее стенки заменял прозрачный выпуклый свод. Ремонтуа

сидел на выступе, выдавленном стеной каюты, лицо бесконечно спокойное, пальцы переплетены в замок и охватывают одно колено. Он был погружен в общение с белым механическим крабом, который восседал под самым иллюминатором.

— Что случилось? — спросила Фелка. — Зачем мне велели покинуть каюту?

— Могу только догадываться, — отозвался Ремонтua.

И тут послышался град приглушенных ударов, пробегающих от носа к корме — это закрывались и закрывались тяжелые двери-диафрагмы.

— Очень скоро вы сможете вернуться в свою каюту, — произнес краб. — Это просто мера предосторожности.

Фелка узнала голос, несмотря на то, что тембр был совсем не такой, каким она его помнила.

— Скейд? Я думала, ты...

— Мне позволили занять этого представителя, — сказал краб, сделав неопределенный жест маленькими конечностями-манипуляторами, которые располагались главными клешнями. Он прикрепился к стене с помощью круглых присосок на ногах. Из-под белого глянцевого панциря высывались различные усики, щупальца, хватательные и режуще-рвущие приспособления. Похоже, Скейд пользовалась древним механизмом, предназначенным для совершения убийств.

Фелка вздохнула с облегчением.

— Хорошо, что ты зашла с нами попрощаться, — сказала она, понимая, что Скейд не сможет составить им компанию.

— Прощаться с вами?

— Когда мы отойдем еще на несколько светосекунд — как ты сможешь управлять представителем?

— Какое расстояние? Я на корабле, Фелка! Моя каюта на палубу или две ниже твоей.

Фелка помнила разговоры о том, что Скейд получила страшные ранения. Чтобы спасти ей жизнь, потребовался весь арсенал доктора Дельмара.

— Я не думала...

Краб махнул манипулятором, прерывая ее оправдания.

— Неважно. Спускайся ко мне попозже, поболтаем.

— С удовольствием, Скейд, — сказала Фелка. — У меня много всего накопилось — то, о чем стоит поговорить.

— Само собой. Ладно, мне надо идти — куча важных дел.

В стене открылось отверстие, и робот, ловко перебирая конечностями,

исчез в лабиринте корабельных внутренностей.

Фелка посмотрела на Ремонтуа.

— Думаю, раз здесь все из Закрытого Совета, можно говорить свободно. Она говорила что-нибудь еще об экспериментах Введения, когда вы были с Клавейном?

Ремонтуа ответил почти шепотом. Это было весьма красноречиво. Скейд может слышать все, что происходит на борту корабля, и даже читать их сознания. Во всяком случае, исключать такую вероятность нельзя. Поэтому Ремонтуа считал необходимым соблюдать секретность. И Фелка это прекрасно понимала.

— Ничего. Она наврала даже про то, откуда пришел приказ о прекращении строительства кораблей.

Фелка посмотрела на стену, заставляя ее сформировать что-нибудь наподобие кресла. Белая поверхность послушно выдавила выступ напротив Ремонтуа, куда она и уселась. Ногам настоятельно требовался отдых: Фелка провела слишком много времени в невесомости своей мастерской, и гравитация в один «g» на борту «Ночной Тени» чрезвычайно утомляла.

За куполом смотрового окна виднелись очертания одного из двигателей корабля, оттененные аурой холодного пламени.

— Что Скейд ему сказала? — спросила Фелка.

— Что Закрытый Совет собирал по кусочкам информацию об исчезновениях кораблей, все проанализировал и сделал вывод, что к нам вот-вот нагрянут Волки. Что-то вроде этого.

— Неубедительно.

— Я и не думаю, что Клавейн поверил. Но она даже не заикнулась о Введении. Похоже, хотела дать только минимум информации, необходимый для предстоящей работы, а тему приказа просто не смогла обойти.

— В основе всего этого — Введение, — сказала Фелка. — Скейд должна была понять: если уж она дала Клавейну какие-то зацепки, то следовало открыть все, начиная с Внутреннего Кабинета.

— Она и открыла — ровно столько, сколько Клавейн был в состоянии воспринять.

— Зная Клавейна, я в этом сомневаюсь. Скейд хотела сделать его своим союзником, потому что он не тот человек, который пасует перед трудностями.

— Но почему ей было просто не сказать ему правду? Да, Закрытый Совет получил сообщение из будущего. Не такая уж шокирующая вещь, если уже знаешь, о чем идет речь. Как я понял, послания можно считать в лучшем случае нечеткими — что-то вроде туманных предостережений.

— Очень сложно описать Введение тому, кто не пережил этого сам. Я только один раз участвовала в экспериментах и не знаю, что происходило во время других опытов.

— А Скейд участвовала?

— Да, — сказала Фелка. — Но уже после того, как мы вернулись из Глубокого космоса. Приказ вышел задолго до этого. К тому времени Скейд уже Присоединилась. А эксперименты Введения Закрытый Совет начал проводить еще раньше.

Фелка снова посмотрела на стену. Пожалуй, сейчас стоит позволить себе поразмышлять о чем-нибудь вроде Введения. Фелка знала: вряд ли Скейд протестовала против тех опытов. Учитывая, что все происходящее оказалось завязанным именно на этих опытах... Но она не могла избавиться от ощущения, будто все они вот-вот совершат некий необъяснимый изменнический акт.

Ремонтуа продолжал полусшепотом:

— Итак, Скейд Присоединилась... По прошествии некоторого времени вошла в Закрытый Совет и активно участвовала в экспериментах. По крайней мере, один из них совпал с прекращением выпуска двигателей. Следовательно, мы можем предположить, что было получено прямое предупреждение насчет эффекта тау-нейтрино. А что известно о других экспериментах? Какие еще предостережения были получены? И было ли это вообще предостережениями? — он в упор смотрел на Фелку.

Она уже собиралась ответить, когда «кресло» под ней рванулось вперед, так что перехватило дыхание. Фелка ожидала, что давление спадет, но этого не происходило. По приблизительной оценке ее вес, и без того достаточно обременительный, удвоился.

Ремонтуа поглядел наружу и вниз, через минуту Фелка последовала его примеру.

— Что происходит? — спросила она. — Кажется, мы разгоняемся?

— Определенно.

Фелка проследила за его взглядом, надеясь понять, что происходит. Она смотрела очень внимательно, но не заметила никаких изменений. Даже голубое зарево вокруг двигателей, казалось, не стало ярче.

Постепенно перегрузка стала терпимой — но не сказать, что приятной. Очень осторожно, экономя силы, Фелка смогла делать почти все, что делала раньше. Корабельные роботы суетились вокруг, помогая людям передвигаться и готовые к любым неожиданностям. Остальные Объединившиеся, более легкие и гибкие, чем Фелка, быстро

приспособились к повышенной гравитации. Внутренняя поверхность корпуса и переборки становились то жестче, то мягче, помогая движениям и сокращая травматизм.

Но через час скорость снова возросла. Два с половиной «g». Это стало совсем невыносимо. Фелка попросила разрешения вернуться в каюту, но узнала, что доступ на корму временно закрыт. Однако корабль приготовил для нее новую каюту, а стенка образовала выступ, на котором можно было лежать. Ремонтуа помог Фелке забраться на него, отчетливо осознавая, что не может придумать ни одного сколько-нибудь убедительного объяснения происходящему.

— Я не понимаю, — сказала Фелка, тяжело переводя дух между фразами. — Мы просто увеличиваем скорость. Очевидно, именно так и надо делать, если мы хотим догнать Клавейна... или попытаться.

Ремонтуа кивнул.

— За этим стоит нечто большее. Наши двигатели работали почти на пределе, когда мы разогнались до одного «g». По большому счету, «Ночная Тень» меньше и легче, чем некоторые межсистемные звездолеты, но и двигатели на ней меньше! Они рассчитаны на то, чтобы поддерживать в полете ускорение в один «g», не больше. Они могут обеспечить короткий мощный рывок, но это выглядит совсем иначе. Не так, как сейчас.

— Что это значит?

— Это значит, что мы не могли настолько увеличить скорость. В три раза... никак не могли. И я не вижу на корпусе никаких дополнительных устройств для разгона. Единственный способ, каким Скейд могла осуществить подобный разгон — сбросить две трети массы, с которой мы стартовали из Материнского Гнезда.

С определенным усилием Фелка пожала плечами. Нельзя сказать, что она досконально знала механику силовых установок субсветовиков, но немного разбиралась в этом вопросе.

— Значит, двигатели рассчитаны на более мощные нагрузки, чем ты думал.

— Ага. У меня было такое предположение.

— И что?

— Неправильно. Мы оба смотрели наружу. Ты видела голубое пламя? Излучение потока частиц, который выбрасывают дюзы. Оно должно было стать намного ярче, Фелка. Мы бы обязательно это заметили. Но ничего подобного... — Ремонтуа выдержал паузу. — Кажется, оно даже чуть-чуть потускнело, словно нагрузка уменьшилась, а не возросла. Как будто двигатели работают не в полную мощность.

— Бессмыслица, правда?

— Вот именно, — отозвался Ремонтуа. — Полный бред. Если только Скейд не запустила какой-то из своих секретных агрегатов.

Глава 14

Триумвир Илия Вольева пристально вглядывалась в глубины Тайника и гадала, не совершила ли какой-нибудь фатальной ошибки, которая приведет ее к безвременной кончине.

— По-моему, нам надо еще раз все как следует обдумать, — задремал в ее шлеме голос Хоури.

— Спасибо за совет, — Вольева проверила застежки своего скафандра и покосилась на индикаторы состояния оружия.

— Я действительно так считаю.

— Знаю. К сожалению, я уже успела это сделать. И того, что я надумала, более чем достаточно. Если я подумаю хотя бы еще немного, то могу додуматься до того, чтобы вообще послать эту затею к чертям собачьим. С учетом всех обстоятельств, это будет еще более самоубийственная глупость. Так что лучше действовать прямо сейчас.

— Не спорю, логично. Но у меня такое чувство, будто корабль... я имею в виду Капитан... ему такое придется не по вкусу.

— Да? — Вольева помедлила. — Тогда, может быть, он решит сотрудничать с нами.

— Или убить нас. Тебе такое в голову не приходило?

— Хоури?

— Что?

— Заткнись, пожалуйста.

Они вплыли в помещение через шлюз — достаточно широкий, но двум дамам в скафандрах было тесновато: громоздкие рамы с портативными реактивными двигателями, одетые на манер рюкзаков, существенно увеличивали их габариты. К тем же рамам крепилось оборудование, дополнительная броня и некоторое количество полуавтономного оружия, установленного в стратегически важных точках.

— Все в порядке, — произнесла Хоури. — Так что делаем все побыстрому и сваливаем. Мне здесь никогда не нравилось — с того самого раза, как ты первый раз сюда притащила. И с тех пор мое мнение об этом местечке не улучшилось.

Под приглушенное стаккато двигателей подруги влетели в помещение.

Это был один из пяти равных по размеру отсеков «Ностальгии по Бесконечности» — огромное пространство, где мог разместиться целый флот пассажирских шаттлов или несколько мегатонн полезного груза,

который мог потребоваться для нужд колонии. Впрочем, для этих целей корабль уже давным-давно не использовался, и только слабые следы, которые пережили несколько веков переделок и износа, напоминали о его изначальном предназначении. Долгие годы на борту находилось не более дюжины человек. Будя эхо, они свободно разгуливали по внутренним помещениям, словно грабители по городу, из которого эвакуировалось все население. Но время шло, а все оставалось в прежнем виде — если не брать в расчет бурную деятельность Капитана.

Гладкие отвесные стены отсека удалялись и исчезали в крошечной тьме, которую лишь изредка пронзали рыскающие лучи фонарей, которые были закреплены на скафандрах. Вольевой так и не удалось отремонтировать главную систему освещения этого отсека: он считался одним из «владений» Капитана, а он не любил, когда кто-то вторгнется на его территорию.

Стены понемногу расступались. Скоро вокруг была полная темнота, только дисплей на щитке шлема Вольевой указывал, куда они движутся и как быстро.

— Я чувствую себя как в открытом космосе, — пробормотала Хоури. — Трудно поверить, что мы все еще внутри корабля. Где эти чертовы пушки?

— До ближайшей — около пятнадцати секунд хода.

Орудие замерцало в темноте, словно материализовалось по ее слову. Невзирая на невесомость, оно не висело в пространстве, а удерживалось на месте замысловатой системой лесов и креплений. Это сооружение, в свою очередь, было установлено на не менее сложной монорельсовой системе, которая крепилась к стенам отсека огромными косыми опорами и, извиваясь во всех трех измерениях, уходила куда-то в темноту.

Это было одно из тридцати трех орудий — изначально их насчитывалось сорок. Первое из сорока Вольева и Хоури уничтожили на границе системы, когда оно внезапно начало самостоятельно проявлять инициативу. Это была работа системного паразита, которого Ана сама занесла на борт корабля. Другие шесть после эпизода с Гадесом так и остались в космосе. Их даже можно было вернуть на место — или хотя бы попытаться, — но никто бы не дал гарантии, что их снова удастся использовать. К тому же, по мнению Вольевой, по мощности они уступали остальным.

Женщины прибавили скорость и подлетели ближе.

— Номер семнадцать, — сказала Вольева. — Мерзкая штукovina, не находишь? Настоящее свинство... — последнее слово она произнесла по-

русски. — А я даже находила с этим страшилищем общий язык. Машинный, как ты понимаешь. С соответствующими особенностями лексики.

— Значит, ты можешь с ним общаться?

— А как же?

Внешне орудия Тайника мало походили друг на друга, однако единство стиля определенно прослеживалось. Номер семнадцать напоминал гибрид турбинного двигателя с буровой машиной Викторианской эпохи — шестиметровый цилиндр с осевой симметрией, облицованный чем-то вроде турбинные лопаток, которым придали форму отточенных зубов. Очевидно, они не являлись ни тем, ни другим. Оболочка выглядела изношенной и потускневшей. В лучах фонарей она переливалась то изумрудом, то бронзой. Охлаждающие рельефы и ребра напоминали эксцентричную отделку.

— Ты можешь с ним разговаривать, — повторила Хоури. — А почему тебе не приказать этой штуке покинуть корабль, а затем направить ее на Подавляющих?

— Вот было бы здорово, правда? — сарказм Вольевой мог бы пробивать дырки в металле. — Проблема в том, что Капитан тоже контролирует оружие. Как только я отдам команду, он тут же ее отменит, поскольку подключился к ним на «корневом» уровне.

— М-м-м. Помнится, кому-то пришла в голову столь светлая мысль...

— Мне, как ты правильно подумала. В свое время я хотела, чтобы орудиями можно было управлять с любого места. И тогда это была действительно хорошая идея.

— С хорошими идеями всегда возникают проблемы. И все, как одна, на твою собственную задницу.

— Значит, я учусь, хоть и на собственных ошибках, — Вольева понизила голос и деловито произнесла. — Следуй за мной и держи глаза разутыми. Я хочу проверить контрольную «упряжь».

— Есть следовать за тобой, Илия.

Они облетели орудие, с трудом пробираясь через хитросплетения монорельса.

Упряжью Вольева называла раму, которую наварила вокруг орудия, оборудованная толкающими двигателями и управляющим интерфейсом. Нельзя сказать, что Илии действительно удалось найти общий язык с адскими агрегатами. Те, с которыми она добилась некоторого взаимопонимания, сейчас болтались где-то в пространстве. Однажды она попыталась управлять всеми орудиями из одной точки, посадив оператора с

соответствующими имплантантами в кресло артиллериста. Концепция выглядела вполне логично, но орудия, как выяснилось, имели свое мнение по этому поводу. По большому счету, вся каша заварилась именно из-за этих экспериментов.

— Упряжь выглядит нормально, — сказала Вольева. — Пожалуй, попробую прогнать низкоуровневую проверку.

— Разбудить орудие?

— Нет, конечно... просто шепнуть ему пару нежных слов, и все... — она набирала команды на массивном браслете, стягивающем кисть, и время от времени поглядывала диагностические графики, которые извивались на дисплее. — Я буду очень занята, так что смотри в оба — мало ли что. Поняла?

— Поняла. Э... м-м... Илия?

— Что?

— Мы должны решить насчет Овода.

Вольева не любила, когда ее отвлекали, особенно во время столь серьезной работы.

— Овод?

— Ты слышала, что он сказал? Он хочет попасть на корабль.

— Но я же сказала: нет. Это не обсуждается.

— Думаю, тогда мы от него помощи не дождемся.

— Дождемся. Поможет как миленький.

Хоури вздохнула в динамиках.

— Илия, это не какой-нибудь агрегат, который можно пинать и тыкать, пока он не заработает. У него нет «корневого» уровня. Зато есть сомнения и страхи, как у всякого мыслящего человеческого существа. Свои мотивы, которые его отчаянно волнуют. Думаешь, он захочет рисковать? Он же думает, что мы от него что-то скрываем. Если бы мы сразу сказали Оводу все как есть, нам не пришлось бы отказывать ему. В конце концов, он уже знает, что мы можем попасть на корабль. Вот он и хочет посмотреть на ковчег, на котором повезет свой народ в Землю Обетованную. ^[30] А заодно и на причину, по которой ему необходимо с этим поторопиться.

Во время этого монолога Вольева тестировала первый уровень протоколов, подключив свой модуль программного обеспечения к операционной системе орудия. Пока ее действия не вызвали никакой агрессивной реакции ни со стороны Номера Семнадцать, ни со стороны корабля. Ситуация становилась все более и более запутанной, и Вольевой было не до разговоров.

— Не думаю, что в этом есть хоть какой-то смысл, — отозвалась она

наконец.

— Ты просто не понимаешь людей. Поверь мне. Или он побывает на корабле, или откажется с нами работать.

— Увидев корабль, Овод поступит, как любой другой здравомыслящий человек в подобной ситуации — постарается сделать ноги.

— А зачем водить его по всему кораблю? Самые скверные места, где прошла жестокая трансформация, можно не показывать. Думаю, этого будет достаточно.

Вольева вздохнула, по-прежнему не сводя глаз с дисплея. У нее возникло ужасное, до боли знакомое чувство: Хоури давным-давно подготовилась к атаке и найдет контраргумент любому возражению.

— Он до сих пор что-то подозревает, — пробормотала Триумвир.

— Нет. Мы выложим свои карты, но выложим их правильно. Например, можно выбрать пару отсеков, замаскировать следы трансформации и удерживать его там. Достаточно будет провести маленькую обзорную экскурсию. Просто чтобы Овод понял, что мы ничего не скрываем.

— А Подавляющие?

— Он должен узнать о них. Рано или поздно каждый о них узнает. Пусть узнает это сейчас, а не позже. В чем проблема?

— У него возникнет слишком много вопросов. Быстро сложив два и два, Овод поймет, на кого работает.

— Нам стоит быть с ним пооткровеннее.

— Да неужели?

Вольева была в гневе. И не потому, что орудие упорно игнорировало ее команды.

— А может, мы просто хотим держать его при себе, потому на него загляделись? Подумай очень хорошо прежде, чем ответить, Хоури. Возможно, от этого зависит наша дальнейшая дружба.

— Для меня он ничего не значит. Он просто оказался под рукой.

Вольева опробовала новую синтаксическую комбинацию и затаила дыхание, ожидая реакции оружия. Судя по предыдущему опыту, во время «разговора» с орудием ошибки вполне сходили с рук. Она делала много ошибок. И орудие либо оставалось спокойным, как камень, либо начинало сопротивляться. Но сейчас у нее получилось. В боку шестиметрового цилиндра, где до этого, казалось, не было ни единого шва, открылась крышка. Это был вход в наблюдательный канал, который тянулся по всей длине «адской машины», освещенный мутным бледно-зеленым сиянием.

— Я пошла внутрь. Прикрой меня.

Вольева пролетела вдоль орудия и зависла над отверстием — ровно на секунду. Затем двигатели дали короткий толчок, она проникла в люк и чуть притормозила, прежде чем ноги коснулись дна колодца. Внутри оказалось достаточно просторно — можно было поворачиваться и кувыряться, не рискуя задеть какой-нибудь важный рычажок.

Не в первый раз Вольева поймала себя на том, что размышляет о происхождении этих тридцати трех агрегатов. Несомненно, их создали люди. Но разрушительная сила этих творений оказалась слишком велика — настолько, что изыскания в этом направлении больше не проводились. Несколько сотен лет назад — задолго до того, как Вольева появилась на борту «Ностальгии по Бесконечности» — команда корабля нашла тайник, помещенный внутри укрепленного астероида. Это был один из безымянной группы камней на орбите безымянной звезды. Возможно, глубокое тщательное исследование астероида могло хотя бы предположительно установить, кто изготовил оружие или его использовал. Однако команде «Ностальгии» было некогда задерживаться. Орудия спешно извлекли из тайника, разместили на корабле и покинули место преступления, прежде чем система защиты астероида вышла из оглушенного состояния.

У Вольевой, разумеется, были свои теории. Скорее всего, орудия были созданы Конджойнерами. В свое время «пауки» часто наведывались в тот сектор Галактики. Но если это так, почему хозяева решили расстаться с таким мощным оружием? Почему ни разу не попытались вернуть его, хотя имели на это полное право?

Теперь вопрос потерял актуальность. Орудия из Тайника находились на борту «Ностальгии» в течение долгих веков. И никто не явился и не потребовал их обратно.

Она огляделась, изучая колодец. Со всех сторон ее окружали механизмы — контрольные панели, считывающие устройства, схемы, реле и масса всякой всячины малопонятного назначения. На задворках сознания уже зашевелилась тревога: магнитное поле, сфокусированное на определенной доле ее мозга, вызывало навязчивый и необоснованный страх.

Но Вольева была здесь не в первый раз и успела привыкнуть.

Отцепив набор модулей, привешенный к раме, она начала устанавливать их на стенках колодца при помощи прокладок с эпоксидным покрытием. Эти модули Вольева разработала и изготовила собственноручно. Потом она вытащила из каждого по дюжине разноцветных кабелей и соединила между собой или воткнула в порты приборов.

— Как дела, Илия? — поинтересовалась Хоури.

— Отлично. Непохоже, что я задержусь здесь слишком надолго. В любом случае, эта штука меня наружу не выкинет — я ввела все коды доступа.

— Она тебя уже запугивает?

— Да, есть немного...

Как раз в этот момент Вольева переживала приступ запредельного ужаса. Казалось, кто-то ковыряет ее мозг электродом, взбалтывая воспоминания и выуживая самые потаенные страхи.

— Хоури, ты не возражаешь, если мы поговорим потом? Я хочу побыстрее с... этим ... разобраться.

— Все-таки нам надо решить...

— Всенепременнейше. Тебя устроит, если мы это сделаем позже?

— Он должен побывать здесь.

— Хоури, сделай одолжение! Отстань от меня со своим ненаглядным Оводом и следи за обстановкой, понятно?

Илия перевела дух и заставила себя сосредоточиться. Если не считать страха, все шло как по маслу. Так глубоко проникнуть в архитектуру контроля над орудиями ей удалось лишь однажды. Тогда она смогла установить приоритет над командами, приходящими из корабля. Теоретически, если она правильно подберет синтаксис командного языка, у нее появляется шанс вообще отключить Капитана от управления орудием. Правда, только этим орудием. Остаются еще тридцать два, и к некоторым она еще толком не пыталась подступиться. Но, по идее, между орудиями Тайника не должно быть принципиальной разницы. Если удастся взять под контроль хотя бы дюжину орудий, этого будет вполне достаточно, чтобы вставить в колеса Подавляющим гигантский гаечный ключ.

Уходя от проблемы, проблему не решишь.

— Хоури, слушай меня. Наши планы чуть-чуть меняются.

— О-хо-хо...

— Я собираюсь забраться поглубже. Посмотрим, получится ли полностью взять эту хрень под контроль.

— И это называется «чуть-чуть изменить планы»?

— Ой, перестань дергаться.

И, прежде чем сказать себе «стоп», прежде, чем осознать, чем это чревато, Вольева соединила два оставшихся кабеля. Индикаторы состояния систем вспыхнули и замигали, по дисплеям поползли колонки цифр и букв. Страх нарастал. Орудие действительно не хотело пускать ее на этот уровень.

— Грубо и тупо, — пробормотала Вольева. — Сейчас посмотрим...

Она с расстановкой ткнула в кнопки браслета, открывая сеть сложного до умопомрачения синтаксиса командного языка. Троичная логика, в которой работала операционная система, указывала на то, что программа действительно создана Конджойнерами. И на то, что ее будет дьявольски трудно раскусить.

Вольева сидела неподвижно и ждала.

Где-то в недрах орудия команда будет тщательно изучена, разобрана безумным количеством модулей синтаксического анализа и проверена на легальность. И будет допущена в систему, лишь если удовлетворит всем критериям. Если это произойдет, команда сделает то, что задумала Илия — система немедленно исключит Капитана из списка пользователей, имеющих доступ к управлению орудием. Тогда из всех способов запуска адской машины останется один — через упряжь, через систему управления, которую установила Вольева. Через устройства, изолированные от корабельной инфраструктуры, которую контролирует Капитан.

В теории все выглядело очень красиво.

Синтаксис не подошел. Первое доказательство успело поступить перед тем, как закрылась крышка люка. Браслет замигал красным, и Вольева как раз подобрала несколько цветистых русских выражений и даже выстроила из них фразу. Орудие заперло ее в колодце. Потом свет погас, и остался только страх. Страх усиливался — хотя, возможно, это была вполне естественная реакция.

— Свинство... — проговорила Вольева. — Хоури... ты меня слышишь?

Никакого ответа.

Без какого-либо предупреждения вокруг зашевелились механизмы. Колодец стал шире, из полумрака выступали слабо светящиеся своды, которые уходили куда-то вглубь. Какие-то чудовищные, постоянно меняющие форму агрегаты плавали в тусклом кроваво-красном свете. Холодные голубые всполохи возникали на их поверхностях, растекались извилистыми нитями. Казалось, орудие перестраивает само себя изнутри.

Илия умирала от страха. Внутри орудия что-то находилось, и она это чувствовала. Нечто приближалось, подкрадывалось между движущимися механизмами — беззвучное, как фантом.

Она отчаянно забарабанила в люк.

— Хоури!!!

И тут Нечто настигло ее. Илия не видела, как оно подкралось, лишь

ощутила, что оно совсем рядом. Что-то бесформенное притаилось у нее за спиной. Сейчас она увидит его боковым зрением... Но стоило чуть-чуть повернуть голову — и Оно тут же отступало в слепую зону.

Потом в черепе возникла резкая боль, и Вольева дико закричала.

Тощее тело Ремонтуа прилипло к поверхности одного из смотровых куполов «Ночной Тени». Кажется, двигатели были остановлены, и Ремонтуа собирался убедиться в этом воочию. Чувствуя, что скорость корабля непрерывно уменьшается и наступает невесомость, он уже выдал правильную последовательность нейрокоманд и теперь испытывал потребность получить дополнительное подтверждение того, что приказ принят. С учетом последних событий, его бы не слишком удивило, если бы голубое пламя все еще вырывается из дюз.

Но за стеклом была только темнота. Двигатели действительно заглохли, и корабль дрейфовал с почти неощутимой постоянной скоростью курсом на Эпсилон Эридана. Слишком медленно, чтобы настигнуть Клавейна.

— Что теперь? — тихо поинтересовалась Фелка. Она подплыла незаметно, одна рука пряталась в очаровательной мягкой муфте, любезно предоставленной кораблем.

— Ждем, — сказал Ремонтуа. — Если я не ошибся, ждать придется недолго.

— Скейд это не понравится.

Он кивнул.

— Я запущу двигатели, как только нам объяснят, что происходит. Но для начала мне бы хотелось задать кое-какие вопросы.

Через несколько минут из небольшого отверстия в стене появился краб:

— Это немыслимо. Какого черта...

— Я отвечаю за двигатели, — с удовольствием констатировал Ремонтуа — он уже несколько раз репетировал эту фразу. — Это очень деликатная и опасная техника — более того, они находятся на стадии экспериментальной разработки. Любое отклонение от ожидаемого течения процесса может указывать на возможность катастрофических неполадок.

Краб взмахнул манипуляторами.

— Ты прекрасно знаешь, что двигатели в полном порядке. Я требую, чтобы ты немедленно их запустил. Каждая секунда простоя отдаляет нас от Клавейна.

— Правда? — переспросила Фелка.

— В некотором смысле, конечно, да... Если мы еще хоть немного задержимся, нам останется только убить Клавейна. Взять его живым нам уже не удастся.

— Неужели кто-то такое предполагал? — поинтересовалась Фелка.

— Ты никогда не узнаешь, если Ремонтуа продолжит... нарушать субординацию.

— Ах, субординацию? — воскликнула Фелка. — Ты заговорила прямо как Демархисты.

— Хватит играть в игры, — краб развернулся на ножках-присосках. — Немедленно запусти двигатели, Рэми, или я найду способ сделать это без тебя.

Скорее всего, она блефовала. Но Ремонтуа мог поверить, что член Внутреннего Кабинета сможет обойти его команды. Скорее всего, это будет нелегко. Куда проще добиться, чтобы он сам выполнил приказ... но Ремонтуа не сомневался: Скейд сможет добиться своего.

— Я запущу... после того, когда ты покажешь мне свои машины в действии.

— Мои машины?

Ремонтуа сделал рывок и отлепил краба от стены. Присоски комично чмокнули. Держа механическое существо на уровне глаз, Ремонтуа разглядывал коллекцию сенсоров и миниатюрного оружия, не опасаясь, что Скейд чем-то повредит ему. Робот возмущенно размахивал многочисленными крошечными ножками.

— Ты прекрасно знаешь, о чем идет речь, — сказал Ремонтуа. — Скейд, я хочу понять, что это. Хочу знать, чему ты научилась.

Ремонтуа и Фелка следовали за роботом через лабиринт серых коридоров и вертикальных межпалубных шахт «Ночной Тени», удаляясь от носовой части корабля. По мнению внутреннего уха Ремонтуа, они «спускались». Ускорение поднялось до одного с четвертью «g» — он согласился запустить двигатели на минимальной тяге. Если верить ментальной карте, на которой отображалось местонахождение членов экипажа, никто так и не покинул носовой части звездолета. Они с Фелкой были единственными, кто добрался почти до кормы звездолета. Ремонтуа попробовал выяснить, где по-настоящему находится Скейд — до сих пор она общалась с ними только через динамик краба. И обнаружил, что на его карте корабля, обычно весьма подробной, появились загадочные белые пятна, наподобие лакун на некачественной распечатке.

— Эти машины ... чем бы они ни были...

— Рано или поздно ты бы о них узнал, — перебила Скейд. — Как и все Материнское Гнездо.

— Может, это как-то связано с Введением?

— Введение подсказало направление исследований, вот и все. А ты думал, нам чертежи поднесли на блюдечке?

Краб проворно засеменил вперед, к запечатанному люку в переборке. Похоже, он закрылся перед тем, как корабль начал разгоняться.

— Теперь мы пройдем сюда, в ту часть корабля, которую я опечатала. Должна предупредить, что там ваше восприятие немного изменится. Не сразу. Но мы находимся на границе зоны, где действие установки начинает влиять на сенсорику. Возможно, у вас уже появились немного неприятные ощущения. Вы уверены, что хотите идти дальше?

Ремонтуа посмотрел на Фелку, и та утвердительно кивнула.

— Веди, Скейд.

— Что ж, прекрасно.

Люк с натужным хрипом открылся. Пространство за ним казалось темным и мертвым. Следуя за роботом, Фелка и Ремонтуа прошли на дискообразный подъемник, похожий на поршень, и спустились по вертикальной шахте еще несколько палуб.

Ремонтуа прислушался к своим ощущениям. Ничего необычного. Он покосился на свою спутницу, вопросительно подняв бровь, Фелка отрицательно качнула головой. Она тоже ничего не почувствовала, хотя очень легко улавливала подобные вещи.

Дальше начались вполне обычные коридоры. После нескольких коротких остановок — необходимых, чтобы восстановить силы — робот привел их к неприметной стене. На ней не было никаких меток — ни визуальных, ни голографических, ни энтоптических. ^[31] Однако краб уверенно ткнул куда-то манипулятором, и через секунду на этом месте начало раскрываться отверстие, похожее на вертикальный кошачий зрачок. Сходство усиливал багровый свет, который лился из щели.

— Здесь я и живу, — произнес робот. — Милости прошу.

Они проследовали за представителем в просторное теплое помещение. Ремонтуа удивленно огляделся. В самом деле, весьма неожиданно... Обыкновенная полупустая каюта, в которой установлена какая-то аппаратура. Один предмет — небольшой, немного жутковатый, похожий на обломок скульптуры — Ремонтуа никак не смог опознать. Помещение наполнял мягкий гул, исходящий от приборов, но и в этом звуке тоже не было ничего странного.

Еще здесь находился предмет, на который Ремонтуа сразу обратил

внимание — самый крупный из всех. Это было черное металлическое яйцо. Оно покоилось на постаменте ржаво-красного цвета, усеянном дрожащими аналоговыми циферблатами — настоящий антиквариат, пережиток зари космической технологии, когда исследования ограничивались околосемельным пространством. Ремонтуа понял, что перед ним спасательная капсула, сделанная по проекту Демархистов, простая и надежная. На борту кораблей Объединившихся такой штуки никогда не встретишь.

Капсула была маркирована предупреждающими инструкциями на всех общих языках — норте, русише, каназиане, яркими пиктограммами и схемами спектрально чистых цветов. Корпус украшали двухполосные и крестообразные толкающие двигатели, серые выпуклости сенсоров и коммуникационных систем, сложенные солнечные батареи и парашюты. Дверь с маленьким треугольным окошком по периметру крепилась взрывными болтами.

Внутри капсулы кто-то был. Через окошко Ремонтуа увидел тело, скрюченное и бледное — очень смутно, потому что оно лежало в янтарном геле, то ли защищающем, то ли питательном. Гель чуть заметно колыхался — непонятно почему.

— Скейд? — вырвалось у Ремонтуа. Он вспомнил, как навещал ее перед отлетом.

— Смотри, смотри, — отозвался краб. — Внимательно. Уверена, это тебя позабавит.

Ремонтуа и Фелка прижались к окошку. Туша, заточенная в капсуле, была розоватой и напоминала эмбрион. Сквозь хитросплетения проводов и катетеров можно было разглядеть движение, не более одного в минуту. Существо дышало.

Это явно была не Скейд и даже не ее останки. Это был вообще не человек.

— Что это? — почти шепотом спросила Фелка.

— Скорпио, — ответил Ремонтуа. — Гиперсвин, которого мы нашли на корабле Демархистов.

Фелка коснулась металлической стенки капсулы. Ремонтуа сделал то же самое, и оба ощутили ритмичное гудение систем жизнеобеспечения.

— И что он здесь делает? — поинтересовалась Фелка.

— Ожидает суда, — объяснила Скейд. — Когда «Ночная Тень» достигнет внутренней системы, мы вытащим капсулу и передадим ее Феррисвильскому Конвенту.

— А потом?

— Потом этот поросенок предстанет перед судом. Его признают виновным во многих преступлениях, которые он, по всей вероятности, совершил, — прокурорским тоном произнесла Скейд. — Затем, согласно существующему законодательству, его казнят. Необратимая смерть со стиранием личности.

— Звучит так, будто ты это одобряешь.

— Мы должны сотрудничать с Конвентом, — ответила Скейд. — Иначе в районе Йеллоустоуна у нас начнутся серьезные жизненные проблемы. В общем, поросенка надо вернуть, хотим мы этого или нет. Поверь, для нас предпочтительнее, чтобы он умер, пока находится под нашим попечительством. К сожалению, в этой капсуле Скорпио имеет все шансы выжить.

— О каких преступлениях идет речь? — спросила Фелка.

— О военных, — со вздохом ответила Скейд.

— Это мне ни о чем не говорит. Как он может быть военным преступником, если не принадлежит ни к одной официально существующей фракции?

— Очень просто. Согласно законодательству Конвента, любой экстралегальный акт, совершенный в зоне военных действий, априори считается военным преступлением. Так что приговор по делу Скорпио нетрудно угадать. Убийство. Терроризм. Шантаж. Грабеж. Вымогательство. Экологические диверсии. Транспортировка нелегальной альфа-симуляции. Откровенно говоря, я не припомню ни одного преступления, совершенного в пространстве от Города Бездны до Ржавого Обода, в котором этот поросенок не был бы замешан. Даже по законам мирного времени он вполне заработал такой приговор. А во время войны, как ты понимаешь, законы ужесточаются, и кара за их нарушение — тоже. Он заслужил того, чтобы этот приговор исполнили несколько раз, даже если учитывать то, что он сделал, и не рассматривать то, как он это сделал.

Гиперсвин мерно дышал: вдох — выдох, вдох — выдох. Ремонтуа смотрел, как гель колышется в такт его дыханию, и размышлял. Снится ли что-либо Скорпио? И если да, какими могут быть его сны? Могут ли люди-свиньи видеть сны? Ремонтуа не знал. И не помнил, говорил ли что-нибудь об этом Седьмой Заход. Правда, Седьмой заход существенно отличался от других «свиней» по образу мышления. Он принадлежал к одному из самых ранних, несовершенных подвидов, и его психику Ремонтуа никак не мог назвать здоровой. Это вовсе не означало тупость или отсутствие здравого смысла. Изощренные пытки, которым пираты подвергали пленников-Конджойнеров, были свидетельством весьма развитого и оригинального

мышления Седьмого. До сих пор где-то на задворках сознания Ремонтуа (бывали дни, когда он этого почти не замечал) звучал несмолкающий крик — нить запредельной боли, соединяющая его с прошлым.

— Что за преступления совершил Скорпио? — настойчиво спросила Фелка.

— Он любит убивать людей. Для него это что-то вроде искусства. Я не говорю, что он один развлекается подобными вещами — это свойство всех нынешних отбросов криминального мира, — краб прыгнул на капсулу и беззвучно прилепился к ней. — Но Скорпио уникален. Он получает от этого наслаждение.

— Мы с Клавейном его протралили, — спокойно кивнул Ремонтуа. — Поверь, даже за то, что мы выцепили, стоило бы немедленно прикончить эту тварь.

— Так почему вы этого не сделали? — спросила Фелка.

— При других обстоятельствах мы бы именно так и сделали.

— Из-за свина никаких задержек не будет, — сказала Скейд. — Ему повезло, что Клавейн сбежал — теперь нам придется лететь во внутреннюю систему. Иначе мы вернули бы Феррисвильскому Конвенту труп, упакованный в скоростную ракетную боеголовку, причем имели бы на это полное право. Такой вариант вполне серьезно обсуждался.

— Я думал, там находишься ты, — пробормотал Ремонтуа и отошел от капсулы.

— Ну и как, вздохнул с облегчением?

Ремонтуа вздрогнул: голос исходил не из краба. Он обернулся и впервые задержал взгляд на странном предмете, которому поначалу не уделил внимание. Та самая «абстрактная скульптура» на цилиндрическом серебряном пьедестале, который возвышался в центре помещения, оказался подобием человеческой головы, украшенной гребнем.

Голова слегка кивнула в знак приветствия и заговорила с ним напрямую.

(Да, это я. Рада, что вы согласились следовать за моим представителем. Сейчас мы в зоне действия прибора. Как ощущения?)

«Все нормально», — отозвался Ремонтуа. — «Только подташнивает».

Фелка подошла поближе к пьедесталу.

— Не возражаешь, если я дотронусь до тебя?

(Будь как дома.)

Ремонтуа смотрел, как она, легко касаясь пальцами лица Скейд, настороженно исследовала его очертания.

— Это ты, не так ли? спросила Фелка.

(Ты, кажется, немного удивлена. Почему? Тебе беспокоит мое состояние? Я тебя уверяю, самое неприятное уже позади. Это временно.)

Но в глубине ее сознания Ремонтуа видел зияющую бездну ужаса и отвращения — настолько сильных, что они граничили с благоговейным страхом. Интересно, Скейд специально позволяет ощутить некоторые свои эмоции — или просто перестала справляться с маскировкой?

«Зачем ты позволила Дельмару такое сотворить?»

(Это не его идея. Для того чтобы мое тело полностью восстановилось, требовалось слишком много времени. У Дельмара далеко не лучшее оборудование. Поэтому я предложила ампутировать тело и оставить только голову, потому что она совершенно не пострадала.)

Скейд опустила глаза — согнуть шею она не могла.

(Система жизнеобеспечения устроена достаточно просто. Она вполне надежна и достаточно компактна... Словом, то, что надо. Правда, химический состав крови поддерживается не слишком аккуратно — эта штука забывает, что у меня нет нормального тела. Так что мой мозг периодически получает забавный коктейль из гормонов и прочей ерунды. Однако на моем состоянии это почти не отражается. Разве что случаются перепады настроения.)

— А твое тело? — спросила Фелка, отступая назад.

(К тому времени, как я вернусь в Материнское Гнездо, Дельмар вырастит клон-замену. Не думаю, что можно опасаться отторжения — образцы ткани брали под моим личным наблюдением.)

— Все прекрасно. Но пока ты здесь как в плену? Или я чего-то не поняла?

(Нет. Свободы передвижения меня никто не лишал.)

Голова повернулась вокруг своей оси на двести семьдесят градусов. То, что вышло из затененного угла, больше всего напоминало многофункционального слугу для домашней работы — такие есть у каждой уважающей себя современной хозяйки. Машина выглядела удручающе: безголовый двуногий «гермафродит» с круглым отверстием посередине плеч.

(Помоги мне туда забраться. Представитель может это сделать, но он провозится до скончания вечности.)

«Помочь тебе туда забраться?» — переспросил Ремонтуа.

(Прямо под основанием моей шеи есть стойка.)

Ремонтуа обхватил ладонями серебристый пьедестал и легко надавил. Что-то мягко щелкнуло, и крышка аппарата отделилась вместе с головой и оказалась у него в руках. Приподняв ее, Ремонтуа обнаружил, что она

тяжелее, чем могло показаться. В отверстии шевелился целый узел кабелей — они извивались, ощупывая пустоту, словно клубок угрей.

(Теперь неси меня... аккуратно... к роботу.)

Ремонтуа повиновался. Возможно, пару раз у него сознании проскальзывала шальная мысль уронить голову. Однако он не без оснований полагал, что Скейд при этом не слишком пострадает. Скорее всего, пол стал бы упругим и смягчил удар. Пару раз отфутболив эту соблазнительную идею, Ремонтуа подошел к роботу.

(А сейчас вставляй в тело. Подключение произойдет автоматически. Так... аккуратно... аккуратно...)

Ремонтуа опускал серебристую втулку, пока не почувствовал сопротивление.

«Ну как, теперь все?»

(Все.)

Глаза Скейд немного расширились, на лице проступили живые краски, которых раньше не хватало.

(Отлично. Соединение установлено. Теперь проверим... контроль сервоприводов...)

Предплечья «гермафродита» резко дернулись вперед, кулаки несколько раз судорожно сжались и разжались. Скейд согнула руку в локте и повертела ладонь перед глазами, неприязненно и восхищенно разглядывая искусственную конечность — блестяще-черную с полированным хромом. Робот, навевающий воспоминания о средневековых латах, был красив и одновременно омерзителен.

«Похоже, ты уже наловчилась им управлять».

Скейд сделала несколько шаркающих шагов, слегка вытянув вперед руки.

(О да... По правде сказать, я на редкость быстро освоилась. Еще немного — и я скажу Дельмару, чтобы он не беспокоился.)

— О чем? — спросила Фелка.

(О восстановлении моего старого тела. Останусь в этом. Шутка, между прочим.)

— Конечно, — с трудом выговорила Фелка.

(А ты должна радоваться, что со мной такое произошло. Теперь, скорее всего, я сделаю все возможное, чтобы взять Клавейна живым.)

— Почему?

— Пусть увидит, что он со мной сделал, — Скейд развернулась, звонко щелкнув пятками. — Ну что ж, кажется, пора показать вам еще кое-что интересное. Продолжим?

И, сверкая доспехами, она направилась из камеры.

Глава 15

Слово вонзилось в голову Вольевой, словно раскаленное тавро.

(Илиа.)

Она не могла говорить, только формировать мысленные ответы.

«Да. Откуда вам известно мое имя?»

(Я пришел узнать тебя. Ты проявила столько интереса ко мне... к нам... это было трудно — не узнать тебя тоже.)

Вольева снова хотела постучать в закрытый люк наверху, но руки не слушались. Ее парализовало, осталась только способность дышать. Что-то, чем бы оно ни было, по-прежнему стояло за спиной — словно кто-то смотрел ей через плечо.

«Кто...»

Ей передалось чувство жутковатого удовлетворения — словно насмешка над ее невежеством.

(Управляющая субличность орудия, конечно. Можешь называть меня Семнадцатый. А кто я, по-твоему?)

«Ты говоришь на русише».

(Я знаю, какие языковые фильтры ты предпочитаешь. Русиш достаточно легкий. И старый. Он почти не менялся с тех пор, как мы были созданы.)

«Почему... сейчас?»

(До этого ты никогда не заходила настолько глубоко в нас, Илиа.)

«Я... подбиралась. Близко».

(Возможно. Но никогда — при таких обстоятельствах. Никогда — в таком ужасе, даже в самом начале. Ты отчаянно пытаешься использовать нас, верно? Отчаяннее, чем раньше.)

Несмотря на сохраняющийся паралич, страх немного отпустил. Это «нечто» — просто компьютерная программа, не более того. Ей просто удалось проникнуть на уровень управления орудием, который она никогда до сих пор никогда сознательно не пробуждала. «Нечто» казалось неестественно враждебным, но эта враждебность — как и паралич — имеет ту же природу, что и искусственно вызванный страх, который появился в самом начале.

Илиа почувствовала пробуждающийся интерес. Интересно, каким образом орудие с ней общается. У нее в голове нет ни одного имплантанта, однако голос определенно возникает прямо в ушах. Такое могло

происходить только при одном условии: внутреннее помещение работает как очень мощный трал, только в обратном направлении. Оно стимулирует определенные зоны мозга при помощи магнитных полей. Если оно может вызвать страх, то ему не составит большого труда генерировать фантомные сигналы в слуховом нерве — или, что более вероятно, непосредственно в слуховой зоне мозга — и считывать сигналы возбуждения в коре, которые предваряют намерение заговорить.

«Сейчас отчаянные времена...»

(Нам тоже так показалось.)

«Кто вас создал?»

Семнадцатый ответил не сразу. На мгновение хватка, которая держала мозг Вольевой в подчинении, разжалась. Страх исчез, сменившись моментом пустоты и покоя — это напоминало вдох перед криком агонии.

(Мы не знаем.)

«Не знаете?»

(Нет. Они не хотели, чтобы мы это знали.)

Вольева выстраивала свои мысли с осторожностью человека, который размещает тяжелые предметы на шаткой полке.

«Я думаю, вас создали Конджойнеры. Это просто моя рабочая гипотеза, но вы пока ее ничем не опровергли».

(Это неважно, правда? По крайней мере, сейчас.)

«Возможно. Мне просто любопытно. Куда важнее то, что вы до сих пор способны мне служить».

Оружие пощекотало ту часть мозга, которая регистрирует удивление.

(Служить тебе, Илия? С чего ты взяла?)

«Раньше вы делали то, о чем я вас просила. Не ты конкретно, Семнадцатый, я еще никогда с тобой не общалась. Другие орудия всегда подчинялись».

(Мы не подчинялись тебе, Илия.)

«Нет?»

(Нет. Мы смеялись над тобой. Мы развлекались, выполняя твои просьбы. Чаще всего это выглядело так, будто мы выполняем твои команды, но только с твоей точки зрения.)

«Вы просто разыгрываете меня».

(Нет. Илия, ты должна понять. Тот, кто создал — кем бы он ни был — дал нам долю свободы. Должно быть, у него были причины. Возможно, ожидалось, что мы будем действовать автономно. Или выстраивать схему действий, собирая по кусочкам обрывки некорректных приказов. Скорее всего, нас создали как орудия уничтожения, понимаешь? Как последнюю

надежду. Оружие Конца Времени.)

«Вы им и остались».

(Илиа, неужели настал Конец Времени?)

«Я не знаю. Может быть, настал».

(Могу сказать, что ты была напугана, прежде чем придти сюда. Мы все можем это сказать. Чего ты на самом деле от нас хочешь, Илиа?)

«Есть проблема, в которой вы бы могли поучаствовать».

(Локальная проблема?)

«Да, она касается этой системы. Мне бы хотелось вывести вас за пределы корабля... за пределы этого помещения... чтобы вы мне помогли».

(А если мы решим не помогать тебе?)

«Ваше право. Я присматривала за вами в течение столь долгого времени, заботилась о вас, сохраняя в неприкосновенности. Я знаю, вы мне поможете».

Казалось, что Семнадцатый держит сознание Вольевой на весу и время от времени игриво пощелкивает по нему. Теперь она знала, что чувствует мышка, пойманная котом. Пожалуй, еще немного — и шестиметровый «кот» свернет ей шейку.

И вдруг это ощущение исчезло — так же внезапно, как и возникло, а заодно прошел и паралич. Она все еще оставалась пленницей, но снова могла управлять собственными мышцами.

(Возможно, Илиа. Но давай не будем притворяться, что ситуацию ничто не осложняет.)

«Ничего такого, что нельзя было бы обговорить...»

(Илиа, это будет очень трудно сделать без согласия другого объекта. Даже если бы мы хотели.)

«Другого?»

(Другого. Он по-прежнему способен до некоторой степени нас контролировать.)

Вольева перебирала в голове варианты, пока она не поняла, о ком говорит орудие.

«Вы имеете в виду Капитана».

(Илиа, мы не настолько автономны, чтобы действовать без разрешения другого объекта. Никакие уловки, которыми ты пытаешься нас убедить, здесь не играют роли.)

«Капитана просто надо уговорить, вот и все. Я уверена, в конце концов он согласится».

(Ты всегда была оптимисткой, Илиа?)

«Нет... вовсе нет. Но я верю в Капитана».

(Тогда мы надеемся, что сила твоего убеждения окажется достаточной.)

«Я тоже надеюсь».

Внезапно у Вольевой перехватило дыхание, словно от сильного удара в живот. В голове стало пусто, но неприятное ощущение чужого присутствия исчезло — словно захлопнулась дверь. Она висела в пустом колодце, одна. И хотя люк был по-прежнему заперт, совершенно не боялась.

Илиа отдышалась и пришла в себя, потом попыталась переосмыслить то, что с ней только что произошло. За все годы работы с орудиями она даже не подозревала, что они снабжены охранной субличностью, искусственным интеллектом высокого гамма-уровня — по крайней мере, если не до средней «беты».

Так или иначе, но сейчас Илиа чувствовала себя как выжатый лимон. Похоже, на то и было рассчитано.

Потом вокруг началась какая-то суета. Входной люк, который, насколько помнила Вольева, находился совершенно в другом месте, начал открываться, образовав щель в дюйм шириной, а потом все больше и больше. В колодец ворвался резкий голубой свет. Илиа с трудом смогла различить фигуру в скафандре.

— Хоури?

— Ну, слава вселенским силам! Ты еще жива. Что случилось?

— Скажем так, моя попытка перепрограммировать орудие не закончилась несомненным успехом. Может, не будем развивать эту тему?

Она терпеть не могла обсуждать свои ошибки — ничуть не меньше, чем их совершать.

— Что, ты ввела неправильную команду, или что-то в этом роде?

— Нет, я ввела правильную команду. Только она была правильной для другого узла обработки, а не для того, который был мне нужен.

— Но это тоже ошибка, не так ли?

Вольева повернулась, и на ее шлем упала полоска света:

— Это вопрос технологии. Как ты открыла панель?

— С помощью лома и чьей-то матери. Или по технологии так не полагается?

Хоури продемонстрировала увесистую монтировку, потом вставила ее в едва заметную щель, и несколько раз качнула взад и вперед, пока люк не приподнялся.

— И сколько времени это у тебя заняло?

— Много. Я трахалась с ней с тех пор, как тебя заперло, но она

поддалась только сейчас.

Вольева кивнула. Ее подруга могла продолжать в том же духе еще долго, если бы орудие не захотело пойти ей навстречу.

— Отличная работа, Хоури. Как думаешь, сколько тебе еще нужно, чтобы полностью ее открыть?

Хоури оценила свое положение относительно орудия, прикидывая, как увеличить рычаг.

— Еще секунда — и ты свободна, как ветер. Но прежде чем ты окажешься снаружи, давай все-таки решим, что делать с Оводом.

— Послушай, Хоури. Он только-только начал нам доверять. Хорошо, давай прямо сейчас покажем ему этот корабль. Пусть догадается, кто я такая на самом деле. Голову даю на отсечение, ты его больше не увидишь, по крайней мере, в обозримом пространстве и времени. Мы его потеряем. А заодно и единственную возможность по-человечески провести эвакуацию планеты.

— Вряд ли он станет сильнее нам доверять, если мы так и будем клеить отмазки, вместо того, чтобы пустить его на корабль.

— Ничего, какое-то время потерпит.

Ответа не последовало. Вольева немного подождала, а затем заметила, что светящийся голубой полумесяц исчез. Это означало, что фонарик Хоури уже не направлен на оболочку орудия. Монтировка торчала из щели, но не двигалась.

— Хоури... — спросила Вольева, снова теряя спокойствие.

— Илиа... — голос звучал слабо, будто она боролась с удушьем. — Мне кажется, у меня небольшая проблема.

— Вот дерьмо!

Вольева схватила конец монтировки и втянула ее к себе. Потом заняла устойчивую позицию, навалилась на рычаг и расширила отверстие настолько, что смогла высунуть наружу голову в шлеме. В мелькающем свете Илиа увидела, как Хоури уплывает в темноту. Ее «рюкзак» с двигателями летел в противоположном направлении. А на покато боку орудия чернела фигура тяжелого робота, похожего на агрессивного богомола. Похоже, машиной управлял Капитан.

— Ты, убудок чертов! Это я взломала орудие!

Хоури уже преодолела значительное расстояние — примерно половину пути к дальней стене. Как быстро она двигается? Наверно, метра три-четыре в секунду. Не слишком быстро, но конструкция ее скафандра не рассчитана на столкновения и не снабжена соответствующей защитой. Если удар будет сильным...

Илиа еще сильнее навалилась на монтировку, пытаясь выиграть хотя бы несколько жалких дюймов. И смутно догадывалась, что не успевает. Слишком медленно! Хоури врежется в стену задолго до того, как она выберется из орудия.

— Капитан... ты зря это сделал.

Она надавила сильнее. Пальцы соскользнули, монтировка чиркнула по шлему и исчезла в темных глубинах колодца. Вольева зашипела от злости. Теперь еще и искать эту хрень, когда и так нет времени! Щель была достаточно широкой, чтобы протиснуться в нее, сняв раму с двигателями и системой жизнеобеспечения. Она сможет вернуться к шаттлу даже без этого, но как помочь Хоури?

— Блин, — бессильно ругалась Вольева. — блин... блин... блин!!!

И тут люк распахнулся, словно она произнесла заклинание.

Илиа выбралась наружу и оттолкнулась от стенки орудия, забыв про работа. Не было времени размышлять, что произошло. Ясно одно: люк мог открыть только Семнадцатый. Или Капитан.

Вольева отдала шлему приказ включить радар и вывести изображение на щиток, потом начала медленно поворачиваться, пока не засекала Хоури. Траектория ее движения пролегла вдоль длинной оси помещения, мимо зловещего нагромождения орудий. Просто чудо, что Хоури до сих пор не столкнулась с аркой монорельса, который проходит по всему Тайнику... пока не столкнулась.

— Ана! Ты жива?

— Еще жива... — в голосе Хоури слышалась боль, словно у раненой. — Не могу остановиться.

Вольева летела вдогонку, лавируя между орудиями, которые казались знакомыми и одновременно таинственными. Картинка на радаре обретала форму и четкость и теперь внятно напоминала фигурку человека. За ней, приближаясь с каждой секундой, была дальняя стена. Вольева оценила свою скорость относительно преграды. Шесть метров в секунду. Хоури, похоже, двигалась не намного медленней.

Максимальное ускорение. Илиа выжимала из двигателей все, что можно. Десять метров в секунду... двенадцать... Она уже видела Хоури — серую фигурку, похожую на куклу с безжизненно болтающейся рукой — которая понемногу становилась больше. Вольева запустила реверсы. Рама задрожала мелкой дрожью, сзади неожиданно громко взревело пламя. Пятьдесят метров... сорок... Похоже, Хоури пришлось несладко. Ее рука словно делала какие-то бессмысленные, но экспрессивные жесты.

— Илиа... стена приближается на глазах.

— Я тоже. Держись. Может быть легкий...

Они столкнулись.

— ... толчок.

К счастью, при столкновении Хоури не отбросило в сторону. Вольева ухватила ее за неповрежденную руку, одновременно разматывая трос, закрепила его на поясе Хоури и тут же отпустила подругу. До стены оставалось не более пятидесяти метров. Большой палец Вольевой давил на кнопку, реверсы надрывались, игнорируя протесты субперсоны скафандра. Трос натянулся как струна. Когда до стены оставалось столько же, сколько между Хоури и Вольевой, движение начало замедляться. Зловещая плоскость приближалась, но уже не с такой угрожающей быстротой.

— Ты в порядке? — спросила Вольева.

— Похоже, что-то себе сломала. Как ты выбралась? Когда этот железная мразь меня отшвырнула, люк был почти закрыт.

— Мне удалось открыть его чуть. Подозреваю, мне помогли.

— Капитан?

— Возможно. Но тогда я его не понимаю. Получается, он все-таки на нашей стороне?

Илиа смолкла, чтобы полностью сосредоточиться на процессе. Сматывая трос, она медленно развернулась вокруг себя. На радаре проступили бледно-зеленые призраки тридцати трех орудий, и Вольева прикинула курс отступления.

— Хоть убей, не понимаю, — сказала она. — Зачем Капитан натравил на тебя робота? Может, просто хотел предупредить, а не убить? По твоим словам, он мог уже пятнадцать раз нас прикончить. Может быть, Бренниген предпочитает, чтобы мы были под рукой — на всякий случай?

— Похоже, в люке на тебя снизошло откровение.

— Хоури, я не думаю, что нам стоит рассчитывать на помощь Капитана.

— Нет?

— Есть еще кое-кто, кого можно попросить о помощи, — сказала Вольева. — Силвеста.

— О нет.

— Ты уже однажды встречалась с ним — внутри Гадеса.

— Илиа, я лучше сдохну, чем полезу в эту гребаную штуковину. Черт, всю жизнь мечтала еще раз пережить это приключение...

— У Силвеста есть доступ к знаниям амарантян. Он должен представлять, что можно противопоставить Подавляющим. На худой конец, его может осенить какая-нибудь оригинальная идея. Он может располагать

по-настоящему ценной информацией. Даже если он не сможет помочь нам ничем другим.

— Ни за что, Илиа.

— Ты уже не помнишь, как умирала? Сейчас с тобой все в порядке. По крайней мере, ничего страшного не случилось.

— Вот и общайся с ним, черт побери, если это так легко.

Голос Хоури был очень слабым, словно она бормотала сквозь сон.

Наконец Вольева увидела прямоугольные очертания входного шлюза и медленно направилась туда, сматывая трос и проталкивая Хоури вперед. К тому времени раненая уже потеряла сознание.

Илиа вплыла в шлюз, заперла люк и дождалась, пока камера наполнится воздухом. Когда давление достигло девяти десятых бар, она сняла шлем, отчего тут же заложило уши, и убрала с глаз слипшиеся от пота волосы. Все датчики биомедицинских показателей на скафандре Хоури горели зеленым — это означало, что ее состояние не вызывает опасений. Пожалуй, сейчас имеет смысл оттащить Хоури куда-нибудь, чтобы внимательно осмотреть и подлечить. Вольева как раз размышляла в этом направлении, когда в тесном пространстве тамбура негромко раздалось:

— Подожди.

Знакомый спокойный голос ничуть не изменился с тех пор, как Вольева его слышала в последний раз — много лет назад. Он напомнил ей о невыносимом холоде камеры, куда другие члены экипажа старались не заходить. Казалось, звук исходит прямо из стены, резонируя в пустоте помещения.

— Капитан? — спросила она.

— Да, Илиа. Он самый. Я готов поговорить с тобой.

Скейд вела Фелку и Ремонтуа «вниз», на корму «Ночной Тени», вглубь зоны действия секретных механизмов. Постепенно Ремонтуа почувствовал, как его охватывает странное, совершенно неуместное возбуждение. Может быть, у него просто разыгралось воображение? Однако пульс участился, удары сердца стали сильнее. Ощущение тревоги возрастало с каждым метром, словно они погружались в невидимый газ, расстраивающий нейрорегуляцию.

«Что-то происходит».

Голова Скейд резко обернулась на сто восемьдесят градусов, хотя механическое тело продолжало шагать как ни в чем не бывало.

(Верно. Мы довольно далеко зашли в поле. Думаю, безопаснее

вернуться сейчас, пока можно сделать это без медицинской помощи. Психологическое воздействие скоро начнет выводить тебя из равновесия. Еще метров десять к корме — и тебе покажется, что прошел целый день.)

«Так что происходит?»

(Это довольно трудно объяснить. Мы находимся в зоне действия некоторых устройств, которые меняют свойства материи. Всей материи, в том числе и той, из которой состоит твое тело. Это поле подавляет инерцию. Что ты знаешь об инерции, Ремонтуа?)

«Полагаю, примерно то же, что и остальные», — признался он. — «По правде сказать, никогда не приходилось об этом задумываться. Мы просто живем с этим, и все».

(Только не сейчас.)

«Что ты сделала? Ты смогла ее... отключить?»

(Ну, не то чтобы отключить... Просто чуть-чуть уменьшить.)

Голова Скейд снова приняла нормальное положение. Ремонтуа успел поймать ее непринужденную улыбку и теперь наблюдал, как по гребню пробегают опаловые и светло-вишневые переливы. Можно себе представить, каково будет изложить эту концепцию в привычных понятиях, доступных хотя бы ученым-физикам. А Скейд говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся.

(Инерция — гораздо более сложное понятие, чем ты мог подумать, Ремонтуа.)

«Не сомневаюсь».

(Внешне все очень просто. Мы чувствуем инерцию постоянно, с самого рождения. Толкни круглый камешек, и он покатится. Толкни с той же силой валун, и он не сдвинется с места. Если этот валун катится, тебе потребуется немалое усилие, чтобы его остановить. Материя ленива, Ремонтуа. Тела сопротивляются изменению — неважно, находятся ли они в неподвижности или в движении. Они стремятся делать то, что делали. Так называемая инерция лени — только не стоит понимать это буквально. В течение тысячелетий человечество навешивало ярлыки, измеряло, заключало в уравнения... Но до сих пор только оставляло царапины на поверхности проблемы.)

«А сейчас?»

(Мы совершили открытие. Даже нечто большее. Недавно Материнское Гнездо научилось управлять инерцией на микроскопическом уровне.)

— Это вам дало Введение? — вслух спросила Фелка.

Скейд ответила мысленно. Возможно, она просто не желала ей потворствовать.

(Я уже говорила вам, что Введение дает только намеки. Мы узнали, что такие устройства в принципе могут существовать. Этого было достаточно. Впрочем, для создания опытных образцов нам потребовался не один год.)

Ремонтуа кивнул. Он не находил причин не верить Скейд.

«Хотя у вас были только намеки?»

(Нет... не только. Скажем так: нам было от чего отталкиваться.)

«И от чего же?»

Он отметил, что на гребне Скейд появились розово-лиловые и бирюзовые полосы.

(Была еще одна фракция, которая вела работу примерно в том же направлении. Материнскому Гнезду удалось добиться от них возвращения ключевых разработок по этой работе. Они стали отправной точкой, с которой мы начали создание экспериментальных образцов — ну, разумеется, и теоретические подсказки, которые получили во время Введения.)

Ремонтуа вспомнил сверхсекретную миссию в Городе Бездны, в которой участвовала Скейд — во время которой погибла вся группа, кроме нее самой. Несомненно, операция была санкционирована Внутренним Кабинетом. Членам Закрытого Совета сообщили лишь о факте ее проведения, но не более того.

«И ты участвовала в возвращении этой техники, Скейд? Как я понимаю, тебе очень повезло, что ты вернулась живой».

(Мы понесли страшные потери. И нам действительно повезло. Операция вообще могла закончиться полным провалом.)

«А прототип?»

(Мы работали годами, чтобы добиться каких-то результатов. Контроль над инерцией на микроуровне не имеет практической ценности — это просто подтверждение, что концепция верна, пусть даже это принципиально новая концепция. Позже нам удалось сделать еще шаг вперед. И сейчас можем управлять инерцией в масштабах классической физики. Этого достаточно, чтобы влиять на характеристики корабля.)

Ремонтуа посмотрел на Фелку, затем на Скейд.

«Смело, ничего не скажешь».

(Смелость людей — двигатель прогресса.)

«А другая фракция... те, у кого вы изъяли образцы... почему они не пошли по этому пути?» — похоже, Скейд формулировала мысли с крайней осторожностью.

(Все предыдущие попытки постичь природу инерции были обречены,

потому что основывались на ошибочных предпосылках. Инерция — это свойство не материи как таковой, а квантового вакуума, в котором она находится. Сама по себе материя инерцией не обладает.)

«Вакуум создает инерцию?»

(На квантовом уровне вакуум — это не пустота. Это кипящая пена всевозможных взаимодействий, бурное море флуктуаций, где частицы и субчастицы пребывают в непрерывном движении... как блики солнца на океанских волнах. Так вот, инерцию массы создает волнение моря, но не само море. Вся хитрость в том, чтобы найти способ изменять свойства квантового вакуума с тем, чтобы уменьшать или увеличивать плотность энергии нулевого электромагнитного потока. Грубо говоря, успокоить море, только в отдельно взятом объеме.)

Ремонтуа сел.

«Я отдохну, если никто не возражает».

— Я тоже, — сказала Фелка, усевшись рядом. — Меня тошнит, и голова тяжелая.

Робот резко развернулся. Наверно, именно так двигались рыцари в старинных доспехах.

(На вас сказывается действие поля. Собственная масса ваших тел уменьшилась примерно наполовину. Ваше внутреннее ухо сбито с толку, потому что инерция жидкости в сообщающихся каналах снизилась. Ваше сердце бьется чаще: оно приспособлено к перекачке крови с собственной инерционной массой порядка пяти процентов от массы тела, а сейчас работает с половинной нагрузкой, а заодно более активно реагирует на электрические импульсы. Если мы пойдем глубже, у вас начнется тахикардия. Она будет усиливаться, и без медицинского вмешательства вы умрете.)

Ремонтуа усмехнулся, глядя на металлическую фигуру.

«И ты будешь счастлива».

(Уверяю вас, особого удовлетворения я не испытаю.)

«Так что делает это устройство? Полностью лишает инерции материю внутри некоторого объема?»

(В нынешнем режиме работы — нет. Радиальная эффективность глушения зависит от режима, в котором работает прибор. В данный момент зависимость обратна квадрату переменной поля. Это означает следующее: приближаясь к машине на метр, мы увеличиваем коэффициент затухания инерции в четыре раза. По мере приближения к работающей установке он возрастает почти до бесконечности, но инерционная масса никогда не уменьшается до нуля. Повторяю, в этом режиме.)

«Значит, есть другие?»

(Скажем так, другие состояния. Мы можем их вызвать, но они менее стабильны, чем это.)

Скейд сделала паузу и поглядела на Ремонтуа.

(Выглядишь неважно. Может, вернемся?)

«Сейчас приду в себя. Расскажи побольше о своей волшебной шкатулке».

Она улыбнулась, по обыкновению натянуто, и, как показалось Ремонтуа, с гордостью.

(Мы смогли вызвать противоположное состояние материи — это был наш первый прорыв. Мы создали область сверхплотного квантового вакуума и, как следствие, возрастания потока энергии-импульса. Мы назвали это «состояние один». Эффект заключался в возникновении зоны гиперинерции — пузыря, в котором все движения затухали. Но это состояние оказалось нестабильным, и нам ни разу не удалось увеличить поле до макроскопических масштабов. Зато какой простор для дальнейших исследований! Если заморозить движение путем увеличения количества инерции на несколько порядков, то получается поле стазиса — барьер, который может быть непроницаем. Но «состояние два» оказалось технически более достижимым. Кусочки мозаики почти встали на места.)

«Могу поспорить, что встали».

— А есть третье состояние? — спросила Фелка.

(«Состояние три» выявило особенность, о которой мы не подозревали. По нашим подсчетам получалось, что оно будет физически неосуществимо. Вся инерционная масса исчезает. Вся материя в пузыре третьего состояния становится фотонной, то есть чистым светом. Мы не рассчитывали, что это произойдет. По меньшей мере, оно бы вызвало массовое нарушение закона сохранения спинового числа ^[32] в данном объеме пространства.)

— А еще глубже? Есть «состояние четыре»?

(Я думаю, мы и так превзошли сами себя. Мы изучаем, как ведут себя эти устройства в пространстве с хорошо изученными параметрами. И я не вижу смысла предаваться необузданному рассуждательству.)

«И много было испытаний?»

(«Ночная Тень» — действительно прототип. Первый корабль, который оборудован устройством контроля инерции. Во время первых полетов я провела некоторое количество тестов. Немного уменьшала инерцию — этого было достаточно, чтобы повлиять на расход топлива и подтвердить наличие поля, не привлекая внимания)

«А сейчас?»

(Сейчас поле намного сильнее. Эффективная масса корабля составляет всего двадцать процентов от той, с которой мы покидали Материнское Гнездо. Небольшая часть корабля оказалась за границами поля, но мы можем это компенсировать. Достаточно просто увеличив его напряженность поля.)

Скейд сомкнула ладони с металлическим лязгом.

(Подумать только, Ремонтуа! Мы можем уменьшить нашу массу до одного процента, а то и меньше, и поднять ускорение до ста «g». Если люди окажутся внутри «пузыря», мы сможем перенести такое ускорение и достичь субсветовой скорости за пару дней. Это означает, что путешествие между ближайшими звездами займет пару недель корабельного времени. И зачем нам тогда криосаркофаги? Представляешь, какие возможности? Как будто Галактика вдруг стала намного меньше.)

«Но вы создавали ее вовсе не для этого».

Ремонтуа поднялся на ноги, борясь с головокружением, и облокотился о переборку. Уже давно его организм не был так близок к состоянию тотальной интоксикации. Экскурсия оказалась весьма познавательной, но Ремонтуа был более чем готов вернуться наверх, где его кровь снова обретет естественные свойства.

(Я не уверена, что поняла тебя, Ремонтуа.)

«Вы сделали ее на тот случай, если сюда явятся Волки, верно? И для того же вы построили эвакуационный флот».

(Что?!)

«Даже если мы не сможем сразиться с ними, вы, по крайней мере, предоставите нам возможность убежать далеко и очень, очень быстро».

Клавейн открыл глаза, просыпаясь после очередного сеанса принудительного сна. Мирные сны о прогулках по лесам Шотландии во время дождя все еще манили, обещая несколько рискованных приключений. Соблазн вернуться в бессознательное состояние был велик, но старые солдатские инстинкты заставили Клавейна подняться, как по команде. Его ждали дела. Корвет получил инструкцию — будить пилота только в случае опасности или попытки установить связь. Беглая оценка ситуации указывала, что вызов был очень настойчивым.

Его кто-то преследовал. Подробности прилагались к отчету.

Клавейн зевнул и почесал буйно разросшуюся бороду, за которой уже давно перестал следить. Потом бросил взгляд на свое отражение в иллюминаторе. Зрелище внушало некоторые опасения. Воспаленные глаза, густая порось на лице... ни дать ни взять спелеолог, который только что

выбрался на поверхность после многонедельного блуждания по пещерам. Приказав корвету на несколько минут стабилизировать скорость, Клавейн набрал из крана воды — казалось, у него в ладонях дрожит гигантская амеба — и сполоснул лицо, а затем пригладил бороду и волосы. Новый взгляд на отражение не показал изменений к лучшему. Но теперь он, по крайней мере, больше походил на спелеолога, чем на кроманьонца.

Отстегнув ремни безопасности, Клавейн снова сел в кресло. Теперь можно было приготовить кофе и что-нибудь вроде легкого завтрака. Опыт показывал: все кризисные ситуации в космосе можно разделить на две категории. Первая — когда тебя пытаются уничтожить немедленно, атакуя без предупреждения или почти без предупреждения. Вторая — когда у тебя в запасе достаточно времени, чтобы поразмышлять над проблемой в поисках оптимального решения. Впрочем, обдумывать эту проблему — как и на любую другую — на голодный желудок не следовало.

Из динамиков лилась музыка — звучала одна из незаконченных симфоний Квирренбаха. Попивая кофе, Клавейн просматривал отчеты о состоянии систем корвета. Корабль безупречно функционировал с момента побега с кометы Скейд — отрадно, но не удивительно. Остатков топлива было вполне достаточно, чтобы добраться до окрестностей Йеллоустоуна, включая соответствующие процедуры выхода на орбиту по прибытию. Со стороны корвета осложнений не предвиделось.

Сообщения из Материнского Гнезда начали приходить, как только стало известно его побеге. Их передавали по «плотному лучу» с грифом высокой секретности. Корвет распаковал все записи и сохранил их в нужной последовательности.

Клавейн откусил кусок тоста.

— Проиграй все. Начиная с первого, по прослушивании сотри.

Он уже догадывался о характере первых посланий. Это будут отчаянные призывы вернуться в Материнское Гнездо. Первое дало повод для серьезных размышлений. В нем выражалась уверенность — или претензия на уверенность — что его поступку, который выглядел как попытка измены, можно будет найти превосходное оправдание. Но особого энтузиазма или уверенности Клавейн не заметил. Затем послания стали выглядеть иначе и превратились в банальные угрозы.

Следующим «посланием» Материнского Гнезда стали ракеты. Клавейн сменил курс и ушел от них. Похоже, это сообщение было последним. Корвет двигался быстро, теперь снаряды или корабли, посланные в погоню, могли догнать его только в одном случае — если бы Клавейн решил еще раз изменить курс и направиться в межзвездное пространство.

Но следующая группа посланий пришла не из Материнского Гнезда. Их источник располагался под небольшим, но достойным внимания углом относительно траектории корвета — несколько угловых секунд. Судя по фиолетовому смещению [\[33\]](#), этот объект двигался.

Клавейн подсчитал его ускорение — полтора «g», потом прогнал данные через тактический симулятор. Что и требовалось доказать: внутри системы ни один корабль не сможет догнать корвет на таком ускорении. Клавейн позволил себе вздохнуть с некоторым облегчением. Однако почему преследователи выбрали такую тактику? Может быть, это психологический ход? Не похоже. Объединившиеся не слишком любили пользоваться такими приемами.

— Открой сообщения, — приказал Клавейн.

Послание было в аудио-видео формате. В рубке возникла голова Скейд, окруженная расплывчатым овальным ореолом. Общение проходило вербально — она знала, что беглец никогда не позволит ей снова установить контакт сознаний.

— Привет, Клавейн, — сказала Скейд. — Пожалуйста, выслушай и постарайся понять. Как ты уже мог догадаться, мы преследуем тебя на «Ночной Тени». Ты полагаешь, что нам не под силу поймать тебя или даже подойти на расстояние обстрела. Поверь, ты ошибаешься. Мы увеличиваем ускорение и продолжаем набирать скорость с определенными интервалами. Если сомневаешься, внимательно проверь передачи по Доплеровскому эффекту.

Бестелесная голова застыла, затем исчезла.

Следующее сообщение пришло из того же источника; как указывал заголовок, отправлено оно было через девяносто минут после первого. Ускорение корабля составляло уже два с половиной «g».

— Клавейн. Сдавайся, и я гарантирую тебе беспристрастный суд. Ты не сможешь победить.

Качество передачи оставляло желать лучшего. Звук голоса казался странно механическим, а какие-то алгоритмы сжатия делали голову совершенно неподвижной — шевелились только глаза и рот.

Следующее сообщение: три «g».

— Мы засекли эмиссию твоих двигателей, Клавейн. Судя по температуре и фиолетовому смещению, ты вышел на предельную скорость. Я хочу, чтобы ты отметил один факт: мы уже совсем близко. Ты не можешь вообразить, на что способен мой корабль — даже если очень постараться. Мне ничего не стоит перехватить твой корвет.

Лицо, похожее на маску, скривилось — это должно было означать

улыбку... Улыбку привидения, страдающего парезом лицевых мышц.

— Но мы еще согласны решить дело переговорами. Я разрешаю тебе выбрать место, Клавейн. Скажи только слово, и мы встретимся на твоих условиях. Маленькая планета, комета, открытый космос — меня это совершенно не волнует.

Он уничтожил сообщение. Можно не сомневаться: заявление Скейд — блеф чистой воды. Она не могла засечь двигатели. А последняя часть послания, призыв ответить — скорее всего, просто попытка заставить беглеца выйти на связь и выдать свое местоположение.

— Скейд, хитрюга... — сказал Клавейн. — Но я, к сожалению, намного хитрее.

Однако ситуация настораживала. Преследователь слишком быстро набирал скорость. Похоже, насчет скоростных возможностей «Ночной Тени» Скейд не обманула.

За ним гнался корабль — более мощный, чем все, которыми располагало Материнское Гнездо, и разрыв сокращался с каждой секундой.

Клавейн откусил еще кусочек тоста и прослушал чуть более продолжительный фрагмент Квирренбаха.

— Следующие, — сказал он.

— У вас больше нет сообщений, — ответил корвет.

Клавейн изучал сводку новостей, когда корвет принял новый пакет сообщений. Судя по аннотациям, на сей раз автором посланий была не Скейд.

— Проиграй их, — осторожно сказал Клавейн.

Первое послание пришло от Ремонтуа. Он материализовался в рубке, похожий на лысого херувима. Изображение было гораздо более «живым», чем в посланиях Скейд, а в голосе даже угадывались эмоции. Ремонтуа склонился к объективу, в его глазах была мольба.

— Клавейн, я надеюсь, ты прослушаешь это сообщение. И не просто прослушаешь, но и услышишь то, что я хочу сказать. Если ты получил послания Скейд, то, думаю, уже понял, что тебе ничего не светит. Она тебя не обманывала. Она убьет меня, если узнает, о чем я собираюсь тебе рассказать. Но я помню твою привычку уничтожать записи передач, так что вряд ли что-нибудь выплывет наружу. Так вот, слушай. На «Ночной Тени» находится экспериментальная установка. Помнишь, ты говорил, что во время первых полетов Скейд проводила на корабле какие-то испытания? Но ничего конкретного мы так и не выяснили. Клавейн, это была машина для управления инерцией. Не буду врать, что понимаю принцип ее

действия, но само это действие пережил на собственной шкуре. В буквальном смысле слова. Мы разогнались до четырех «g» — ты можешь сам подсчитать. Если я тебя еще не убедил, очень скоро ты получишь подтверждение — может быть, паралактическим сведениям об источнике сигналов ты поверишь. Все, что я говорю — правда. Скейд уверяет, что это не предел, и корабль может в несколько раз уменьшить свою массу.

Ремонтуа посмотрел в упор, словно мог видеть Клавейна в объективе камеры.

— Мы можем считать излучение твоих двигателей. Мы наводимся на них. Ты не сможешь уйти, Клавейн, так что даже не пытайся. Я прошу тебя, как друга. Я хочу увидеться с тобой снова, поговорить, посмеяться.

— Сбросить, и следующее, — сказал Клавейн.

Корвет подчинился. Вместо Ремонтуа в рубке возникла Фелка.

Клавейн вздрогнул от удивления. До сих пор он не задумывался о том, кто входил в команду преследователей. Он точно знал, что среди них будет Скейд. Клавейн убедился в этом, когда наблюдал пуск ракет, от которых он ушел. Значит, она добилась того, чтобы командовать операцией. Ремонтуа присоединился из чувства долга перед Материнским Гнездом. Возможно, он считает это чем-то вроде священной миссии, так как только ему по силам выследить Клавейна.

Но Фелка? Он ожидал увидеть кого угодно, но только не ее.

— Клавейн, — ей было тяжело говорить при ускорении в четыре «g», и голос напряженно дрожал. — Клавейн... пожалуйста. Тебя хотят убить. Скейд не станет заботиться о том, чтобы сохранить тебе жизнь, что бы она ни говорила. Она хочет одного — сцапать тебя и ткнуть носом в то, что ты сделал...

— Что я сделал? — спросил он, словно забыв, что говорит с голограммой.

— ... И если ей это удастся — не думаю, что ты заживешься на свете. Но если ты заглушишь двигатели и сдашься, и расскажешь Материнскому Гнезду, почему сделал то, что сделал, мне кажется, есть надежда. Ты еще слушаешь, Клавейн?

Она приблизилась настолько, что изображение ее лица заполнило весь экран.

— Я хочу, чтобы ты вернулся домой, вот и все. Мне даже не хочется спорить с тобой. Я сама во многом сомневаюсь — я имею в виду то, что тут происходит. Клавейн, и не могу сказать, что...

Фелка потеряла нить рассуждений. Несколько долгих мгновений она смотрела в бесконечность, прежде чем заговорила снова.

— Клавейн... мне надо тебе кое-что сказать... это может оказаться важным. Я никогда не говорила об этом раньше, но сейчас, кажется, подходящий момент. Скажешь, это цинизм? Да, наверное. Но, по-моему, это единственный способ уговорить тебя вернуться. Вряд ли возможно найти другую причину. Надеюсь, ты меня простишь.

Клавейн ткнул пальцем переборку и выключил музыку. На какой-то пронзительный миг в рубке стало очень тихо. Лицо Фелки нависало над ним. Потом она нарушила молчание.

— Это произошло на Марсе, когда ты в первый раз попал в плен к Галиане. Она продержала тебя несколько месяцев, потом освободила. Ты должен помнить о том, каково это — быть в плену.

Клавейн кивнул. Конечно, он помнил. И какая разница, что с тех пор прошло четыреста лет?

— Гнездо Галианы было окружено со всех сторон, но она не собиралась сдаваться. Она строила планы на будущее. У нее были большие планы. В том числе и привлечение значительного числа сторонников. Но Гнезду не хватало генетического разнообразия. Галиана пользовалась любой возможностью завладеть новыми образцами ДНК. Клавейн, ты никогда не занимался с ней любовью на Марсе, однако для нее не составило труда получить генетический материал без твоего ведома.

— И она... — прошептал он.

— После того, как ты вернулся к своим, она совместила твою ДНК со своей, сплела их. Затем из полученной ДНК создала меня. Я родилась в искусственной матке, Клавейн, но все равно я ее дочь. И твоя.

— Следующее сообщение, — сказал он, прежде чем Фелка успела произнести следующее слово. Это было слишком. Слишком сильно. Он не мог переварить информацию за один раз, хотя всего лишь получил подтверждение тому, что всегда подозревал. И о чем молился.

Но сообщений больше не осталось.

Поддавшись минутному порыву, Клавейн приказал корвету развернуться и ответить Фелке. Но предусмотрительность и осторожность старого солдата сделали свое дело: корабль предусмотрительно стер все записи, так что послание осталось только в памяти Невила.

Клавейн сидел в молчании. Он был вдали от дома, вдали от друзей, он затеял то, во что сам до конца не верил. Можно почти не сомневаться: скоро он погибнет, и никто не запомнит его иначе, как предателя. Даже враги. А теперь еще это сообщение, которое прибыло через пространство, чтобы раздирать его болью. Он говорил Фелке «до свидания», обманывая себя, убеждая себя в том, что больше не думает о ней как о дочери.

Покидая Материнское Гнездо, Клавейн почти верил в это.

Но сейчас она рассказала ему правду. Это могло быть только правдой.
И если он не вернется, то никогда больше не увидит ее.

Однако пути назад не было.

Клавейн заплакал. Больше ему ничего не оставалось.

Глава 16

Овод делал свои первые шаги на борту «Ностальгии по Бесконечности». Он смотрел по сторонам с безумными, широко распахнутыми глазами, отчаянно пытаясь не упустить ни одной детали, ни одного нюанса, который мог бы указывать на обман, ни малейшего намека на то, что окружающие предметы не являются тем, чем кажутся. Он даже боялся моргать. А что если жизненно важная ошибка, срывающая все покровы, произойдет, когда его глаза окажутся закрытыми? Что если эти женщины только и ждут, пока он моргнет — словно фокусники, которые играют на невнимательности зрителей?

Однако никакого подвоха обнаружить не удавалось. Допустим, полет на шаттле можно было инсценировать... хотя Овод с трудом представлял, как такое возможно. Но подделать корабль...

Он совершил полет через пространство. Он находится не на Ресургеме, а внутри колоссального звездолета — давно потерянного субсветовика, принадлежащего Триумвиру Вольевой. Даже гравитация здесь была иной.

— Вы не могли такое создать... — объявил он, следуя за своими провожатыми. — И тем более за шестьдесят лет. Если вы не Ультра — а вы не Ультра. Да и зачем бы вам такая инсценировка?

— Следовательно, ты веришь тому, что мы рассказали? — спросила Инквизитор, но это прозвучало как утверждение.

— У вас есть космический корабль межзвездного класса. Вряд ли это можно отрицать. И он, по крайней мере, не меньше «Лорина» — если я правильно понял. Но ведь вы не сможете разместить на нем двести тысяч «спящих», правда?

— Это и не понадобится, — откликнулась ее подруга. — Имей в виду: это спасательная операция, а не развлекательный круиз по Галактике. Все, что нам надо — просто увезти людей с Ресургема. Самых уязвимых мы разместим в криосаркофагах. А большинству придется бодрствовать, причем не в самых комфортных условиях. Само собой, удовольствия от этого будет мало, но лучше неудобства, чем смерть, можешь мне поверить.

Спорить было бессмысленно. Тем более, он не мог предложить ни одного варианта эвакуации со всеми удобствами.

— Сколько времени, по вашим оценками, людям придется провести на борту, прежде чем они смогут вернуться на Ресургем? — спросил Овод.

Женщины переглянулись.

— Возможно, они никогда не вернутся, — ответила та, что постарше.

Овод передернул плечами.

— Когда мы высадились, на этой планете не было ничего, кроме камней. Будет нужно — начнем все с нуля.

— Конечно. Если будет на чем начинать, — она на ходу постучала согнутым пальцем по переборке корабля. — А такое не исключено, Овод. Но люди могут находиться здесь столько, сколько понадобится. Годы, даже десятилетия.

— Тогда что нам мешает достигнуть другой системы? — спросил Овод. — В конце концов, это субсветовик.

Ни Инквизитор, ни ее коллега не ответили.

— Я все еще хочу посмотреть на то, чего мы так боимся, — продолжил он. — Чем бы ни была эта угроза...

— Ты ночью хорошо спал, Овод? — спросила Ирина.

— Как обычно.

— Боюсь, это у тебя в последний раз. Следуй за мной, ладно?

Антуанетта находилась на борту «Штормовой Птицы» и проводила проверку систем, когда пришло сообщение. Грузовик все еще стоял в доке Карусели Нью-Копенгагена, но большинство крупных повреждений были уже устранены. Обезьяны работали круглосуточно, так как ни Ксавьер, ни Антуанетта, по понятным причинам, не желали задерживаться на Карусели даже на час дольше необходимого. Приматы согласились отремонтировать судно, несмотря на то, что большинство обезьян на Карусели бастовали или лежали, сраженные каким-то чисто обезьяним вирусом, который таинственным образом распространился за одну ночь, не пощадив ни один вид. Успокаивало то, что приматы симпатизировали Ксавьеру. Среди них почти не было горячих сторонников Феррисвильского Конвента. Тот факт, что полиция преследовала Ксавьера и его подругу, только прибавляло обезьянам энтузиазма, заставляя игнорировать профсоюзные соглашения. Разумеется, деньги тоже играли определенную роль. По окончании ремонта Ксавьер намеревался выплатить своим рабочим приличную сумму — несколько больше, чем мог себе позволить. Впрочем, ситуацию отчасти спасала возможность взаимозачета и натурального обмена. Отец Антуанетты часто экономил таким образом. Он постоянно твердил о пользе разумной бережливости, и прагматизм вошел у нее в плоть и кровь.

Антуанетта, зажав подмышкой блокнот и стиснув зубами ручку, «прозванивала» установочные параметры конфигурации поля токамака,

когда зазвенела консоль. Первая мысль была о какой-то неточности, которая вызвала сбой где-то в контрольной сети корабля.

— Тв-варь... — она по-прежнему держала ручку в зубах, уверенная, что субличность поймет ее мычание, — жафикшируй это, хорошо?

— Маленькая Мисс, сигнал указывает на поступление сообщения.

— Кшавьер?

— Нет, не мистер Лю, Маленькая Мисс. Послание, насколько можно догадываться, поступило из главной информационной магистрали, то есть из-за пределов Карусели.

— Жначит, это копы. Жабавно. Обычно они не ж-жвонят, а просто наришовываються, как кучки вонючих экшкрементов на пороге.

— Также не похоже, что это полиция, Маленькая Мисс. Можно ли предположить, что наиболее благоразумным направлением действий будет просмотр сообщения?

— Ах ты, умница, — она вытащила ручку изо рта и заложила ее за ухо. — Давай его сюда, на мой экран.

— Слушаюсь, Маленькая Мисс.

Экран, загроможденный данными по токамаку, очистился. На их месте появилось лицо, похожее портрет работы авангардиста — крупные квадратики пикселей слегка затрудняли восприятие. Разрешение было никудашное. Однако непохоже, что отправитель пытался скрыть свои черты, пользуясь низкой пропускной способностью канала. Как бы то ни было, девушка узнала его без труда.

— Антуанетта... это опять я. Надеюсь, ты вернулась живой и невредимой.

Невил Клавейн сделал паузу и почесал бороду.

— Я провожу это послание примерно через пятнадцать передатчиков. Некоторые из них сделаны еще до Эпидемии, некоторые, возможно, еще древнее, и относятся чуть ли не к эпохе Американо, так что заранее извиняюсь за качество изображения. Боюсь, ты не сможешь мне ответить, а мне не удастся повторить подобную попытку еще раз. Мне нужна твоя помощь, Антуанетта. Очень... очень нужна, — он неловко улыбнулся. — Я знаю, о чем ты думаешь: о том, как я обещал убить тебя, как только ты мне попадешься. Знаешь, я тоже кое о чем думал... Я сказал это, чтобы ты восприняла мои слова всерьез и не вляпалась в неприятности. Я очень надеюсь, что ты мне все еще веришь, Антуанетта. Иначе я не смогу надеяться на то, что ты согласишься выполнить мою просьбу.

— Просьбу? — ее лицо вытянулось от изумления.

— Мне нужно, чтобы ты прилетела и вытащила меня, Антуанетта, .

Понимаешь, я попал в очень серьезную передрагу.

Она внимательно дослушала сообщение, благо оно оказалось не слишком длинным. Просьба Клавейна оказалась достаточно простой и не выходила за пределы возможностей Антуанетты. Он оставил точные координаты, так что ей не придется прочесывать всю Галактику. Времени в обрез — совсем в обрез. Зато ни малейшего риска для жизни не предвидится, разве что угроза будет исходить от самого Клавейна. Нет, в целом здесь нет ничего неосуществимого. Ясно, что Клавейн обдумал все детали, прежде чем отправлять послание, учел почти все вероятные проблемы и препятствия, с которыми, скорее всего, ей придется столкнуться. Антуанетта не могла ему помочь, но такая трогательная забота восхищала.

Впрочем, дело не в содержании послания, а в его авторе. Это был Клавейн, Мясник Тарсиса, который с недавних пор поселился в ее снах, стал воплощением того, что поначалу было просто страхом перед вербовкой «пауков». Это он управлял блестящими приборами, которые проникали в ее мозг.

И неважно, что однажды Клавейн спас ей жизнь.

— Это все твои сраные шуточки, — пробормотала Антуанетта.

Клавейн плыл в космосе. Через щиток шлема он наблюдал, как корвет, ведомый автопилотом, удаляется по кривой. Корабль постепенно уменьшался, становясь практически неразличимым среди мерцающих звезд. Затем пламя главного двигателя вспыхнуло, словно яркий фиолетово-синий клин: корабль ложился на прежний курс относительно позиции «Ночной Тени». Ускорение должно было размазать в кашу любого, кто находился на борту. Некоторое время Клавейн следил за ним, пока светящийся клин не превратился в легчайшую тусклую царапинку среди звезд, до самой точки, где тот, наконец, мигнул и исчез.

Клавейн остался один. Больше одиночество было невозможным.

Сейчас двигатели корвета работают с максимальной нагрузкой, но корабль это выдержит. Через несколько часов он достигнет некой точки пространства — в соответствии с последней отметкой его положения, сделанной «Ночной Тенью» — и снова снизит скорость. Он должен двигаться так, словно на борту есть люди. Скейд снова сможет засечь его двигатели. Кроме того, она заметит, что эмиссия стала неравномерной, что обусловлено нестабильным сгоранием топлива. По крайней мере, Клавейн надеялся, что Скейд именно так и подумает.

В течение последних пятнадцати часов он издевался над силовыми

установками корабля как мог, намеренно игнорируя предупреждения ограничителей. С учетом массы всего, что находилось на борту — оружие, горючее, системы жизнеобеспечения — фактический потолок ускорения не намного превышал предел выносливости его собственной физиологии. Выше этого последнего предела Клавейн предусмотрительно не заходил. Однако он делал все, чтобы создать у Скейд крайне неблагоприятное впечатление.

Скорее всего, она наблюдает за показателями эмиссии двигателя, ожидая, когда Клавейн совершит ошибку. Следовательно, следовало ввести в систему управления двигателями такие команды, чтобы неизбежность поломки в этом режиме работы была очевидна. Играя температурами силовых установок, Клавейн заставил их изображать неустойчивую работу. А небольшое количество нерасплавленных примесей, несомненно, указывало на то, что двигатели обратной тяги взорвутся с минуты на минуту.

Через пятнадцать минут двигатели начнут давать более серьезные сбои. Можно почти не сомневаться: Скейд определит характер этой неисправности, как по учебному пособию. И вряд ли она станет дожидаться, пока беглец погибнет быстро и почти безболезненно при взрыве двигателей. Ей захочется взять его живым, чтобы сделать его смерть более длительной и неприятной. Но если Скейд «обнаружит» именно ту неисправность, которую Клавейн так старательно инсценировал, ее вывод будет однозначным: автоматическим ремонтным механизмам корвета потребуется минимум десять часов, чтобы устранить неисправность. Причем при подобной аварии о полном восстановлении не может быть и речи. Придется перезапускать термоядерный катализатор антивещества — следовательно, двигатели больше не смогут работать в полную мощность. В самом лучшем случае, ему удастся выжать из корвета шесть «g», и то ненадолго.

Скейд ни на секунду не усомнится в успешном исходе погони после того, как увидит выхлоп корвета и идентифицирует вспышки пламени дюэ. И ей даже в голову не придет, что беглец использовал эти десять часов отнюдь не для ремонта двигателей. Она никогда не догадается, что все это время Клавейн находится в совершенно другой точке пространства. По крайней мере, он на это надеялся.

Перед тем, как покинуть корвет, Клавейн отправил сообщение Антуанетте Бакс, предварительно убедившись, что сигнал не сможет перехватить ни Скейд, ни кто-либо из ее противников. Он передал ей свои координаты и точный срок, в течение которого сможет продержаться,

болтаясь посреди космического пространства в легком скафандре с незамысловатой системой переработки. Если расчет был правильным, Антуанетта подоспеет вовремя и вытащит его из опасной зоны прежде, чем Скейд сообразит, что произошло. Все, что требуется от Антуанетты и ее корабля — прилететь и включить радары. Рано или поздно она его «зацепит».

Но у нее есть только одна возможность — уложиться в крошечный временной промежуток. А у Клавейна был единственный шанс добиться от Антуанетты помощи, причем немедленно. И этот шанс уже использован. Если девушка не поверит ему или решит подумать пару дней, Клавейну конец.

Он был у нее в руках. Со всеми потрохами.

Клавейн делал все, что мог, только бы системы скафандра продержались подольше. Он отдавал своему организму команды, замедляя процесс обмена веществ, чтобы использовать как можно меньше воздуха и энергии. По большому счету, оставаться в сознании незачем. Это не даст ничего, кроме возможности бесконечно гадать, что его ждет — жизнь или смерть.

Одинок дрейфуя в пространстве, Клавейн начал подготовку к погружению в бессознательное состояние. Он думал о Фелке, уже не веря, что когда-нибудь ее увидит, и вспоминая ее сообщение. Клавейн так и не понял, хочет ли, чтобы это послание оказалось правдой, или нет. Оставалось только уповать на то, что она найдет в себе силы смириться с его предательством, не возненавидит и не обидится за то, что он отказался выполнить ее просьбу.

Сначала Клавейн перешел на сторону Объединившихся потому, что верил: это единственно правильное решение в данной ситуации. У него не было времени ни спланировать свое отступничество, ни взвесить все последствия. Просто в какой-то момент он сделал свой выбор и знал, что пути назад не будет.

То же самое и сейчас. Момент настал. И Клавейн должен поймать этот момент, не забывая о последствиях, зная о том, что все это может оказаться неправдой. Что все его страхи беспочвенны, что они окажутся просто параноидальным бредом старого, очень старого человека. Но дело надо довести до конца.

Похоже на то, что ему было изначально суждено ступить на этот путь.

Клавейн вспомнил, как лежал под завалами на Марсе, в крошечном пространстве, где еще сохранялся воздух. Это произошло примерно через четыре стандартных месяца после кампании на Возвышенности Тарсиса.

Кошка с перебитым хребтом... Клавейн видел ее, как наяву. Он вспомнил, как поддерживал в ней еле теплящийся огонек жизни. Как делился с ней своим скудным пайком, когда жажда, подобно кислоте разъедала горло и рот, когда голод стал более мучительным — несравненно более мучительным, — чем боль от ранений. Кошка умерла вскоре после того, как их обоих вытащили из-под завала. Теперь он гадал, что было лучше: позволить кошке умереть сразу или несколько дней поддерживать ее полное боли существование. И все же Клавейн понимал: если бы эта ситуация повторилась, он не задумываясь сделал бы то же самое. Он сделал бы все, чтобы помочь кошке выжить, и неважно, что это вновь могло оказаться бессмысленным. Поддерживать в ней жизнь означало сосредоточиться на чем-то вне себя, забывая о собственных страхах, о собственной боли. И было что-то еще. То, что невозможно было описать словами. Он просто чувствовал: тот же импульс привел его к Йеллоустоуну, тот же импульс заставил помочь Антуанетте Бакс.

В пустоте и одиночестве, измученный страхами, Невил Клавейн медленно провалился в бессознательное состояние.

Глава 17

Женщины привели Овода в еще одно помещение «Ностальгии по Бесконечности». Первым, что он увидел, был огромный сферический дисплей, который парил пространстве точно в геометрическом центре помещения и чем-то напоминал гротескное глазное яблоко. «Глаз» произвел на него неизгладимое впечатление. Овод знал о назначении этой штуковины, но не мог избавиться от ощущения, что «глаз» разглядывает его с каким-то беззлобным совиным интересом.

Осмотр окружающей обстановки и выявил многочисленные следы разрушений. Даже сама дисплейная установка, похоже, была наспех отремонтирована, причем совсем недавно.

— Что здесь произошло? — спросил Овод. — Перестрелка или что-то похлеще?

— Мы уже никогда не узнаем, — сказала Вуалюмье. — Очевидно, во время истории с Силвестом команда уже не была сплоченным коллективом. Со стороны выглядит, будто группировки, скажем так, выясняли отношения.

— Очень кстати для нас, — бросил Овод.

Женщины переглянулись.

— Думаю, пора сделать то, зачем мы сюда пришли, — произнесла Инквизитор и включила дисплей.

«Глазное яблоко» наполнилось движущимися голографическими изображениями. Овод предположил, что это результат компьютерного синтеза на основе данных, полученных многочисленными сенсорами и камерами корабля. Наверно, так выглядит система Дельты Павлина глазами Бога. Изображение позволяло разом увидеть все планеты в движении по орбитам.

— Я должна тебе кое-что сказать, — произнесла Ирина. — В это трудно поверить, я понимаю...

— Говорите, — перебил Овод.

— Человечество балансирует на грани гибели. Человечество как таковое.

— Ничего себе заявление. Надеюсь, вы его чем-нибудь подкрепите.

— Безусловно, именно это и собираюсь сделать. Главное, что надо понять: гибель человечества начнется отсюда, из системы Дельты Павлина. Можно сказать, уже начинается. И это будет только началом — началом

чего-то более масштабного и чудовищно жестокого.

Овод ничего не мог поделать с собой и улыбнулся:

— Получается, Силвест оказался прав?

— Силвест не знал многих подробностей. И вообще не представлял, на что идет и чем рискует. Но в одном он был прав. Он верил, что амарантян уничтожила некая внешняя сила, и это каким-то образом было связано с их выходом в космос.

— И нам светит примерно то же самое?

Ирина кивнула.

— На этот раз, если не ошибаюсь, сценарий будет чуть-чуть другой. Но действующие лица те же самые.

— Какие?

— Машины, — ответила Ирина. — Древние, как Вселенная, способные совершать межзвездные перелеты. Миллионы лет они прячутся в глубоком космосе, ожидая, когда очередная цивилизация потревожит тишину Галактики. Их задача — обнаруживать разумную жизнь и подавлять любые ее проявления. Мы называем их Подавляющими.

— И в настоящую минуту они здесь.

— Факты — вещь упрямая.

На дисплее появилось новое изображение: эскадры машин, названных Подавляющими, прибывают в систему и приступают к уничтожению трех лун меньшего газового гиганта. Ирина поделилась с Оводом своими подозрениями. Появление машин могло быть результатом действий Силвеста. Скорее всего, пробужденное им устройство послало сигнал, который широким фронтом разошелся по Галактике, созывая машины к его источнику, в систему Ресургема.

Овод наблюдал, как умирали луны. Одна изобиловала металлами, другие две были каменными. Машины толпились и множились на их поверхности, покрывая ее бляшками специализированных промышленных форм. Струйки измельченной материи поднимались от экваторов в космос. Машины выедали сердцевины лун, как черви выедают яблоко, и ручейки материи текли в утробы трех колоссальных перерабатывающих механизмов, которые плыли по орбитам вокруг их пустых оболочек. Оттуда потоки рафинированной материи, собранной в гранулы, разобранной по металлам и изотопам, устремлялись в межпланетное пространство, образуя плавные параболические арки.

— Это только начало, — проговорила Вуалюмье.

Теперь Овод увидел, как потоки материи собрались в одной точке пространства, на орбите Руха — самого большого в системе газового

гиганта. Планета прибыла в эту точку в то же самое время, что и три потока материи.

— А теперь все внимание на Рух, — сказала Ирина.

Подавляющие почти терялись на фоне бархатной черноты космоса. Только приглядевшись, Овод заметил на орбите гиганта еще один рой машин. Довольно долгое время они просто висели там, ожидая, когда придут потоки — сотни, тысячи, миллиарды миллиардов тонн необработанной материи.

— Не понимаю, — сказал Овод. — Они что, не видят, сколько спутников у Руха? Какого черта они раскурочили три луны на другом конце системы?

— Дело в составе, — отозвалась Ирина. — Большинство спутников Руха — крошечные каменные ядрышки в толстенной ледяной скорлупе. А машинам, похоже, нужен металл. Ради него они и затеяли весь этот сыр-бор.

— И что они будут с ним делать?

— Что-нибудь сотворят, если я правильно поняла, — ответила Ирина. — Что-то очень большое. Иначе зачем им такая прорва металла?

Овод снова уставился в «глазное яблоко».

— И давно они так развлекаются? Когда потоки достигли Руха?

— Три недели назад. И эта штука, чем бы она ни была, уже понемногу формируется.

Ирина побарабанила пальцами по своему браслету, вводя какую-то команду. Изображение в «глазу» качнулось и увеличилось. Теперь окрестности газового гиганта были видны во всех подробностях.

Основная часть планеты оставалась в тени. А над освещенным краем диска — белесым полумесяцем, по которому переливались бледные охряные и тускло-золотистые полосы — висело нечто. Волокнистая дуга длиной, должно быть, много тысяч километров. Ирина дала изображение еще более крупным планом, концентрируясь на середине арки.

— Насколько мы можем судить, это что-то твердое, — сказала Вуалюмье. — Дуга радиусом в сто тысяч километров. Она проходит точно над экватором Руха, и ее концы становятся длиннее и длиннее.

Еще один «наезд». Ирина наводила камеру на какой-то предмет, расположенный точно посередине арки. Он был выпуклым, наподобие гигантской таблетки, но сейчас больше походил на грязное пятно — изображение еще не сфокусировалось. Ирина снова застучала по браслету, очертания «таблетки» стали четкими, а потом она заполнила весь дисплей.

— Раньше это была луна, можно не сомневаться, — сказала Ирина, —

ледяной шар несколько сотен километров в диаметре. Подавляющие переместили ее орбиту в плоскость экватора за несколько дней, причем умудрились проделать это так, что луна не раскололась из-за динамических напряжений. Затем они создали внутри нее какие-то структуры. Мы сильно подозреваем, что это дополнительное оборудование для переработки. Один из потоков материи проходит насквозь вот так, — она ткнула пальцем в луну, — здесь какое-то устройство вроде зоба. Я даже представить не берусь, что там происходит внутри. Все, что нам известно — из луны торчат две какие-то трубки, одна в том направлении, куда луна движется по орбите, другая против. В этом масштабе они выглядят как два усика. На самом деле их диаметр составляет пятнадцать километров. Сейчас длина эти трубочек — семьдесят тысяч километров с каждой стороны, и они каждый час они вырастают примерно на двести восемьдесят километров.

Ирина заметила недоверчивый взгляд Овода и кивнула.

— Да, это вполне точно. То, что ты видишь, построено за десять стандартных дней. Мы имеем дело с индустриальными возможностями, которые человечеству и не снились. Наши машины могут обратить маленький астероид в корабль в течение нескольких дней — при условии, что там достаточно металлов. Но по сравнению с тем, что могут Подавляющие, это просто смешно.

— Десять дней...

Овод почувствовал, как волосы на затылке начинают вставать дыбом.

— Они отгрохали эту арку за десять дней... Как думаете, они так и будут растить ее, пока концы не сойдутся?

— Очень похоже на то. В таком случае, кольцо сомкнется чуть меньше чем через девяносто дней.

— Три месяца! Вы правы. Нам такое действительно не под силу. Мы никогда бы так не смогли, даже во времена Прекрасной Эпохи. Но зачем? За каким чертом им это кольцо вокруг газового гиганта?

— Мы не знаем. Пока. Кстати, это еще не все, — Ирина кивком указала на дисплей. — Ну как, продолжим?

— Да, — выдохнул Овод. — Я хочу увидеть все.

— Тебе это не понравится.

Демонстрация продолжалась. Ирина показала, как три отдельных потока материи, похожие на аккуратно выложенные цепочки камушков, протянулись по около-баллистическим ^[34] траекториям из точки своего возникновения. Возле газового гиганта они слились. Какие-то машины — крошечные, почти невидимые — направляли их, заставляли снизить скорость, потом круто повернуть, нацелив каждый в свою точку

конструкции, предназначенную именно для него. Один поток втекал в «зоб», из которого, точно кошачьи усы, торчали те самые трубки. Остальные уходили в верхние слои атмосферы, где прямо под слоем облаков, на низких орбитах, находились еще два таких же спутника с такими же «зобами». Удивительно, как эти луны до сих пор не были разодраны силами притяжения.

— А те луны что делают? — спросил Овод.

— Кажется, что-то еще, — туманно отозвалась Ирина. — Вот, гляди. Может, углядишь что-то такое, что мы пропустили.

Что происходило в атмосфере Руха, догадаться было нелегко. Из двух нижних лун торчало только по одному усика — в направлении, обратном их движению по орбите, примерно такой же длины, как концы арки на экваторе. Эти луны двигались по змеевидным синусоидам, и каждый раз усики повторяли их повороты, точно огромные витки телеграфного кабеля, которые разматываются в море за кораблем. Непосредственно за точками столкновения каждой трубы тянулась «кильватерная струя» взбаламученной атмосферы длиной в десятки тысяч километров.

— Насколько можно видеть, материя в них только входит, но не выходит, — сказала Вуалюмье.

— А эти как быстро растут?

— Непонятно. На самих трубах нет каких-либо ориентировочных точек, поэтому мы не в состоянии подсчитать, с какой скоростью они вырастают из лун. Измерить эффект Доплера мы не можем, потому что выдадим свое местонахождение. Но нам известно, что потоки материи, поступающие в каждую из трех лун, практически равны, и все трубы одного диаметра.

— Значит, и расти они должны с той же скоростью, что и арка — логично? Двести восемьдесят километров в час или около того, — Овод посмотрел на Инквизитора, потом на ее подругу, надеясь прочесть по их лицам подсказку. — Есть какие-нибудь идеи?

— Понятия не имею, — сказала Ирина.

— Но доброй эту новость не назовешь, верно? Вы ведь так не считаете?

— Нет, Овод, я так не считаю. Откровенно говоря, я считаю, что вся эта чехарда в атмосфере — чем бы она ни оказалась — это только часть чего-то гораздо большего.

— И из-за этого «чего-то» надо эвакуировать людей с Ресургема.

Ирина снова кивнула.

— У нас все еще есть время, Овод. Наружная арка будет расти еще

дней восемьдесят. И я почему-то уверена: даже когда она превратится в кольцо, сразу ничего катастрофического не произойдет. Думаю, тогда начнется еще какой-то процесс, не менее длительный. Так что в нашем распоряжении может оказаться еще несколько месяцев.

— Прошу заметить, месяцев. Не лет.

— Чтобы провести эвакуацию, хватит шести месяцев.

Овод помнил расчеты, которые ему приводила Вуалюмье. Простая арифметика: скорость шаттла, помноженная на его пассажировместимость. Да, в шесть месяцев вполне можно уложиться. С одним маленьким «но»: дамы не приняли в расчет такой фактор, как поведение людей. К сожалению, оно несколько отличается от поведения насыпного груза. Особенно поведение людей, которые последние лет пятьдесят живут в состоянии постоянного страха.

— Если мне не изменяет память, вы говорили что-то насчет нескольких лет?

Вуалюмье улыбнулась.

— Это было небольшое преувеличение. Для пользы дела.

Позже, в ходе «шатания по кораблю», как выразился про себя Овод, Вуалюмье и Ирина продемонстрировали ему ангар — необъятную пещеру, битком набитую всевозможными посудинами для полетов внутри системы. Трансатмосферные и межкорабельные шаттлы стояли на стыковочных стендах, похожие на гладкокожих акул или толстых колючих золотых рыбок. Большинство из них были слишком малы, чтобы использовать их для массовой эвакуации, но Овод не мог отрицать: зрелище впечатляло.

Ему выдали скафандр и ранец с портативными двигателями. Овод должен был полюбоваться теми шаттлами, которые будут доставлять жителей Ресургема на борт «Ностальгии по Бесконечности». Овод сам поставил такое условие: малейшие подозрения, что какой-нибудь из шаттлов — муляж, — и он отказывается от этой затеи. Но это огромное помещение и неопровержимый факт существования внутрисистемных кораблей... Все это должно было рассеять любые сомнения — по крайней мере, насчет реальности «Ностальгии».

Но... одно «но» все-таки оставалось. Да, он собственными глазами видел корабль, ходил по нему, ощущал явную разницу между его искусственной центробежной гравитацией и тяготением Ресургема, к которому успел привыкнуть за свою взрослую жизнь. Звездолет не мог быть подделкой. Ангар и шаттлы, которые в нем находились, тоже крайне трудно подделать. Но сама угроза? Вот в чем загвоздка. Они показали ему

много, но не достаточно. Информацию о катастрофе, нависшей над Ресургемом, он получал явно не из первых рук. Создать такой голофильм легче легкого.

Он не сможет до конца поверить в реальность этой угрозы, пока не убедится в этом сам. Даже если по его просьбе женщины покажут ему что-нибудь еще. Даже если выведут его пределы корабля, поставят к телескопу и предоставят возможность разглядывать поверхность газового гиганта. Это тоже не помешает им сфабриковать фальшивую картинку. Даже если ему предложат полюбоваться на Рух невооруженным взглядом, укажут на какое-нибудь пятно на освещенной части планеты и скажут, что это признак деятельности машин. Он не поверит.

Он не из тех, кто легко принимает слова на веру.

— Ну как, Овод? — спросила Вуалюмье, помогая ему выбраться из скафандра. — Этого достаточно? Теперь ты видишь, что мы тебя не обманывали? Чем быстрее ты вернешься на Ресургем, тем быстрее приступишь к организации эвакуации. Я повторюсь, время драгоценно.

Овод поглядел на маленькую женщину с дымчатыми глазами, которая выглядела смертельно опасной, и кивнул.

— Вы правы. Вы мне много всего показали, не спорю. Теперь я уверен, что насчет корабля вы не лгали.

— Вот и славно. Что дальше?

— Этого недостаточно.

— Что?!

— Инквизитор, вы опять просите, чтобы я серьезно рисковал, принимая вашу историю на веру.

— Ты видел свое досье, Овод, — в ее голосе зазвенел металл. — Этого достаточно, чтобы отправить тебя к амарантянам.

— Не сомневаюсь. Хотите, еще подброшу материала? Это ничего не изменит. Я не собираюсь втягивать людей неизвестно во что. Уж больно это смахивает на ловушку правительства.

— Ты до сих пор считаешь, что это ловушка? — спросила Ирина, издав в конце странное цоканье.

— Я не могу исключать такую возможность, вот и вся песня.

— Но мы показали тебе Подавляющих.

— Нет. Вы показали мне голофильм на проекционном устройстве. А где объективные доказательства, что машины реально существуют?

Вуалюмье возвела очи горе.

— Боже пресвятой, Овод... Что тебе еще показать?

— Не знаю, — бросил он. — Что-нибудь такое, чтобы я мог полностью

в это поверить. Как вы этого добьетесь — всецело ваши проблемы.

— У нас нет времени, Овод.

Овод был изумлен. Инквизитор произнесла эту фразу с такой настойчивостью, что на миг развеяла все сомнения. В ее голосе отчетливо звучал страх.

Что бы там ни происходило на самом деле, Инквизитор Вуалюмье была по-настоящему напугана...

Он оглянулся и поглядел на люк ангара.

— Может какая-нибудь из тех посудин подбросить нас поближе к Руху?

Войны Утренних Зорь началась из-за металла.

Почти все тяжелые элементы в обозримой Вселенной возникли в недрах звезд. Большой Взрыв породил лишь небольшое количество водорода, гелия и лития, но каждое последующее поколение звезд обогащало палитру элементов, существующих в космосе. В тонко сбалансированных реакциях термоядерного синтеза гигантские солнца сливали друг с другом атомы легче железа — блок за блоком, пока запас легких элементов не истощался. Но когда звезда начинала сжигать кремний, это означало начало конца. Итогом кремниевой стадии синтеза становился железный панцирь, сковывающий ядро звезды — железо уже не могло быть вовлечено в термоядерную реакцию. Примерно через день после начала кремниевой стадии звезда вдруг становилась катастрофически нестабильной и схлопывалась под действием собственной тяжести. В то же время взрывная волна, порожденная коллапсом, расшвыривала оболочку звезды по окружающему пространству. Вспышка затмевала сияние целых галактик. В этом чудовищном взрыве рождались новые элементы — кобальт, никель, железо, различные продукты радиоактивного распада, — которые наполняли облака разреженного межзвездного газа. Именно межпланетный медиум [\[35\]](#) снабжал сырьем новые поколения звезд и планет. Но этим последствия коллапса не ограничивались. В облаках газа, расположенных относительно недалеко друг от друга и прежде сохранявших стабильность, начинали возникать колебания. Взрывная волна сверхновой порождала завихрения, формируя узлы повышенной плотности. Собственная, пока еще прозрачная гравитация сжимала эти сгустки вещества, уже обогащенные железом предыдущих сверхновых. Так формировались раскаленные, плотные звездные инкубаторы, в которых рождались яркие молодые звезды. Впрочем, иногда там возникали холодные карлики — они

поглощали звездное топливо так медленно, что могли пережить саму Галактику. Но другие — супермассивные солнца высокой светимости — жили и умирали в течение долей галактической секунды. В момент гибели они выбрасывали в пространство огромные массы металлов, чтобы положить начало новым циклам рождения звезд.

Этот процесс продолжался до появления жизни. Жаркие взрывы умирающих звезд наполняли Галактику, и каждая сверхновая пополняла запасы сырья для строительства миров — и для самой жизни. Но металлы не распределялись равномерно по всему диску Галактики. На ее окраинах звезды рождались и умирали намного медленнее, чем в непосредственной близости от неистово кипящего ядра.

Именно там, возле ядра, начали формироваться первые каменные планеты — когда содержание металлов в межзвездном газе впервые достигало некоторой критической массы. Именно там, в тысячах килопарсеков от центра Галактики, появились первые цивилизации, шагнувшие в космос. Они бросали взгляды в бескрайнюю космическую пустыню, посылали зонды через тысячи световых лет, и воображали себя одинокими, уникальными и в чем-то обездоленными. Это было время печали — и огромных, как сам космос, возможностей. Они представляли себя богами созидания.

Но в Галактике нет места слишком простым процессам. Примерно в эту же галактическую эпоху возникало множество различных цивилизаций, и не только здесь. Были и другие группы звезд, пригодных для обитания. А также районы, богатые металлами, но удаленные от звездных систем. Статистические колебания позволяли разуму, использующему машины, возникать в тех местах, где жизнь существовать в принципе не может. Но пока еще не было речи о полном господстве в Галактике: ни одна из первоцивилизаций еще не сумела распространиться настолько, чтобы волны экспансии столкнулись. Пока скорость расселения была обманчиво низкой и определялась первоначальными условиями.

Условия уже не были прежними. Огромные звездные печи не затухали. Несколько раз в столетие тяжелые звезды превращались в сверхновые и умирали в ослепительной вспышке. Обычно это происходило за завесами черной как сажа пыли, и о гибели звезд можно было узнать лишь по выбросам нейтрино или гравитационным волнам, пробежавшим по Галактике подобно сейсмическим колебаниям. Но металлы, выброшенные звездой, находили путь в облака космического газа. Новые и новые солнца и планетные системы рождались из плазменных сгустков, обогащенных

каждым из предыдущих звездных циклов. Это колоссальное космическое производство не знало перерывов и не обращало внимания на разум, которому позволило процветать.

Однако ближе к центру Галактики содержание металлов стало выше оптимального. Новые миры, которые формировались вокруг новых солнц, были чрезвычайно массивны. Их ядра составлялись тяжелыми элементами, и следствием этого становились более мощные гравитационные поля и более переменчивая химия, чем на других планетах. Жизнь тектонических пластов была недолгой: их мантии не выдерживали постоянных смещений коры. Эти планеты были подобны зданиям, которые строятся без проекта и непрерывно перестраиваются. Кометы, сталкиваясь с ними, орошали их поверхность водой. Огромные океаны, которые время от времени проглатывали всю планету, дремали под тяжелыми небесами. Здесь редко развивались сложные формы жизни — слишком мало было ниш, слишком однообразен климат. Цивилизации, которые пересекали космическое пространство и достигали этих миров, находили их малоприспособленными для существования. Как только очередная планетная система, в перспективе представляющая ценность, начинала формироваться из облаков межзвездного газа с повышенным содержанием металлов, старшие цивилизации вступали из-за нее в спор. Стычки, которыми не раз оканчивались эти споры, более чем наглядно демонстрировали мощь, которая стояла за процессами слепой галактической эволюции. Но по сравнению с тем, что ждало впереди, это было ничто.

По мере возможности избегая конфликтов, древние цивилизации двинулись к границам Галактики. И даже этот процесс не протекал беспрепятственно. Волна распространения жизни была единственным центростремительным процессом в Галактике — в течение полумиллиона лет зона, оптимальная для обитания, существенно сдвинулась от ядра к периферии. В районах, которые еще недавно были слишком бедны металлами, чтобы сформировать пригодные для жизни звездные системы, возникали новые миры. И конфликты вспыхивали снова и снова. Некоторые из них длились миллионы лет — и еще пятьдесят миллионов лет заживали оставленные ими шрамы.

Но даже это не могло сравниться с Войнами Утренних Зорь.

В некотором смысле Галактика — это гигантский реактор, производящий металлы. Там, где металлы — там сложные химические соединения, а там, где сложные химические процессы — там жизнь. И война.

На диске Галактики невозможно найти ни одной ниши стабильности. В масштабах времени, которые могли считаться значимыми для сверхцивилизаций, обстановка менялась непрерывно. Колесо галактической истории галактики неумолимо влекло их к внутренним раздорам, и к конфликтам с другими цивилизациями, новыми и старыми.

И тогда начались войны, которыми завершилась первая эра галактической истории. Они стали известны как Войны Утренних Зорь, потому что эта эру вполне можно считать зарей времен.

Подавляющие почти ничего не помнили об этих войнах. Их собственная история была хаотична, запутанна и почти наверняка неоднократно переписывалась впоследствии. Они не могли быть уверены в достоверности фактов и в том, что эти факты не были сфабрикованы более ранними воплощениями машин с целью межвидовой пропаганды. Вполне вероятно, что когда-то машины были органическими существами, позвоночными, теплокровными обитателями суши и обладали двухполушарным мозгом. Слабую тень такой возможности можно было угадать по их нынешней кибернетической архитектуре.

В течение длительного времени они цеплялись за свою органику. Но по какой-то причине их механическая часть стала главенствующей, позволив отбросить старые формы. Превратившись в машины с коллективным разумом, они скитались по Галактике. Память о тех временах, когда они жили на поверхности планет, тускнела, пока не стерлась полностью. От нее было не больше толку, чем от воспоминаний о жизни на деревьях.

Значение имело только одно. Великая работа.

По возвращении в свою каюту, удостоверившись, что Ремонтуа и Фелка осознали выполнимость миссии, Скейд приказала роботу вернуть ее голову на пьедестал. Она обнаружила, что мыслительный процесс идет совершенно по-другому, когда голова находится в «стабильном» положении. Вероятно, химический состав крови немного изменялся в зависимости от наличия или отсутствия замкнутой кровеносной системы. На пьедестале она чувствовала спокойствие, внутреннюю концентрацию и могла спокойно переносить присутствие чужого сознания, для которого всегда была открыта.

(Скейд?)

Голос Ночного Совета был тонким, почти детским, но игнорировать его было опасно. Она это хорошо усвоила.

«Я слушаю».

(Ты чувствуешь, что добила успех?)

«Да».

(Расскажи нам, Скейд)

«Клавейн мертв. Наши ракеты настигли его. Факт смерти еще должен быть подтвержден... но я в этом уверена».

(Он умер достойно? С честью, как сказали бы древние?)

«Клавейн не сдался. И продолжал бежать, хотя знал, что на неисправных двигателях далеко не улетит».

(Скейд, мы даже не предполагали, что он согласится сдаться добровольно. Однако вы быстро справились. Хорошая работа, Скейд. Мы довольны. Более чем довольны.)

Скейд захотела кивнуть, но пьедестал не позволял.

«Спасибо».

Ночной Совет дал ей время собраться с мыслями. Он всегда проявлял к ней внимание, всегда заботился о ней. И уже не раз — так что это нельзя было считать случайностью — утверждал, что она стоит нескольких элитных специалистов. Подобные отношения между ними, насколько могла судить Скейд, обычно возникают между учителем и одаренным, очень любознательным учеником.

Она не часто спрашивала себя, откуда приходит этот голос и кого представляет. Ночной Совет предупредил ее, что задаваться подобными вопросами нежелательно: они могут быть услышаны.

Скейд поймала себя на мысли, что вспоминает момент, когда Ночной Совет впервые дал знать о своем существовании и немного о том, что из себя представляет.

(Мы — избранные. Мы — ядро Объединившихся. Закрытый Совет — образование секретное, но наше существование засекречено настолько, что о нем неизвестно даже самым старшим, самым ортодоксальным его членам. Они даже не подозревают. Мы стоим выше Внутреннего Кабинета и иногда заставляем его играть роль нашей марионетки. Но, имея с ним дело, мы никогда не лжем. Наши отношения с другими могут быть выражены только математическим языком пересекающихся множеств. Подробности не должны тебя беспокоить.)

Голос сообщил ей, что ее выбрали из многих. Она превосходно проявила себя в ходе самой опасной из последних операций Объединившихся — тайной миссии в сердце Города Бездны. Тогда требовалось вернуть некие ключевые технологические элементы, без которых не могла действовать программа управления инерцией. Никто не справился и никто не уцелел — кроме Скейд.

(Ты была на высоте. Наша группа некоторое время наблюдала за

тобой. У тебя был шанс блеснуть, и ты его не упустила. Вот почему мы хотим, чтобы ты узнала: такие Объединившиеся, как ты, способны справиться с трудной работой, которая нас всех ждет. Это не лесть, Скейд. Это констатация факта.)

Это действительно было так. Она действительно оказалась единственной из участников операции в Городе Бездны, кто вернулся живым. По вполне понятным причинам подробности той операции были стерты из ее памяти, но Скейд знала, насколько рискованным было это предприятие. Оно проводилось под контролем и во исполнении планов Закрытого Совета.

Военные операции Объединившихся были в некотором роде парадоксальны. Бойцам, которые дислоцировались на линиях фронта в пределах Спорного Пространства, никогда не позволяли хранить в память стратегически важную информацию. Но работа в глубоком тылу, тайные вылазки на территорию врага — совсем другое дело. Это были миссии чрезвычайно деликатного свойства, и к ним привлекали только элитных специалистов. Более того, для этих специалистов считалось обязательным умение переносить психологическую изоляцию от остальных Объединившихся. Такие личности, способные работать в одиночку далеко за линией фронта, были весьма редки и вызывали противоречивые чувства у окружающих.

Клавейн являлся одним из таких уникалов.

Другим была Скейд.

Голос Ночного Совета впервые зазвучал у нее в сознании, когда она вернулась в Материнское Гнездо. И первое, о чем он сказал ей — что не стоит обсуждать это ни с кем.

(Мы засекречены и ценим это, Скейд. И вынуждены защищать свою секретность любой ценой. Служи нам, и ты станешь служить на благо Материнского Гнезда. Предашь нас, даже случайно — и мы заставим тебя замолчать. Это не доставит нам удовольствия, но будет сделано.)

«Я — первая?»

(Нет. Есть другие — такие же, как ты. Но тебе никогда не будет известно, кто именно. Такова наша воля.)

«Чего вы от меня хотите?»

(Ничего, Скейд. Пока — ничего. Но ты услышишь нас, когда понадобишься.)

Так оно и случилось. Прошли месяцы, затем годы. Скейд убедила себя в том, что голос был иллюзией, плодом ее воображения, каким бы реальным ни казался в тот момент. И вдруг Ночной Совет появился снова.

На этот раз Скейд получила задание. Потом — еще. Первые казались незначительными и внешне никак не были связаны между собой. Скейд стала членом Закрытого Совета, затем вошла в состав Внутреннего Кабинета. Но это было всецело ее собственной заслугой, и таинственный голос не имел к этому никакого отношения.

Скейд часто размышляла, кто может входить в этот Ночной Совет. Среди тех, кого она видела во время сессий Закрытого Совета в Материнском Гнезде, кто-то несомненно входил в эту официально не существующую группировку. Но — ни малейшего проблеска, ни одного намека на присутствие Ночного Совета. Она исследовала сознания членов совета, но тоже не обнаружила ничего подозрительного. И ни разу у нее не возникало ощущения, что Ночной Совет общался с ней каким-нибудь иным способом, кроме как посредством голоса, звучащего в голове. В конце концов, Скейд решила вообще не думать о Ночном Совете в его отсутствие. Она просто исполняла приказания, не пытаясь понять, откуда они исходят. И в этом даже было нечто возвышенное.

Между тем влияние Скейд росло. В то время, когда она Присоединилась, программа «Введения» была уже снова открыта. Эксперименты шли полным ходом, но Скейд получила распоряжение добиться такого положения, которое позволило бы активно влиять на ход исследований, максимально используя их результаты и определяя их будущее направление. По мере прохождения через уровни секретности Скейд начинала понемногу осознавать подлинное значение технологий, которые ей удалось добыть в Городе Бездны. Правда, она так и не вспомнила ни одного события той миссии. Внутренний Кабинет уже предпринимал неудачные попытки создать машину для управления инерцией, но только «добыча» Скейд позволила кусочкам головоломки встать на свои места — причем с поразительной легкостью. Возможно, причина состояла в том, что голос управлял еще кем-то из участников проекта, о чем Ночной Совет сообщил при первом своем появлении. А может быть, Скейд просто была прекрасным организатором, умелым и безжалостным. Закрытый Совет стал для нее кукольным театром. Его члены подчинялись ей с послушанием, достойным презрения.

Однако сама Скейд по-прежнему выполняла приказы Ночного Совета. Именно он привлек ее внимание к сигналам из системы Ресургема. Подобно тому, как изменение пульса позволяет определить диагноз, они указывали, что пропавшие орудия класса «ад» нашли нового хозяина.

(Скейд, Материнское Гнездо нуждается в этих орудиях. Ты должна организовать экспедицию и вернуть их.)

«Зачем?»

В ее сознании мгновенно развернулся образ: полчища безжалостных черных машин, мрачных, свирепых, деловитых, которые кружились в космосе, словно вороний пух.

(Эти механические твари, Скейд — зло, затаившееся среди звезд. Это враг, более страшный, чем все, что только можно вообразить. Они подбираются все ближе. Мы должны защитить себя.)

«Откуда вы знаете?»

(Мы знаем, и этого довольно. Поверь нам.)

В голосе, похожем на детский, звучало нечто, чего Скейд никогда не слышала раньше. Боль, мука... или и то и другое вместе.

(Поверь нам. Мы знаем, на что они способны. И как ужасны.)

Голос смолк, словно сказал слишком много.

После паузы Скейд снова услышала голос, и это вывело ее из задумчивости. Теперь в нем слышалось раздражение.

(Когда мы сможем убедиться, что Клавейн мертв?)

«Через десять-одиннадцать часов. Мы прочедем зону поражения и проанализируем состав межзвездного медиума. Даже если мы не найдем убедительных подтверждений, можно не сомневаться...»

Ответ прозвучал резко, почти гневно.

(Нет, Скейд. Нельзя допустить, чтобы Клавейн попал в Город Бездны.)

«Я убила его, клянусь».

(Скейд, ты умна и решительна. Но и Клавейн тоже. Однажды ему уже удалось тебя обмануть. И сможет проделать такое еще раз.)

«Это неважно».

(Нет?)

«Даже если Клавейн доберется до Йеллоустоуна, он никому не сможет сообщить ничего ценного — ни Демархистам, ни Конвенту. Пусть попробуют добраться до орудий, если захотят. У нас есть „Введение“ и машины, управляющие инерцией. Это даст огромное преимущество. Каких бы союзников не нашел Клавейн, у них ничего не выйдет».

Голос смолк. На миг Скейд подумала, что он ушел, оставив ее в одиночестве, но ошиблась.

(Ты думаешь, что он все еще жив?)

Она нащупывала ответ.

«Я...»

(Ему лучше ему умереть, Скейд. Иначе мы будем горько разочарованы в тебе.)

Он баюкал раненую кошку. Ее спина была перебита где-то районе поясницы, и задние лапы безжизненно болтались. Клавейн уговаривал кошку попить воды из «соска» пластиковой колбы, которая прилагалась к рациону скафандра. Его собственные ноги зажало тоннами обрушенной каменной кладки. Кошка была обожжена, ослепла, страдала недержанием и испытывала дикую боль.

— Ты будешь жить, подруга, — пробормотал Клавейн, скорее чтобы успокоить себя, чем кошку. — Хочешь ты того или нет.

Казалось, у него во рту терлись листы наждачной бумаги. Клавейну была отчаянно нужна вода. Но в колбе оставалось лишь несколько капель, и настала очередь кошки.

— Пей, дуреха. Ты и так натерпелась...

— Дай мне ... умереть, — сказала кошка.

— Извини, киска. Ни в коем случае.

Он почувствовал ветерок. За последнее время — первый признак того, что «пузыре», где они с кошкой оказались заперты, как в ловушке, что-то происходит. Потом издали донесся грохот падающих железобетонных глыб. Клавейн молился, чтобы этот ветерок оказался простой циркуляцией воздуха в пузыре. Возможно, где-то внутри завала обрушилось препятствие, и один пузырь соединился с другим. Если же это обрушилась наружная стена, желание кошки скоро исполнится. Воздух, заполняющий руины, из-за разницы в давлении уйдет наружу, и им придется учиться дышать марсианской атмосферой. Он слышал о том, что это не самый приятный способ умереть, что бы там не показывали в патриотических голодрамах Коалиции.

— Клавейн... спасай себя.

— Почему, киска?

— Я все равно умру.

Когда кошка в первый раз заговорила, он решил: начались галлюцинации, и воображение создает ему болтливого компаньона. Потом Клавейн с запозданием понял, что кошка действительно разговаривала. Должно быть, этот образчик генной инженерии принадлежал кому-то из богатых туристов. К верхушке башни как раз припарковался гражданский дирижабль, когда заговорила пено-фазная артиллерия «пауков». Кошке удалось сбежать из гондолы дирижабля задолго до атаки и спуститься к основанию башни. Клавейн считал преобразование животных при помощи биоинженерии попыткой бросить вызов Богу. Он вполне справедливо полагал, что кошки не являются чувствующими существами — по крайней мере, не признаны таковыми официально. Стронников Чистоты Нервной

системы хватил бы удар, узнай они, что Клавейн делится водой из своего пайка с «богопротивной тварью». Они относились к любым видам генетической огментации с той же ненавистью, что и к людям, которые прошли через лабораторию Галианы.

Клавейну наконец-то удалось засунуть сосок кошке в рот, и она рефлекторно сделала несколько глотков.

— В один прекрасный день, киска, мы отсюда выберемся.

— Не так... скоро.

— Пей и не жалуйся.

Кошка глотнула еще несколько раз.

— Спасибо.

Снова ветерок... Потом он усилился, а грохот железобетона стал громче. Где-то через час в тусклом сиянии биохимической термально-световой палочки Клавейн увидел, как открылась трещина. Сквозь нее виднелись пыль и развалины. Золотистый мех кошки вздыбился, как ячменное поле, она пыталась повернуть головку в направлении ветра. Клавейн осторожно коснулся рукой ее загривка, чтобы успокоить несчастное существо. Глаза кошки напоминали две кровавых впадины.

Конец близок. Клавейн знал это. Это не движение воздуха в руинах. Это разлом главного периметра падающей конструкции. Пузырьки воздуха медленно утекали в холодную, разреженную атмосферу Марса.

Он засмеялся. Казалось, будто в горле скребут тросом, усыпанным маленькими лезвиями.

— Что-то... смешное?

— Нет, — ответил Клавейн. — Нет. Вовсе нет.

Свет исходил из темноты. Потом волна чистого холодного воздуха ударила его в лицо и ворвалась в легкие.

Он снова погладил кошку. Если это смерть, то она, кажется, не настолько страшна, насколько ему представлялось.

— Клавейн.

Кто-то спокойно и настойчиво произносил его имя.

— Клавейн. Просыпайся.

Он открыл глаза. Усилие, которого ему это стоило, отняло половину сил; остальная половина ушла на то, чтобы понять, где он оказался. Здесь было настолько светло, что хотелось как можно сильнее зажмуриться... и вернуться назад в прошлое. Даже сон снова будет наполнен болью и клаустрофобией.

— Клавейн. Я предупреждаю... если ты не проснешься, то мне

придется...

Он заставил себя разлепить веки и обнаружил перед собой что-то крайне смутно очерченное. Клавейн попытался сфокусироваться. Однако это оказалось слишком сложной задачей.

— Черт... — произнес женский голос, исходящий от расплывчатой фигуры. — Похоже, он свихнулся. Или что-то в этом роде.

Другой голос — звучный, очень вежливый, но с легкими покровительственными нотками, отозвался:

— Извините, Маленькая Мисс, но что-либо предполагать в данной ситуации — не самое мудрое решение. Особенно учитывая тот факт, что данный джентльмен — Конджойнер.

— Эй, только не надо об этом напоминать!

— Возможно, имеет смысл подчеркнуть, что подобное состояние может быть в равной степени преднамеренным.

— Ну, так и выкинь его обратно, — проворчал третий голос, тоже мужской. — Прямо сейчас.

— Заткнись, Ксав.

Глаза наконец-то стали видеть нормально. Клавейн лежал, сложившись пополам, в маленьком помещении с белыми стенами. Вдоль этих стен стояли помпы и измерительные приборы, чередуясь с изрядно затертыми схемами и предупредительными табличками. Шлюз, и ничто иное. Клавейн все еще был в скафандре. В том скафандре, подсказала память, в котором он покинул корвет. Над ним кто-то склонился — судя по очертаниям, тоже одетый в скафандр. Потом щиток его шлема поднялся, впуская свет и воздух.

Клавейн покопался в руинах своей памяти.

— Антуанетта?

— Сразу в точку, Клавейн.

Щиток на ее шлеме тоже был поднят, позволяя видеть часть лица — белокурую челку, огромные глаза и нос в конопушках. Пристегнутая к стене металлическим тросиком, она держала руку на красном рычаге.

— Ты моложе, чем я думал, — пробормотал Клавейн.

— С тобой все в порядке?

— Мне уже лучше, — ответил он. — А через пару минут я совсем оклемаюсь. Я вогнал себя в глубокий сон, почти в кому, чтобы сэкономить резерв скафандра. Мало ли, вдруг ты немного опоздаешь...

— А если бы я вообще не прилетела?

— Я надеялся, что ты все-таки прилетишь.

— И ошибался. Я не собиралась. Правильно, Ксав?

— Ты не представляешь, насколько тебе повезло, старик, — ответил мужской голос.

— Нет, — сказал Клавейн. — Думаю, нет.

— Еще раз повторяю: скинь его в космос, — повторил мужчина.

Антуанетта оглянулась через плечо, в сторону внутреннего люка.

— После того, как мы тащились в такую даль?

— Еще не поздно. Покажи ему, как безвозмездно оказывать помощь.

Клавейн попытался пошевелиться.

— Я не...

— Но!

Антуанетта сделала красноречивый жест, давая понять, что с его стороны будет крайне неразумно совершать какие-нибудь движения.

— Запомни, Клавейн, — она кивком указала на рычаг, с которого так и не убрала руку. — Сделаешь что-нибудь такое, что мне не понравится, просто не так моргнешь — и я дерну этот рычаг. И ты вернешься обратно в космос, как советует Ксав.

Несколько секунд Клавейн обдумывал ситуацию.

— Если бы ты не была готова хоть немного мне доверять, то не стала бы меня спасать.

— Может быть я просто любопытна.

— Может быть. Но ты, вероятно, поняла, что я не вру. Я спас тебе жизнь, верно?

Свободной рукой она нажала на контроллер внутренней двери. Люк ушел в сторону, позволяя Клавейну заглянуть внутрь корабля. Вдалеке стоял еще один человек в скафандре. И больше никого.

— Я сейчас, — сказала Антуанетта.

В считанные секунды она отстегнула тросик, скользнула в люк и заставила дверь закрыться. Клавейн не двигался, пока ее лицо не появилось в окошке люка. Девушка сняла шлем и взъерошила пальцами непослушные волосы.

— Ты собираешься оставить меня здесь? — спросил он.

— Да. На некоторое время. В этом есть смысл, ведь правда? Вдруг мне что-то не понравится. Тогда я смогу выкинуть тебя в космос.

Клавейн приподнялся, снял шлем, позволил ему отлететь в сторону, и тот поплыл по шлюзу, вращаясь подобно маленькой металлической луне.

— Я не собираюсь делать ничего такого, что доставит кому-то из вас неудобство.

— Вот и славно.

— Пожалуйста, послушай меня внимательно. В этом районе

небезопасно. Надо выбираться из зоны военных действий, и чем скорее, тем лучше.

— Расслабься, старина, — откликнулся спутник Антуанетты. — Времени у нас до хрена и больше. Здесь ни одного «зомбяка» в радиусе пары-тройки световых минут.

— По поводу Демархистов вам волноваться нечего. Я сбежал от своих. От Объединившихся. Где-то неподалеку болтается их корабль. Ну, не совсем рядом, но поверьте, он может двигаться с фантастической скоростью и вооружен дальнобойными ракетами. Голову даю на отсечение, он ищет меня.

— Хочешь сказать, что ты инсценировал свою смерть, — сказала Антуанетта.

Клавейн кивнул.

— Я догадывался, что Скейд обстреляет мой корабль — теми самыми ракетами. Она уверена, что я на борту. Но ей мало раздраконить корвет. Если эта стерва настолько предусмотрительна, как кажется, она заставит «Ночную Тень» прочесать район только для того, чтобы отыскать несколько моих атомов.

— Атомов? — Антуанетта покачала головой. — Ты шутишь. Когда они достигнут места взрыва...

Клавейн кивнул.

— Атомы там останутся. Один-два атома на кубометр. Элементы, которых в медиуме обычно не бывает. Например, некоторые радиоактивные изотопы... ну и тому подобное. Они осядут на обшивке «Ночной Тени», и их можно будет проанализировать. Обшивка покрыта «заплатками» из специального эпоксидного материала, который задерживает все, что хоть немного крупнее молекулы. Еще есть масс-спектрометры, которые могут оценить атомный состав прямо в космосе. Есть алгоритмы для переработки данных. Они построят графики и гистограммы распространения и соотношения изотопов, а потом сравнят с моделями гибели корвета. Надо сказать, с весьма точными моделями. Эти результаты не могут претендовать на достоверность, потому что статистических ошибок будет так же много, как и параметров, с которыми Скейд попытается работать. Я видел, как это делается. Задача облегчается тем, что на борту было очень мало органики.

Клавейн осторожно поднял руку — так, чтобы это движение не показалось угрожающим — и коснулся своей головы.

— А еще есть изотопы из моих имплантантов — совершенно определенные. Их очень сложно обнаружить. Но Скейд ожидает их найти и

будет искать очень усердно. А когда не обнаружит...

— То догадается о том, что ты сделал, — закончила Антуанетта.

Он снова кивнул.

— Но я на это рассчитывал. Поиск займет много времени. Вы успеете вернуться в нейтральное пространство. Все, что для этого надо — немедленно лечь на курс.

— Клавейн, ты действительно так хочешь добраться до Ржавого Пояса? — спросила Антуанетта. — Там тебя же там живьем съедят. Не «зомби», так Конвент.

— Никто не говорил, что предательство не сопряжено с риском.

— Ты уже совершал такое, верно?

Он поймал свой шлем и пристегнул к поясу за подбородную петлю.

— Да. Это было очень давно. Возможно, задолго до твоего рождения.

— Лет эдак за четыреста?

— Примерно, — Клавейн почесал бороду.

— Значит, это ты. Тот самый.

— Тот самый кто?

— Тот самый Клавейн. Из истории. Про которого все говорят, что... он уже умер. Которого называют Мясником Тарсиса.

Клавейн улыбнулся.

— Заслуженное прозвище.

Глава 18

Овод парил над миром, приговоренным к смерти.

Прогулку предстояло совершить на одной из маленьких маневренных посудин, которые стояли в ангаре «Ностальгии по Бесконечности». Двухместный шаттл, предназначенный для челночных перелетов с орбиты на поверхность планеты и обратно, напоминал голову кобры: крылья в виде капюшона плавно перетекают в фюзеляж, иллюминаторы кабины расположены по бокам, как глаза. Плавные обводы корпуса были усеяны многочисленными выпуклостями — сенсорами, доковыми скобами и еще какими-то штуковинами, которые Овод в первый момент принял за вооружение. Два многоствольных дула завершали картину — они торчали из носовой части шаттла, подобно ядовитым зубам. Обшивку покрывала мозаичная керамическая броня, причем пластины были разного размера, черные и отливали зеленью.

— Значит, на этой штуке мы и полетим? — спросил Овод. — Туда и обратно?

— Именно, — убежденно ответила Вуалюмье. — «Эта штука» — самый быстрый из местных шаттлов. И, вероятно, самый незаметный. Правда, броня довольно легкая, а пушки больше подойдут для шоу, чем для серьезного дела. Ради бога, можем выбрать что-нибудь более зубастое. Только тогда не жалуйся, что он ползет еле-еле, и не взыщи, если нас засекут.

— Выбор за вами.

— Это очень глупо, Овод. Ты еще можешь отказаться.

— Нет. Дело не в моей глупости и не в чем-то другом, Инквизитор, — он все еще не мог избавиться от привычки обращаться к ней по должности. — Я просто не буду с вами работать, пока не увижу, что нам действительно что-то угрожает. Причем собственными глазами. Картинки на дисплее показывайте другим. Я вам не доверяю.

— Зачем нам тебя обманывать?

— Понятия не имею. Но, думаю, именно это вы и делаете, — Овод пристально посмотрел Вуалюмье в глаза — чуть дольше, чем позволяли правила приличия. — Может быть, не во всем. Не могу сказать, в чем дело, но вы обе не до конца со мной откровенны. Просто я еще не понимаю, что вы задумали.

— Мы задумали спасти людей с Ресургема.

— Знаю. Как раз в этом я вам верю.

Они вошли в «змеиную голову», оставив Ирину на борту «Ностальгии», и шаттл вылетел из ангара, как пробка. Овод крутился в кресле, пытаясь посмотреть назад, но из этого ничего не вышло. Ему до сих пор не представилась возможность увидеть корабль Триумвира снаружи — даже во время перелета с Ресургема. Овод пребывал в недоумении. Почему женщины так стараются ему в этом воспрепятствовать? Или не стараются... Возможно, ему это просто показалось. Тогда на обратном пути он сможет взглянуть на «Ностальгию по Бесконечности» из космоса.

— В принципе, ты бы мог лететь самостоятельно, — говорила Ирина, когда они втроем обсуждали план вылазки. — Шаттлом не обязательно управлять. Мы можем ввести в автопилот любую траекторию, и он будет сам ее придерживаться. Только скажи, как близко ты хочешь подлететь к Подавляющим.

— Не очень близко. Думаю, двадцать-тридцать тысяч километров хватит. Я смогу разглядеть эту арку, если она такая яркая. А может быть, и трубы, которые входят в атмосферу. Но один я никуда не полечу. Если я вам так нужен... вернее, моя помощь, пусть одна из вас составит мне компанию. Тогда я могу быть уверен, что это не ловушка, верно?

— Тогда я, — предложила Вуалюмье.

Ирина пожала плечами.

— Вот и славно.

За время перелета ничего интересного не произошло. Как и на пути с Ресургема, основную часть времени они провели во сне — не в «заморозке», а в псевдокоматозном состоянии, вызванном медикаментами и похожим на сон без сновидений.

Вуалюмье не просыпалась и не будила Овода, пока расстояние между шаттлом и газовым гигантом не сократилось до половины световой секунды. Овод проснулся с легким чувством раздражения, с отвратительным привкусом во рту и не менее отвратительной болью в каждой мышце.

— Поздравляю, Овод, — произнесла Инквизитор, — у нас хорошие новости: мы до сих пор живы. Либо Подавляющие не знают о том, что мы прилетели, либо наше присутствие их не волнует.

— Почему не волнует?

— Должно быть, опыт им подсказывает, что никаких особых проблем мы создать не сможем. Тем более, скоро они всех нас уничтожат. Так зачем изменяться на мелочи?

Овод нахмурился.

— Опыт?

— Их общий опыт, общие воспоминания. Мы — не первая цивилизация в их черном списке, и точно не последняя. У них неплохие шансы на успех, иначе бы они пересмотрели стратегию.

Шаттл находился в свободном падении. Овод отстегнул ремни, сбросил паутину креплений и, оттолкнувшись, поплыл к иллюминатору, похожему на миндалевидную щель. Неприятные ощущения почти исчезли. Газовый гигант просматривался очень четко и вызывал не самые приятные ассоциации.

Первое, что заметил Овод — это три огромных потока материи, три дуги, которые тянулись откуда-то с окраины системы, тускло поблескивая в лучах Дельты Павлина. Три тонкие прозрачно-серебристые ленточки, три призрачных мазка через все небо в плоскости эклиптики, уходящие в бесконечность. Движение металлических гранул становилось заметным, когда то одна, то другая на мгновение ловила свет солнца. Этот неторопливый поток мелкозернистых частиц напомнил Оводу реку, по которой ползет шуга. Скорость «течения» составляла сотни километров в секунду, но в таком масштабе оно выглядело неторопливым, как движение ледника многокилометровой ширины. Казалось, кто-то размотал несколько планетарных колец и протянул через полсистемы.

Овод проследил взглядом за течением. Возле Руха плавные математические кривые — потоки лежали вдоль гелиоцентрических траекторий — внезапно поворачивали почти на сто восемьдесят градусов и направлялись каждый к своей луне. Казалось, живописец вывел на холсте космического пространства изящно изогнутые линии, а в последний момент кто-то толкал его под руку. Положение лун относительно потоков постоянно менялось. Следовательно, и геометрия потоков должна подвергаться постоянному пересмотру. Более того: время от времени то один, то другой поток надо «придерживать», чтобы они не пересеклись с друг с другом. Впрочем, возможно, потоки просто успевали пройти друг через друга так быстро, что столкновения масс оказывались слишком незначительными.

— Мы не знаем, каким образом машины ими управляют, — конфиденциальным тоном сообщила Вуалюмье. — Эти потоки должны быть чудовищно инертны — массовая скорость составляет миллиарды тонн в секунду. Но Подавляющие легко изменяют их направление. Может быть, там расположены маленькие черные дыры, которые заставляют потоки так изгибаться... во всяком случае, по версии Ирины. Честно признаюсь, это

пугает меня до смерти. Еще она думает, что машины умеют управлять инерцией, отключать ее когда угодно, и поэтому потоки ведут себя подобным образом.

— Звучит не слишком оптимистично.

— Понимаю. Но даже если машины могут управлять инерцией или черными дырами... это не значит, что они могут делать с ними вообще все, что угодно. Иначе нас бы уже не было в живых. Подавляющие не всесильны. И в это надо верить.

Спутники — каждый несколько десятков километров в диаметре — казались маленькими узелками света, утолщениями на концах потоков, которые в них впадали. Материя погружалась в огромные отверстия, распахнутые перпендикулярно оси орбиты, словно алчные пасти. По всем правилам, из-за несбалансированного движения массы спутники должны были давно переместиться на новую орбиту. Но — ничего подобного. Похоже, машины действительно имели возможность игнорировать фундаментальные законы.

Самая удаленная луна располагалась на той самой арке, которая постепенно превращалась в кольцо и окружала Рух. Наблюдая процесс с борта «Ностальгии по Бесконечности», можно было подумать, что концы арки никогда не сойдутся. Но сейчас такой мысли уже не возникало. Концы продолжали двигаться друг навстречу другу, трубы росли — каждые четыре часа на тысячу километров. Лавина сверхорганизованной материи текла со скоростью поезда-экспресса.

Это не магия, а технология. Овод то и дело напоминал себе об этом, но верилось с трудом. В луне, под ледяным панцирем, прятались механизмы, которые перерабатывали поступающую материю с адской скоростью, выковывали из нее немислимые детали, из которых создавалась труба диаметром тринадцать километров. Женщины не рассуждали в его присутствии о том, каковы были эти трубы. Сплошные? Полые? А может быть, наполнены какими-нибудь чудовищными механизмами?

В любом случае, магией здесь и не пахло. Впрочем, это не мешало Подавляющим плевать на фундаментальные законы физики с завидной легкостью — по крайней мере, так показалось Оводу. А может быть, эти законы не такие уж фундаментальные, как кажется людям? Может быть, это просто закономерности, которые чаще всего справедливы, но вполне могут нарушаться? Однако, как заметила Инквизитор, есть вещи, которые не под силу даже Подавляющим. Они творят чудеса, но и для них есть невозможное. Например, им нужна материя. Машины обрабатывают ее с поразительной скоростью, но, судя по всему, не могут создать ее из ничего.

Им пришлось разрушить три мира, чтобы эта адская система заработала.

Что бы ни делали Подавляющие, это требовало времени. Арка росла вокруг планеты со скоростью двести восемьдесят метров в секунду — и не могла возникнуть моментально. Машины были могущественны, но не подобны Богу.

Овод решил, что это единственное утешение, какое возможно в данной ситуации.

Он переключился на две нижние луны. Подавляющие перебросили их под слой облаков, на круговые орбиты, которые время от времени пересекались. Однако «кабель» продолжал медленно, аккуратно тянуться за ними, как ни в чем не бывало.

Сейчас смысл этой операции прояснился. Овод разглядел элегантные изгибы труб — гладких, как штамповка. Они выползали непосредственно из каждой луны, тут же сгибались и уходили вниз, в слои облаков. На расстоянии несколько тысяч километров позади каждой луны трубы вонзались в атмосферу, как иглы шприцов. В этот момент их скорость равнялась орбитальной — несколько километров в секунду, — и в атмосфере возникала синевато-багровая черта, похожая на след когтя. Эта тонкая нить исступленного ржаво-красного цвета два или три раза обматывалась вокруг экватора, и каждый виток чуть-чуть не совпадал с предыдущим из-за прецессии оси газового гиганта. Луны рисовали в непрерывно движущихся облаках замысловатый орнамент — или, скорее делали экстравагантную каллиграфическую надпись. На каком-то уровне восприятия Овод понимал, что это красиво. И до тошноты омерзительно. Здесь случится нечто ужасное — и это будет последним, что произойдет с этой планетой. На ее поверхности изящной вязью был написан смертный приговор.

— Надеюсь, теперь ты нам поверил, — сказала Вуалюмье.

— Скорее, склоняюсь к этому, — Овод отодвинулся от иллюминатора. — Если только у вас тут стекло, а не какой-нибудь трехмерный экран. Но это вряд ли. Наверно, вы придумаете что-нибудь покруче. Даже если я выйду наружу в скафандре и осмотрюсь, все равно... вдруг вы и со щитком что-нибудь сотворили?

— Какой же ты въедливый!

— Я давно усвоил, что легкая паранойя помогает выжить.

Овод вернулся в свое кресло, решив, что на данном этапе увидел достаточно.

— Хорошо. Следующий вопрос. Что творится там, внизу? Чего они добиваются?

— Это не обязательно знать, Овод. Здесь случится что-то скверное, можно не сомневаться. И этого вполне достаточно.

— Мне недостаточно.

— Те машины... — Вуалюмье указала на иллюминатор. — Мы знаем, что они делают, но не знаем как. Подавляющие уничтожают цивилизации, медленно и мучительно. Силвест привел их сюда. Возможно, у него просто так получилось. Но если этот ублюдок в чем-то замешан, «просто так» обычно ничто не происходит. Теперь машины пришли сюда, чтобы сделать свою работу. Это все, что нам нужно знать. И еще — что людей надо увести отсюда как можно скорее.

— Если Подавляющие настолько сильны, как вы утверждаете, от бегства проку мало. Или я ошибаюсь?

— Мы выиграем время, — возразила Инквизитор. — И еще один нюанс. Машины, конечно, сильны, но уже не так, как раньше.

— Стоп. Вы говорили, что это самовоспроизводящиеся механизмы. С какой стати им уменьшать свою эффективность? Если они могут становиться умнее и быстрее, по мере того как узнают все больше и больше?

— Кто бы их ни сотворил, он не хотел, чтобы его создания стали слишком умны. Их миссия — уничтожение разумной жизни, достигшей определенного уровня развития. А если они заполнят ту нишу, которая должна оставаться пустой? Вся затея теряет смысл.

— Похоже, вы правы...

Нет, пожалуй, так легко сдаваться не стоит.

— ... Но я думаю, вы знаете гораздо больше и должны мне это рассказать. А для начала я хочу подойти еще ближе.

— Насколько ближе?

— У этого челнока обтекаемая форма. Думаю, он может войти в атмосферу.

— Мы так не договаривались!

— Тогда шейте дело, — он усмехнулся. — Я от природы любопытный. Точно как вы.

Скорпио очнулся в чем-то холодном, липком и непроизвольно вздрогнул. Потом ощупал себя. Всю его голую кожу покрывал толстый слой жирного геля. Эта отвратительная полупрозрачная короста уже начала отходить и легко отставала от тела. Снимать гель с правого плеча, где красовался свежий след от ожога, приходилось очень аккуратно. Скорпио с мрачным удовольствием обвел пальцем ожог пальцем, исследуя топологию

морщинок на границе нежной кожицы с грубой текстурой зарубцевавшейся плоти. Он вдоль и поперек изучил эти несколько квадратных дюймов собственного тела. Но ожог был напоминанием. О долге — об очень личном долге, который Скорпио поклялся исполнить, когда бежал от Перепела. Нет, Перепела он никогда не забудет. Он не забудет и о том, что генетически Перепел вполне может считаться человеком. И о том, что именно на людей Скорпио должен обрушить свое возмездие.

Сейчас боль прошла — даже боль от ожога. Но ни дискомфорт, ни дезориентация никуда не делись. В ушах стоял гул, словно голова находилась в вентиляционной трубе. Перед глазами плавал туман, превращая предметы в туманные пятна, похожие на призраков. Скорпио поднял руку, соскреб с лица гелевую пленку и поморгал. Теперь зрение прояснилось, но навязчивый рокот по-прежнему лез в уши. Все еще дрожа от холода, Скорпио огляделся. Он почти пришел в состояние боевой готовности и понимал, где находится и что происходит.

Предмет, в котором он проснулся, напоминал разломанное пополам металлическое яйцо. Скорпио лежал там, изогнувшись в неестественной позе, и нижняя часть тела до сих пор была погружена в отвратительный склизкий гель. Вокруг плавали пластиковые трубки и соединители. В носоглотке саднило, словно эти трубки только находились там, а потом их не слишком аккуратно вытащили. Другая половина яйца лежала рядом — похоже, ее только что убрали. Дальнейший осмотр помещения позволил безошибочно опознать интерьер корабля — повсюду полированный голубой металл и изогнутые шпангоуты с множеством отверстий, которые напоминали ребра. Гул, донимавший Скорпио, был звуком работающих двигателей. Звездолет куда-то летел, а факт, что шум силовых установок был слышен в помещении, говорил о том, что судно слишком невелико, чтобы установить двигатели на усиленных консолях. Наверно, шаттл или нечто подобное. И определенно — внутрисистемный.

Скорпио вздрогнул. В дальнем конце ребристой кабины открылся люк. На миг Скорпио увидел за ним маленькое помещение с трапом, ведущим вверх. Через секунду с последней ступеньки шагнул человек, переступил через комингс и спокойно направился к Скорпио. Судя по всему, он был ничуть не удивлен тем, что гиперсвин проснулся.

— Как себя чувствуешь? — спросил человек.

Скорпио заставил свои непослушные глаза сфокусироваться. Он знал этого человека, хотя с момента их последней встречи тот сильно изменился. Его темная одежда выглядела все такой же нейтральной, но по покрою не напоминала ту, что носят Конджойнеры. Череп, прежде выбритый наголо,

скрывали очень красивые черные локоны. И кожа стала менее бледной.

— Ремонтуа, — сказал Скорпио, выплюнув отвратительный комок геля.

— Да, это я. С тобой все в порядке? Судя по показаниям датчиков, все обошлось без последствий.

— Где мы?

— На корабле, недалеко от Ржавого Обода.

— Снова будешь меня пытаться, так?

Ремонтуа не смотрел ему в глаза.

— Какие пытки, Скорпио? Это просто переобучение.

— Когда вы передадите меня Конвенту?

— Это больше не стоит на повестке дня. По крайней мере, ближайших дней.

Скорпио снова напомнил себе, что корабль невелик. Скорее всего, это вообще шаттл. И вполне возможно, кроме него и Ремонтуа, на борту никого нет. Да, более чем вероятно. Интересно, каковы будут последствия, если он попытается управлять шаттлом, созданным Конджойнерами. Наверное, получится паршиво... но у Скорпио возникло острое желание попробовать. Даже если шаттл врежется во что-нибудь и сгорит, это лучше, чем быть приговоренным к смертной казни.

Выпрыгнув из «чаши» с и расплескав гель, Скорпио рванулся к Ремонтуа. Трубки и соединители полетели в разные стороны. Какой-то миг его неуклюжие руки искали акупунктурные точки, которые должны были отключить любого, даже Конджойнера. Потом Скорпио умер.

Скорпио огляделся. Он находился в другой части корабля и был пристегнут ремнями к креслу. Ремонтуа сидел напротив, аккуратно сложив руки на коленях. За его спиной находилась впечатляющий пульт управления в виде крыла, сияющий, как казино. Поверхность усеивали бесчисленные датчики, систем управления и полусферические навигационные дисплеи. Скорпио имел некоторое представление о конструкции кораблей. Контрольный интерфейс Конджойнеров создавался по принципу минимализма и стремился стать невидимости.

— Надеюсь, это не повторится, — сказал Ремонтуа.

Скорпио уставился на него.

— Что не повторится?

— Ты пытался задушить меня. У тебя не получилось и, боюсь, никогда не получится. Мы вживили тебе имплантант, Скорпио. Очень маленький, он расположен на стенке твоей сонной артерии. И сжимает ее в ответ на

сигнал из другого имплантанта, того, что у меня в голове. Я могу посылать эти сигналы совершенно осознанно, если ты угрожаешь мне, хотя стараюсь этого не делать. И еще твой имплантант сработает автоматически, если я потеряю сознание или умру. Ты скончаешься чуть позже.

— Но я жив.

— Это потому, что у меня сегодня неплохое настроение. К тому же начинать лучше с предупреждения. Считай, что тебя предупредили.

На этот раз Скорпио был сухим и одетым. И чувствовал себя лучше, чем после пробуждения в «расколотом яйце».

— Так чего мне бояться, Ремонтуа? Ты обеспечил мне отличный способ самоубийства, вместо того, чтобы скинуть Конвенту, верно?

— Я не передам тебя Конвенту.

— Маленький самосуд, так?

— Ничего подобного

Ремонтуа развернул свое кресло. Оказавшись лицом к пульту управления, он заиграл на нем, как пианист, не глядя на руки — он просто в этом не нуждался. Над пультом и обеим сторонам каюты, в голубоватой стали, открылись иллюминаторы. В помещении стало немного темнее. Скорпио услышал, как изменился звук двигателей, и нутром ощутил в оси гравитации. Потом снизу выплыл огромный охряный полудиск. Йеллоустоун. На большей части планеты царила ночь. Суденьшко Ремонтуа летело почти в одной плоскости с анклавами Ржавого Обода. Отсюда он был едва виден — темные брызги на фоне освещенной стороны планеты, легкая россыпь молотой корицы. Но по другую сторону терминатора ^[36] цепочка станций превращались в драгоценное ожерелье. «Камушки» вспыхивали и переливались, когда анклавы поворачивались, и по иллюминаторам шаттла скользили лучи их прожекторов или блики гигантских зеркал солнечных батарей. Красота этой картины завораживала. Но Скорпио знал, что видит только бледное подобие знаменитого Блестящего Пояса. Того, чем был прежде Ржавый Обод, прежде чем его выкосила Комбинированная Эпидемия. До Эпидемии число анклавов достигало десятков тысяч; теперь их осталось несколько сотен, и не все из них были заселены. Однако в темноте покинутые анклавы становились невидимыми. Лишь драгоценная пыль освещенных поселений сверкала на фоне диска планеты, словно колесо истории так и не повернулось.

Йеллоустоун, казалось, был совсем близко — рукой подать. Пленник почти слышал, как из-за облаков, подобно песне сирен, доносится гул Города Бездны. Там находились убежища и укрепления, которые до сих пор удерживали люди-свиньи и их союзники, их оплот в самом сердце Малча

— огромного гнойника на теле города, империи беззакония, лоскутного одеяла из множества территорий, принадлежащих криминальным группировкам. Сбежав от Перепела, Скорпио стал подданным этой империи — подданным самого низкого ранга. Тогда он был всего лишь перепуганным иммигрантом, который сохранил лишь одно воспоминание: как выжить в опасном чужом окружении и — что не менее важно — превратить это окружение в механизм, который будет работать на тебя. По большому счету, этим знанием он был обязан Перепелу. Но это вовсе не означало, что Скорпио испытывал к нему благодарность.

О том, что происходило до встречи с Перепелом, он почти ничего не помнил. Основная часть доступных ему воспоминаний была получена через вторые и третьи руки, и Скорпио это знал. И хотя восстановить удалось лишь главные детали прошлого существования — жизни Скорпио на борту яхты, — подсознание не теряло времени даром и устраняло оставшиеся пробелы с энтузиазмом газа, врывающегося в вакуум. Во время просмотра воспоминаний, самих по себе далеких от реальности, в памяти иногда всплывали следы еще более впечатляющих событий. Впрочем, кто знал, насколько эти воспоминания были правдивы? У Скорпио не было возможности в этом убедиться. По большому счету, достоверность не имела значения. Сейчас уже никто не сможет подтвердить ее или опровергнуть. Все непосредственные участники событий были безжалостно убиты Перепелом и его бандой.

Самыми жуткими были первые внятные воспоминания о Перепеле. Скорпио пришел в себя после долгого сна или чего-то более глубокого, чем сон, и стоял в холодной бронированной камере, трясущийся и сбитый с толку — в точности как после пробуждения на корабле Ремонтау. Здесь же находились еще одиннадцать человеко-свиней. Все были в грубой одежде, кое-как сшитой из кусков жесткой темной материи. Именно там Скорпио впервые увидел Перепела — высокого человека с асимметричной огментацией, которого сначала принял за Ультра или представителя одной из немногочисленных фракций вроде Скайджеков или Атмосферных Устричников. За спиной Перепела толпилось еще полдюжины людей подобного же вида. У всех было оружие — от ножей до широкоствольных низкоскоростных пулевых винтовок, — и все смотрели на свиней с нескрываемым предвкушением забавы. Перепел, чей язык Скорпио понимал без труда, объяснил, что свиней доставили сюда (камера находилась на борту большого корабля), чтобы команда могла расслабиться после какого-то неудачного дела.

В некотором смысле — хотя, возможно, не в том смысле, какой имел в

виду Перепел — именно так оно и было. Команда хотела поохотиться. Правила оказались достаточно просты: свиньям позволялось свободно перемещаться по кораблю, прятаться везде, где получится, и использовать все, что попадется под руку, в том числе и оружие. Того, кто по истечении пяти дней останется в живых, ожидала жизнь и свобода — по крайней мере, так сказал Перепел. Людям-свиньям предоставили выбор: прятаться всем вместе или разделиться на маленькие группы. И даже дали шесть часов форы.

Впрочем, это не слишком помогло. Половина товарищей Скорпио была убита в первый же день охоты. Они приняли условия без вопросов; Скорпио сам чувствовал странное стремление исполнять все, что ему говорили, и ощущение, что обязан выполнять приказы Перепела и других людей. Он боялся и очень хотел жить, но прошло почти три дня, прежде чем в его голову пришла мысль о сопротивлении. И даже тогда, просто обдумывая новую идею, Скорпио чувствовал огромное внутреннее сопротивление, словно нарушал какое-то табу.

Сначала Скорпио прятался вместе с двумя другими людьми-свиньями. Один из них был нем, второй едва мог выстраивать несвязные фразы и предложения, но они составляли отличную команду и предвидели действия друг друга с невероятной легкостью. Уже тогда Скорпио знал, что двенадцать пленников прежде работали вместе, но это было единственным внятным воспоминанием о прошлом — о том, что осталось за бортом корабля Перепела. Несмотря на то, что команда хорошо справлялась с задачей, примерно через восемнадцать часов Скорпио покинул товарищей. Они хотели отсидеться в убежище, которое им удалось найти, но Скорпио понимал: единственный шанс спастись состоит в том, чтобы непрерывно перемещаться вдоль основной оси корабля, от кормы к носу.

Именно тогда свин сделал первое из трех своих открытий. Пробираясь через трубу, он порвал правый рукав и увидел на своей коже край ярко-зеленого рисунка, который покрывал почти все плечо. Скорпио отодрал лоскут, а чуть позже, обнаружив отражательную панель, смог рассмотреть рисунок полностью. Это был скорпион, прорисованный со всеми подробностями. Проводя пальцем по изумрудной татуировке, словно поглаживая скорпиона, свин почти ощутил остроту его жала. Прикосновение словно наполняло энергией, которую только он, Скорпио, мог направлять и использовать. Он чувствовал, что скорпион как-то связан с его личностью, и все, что делает его самим собой заключено в этой татуировке. Это было началом самоосознания. Он наконец-то понял, что у него было имя — или, по крайней мере, мог дать себе имя, которое явно

связывало его с прошлым.

Примерно полдня спустя Скорпио сделал второе открытие. Выглянув в иллюминатор, он обнаружил еще один корабль, намного меньших размеров. При дальнейшем рассмотрении Скорпио узнал плавные, точно выверенные обводы внутрисистемной яхты. Обшивка, отливающая тусклым бледно-зеленым металлом, корпус с соблазнительными обтекаемыми формами ската манти, капотированные воздухозаборники, похожие на пасти гигантских акул... Скорпио разглядывал яхту и почти видел ее планировку, словно она просвечивала сквозь обшивку. Он знал, что может управлять судном, почти не думая; может выявить и устранить любую неполадку. Желание оказаться на борту яхты было неодолимым. Казалось, что только там, в окружении механизмов и инструментов, он будет по-настоящему счастлив.

Тогда же у него родилась гипотеза. Двенадцать человеко-свиней были командой яхты, которую захватили люди Перепела. Трофейный корабль взяли на буксир, а экипаж заморозили, чтобы позже скрасить унылые будни. Похоже, у Скорпио была «амнезия оттаивания». Обнаружив эту связь с прошлым, пусть даже эфемерную, он ощутил почти физическое наслаждение. Все еще пребывая в этом состоянии, он сделал третье открытие.

Он нашел своих товарищей, которые остались в убежище, казавшемся таким надежным. Их поймали и убили вскоре после того, как Скорпио ушел. Охотники Перепела подвесили их на цепях, закрепив наручники в отверстия ребер жесткости, пересекающих потолок коридора. Выпотрошенные, со снятой кожей, люди-свиньи были еще живы, когда Скорпио их обнаружил. И тогда он понял, из чего была сделана одежда, которую он носил. Свиней, которые становились «добычей», одевали в кожу их собратьев. Экипаж захваченной яхты определенно не был в числе первых жертв. Эта увлекательная игра продолжалась гораздо дольше, чем Скорпио подозревал изначально.

В этот момент в нем поднялась палящая волна ярости. В голове что-то щелкнуло. Неожиданно Скорпио понял, что способен сделать такое, чего раньше не представлял даже теоретически. Он мог причинить человеку боль. Безумную боль. И эта мысль не вызвала внутреннего отторжения, как это было раньше. Он даже мог рассуждать о том, как сможет это сделать.

И тогда Скорпио, призвав все свои технические познания, начал внедряться в машинерию корабля Перепела. Он превращал двери в смертоносные ловушки-ножницы. Подвесные кабинки и лифты разбивались или сжимались, давя тех, кто находился внутри. Он выкачивал

воздух из отсеков или заменял его отравляющими газами, а затем одурачивал сенсоры, которые могли бы предупредить о неполадках Перепела и его команду. Одного за другим Скорпио убивал — нет, казнил — охотников, порой проявляя подлинный артистизм. Наконец остался только Перепел — одинокий, доведенный до отчаяния постоянным страхом и пониманием того, что оказался в положении своих жертв. Но к тому времени все одиннадцать спутников Скорпио были мертвы. Победу омрачала горечь унижительной неудачи. Он был обязан защищать своих собратьев, которые даже не умели разговаривать, что было для него в порядке вещей. И дело было не в отсутствии речевого механизма. Они даже не могли понимать речь столь же бегло и проворно, как Скорпио. Несколько слов, возможно, фраз и ничего более. Их мозг был устроен по-другому: функциональная зона, которая отвечает за шифровку и расшифровку речевых символов, просто отсутствовала. Для Скорпио разговаривать и понимать речь казалось вполне естественным. Факт оставался фактом: он стоял ближе к людям и не закрывал на это глаза. И теперь он позволил убить их. Это было невыносимо, хотя свиньи никогда не объявляли его своим защитником.

Скорпио не убивал Перепела, пока не оказался в пространстве Йеллоустоуна, в точке, откуда планировал спуститься в Город Бездны. Потом взял похищенную яхту. Когда Скорпио приземлился в Малче, Перепел был уже мертв. Или, по крайней мере, переживал последние минуты агонии в установке, которую Скорпио изготовил специально для него, любовно переделав из роботизированной хирургической системы, доставленной из медицинского отсека яхты.

Он был почти дома, когда сделал последнее открытие: яхта никогда не принадлежала ни ему, ни кому-либо из свиней. «Зодиакальный Свет» принадлежал людям. «Свиньи» были наняты и находились на положении рабов, ютясь в тесноте на нижних палубах. Каждый был специалистом в какой-то одной области. Просматривая судовой видеожурнал, Скорпио видел, как бандиты Перепела убивали членов команды. Все произошло быстро и чисто, почти с милосердием — ничего общего с охотой на его собратьев. Из этих же записей Скорпио узнал, что свиньям сделали татуировки, соответствующие знакам зодиака. Как он и подозревал, скорпион на плече оказался просто отличительным знаком, но в первую очередь — символом подчинения.

Скорпио нашел сварочный лазер, выставил минимальную мощность луча и провел по коже, с ужасом и восхищением наблюдая, как прибор сжигает плоть, как изумрудный скорпион исчезает в пульсирующем луче.

Боль была невыносимой, однако гиперсвину даже в голову не пришло воспользоваться анестетиками, равно как и сделать что-нибудь для скорейшего заживления раны. Эта боль была необходима. Она напоминала о том, через что пришлось пройти и что совершить. Боль возвратила его самому себе, вновь сделала личностью. Возможно, до этого он был иным, но это не имело значения. Агония переродила его. Шрам послужит напоминанием о том, что здесь произошло, и если ненависть к людям начнет угасать, если когда-нибудь ему захочется простить, рана не позволит сделать этого. Однако он оставил себе новое имя, сам не понимая, зачем. Назвав себя «Скорпио», он превратился в орудие ненависти, направленной на людей. Это имя стало синонимом ужаса, и люди пугали им своих детей, которые проявляли непослушание.

Так началась его деятельность в Городе Бездны. Там же она и продолжится, если удастся сбежать от Ремонтуа. Некоторое время Скорпио будет ограничен в передвижении, но это не помешает ему встретиться с Лашером. Этот гиперсвин с обширными связями и влиянием, простирающимся до Ржавого Обода до Лореанвилля, был одним из первых его союзников — подлинных союзников. Что бы ни случилось, он оставался верен Скорпио. Даже в тюремном заключении и других подобных местах за ним требовался глаз да глаз. Армия свиней — добровольное объединение множества фракций и банд, которому Скорпио и Лашеру удалось придать нечто вроде сплоченности — уже вступала в стычки с властями, несла страшные потери, но так и не была уничтожена. Конфликты происходили в первую очередь из-за исконных владений свиней в Малче, а не из-за недовольства правящим режимом. Однако Лашер и его компаньоны не боялись расширять сферу влияния. Когда у них появились союзники среди баньши, их криминальная деятельность вышла далеко за пределы Малча. В этот момент Скорпио понял, что уже давно не в курсе событий. Интересно, как поживают его союзники.

Гиперсвин кивком указал на цепочку анклавов.

— Как я погляжу, мы все-таки движемся в сторону Ржавого Обода.

— Так оно и есть, — отозвался Ремонтуа. — Только не в сторону анклавов Конвента. У нас чуть-чуть изменились планы, поэтому мы и всадили тебе этот маленький противный имплантант.

— Правильно сделали.

— Потому что иначе ты бы меня прикончил, верно? Не спорю. Только далеко бы ты не ушел, — Ремонтуа погладил панель и улыбнулся, словно извиняясь. — Ты не можешь управлять кораблем. Да-да, боюсь, что именно так. Эта система рассчитана на Объединившихся. Но досмотр мы должны

пройти как гражданское судно.

— Объясни.

Ремонтуа немного покрутился в кресле, потом снова сложил руки на коленях и нагнулся к Скорпио. Расстояния можно было считать опасным, если не брать в расчет тот самый имплантант. Скорпио почти поверил, что умрет, если повторит свою попытку, и позволил человеку говорить, наслаждаясь воображаемыми картинами его казни.

— Думаю, ты помнишь Невила Клавейна.

Скорпио презрительно фыркнул.

— Он был одним из нас, — продолжал Ремонтуа. — Точнее, моим хорошим другом. Более того: на протяжении четырехсот лет он был хорошим Объединившимся. И сидел бы сейчас здесь, если бы кое-чего не натворил. А еще когда-то его называли Мясник Тарсиса — может, тебе это о чем-то говорит. Хотя вряд ли, это старая история. Не думаю, что ты когда-нибудь слышал о Тарсисе. Проблема в том, что Клавейн совершил предательство, и его надо остановить. Так как он... мой друг, его надо взять живым. Честно говоря, это, скорее всего, невозможно. Мы уже пытались его убить — другого выхода не было. Я почти рад, что у нас не получилось. Клавейн обманул всех, кто находился на корабле — бросил свой корвет и выскочил в открытый космос. Когда мы взорвали корвет, на борту никого не было.

— Умный парень. Он мне уже начинает нравиться.

— Отлично. Рад это слышать. Потому что ты должен помочь мне найти его.

Этот Клавейн действительно хорош, подумал Скорпио. То, как Ремонтуа о нем рассказывал, заставляло в это поверить.

— Помочь тебе?

— Мы думаем, что Клавейна спас грузовоз. Конечно, полной уверенности нет, но эту посудину мы, похоже, уже встречали. Конкретно — в Спорном Пространстве, сразу перед тем, как мы тебя... Клавейн спас пилота и вполне может рассчитывать на ответную помощь. Этот самый грузовоз недавно летал в зону военных действий, без всяких на то оснований, в том числе и законных. Вполне возможно, что он подобрал Клавейна в условленной точке.

— Ну, так взорвите к черту это корыто. В чем проблема, не понимаю?

— Боюсь, слишком поздно. Когда мы собрали эту головоломку, грузовоз уже вернулся в пространство... находящееся под юрисдикцией Феррисвильского Конвента, — Ремонтуа ткнул пальцем в иллюминатор за спиной Скорпио, где чернел диск Йеллоустона. — Клавейн намерен

высадиться на одном из анклавов Ржавого Обода. Это скорее твоя вотчина, чем моя. Судя по записям, ты знаешь это местечко не хуже, чем Город Бездны. И, уверен, уже горишь желанием стать моим проводником, — Ремонтуа улыбнулся и легко пощелкал себя по виску. — Верно я говорю?

— Я все равно могу убить тебя. Найдется способ.

— Так и умрешь вместе со мной — что в этом хорошего? Тебе предлагают выгодную сделку. Помоги нам... то есть Конджойнерам, и мы никогда не передадим тебя Конвенту. Отправим им тело — твой клон, точную копию — и скажем, что ты умер у нас в заключении. Ты не просто получишь свободу. Тебя уже не сможет преследовать Конвент. Мы можем сделать тебе новые документы, на совершенно законных основаниях. Обеспечить. Скорпио умрет, но ты сможешь начать новую жизнь.

— Тогда почему вы этого не сделали? Если вы можете подсунуть им мой клон...

— Без последствий все-таки не обойдется, и это будут очень серьезные последствия. Такие вещи не делаются на скорую руку. Но возвращение Клавейна для нас гораздо важнее, чем хорошие отношения с Конвентом.

— Видно, этот Клавейн — ценная птичка.

Ремонтуа снова повернулся к пультам управления, и его пальцы забегали по кнопкам, словно исполняя виртуозную пьесу.

— Да, он много для нас значит. Но еще ценнее то, что он перебежчик.

Скорпио обдумывал свое положение. Инстинкты выживания включались безжалостно и эффективно — как обычно, когда назревал личностный кризис. Однажды это было связано с Перепелом, сейчас — с этим хрупким на вид Конджойнером, который может убить его одной мыслью. Он не видел причин не верить угрозам Ремонтуа. Во всяком случае, что касается передачи Скорпио Конвенту в случае отказа в содействии. Предупредить Лашера не удастся, так что нетрудно догадаться, чем все это закончится. Но если помочь Ремонтуа, можно будет, по крайней мере, подольше побыть под арестом. Опять-таки, «паук», скорее всего, сказал правду, и Скорпио освободят. А даже если и солгал — хотя Скорпио в этом сомневался... Все равно это шанс связаться с Лашером и устроить побег. Значит, от предложения отказываться не стоит. Даже если согласиться означает на время заключить союз с людьми, которых Скорпио по-прежнему ненавидел.

— Похоже, ты в отчаянии, — сказал человек-свинья.

— Возможно, — отозвался Ремонтуа. — Хотя, наверно, это не твое дело. Ну так что, ты согласен выполнить мою просьбу?

— Если я скажу «нет»...

Конджойнер улыбнулся.

— Тогда нам не потребуется клонированный труп.

Примерно через каждые восемь часов люк приоткрывался — ровно настолько, чтобы Антуанетта могла передать Клавейну еду и воду. Он принимал эти подношения с благодарностью, не забывал говорить «спасибо» и ничем не показывал, насколько недоволен своим заточением. Достаточно того, что она спасла его и теперь везла на Ржавый Обод. На ее месте, он еще меньше доверял бы пленнику, — и тем более зная, на что способны Объединившиеся.

На самом деле, Клавейн был способен на большее, чем она могла себе представить.

Заключение продолжалось всего день. Клавейн ощутил вибрацию пола, когда двигатели корабля заработали в другом режиме. Передавая пленнику через люк колбу с водой и пищевую плитку, Антуанетта подтвердила, что они взяли курс на Ржавый Обод.

— Звук изменился, — сказал Клавейн, разворачивая плитку. — Что происходит? Мы угодили в зону сражения и теперь сильно рискуем?

— Нет, не совсем.

— Тогда что?

— Баньши.

Похоже, его недоумение не укрылось от Антуанетты.

— Пираты, бандиты, разбойники, грабители... как хочешь, так их и называй. Настоящие сукины дети, чтоб им пусто было.

— Я о таких не слышал.

— И долго бы не услышал. Для этого надо стать торговцем, который пытается работать по-честному.

Клавейн откусил кусок плитки.

— Почти честное заявление.

— Эй, слушай... конечно, мне случается обходить закон, куда без этого. Но то, что делают эти уроды... На их фоне мое самое злостное преступление выглядит... ну, не знаю, как нарушение правила парковки.

— А эти баньши... как я понимаю, они тоже были торговцами?

— Угу, — она кивнула. — Пока не выяснили, что гораздо легче отобрать груз у таких, как я, чем перевозить его самим.

— Но ты никогда непосредственно с ними не сталкивалась?

— Была пара стычек. Как у любого, кто перевозил что-нибудь через Ржавый Обод. Обычно они оставляют нас в покое. «Штормовая Птица» достаточно быстrophодна, и к ней так просто на ходу не пристыкуешься. Ну,

и... у нас есть кое-какие сдерживающие средства.

Клавейн многозначительно кивнул. Объяснений не требовалось.

— А теперь?

— Нас ведут. Пара баньши прицепилась к нам с час назад, удерживая одну десятую световой секунды. Тридцать кликов. Это не дистанция, мы их стряхнули.

Пленник выдавил в рот немного воды.

— И они вернулись?

— О чем и речь. Обычно они не забираются так далеко от Ржавого Обода. Это для них... нехарактерно. Я бы даже сказала...

Клавейн поднял бровь.

— Что... это имеет ко мне какое-то отношение?

— А что, мысль.

— Вот тебе еще одна. Вы летели через зону боев, куда просто так никто не сунется. С точки зрения баньши это может означать, что у вас на борту ценный груз, ради которого не грех и рискнуть.

— Похоже на то.

— Клянусь, я здесь не при чем.

— Я и не думала так, Клавейн... в смысле... думала, но передумала...

Но последнее время у нас вообще хрен знает что творится.

Клавейн еще раз приложился к колбе.

— Рассказывай.

Еще через восемь часов Клавейна выпустили из шлюза. Теперь он смог толком рассмотреть человека, которого Антуанетта назвала Ксавьером. Это был крепкий тип с приятной улыбчивой физиономией и густой копной волос, стриженных под горшок — настолько черных, что они отливали синевой в судовом освещении. По оценке Клавейна, он был лет на десять-пятнадцать лет старше Антуанетты. Впрочем, ситуация могла оказаться прямо противоположной. Ясно было одно: никто из них не родился больше чем несколько десятилетий назад.

Когда люк распахнулся, Клавейн обнаружил, что его спасители так и не сняли скафандры, шлемы пристегнуты к поясам.

— Снимай скафандр, — сказал Ксавьер, стоя в люка. — Тогда сможешь войти внутрь.

Клавейн кивнул и начал разоблачаться — дело и без того непростое, а тем более в шлюзе, где было буквально негде развернуться. Однако он справился за пять минут и остался в облегающем термокомбинезоне.

— Думаю, на этом можно остановиться?

— Конечно.

Ксавьер посторонился, пропуская Клавейна, и тот бесшумно шагнул на рифленый металлический пол.

— Спасибо, — сказал он.

— Не меня благодари, а ее.

— Ксавьер хотел оставить тебя в шлюзе до самого Ржавого Обода. — пояснила Антуанетта.

— Я его не виню.

— Но если ты попытаешься что-нибудь...

— Понимаю. Вы разгерметизируете судно. И я умру, так как остался без скафандра. В этом есть смысл, Ксавьер. На вашем месте я бы сделал то же самое. Но... можно вам кое-что показать?

Ксавьер и Антуанетта переглянулись.

— Что именно? — спросила девушка.

— Сейчас я вернусь в шлюз, а вы задраите люк.

Дождавшись, когда замок щелкнет, а их лица появятся в окошке, Клавейн подошел к двери и пригнулся. Теперь его голова оказалась в нескольких дюймах от блокирующего устройства и пульта управления. Клавейн прищурил глаза и сконцентрировался, вызывая нейропрограммы, которые не использовал вот уже много лет. Вот имплантанты засекали электрическое поле, генерируемое током замка, и поверх «картинки» легла спутанная неоновая паутина. Логика замка была ясна. Теперь оставалось только вычислить необходимый алгоритм действий. Потом Имплантанты начали генерировать поля большей напряженности, подчиняя одни электрические потоки и усиливая другие. Он разговаривал с замком, с его системой управления.

Приемы немного подзабылись, но задача оказалась детской игрой. Замок щелкнул. Люк медленно открылся, и взору Клавейна предстали Ксавьер и Антуанетта. Они стояли неподвижно, ошеломленные и даже немного напуганные.

— В космос... — пробормотал Ксавьер. — Прямо сейчас.

— Подождите, — Клавейн поднял руки. — Я сделал это только с одной целью. Чтобы вы видели, что мне ничего не стоило сделать это раньше. У меня были все шансы сбежать. Это значит... вы можете доверять мне.

— Размечтался! — зарычал Ксавьер. — Это значит, что тебя надо пришить прямо сейчас, пока ты не вытворил чего-нибудь похуже.

— Уверю вас, это будет ужасной ошибкой. И дело не только во мне.

— Не хочешь придумать что-нибудь получше?

— Если вы действительно мне не доверяете, запаяйте меня в ящик. Чтобы я мог только дышать и получать воду. До Ржавого Обода я дотяну. Но, пожалуйста... не убивайте меня.

— Звучит так, будто он это и имеет в виду, — сказала Антуанетта.

Ксавьер тяжело дышал. Он действительно боялся того, что может сделать Клавейн.

— Ты не сможешь влезть кому-нибудь из нас в голову. У нас нет имплантантов.

— Я и не собирался.

— И в корабельные системы тоже, — добавила Антуанетта. — С этим замком тебе просто повезло. Системы управления у нас в основном на электрооптике.

Клавейн развел руками.

— Ты права. Тут я бессилен.

— Думаю, мы должны ему поверить, — сказала Антуанетта.

— Да, но если он настолько...

Ксавьер не договорил. Резкий звук оборвал его фразу.

Клавейн тоже это услышал. Звон, доносящийся откуда-то из корабля, тревожный и прерывистый.

— Угроза сближения, — выдохнула Антуанетта, и ее спутник кивнул.

— Баньши.

Клавейн следовал за ними через грохочущие металлом внутренности корабля на главную палубу. Две фигуры в скафандрах, которые все это время двигались впереди, приземлились на массивные противоперегрузочные кушетки — где они откопали такой антиквариат? Озираясь и соображая, куда бы упасть, Клавейн попутно разглядывал пилотскую кабину... или мостик, или... черт, как сказала Антуанетта? Во всяком случае, все это отличалось от привычных корветов или той же «Ночной Тени» ровно настолько, чтобы остаться космическим кораблем. Оно было иным по возможностям, техническому решению и распределению функций. Тем не менее, Клавейн не чувствовал себя дезориентированным. Какие могут быть проблемы, если вы прожили несколько веков, наблюдая, как сменяют друг друга поколения звездолетов, за множеством циклов технологических подъемов и спадов? Все, что нужно — это просто смахнуть пыль с определенных слоев памяти.

— Вон там, — сказала Антуанетта, ткнув пальцем в сферу радара. — Ах, сволочи... Двое, как в прошлый раз. — Ее голос был тихим — очевидно, слова предназначались только Ксавьеру.

— Двадцать восемь тысяч кликов, — тем же полусшепотом отозвался ее друг, глядя ей через плечо на датчики расстояния, где цифры выделявали акробатические номера. — Приближаются... пятнадцать кликов в секунду, траектория перехвата почти идеальная. Скоро начнут сбрасывать скорость и готовиться к окончательному сближению перед жесткой стыковкой.

— Так что они нас догонят через... — Клавейн быстро произвел в уме подсчеты. — Тридцать-сорок минут.

Ксавьер повернулся и уставился на него со смешанным выражением лица.

— Кто тебя спрашивал?

— Я думал, что смогу быть чем-нибудь полезен.

— Клавейн, ты хоть когда-нибудь имел дело с баньши?

— Два часа назад я вообще о них не слышал.

— Можно сказать «понятия о них не имел»?

— Ксав... — мягко перебила Антуанетта, — как ты думаешь, через сколько они нас настигнут?

— Учитывая траекторию сближения и допуск на снижение скорости... тридцать, тридцать пять минут.

— Значит, паук ненамного ошибся.

— Удачная догадка, — ответил Ксавьер.

— На самом деле это вовсе не было удачной догадкой, — Клавейн наконец-то обнаружил у стены откидное сиденье и теперь устраивался поудобнее. — Я в самом деле никогда не сталкивался с баньши. Зато у меня есть некоторый опыт космических боев, в том числе с применением перехвата и абордажа.

В том числе в его собственном исполнении. Но Клавейн решил об этом не говорить.

— Тварь, — сказала Антуанетта, повысив свой голос. — Ты готов повторить маневр уклонения?

— Необходимые программы загружены и готовы к немедленному выполнению, Маленькая Мисс. Однако есть небольшая проблема.

Антуанетта вздохнула.

— Выкладывай, Тварь.

— Наши запасы топлива уже невелики, Маленькая Мисс. Маневр уклонения потребует значительных затрат, в том числе резерва.

— Хватит ли у нас горючего, чтобы провести другой вариант ухода? Или мы рискуем зависнуть на полпути к Ободу?

— Достаточно, Маленькая Мисс, но с очень маленьким...

— Отлично, прекрасно...

Руки Антуанетты, затянутые в перчатки, уже лежали на панели управления. Сейчас она начнет жесткий маневр, который убедит баньши навсегда забыть про данный грузовой корабль.

— Не делай этого, — сказал Клавейн.

Ксавьер смерил его безгранично презрительным взглядом.

— Чего?

— Я сказал, не делайте этого. Вы же сами сказали, что это могут быть те же баньши. Значит, они уже видели ваш маневр ухода и неплохо представляют, на что вы способны, а на что нет. У них было время подумать. Раз они вернулись, значит, решили, что риск того стоит.

— Не слушай... — начал Ксавьер.

— Все, чего вы добьетесь — это сожжете топливо, которое пригодится позже. Поверьте, в этом нет никакого смысла. Я попадал в подобные ситуации тысячи раз, во многих войнах.

Антуанетта недоуменно воззрилась на Клавейна.

— И что ты предлагаешь, черт подери? Просто сидеть и ждать?

Он покачал головой.

— Ты говорила о каких-то средствах убеждения. У меня такое чувство, будто я знаю, что это.

— О нет...

— У вас должно быть оружие, Антуанетта. В наше время без оружия летают только дураки.

Глава 19

Увидев орудия, Клавейн не знал, плакать ему или смеяться. Это был самый настоящий антиквариат — даже по сравнению с самыми допотопными орудийными установками, которые еще сохранились на корветах Конджойнеров или рейдерах Демархистов. Скорее всего, этих динозавров собрали из запчастей к каким-нибудь раритетам, приобретенных на черном рынке за символическую цену. Словом, они были столь же омерзительны на вид, насколько бесполезны в бою. Кроме того, на борту находилось небольшое количество огнестрельного оружия — на случай проникновения врага. Основная часть орудий размещалась в потайных люках и выпуклых полусферах на «спине» и «днище» корабля — поначалу Клавейн принял их за радары и сенсорные установки. Далеко не все находились в рабочем состоянии: примерно треть из них или вообще никогда не работали, или были сломаны, или исчерпала боезапас и аккумуляторы.

Чтобы добраться до пульта управления, Антуанетта отодвинула потайную панель в полу. Из люка начала медленно подниматься толстая металлическая колонна, на ходу обрастая датчиками и рычагами управления. В одном из шаровидных дисплеев вращалось схематическое изображение «Штормовой Птицы», активные орудия обозначались пульсирующими красными пятнами. Между ними змеились алые каналы связи с главной электронной сетью. Другие сферы и датчики на главной панели демонстрировали пространство вокруг корабля с различной степенью увеличения. Самое мелкомасштабное изображение позволяло увидеть два корабля баньши, которые крались за грузовозом — размытые пятнышки, как на экране радара.

— Пятнадцать тысяч кликов, — сказала Антуанетта.

— Я все равно считаю, что следует произвести уклонение, — проворчал Ксавьер.

— И сжечь топливо, когда оно вам нужно? — спросил Клавейн. — Не стоит. Антуанетта, вы задействовали все орудия?

— Все, что у нас есть.

— Хорошо. Ничего, если я спрошу, почему вы не сделали этого раньше?

Она пробежала пальцами по кнопкам, виртуозно настраивая орудия и загружая данные позиций в наименее загруженные части сети.

— По двум причинам, Клавейн. Первая: даже мысль о том, чтобы целиться в гражданские космические суда, является преступлением. Вторая: эти потрясающие пушки могут стать для баньши более ценной приманкой, чем груз.

— Этого не произойдет, если вы доверитесь мне.

— Довериться тебе, Клавейн?

— Разреши мне управлять орудиями.

— Всю жизнь об этом мечтала, — отозвалась Антуанетта, покосившись на Ксавьера.

Клавейн отстранился и сложил руки на груди.

— Если я понадоблюсь, вы знаете, где меня искать.

— Начинай укло... — начал Ксавьер.

— Нет.

Антуанетта ввела какую-то команду, и корабль содрогнулся.

— Что это было? — спросил Клавейн.

— Предупредительный выстрел.

— Bravo. Я бы сделал то же самое.

Предупредительный выстрел, судя по всему, был произведен цилиндрическим снарядом из пено-фазного водорода, который был разогнан в куцем стволе рельсовой пушки до скорости в несколько дюжин кликов в секунду. О пено-фазном водороде Клавейн знал все. Это было едва ли не основное оружие в арсенале Демархистов, с тех пор как они лишились возможности использовать в военных целях антивещество.

Демархисты добывали водород в полужидких сердцевинах газовых гигантов. Под огромным давлением водород превращается в металл наподобие ртути, но в тысячи раз плотнее. Обычно такое состояние нестабильно: стоит уменьшить давление — и водород снова становится газом. Фаза пены, казалось бы, тоже должна быть нестабильной. Однако при соблюдении необходимых условий водород может пребывать в этом состоянии даже после того, как давление упало на несколько порядков. После того, как специальный снаряд или болванку наполнили пено-фазным водородом, заряд сохраняет стабильность до момента столкновения с целью. Последствия взрыва обычно были катастрофическими. Пено-фазные заряды использовались не только как самостоятельное средство разрушения, но и как запал для термоядерных бомб.

Антуанетта была права. Конечно, по нынешним меркам пено-фазная пушка — безнадежно устаревшее оружие. Но одна мысль об обладании таким антиквариатом может вызвать необратимую гибель нервной системы.

Болванка, точно огромный туманный светляк, медленно проползла примерно в десятке километров от пиратских кораблей.

— Прут как перли, — прокомментировал Ксавьер несколькими минутами позже.

— Сколько еще снарядов у вас на борту?

— Один, — отозвалась Антуанетта.

— Придержи его. Ты пока слишком далеко. Баньши могут засечь снаряд радаром и увернуться от него прежде, чем он их настигнет.

Клавейн покинул кресло, пересек мостик и встал сзади. Теперь у него был шанс как следует рассмотреть цоколи орудий и мысленно оценить, на что способны эти устройства.

— Что у вас еще есть?

— Два гигаваттных эксимера [\[37\]](#), — сказала Антуанетта. — Один трехмиллиметровый боузер Брейтенбаха с протонно-электронным запалом. Пара пушек ближнего действия с зарядами твердого состояния, мегагерцового огневого диапазона. Одноразовый каскадно-пульсовый гразер... [\[38\]](#) но он, по-моему, не работает.

— Наверно, около гигаватта... А это? — Клавейн ткнул пальцем в единственное из активных орудий, которое она не описала.

— Это? Дерьмо. Многоствольный пулемет.

Клавейн кивнул.

— Зря ты так. Не стоит хаять пулеметы — они тоже могут пригодиться.

— Пришел ответный сигнал от движков обратной тяги, — подал голос Ксавьер. — Судя по Доплеру, ребятки сбрасывают ход.

— Мы их отпугнули? — спросил Клавейн.

— Простите, нет. Классическая тактика баньши, идущих на сближение.

Антуанетта выругалась.

— Ничего не делай, пока они не подойдут ближе, — сказал Клавейн. — Намного ближе. Пираты не атакуют тебя. Они не рискнут испортить твой груз.

— Я тебе напомню, когда они рискнут испортить нам глотки, — парировала она.

Клавейн вскинул одну бровь.

— Что-что?

— То самое. На самом деле это выродки, каких поискать надо.

Последние двенадцать минут оказались чуть ли не самыми

напряженными на памяти Клавейна. Он понимал, как себя чувствовали его спасители, понимал их желание выстрелить во врага. И знал, что это самоубийство. Мощности их лучевых орудий было недостаточно, чтобы гарантированно уничтожить корабль противника, а реактивные орудия — слишком медленные, они эффективны только на коротких дистанциях. И все-таки, почему баньши не отреагировали на предупреждение? Антуанетта не раз давала им понять, что отобрать воображаемый груз будет не так-то просто. По логике, пираты должны были бы отправиться на поиски другой жертвы, менее подвижной и не столь хорошо вооруженной. Но, по утверждению Антуанетты, для баньши не характерно промышлять так далеко в зоне военных действий...

Когда пираты подошли на расстояние ста кликов от «Штормовой Птицы», их корабли снова сбросили скорость и разделились, явно собираясь взять жертву в «клещи». Клавейн изучал увеличенное изображение ближнего корабля. Картинка немного расплывалась — с военной точки зрения, оптика «Штормовой Птицы» была слабовата, — но идентифицировать корабли не составляло труда. На экране красовался гражданский звездолет с осиной талией, немного меньше судна Антуанетты. Но его черную, как ночь, обшивку усеивали бесчисленные захваты и приварные орудийные установки. Рядом красовались неровные неоновые значки — черепа в пасти акулы.

— Откуда они взялись? — спросил Клавейн.

— Понятия не имею, — отозвался Ксавьер. — Откуда-то из Ржавого Обода или окрестностей Йеллоустоуна, но сказать точнее... Черт их разберет.

— И власти спокойно на это смотрят?

— Власти ни хрена не могут с ними поделаться. Ни Демархисты, ни Феррисвильский Конвент. Поэтому их все до чертиков боятся, — Ксавьер подмигнул Клавейну. — Я вот что тебе скажу: даже если ты по приколу примешь участие в этой заварушке, то не рассчитывай, что окажешься на пикнике, пока вокруг баньши.

— К счастью, это только не моя проблема.

Корабли подобрались ближе, заходя с двух сторон. Изображение стало четче, позволяя Клавейну обнаружить слабые и сильные места и оценить возможности оружия противника. В его сознании дюжинами проворачивались сценарии развития ситуации. Когда расстояние сократилось до шестидесяти километров, он кивнул и спокойно проговорил:

— Хорошо, теперь внимание. На этой дистанции у вас есть шанс

подпортить им настроение, но только если вы будете слушать меня и делать в точности то, что я говорю.

— Думаю, нам стоит послать его куда подальше, — сказал Ксавьер.

Клавейн облизнул губы.

— Воля ваша. Но тогда вам крышка. Антуанетта, сделай одолжение: установи следующие орудия в предпрограммный модуль, но не трогай их, пока я не скажу. Можешь не сомневаться, баньши видят нас достаточно четко, чтобы заметить малейшее движение.

Девушка подняла на него глаза, потом кивнула, и ее пальцы опустились на кнопки управления.

— Я слушаю, Клавейн.

— Бей с правого борта эксимером, импульс две секунды, так близко к миделю, как только сможешь. Там пучок сенсоров — его надо ликвидировать. Одновременно используй скорострельную зарядовую пушку, чтобы не подпустить второго к левому борту. Скажем, мегагерцовый залп с поддержкой в сто миллисекунд. Прикончить ты их не прикончишь, но разнесешь вот те пусковые установки и, думаю, попортишь вот эти захваты. В любом случае, выстрел спровоцирует баньши на ответные действия, что нам и нужно.

— Так? — Антуанетта ввела команды в оружейные цоколи.

— Да. Видишь, под каким углом он держит свой корпус? Так корабль оказывается в защищенной позиции. Это из-за того, что главные орудия у него слишком уязвимы. Сейчас, когда они развернуты и в полной боевой готовности, противник не станет подставлять их под удар, пока не будет уверен, что бьет наверняка. Они ждут, что для начала мы выстрелим чем-нибудь потяжелее.

— А потяжелее у нас и нет.

— Правильно. Поэтому мы ударим Брейтенбахом. Сразу по двум кораблям.

— А одноразовый гразер?

— Придержи на потом. Это наша козырная карта, и не стоит с нее ходить, пока ситуация не накалится.

— А многоствольный пулемет?

— Оставим его на десерт.

— Надеюсь, Клавейн, — фыркнула Антуанетта, — ты не пудришь нам мозги.

— Я тоже на это надеюсь.

Пираты продолжали сокращать дистанцию. Их уже можно было видеть через иллюминаторы — две черных точки, которые время от

времени выбрасывали пульсирующие белые и фиолетовые пики. Точки увеличивались, превращаясь в щепки. Щепки приобретали угловатую механистическую форму, и наконец Клавейн отчетливо разглядел неоновые контуры пиратских кораблей. Баньши включили подсветку только на последнем этапе сближения — маскироваться больше не имело смысла, так как требовалось активно использовать двигатели. Светящиеся рисунки предназначались для устрашения жертв, как Веселый Роджер на парусных морских кораблях древних пиратов.

— Клавейн...

— Примерно через сорок пять секунд, Антуанетта. Но не раньше. Понятно?

— Я как на иголках.

— Это нормально. И вовсе не значит, что ты умрешь.

И тут корабль тряхнуло. Почти как в прошлый раз, во время выстрела пено-фазным зарядом. Но сейчас толчок был помягче.

— Что случилось? — спросил Клавейн.

— Я ничего не делала... — простонала девушка.

— Ксавьер?

— Я не при чем, старик. Похоже...

— Тварь! — заорала Антуанетта.

— Прошу прощения, Маленькая Мисс, но...

Корабль взял на себя управление оружием и выстрелил мегагерцовой зарядной пушкой. В сторону левого корабля, но, похоже, слишком рано.

«Штормовую Птицу» снова тряхнуло. Половина индикаторов на панели управления полыхнула красным. Клавейн догадался, что один из пиратских кораблей выстрелил в них бронебойным зарядом, оборудованным магнитно-импульсной боеголовкой. Антуанетте повезло: основные системы жизнеобеспечения работали через оптико-электронные каналы...

— Клавейн... — ее глаза расширились, в них стоял страх. — Эксимеры не слушаются...

— Попробуй через другие каналы.

Пальцы Антуанетты забегали по панели управления. Клавейн следил, как паутина соединителей потока данных шевелится: девушка отключала одни и активировала другие. Корабль снова вздрогнул. Клавейн перегнулся и поглядел в левый иллюминатор. Там красовался один из баньши — он приближался, сдерживая движение ритмичными «залпами» реверсов. Теперь было хорошо видно, как разворачиваются захваты и «когти», выступая из корпуса подобно кривым шипастым конечностям. Казалось,

какое-то фантастическое черное насекомое выбирается из кокона.

— Быстрее, — бросил Ксавьер, пристально наблюдая за руками Антуанетты.

— Антуанетта, — Клавейн говорил со всем спокойствием, на какое был способен. — Разреши мне. Пожалуйста.

— Чего ради, черт подери...

— Просто передай мне управление.

Пять или шесть секунд девушка тяжело дышала, глядя на него в упор, затем отстегнула ремни и гибко выскользнула из кресла. Клавейн кивнул и занял место за контрольной панелью.

Он уже успел ознакомиться с этим устройством. Но едва руки коснулись кнопок, имплантанты начали увеличивать субъективную скорость восприятия. Окружающий мир начал двигаться в темпе ледника. Медленно менялось выражение на лицах хозяев корабля, багровые индикаторы панели медленно наливались светом и также медленно гасли. Даже его собственные руки двигались как сквозь патоку — интервал между выходом нервного сигнала и ответными действиями тела стала вполне заметна. Однако Клавейну такое было не в новинку. Он уже переживал такое слишком много раз и спокойно делал поправку на вялую реакцию своего тела.

Скорость осознания увеличилась в пятнадцать раз — теперь в каждую реальную секунду укладывалось пятнадцать секунд субъективного времени. Клавейн позволил себе немного расслабиться. На войне секунда — это очень и очень много. Пятнадцать — тем более. За четверть минуты можно многое сделать и обдумать.

Итак... Для начала — установить оптимальные пути управления оставшимися орудиями. Паутина зашевелилась, меняя структуру. Клавейн исследовал несколько подходящих решений, с ходу отмечая неудачные. Поиск идеального способа организации потоков данных занимал от силы пару секунд реального времени, но это время было потрачено даром. Клавейн бросил взгляд на сферический экран радара ближнего радиуса действия и удовлетворенно отметил, что обновление данных выглядит как медленное биение гигантского сердца.

Отлично. Он снова обрел контроль над эксимерами. Все, что теперь требовалось — пересмотреть стратегию в соответствии с изменившейся ситуацией. Это займет несколько секунд — реальных секунд — за которые его сознание переработает данные.

Слишком мало.

Но он, наверно, справится.

В результате усилий Клавейна один корабль был разнесен вдребезги, другой серьезно покалечен и уплывал назад в темноту. Неоновые картинки мерцали, словно обшивка звездолета искрилась. Прошло секунд пятьдесят, прежде чем из сопел двигателей вырвалось пламя, и корабль направился в сторону Ржавого Обода.

— «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», — проговорила Антуанетта, глядя на обломки пиратского корабля, которые, кувыряясь, таяли среди звезд. Он лишился примерно половины корпуса и демонстрировал перекрученные скелетные конструкции, извергающие серые спирали пара. — Отличная работа, Клавейн.

— Спасибо, — ответил Мясник Тарсиса. — Вот вам и вторая причина мне доверять. А теперь, если вы не против, я ненадолго упаду в обморок.

И он упал в обморок.

Остаток полета прошел без происшествий. После сражения с баньши Клавейн восемь или девять часов находился в бессознательном состоянии, восстанавливая мозговые структуры после жестокой перегрузки. Он слишком долго пробыл в состоянии ускоренного сознания. В отличие от имплантантов Скейд, его собственные были рассчитаны максимум на одну-две реальных секунды работы в таком режиме и перегрелись, со всеми вытекающими последствиями.

Однако никаких стойких или необратимых нарушений это не вызвало. Зато Клавейн заслужил доверие своих спасителей — награда, на которую он почти не рассчитывал. До конца полета ему разрешили разгуливать по кораблю в свое удовольствие. Ксавьер и Антуанетта сняли скафандры, причем с явным облегчением. Баньши больше не появлялись, а зон военных действий «Штормовая Птица» избегала. Однако Клавейн чувствовал необходимость быть чем-нибудь полезным. Поэтому, с согласия Антуанетты, он начал понемногу помогать Ксавьеру по ремонту и усовершенствованию корабельных систем. Мужчины часами пропадали в тесных лазах, забитых кабелями, или копались в допотопных многоэтажных программах-исходниках.

— Честно говоря, я не могу винить за то, что ты мне сначала не поверил, — как-то сказал Клавейн, оставшись с Ксавьером наедине.

— Я беспокоюсь за нее.

— Это естественно. И она чертовски рисковала — еще бы, отправиться в зону боевых действий, чтобы меня вытащить. На твоём месте я бы тоже стал её отговаривать.

— Не бери в голову.

Клавейн провел стилусом по сенсорному экрану блокнота, который лежал на его коленях. Между контрольной сетью и дорсальной [39] коммуникативной группой возникло несколько логических магистралей.

— Ладно, не буду.

— А ты, Клавейн? Что ты собираешься делать, когда мы доберемся до Ржавого Обода?

Он пожал плечами.

— Зависит от вас. Можете высадить меня, где вам удобно. Карусель Нью-Копенгагена — не самый худший вариант.

— А дальше что?

— Сдамся властям.

— Демархистам?!

Клавейн кивнул.

— По правде, свалиться им на голову прямо так, из открытого космоса... для меня это небезопасно. Лучше было бы действовать через кого-нибудь из нейтралов. Например, через Конвент.

Ксавьер ответил ему кивком.

— Надеюсь, что у тебя все получится. Ты рискуешь.

— Можешь поверить, не в первый раз.

Клавейн сделал паузу и заговорил тише. В этом не было необходимости — Антуанетта находилась в нескольких десятках метров, но он чувствовал, что действует правильно.

— Послушай... пока мы одни... мне надо тебя кое о чем спросить.

Лю покосился на него сквозь поцарапанные серые очки для визуализации.

— Слушаю.

— Как я понимаю, ты был в хороших отношениях с отцом Антуанетты и ремонтировал эту посудину еще при его жизни.

— Ну, примерно так.

— Следовательно, ты должен хорошо знать этот корабль. Возможно, лучше, чем Антуанетта?

— Мать твою, она пилот, каких поискать!

Клавейн улыбнулся.

— В переводе это означает, что технические подробности ее не слишком интересуют.

— Как и ее отца... — Ксавьер принял оборонительную позицию: — Знаешь, все эти торговые операции — сами по себе большой геморрой, чтобы еще заботиться о подпрограммах.

— Понимаю. Я ведь тоже не эксперт. Что не помешало заметить, когда субличность вмешалась... — он подвесил фразу.

— Меня это тоже удивило.

— Он нас чуть не погубил, — произнес Клавейн. — Я четко отдал приказ, а он выстрелил слишком рано.

— Это были не приказы, а рекомендации.

— Извини, ошибся. Но все дело в том, что такого не должно было произойти. Даже если у субличности есть определенный доступ к орудиям... хотя, строго говоря, на гражданских звездолетах такое не принято. По большому счету, он вообще не мог действовать без прямых команд. И не мог запаниковать.

Ксавьер издал нервный смешок.

— Запаниковал?

— Мне так показалось, — Клавейн пожалел, что не видит глаз собеседника, спрятанных за очками.

— Машины не паникуют.

— Я знаю. И субличности гамма-уровня — тем паче. Как я понимаю, ваш Тварь из таких?

Ксавьер кивнул.

— Значит, он не мог запаниковать, верно?

— Получается, что нет.

Клавейн нахмурился, вернулся к своему блокноту и снова начал водить стилусом по ярким нервным узлам логических магистралей, словно перемешивая разноцветные спагетти.

«Штормовая Птица» причалила к Карусели Нью-Копенгагена. Клавейн собирался сразу же отправиться восвояси, но Антуанетта и Ксавьер были категорически против. Он должен был непременно отобедать с ними в каком-нибудь заведении на Карусели. Немного подумав, Клавейн согласился. Прогулка не обещала затянуться больше, чем на пару часов. В свою очередь, Клавейн получал возможность акклиматизироваться перед дальнейшим путешествием, которое он предполагал продолжать в одиночества. Наконец, он просто был им благодарен — особенно Ксавьеру, который предоставил ему кое-что из своего гардероба.

Клавейн был выше и стройнее Лю. Пришлось проявить некоторую изобретательность, чтобы не чувствовать себя вором или тайным агентом, который намерен вынести под одеждой какую-нибудь ценность. Клавейн оставил свой плотно облегающий термокомбинезон, а сверху накинув дутую цветастую куртку, наподобие тех, в которые облачаются пилоты

перед вынужденным приводнением. Брюки Ксавьера висели на нем мешком и не закрывали лодыжек. Выбрав самые узкие, Клавейн отыскал пару грубых черных сапог, которые доходили ему почти до колен, и посмотрел в зеркало. Зрелище можно было назвать скорее странным, чем эксцентричным — следовательно, он действовал в верном направлении. В заключение Клавейн подстриг бороду и усы и привел в порядок волосы, зачесав их назад, так что они легли белыми волнами.

Антуанетта и Ксавьер уже ждали его — они тоже успели переодеться и освежиться. Вскоре вся компания уже ехала в поезде на другую сторону Карусели. Антуанетта сообщила, что линию провели после того, как спицы колеса были разрушены — до этого через «втулку» ходил экспресс. Теперь прямой путь стал невозможен. Но это было еще полбеда. Маршрут проходил не по дуге, а по сложной зигзагообразной траектории, змеясь и петляя вдоль «обода», а порой даже выходил на поверхность, чтобы обогнуть какой-нибудь частный сектор. Понятно, что направление движения относительно вектора вращения то и дело менялось, вызывая у Клавейна холод в животе и короткие приступы головокружения. Больше всего это напоминало вход в атмосферу Марса по «метеоритной» траектории.

Когда поезд прибыл на внутренний вокзал, Клавейн вздохнул с облегчением. Зал представлял собой огромную крытую плазу со стеклянным полом и стенами высотой в десятки метров — потрясающее зрелище.

Прямо под ногами темнела передняя часть огромного космического корабля, пробившая внутреннюю стенку обода Карусели. Тупоносый обтекаемый нос покрывали царапины, выбоины и пятна ожогов. Все, что обычно выступает из корпуса или крепится к обшивке, было безжалостно сорвано и искорежено. Иллюминаторы пилотской кабины, образующие полусферу на носу корабля, превратились в черные отверстия, похожие на пустые глазницы. Там, где звездолет встретился с поверхностью Карусели, вздувалась затвердевшая пористая пена пепельного цвета, напоминающая пемзу.

— Кто это сотворил? — спросил Клавейн.

— Один долбаный идиот по имени Лайл Меррик, — отозвалась Антуанетта.

Ксавьер перехватил инициативу.

— То, что ты видишь — судно этого Меррика, вернее, то, что от него осталось. Старое корыто на химических реактивных двигателях, едва ли не самое примитивное из всего, что когда-либо летало в системе. Лайл

оставался при делах, потому что умел уломать клиентов. Те, у кого была возможность, битой канистры бы этому болвану не доверили. Но в один прекрасный день Меррик вляпался.

— Это случилось лет шестнадцать-семнадцать назад, — сказала Антуанетта. — Таможенники хотели провести у него на борту досмотр, а Лайл дал деру. Он вполне мог спрятаться — был один ремонтный док в отдаленном секторе Карусели, куда его посудина вполне бы поместилась. Но Лайл все делал через задницу. То ли он ошибся в расчетах, то ли не справился с управлением... а может быть, просто был пьян. В общем, этот придурак вписался прямо в обод карусели.

— Ты видишь только очень маленькую часть его корабля, — подхватил Ксавьер. — Все остальное — то, что находилось сзади — по большому счету, было просто баком для горючего. Химический реактивный движок — вообще чертовски прожорливая штука, даже с пено-фазным катализатором. Когда судно врезалось в карусель, нос пробил обшивку, но не столько смял ее, сколько покорежил. В общем, цистерна сдетонировала и взорвалась. Снаружи остался здоровенный кратер.

— Погибшие? — спросил Клавейн.

— Несколько человек, — ответил Лю.

— Я бы так не сказала, — поправила девушка. — Несколько сотен.

Они рассказали, как гиперприматы в скафандрах герметизировали поверхность карусели, причем несколько обезьян из команды спасателей погибло. Животные настолько блестяще выполнили работу, замазав каждую щель между корпусом судна и стенкой обода, что стало ясно: безопаснее всего будет ничего не переделывать. После этого дизайнеры создали эту очаровательную плазу — разумеется, за соответствующую сумму.

— Теперь это называется «отзвуки жестокого столкновения с кораблем», — сказала Антуанетта.

— Ага, — подтвердил Ксавьер. — Или еще: «Комментарий несчастного случая остроумным архитектурным жестом, в меру необходимости сохранившим и взявшим за основу трансформацию пространства в результате самого происшествия».

— Я бы сказала проще: «Памятник идиотам, которые сорят деньгами», — прокомментировала девушка.

— Это была твоя идея — притащиться сюда, — сказал Лю. — Всецело твоя.

В коническом носу корабля разместился бар. Перед входом Клавейн тактично намекнул своим спутникам, что им пора немного уgomониться.

Рядом со столиком в дальнем углу, который они выбрали, красовалась цистерна с бурлящей водой, задекорированная под пещеру. Внутри плавали моллюски, на конических телах вспыхивали неонам рекламные слоганы.

Гиббон-официант принес им пиво, и все трое принялись за кружки — даже Клавейн, который был равнодушен к алкоголю. Но напиток оказался просто восхитительным — прохладным и освежающим. К тому же спасение стоило отметить. Клавейн надеялся, что его спутники не узнают, насколько ему неуютно — это могло испортить приятное времяпрепровождение.

— Итак, Клавейн, — сказала Антуанетта. — Объяснишь, что все это значит, или хочешь оставить нас ломать голову?

— Вы знаете, кто я такой?

— Да, — она покосилась на Ксавьера. — Ну... мы так думаем. Ты раньше этого не отрицал.

— В таком случае, вы знаете, что мне уже доводилось стать перебежчиком.

— Давным-давно, — задумчиво сказала девушка.

Клавейн заметил, что она аккуратно сдирает этикетку с бутылки.

— Иногда мне кажется, что это было вчера. Но с тех пор прошло четыреста лет. Плюс-минус десяток-другой. Почти все эти годы я служил своей фракции верой и правдой. Поверьте, мне было нелегко снова стать отступником.

— Так почему ты все-таки решился? — спросила она.

— Потому что скоро произойдет кое-что очень скверное. Что именно — не могу точно сказать, я не знаю всех подробностей. Но того, что мне известно, достаточно, чтобы сказать: это угроза... угроза извне, угроза для всех нас. Не только для Объединившихся, но и для Демархистов. Ультра. Скайджеков. Вас двоих.

Ксавьер окинул взглядом свою кружку.

— И на этой оптимистичной ноте...

— Я не хотел портить нам праздник. Просто все именно так. Есть нечто такое, что угрожает всем. Я бы очень хотел, чтобы это оказалось не так.

— И что нам угрожает? — осведомилась Антуанетта.

— Если то, что я узнал, верно, то... нечто чуждое. Некоторое время назад мы... я имею в виду Объединившихся... мы знаем, что в космосе обитают враждебные существа. Я имею в виду активную враждебность. Они не из тех, кто представляет опасность при определенных обстоятельствах или в силу непредсказуемости, как Трюкачи или

Странники. Мы столкнулись с этими существами во время космической экспедиции. Они атаковали нас, и тогда стало ясно, что это машины. Мы назвали их Волками. Только недавно мы нашли способ получать от них ответы.

Клавейн выдержал паузу. Похоже, ему удалось зацепить слушателей. Он не собирался посвящать их в технические секреты Конджойнеров. Это был краткий вариант того, что он сообщит Демархистским властям. Но чем быстрее распространятся новости, тем лучше.

— И эти машины... — неуверенно начала Антуанетта. — Как давно вы знаете о Волках?

— Достаточно давно. Несколько десятков лет. Сначала нам казалось, что они так и останутся отдаленной угрозой — при условии, что мы будем соблюдать определенные предосторожности. Поэтому мы прекратили выпуск своих двигателей — они привлекают Волков, как маяки. Только сейчас мы придумали, как сделать корабли незаметными. Одна фракция в Материнском Гнезде, под руководством — вернее, под влиянием Скейд...

— Ты уже называл это имя, — перебил Ксавьер.

— Скейд ищет меня. Она не хочет, чтобы я добрался до Демархистов, потому что знает: информация, которой я владею, весьма опасна.

— Так что «эта фракция»? — спросила девушка.

— Она строит флот эвакуации, — ответил Клавейн. — Я видел эти корабли. Они достаточно велики, чтобы вместить всех Объединившихся системы Йеллоустоуна. Фракция Скейд запланировала всеобщую эвакуацию. Они установили, что тотальное нападение Волков неизбежно, и выбрали оптимальный выход. Спасаться бегством.

— Ну и что в этом такого? — пожал плечами Ксавьер. — Мы бы сделали то же самое, чтобы спасти собственные шкуры.

— Возможно, — проговорил Невил. Цинизм молодого человека вызывал у него странное восхищение. — Но есть еще одна проблема. Несколько веков назад Объединившиеся создали серию орудий невероятной разрушительной силы. Это было действительно адское оружие. Насколько мне известно, ничего подобного больше никогда не выпускали. Потом орудия исчезли, а не так давно их след снова был обнаружен. Теперь Объединившиеся пытаются их вернуть — они надеются, что смогут с их помощью отбиться от Волков.

— Где эти орудия? — спросила Антуанетта.

— Возле Ресургема, в системе Дельты Павлина. В двадцати годах лета отсюда. Кто-то — видимо, нынешний владелец — активировал их, и мы засекли характерное излучение. Это уже само по себе повод для

беспокойства. Материнское Гнездо организовало экспедицию, чтобы вернуть орудия. Как ни странно, ее должен был возглавить я.

— Подожди секунду, — сказал Ксавьер. — Ты должен был отправиться к черту на рога только ради того, чтобы вернуть несколько пушек? А почему не изготовить другие?

— Это невозможно. Невозможно ни при каких условиях. Я уже говорил, что орудия были созданы очень давно, и принципы их устройства целенаправленно уничтожили сразу после выпуска опытных образцов.

— Звучит несколько подозрительно.

— Я никогда не говорил, что знаю ответы на все вопросы.

— Хорошо. Предположим, эти орудия существуют... что дальше?

Клавейн нагнулся ближе и покачал бутылкой.

— Мои прежние товарищи сделают все возможное и невозможное, чтобы их вернуть, даже без меня. Я стал перебежчиком, чтобы убедить Демархистов — или любого, кто проявит к этому интерес — добраться туда первыми.

— Значит... — Ксавьер поглядел на Антуанетту, — Тебе нужен кто-то с кораблем, желательно вооруженным. Так почему тебе не обратиться к Ультра?

Клавейн устало улыбнулся.

— Ультра — первые, от кого были спрятаны орудия, Ксавьер. Я не хочу усложнять ситуацию.

— Ну что ж, удачи, — сказал Лю.

— О?

— Она тебе понадобится.

Клавейн кивнул и поднял бутылку.

— В таком случае, за меня.

Антуанетта и Ксавьер звонко чокнулись.

— За тебя, Клавейн!

Бар они покидали втроем. Получив подробную инструкцию о маршрутах местных поездов, Клавейн попрощался со своими спасителями. Обычно на Карусели Нью-Копенгагена проверок не проводилось, хотя Антуанетта предупредила: если он захочет попасть в любой другой анклав Ржавого Обода, этого не избежать. Однако такое положение вполне устраивало Клавейна. Это была почти идеальная возможность выйти на контакт с властями. Его досмотрят, протралят, установят принадлежность к Конджойнерам. Еще несколько тестов достоверно подтвердят, что он тот, за кого себя выдает, а почти полное отсутствие генетических модификаций —

то, что он родился на Земле в двадцать втором веке. Что за этим последует, Клавейн не представлял. Возможно, его немедленно казнят. Клавейн надеялся, что такое не произойдет, но не исключал подобной возможности. И еще он рассчитывал передать свое послание прежде, чем будет слишком поздно.

Антуанетта и Ксавьер посадили его на поезд и убедились, что он сможет оплатить дорогу. Когда поезд тронулся, Клавейн помахал им рукой и некоторое время наблюдал, как останки судна Лайла Меррика исчезают за поворотом.

Потом он закрыл глаза и заставил свое сознание работать с трехкратным ускорением. До прибытия в пункт назначения оставалось несколько спокойных минут.

Глава 20

Овод уже приготовился к жаркому спору, но Вуалюмье сдалась на удивление легко. Правда, она честно призналась, что путешествие в эпицентр активности Подавляющих не вызывает у нее ни малейшего энтузиазма. Единственная причина согласия — это необходимость доказать реальности угрозы. Если Оводу необходимо не только посмотреть, но и потрогать... Ей остается только выполнить его желание.

— Только не ошибись, Овод, — добавила Инквизитор. — Это опасно. Мы сейчас практически на их территории.

— Я бы сказал, что мы никогда не были в безопасности, Инквизитор. Нас могли накрыть в любой момент. Даже из обыкновенных человеческих пушек, судя по расстоянию. Или я не прав?

Шаттл устремился вниз, в атмосферу газового гиганта. Со стороны, наверно, это выглядело как бросок королевской кобры, чье тело ниже капюшона почему-то стало невидимым. Траектория пролегла недалеко от точки, где одна из непрерывно растущих труб уходила в облачный слой — в какой-то тысяче километров от мутного хаоса взбаламученных газов зоны погружения, похожей на глаз урагана. Что происходило глубже, было скрыто даже от сенсоров. Оставалось только предположить, что труба погружалась в атмосферу Руха, невзирая на чудовищное давление.

— Овод, мы имеем дело с чуждыми машинами. Если тебе угодно — с машинами, у которых чуждая нам психология. Да, они до сих пор на нас не напали и не вообще проявили к нам ни малейшего интереса. Они даже не намекнули, что хотят стереть все живое с поверхности Ресургема. Но это не значит, что мы можем безнаказанно делать все, что заблагорассудится. Есть определенный порог, за которым надо быть очень осторожным.

— И что, по-вашему, означает «быть не очень осторожным»?

— Я боюсь, что вход в атмосферу окажется...

— Для меня это нечто большее, чем просто способ убедиться в вашей честности, Инквизитор.

— Ты не можешь обращаться ко мне как-нибудь иначе?

— Простите?

Инквизитор ввела с пульта какую-то команду. Овод услышал каскад щелчков — это корпус принимал форму, оптимальную для входа в атмосферу. Газовый гигант Рух заполнил иллюминаторы.

— Не надо постоянно называть меня Инквизитором.

— Хорошо, Вуалюмье...

— Меня зовут Ана. И я чувствую себя более комфортно, когда ко мне обращаются по имени. Возможно, мне тоже не стоит называть тебя Оводом.

— Я и есть Овод. Я вырос с этим именем. Думаю, оно мне вполне подходит. И я не горю желанием помогать Дому Инквизиции в его расследованиях. Верно?

— Мы прекрасно знаем, кто ты такой. Ты сам видел досье.

— Видел. Но у меня создается впечатление, что вы не особенно стремитесь воспользоваться своими знаниями, так?

— Ты нам полезен.

— Я имею в виду кое-что другое.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Шаттл продолжал погружаться в Рух. Тишину нарушали лишь редкие щелчки или фразы предупреждения, которые доносились из динамиков панели управления. Корабль без энтузиазма исполнял приказы и время от времени предлагал собственное решение проблемы.

— Я думаю, мы для них что-то вроде насекомых, — неожиданно произнесла Вуалюмье. — Машины пришли сюда, чтобы нас истребить. Как специалисты по уничтожению паразитов. Они не станут заморачиваться, чтобы уничтожить пару человек, потому что собираются истребить все человечество. Мы можем даже попинать эти трубы — я не уверена, что машины как-то отреагируют. Просто будут продолжать работу, спокойно и методично, потому что это, в конце концов, более эффективно.

— Получается, сейчас нам ничего не грозит. Я правильно понял?

— Это только теория, Овод... и я бы не стала биться об заклад, что она верна. Ясно одно: мы понимаем далеко не все, что они делают. В действиях Подавляющих должен быть какой-то высший смысл. Какое-то предназначение. Это просто невозможно... уничтожение жизни как самоцель. Хорошо, я допускаю, что это так. Они просто бездумные убийцы, и ничего больше. Но почему не нашлось более эффективного способа достичь той же цели?

— К чему вы ведете?

— Только к одному. Не стоит рассчитывать на то, что у нас правильное представление о происходящем. Более правильное, чем у насекомых об инсектицидах, — она стиснула зубы и нажала несколько кнопок на панели. — Отлично. Держись. Сейчас немного встряхнет.

На иллюминаторы опустились бронированные ставни — словно сомкнулись веки. Через секунду корабль и вправду затрясло, точно автомобиль, который свернул с шоссе на разбитую грунтовку. И еще Овод

почувствовал, как нарастает тяжесть: перегрузка начала вжимать его в кресло, все сильнее и сильнее.

— Кто вы на самом деле, Ана?

— Ты знаешь, кто я. Мы это проходили.

— Меня это не устраивает. С тем кораблем творится что-то странное, верно? Я даже представить не могу, что именно. Но пока мы были на борту, я все время замечал одну вещь: и вы, и та женщина — Ирина — постоянно задерживали дыхание. Как будто дожидаться не могли, когда меня можно будет выпроводить.

— Потому что тебя ждет работа на Ресургеме. Ирина вообще была против того, чтобы пускать тебя на борт. Она хотела, чтобы ты оставался на планете и готовил почву для эвакуации.

— Несколько дней не ничего не решают. Нет, голову даю на отсечение, дело не в спешке. Здесь какой-то подвох. Вы что-то прятали, надеялись, что я ничего не замечу. Черт, никак не соображу, что это могло быть.

— Ты должен нам верить, Овод.

— Вы сами мне мешаете... Ана.

— Чего тебе не хватило? Мы показали корабль — или нет? Ты видел, что он настоящий, что он достаточно велик, чтобы вывезти людей с планеты. Тебе даже показали ангар с шаттлами.

— Верно. Но мне интересно, чего вы не показали.

Тряска усилилась. Казалось, корабль скользит на полозьях по неровному льду, время от времени натываясь на торчащие камни. Корпус трещал и менял формы, снова и снова, подстраиваясь под плотность атмосферных слоев. Овод поймал себя на том, что взбудоражен и одновременно напуган. Это был второй в его жизни спуск в атмосферу. Первый — когда родители привезли его на Ресургем — не отложился в памяти по одной простой причине: он спал в криогенной камере и ничего не осознавал. Из более ранних воспоминаний сохранилось лишь одно: что он родился в Городе Бездны.

— Мы не стали обходить весь корабль, потому что не уверены, что там все безопасно, — сказала Вуалюмье. — А вдруг команда Вольевой оставила на борту какие-нибудь ловушки?

— Хорошо. Но вы даже не позволили взглянуть на него снаружи, Ана.

— Это было неудобно. На подлете...

— Не морочьте мне голову. Просто с кораблем что-то происходит, и вы не позволяете мне это увидеть, верно?

— Почему ты спросил об этом именно сейчас, Овод?

Он улыбнулся.

— Решил, что напряженная ситуация поможет вам сосредоточиться.

Ана ничего не ответила.

Постепенно тряска стала уменьшаться. Корпус снова затрещал, меняя форму — в последний раз. Вуалюмье подождала еще несколько минут и отдала ставням приказ открыть иллюминаторы. В кабину ворвался свет, и Овод заморгал от неожиданности. Шаттл находился в атмосфере Руха.

— Как ты? — спросила Ана. — Твой вес увеличился вдвое.

— Порядок, — он действительно чувствовал себя неплохо, пока не начинал шевелиться. — Насколько мы забрались?

— Не очень глубоко. Давление примерно пол-атмосферы. Подожди... — Инквизитор нахмурилась, уставилась на один из дисплеев и потыкала в какие-то кнопки, после чего группа пастельных разводов на экране приобрела ясные очертания. Овод увидел схематический силуэт их шаттла в окружении пульсирующих концентрических колец. Судя по всему, это было что-то вроде экрана радара. Потом Овод заметил на периферии туманное светящееся пятно, которое то вспыхивало, то исчезало. Ана снова пробежалась пальцами по кнопкам, концентрические круги сжались, а пятно сместилось к центру и стало ярче. Вот его видно, а вот не видно, вот оно опять появилось...

— Что это? — спросил Овод.

— Не знаю. Пассивный радар показывает, что за нами что-то следует. Дистанция примерно тридцать тысяч кликов. Пока мы шли по приборам, я ничего не видела. Оно маленькое и, кажется, не намерено приближаться, но мне это все равно не нравится.

— Может быть, приборы врут? Или это какой-то сбой в системе?

— Не уверена. Может быть, радар ложный сигнал от вихрей за кормой. Можно, конечно, переключиться на активный — картина будет более точной, но мне не хочется нарываться на неприятности. И... по-моему, надо выбираться отсюда, пока еще возможно. Я склонна верить предупреждениям.

Овод побарабанил пальцами по консоли.

— А может быть, вы подготовились заранее? Откуда я знаю?

Инквизитор рассмеялась. Это был короткий нервный смех человека, который столкнулся с полным непониманием ситуации.

— Я не готовилась, поверь мне.

Овод кивнул. Похоже, она говорила правду. Или, по крайней мере, очень умело врала.

— Возможно. Но я все равно хочу подойти поближе к точке погружения, Ана. И не собираюсь возвращаться, пока не увижу, что здесь

происходит.

— Ты серьезно?

Инквизитор ждала ответа, но Овод молчал, в упор глядя на нее.

— Отлично. Мы подлетим достаточно близко, чтобы ты все увидел собственными глазами. Но не ближе. И если эта штука начнет хоть немного сокращать дистанцию, хотя бы намекнет на это, мы сматываемся. Понятно?

— Конечно, — спокойно ответил он. — Или я похож на самоубийцу?

Вуалюмье вычертила траекторию сближения. Точка погружения трубы двигалась со скоростью тридцать километров в секунду относительно атмосферы Руха — эту скорость обуславливало движение по орбите луны, из которой труба росла. Шаттл зашел сзади и «следовал» точку погружения, увеличивая скорость. Корпус снова менял очертания, подстраиваясь под атмосферу с увеличенным числом Маха. ^[40] Пятно на пассивном радаре по-прежнему следовало за ними, так же мигая, иногда пропадая совсем, но ни разу не изменив положения относительно позиции корабля.

— Я чувствую, что становлюсь легче, — сказал Овод.

— Ну еще бы. Мы снова почти на орбите. Если я еще чуть-чуть увеличу скорость, мне придется запускать реверсы, чтобы не вылететь из атмосферы.

В кильватере точки погружения атмосфера завихрялась и бурлила, диковинные химические смеси окрашивали слои облаков всеми оттенками грязно-красного и киновари. Молнии вспыхивали от горизонта до горизонта, выгибаясь арками и образуя дрожащие серебряные мосты. Среди них, как дервиши в трансе, яростно крутились воронки. Многочисленные пассивные сенсоры корабля развернулись вперед, выбирая траекторию, проходящую мимо самых опасных зон шторма.

— Я не вижу никакой трубы, — сказал Овод.

— И не увидишь, пока не приблизимся. Она всего тринадцать километров в диаметре, я не уверена, что мы сможем рассмотреть ее, пока не подойдем километров на сто, даже если бы не было шторма.

— Можете предположить, что тут делают Подавляющие?

— Хотелось бы.

— Похоже, какая-то планетарная инженерия. Ради этого они уничтожили целых три планеты, Ана. Так что затевается нечто серьезное.

Корабль продолжал приближаться к трубе, полет все больше напоминал безумную скачку. Вуалюмье меняла высоту, то опускаясь, то поднимаясь на десятки километров, потом решила больше не рисковать и отключить Доплеровский радар. Высота стабилизировалась, зато шаттл

начало трясти и кидать в стороны — он то и дело попадал в атмосферные воронки и ямы. Предупреждающие сигналы вспыхивали каждую минуту, и Ана набирала команды или произносила их в микрофон. Тьма сгущалась. Вокруг вздымались и опускались штормовые волны огромных черных облаков, шевелясь, точно клубок внутренностей. Иногда вспышка молнии на миг вырывала из мрака громаду грозových туч размером с город. Казалось, воздух впереди пульсирует и пылает: мощные электрические разряды, многократно ветвясь, озаряли все вокруг нежно-голубым светом. Шаттл летел сквозь уголок настоящего ада.

— А идея не так уж хороша, тебе не кажется? — ехидно осведомилась Вуалюмье.

— Ничего, — сказал Овод. — Давайте, не останавливайтесь. Эта хрень за кормой не приблизилась ни на метр, верно? Может быть, это просто отражение наших кильватерных вихрей?

В этот момент Ана быстро повернулась к приборной панели, хотя Овод не понял, что привлекло ее внимание. Сигналы тревоги звучали один за другим, целый хор голосов выкрикивал непонятные предупреждения.

— Сенсор массы показывает, что впереди что-то есть, — пробормотала Инквизитор. — Дистанция — семьдесят с небольшим километров. Удлиненное... думаю, в трехмерном пространстве оно цилиндрическое, в виде перевернутой «г». Похоже, это наша крошка.

— Когда мы ее увидим?

— Минут через пять, а то и меньше. Я сбрасываю скорость. Держись.

Овод едва не ткнулся носом в собственные колени: то, что сделала Вуалюмье, напоминало остановку, а не торможение. Он отсчитал пять минут, затем еще пять... Мутная точка на радаре также замедлила движение, сохраняя постоянный интервал. Странно, но движение стало более плавным. Облака начали редеть, однако молнии били еще чаще. Это было нечто большее, чем постоянные отдаленные вспышки. Чувство нереальности происходящего вселяло ужас.

— Давление падает, — объявила Вуалюмье. — Мне кажется, это результат движения трубы. Она скользит через атмосферу со скоростью больше звуковой и создает позади себя разреженную зону — тот просто не успевает заполнить пространство. Это называется конус Марха ^[41], мы как будто следуем за сверхзвуковым самолетом.

— Звучит так, будто вы знаете, о чем говорите... это немало, во всяком случае, для Инквизитора.

— Я этому училась, Овод. И у меня был хороший наставник.

— Ирина? — небрежно уточнил он.

— Мы неплохо работаем в паре. Правда, так было не всегда, — она посмотрела вперед и указала на главный дисплей. — Смотри. По-моему, я что-то вижу. Давай попробуем немного увеличить, а потом сматываем отсюда по-быстрому, обратно в космос.

На экране появилось изображение трубы, которая погружалась в атмосферу под углом к горизонту сорок-сорок пять градусов. Она рассекала темное небо ослепительной серебряной полосой, похожей на воронку смерча, демонстрируя примерно восемьдесят километров своей длины и исчезая сверху и снизу в слоях бурлящих облаков. Труба казалась совершенно неподвижной, хотя за каждые четыре секунды погружалась в облака на километр.

— И только-то, — проговорил Овод. — Не знаю, чего я ожидал, но здесь должно быть что-то еще. Может быть, глубже... Как насчет продвинуться немного вперед?

— Нам придется пересечь границу звуковой скорости. Это будет куда жестче, чем все, что было раньше.

— Выдержим?

— Попробуем.

Вуалюмье скорчила гримасу и снова склонилась к пульту управления. Воздух перед трубой был совершенно чистым и спокойным, словно от нее не разбегались в разные стороны ударные взрывные волны. Каждый оборот преобразованного спутника заставлял трубу, вытекающую из него, описывать зигзаги размахом в тысячи километров. Непосредственно перед ее поверхностью воздух давление сжимало воздух, образуя жидкий слой сантиметровой толщины и формируя по всей ее длине те самые V-образные ударные волны. Обойти трубу, не пересекая крыло сжатого и раскаленного воздуха, было невозможно. Ничего не оставалось, кроме как сделать крюк радиусом несколько тысяч километров.

Наконец шаттл подошел почти вплотную. По ведущему краю труба горела вишнево-красным, очевидно, нагреваясь от трения об атмосферу. Но Овод не заметил даже намека на повреждения.

— Эта штука запитывается внизу, — объявил он. — Но там ничего нет, кроме газа.

— Ошибаешься, — возразила Вуалюмье. — Сотнями километров ниже лежит слой жидкого водорода. Еще глубже — металлический водород. И где-то под ним находится каменистое ядро.

— Ана, если они собрались разобрать на запчасти такую планету, чтобы добраться до какого-то камушка... Каким образом они собираются это проверить? У вас есть хоть какая-нибудь идея?

— Пока нет. Может быть, мы скоро выясним.

Шаттл пересек звуковой барьер. В какой-то момент Оводу показалось, что корабль развалится — в конце концов, конструкция не была рассчитана на подобные нагрузки. В треске корпуса слышался стон раненого животного. Все датчики на пульте управления истерически замигали красным. И вдруг стало очень тихо. Шаттл плыл, словно корабль-призрак по спокойному морю. Пульт ожил, пронзительные голоса, вопящие об опасности из каждого динамика, смолкли.

— Прорвались, — выдохнула Вуалюмье. — Думаю, все цело. Овод... Давай больше не искушать судьбу.

— Хорошо. Но мы уже столько прошли, так что... ну... это... было бы глупо не заглянуть немного глубже, правда?

— Нет.

— Если хотите, я вам помогу. Но мне надо знать, во что я впутываюсь.

— Шаттл не выдержит.

Овод улыбнулся.

— Он просто вытерпит чуть больше того, на что рассчитан. И не будьте такой пессимисткой.

Представитель Демархистов вошла в белую, почти стерильную комнату и смерила Клавейна взглядом. У нее за спиной стояли трое полицейских Феррисвиля, которые задержали Невилу в терминале отправки, и четверо солдат-Демархистов. Последние сдали свое оружие, но в своей мощной огненно-красной броне по-прежнему выглядели угрожающе. Клавейн почувствовал себя старым и беспомощным. Он полностью зависел от милости своих новых покровителей и знал это.

— Сандра Вой, — представилась женщина. — А вы, как я понимаю — Невил Клавейн, Конджойнер. Почему вы хотели видеть меня?

— Я больше не принадлежу фракции Конджойнеров.

— Это меня не интересует. Почему именно я? По словам представителей Феррисвильской администрации, вы просили пригласить меня.

— Мне показалось, что вы сможете меня выслушать беспристрастно. Понимаете, я знал кое-кого из ваших родственников. Например, вашу прапрабабушку... если вы не однофамильцы. Мне так и не удалось разобраться, кто есть кто в нынешнем поколении.

Женщина пододвинула белый стул и села напротив Клавейна. Демархисты претендовали на воссоздание старомодной системы чинов и званий. Капитаны назывались командирами корабля, генералы —

специалистами стратегического планирования. Разумеется, все эти нюансы требовали введения соответствующих знаков отличия. Сандра Вой была бы возмущена до глубины души, если бы кто-нибудь посмел не догадаться, что множество цветных полосок и колец на груди ее куртки обозначают конкретное воинское звание.

— За последние четыреста лет другой Сандры Вой не было, — отчеканила она.

— Я знаю. Предыдущая погибла на Марсе, во время мирных переговоров с Объединившимися.

— Я обойдусь без урока древней истории.

— Факты остаются фактами, сколько бы лет не прошло. Мы с Сандрой вместе участвовали в миротворческой миссии. После ее смерти я перешел на сторону Объединившихся и до последнего времени был с ними.

Молодая Сандра Вой бросила на него пронзительный взгляд. Имплантанты Клавейна уловили стремительный поток данных, входящих и выходящих из ее мозга. Картина впечатляла. Со времен Эпидемии Демархисты весьма преуспели в развитии нейронной сегментации.

— Это не согласуется с нашими данными.

Клавейн поднял бровь.

— Не согласуется?

— Именно. Наша разведка сообщает, что Невил Клавейн прожил не более чем сто пятьдесят лет после того, как перешел на сторону Конджойнеров. Следовательно, это не вы.

— Сто пятьдесят лет назад я покинул Населенный космос и отправился в межзвездную экспедицию. Я вернулся совсем недавно. Поэтому обо мне нет никаких упоминаний. Что это меняет? Конвент уже подтвердил, что я Конджойнер.

— Это может быть ловушкой. Почему вы решили стать перебежчиком?

Она снова его удивила.

— Почему бы и нет?

— Возможно, вы слишком увлеченно читали наши газеты. В таком случае, у меня для вас потрясающая новость: ваша сторона победит в этой войне. Одним «пауком» больше, одним меньше... для нас это ничего не меняет.

— Никогда об этом не думал, — сказал Клавейн.

— И что?

— Я принял решение по совсем другой причине.

Шаттл спускался все ниже и ниже, постоянно опережая сверхзвуковой

фронт машины Подавляющих. Туманное пятно на дисплее пассивного радара — неизвестный объект-преследователь — по-прежнему держал дистанцию в тридцать тысяч километров, то появляясь, то исчезая, но следовал за шаттлом, как на привязи. Дневной свет неуклонно слабел, пока небо не стало почти таким же, как неподвижная чернота внизу. Ана Хоури выключила освещение в кабине, надеясь улучшить видимость, но это принесло мало пользы. Единственным источником света была вишнево-красная стенка трубы, похожая на резаную рану, но даже она уже потускнела. Труба двигалась со скоростью двадцать пять километров в секунду относительно атмосферы. Угол ее наклона приближался к девяноста градусам по мере приближения к зоне, где водород переставал быть газом и превращался в жидкий металл.

Из динамика донеслось еще одно предупреждение, и Хоури вздрогнула.

— Мы не можем опускаться глубже. Сейчас я не шучу. Нас просто расплющит. За бортом уже пятьдесят атмосфер, и эта штука все еще у нас на хвосте.

— Еще немного, Ана. Мы можем достигнуть зоны перехода?

— Нет, — нетерпеливо возразила она. — Во всяком случае, не на этой посудине. Шаттл предназначен для полетов в атмосфере, а в жидком водороде он завязнет, потом упадет и взорвется. Думаю, нам такое не подходит.

— Однако трубу давление не беспокоит, верно? Мне кажется, она опускается намного глубже. Как вы думаете, сколько километров успели проложить машины? Один километр в четыре секунды, так? Где-то тысяча километров в час. Да они уже могли обмотать планету несколько раз.

— Мы не знаем... что происходит.

— Нет. Но можем попробовать догадаться. Как думаете, Ана, что мне пришло в голову?

— Уверена, ты скажешь.

— Это обмотка, — Овод улыбнулся. — Как у электромотора. Конечно, я могу ошибаться.

Дальше все произошло быстро. Ана не ожидала подобного и на мгновение, несмотря на военную подготовку, застыла от удивления. Овод одним движением поднялся с кресла и шагнул к ней через кабину. Сейчас скорость была чуть меньше орбитальной, и его тело стало тяжелее, но ненамного. Плавность и координация его движений казалась невероятной. Очень аккуратно, почти нежно, Овод извлек Вуалюмье из кресла пилота. Она пыталась сопротивляться, но противник оказался намного сильнее и

ловко парировал выпады. Дело было не в том, что Ана потеряла форму. Овод явно не уступал ей ни в технике рукопашного боя, ни в опыте.

— Полегче, полегче. Я не хочу делать вам больно.

Он усадил Хоури в кресло пассажира, заставил подсунуть ладони под ягодицы. Прежде, чем она успела опомниться, ремни безопасности были плотно застегнуты. Овод осведомился, может ли она дышать и, получив утвердительный ответ, затянул их потуже. Хоури извивалась, но лямки держали ее крепко.

— Овод, твою мать!.. — резко сказала она.

Бывший пленник легко забрался в сиденье пилота.

— А теперь немного поиграем. Расскажите все, что я хочу знать — или мне придется принять некоторые дополнительные меры?

Он пробежался пальцами по панели управления. Корабль накренился, и динамики истошно взвыли.

— Овод...

— Простите. Когда я за вами наблюдал, это казалось намного проще. Вы просто хотели меня немного запутать, правда?

— Ты не можешь управлять кораблем!

— Я это уже делаю, верно? Так... а это что у нас делает? Давайте посмотрим...

Результат был еще более впечатляющим. К сигналу тревоги присоединился целый хор. Однако шаттл начал повиноваться, медленно, но верно. Потом Хоури увидела, как стрелка на индикаторе искусственного горизонта поползла вбок. Корабль заваливался на правый борт. Овод резко поворачивал.

— Восемьдесят градусов... Девяносто... сто...

Он считал спокойно и методично.

— Овод, прекрати. Ты поворачиваешь прямо к ударной волне.

— А что, неплохая идея. Как думаете, корпус выдержит? Если верить вам, он уже должен был рассыпаться. По-моему, все пока в порядке... Вот и славно. Полагаю, мою гипотезу стоит проверить, верно?

— Овод, что бы ты ни задумал...

— Я ничего не задумал, Ана. Просто пытаюсь подвергнуть нас крайней опасности. Вам что-то непонятно?

Хоури попыталась вывернуться еще раз, но безуспешно. Овод оказался слишком сообразительным. Не удивительно, что этот ублюдок ускользал от правительства в течение многих лет. Ана вновь почувствовала, что поневоле им восхищается... правда, сейчас восхищение было изрядно приправлено злостью.

— Мы не сделаем этого, — сказала она.

— Нет, сделаем. Может быть. Думаю, тогда нам ничто не поможет. Однако можно поступить иначе. Ответы — вот что мне нужно.

— Я тебе все рассказала...

— Вы мне вообще ничего не рассказали. Я хочу знать, кто вы такие. Знаете, когда я первый раз понял, что дело нечисто?

— Нет.

Хоури уже понимала, что он даже пальцем не пошевелит, пока не получит ответ.

— Голос Ирины. Я был уверен, что где-то слышал его раньше, понимаете? Так вот, в итоге я вспомнил. Обращение Илии Вольевой к Ресургему — незадолго до того, как она взорвала ту колонию. Это случилось давно, но старые раны заживают долго. Мне кажется, здесь мало говорить о фамильном сходстве.

— Полное непопадание, Овод.

— Да неужели? А как правильно?

Новые сигналы тревоги вплелись в разноголосый хор. Овод немного сбросил скорость, но шаттл все еще покрывал несколько километров в секунду, двигаясь навстречу ударной волне. Хоури надеялась, что у нее просто разыгралось воображение, но словно наяву видела, как вишнево-красный разрез приближается к ним через черноту.

— Ана?..

— Будь ты проклят!

— О! Кажется, у нас прогресс.

— Возьми выше. Поверни назад.

— Через минуту. Как только услышу волшебные слова. Правда — вот все, что от вас требуется.

Инквизитор глубоко вздохнула. Свершилось. Крушение всех продуманных и взвешенных планов. Они делали ставку на Овода, а он оказался умней, чем ожидалось. Конечно, им следовало это предвидеть — в самом деле, следовало. И Вольева, будь она неладна, оказалась права. Этого мерзавца не следовало на парсек подпускать к «Ностальгии по Бесконечности». Они могли найти другой способ убедить его. В конце концов, Илия не должна была поддаваться на ее уговоры...

— Скажи хоть слово, Ана. Ничего, что я перешел на «ты»?

— Ладно. Катись оно все к дьяволу... Ирина — Триумвир. Мы пудрили тебе мозги с первого слова. Все, счастлив?

К ее радости, Овод не ответил — он увлеченно разворачивал шаттл. Перегрузка буквально вдавила Хоури в кресло: Овод запустил двигатели на

полную мощность, чтобы обогнать ударную волну. Из темноты, прямо на них, словно окровавленное лезвие катаны, неслась синевато-багровая полоса. Хоури смотрела в задний иллюминатор. Она видела, как эта полоса растет, догоняя шаттл, превращаясь в стену, алую и яркую, как расплавленный металл. Сигналы тревоги орали и вопили на разные голоса, сливаясь в жуткую какофонию. Затем с обеих сторон стены начала наползать пелена облаков — словно перед ней сходилась темно-серый занавес. Багровая полоса сужалась, отступала, угроза осталась позади.

— Думаю, мы сделали это, — сказал Овод.

— А я думаю, нет.

— Что?

Ана кивнула на дисплей радара. Туманное пятно, которое ползло за ними от самой границы с атмосферой Руха, исчезло. Теперь на его месте горела россыпь пятен поменьше. Они поступали со всех сторон. Их было не меньше дюжины. Пятна уже не мигали, подобно предыдущему. Они приближались, преодолевая несколько километров в секунду, с явным намерением окружить шаттл.

— Похоже, на нас отреагировали, — сказала Хоури. Ее голос звучал намного спокойней, чем она ожидала. — Похоже, граница все-таки есть, и мы ее перешли.

— Поднимаемся на полной скорости.

— Думаешь, это хоть что-нибудь изменит? Подавляющие будут здесь примерно через десять секунд. Полагаю, ты достиг того, чего хотел. Или сейчас достигнешь. Наслаждайся моментом, потому что удовольствие долго не продлится.

Овод посмотрел на Ану — как ей показалось, с чем-то вроде восхищения.

— Ты уже бывала тут раньше, верно?

— Тут?

— На краю смерти. Ты придаешь этому мало значения.

Пятна пересекли последний концентрический круг на дисплее. Они находились не больше чем в нескольких километрах от корабля, сбрасывая скорость по мере приближения. Хоури включила активные сенсоры, зная, что хуже уже не будет. Шаттл обнаружен, и они ничего не потеряют, если получше разглядят эти штуки, которые намерены взять их в кольцо. Между объектами оставались довольно большие промежутки. Впрочем, попытка к бегству была обречена на провал. Еще минуту назад в обозримом пространстве не было ни одной машины. Это означало, что Подавляющие могут двигаться в атмосфере, словно в вакууме.

Овод уводил корабль вертикально вверх. Хоури сделала бы на его месте то же самое, даже понимая, что это бесполезно. Они подошли слишком близко к эпицентру активности Подавляющих и теперь расплачивались за свое любопытство — как это в свое время случилось с Силвестом.

От активных радаров было немного пользы. Казалось, очертания приближающихся машин сбивают их с толку. Сенсоры массы регистрировали призрачные сигналы на пределе чувствительности, которые едва выделялись в фоне атмосферы Руха. Однако кое-что удалось рассмотреть. Сквозь атмосферу в направлении шаттла плыли ясные темные тени. Именно «плыли». Это слово лучше всего описывало характер их движений — извивающихся, текучих, волнообразных. Именно так двигается осьминог в толще воды. По размеру машины не превосходили шаттл и состояли из миллионов мелких элементов. Непрерывный плавный танец черных кубов самой разной величины... Больше никакие детали не просматривались — только абсолютная чернота движущихся силуэтов, в которой лишь изредка, то тут, то там, вспыхивали синие и розовато-лиловые сполохи. Основной рой сопровождали несколько мелких скоплений. Время от времени они сближались, протягивая друг к другу полосы-перетяжки, по которым пробегали пульсирующие волны. Потом две массы разъединялись или сливались в единое целое. Между чернильными пятнами проскакивали пурпурные молнии, на мгновение заключая шаттл в светящуюся многоугольную клетку и вновь рассыпаясь. Ощущение неизбежной смерти оставалось ясным — и в то же время отошло куда-то на задний план. Картина завораживала красотой и внушало отвращение. Хоури начинало укачивать. То, что происходило в ее голове, было по сути своей чуждо человеческому сознанию. Эта волнующаяся, плывущая масс вызывала какое-то неопишуемое ощущение. В этот момент Хоури поняла, что они с Вольевой фатально недооценили противника. Просто потому, что еще его не видели.

Машины уже находились всего в сотне метров от корабля. Они образовали что-то вроде раковины, которая скручивалась и уплотнялась, затягивая жертву. Небо скрылось и лишь иногда просвечивало сквозь срастающиеся щупальца, которые тянулись между темными массами. Зачарованно глядя на фиолетовые арки молний, брызги света, на дрожащие полотнища и танцующие россыпи плазмы, Хоури видела, как несколько толстых хоботов устремляются к шаттлу. Казалось, они хотят пробуровать обшивку и пробраться внутрь. Двигатели все еще работали на полной тяге, из сопел рвалось пламя, но Подавляющие не обращали на это внимания —

казалось, оно проходит прямо сквозь них.

— Овод?

— Извини, — на этот раз в его голосе звучало искреннее сожаление. — Я должен был это предвидеть. Я всегда... вызывал ответную реакцию.

— Честно? Я тебя не виню. На твоём месте...

— Значит, мы оба сваяли дурака. И нам нет оправданий.

Что-то громко лязгнуло, ударив по корпусу. Потом еще и еще. Голос из динамика больше не кричал о необратимой потере давления, не предупреждал об остановке двигателей. Он сообщал, что корабль поврежден, обшивка пробита. Потом раздался отвратительный скрежет — как будто огромные когти скребли металл. Толстое щупальце, слепленное из тысяч крошечных кубиков, уперлось в иллюминатор. Его скругленное окончание извивалось, и это движение гипнотизировало, точно водоворот. Хоури попыталась дотянуться до пульта, чтобы закрыть ставни, как будто это могло задержать Подавляющих хотя бы на несколько секунд.

Корпус шаттла затрещал. Внутрь просунулось одно щупальце, за ним другие. Дисплеи сенсоров отключались или превращались в неподвижные абстрактные картинки.

— Почему-то они нас еще не убили... — пробормотал Овод.

— Ага, — отозвалась Хоури. — По-моему, им интересно, на что мы похожи.

Послышался новый звук, которого она боялась больше всего. Это был визг металла, который рвали снаружи. Давление в кабине почти мгновенно упало, и у Хоури заложило уши. Сейчас она умрет. Еще секунда или две. Есть вещи похуже, чем смерть в ядовитой атмосфере газового гиганта. Например, то, что могут сотворить эти омерзительные машины. Что они сделают, когда доберутся до них? Расчленят, как корпус шаттла? Хоури уже успела смириться с этой мыслью, когда давление стабилизировалось. Каким-то образом разрыв в обшивке был ликвидирован.

— Ана, — сказал Овод. — Смотри.

Люк, ведущий на главную палубу, стал похож на чернильную лужу, по которой пробежала рябь. Казалось, что-то не дает этой абсолютной тьме выплеснуться наружу. Хоури почувствовала легкий ветерок, словно в кабине заработали тысячи беззвучных маленьких вентиляторов, направленных в разные стороны. Изредка в черноте возникали пульсирующие розовые и фиолетовые вспышки, подчеркивая ее устрашающую глубину. Внезапно Ана заметила, что их непрерывное мельтешение на миг прекратилось. Похоже, машины обследовали начинку

корабля осознали, что добрались до самой ценной его детали — живой.

Теперь что-то выросло из переборки. Сначала это был выпуклый черный пузырь диаметром с ягодицу Хоури. Потом пузырь превратился в конус, его вершина начала удлиняться, точно росток. На кончике появилось приплюснутое утолщение, которое покачивалось в разные стороны, словно нюхало воздух. Крошечные, почти невидимые машины окружали его туманным ореолом, иногда сгущавшимся в плотную дымку. Все происходило в полной тишине — лишь изредка раздавались потрескивания и чуть слышные щелчки. Щупальце продолжало расти, пока не достигло метровой длины, покрыв примерно половину расстояния между переборкой и креслами. На мгновение оно замерло, потом повернулось в одну сторону, в другую... Какой-то черный сгусток, похожий на гематитовый василек, пролетел мимо Хоури, едва не задев ей бровь, и снова слился со стволом. Черная масса раздвоилась и с пугающей настойчивостью начала вытягиваться дальше — одно щупальце в сторону Хоури, другое к Оводу. Видно было, как происходит этот рост: маленькие кубики перетекали от основания к концу, отчего по щупальцу пробегала тошнотворная конвульсия, потом некоторое время набухали и сокращались и наконец замирали в нужном положении.

— Овод, — сказала Ана. — Слушай меня. Мы можем уничтожить корабль.

Он кивнул.

— Что делать?

— Освободи меня, и я сделаю это. От тебя шаттл команды на самоуничтожение не примет.

Овод приподнялся — всего на дюйм. Щупальце мгновенно выпустило новый придаток и прижало его к креслу. Подавляющие действовали на удивление аккуратно, словно не хотели раньше времени повредить людям. Однако освободиться Овод не мог.

— Прекрасная попытка, — прокомментировала Хоури.

Кончик другого щупальца уже покачивался в дюйме от нее. По мере приближения он многократно ветвился, и теперь перед лицом Хоури висело нечто вроде черной руки с множеством пальцев. Эти пальцы или отростки должны были вот-вот проникнуть в нее — через глаза, рот, нос, уши, сквозь кожу, в плоть и кости. Отростки расщеплялись до бесконечности, как бронхиолы, и превращались в тончайшие иглы, образуя у нее перед лицом серо-черную туманность.

Щупальце замерло и отодвинулся на дюйм. Хоури закрыла глаза. Сейчас Подавляющие нанесут удар. Потом она ощутила острый укол

прохлады под веками — такой быстрый и аккуратный, что Хоури почти не почувствовала боли. Секундой позже то же самое ощущение возникло в слуховом канале, а через мгновение — а может быть, и больше, она уже не почти не чувствовала времени — Подавляющие достигли ее мозга. На Хоури обрушился поток образов, мешанина чувств и ощущений. Какие-то символы сменяли друг друга, беспорядочно и непоследовательно — и в то же время в этом было что-то от ровного движения магнитной ленты. Хотелось закричать или сделать что-нибудь еще, что могло бы показаться нормальной человеческой реакцией... Но Хоури не могла пошевелиться. Даже мысли текли вяло, словно черные машины мешали им своим присутствием. Густая, как гудрон, масса вползала в каждый уголок мозга, не оставляя места для сущности, которая до сих пор считала себя Аной Хоури. Но то, что еще сохранялось в каких-то нишах, осознавало: как бы машины не пропихивались в нее, двухсторонний поток данных сохраняется. Она начала смутно ощущать, что через те же каналы, по которым ее сознание наводнялось образами, может познавать окутывающую черную массу, выходить за пределы собственного мозга и двигаться по «стволу» в рой машин, которые облепили захваченный шаттл.

Почти сразу же она почувствовала Овода. Он был присоединен к той же сети, жадно и методично собирающей информацию, и его ощущения в точности совпадали с ощущениями самой Хоури: обездвиженный, сдавленный, он не в состоянии кричать или даже представить облегчение, которое последовало бы за криком. Она попыталась дотянуться до него — по крайней мере, дать ему знать, что она еще существует, что кто-то во Вселенной осознает, через что ему приходится проходить. И в то же время Хоури чувствовала, как Овод тянется к ней. Казалось, они пытаются соединить пальцы через нейространство, подобно двум любовникам, тонущим в чернилах. Процесс продолжался. Машины не спеша анализировали Ану, чернота проникала в самые древние слои ее сознания. Это оказалось худшим из всего, что ей когда-либо доводилось пережить. Это было хуже любой пытки или симуляции пыток, которые, как знала Хоури, были в ходу на Окраине Неба. Это было даже хуже того, что с ней когда-то делала Мадемуазель. И только одно приносило некоторое облегчение: сейчас Хоури была лишь очень маленькой частью собственной личности. Когда все закончится, она будет свободна.

Но затем что-то изменилось. Хоури поймала это едва ощутимое ощущение через каналы сбора данных. На периферии облака, которое окружало корабль, произошло какое-то волнение. Овод тоже почувствовал это: патетический всплеск надежды, который достиг сознания Хоури через

канал, соединяющий их. Для надежды не было никаких оснований. Просто перегруппировка машин перед следующей фазой ликвидации...

Хоури ошиблась.

Она почувствовала, как в нее вошло нечто третье. Нет, не Овод. Это сознание было чистым, как звук колокола, бесконечно спокойным и не имело ничего общего с жестоким, душащим присутствием черных машин. Оно вызывало любопытство, но не стесняло, хотя страх еще не покинул Хоури. Ана улавливала отголоски ужаса, которые исходили от Овода, но сама испытывала скорее что-то похожее на настороженность. Одновременно к ней внезапно вернулась небольшая часть ее самой. Черная удавка ослабла.

Новое сознание еще немного приблизилось, и Хоури пережила настоящее потрясение. Она знала, кто это. До сих пор им не приходилось встречаться подобным образом, но неповторимую силу этой личности было невозможно не узнать — как невозможно не услышать звучание трубы, повторяющей знакомый мотив. Это было сознание человека. Человека, который никогда не тратил времени на сомнения, ложную скромность или сочувствие делам других. Однако Хоури уловила еле заметный проблеск сожаления и чего-то еще — возможно, обеспокоенности или участия. Но едва эта мысль сформировалась, чужое сознание резко отступило и укрылось за машинами. Хоури ощутила толчок, словно за ним сомкнулись волны.

Она закричала — потому что снова могла двигаться.

В тот же момент щупальце схлопнулось и осыпалось с тонким, чуть приглушенным перезвоном. Когда Хоури открыла глаза, ее окружало облако черных кубиков, которые толкались, точно в замешательстве. Стена темноты, которая перегораживала люк, почти разрушилась. Хоури наблюдала, как кубики пытаются слиться друг с другом. Иногда они образовывали какую-нибудь внушительную структуру, которая существовала не больше секунды, а затем снова распадалась снова. Овода больше ничто не удерживало в кресле. Проталкиваясь сквозь черное облако, он подошел к Хоури и поспешно освободил ее от ремней.

— Что-нибудь... скажешь по этому поводу? — спросил Овод, глотая слова.

— Скажу, — отозвалась Хоури. — Только я не могу в это поверить.

— Скажи, Ана.

— Тогда смотри, Овод. Посмотри наружу.

Он последил за ее взглядом. С черным облаком за пределами шаттла происходило то же самое, что и с машинами, которые еще не успели

покинуть корпус. То в одном, то в другом месте открывались просветы, через которые виднелось небо, потом закрывались и снова возникали рядом. Но снаружи находилось что-то еще — внутри грубой темной раковины, которая все еще окружала корабль. И оно не было ее частью. Оно двигалось вокруг шаттла, описывая ленивые витки, и скопления машин проворно расступались перед ним. Какое-то время его форма виделась неясно, словно несфокусированная картинка. Однако позже, восстановив свои впечатления, Хоури поняла, что это было: гироскоп серо-стального цвета — грубая многослойная сфера, причем все слои стремительно вращались, каждый в свою сторону. В самой сердцевине — а может быть, где-то рядом, мерцал сгусток темно-красного света, похожий на сердолик. В первый момент он показался Хоури шаром из полосатого мрамора, около метра в диаметре — из-за непрерывного движения определить точнее было невозможно. Однако она не сомневалась: во-первых, раньше его здесь не было, а во-вторых, Подавляющие явно его боялись.

— Он открывает нам коридор, — удивленно пробормотал Овод. — Смотри, он хочет, чтобы мы спокойно ушли.

— Тогда этим стоит воспользоваться, — сказала Ана, с облегчением плюхаясь в пилотское кресло.

Шаттл выполз из роя Подавляющих и, описав дугу, устремился в открытый космос. Хоури наблюдала, как «раковина» покидает экран радара, и предавалась страхам. Казалось, машины задуют мерцающий красный огонек, а потом догонят корабль, и все начнется снова. Но Подавляющие позволили им уйти. Чуть позже на радаре появился тот же сигнал, который привлек внимание Хоури при входе в атмосферу. Однако это был все тот же мраморный шар — он пронесся мимо с пугающей скоростью и исчез в межпланетном пространстве.

Он шел прямым курсом к Гадесу, нейтронной звезде на краю системы. Именно этого Ана и ожидала.

С чего началась великая работа? Почему она началась? Эти данные были недоступны Подавляющим. Они знали одно: эту работу выполняли только они — и никто, кроме них. И эта работа была единственно важным действием, на которое когда-либо подвигался разум — за всю историю Галактики, а возможно, даже всей Вселенной.

Суть работы была крайне проста. Разумная жизнь не должна была распространяться по Галактике. Когда цивилизация ограничивалась отдельным миром или, в крайнем случае, системой — это стоило терпеть

и даже поощрять.

Но не заражение Галактики.

При этом простое уничтожение жизни считалось неприемлемым. Технически такое было под силу многим развитым культурам — особенно тем, что занимали основную часть галактики. В звездных скоплениях вспыхивали искусственные сверхновые — их взрывы стерилизовали поверхности планет в миллион раз более эффективно, чем вспышки обычных сверхновых. Можно было направить звезды в сферу Шварцшильда [\[42\]](#) спящей черной супердыры в центре Галактики, спровоцировав выброс очищающего гамма-излучения. Можно было, путем искусных манипуляций с постоянной силы тяжести в конкретной точке, столкнуть пару нейтронных звезд. Наконец, можно было выпустить армию самокопирующихся машин, способных превратить любую планетную систему в россыпь мелкой гальки. В течение миллиона лет каждый старый каменный мир в галактике превращался в пыль. Профилактические вторжения в протопланетарные диски, из которых рождались миры, могли предотвратить формирование жизнеспособных планет. Галактика могла задохнуться в пыли своих собственных мертвых душ, и отсветы их гибели были видны через мегапарсеки.

Все это могло быть сделано.

Но смысл заключался не в уничтожении жизни — скорее, в сохранении контроля над ней. Сама жизнь, будучи явным расточительством, оставалась высшей ценностью для Подавляющих. Полное сохранение жизни, особенно разумной — вот ради чего они существовали.

И поэтому ей нельзя было позволить распространяться

Их методика, отточенная за миллионы лет, была проста. Во Вселенной слишком много солнц для того, чтобы смотреть за каждым из них; слишком много миров, заселенных простыми формами жизни, которые могли неожиданно сделать шаг в направлении чрезмерного развития разума. Поэтому Подавляющие создали сеть ловушек — загадочных артефактов, распределенных по всей Галактике. Их располагали таким образом, чтобы в ходе экспансии цивилизация натыкалась на них, и лучше раньше, чем позже. Они не преследовали цели исподволь выманить цивилизации в космос. Ловушки должны были быть притягательны, но не слишком притягательны.

Подавляющие ждали среди звезд, прислушиваясь к сигналам своих великолепных, хитроумных устройств.

А затем, быстро и бессознательно, возникали в точке угрозы.

Боевой шаттл Вой был припаркован снаружи, удерживаясь на «дне» Карусели Нью-Копенгагена при помощи магнитных якорей. Клавейна провели на борт и указали, куда сесть. На голову надели черный шлем с крошечным щитком — специально для того, чтобы блокировать нейросигналы и не позволить ему взять контроль над окружающей техникой. Впрочем, Клавейна такие предосторожности несколько не удивляли. Он представлял для Демархистов слишком большую ценность, хотя бы в перспективе, что бы ни говорила Вой. Такой перебежчик, как он, мог оказаться полезен — даже сейчас, когда война завершалась, и не в их пользу. Но он оставался Конджойнером, а значит, мог причинить значительный вред.

Шаттл отчалил от Карусели Нью-Копенгагена. Старомодный вид иллюминаторов в его бронированном корпусе придавал интерьеру определенное обаяние. Сквозь исцарапанное, щербатое стекло толщиной добрых пятнадцать сантиметров Клавейн видел троицу изящных полицейских звездолетов, которые на некотором расстоянии следовали за шаттлом, подобно рыбам-лоцманам.

— А они весьма серьезно к этому относятся, — Клавейн кивком указал на них.

— В пространстве Конвента эскорт обязателен, — ответила Вой. — Обычная процедура. У нас с ними не самые теплые отношения.

— И куда мы направляемся? В штаб Демархистов?

— Не будьте наивны. Для начала мы доставим вас в одно милое местечко, которое расположено не близко и хорошо охраняется. Один маленький лагерь на дальней стороне Глаза Марко... Как я понимаю, вы полностью осведомлены о наших операциях.

Клавейн кивнул.

— Только не о процедурах допросов. Часто у вас такое бывает?

Кроме них, в рубке находился еще один представитель Демархистов — тоже весьма высокопоставленная фигура, — которого Сандра представила как Жиля Пероте. У него была привычка постоянно стягивать перчатки с пальцев, один за одним, то на правой руке, то на левой.

— За последние десять лет — двое или трое, — изрек он. — У нас уже давно никого не было. Только не жди красного ковра, Клавейн. Последние то ли восемь, то ли одиннадцать перебежчиков оказались агентами «пауков». Мы их убили, только для начала вытянули из них кое-что полезное.

— Я здесь не за этим. Сейчас в шпионаже уже нет особого смысла, верно? В любом случае победа за Объединившимися.

— Так ты что, явился порадоваться? — спросила Вой.

— Нет. Я хочу рассказать кое-что вам рассказать. Уверен, это полностью изменит приоритеты.

На ее лице мелькнуло удивление.

— Похоже, здесь какой-то подвох.

— У Демархистов еще остались межзвездные корабли?

Пероте и Вой переглянулись с видом заговорщиков.

— Что ты задумал, Клавейн? — осведомился Жиль.

Невил Клавейн не ответил и еще несколько минут молчал. В иллюминаторах таяла Карусель Нью-Копенгагена — огромная серая арка, колесо без спиц. Она становилась все меньше, пока не исчезла на фоне других анклавов Ржавого Обода.

— По нашим разведданным, у вас их нет, — наконец произнес он. — Правда, наши разведчики могли ошибаться или получить неполную информацию. Хорошо, спрошу иначе. Могут ли у Демархистов в самое ближайшее время появиться собственные межзвездные корабли? Как вы думаете?

— Чего ради? — спросила Вой.

— Просто ответьте на вопрос.

Это был верх наглости. Клавейн заметил, как кровь бросилась ей в лицо, но женщина сдержалась.

— Вы знаете, что пути и способы есть всегда, — ее тон оставался спокойным и деловитым. — Все зависит от степени необходимости.

— Думаю, вам пора об этом задуматься. Корабли вам понадобятся, причем чем больше, тем лучше. Главное, чтобы вы с этим управились. А еще войска и оружие.

— Мы не в том положении, чтобы разбазаривать средства, Клавейн, — произнес Жиль и полностью снял одну перчатку. Его руки оказались белыми как молоко и очень тонкокостными.

— Почему? Потому что вы проигрываете войну? Вы проиграете ее в любом случае. Просто это произойдет чуть раньше, чем вы ожидаете.

— Почему, Клавейн? — Пероте снова натянул перчатку.

— Потому что Материнское Гнездо больше не считает победу в этой войне главным приоритетом. У нас появилось кое-что поважнее. Объединившиеся продолжают воевать, потому что хотят, чтобы ни вы, ни кто-либо другой не заподозрили правды.

— Какой правды? — спросила Сандра Вой.

— Всех подробностей я не знаю. Мне пришлось выбирать: или узнать больше, или сбежать, как только появилась возможность. Поверьте, это был

нелегкий выбор. Тем более, когда нет времени семь раз отмерить.

— Тогда расскажи, что знаешь, — предложил Жиль. — А мы решим, чего стоит твоя информация. Понимаешь, мы все равно узнаем все, что есть что у тебя в голове — чуть раньше или чуть позже. У нас очень хорошие тралы. Может, не такие надежные и безопасные, как ваши... но со своей задачей справляются. Если расскажешь сейчас, ничего не потеряешь.

— Я расскажу все, что мне известно. Но от этого будет мало проку, пока вы не примете информацию как руководство к действию.

Он почувствовал, что шаттл чуть сменил курс. Они направлялись к единственной луне Йеллоустоуна — Глазу Марко. Орбита спутника почти повторяла границы пространства, которое находилось под юрисдикцией Феррисвильского Конвента.

— Продолжай, — сказал Пероте.

— Материнскому Гнезду стало известно, что нам угрожает опасность. Не только Объединившимся — всем людям. Это разумные машины, которые обитают в Глубоком космосе. Они уничтожают технологически развитые цивилизации. Вас не удивляло, почему в Галактике так пусто? Это результат их зачисток. Боюсь, что мы следующие в списке.

— На мой взгляд, неплохая теория, — прокомментировала Вой.

— Это не просто теория. Одна из наших экспедиций уже столкнулась с ними. Эти машины — такая же реальность, как мы с вами. И, клянусь... они приближаются.

— У нас пока проблем не возникало, — заметил Жиль.

— Мы сделали нечто такое, что привлекло их внимание. Наверное, никто так никогда и не узнает, что именно. Важно одно — угроза реальна, и Объединившиеся уже полностью осознали ее масштабы. Они не думают, что смогут ей противостоять ей.

Клавейн рассказывал им ту же историю, которую немного раньше поведал Ксавьеру и Антуанетте: об эвакуационном флоте Материнского Гнезда и необходимости вернуть похищенные орудия.

— Как я понимаю, — сказала Сандра Вой, — эти мифические орудия и есть то средство, которое поможет нам отбиться от инопланетных машин?

— Думаю, если бы они не представляли такой ценности, Объединившиеся не стремились бы вернуть их любой ценой.

— А мы тут причем?

— Я хочу, чтобы вы захватили орудия первыми. Именно для этого и необходимы межзвездные корабли. Конечно, вы могли бы оставить несколько единиц для эвакуационного флота Скейд, но остальное... —

Клавейн пожал плечами. — Думаю, лучше было бы отдать их под контроль ортодоксального человечества.

— Вы прирожденный перебежчик, — восхищенно произнесла Сандра Вой.

— Но это не моя профессия.

В этот момент шаттл накренился. Ни предупреждений об опасности, ни сигналов тревоги. Правда, Клавейн достаточно летал по космосу, чтобы чувствовать разницу между запланированным и незапланированным маневром.

Что-то случилось. Он видел это по лицам Пероте и Сандры: от их самообладания не осталось и следа. Сандра еще сохраняла маску спокойствия, но во время разговора с командиром шаттла ее голос дрожал. Жиль Пероте подошел к иллюминатору и поискал, за что можно ухватиться — по крайней мере, одной рукой.

Судно снова качнуло. Яркая голубая вспышка осветила кабину. Пероте отвернулся и протер слезящиеся глаза.

— Что происходит? — спросил Клавейн.

— Нас кто-то атаковал, — в его голосе звучали удивление и испуг. — Только что подбили шаттл Феррисвильского эскорта.

— Наш не слишком хорошо защищен, — возразил Клавейн. — Если бы нас хотели подбить, мы бы с вами сейчас не разговаривали, верно?

Еще одна вспышка. Шаттл накренился и заложил вираж, корпус завибрировал: двигатели работали почти на пределе. Капитан выполнял уклонение.

— Второго убрали, — сказала Вой из другого угла кабины.

— Вы не против, если я встану? — спросил Клавейн.

— К нам кто-то приближается, — сообщил Пероте, снова припав к иллюминатору. — Похоже, чужой корабль, возможно, их двое. Оознавательных знаков нет... На вид гражданский... Если только не...

— Баньши? — предположил Клавейн.

Казалось, его никто не слышал.

— С этой стороны тоже кто-то есть, — сказала Вой. — Командир не понимает, что происходит... — она наконец-то заметила Клавейна. — Могли твои подобраться так близко к Йеллоустоуну?

— Они чертовски хотят меня вернуть, — вздохнул он. — Как говорится, на войне дозволено все. Правда, нарушение некоторых правил...

— Это могут быть «пауки», — сказала Вой. — Если он прав, то правила войны больше не действуют.

— Вы можете им ответить?

— Только не здесь. В зоне влияния Конвента наше оружие пасифицировано, — Пероте отклеился от иллюминатора и пересек кабину. — Еще один эскorter поврежден... правда, его только задело. Корпус пробит, потеря управления... Падает прямо к нам на корму. Сандра, сколько осталось до зоны военных действий?

Глаза Сандры снова стали стеклянными. Казалось, ее оглушило взрывом.

— Четыре минуты. Затем орудия автоматически активируются.

— Четыре минуты, которых у нас, разумеется, нет, — прокомментировал Клавейн. — У вас не найдется скафандров — на всякий случай?

Сандра Вой удивленно посмотрела на него.

— Конечно. Но зачем?

— Им нужен я. По-моему, это совершенно очевидно. Так чего ради умирать всем?

Клавейну показали шкаф со скафандрами Демархистского образца, покрытыми ребрами серебряного и красного металла. Нет, эти скафандры не уступали тем, что выпускали Конджойнеры. Однако все было устроено по-другому — ужасно непривычно. Клавейн даже не смог облачиться, пока Сандра Вой и Пероте не пришли на помощь. Наконец застежка шлема щелкнула, и на щитке засветились бесконечные ряды цифр, которые должны были отражать состояние систем. Тут же красовались какие-то графики и гистограммы, обозначенные аббревиатурами, которые Клавейн видел первый раз в жизни. Время от времени негромкий женский голос что-то вежливо нашептывал ему на ухо. Основная часть графиков светились зеленым, и Клавейн счел это хорошим признаком.

— Я по-прежнему считаю, что это ловушка, — сказала Сандра. — Он все спланировал заранее. Нашел способ пробраться к нам на корабль, а потом сбежать. Предварительно что-то сделав, или...

— Все, что я рассказал — правда до последнего слова, — перебил Клавейн. — И я понятия не имею, кто там снаружи и какого черта им нужно. Я не исключаю, что это Объединившиеся, но... ничего такого я не планировал.

— Хотелось бы верить.

— Сандра Вой была восхитительной женщиной. Я надеялся: то, что мы были знакомы, поможет нам с вами найти общий язык. Поверьте, я говорю искренне.

— А если «пауки»... тебя убьют?

— Не знаю. Если бы они хотели, они бы давно это сделали. Сомневаюсь, что Скейд пощадила бы вас. А может быть, я ее просто недооценил. Конечно, если это она... — Клавейн шагнул в сторону шлюза. — Мне лучше уйти. Надеюсь, вас оставят в покое, когда увидят меня.

— Тебе страшно?

Клавейн улыбнулся.

— Сильно заметно?

— Это заставляет меня думать, что ты не врал. Информация, которую ты нам сообщил...

— Вам действительно следует принять ее к сведению.

Он шагнул в шлюз. Все остальное сделала Сандра. Графики на виртуальном дисплее зарегистрировали разрежение атмосферы. Скафандр скрипел и пощелкивал — это его механизмы, совершенно незнакомые Клавейну, производили подготовку к выходу в открытый космос. Потом мощные поршневые системы отодвинули внешний люк. Клавейн видел прямоугольник темноты и ничего больше. Ни звезд, ни планет, ни Ржавого Обода. Даже преследующих кораблей не было видно.

Выход в открытый космос всегда требует смелости — особенно когда не знаешь, вернешься или нет. Пожалуй, этот шаг из открытого шлюза был в числе трех самых трудных, которые Клавейн делал за всю жизнь.

Но это должно быть сделано.

Клавейн оттолкнулся и поплыл в вакууме, медленно кувыркаясь. Шаттл Демархистов, похожий на коготь, появился в окошке шлема и исчез. Корабль отделался минимальными повреждениями — пара царапин, прочерченных осколками взорванных кораблей эскорта. На шестом или седьмом кувырке двигатели звездолета запульсировали, и он начал быстро удаляться. Вот и славно. Клавейн не чувствовал, что жертвует собой — конечно, если Вой серьезно отнесется к полученной информации.

Он ждал. Возможно, прошло минуты четыре, прежде чем Клавейн снова обнаружил корабли. Очевидно, после атаки они отошли, а теперь возвращались. Их было три, как и предполагали Вой и Пероте.

Черную, как уголь, обшивку украшали неоновые черепа и акульи пасти. Время от времени из дюзов вырывались косые струи пламени, выхватывая из темноты некоторые интересные детали: обтекаемые обводы трансатмосферного корпуса, дула орудий и захваты в кожухах... Все эти приспособления легко втягивались и становились незаметными, и тогда корабль казался безобидным, как детская игрушка. Вряд ли кто-то мог заподозрить, что такая «игрушка» способна разделаться с эскортом

Конвента.

Один из трех баньши отделился от группы и начал быстро увеличиваться в размерах. Потом в его днище, как желтый глаз, открылось отверстие люка. На мгновение на светящемся фоне возникли два силуэта, черные, как космос. Потом за их спинами выросли «хвосты» реактивных струй, и оба устремились в сторону Клавейна. В самый последний момент пилоты, как по команде, притормозили. Их скафандры были под стать кораблям — несомненно, гражданского образца, но изрядно обросшие броней и оружием. Они даже не пытались заговорить с Клавейном, хотя передатчики в их шлемах работали — просто взяли его «на буксир» и потащили к кораблю. Все это время в наушниках раздавался только мягкий голос субличности скафандра, твердящий что-то утешительное.

В шлюзе оказалось достаточно места для всех троих. Клавейн рассматривал скафандры баньши, надеясь обнаружить хоть какие-нибудь знаки отличия, но даже при нормальном освещении они казались сгустками темноты. Даже стекла их шлемов казались непроницаемо черными. Лишь изредка, когда свет падал под определенным углом, Клавейну казалось, что он видит поблескивающие белки глаз.

Индикаторы состояния ожили, регистрируя появление давления и атмосферы. Внутренний люк открылся — вернее, поднялся, как занавес, и Клавейна подтолкнули внутрь. Пара в скафандрах последовала за ним. Их шлемы тут же отсоединились сами и слевитировали в какую-то нишу. Люди, которые доставили Клавейна на борт, оказались близнецами. Даже носы у них были сломаны почти одинаково. Близнецы отличались только серьгами: у одного золотое кольцо болталось в мочке уха, у другого обхватывало одну бровь. Оба были лысыми, за исключением узкой полоски ненатурально-зеленых волос, которые делили их черепа по диагонали от виска до затылка. Оба носили плотно прилегающие очки в черепаховой оправе, и ни у одного не было даже намека на рот.

Тот, что с кольцом в брови, жестом приказал Клавейну снять шлем. Клавейн покачал головой. Сначала следовало убедиться, что в помещении нормальный воздух. Здоровяк пожал плечами и потянулся за чем-то, висящим на стене. Это оказался ярко-желтый топор.

Клавейн поднял руки и начал возиться с соединяющими креплениями, но никак не мог найти защелку. Через мгновение другой из близнецов, с серьгой в ухе, помотал головой, отвел руку Клавейна и ловким движением открыл замок шлема. Мягкий голос заговорил громче и настойчивее, дисплеи статуса замигали и стали похожи на потеки крови.

Крепление отскочило, в шлем ворвался воздух. У Клавейна заложило

уши. Давление на черном корабле явно не соответствовало стандартам Демархистов. Клавейн вдыхал ледяной воздух, легкие лихорадочно работали.

— Кто... кто вы такие? — спросил Клавейн, когда смог говорить.

Близнец с кольцом в брови повесил топор на место и провел большим пальцем по своему горлу.

В этот момент голос, совершенно незнакомый, произнес:

— Здравствуйте.

Клавейн оглянулся. В помещении появился еще один человек. Он — вернее, она... Она тоже была в скафандре, но менее громоздкий, чем у ее товарищей. Возможно, так казалось потому, что даже в нем она выглядела очень стройной, даже худощавой. Женщина стояла в проеме переборки, чуть склонив голову набок, и спокойно разглядывала Клавейна. Возможно, это была игра света, но Клавейну показалось, что ее невероятно белая кожа исчерчена призрачными черными клиньями.

— Надеюсь, Болтливые Близнецы обращались с вами хорошо, мистер Клавейн.

— Кто вы? — снова спросил он.

— Я Зебра. Естественно, это не настоящее имя. Настоящее вам знать незачем.

— Кто вы такие, Зебра? И зачем...

— Меня попросили. А чего вы ожидали?

— Я ничего не ожидал. Я просто пытался... — Клавейн сделал паузу и подождал пока восстановится дыхание. — Перейти на сторону противника.

— Мы знаем.

— Мы?

— Очень скоро вы все узнаете. Идемте со мной. Ребята, подготовьте все для скоростного перелета. Когда мы доберемся до Йеллоустоуна, Конвент уже встанет на уши, так что на обратном пути скучно не будет.

— Я не стою того, чтобы из-за меня убивали невинных людей.

— А никого и не убили, мистер Клавейн. Два шаттла эскорта, которые мы уничтожили, управлялись с третьего, так что жертв нет. Пилот жив, его корабль тоже не слишком пострадал. Мы специально старались не попасть в шаттл «зомби». Кстати, это Демархисты заставили вас выпрыгнуть?

Он проследовал за Зеброй на мостик. Похоже, кроме нее, близнецов и самого Клавейна, на борту находился только один человек, который сейчас сидел в кресле пилота, пристегнутый ремнями. Он был без скафандра, совершенно иссохший. Его старческие руки, покрытые пигментными пятнами, напоминали цепкие узловатые корни, вросшие в пульт

управления.

— А как вы думаете? — спросил Клавейн.

— Думаю, они на такое способны. Но, скорее всего, вы сами решили с ними расстаться.

— Это сейчас не важно, правда? Вы меня заполучили.

Высохший старец бросил на Клавейна короткий взгляд, в котором мелькнуло любопытство.

— Нормальное вхождение, Зебра, или пойдем длинным путем?

— Идем по нормальному коридору, Манукьян. Но будь готов к маневрам. Мне не хочется снова попадаться на глаза Конвенту.

Манукьян — если это было его настоящее имя — кивнул и занялся рычажками и кнопками из слоновой кости.

— Пристегни гостя, Зебра. И сама тоже пристегнись.

Полосатая женщина кивнула.

— Ребята, обеспечьте безопасность мистеру Клавейну.

Близнецы усадили его в контурное противоперегрузочное кресло. Клавейн позволил делать им все, что угодно — был слишком слаб и мог разве что изобразить жалкое подобие сопротивления. Его сознание прозондировало кибернетическую начинку корабля, имплантанты чувствовали какие-то потоки данных через «паутину» систем управления, но никак не могли на них повлиять. К людям вообще было не подступиться. Похоже, ни у кого из них вообще не было нейроимплантантов.

— Вы баньши? — спросил Клавейн

— Можно сказать и так... но не совсем. Баньши — это просто пираты-головорезы. Мы работаем чуть более утонченно. Но их существование обеспечивает нам неплохое прикрытие. А вы? — она улыбнулась, и полоски на ее лице собрались в пучки. — Вы действительно Невил Клавейн, Мясник Тарсиса?

— Я вам этого не говорил.

— Зато Демархисты сказали. И те детишки с Нью-Копенгагена. Понимаете, у нас везде есть шпионы. Так что мы редко пропускаем новости.

— Я не могу доказать, что я Клавейн. Но почему это должно меня волновать?

— Думаю, вы тот, за кого себя выдаете, — сказала Зебра. — В любом случае, я на это очень надеюсь. Будет нехорошо, если вы окажетесь самозванцем. Мой босс совсем не обрадуется.

— Ваш босс?

— Человек, с которым вам предстоит встретиться.

Глава 21

Шаттл покинул атмосферу Руха, и загадочный сердоликово-красный объект исчез с экрана радара. Тогда Хоури осмелилась дотронуться до одного из кубиков, которые остались в рубке после того, как основная масса Подавляющих покинула корабль. Он оказался шокирующе холодным. Она выронила его, оставив на антрацитовый поверхности прозрачные пленки отделившейся кожи, похожие на розовые отпечатки пальцев. Ободранные подушечки пальцев стали красными и гладкими. Почему-то ей показалось, что кубик должен впитать кусочки эпидермиса, но через несколько секунд они отклеились — нежные прозрачные лепестки, похожие на оторванные крылышки насекомого. Кубик снова стал чистым и непроницаемо черным, как раньше. Потом неожиданно задрожал и начал стремительно уменьшаться в размерах — Хоури не могла отделаться от ощущения, что он удаляется. Остальные кубики последовали его примеру. С каждой секундой они уменьшались примерно вдвое.

Через минуту от них ничего не осталось, кроме пятен черно-серого пепла. Хоури не могла отделаться от ощущения, что этот невидимый пепел попал ей в глаза. Она вспомнила, как кубики проникли ей в мозг, прежде чем мраморный шар изгнал их.

— Ну, вот ты и получил свои доказательства, — бросила Хоури, обращаясь к Оводу. — Оно того стоило?

— Мне надо было знать. Но я не мог предвидеть того, что произошло.

Ана растирала занемевшие руки, восстанавливая циркуляцию крови. Сейчас, не будучи насильно пристегнутой к креслу, она чувствовала себя гораздо лучше. Конечно, Овод извинился, но особой вины за собой, похоже, не чувствовал. Хоури могла поклясться: без столь жесткого принуждения она не сказала бы ни слова.

— Кстати, что тут произошло? — осведомился Овод.

— Не знаю. Я ничего не поняла. Мы спровоцировали ответную реакцию. Я почти не сомневаюсь, что нас хотели убить... или, по крайней мере... подавить.

— Это понятно. Я чувствовал то же самое.

Они посмотрели друг на друга. Сеть, при помощи которой Подавляющие собирали данные, открыла им степень близости, о котором никто из них даже не мечтал. Правда, они мало что ощутили, кроме ужаса и беспомощности, но Хоури успела понять, что страх Овода мало чем

отличается от ее собственного. Можно было не сомневаться: нападение Подавляющих его не обрадовало. Но было нечто большее, чем просто страх. Они поняли, что боятся друг за друга. А потом появилось третье сознание, которое переживало нечто близкое к раскаянию...

— Овод... ты ощутил другое сознание? — спросила Хоури.

— Что-то было. Что-то, отличающееся и от тебя, и от Подавляющих.

— Я знаю, кто это был, — проговорила Хоури. Время обмана прошло, и Оводу лучше знать правду — всю, которую он сможет понять. — По крайней мере, я в этом почти уверена. Это был Силвест.

— Дэн Силвест?

— Мы были знакомы. Не самое продолжительное и не самое приятное знакомство... но этого достаточно, чтобы узнать друг друга при встрече. И еще я знаю, что с ним случилось.

— А теперь сначала и по порядку.

Хоури удалила песчинку из уголка глаза, надеясь, что пыль не образует щупальце, которое снова полезет в мозг. Овод оказался прав. Признание, вырванное под страхом смерти, стало первой трещиной в здании, которое во всех отношениях великолепно. Впрочем... пожалуй, со временем это непременно должно было произойти. Теперь оставалось только одно: не допустить дальнейших разрушений.

— Для начала: то, что вы знаете о Триумвире — вернее, думаете, что знаете, — просто чушь. Она не террористка и не сумасшедшая. Такой образ создало правительство. Требовался демон, кровавый маньяк, зверь, на которого толпа будет изливать ненависть. Не было бы ее — люди бы направили свое недовольство и разочарование на правительство. Как ты понимаешь, это недопустимо.

— Она уничтожила целое поселение.

— Нет... — Ана почувствовала прилив слабости. — Нет. Все было не так. Илия просто создала отличную имитацию, понимаешь? На самом деле никто не погиб.

— И ты в этом уверена, так?

— Я лично при этом присутствовала.

Корпус затрещал и снова изменил форму. Шаттл вот-вот должен был выйти из магнитосферы Руха. Загадочное строительство Подавляющих продолжалось с прежней скоростью. Трубы уходили в атмосферу, на орбите росла гигантская арка. Недавнее происшествие никак не отразилось на ходе их таинственной деятельности.

— Расскажи, Ана. Кстати, интересно, имя настоящее, или... снимем еще одну вуаль?

— Настоящее. Только моя фамилия — не Вуалюмье. Это... прикрытие. Подходящее имя для колониста. Мы придумали липовую биографию, которая позволила мне войти в правительство. Моя настоящая фамилия — Хоури. Я прилетела сюда на борту «Ностальгии по Бесконечности». Мы искали Дэна.

Овод скрестил руки на груди.

— Отлично, наконец-то мы приходим к чему-то, похожему на правду.

— Команда хотела найти Силвеста, вот и все. Колония им ничего плохого не сделала. Мы изготовили фальшивку, чтобы убедить вас, что готовы применить силу. На самом деле никакого поселка не было. Но Дэн нас перехитрил. Он решил воспользоваться нами, чтобы исследовать нейтронную звезду — точнее, систему Цербер — Гадес. И добился того, что Ультра согласились ему помочь.

— А дальше? Что произошло потом? И зачем вы вернулись на Ресургом, если у вас есть звездолет?

— Возникли проблемы, как ты догадался. Чертовски серьезные проблемы.

— Бунт?

Хоури прикусила губу и кивнула.

— Мы трое противостояли остальным. Илиа, я и жена Силвеста, Паскаль. Мы не хотели, чтобы Дэн исследовал Гадес.

— Паскаль? Ты имеешь в виду Паскаль Жирардо?

Хоури помнила, что жена Дэна была дочерью одного из наиболее влиятельных политиков колонии — человека, который возглавил правительство, сместив Силвеста и вызвав его бесконечное разочарование.

— Я знала ее не настолько хорошо, как Илию. Сейчас ее нет в живых. Ну... в каком-то смысле.

— В каком-то смысле?

— Это нелегко объяснить, Овод. Просто поверь всему, что я скажу, понятно? Это может показаться полным бредом — неважно. Правда, с учетом того, что тут произошло... у меня такое чувство, что ты стал легче воспринимать невероятные вещи.

Овод провел пальцем по губам.

— Давай проверим.

— Силвест и его жена вошли в Гадес.

— Ты не оговорила? Не Цербер?

— Нет, — нетерпеливо возразила Ана. — Я имею в виду именно Гадес. Они вошли в нейтронную звезду, которая оказалась... в общем, не просто нейтронной звездой. На самом деле, это что-то вроде гигантского

компьютера, который оставлен здесь инопланетным разумом.

Он пожал плечами.

— Ты сама сказала: раз уж я видел сегодня нечто странное... И что дальше? Что там случилось?

— Теперь Силвест и его жена оказались внутри этого компьютера. Как программы. Полагаю, они стали чем-то вроде симуляций альфа-уровня, — Хоури подняла палец, не давая Оводу перебить. — Я знаю, потому что сама побывала внутри. И встретила с Силвестом — уже после того, как он был включен в Гадес. И с Паскаль тоже. Только я... на самом деле, я... не захотела там остаться. Я вернулась в реальную вселенную. И, честно говоря, больше туда ни ногой. Никогда. Нет легкого пути в Гадес — если не хочешь, чтобы тебя сочли погибшим, разорванным на части гравитационным приливом.

— Значит, ты думаешь, что сознание, которое нас вытащило... это был Силвест?

— Не знаю, — она вздохнула. — Дэн находится в Гадесе, Овод... Там проходят века субъективного времени. Возможно, эпохи. Мне кажется, то, что произошло шестьдесят лет назад, для него просто тусклое далекое воспоминание. Как о заре времен. Так что Силвест мог эволюционировать настолько, что мы даже не можем вообразить. Он бессмертен, потому что внутри Гадеса ничто не умирает. Я могу только догадываться, как такой Дэн мог действовать в подобной ситуации, и узнала бы я его или нет. Но я голову даю на отсечение: это был Дэн Силвест. Возможно, он научился воссоздавать себя в прежнем виде — чтобы я могла понять, кто пришел нам на помощь.

— Хочешь сказать, мы ему зачем-то нужны?

— Раньше он никогда и ничем этого не показывал. Но... Раньше в системе ничего особенного не происходило. Я имею в виду — с тех пор, как Силвеста вписали матрицу Гадеса. И вдруг появляются Подавляющие и начинают потрошить луны... Находясь в Гадесе, он должен был получить информацию. Даже просто потому, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Представь себе... Ситуация становится на редкость дерьмовой. Причем это даже может коснуться Силвеста. Не знаю, может, я и ошибаюсь... а может, и нет.

— А что это была за штука?

— Я полагаю... посланник. Кусок Гадеса, направленный сюда для сбора информации. Дэн мог поместить туда свою копию. Она покрутилась вокруг, выяснила, что могла, вытащила нас из этой задницы и улетела обратно. Думаю, сейчас она уже вернулась и снова помещена в матрицу. А

может быть, связь с Гадесом и не прерывалась... Представь себе такую ниточку толщиной с кварк, которая тянется за этим шариком от края системы — всю дорогу, туда и обратно. Правда, мы никогда об этом не узнаем.

— Отмотай чуть-чуть назад. Что случилось после того, как ты выбралась из Гадеса? Илиа была с тобой?

— Нет. Она никогда не входила в матрицу. Она просто смогла уцелеть, мы встретились на орбите Гадеса и поднялись на борт «Ностальгии по Бесконечности». Самым логичным было бы сразу удрать из этой системы куда подальше, но у нас ничего не получилось. Корабль... нет, дело не в том, что его повредили... в общем, он изменился. Он пережил что-то вроде нервного потрясения и не хотел больше иметь дело с внешней Вселенной. Все, что мы смогли сделать — это заставить его вернуться во внутреннюю систему. Сейчас мы висим примерно в одной астрономической единице от Ресургема.

— Хм-м... — Овод потер пальцем подбородок. — Чем дальше, тем лучше. Действительно лучше. Странно, я почему-то думаю, что ты говоришь правду. Если бы ты пыталась лгать, то не придумала бы... такую бессмыслицу.

— В этом есть смысл, вот увидишь.

Хоури рассказала ему все. Овод слушал спокойно и терпеливо, время от времени кивал и просил уточнить некоторые моменты. Ана повторила, что готова подписаться под каждым словом своего рассказа о Подавляющих, равно как и под тем, что угроза абсолютно реальна.

— Думаю, этого не понадобится, — сказал Овод.

— Их вызвал Силвест — если только они уже не находились на пути сюда. Может быть, поэтому он и решил, что должен нас защитить. Или хотя бы проявить какой-то интерес к тому, что происходит снаружи. Мы с Илией пришли к выводу: все, что окружает Гадес — это нечто вроде пускового механизма. Дэн знал, чем чреваты его действия, но это несколько его не беспокоило, — Хоури нахмурилась, чувствуя приступ гнева. — Чертов научник, надутый сукин кот... Знаешь, я собиралась его убить. Ради этого я и пробралась на «Ностальгию».

Овод одобритительно кивнул.

— Еще одна милая подробность. Как я понимаю, не по собственной инициативе?

— Нет. Меня наняла одна женщина из Города Бездны. Она называла себя Мадемуазель. Старая знакомая этого вшивого исследователя. Она

знала, что Дэн задумал, и хотела его остановить. За этим она ко мне и обратилась. Проблема в том, что я послала все подальше.

— Ты не похожа на хладнокровного убийцу.

— Ты меня не знаешь, Овод. Совсем не знаешь.

— Возможно. Пока не знаю.

Он смотрел на нее долгим жестким взглядом, пока Ана не отвернулась... с некоторой неохотой. У Овода было нечто такое, во что он по-настоящему верил, и это оказалось очень привлекательным. Он был сильным и храбрым — она видела это собственными глазами еще в Доме Инквизиции. И Хоури сама создала эту ситуацию, хотя не желала признаться в этом самой себе. Она прикидывала, как все обыграть — с того самого момента, как начала настаивать на визите Овода на борт. Но ничто не отменяло одного болезненного факта, который определял жизнь Хоури, несмотря ни на что.

Она по-прежнему была замужем.

— Всеу свое время, как говорится, — добавил он.

— Овод...

— Продолжай, Ана. Продолжай, — его голос звучал очень мягко. — Я хочу узнать все.

Позже, когда шаттл отошел на расстояние световой минуты от газового гиганта, панель управления поймала плотный луч с «Ностальгии по Бесконечности». Должно быть, Илия уже направила на шаттл сенсоры дальнего радиуса действия и дожидалась, когда угол отклонения между ним и Подавляющими достигнет безопасной величины. Скорее всего, она пользовалась «шершнями»-передатчиками, чтобы не раскрывать местонахождение своего звездолета... не говоря о факте его существования.

— Я вижу, вы уже возвращаетесь, — произнесла Вольева тоном недовольной воспитательницы. — А еще я видела, что вы забирались чуть ли не в самый центр их гнезда. Мы так не договаривались. Это очень плохо. Хуже некуда.

— А она, похоже, не в восторге, — прошептал Овод.

— То, что вы сделали — недозволительный риск. Надеюсь, вам хотя бы удалось узнать что-то полезное. Настоятельно рекомендую поторопиться с возвращением. Мы не должны задерживать Овода, его ждет важная работа на Ресургеме. Остальное по этому делу доложу по прибытии вашего шаттла, — Илия сделала выразительную паузу и добавила: — Конец связи.

— Она еще не знает о том, что мне известно, — сказал Овод.

— Пожалуй, стоит ей рассказать.

— Не думаю, что это мудрое решение, Ана.

Хоури удивленно посмотрела на него.

— Да?

— По крайней мере, пока. Мы не знаем, как она воспримет эту новость. Может, лучше сделаем вид, будто я все еще думаю... ну, и так далее... — он покрутил в воздухе указательным пальцем. — Ты не согласна?

— Один раз я уже утаила кое-что от Илии. Ничем хорошим это не кончилось.

— Но на этот раз у тебя есть сообщник. Я тебе подыграю. А потом мы придумаем, как поднести ей эту пилюлю. Когда окажемся на звездолете, в безопасности.

— Надеюсь, ты прав.

Овод лукаво прищурился.

— В конце концов, у нас все получится, обещаю. Все, что от тебя требуется — доверять мне. Не так уж трудно, правда? По крайней мере, не труднее того, о чем ты меня просила.

— Вся проблема во вранье.

Он коснулся ее руки. Прикосновение могло показаться случайным, если бы не продлилось несколько секунд.

— Просто все останется между нами, верно?

Ана хотела деликатно освободить руку, но его пальцы сжали ее кисть — нежно и настойчиво. На мгновение мир застыл. Хоури чувствовала свое дыхание. Она посмотрела на Овода, чувствуя, что хочет того же, что и она.

— Я не могу, Овод.

— Почему? — он произнес это так, словно Ана не могла бы предоставить ни одного веского возражения.

— Потому что...

Рука Хоури выскользнула из его руки.

— Потому что я еще... я... кое-что кое-кому пообещала.

— Кому? — спросил Овод.

— Своему мужу.

— Прости. Никогда не думал... мне даже в голову не приходило, что ты замужем, — он сел обратно в кресло, неожиданно создав дистанцию. — Я никоим образом не хотел тебя оскорбить. Просто я знаю тебя как Инквизитора, а теперь еще и как Ультра. Ни то, ни другое не вяжется с моими представлениями о замужних женщинах.

Хоури покачала головой.

— Все в порядке.

— Не возражаешь, если я спрошу, кто он?

— Все слишком сложно, Овод. Я бы очень хотела, чтобы все было не так.

— Пожалуйста, расскажи. Я в самом деле очень хочу это знать, — он смолк — возможно, пытаюсь прочесть выражение ее лица. — Твой муж мертв, Ана?

— Я говорю, не все так просто. Мы с мужем были солдатами на Окраине Неба, во время войны за Полуостров. Уверена, ты слышал об этих... маленьких противоречиях, — не дожидаясь ответа, она продолжала. — Мы вместе воевали. Оба были ранены и в бессознательном состоянии отправлены на орбиту. А потом началась неразбериха. Меня не так опознали, не туда определили — в другой орбитальный госпиталь. Что там стряслось на самом деле, я до сих пор не знаю. В общем... дело кончилось тем, что меня погрузили на какое-то корыто, которое направлялось за пределы системы. На субсветовик, чтоб ему пусто было... К тому времени, как обнаружили ошибку, я уже подлетала к Эпсилону Эридана, и до Йеллоустоуна было рукой подать.

— А твой муж?

— До сих пор не знаю. Какое-то время я считала, что он остался на Окраине Неба. Но сколько ему пришлось бы ждать? Даже если бы мне удалось немедленно отправиться обратно? Тридцать лет? Сорок?

— Какими методами продлевающей жизнь терапии у вас пользуются? Я имею в виду — на Окраине Неба?

— Никакими.

— Значит... у вас были все шансы по возвращении застать его мертвым?

— Он был солдатом. Даже с учетом всех этих треклятых заморозок и отогреваний... В любом случае, тогда не было ни одного корабля до Окраины Неба... — Хоури почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. — О том, что с ним произошло, я знаю только с чужих слов. И до сих пор не уверена, что это правда. Мы могли попасть на один звездолет. Все, что угодно, могло оказаться ложью.

С минуту Овод молчал.

— Значит, ты замужем за человеком, которого все еще любишь — но нет никакой гарантии, что вы снова встретитесь?

— Теперь ты понимаешь, почему мне это нелегко, — сказала она.

— Да, — тихо произнес Овод, и в его голосе появилось что-то похожее

на почтение. — Но, может быть, есть еще время отпустить прошлое, Ана. Мы все через это проходим, рано или поздно.

Клавейн ожидал, что полет до Йеллоустоуна займет больше времени. Интересно, каким образом Зебра умудрилась ввести ему снотворное? Или холодный воздух погрузил его в бессознательное состояние? Нет. Обычного провала в памяти не было. Просто время шло незаметно. Три или четыре раза Манукьян и полосатая женщина тихо перебрасывались короткими фразами, и каждый раз после этого Клавейн чувствовал, что корабль меняет курс — вероятно, чтобы избежать очередной встречи с полицией Конвента. Но ни у кого не возникало даже легкого напанику.

Клавейну показалось, что подобные незапланированные встречи Зебра и Манукьян считают чему-то таким, чего следует избегать скорее из чувства приличия и аккуратности, нежели из более прагматических соображений. Кем бы ни были эти двое, они производили впечатление профессионалов.

Корабль описал вокруг Ржавого Обода петлю радиусом в несколько тысяч километров и по спирали начал спускаться к слоям облаков над поверхностью Йеллоустоуна. Планета росла, заполняя иллюминатор, в который смотрел Клавейн. Потом шаттл вошел в атмосферу и утонул в пелене неоновых-розовых ионизированных газов. После часов, проведенных в невесомости, тело приветствовало возвращение гравитации. Клавейн напомнил себе, что не оказывался в условиях естественной гравитации уже много лет.

— Вы когда-нибудь бывали в Городе Бездны, мистер Клавейн? — спросила Зебра, когда черный корабль миновал облачные слои.

— Один или два раза, — ответил он. — Давно. Полагаю, туда мы и направляемся?

— Да, но я не могу сказать, куда именно. Скоро вы все узнаете сами. Манукьян, сможешь сделать так, чтобы мы повисели минуту или около того?

— Сию минуту, Зеб.

Зебра отстегнулась, встала с кресла и подошла к Клавейну. Эффектные полосы на ее коже оказались зонами пигментации — а не татуировкой и не раскраской. Женщина открыла шкафчик, достала оттуда кейс цвета электрик, похожий на аптечку, потом, откинув крышку, заглянула внутрь с таким видом, словно выбирала шоколадную конфету. Ее тонкие пальцы перебирали содержимое, почти ничего не касаясь, пока не извлекли шприц для подкожных инъекций.

— Я собираюсь ввести вам кое-что, мистер Клавейн. Пока вы будете без сознания, я проведу кое-какие необходимые нейрологические тесты — просто для того, чтобы подтвердить вашу принадлежность фракции Конджойнеров. Я не стану вас будить, пока мы не прибудем в место назначения.

— В этом нет необходимости.

— Нет, есть. Мой босс очень ценит свои секреты и сам решит, что вам позволено знать... — Зебра склонилась над ним. — Думаю, я смогу ввести это прямо в шею, так что можете не снимать скафандр.

Невил понял, что возражать бессмысленно. Он почувствовал холод, когда острие вошло под кожу. Надо признать, Зебра проделала это виртуозно. Затем по его телу прокатилась ледяная волна — лекарство попало в кровь.

— Чего от меня хочет ваш босс? — спросил Клавейн.

— Думаю, он и сам еще не знает, — отозвалась Зебра. — Пока просто любопытство. Нельзя его винить в этом, не так ли?

Клавейн уже отдал приказ своим имплантантам нейтрализовать все, что бы она ему ни ввела. Возможно, немного пострадает ясность мышления, пока медишны не профильтруют его кровь. Возможна даже краткая потеря сознания, но долго это не продлится. Медишны Объединившихся справятся с любыми...

Он сидел, откинувшись на спинку, в изящном кресле, украшенном завитками из кованого чугуна. Кресло намертво крепилось к чему-то твердому и очень древнему. Он был уже на поверхности планеты, а не на корабле Зебры. Серо-голубой мрамор под креслом покрывали узоры из прожилок, завитков и пятен, похожие на газовые цветы среди звезд и туманностей.

— Добрый день, мистер Клавейн. Как вы себя чувствуете?

Голос принадлежал не Зебре. Шаги по мраморному полу звучали мягко, размеренно и неторопливо. Клавейн повернулся на звук, заодно знакомясь с обстановкой.

Помещение, куда его доставили, было то ли оранжереей, то ли теплицей. Окна между колоннами из черного с прожилками мрамора поднимались на десятиметровую высоту, где изгибались навстречу друг другу, образуя прозрачный сетчатый купол. Решетчатые плоскости, увитые лианами, почти достигали его, а в промежутках громоздились вместительные кадки с живыми растениями. Клавейн не опознал ни одного, кроме апельсиновых деревьев и какой-то разновидности эвкалипта

— впрочем, в последнем он был не уверен. Над его креслом склонилось нечто, напоминающее иву, плакучие ветки образовали зеленый занавес, который весьма эффективно ограничивал обзор. Приставные и винтовые лестницы позволяли подняться к на подвесные переходы, которые равномерно заполняли пространство оранжереи. Откуда-то доносилось журчание, наводя на мысль о миниатюрном фонтане. Воздух был скорее прохладным и свежим, чем ледяным.

Человек, который приветствовал Клавейна, приблизился и остановился напротив. Примерно одного с ним роста, он тоже был одет во все темное — Клавейна уже избавили от скафандра, — но на этом их сходство заканчивалось. Несомненно, по психофизиологическому возрасту этот человек был на двадцать-тридцать лет моложе Клавейна — его черные волосы, гладко зачесанные назад, едва тронула седина. Простая одежда — узкие черные брюки и черное кимоно до колен, одетое на голое тело — позволяла видеть великолепную мускулатуру, мощную, но без намека на карикатурность. Он стоял, слегка расставив босые ноги и скрестив руки на груди, взгляд выражал нечто среднее между удивлением и легким разочарованием.

— Я спросил... — снова начал он.

— Думаю, вы просматривали мои воспоминания, — перебил Клавейн. — Что я могу сообщить такого, что вам неизвестно?

— Кажется, вы раздражены, — человек говорил на каназиане, хотя с некоторым затруднением.

— Я понятия не имею, ни кто вы такой, ни что вам от меня надо. Вы даже не представляете, что наделали.

— Наделал?

— Я должен попасть к Демархистам. Если не ошибаюсь, это вам прекрасно известно, не так ли?

— Я не уточнял, что вам рассказала Зебра, — проговорил человек в черном. — Но мы действительно кое-что о вас знаем. Но гораздо меньше, чем хотелось. Поэтому вы здесь оказались — в качестве гостя.

— Гостя? — фыркнул Клавейн.

— Согласен. Понятие «гость» применимо с некоторой натяжкой. Но я не хочу, чтобы вы считали себя пленником. Вы таковым не являетесь. Равно как и заложником. Вполне возможно, мы скоро вас отпустим. Будет ли тогда нанесен какой-то вред?

— Скажите, кто вы?

— Через минуту. Для начала, почему бы вам не пройти со мной? Думаю, вы сможете по достоинству оценить то, что увидите. Зебра

говорила, что вы уже бывали в Городе Бездны, но я не уверен, что видели город именно в такой перспективе, — человек склонился и предложил Невилу руку. — Пожалуйста. Поверьте, я отвечу на ваши вопросы.

— На все?

— Почти на все.

С помощью человека в черном Клавейн встал с кресла. Он по-прежнему чувствовал слабость, но понял, что может без особого труда стоять и ходить. Мрамор охлаждал босые ступни, и Клавейн вспомнил, как разулся, когда надевал скафандр.

Человек вел Клавейна к одной из спиральных лестниц.

— Справитесь с подъемом? Оно того стоит. Внизу окна слегка запылились.

Клавейн шагал за ним по шатким ступеням, пока не оказался на одном из подвесных переходов. Какое-то время они шли по решетчатому настилу. Клавейн по-прежнему не мог сориентироваться в пространстве. Сидя в кресле, он различал лишь неясные тени за окнами и бледный охристый свет, заливавший все меланхоличным заревом. Правда, сейчас вид стал более четким. Наконец человек в черном вывел его на балюстраду.

— Смотрите, мистер Клавейн. Это Город Бездны. Место, которое я узнал и если не полюбил, то, по крайней мере, не испытываю к нему того ханжеского отвращения, как поначалу.

— Вы не отсюда родом?

— Нет. Как и вам, мне изрядно довелось попутешествовать.

Город расплзался во всех направлениях, постепенно исчезая в дымке. Клавейн смог бы насчитать от силы две дюжины зданий выше того, в котором сейчас находился. Но некоторые в буквальном смысле вырастали до неба: их верхние этажи исчезали в рваных слоях облаков. Он смотрел на далекую темную линию — стену, ровным кольцом охватившую город. Стена возвышалась в дымке, видимая за многие десятки километров. Город Бездны строился на склонах огромного кратера, в центре которого находился провал, уходящий в недра Йеллоустоуна и изрыгающий облака пара. Это и была знаменитая Бездна. Город балансировал над ней, обступая со всех сторон, просовывая в нее свои когтистые лапы. Здания стояли плечом у плечу, соединялись, срастались между собой, образуя невообразимые, почти бредовые структуры. Воздушное пространство казалось наполненным густой взвесью — масса воздушного транспорта, пребывающая в непрерывном движении, не давала взгляду сфокусироваться. Это не укладывалось в голове — как такое количество людей могло в один и тот же момент времени перемещаться их одной

точки пространства в другую, в разных направлениях... Но Город Бездны был огромен. И это воздушное движение было лишь ничтожной частью человеческой деятельности, которая кипела в нем — даже в военное время.

Когда-то Город Бездны был иным. Его историю условно разделяют на три периода. Самый продолжительный — Belle Epoque, та самая Прекрасная Эпоха, когда кланы Демархистов обладали абсолютной властью. Город изнемогал от зноя под восемнадцатью куполами Москитной Сетки. Бездна давала ему энергию и химические элементы, в которых он нуждался. Здесь, под куполами Города Демархисты довели свое мастерство управления материей и информацией до логического завершения. Эксперименты по продлению жизни позволили им фактически достичь биологического бессмертия, а методы записи нейронных паттернов в компьютер превратила смерть, даже насильственную, в мелкую неприятность — досадную, но поправимую. Нарботки в области так называемых «нанотехнологий» обеспечивали возможность по желанию свободно изменять очертания окружающего мира и собственных тел. Они становились многоликими и изменчивыми, как Протей — люди, которым было противно любое подобие застоя.

Второй период истории города начался примерно сто лет назад, с приходом Комбинированной Эпидемии. Болезнь с редкой демократичностью поражала людей, технику и здания. С опозданием Демархисты поняли, что Эдем всегда становится домом коварному змею. До сих пор они сами управляли изменениями — Эпидемия сделала эти изменения неконтролируемыми. В течение нескольких месяцев Город Бездны стал неузнаваем. Осталось лишь несколько герметичных анклавов, где люди могли находиться, не удаляя имплантанты из своих тел. Здания деформировались, приобретая причудливые формы. Это была чудовищная карикатура на то, чем Город обладал и что утратил. Уровень технологий мгновенно упал, люди обратились к примитивным двигателям и паровым машинам. Нижние этажи зданий превратились в трущобы и стали прибежищем для преступных группировок.

Этот темный период длился почти сорок лет.

До сих пор не умолкают споры, закончился ли третий период истории или скрыто продолжается. Непосредственно по окончании Эпидемии Демархисты лишились основных источников своего дохода. Зато теперь повсюду торговали Ультра. Несколько богатейших кланов продолжали борьбу. Даже Ржавый Обод приютил несколько островков финансовой стабильности, но Город Бездны уже был готов перейти под контроль новой экономической силы. Конджойнеры, которые до сих пор занимали

некоторое количество узкоспециализированных рыночных ниш, не упустили свой шанс.

По большому счету, это не являлось ни вторжением, ни агрессией. Конджойнеры были слишком немногочисленны, они не опирались на военную силу, не пытались навязать населению Города свой способ мышления. Вместо этого они выкупили несколько крупных городских кварталов и перестроили их, превратив в нечто сверкающее и обновленное. Они уничтожили Москитную Сетку — все восемнадцать куполов. В Бездне была установлена «Лилия» — гигантская биоинженерная конструкция, которая сильно изменила и разнообразила химический состав газов, истекающих оттуда. Сейчас город жил в нише с теплым воздухом, вполне пригодным для дыхания — невидимые испарения «Лилии» поддерживали в кратере определенный микроклимат. Коджойнеры демонтировали изуродованные строения. На их месте вырастали элегантные башни в форме клинков, которые возносились над пластом преобразованного воздуха и поворачивались по ветру, подобно парусам дрейфующей яхты. Наиболее гибкие и устойчивые формы нанотехнологии снова получили распространение, медишны Объединившихся фактически заменили продлевающую жизнь терапию. Торговля возобновилась, Йеллоустоун стал важным пунктом маршрутов Ультра, которые всегда верно чувствовали выгоду. Анклавы Ржавого Обода тоже начали оживать.

Казалось, грядет новый Золотой Век.

Но Демархисты, прежние владельцы города, так и не смирились со своей новой ролью «бывших», с новыми ограничениями, с положением, которое казалось им унижительным. Веками Демархисты и Конджойнеры были союзниками, но теперь этому союзу пришел конец. Оставалось только одно: начать войну, чтобы вернуть утраченную власть.

— Видите Бездну, мистер Клавейн? — человек в черном указал в сторону едва заметного пятна, которое почти терялось среди нагромождения домов и башен. — Говорят, «Лилия» умирает. Конджойнеров изгнали, и теперь некому поддерживать ее жизнедеятельность. Качество воздуха уже не то, что было раньше. Ходят слухи, что Город собираются снова накрыть куполом. Но, возможно, Конджойнеры снова смогут завладеть тем, что им принадлежало?

— Трудно с вами не согласиться, — отозвался Клавейн.

— Откровенно говоря, меня не волнует, кто победит в войне. Я жил здесь до Объединившихся и после того, как их здесь не стало. Я не застал времена Демархистов, но не сомневаюсь, что и тогда сумел бы выжить.

— Кто вы?

— Место, где мы находимся — лучший ответ на ваш вопрос. Посмотрите вниз, мистер Клавейн.

Клавейн повиновался. Он знал, что находится на огромной высоте — судя по виду, который открывался с балюстрады, — но точно оценить расстояние до земли было затруднительно. С тем же успехом он мог стоять на вершине невероятно высокой отвесной скалы, глядя на пики и склоны, громоздящиеся у его ног, на возвышенности и долины, заполненные россыпью построек. Самые верхние из коридоров воздушного транспорта пролегали далеко внизу. Их непрерывные потоки проходили сквозь здания, ныряли в огромные арки и порталы. Эта многослойная структура уходила вглубь — тысячи уровней, один под другим. Еще ниже в дымке можно было разглядеть подвесные дороги, а под ними, словно выцветшие очертания двухмерной карты — блеклые пятна многоярусных висячих садов с озерами.

Здание было черным и величественным. Клавейн не представлял, как оно выглядит на самом деле. Наверно, со стороны оно должно напоминать одинокое дерево, в которое попала молния — нечто мрачное, мертвое, способное внушить суеверный страх.

— Хорошо, — сказал он. — Вид просто великолепный. Где мы?

— Это Шато де Карбо, мистер Клавейн. Замок Воронья. Помните это название?

Клавейн кивнул.

— Именно здесь побывала Скейд. Значит, вы имеете некоторое отношение к тому, что с ней произошло?

— Нет, мистер Клавейн. В отличие от прежнего владельца... впрочем, в этом я не уверен, — человек повернулся и протянул Невилу руку. — Меня зовут Хи. По крайней мере, это имя, под которым я сейчас веду дела. Будем сотрудничать?

Прежде чем Клавейн успел ответить, Хи крепко пожал ему руку. Клавейн освободился — и заметил, что на ладони появилась маленькая точка, похожая на пятнышко крови.

Хи привел Клавейна обратно, в оранжерею с мраморным полом. Они миновали фонтан в виде безглазой золотой кобры, которая извергала поток воды — это журчание привлекло внимание Клавейна, когда он очнулся в кресле. Еще один переход — и по мраморным ступеням хозяин и гость спустились на другой этаж.

— Что вы знаете о Скейд? — спросил Клавейн.

Он не доверял Хи. Но пара вопросов явно не ухудшат ситуацию.

— Хотелось бы знать больше, — отозвался тот. — Я расскажу вам то, что мне известно — разумеется, в определенных пределах. Скейд прибыла в Город Бездны с целью шпионажа в пользу Конджойнеров. Операция проходила в этом здании. Пока все правильно, так?

— Само собой.

— Продолжим, мистер Клавейн. Вы обнаружите, что у нас больше общего, чем можно вообразить. Так что не стоит обижаться.

Клавейн усмехнулся.

— Сомневаюсь, что у нас есть хоть что-то общее.

— Да?

— Мне четыреста лет. Наверно, я видел войн, больше чем вы закатов.

Глаза хозяина расширились от удивления.

— В самом деле?

— Ага. Так что мой взгляд на мир, скорее всего, немного отличается от вашего.

— Не сомневаюсь. Как насчет того, чтобы пройти чуть дальше, мистер Клавейн? Я покажу вам прежнего владельца.

Хи вел его по черным коридорам с высокими потолками, где единственным источником света служили узкие, как щели, окна. Клавейн заметил, что провожатый слегка хромает. Одна его нога была чуть короче другой, но это почти не бросалось в глаза. Казалось, этому человеку действительно принадлежит все огромное здание — или, по крайней мере, его официальная часть. Возможно, это было ложное впечатление, порожденное масштабами строения. Зато в другом сомневаться почти не приходилось: Хи руководил некоей организацией, весьма влиятельной.

— Начнем сначала, — сказал Клавейн. — Каким образом вы оказались замешаны в делах Скейд?

— Как бы вы выразились, в силу взаимного интереса. Я живу здесь, на Йелоустоне, около века, мистер Клавейн. И за это время у меня появились определенные интересы... наверно, вы назвали бы их «навязчивыми идеями».

— Какие интересы?

— Искупление вины, например. Мое прошлое вряд ли можно назвать безупречным. За свою жизнь я совершил несколько дурных поступков. Правда, кто их не совершал?..

Они остановились в арке дверного проема, отделанной черным мрамором. Хи распахнул дверь и пригласил Клавейна в комнату без окон, которая неуловимо напоминала склеп.

— Зачем вам это понадобилось?

— Чтобы простить самого себя, разумеется. Это что-то вроде награды через наказание. Мы переживаем трудные времена, и все-таки срок жизни людей сильно увеличился. Прежде человек нес печать тяжкого преступления всю жизнь — или, по крайней мере, библейские семьдесят лет. Такова была средняя ее продолжительность. Но сейчас мы живем веками. Разве память о единственном недостойном поступке может сохраняться так долго?

— Вы сказали, несколько...

— Именно так. Я поставил свою подпись под многими низкими деяниями... — он подошел к грубо спаянной металлической коробке, которая возвышалась посередине комнаты, как стела. — Дело не в этом. Почему поступки меня-нынешнего должны определяться поступками меня-прошлого? Сомневаюсь, что в моем теле есть хоть один атом, который остался с тех времен. Даже воспоминаний сохранилось очень немного.

— Преступное прошлое не обещает высокой нравственности в будущем.

— Разумеется, нет. Но есть такая вещь, как свобода воли. Мы не обязаны быть марионетками своего прошлого.

Он смолк и коснулся ящика. Клавейн понял, что этот предмет повторяет пропорции и размеры паланкина — разновидности устройства для путешествий, которыми до сих пор пользовались герметики.

Хи глубоко вздохнул.

— Сто лет назад я смирился с тем, что сделал, мистер Клавейн. Но за примирение с собой приходится платить. Я дал себе слово, что исправлю несправедливость. Кое-что было непосредственно связано с Городом Бездны. К сожалению, одно из самых серьезных прегрешений мне искупить не удалось.

— И что это было?

— Одну минуту, мистер Клавейн. Для начала я хочу, чтобы вы взглянули, что с ней стало.

— Она?

— Мадемуазель. Эта женщина жила здесь до меня. Во время миссии Скейд., — Хи отодвинул черную панель на уровне лица. За ней оказалось маленькое окошко, врезанное в крышку.

— Как ее настоящее имя? — спросил Клавейн.

— Честно говоря, не в курсе. Думаю, Манукьян знает о ней немного больше — он служил ей, прежде чем сменил нанимателя. Но я никогда не пробовал вытянуть из него правду. От старика слишком много пользы, к тому же он слишком слаб, чтобы его протравить. Это рискованно.

— Тогда что вы о ней знаете?

— Только то, что она много лет обладала более чем значительным влиянием в Городе Бездны, причем об этом никто не догадывался. Ей удавалось быть идеальным диктатором. Ее власть распространялась настолько искусно, что никому не приходило в голову задуматься от причинах своих поступков. При этом ее состояние — в обычном понимании — равнялось нулю. Эта женщина не располагала никакими средствами, однако ее рычаги управления позволяли ей получить все, что угодно, причем тихо и незаметно. Люди могли действовать, по их мнению, исключительно в личных интересах, а на самом деле исполняли ее тайную волю.

— Словом, настоящая ведьма.

— Что вы. Добиться такого влияния можно и без магии. Просто Мадемуазель видела потоки информации с ясностью, которой не хватает подавляющему большинству людей. Она всегда знала, куда надо приложить усилие. Она видела точку, где бабочка, взмахнув крыльями, породит ураган, которым снесет полмира. У нее был талант, мистер Клавейн. Мгновенное интуитивное восприятие хаотических систем. Это позволяло управлять динамикой психосоциальных процессов. Вот, взгляните.

Клавейн поднялся на ступеньку, чтобы взглянуть в окошко.

Внутри находилась женщина. Она сидела очень прямо и казалась забальзамированной. Руки, аккуратно сложенные на коленях, держали раскрытый бумажный веер — такой тонкий, что он казался прозрачным. Парчовое платье с глухим воротником, по оценкам Клавейна, уже сто лет как вышло из моды. Темные волосы, строго зачесанные назад, открывали высокий чистый лоб. Со своего места Клавейн не мог разглядеть глаза Мадемуазели: то ли они были закрыты, то ли опущены и устремлены на веер. Все очертания дрожали, как мираж в пустыне.

— Что с ней случилось? — спросил он.

— Она мертва — в том смысле, который я придаю этому слову. Мертва более тридцати лет. Но с момента своей смерти нисколько не изменилась. Никакого гниения, никаких признаков обычных процессов разложения. При том, что внутри не вакуум — иначе она не могла бы там дышать.

— Не понимаю. Она умерла в этой штуке?

— Это паланкин, мистер Клавейн. Она находилась в нем, когда я ее убил.

— Вы убили Мадемуазель?

Хи задвинул панель, загородив окошко.

— Я использовал оружие, разработанное в Кэнопи специально для

убийства герметиков. Так называемый «краболов». Достаточно прицепить его к стенке паланкина, и оно пробурит отверстие, не нарушая герметичности салона. Понимаете, внутри этих носилок могли быть всякие неприятные сюрпризы, особенно если обитатели подозревали о возможности покушения. Специфический газ, действующий на нервную систему, и все такое.

— Продолжайте, — сказал Клавейн.

— Когда краболов достигает внутреннего пространства, он вводит заряд, который затем детонирует с силой, достаточной для гибели любого организма, кто бы ни находится внутри, хотя не повреждает ни стекло, ни прочие слабые места конструкции. Нечто подобное используется против танков на Украине Неба, так что мне известны некоторые принципы работы этого оружия.

— Если краболов сработал, внутри не должно быть тела.

— Совершенно верно, мистер Клавейн. Поверьте, я знаю... и видел, что обычно происходит.

— Но вы не убили ее.

— Я точно что-то с ней сделал — что именно, могу только догадываться. Когда краббер сработал, мне было не до того, чтобы обследовать паланкин — пришлось еще разбираться с ее союзниками. Прошло несколько часов. Когда я посмотрел в окошко, то ожидал увидеть обычные красные пятна на стекле. Однако с телом почти ничего не случилось. На нем были раны — очень тяжелые, безусловно смертельные. Но прошло еще несколько часов, и я своими собственными глазами увидел, что они исчезли. Даже одежда была без единой дырочки. С тех пор внутри этих носилок ничего не изменилось. Более тридцати лет, мистер Клавейн.

— Это невозможно.

— Вы заметили, что глядели на нее словно через слой воды? Как будто каждая клетка дрожит сама по себе. Это не оптическая иллюзия. Похоже, внутри есть еще что-то. Мне очень интересно, в какой степени то, что мы видим, можно считать человеком.

— Вы говорите так, будто это не женщина, а какой-то инопланетянин.

— Думаю, в какой-то степени это верно. Но дальше я бы не стал рассуждать.

Хи повел гостя к выходу из комнаты. На пороге Клавейн рискнул обернуться, чтобы взглянуть на паланкин, и вздрогнул. Очевидно, нынешний хозяин хранил это устройство потому, что больше ничего не мог с ним сделать. Тело неуничтожимо и, скорее всего, в других руках может стать опасным. В итоге, Мадемуазель погребли здесь — в здании, которое

она когда-то занимала.

— Я должен спросить... — начал Клавейн.

— Да?

— Зачем вы ее убили?

Хозяин закрыл дверь. Клавейн ощутил почти физическое облегчение. Похоже — хотя это впечатление могло быть обманчивым, — что Хи тоже не получал никакого удовольствия от визитов к Мадемуазель.

— Я убил ее по очень простой и очевидной причине, — сказал он. — У нее была одна вещь, необходимая мне.

— И что это такое?

— Не могу сказать с уверенностью. Но мне кажется, именно та вещь, за которой охотилась Скейд.

Глава 22

Ксавьер работал на корпусе «Штормовой Птицы», когда в ремонтную мастерскую вошли двое странных посетителей. Он убедился, что ближайшие несколько минут обезьяны прекрасно справятся и без него, и начал спускаться. Интересно, кого на этот раз Антуанетта отправила куда подальше. Она умела делать это весьма доходчиво, как и ее отец — один из приемов, благодаря которым Джон Бакс оставался при делах.

— Мистер Грегор Консодин? — осведомился первый из визитеров, вставая со стула, когда Ксавьер вошел в приемную.

— Я не Грегор Консодин.

— Извините. Мне показалось, это...

— Ничего страшного. Я просто управляю делами в его отсутствие — он отбыл на пару дней на Ванкуверскую Карусель. Меня зовут Ксавьер Лю, — сияющая улыбка. — Чем могу помочь?

— Мы ищем Антуанетту Бакс, — сказал мужчина.

— В самом деле?

— Дело не терпит отлагательств. Мне стало известно, что ее корабль почти всегда обслуживается в вашем доке.

Ксавьер почувствовал, как на затылке зашевелились волосы.

— И вы хотите...

— Зовите меня мистер Клок.

Лицо мистера Клока могло служить наглядным пособием по анатомии. Ксавьер мог разглядеть под кожей каждую кость. Этот человек должен был через минуту умереть от истощения, однако двигался с легкостью и изяществом балетного танцора.

Но это было еще полбеды. Мистер Клок пришел не один. Если первый, высокий и тощий, напоминал владельца похоронного бюро, то второй был полной противоположностью: приземистый, коренастый, сложенный как борец-профессионал. Этот тип сидел перед кофейным столиком и, набычившись, изучал какую-то брошюру. У его нога чернела бесформенная коробка размером ящик для инструментов.

Ксавьер посмотрел на свои ладони.

— Мой коллега, мистер Пинк.

Мистер Пинк поднял голову и покосился сперва на одного, потом на другого. Ксавьер чудом сдержал удивление. Это был человек-свинья, причем с минимумом человеческих черт. Он глядел исподлобья, на круглых

надбровных дугах не было ни единого волоска. Маленькие черные глазобусинки изучали Лю. Маленький вздернутый нос... Ксавьеру доводилось видеть много странных человеческих лиц, но мистер Пинк никогда не был человеком.

— Здрассти, — буркнул мистер Пинк и снова углубился в чтение брошюры.

— Вы не ответили на мой вопрос, — сказал Клок.

— А что вы спросили?

— По поводу корабля. Он принадлежит Антуанетте Бакс, верно?

— Мне просто поручили провести на нем ремонтные работы. Это все, что я знаю.

Клок кивнул, нехорошо улыбнулся, отошел к двери приемной и плотно прикрыл ее. Мистер Пинк перевернул страницу и фыркнул — должно быть, в брошюре попалось что-то забавное.

— Это не совсем правда, мистер Лю. Так?

— Извините?

— Присядьте, мистер Лю, — Клок указал на одно из кресел. — Пожалуйста. Дайте своим ногам отдохнуть. Нам с вами нужно немного поговорить.

— А мне нужно в ангар, к моим обезьянам.

— Я уверен, в ваше отсутствие они не сделают ничего плохого. Так что... — Клок снова указал на кресло, а свин поднял голову и в упор уставился на Ксавьера. — Относительно мисс Бакс. В транспортных регистрационных документах — которые находятся в открытом доступе — указано, что в данный момент ее корабль находится в ремонтном ангаре, в которой работаете вы. Конечно, вы знаете об этом, верно?

Лю сел в кресло. Не сболтнуть бы лишнего...

— Догадываюсь.

— Я вас умоляю. На самом деле нет никакого смысла что-то скрывать. Данные, собранные нами, указывают на... очень тесное сотрудничество между вами и мисс Бакс. И вам совершенно точно известно, что «Штормовая Птица» принадлежит ей. На самом деле, вам еще многое известно об этом судне, не правда ли?

— К чему вы ведете?

— Нам бы хотелось немного поговорить с самой мисс Бакс, если это возможно.

— Ничем не могу вам помочь.

Клок поднял одну бровь — тоненькую, почти невидимую.

— В самом деле?

— Если хотите с ней поговорить, ищите ее сами.

— Отлично. Я надеялся, что до этого не дойдет, но... — Клок посмотрел на свина. Тот положил брошюру и встал. Он напоминал мускулистого самца гориллы, а двигался так, словно готов был вот-вот растянуться. Проковыляв мимо Ксавьера, Мистер Пинк направился к двери, унося свою черную коробку.

— Куда он собрался? — спросил Ксавьер.

— В док. Мистер Пинк блестяще разбирается в механике, мистер Лю. И может починить все, что угодно. А также — обратите внимание — сломать.

Хи и Клавейн спустились еще на один этаж. Хозяин шел первым, обгоняя гостя на пару. Клавейн смотрел на его широкую спину и блестящие бороздки волос, иссиня-черных, зачесанных назад и чуть смазанных гелем. Есть такая вещь, как удар в спину. Похоже, этот человек не вполне догадывается о ее существовании. И Клавейн мог давно покинуть эту чудовищную черную башню. Но в нем просыпалось необъяснимое желание сотрудничать с Хи. В этом человеке было что-то странное и любопытное. Новый владелец Замка Воронья знал о Скейд нечто такое, что было неизвестно Клавейну — даже если это действительно составляло лишь часть правды. В свою очередь, Клавейн явно представлял для него интерес. Они могли дать друг другу очень много.

Однако такая ситуация долго сохраняться не может. Мистер Хи был вежлив и интересен, но Клавейн все-таки оставался его пленником. И еще оставалось дело, которое требовало его внимания.

— Расскажите еще о Скейд, — сказал он. — Чего она на самом деле хотела от Мадемуазель?

— Это будет непросто. Конечно, я постараюсь. Но вы должны меня простить: кое-что мне до сих пор непонятно. Честно говоря, я вообще сомневаюсь, что когда-нибудь смогу разобраться во всех тонкостях той операции.

— Начните сначала.

Теперь они оказались в чем-то вроде просторного коридора. Хи не спеша проследовал мимо беспорядочно расставленных скульптур — что-то вроде сброшенных чешуйчатых шкур огромных металлических драконов. Каждый постамент был снабжен табличкой.

— Скейд интересовалась некоторыми технологиями, мистер Клавейн.

— Какими именно?

— Прогрессивными технологиями манипуляций с квантовым

вакуумом. Я не ученый, мистер Клавейн, так что имею весьма туманные представления об этих принципах. Как я понимаю, большинство свойств материи — в частности, инерция — на самом деле напрямую вытекает из свойств вакуума, в котором она находится. Домыслы чистой воды. Но кто сказал, что тем же Конджойнерам не пригодится возможность контролировать инерцию?

Клавейн вспомнил о «Ночной Тени». Каким образом она оказалась в состоянии догнать корвет, несмотря на более чем существенный отрыв? Техника управления инерцией вполне такое позволяет. Тогда становится ясно, чем Скейд занималась на борту во время предыдущей миссии. Скорее всего, производила окончательную настройку новых систем — перед последними «ходовыми испытаниями». Почему такое устройство не может существовать? Но тогда Хи тоже должен об этом.

— Мне неизвестно о программе, в которой бы исследовалась подобная возможность, — сказал Клавейн, осторожно подбирая слова, чтобы избежать прямого обмана.

— Неудивительно. Даже у Объединившихся должны быть секреты друг от друга. Как я понимаю, все находилось на стадии экспериментов — весьма опасных.

— Откуда изначально взялись технологии?

— А тут мы подходим к самому интересному. Кажется, Скейд очень хорошо представляла, что ищет — равно как и другие Конджойнеры. Так ищут последнюю деталь головоломки, которая почти собрана. Думаю, вы знаете, чем закончилась операция. Внешне это выглядело полным провалом. Уцелела только сама Скейд, и ей удалось убежать обратно в ваше Материнское Гнездо с кучкой украденных предметов... — Хи взглянул на Клавейна через плечо и многозначительно улыбнулся.

Коридор закончился. Они вышли на карниз с низким парапетом. Карниз опоясывал помещение невероятных размеров с воронкообразным полом, который уходил в глубину многоярусным амфитеатром. Клавейн перегнулся через парапет и заметил трубы и вентиляционные отверстия, выступающие из непроглядно черных стен.

— Пожалуй, я повторю свой вопрос, — произнес он. — Кто изначально дал эти технологии?

— Донор, — ответил Хи. — Примерно сто лет назад я узнал одну весьма удивительную вещь. На этой планете находилось разумное инопланетное существо. Несколько миллионов лет назад его корабль потерпел здесь крушение, однако сам пилот почти не пострадал.

Он замолчал, наблюдая за реакцией собеседника.

— Продолжайте, — сказал Клавейн, решив не показывать интереса.

— К сожалению, я не первым узнал об этом несчастном существе. Нашлись люди, которые обнаружили, что оно может давать им нечто весьма ценное — при условии, что его будут держать взаперти и регулярно пытаться. Это само по себе отвратительно. Тем более что существо оказалось не просто разумным. Это был представитель древней цивилизации, которая вышла в космос за миллиарды лет до человечества. На самом деле, среди обломков его корабля до сих пор можно найти работающие устройства. Понимаете, к чему я веду?

Они шли по одному из ярусов «амфитеатра». Клавейн до сих пор не догадался, для чего служит это помещение.

— И одно из этих устройств... — осторожно проговорил он, — использует принципы управления инерцией?

— Об этом позже. Признаюсь, я немного забежал вперед. Дело в том, что в прошлом — весьма отдаленном — я уже имел дело с представителями этой расы. И представлял, чего можно ожидать от этого существа.

— Будь я не столь открытым, я счел бы все это немного трудным для восприятия.

Хи остановился на углу и облокотился на низкое мраморное ограждение.

— Когда я расскажу вам больше, вы, возможно, начнете мне верить. Думаю, вы уже успели заметить, что наша Вселенная — вообще весьма небезопасное место. Уверен, Объединившиеся узнали это на собственном опыте. Нам известно тринадцать чужих разумных рас — теперь, можно сказать, четырнадцать. Плюс одна — возможно, две — которые, к сожалению, настолько нам чужды, что мы даже не можем с уверенностью утверждать, что они разумны. Вам не кажется, что это маловато? У меня возникает впечатление, что Вселенная нашла способы подавления разума, прежде чем он вырастает из своих ботинок.

— Это просто предположение.

Не просто предположение. Клавейн не решился сказать, что это полностью подтверждалось известными ему фактами. Это подтверждалось посланием Галианы. Она говорила о машинах, подобных волчьей стае, которые затаились в пустоте, которые пускают слюну и завывают, почуяв запах разума.

— Это больше чем предположение. Личинки — так называла себя раса, которой принадлежит это несчастное существо — оказались на грани полного исчезновения. Они были обречены прятаться в космосе, держась

подальше от тепла и света, но даже там не могли чувствовать себя спокойно. Потому что знали, как мало надо, чтобы машины-убийцы почуяли их и вернулись. В конце концов, эти существа разработали отчаянную стратегию защиты. По природе своей они не агрессивны. Просто в один прекрасный момент пришли к выводу: для того, чтобы выжить, иногда необходимо заставить молчать какой-нибудь особо шумный вид.

Хи вновь неторопливо зашагал по карнизу. Его ладонь скользила по парапету, и Клавейн заметил, что за ней тянется узкая полоса чего-то липкого и красного.

— Как вы нашли этих... личинок?

— Это долгая история, мистер Клавейн. Я не собираюсь вас задерживать только ради того, чтобы ее рассказать. С вашего позволения, я продолжу с того места, где остановился. Я дал себе слово, что освобожу это существо — можете считать это частью моих искупительных планов... В общем, сделать это сразу не получилось. Нужно было разработать план, просчитать ходы... Потом я набрал команду — самых верных из своих помощников. Мы начали подготовку. Прошло несколько лет, но подходящий момент так и не подвернулся. Десять лет, двадцать... Мне чуть ли не каждую ночь снилось, как я его освобождаю, и каждую ночь я клялся, что это сделаю.

— И?

— Возможно, меня кто-то предал. А может быть, она просто оказалась умнее меня. В общем, Мадемуазель добралась до существа первой. Она доставила его сюда, в эту комнату. Каким образом — понятия не имею. Все подготовить, все спланировать...

Клавейн снова посмотрел вниз, пытаясь догадаться, как выглядел этот несчастный пленник.

— Она содержала личинку здесь, в Замке?

Хи кивнул.

— Причем не один год. Поддерживать жизнедеятельность этого создания оказалось нелегко, но его предыдущие тюремщики с этим неплохо справлялись. Думаю, Мадемуазель не собиралась его целенаправленно пытаться — ей это было просто незачем. Она вообще не была жестокой по натуре. Достаточно того, что для личинки было пыткой само существование. Для этого не надо было втыкать ей электроды в нервные окончания. Мадемуазель просто не позволяла своему пленнику умереть. По крайней мере, до того момента, пока она не узнает все, что сможет.

Хи рассказал, что Мадемуазель нашла способ общения с пленником. Ее блестящий ум позволил сделать это без особенных усилий.

— Мне стало известно, что однажды здесь произошел несчастный случай. Человек упал в камеру к личинке, сорвавшись с верхнего этажа. Он сразу умер, но прежде чем труп смогли вытащить, личинка съела его. Понимаете, ей просто сбрасывали кусочки пищи, и до того момента она понятия не имела, как на самом деле выглядят ее тюремщики.

Хи немного оживился.

— Дальше началось нечто странное. На следующий день на теле существа появилась рана. Она увеличивалась, превращаясь в отверстие. Никакого кровотечения не было, отверстие выглядело симметричным и четко очерченным. Потом вокруг сформировались мышцы. Это был рот, понимаете? Существо начало издавать человеческие звуки — сперва гласные, потом отдельные слоги... Прошел еще день или два, и оно попыталось произнести несколько слов, которые вполне можно было разобрать. Еще через день — составлять простые фразы. Самым страшным, как я понял, оказалось следующее: существо унаследовало язык от человека, которого съело. Впитало его память и индивидуальность, слив их со своими собственными.

— Ужас какой, — пробормотал Клавейн.

— Возможно, — Хи казался совершенно невозмутимым. — На мой взгляд, весьма полезное свойство — например, для расы, которая специализируется на межзвездной торговле. Представьте себе, что вы столкнулись с незнакомым разумным видом. Вместо того чтобы ломать голову над трудностями перевода, вы просто расшифровываете язык на биохимическом уровне. Съешьте своего торгового партнера — и станете немного похожим на него. Само собой, это потребует некоторого содействия с противоположной стороны. Но не исключено, что несколько миллионов лет назад такой метод считался вполне приемлемым.

— Как вы все это узнали?

— Было бы желание, мистер Клавейн. Незадолго до того, как Мадемуазель опередила меня, я начал слабо осознавать ее присутствие. У меня своя сеть влияния в Город Бездны, у нее своя. Чаще всего наши интересы не пересекались, но иногда случались и исключения. Мне стало любопытно. Однако она много лет успешно сопротивлялась моим попыткам проникнуть в ее замок. Мне это удалось, лишь когда она потеряла бдительность, потому что слишком увлеклась загадкой своего инопланетного пленника. Мои агенты проникли в Шато де Карбо. Помните Зебру? Одна из них. Выяснив все, что можно, она обеспечила мне условия

для захвата замка. Правда, это произошло намного позже — уже после того, как здесь побывала Скейд.

Клавейн энергично сопоставлял факты.

— Получается, она должна что-то знать о личинке?

— Думаю, да. Вы же Конджойнер. Неужели вам это неизвестно?

— Я и так узнал слишком много. Поэтому решил стать перебежчиком.

Осмотр «тюрьмы» продолжался. Клавейн чувствовал, что покинет ее с таким же облегчением, как и комнату с паланкином. Он чувствовал присутствие чужой боли. Казалось, страдания личинки изменяют саму атмосферу камеры. Или у него просто разыгралось воображение? Как бы то ни было, этот неизбежный страх и чувство безысходности исчезнут, как только они с Хи выйдут отсюда.

— Куда вы меня ведете?

— Сначала в подвал. Думаю, вам будет интересно на это взглянуть. А потом мы отправимся в гости. Мне стоит кое с кем повидаться, да и вам тоже.

— А эти люди имеют какое-то отношение к Скейд? — спросил Клавейн.

— Я думаю, все имеет к ней какое-то отношение. Вам так не кажется? И еще я подозреваю, что в замке со Скейд что-то произошло.

Хи жестом пригласил его в лифт. Кабина напоминала металлическую клетку, украшенную завитками и филигранью, пол — железный лист с множеством отверстий — казался холодным, как лед. Потянув скрипучую дверь, которая сдвигалась и раздвигалась по принципу ножниц, хозяин закрыл ее, и через секунду лифт начал спускаться. Сначала кабина еле ползла. Клавейн уже решил, что окажется на первом этаже не раньше, чем через час, когда лифт увеличил скорость. Он двигался с лязгом, все быстрее и быстрее. Ветер из отверстий в полу усиливался с каждой секундой.

— У нас считают, что Скейд провалила миссию, — прокричал Клавейн, перекрывая гул и скрип.

— Возможно! Но не думаю, что так считала Мадемуазель. Подумайте: ее влияние распространялась на каждый аспект жизни в Городе Бездны. Ей было достаточно захотеть, и происходило именно то, что она пожелает — разумеется, в определенных пределах. Ее паутина охватывала и Ржавый Обод, и верхушку Демархистов. Думаю, Мадемуазель могла оказать влияние даже на Ультра — по крайней мере, заставить их работать в нужном направлении. Но с Конджойнерами она ничего не могла сделать.

— Получается, Скейд стала ее точкой входа?

— Думаю, это очень вероятно, мистер Клавейн. Не случайно Скейд

позволили выжить, уничтожив всю ее команду.

— Но Скейд одна из нас, — Клавейн почувствовал, что хрипло. — Она бы никогда не предала Материнское Гнездо.

— А что с ней произошло потом? Вы не заметили, что она, например, приобрела большее влияние?

Клавейн вспомнил, что сразу после миссии ей удалось стать членом Закрытого Совета.

— Можно сказать и так.

— В таком случае, вот и ответ. Понимаете, это всегда было стратегией Мадемуазель. Внедряться и управлять изнутри. Скорее всего, ваша Скейд и не подозревала, что предаст своих. Мадемуазель всегда умела играть на доверии. Миссия провалилась, однако Скейд добыла кое-что полезное. Или я не прав? Материнское Гнездо получило определенную выгоду?

— Я уже говорил вам, что ничего не знаю по поводу этого проекта. Кроме того, что он секретный и связан с изучением квантового вакуума.

— Хм-м... Простите, но ваше отрицание и в первый раз прозвучало не слишком убедительно.

Клок, человек с головой-яйцом, приказал Ксавьеру вызвать Антуанетту.

— Сколько угодно, — фыркнул Лю. — Но я не могу заставить ее прийти сюда, если даже мистер Пинк начнет крушить мою мастерскую.

— Придумайте что-нибудь, — сказал Клок, поглаживая восковой листок оливы, которая красовалась в углу приемной. — Скажите ей, что нашли нечто... и не можете отремонтировать без ее участия. Уверен, вы сможете сымпровизировать.

— Мы будем слушать, — добавил мистер Пинк.

К облегчению Ксавьера, человек-свинья вернулся из мастерской, не причинив «Штормовой Птице» никакого вреда. Скорее всего, «механик» просто присматривал объекты для приложения силы.

Лю позвонил Антуанетте. Она находилась на полпути к Карусели Нью-Копенгагена и участвовала в яростном раунде деловых переговоров. С тех пор как Клавейн покинул их, ситуация перестала быть скверной и стала еще хуже.

— Просто лети сюда, чем быстрее, тем лучше, — сказал Ксавьер, косясь на посетителей.

— К чему такая спешка, Ксав?

— Тебе известно, во что нам обходится стоянка «Штормовой Птицы»? У нас каждая минута на счету. Этот телефонный звонок нас убивает.

— Вот дерьмо, господи! Ксав, почему бы тебе не сказать мне что-нибудь доброе, а?

— Просто прилетай поскорее.

Ксавьер прервал связь.

— Спасибо, что заставили меня это сделать, ублюдки.

— Мы искренне ценим ваше понимание, мистер Лю. Уверяю, мы не причиним вам никакого вреда, и тем более мисс Антуанетте.

— Вот и не причиняйте, — Ксавьер посмотрел на незваных гостей, решая, кто из них меньше заслуживает доверия. — Отлично. Антуанетта будет примерно через двадцать минут. Можете поговорить с ней здесь, а потом она снова поедет по делам.

— Мы поговорим на корабле, мистер Лю. Тогда ни у вас, ни у нее не будет возможности сбежать, правильно?

— Как хотите, — Ксавьер пожал плечами. — Дайте мне только минуту, чтобы я мог дать задание обезьянам.

Лифт замедлил ход и остановился, но кабина еще некоторое время продолжала скрипеть и содрогаться. Отголоски металлического эха наперегонки убегали куда-то вверх, точно раскаты истерического хохота.

— Где мы?

— В подвале, под старым Малчем, мистер Клавейн. В скальной мантии Йеллоустоуна, — Хи пропустил гостя вперед. — Здесь все и произошло.

— Что произошло?

— Несчастный случай.

Они шли по коридорам — вернее, по туннелям, пробитым в камне и лишь слегка отделанным. Свет голубых ламп играл на выступах стен, то угловатых, то скругленных. Воздух дышал сыростью и холодом, идти по грубому неровному полу босиком было неудобно. После камеры, забитой вертикальными рядами серебристых канистр, похожих на молочные бидоны, туннель заметно пошел под уклон.

— Мадемуазель умела хранить секреты, — проговорил Хи. — Когда мы штурмовали Замок Воронья, она уничтожила многие артефакты с корабля личинки. Кое-что забрала с собой Скейд. Но для начала нам хватило и того, что осталось. Недавно процесс пошел быстрее. Вы заметили, как мои корабли ушли от шаттлов Конвента, а потом проскользнули через пространство, где полицейских больше, чем атомов?

Клавейн кивнул. Он вспомнил, каким коротким показался перелет до Йеллоустоуна.

— Значит, вы и этому научились.

— Честно говоря, только начинаем учиться. Но... Да, на наших кораблях уже установлены устройства, контролирующие инерцию. Достаточно просто уменьшить массу шаттла на одну пятую, чтобы дать фору катерам Конвента. Мне кажется, вы достигли лучших результатов.

— Возможно, — неохотно признал Клавейн.

— Значит, вам уже известно, как опасны эти технологии. Нормальное состояние квантового вакуума — состояние минимума — очень стабильно. Прекрасная глубокая долина — если представить себе состояние в виде ландшафта. Но стоит попытаться воздействовать на вакуум — охладить его, глушить колебания, которые и порождают инерцию, — ландшафт станет неузнаваем. Вместо долины вы получите крутые пики и пропасти. Рядом появятся другие долины — другие стабильные состояния, непохожие друг на друга, — в которые тоже можно погрузить материю. Но одного маленького толчка может быть достаточно, чтобы состояние радикально изменилось. Хотите послушать страшную историю?

— Думаю, да, если вы хотите ее рассказать.

— Я нанял лучших из лучших, мистер Клавейн. Самых блестящих исследователей Ржавого Обода. Любого, кто проявлял интерес к природе квантового вакуума, доставляли сюда и доводили до их сведения, что оптимальный способ удовлетворить свой интерес — помочь мне.

— Шантаж? — уточнил Клавейн.

— К сожалению, нет. Просто легкое давление, — Хи бросил на гостя короткий взгляд и усмехнулся, обнажив великолепные зубы. — По большей части в этом даже не возникало необходимости. У меня были ресурсы, в которых Демархисты отчаянно нуждались. Их сеть разведки разрушалась, они ничего не знали о личинке. У Конджойнеров была своя программа исследований, но примкнуть к ним означало влиться в их объединенное сознание. На мой взгляд, удовлетворение научного интереса того не стоит. Те, кого я выбирал, обычно сами горели желанием прийти в Замок, хотя выбор у них был.

Хи немного помолчал, а когда заговорил, в его голосе послышалась грусть.

— Среди них была одна женщина, переметнувшаяся ко мне от Демархистов, блестящий исследователь. Ее звали Паулина Сухой.

— Она погибла? — перебил Клавейн. — Или с ней произошло что-то похуже?

— Нет, что вы. Но мне пришлось отказаться от ее услуг. После того, что произошло — после того несчастного случая — она не могла заставить

себя продолжать исследования. Я вошел в ее положение и сделал так, что у нее появилась возможность вернуться на Ржавый Обод и найти другой вариант.

— Что бы тут не произошло, это был действительно очень несчастный случай.

— Да, в самом деле. Для всех нас, и особенно для Сухой. Многие эксперименты прошли очень успешно. Здесь, в подвальных этажах Замка, работало около дюжины небольших научных групп. Они исследовали различные аспекты технологий с корабля личинки. Сухой участвовала в проекте в течение года и показала себя превосходным исследователем — можно сказать, бесстрашным. Именно она изучала переходы из наименее стабильных состояний.

Хи вел Клавейна мимо дверей, за которыми находились какие-то просторные темные помещения, пока остановился у одной из них, однако войти не стал.

— Здесь произошло что-то ужасное. С тех пор никто из тех, кто имел отношение к исследованиям, сюда с тех пор не приходил. Говорят, стены помнят прошлое. Вы тоже это чувствуете, мистер Клавейн? Дурное предчувствие, пробуждение животного инстинкта, который говорит: «не входи»?

— Вы сами сказали, что в этой комнате есть нечто странное. Теперь я не могу сказать, что именно чувствую на самом деле.

— Тогда войдите внутрь, — предложил Хи.

Клавейн перешагнул через порог, на гладкий пол. Там было холодно — но не холоднее, чем повсюду в подземелье. Глаза понемногу привыкали к темноте; за это время Клавейн отметил, что помещение действительно очень просторно. Повсюду, из стен и потолка торчали какие-то раструбы и подпорки, но ни аппаратуры, ни оборудования не осталось. Комната оказалась совершенно пустой и очень чистой.

Клавейн прошел по периметру. Нельзя сказать, что он наслаждался прогулкой, но легкая паника и ощущение постороннего присутствия могли носить психосоматический характер.

— Что здесь произошло? — спросил Клавейн.

Хи по-прежнему стоял в дверях.

— Несчастный случай. Это коснулось только проекта Паулины. Она сама была ранена, но не смертельно, и вскоре поправилась.

— И больше никто из ее группы не пострадал?

— В том-то все дело. Никакой группы не было, она всегда работала одна. Следовательно, и жертв быть не могло. Аппаратура немного

пострадала, но вскоре оказалось, что она способна сама себя восстанавливать — в определенных пределах. Сухой находилась в сознании и ясном рассудке, и мы решили, что когда она встанет на ноги, то вернется в подвалы.

— И?

— Паулина задала очень странный вопрос. Когда я его услышал, у меня, извините за выражение, у меня волосы дыбом встали.

Клавейн подошел к двери.

— Что за вопрос?

— Она спросила, что случилось с ее напарником.

— Результат черепно-мозговой травмы. Ложные воспоминания. — Клавейн пожал плечами. — Что в этом удивительного?

— Она слишком много знала об этом напарнике, мистер Клавейн. Его имя, историю. По ее словам, его звали Ив — Ив Мерсье. Паулина рассказала, что он с Ржавого Обода, и его наняли одновременно с ней.

— Но никакого Ива Мерсье не было?

— Человек с таким именем — или с похожим — никогда не работал в Замке. Как я сказал, Сухой всегда предпочитала проводить эксперименты в одиночестве.

— Возможно, ей был необходимо переложить на кого-то вину за инцидент. А поскольку никого не было, ее подсознание само создало козла отпущения.

Хи кивнул.

— Да, примерно так мы и думали. Но зачем перекладывать вину на воображаемого коллегу, если это был просто несчастный случай, причем пустяковый? Никто не пострадал, даже оборудование. На самом деле, этот случай позволил нам узнать гораздо больше, чем недели мучительных поисков. Сухой было не в чем обвинять, и она это прекрасно знала.

— Значит, была другая цель. Подсознание — довольно странная штука. Объяснение не обязательно должно выглядеть разумным и очевидным.

— Мы пытались ее переубедить, но Сухой стояла на своем. Она выздоравливала, но все более упорно твердила об этом Мерсье. Она вспомнила массу деталей. Вспомнила, как он выглядел, что он был любителем поесть и выпить, отличался чувством юмора. Даже его прошлое — что он делал до того, как прибыл в Замок. Когда Сухой говорили, что никакого Ива Мерсье не существует, она впадала в истерику.

— Она сошла с ума.

— Ни один тест не показал нарушений психики, мистер Клавейн. Если

у нее и развилась бредовая система, то она включала только Ива Мерсье с его прошлым. В итоге мне стало интересно.

Клавейн посмотрел на Хи и кивнул, предлагая продолжить.

— Я провел небольшое расследование. Мне не составило труда получить доступ к базам данных Ржавого Обода... которые пережили Эпидемию. И обнаружил некоторые факты, которые с пугающей точностью совпадали с историей Сухой.

— Например?

— Ив Мерсье действительно существовал. И родился именно на той «карусели», о которой говорила Сухой.

— Не могу сказать, что это редкое имя для Демархиста.

— Согласен. Но в архивах нашелся только один Ив Мерсье. Дату рождения Паулина тоже назвала точно. Единственная проблема состояла в том, что этот Мерсье — настоящий — умер много лет назад. Его убили вскоре после того, как Комбинированная Эпидемия разрушила Блестящий Пояс.

Клавейн заставил себя пожать плечами, но это получилось менее убедительно, чем хотелось.

— Тогда совпадение.

— Возможно. Понимаете, в свое время Ив Мерсье был студентом. И он занимался изучением именно того квантово-вакуумного феномена, из-за которого, по словам Сухой, оказался в поле моего зрения.

Дольше находиться в комнате стало просто невыносимо. Клавейн шагнул через порог, чтобы поскорее оказаться в коридоре с голубыми лампами.

— Вы говорите, что Мерсье действительно существовал?

— Вот именно. В таком случае возможны два варианта. Либо Сухой знала историю покойного Ива Мерсье и верила в то, что на самом деле он жив, или она говорила правду.

— Но это невозможно.

— Я предпочитаю думать, что это возможно, мистер Клавейн. Более чем возможно. Паулина говорила правду. Для нее Ив Мерсье никогда не умирал. Она работала с ним, здесь, в этой комнате, где вы только что стояли. Он был ее ассистентом и присутствовал при несчастном случае.

— Но Мерсье умер. Вы же сами видели записи.

— А теперь представьте, что никаких записей нет. Представьте, что он пережил Эпидемию, продолжил работу над основной квантово-вакуумной теорией и в итоге привлек мое внимание. Представьте, что Ив стал сотрудничать с Сухой, исследуя переходы из нестабильных состояний. А

затем произошел несчастный случай, который на самом деле повлек перемещение в очень опасное состояние. По словам Паулины, Мерсье находился намного ближе к генератору поля, чем она, когда это произошло.

— И оно убило его.

— Более того, мистер Клавейн. Оно стерло его из существования, — Хи посмотрел на гостя, кивнул и заговорил, точно учитель с учеником — терпеливо и настойчиво: — Похоже, вся история Ива оказалась удалена. Всю кривую соприкосновений во времени и пространстве вырезали из нашей реальности, с того момента, где его убили во время Комбинированной Эпидемии. По-моему, логичнее всего предположить, что он умер в нашем пространственно-временном потоке, в котором находимся мы с вами.

— Но для Сухой он жив, — сказал Клавейн.

— Да. Для нее он жив. Она помнит, как все происходило. Полагаю, Паулина находилась достаточно близко к фокусу поля, и ее воспоминания оказались перепутаны, переплетены с первоначальной версией событий. Мерсье был «стерт», но у нее, тем не менее, сохранились воспоминания о нем. Так что Сухой вовсе не сошла с ума и не бредила. Просто она оказалась свидетелем события, которое выходит за пределы нашего понимания. Мистер Клавейн, вас не пугает, что эксперимент вообще мог привести к такому результату?

— Вы уже говорили, что это было опасно.

— Более опасны, чем мы могли себе представить. Интересно, сколько еще пространственно-временных линий были стерты из существования до того, как хотя бы один свидетель оказался так близко, чтобы почувствовать изменения?

— Вы не против, если я задам вам вопрос? — спросил Клавейн. — Чему на самом деле были посвящены те эксперименты?

— Хороший вопрос. Как я уже сказал, исследованию переходов... и более экзотических состояний квантового вакуума. Мы научились высасывать инерцию из материи. В зависимости от состояния поля есть возможность выкачивать ее до тех пор, пока инертная масса материи не станет максимально приближенной к нулю. Согласно Эйнштейну, материя без массы имеет только одну возможность: двигаться со скоростью света. Она вынуждена стать фотонной, полностью превратиться в излучение.

— Именно это и произошло с Мерсье?

— Нет, не совсем. Насколько я понял тему работы Сухой, состояние нулевой массы было бы очень трудно осознать физически. Как только она приближается к нулевой массе, то вакуум склоняется к тому, чтобы

скользнуть на другую сторону. Паулина назвала это туннельным эффектом.

Клавейн поднял бровь.

— На другую сторону?

— Состояние квантового вакуума, в котором материя имеет воображаемую инертную массу. Воображаемую в чисто математическом смысле, ведь корень квадратный из минус единицы является воображаемым числом. А теперь представьте, что из этого вытекает.

— Материя становится тахионной, — проговорил Клавейн. — Начинает двигаться быстрее скорости света.

— Вот именно, — с довольным видом ответил Хи. — Оказывается, заключительный эксперимент Мерсье и Сухой был посвящен переходу между тардионным — обыкновенным, с которым мы знакомы — и тахионным состоянием материи. Они исследовали состояния вакуума, которые позволяют конструировать скоростные системы быстрее света.

— Но это просто невозможно, — произнес Клавейн.

Хи положил руку ему на плечо.

— На самом деле... не уверен, что это правильное направление мысли. Личинки знали, конечно. Они разработали эту технологию, однако предпочли ползать между звездами. Такой выбор — лучший ответ на вопрос, стоит ли нам это знать. Дело не в том, что это невозможно. Просто это очень, очень не рекомендуется.

Долго, очень долго они стояли в молчании, на пороге темной комнаты, где Мерсье был стерт из памяти этого мира.

— Кто-нибудь пытался возобновить эксперименты? — спросил Клавейн.

— Нет. Откровенно говоря, после того, что произошло с Ивом, никто больше не изъявлял желания работать с устройствами личинок. На тот момент мы узнали достаточно. После этого все лаборатории были вывезены из подвалов. Сейчас сюда почти никто не спускается. Те, кто все-таки рискует здесь появиться, рассказывают о приведениях. Возможно, это тени тех людей, кого постигла такая же участь, что и Ива Мерсье. Должен сказать... сам я никогда их не видел и считаю, что привидения — это обман сознания, — Хи попытался говорить беззаботным тоном, но добился прямо противоположного. — Не стоит верить в такие вещи. Вы же не верите в духов? Верно, мистер Клавейн?

— И никогда не верил, — отозвался Клавейн. Он был готов переместиться в любую точку пространства, лишь бы немедленно покинуть подвалы Замка.

— Странное сейчас время, — бесцеремонно произнес Хи. — У меня

такое чувство, что мы живем в конце истории, и скоро начнется великое подведение итогов. И всем нам предстоит нелегкий выбор. А теперь... не пойти ли нам к тем людям, о которых я вам уже говорил?

Клавейн кивнул.

— Не могу дождаться.

Поезд остановился, и Антуанетта вышла на станции, ближайшей к доку, который арендовала ремонтная мастерская Ксавьера. Вспоминая слова Лю, девушка пыталась понять, что именно ее насторожило. С некоторой тревогой она заглянула в приемную, потом в контору... Там явно ничего не изменилось. Никто не появлялся, только на двери висела табличка «закрыто». Дважды убедившись, что в доке есть атмосфера, Антуанетта вошла внутрь, потом пробежала по ближайшему соединительному мостику, стараясь не глядеть под ноги. От запаха аэрозолей, который висел в воздухе, защипало глаза и захотелось чихать. У входного шлюза корабля она позвала:

— Ксавьер!..

Никто не отозвался. Похоже, Ксавьер где-то в недрах «Штормовой Птицы» и не слышит. Теперь придется или искать его, или подождать здесь. Она сама сказала, что будет через двадцать минут.

Антуанетта прошла на главную палубу. Пока все выглядело нормально. Ксавьер использовал для диагностики какие-то экзотические данные: она некоторое время изучала показатели на дисплеях, ощущая легкое недоумение. Но в целом... примерно так оно и бывает после того, как Лю вытащит наружу половину внутренностей корабля.

— Мне действительно очень, очень жаль.

Она оглянулась. Ксавьер стоял у нее за спиной с запредельно виноватым видом. Позади Антуанетта увидела двоих. Этих людей она никогда в жизни не встречала. Тот, что повыше, тощий и лысый, жестом пригласил ее проследовать в кают-компанию, в направлении кормы и главного мостика.

— Пожалуйста, сделайте, что я вам скажу, Антуанетта, — произнес лысый. — Это не займет много времени.

— Думаю, тебе лучше подчиниться, — добавил Ксавьер. — Прости, но они сказали, что начнут ломать корабль, если я тебя не позову.

Антуанетта кивнула и направилась в коридор.

— Ты правильно сделал, Ксав. Не вини себя. Так что это за клоуны? Они представились?

— Высокий — мистер Клок. С ним гиперсвин, мистер Пинк.

Визитеры по очереди кивнули.

— И откуда они свалились?

— Не сказали. Их интересует Клавейн. Думаю, или «пауки», или работают на них.

— В самом деле? — осведомилась Антуанетта.

— Я бы так не сказал, — ответил Ремонтуа. — То же самое касается моего друга.

Мистер Пинк помотал головой, точно горгулья.

— Я бы позволил нас проверить, если бы не столь серьезные обстоятельства, — продолжал Ремонтуа. — Уверяю, у нас нет никаких имплантантов Объединившихся.

— Это не значит, что вы не можете быть их осведомителями, — возразила Антуанетта. — Итак, что я должна сделать, чтобы вы убрались с корабля ко всем чертям?

— Как правильно заметил мистер Лю, нас интересует Невил Клавейн. Присядьте, пожалуйста... — в голосе мистера Клока появился металл. — Будем цивилизованными людьми.

Антуанетта разобрала откидной стул и села.

— Никогда не слышала ни о каком Клавейне, — сказала она.

— Но ваш партнер слышал.

— О да. Замечательный парень, Ксав.

Антуанетта испепелила любовника взглядом. Черт подери, он что, не мог дурачком прикинуться?

— Нехорошо, Антуанетта, — назидательно проговорил Клок. — Нам известно, что вы доставили его сюда. Мы ни в коем случае не обвиняем вас за такой поступок... в конце концов, это было проявление гуманности.

Антуанетта скрестила руки на груди.

— И что дальше?

— Все, что вам нужно — это рассказать, что случилось потом. Куда пошел Клавейн после того, как оказался на Карусели Нью-Копенгагена.

— Понятия не имею.

— Вы хотите сказать, что он растворился в воздухе? И даже не сказал «спасибо»? Не дал понять, что собирается делать?

— Сказал. Что чем меньше я буду знать, тем лучше для меня.

Некоторое время мистер Клок задумчиво смотрел на мистера Пинка. Скорее всего, он обдумывал ситуацию. Клавейн действительно хотел, чтобы она знала как можно меньше. Всю информацию Антуанетта вытянула из него ценой безумных усилий. Но этому лысому типу незачем знать такие подробности.

— Конечно, — добавила она, — я его расспрашивала. Мне самой было интересно, чем он собирается заниматься. Я поняла, что ваш Клавейн тоже из «пауков». Но он не стал ничего мне объяснять. Сказал, что мне же будет лучше. И сейчас я вижу, что он прав. И вы не можете заставить меня что-то рассказать — просто потому, что рассказывать нечего.

— Тогда поподробнее расскажите, что здесь происходило, — смягчился Клок. — Это все, что от вас требуется. Мы сами попробуем догадаться, что задумал Клавейн, а потом уйдем. И вы никогда больше о нас не услышите.

— Я уже говорила: он просто ушел. Ни слова о том, куда собирается, ничего. «Спасибо», «до свидания». Вот и все, что он сказал.

— У него не было документов или денег, — как будто про себя произнес Клок. — Так что он не мог уйти далеко без вашей помощи. Если Клавейн не просил денег, значит, он до сих пор на Карусели Нью-Копенгагена, — он навис над Антуанеттой — худой, мертвенно-бледный: — Итак, скажите, Клавейн просил вас о чем-нибудь?

— Нет, — ответила она после небольшой паузы.

— Врет, — сказал свин.

Клок уверенно кивнул.

— Думаю, вы правы, мистер Пинк. Я надеялся, что до этого не дойдет, но у нас не остается выбора. Как говорится, суровая необходимость. Ваш прибор, мистер Пинк?

— Прибор, мистер Клок? Вы имеете в виду...

У ног человека-свиньи стояла вытянутая прямоугольная коробочка, черная, как сгусток темноты. Подтолкнув ее вперед, Мистер Пинк нагнулся и дотронулся до какого-то потайного замка. На глазах ящичек начал разворачиваться, открываясь и являя множество отделений — куда больше, чем это казалось возможным, судя по размерам. В каждом, в углублении соответствующей формы, лежала отполированная серебристая деталь какого-то механизма, укутанная в мягкую пену. Наконец Мистер Пинк извлек одну из них и принялся внимательно разглядывать. Затем следующую. Затем соединил их вместе. Руки человека-свиньи выглядели грубыми и неловкими, но он действовал с величайшей осторожностью. Казалось, он не замечает ничего вокруг, полностью сосредоточившись на процессе сборки.

— Еще секунда, и все будет готово, — объявил мистер Клок. — Это переносное устройство сканирования мозга и сознания, в просторечье именуемое «тралом». Должен добавить, что оно изготовлено «пауками». Что вы знаете о тралах?

— Идите в задницу.

— Отлично, в любом случае я вам расскажу. Это устройство абсолютно безвредно, не так ли, мистер Пинк?

— Абсолютно безвредно, мистер Клок.

— По крайней мере, нет причин, по которым это устройство должно быть опасным. Но мы имеем дело с переносным тралом. А это совсем другое дело, верно? Эти модели не так надежны, как стационарные. Поэтому есть большая вероятность того, что субъекту будут нанесены неврологические повреждения. Вплоть до летального исхода — не так ли, мистер Пинк?

Человек-свинья на миг прервал свое занятие и покосился на партнера.

— Приходилось слышать, мистер Клок. Приходилось слышать.

— Ничего, я уверен, что слухи об опасных для здоровья последствиях преувеличены. Тем не менее, пользоваться переносным тралом не рекомендуется, когда есть альтернатива...

Клок снова посмотрел на Антуанетту. Во взгляде его глубоко посаженных глаз, да и во всей внешности, было что-то такое, что заставило девушку отвернуться.

— Вы вполне уверены, что Клавейн не говорил, куда направлялся?

— Я уже говорила: нет!

— Продолжайте, мистер Пинк.

— Подождите, — произнес Ксавьер.

Все, как по команде, посмотрели на него — даже свин поднял голову. Казалось, сейчас Лю скажет говорить что-то еще. А затем, без всякого предупреждения, корабль завибрировал, накренился и начал высвобождаться из стыковочных захватов. Его химические двигатели работали, выбрасывая пульсирующие струи газа. Стоял невообразимый грохот, словно началась канонада.

За спиной у Антуанетты захлопнулся люк. Почти автоматически она ухватилась за стойки и пристегнулась.

Что-то происходило. Что именно — она пока не представляла, но это было нечто странное. Ближайший иллюминатор заволкли клубы оранжевого дыма, которые наполнили док. Потом послышался скрежет рвущегося металла. Корабль качнулся еще сильнее.

— Ксав! — крикнула Антуанетта.

Но Лю уже сидел в кресле.

Они падали.

Антуанетта видела, как Клок и человек-свинья ползают в поисках опоры. Потом они откинули сиденья, уселись и пристегнули ремни.

Похоже, ни тот, ни другой не имели ни малейшего представления о происходящем. Тем не менее, они сообразили, что надо закрепиться как можно скорее, а значит, ожидали жестких маневров.

Потом корабль во что-то врезался. Столкновение отозвалось болью в позвоночнике. Шлюз ремонтного дока, поняла Антуанетта. Ксавьер всегда герметизировал помещение, чтобы его обезьяньей команде можно было работать без скафандров. И «Штормовая птица» билась в ворота.

Направление движения изменилось. Антуанетта почувствовала легкость в животе.

Затем судно упало.

На этот раз удар был помягче. Оранжевый дым в иллюминаторе исчез. Ремонтная зона мгновенно превратилась в безвоздушное пространство. Стены скользили мимо — корабль выходил в космос.

— Прикажи ему остановиться, — сказал Клок.

— Он мне не подчиняется, дружище, — улыбнулся Ксавьер.

— Это ловушка, — спокойно произнес «паук». — Вы с самого начала хотели заманить нас на корабль.

— Ну, так подайте на меня в суд.

— Ксавьер... — Антуанетта не пришлось кричать: на борту «Штормовой Птицы» воцарилась мертвая тишина. Корабль проходил через дыру в воротах дока. — Ксав... пожалуйста, объясни, что происходит.

— Я просто установил одну полезную программу. Подозревал, что в один прекрасный день это может пригодиться... мало ли, возникнет подобная ситуация.

— Подобная ситуация?

— Думаю, ты оценишь мои усилия, — сказал он.

— Поэтому и обезьян в доке не было?

— Эй! — Ксавьер изобразил возмущение. — Доверяй, но проверяй, так получается?

Тяготение исчезло. «Штормовая Птица» отходила от Карусели Нью-Копенгагена, окруженная небольшим созвездием осколков. Словно зачарованная, Антуанетта разглядывала пострадавший док. «Птица» пробилась в воротах дыру, повторяющую ее очертания.

— Мать твою... Ксав... Ты хоть понимаешь, во что это нам обойдется?

— Значит, побудем за красной чертой немного дольше. Я пришел к выводу, что это вполне приемлемый компромисс.

— Ваши выходы не помогут, — произнес Клок. — Мы все еще здесь, и вы ничего не сможете сделать с нами, не навредив себе. Так что забудьте о разгерметизации или максимальном ускорении. Это на нас не действует.

Проблема, с которой вы столкнулись пять минут назад, не исчезла.

— Разница только в том, — добавил мистер Пинк, — что от нашего расположения ничего не осталось.

— Вы только что собирались копаться у нее в мозгах, чтобы добыть воспоминания, — парировал Ксавьер. — Если это, по-вашему, проявление симпатии, то можете засунуть его туда, где солнце не светит.

Наполовину собранный прибор мистера Пинка — вполне узнаваемый, трал — плыл по кабине. Свин выпустил его, когда закреплялся.

— Так или иначе, вы бы ничего не добились, — сказала Антуанетта, — все равно я не знаю, что собирался делать Клавейн. Возможно, я просто не слишком доходчиво объясняю.

— Поймайте трал, мистер Пинк, — приказал Ремонту. Человек-свинья сидел как статуя, глядя на него.

— *Пожалуйста*, мистер Пинк, — повторил он, подчеркнув первое слово.

— *Да*, мистер Клок, — в тон ему ответил Скорпио.

Гиперсвин немного повозился со своими ремнями и уже почти освободился, когда корабль резким толчком рванулся вперед. Трал, который оказался единственным незакрепленным предметом, врезался в твердую переборку и разлетелся на сотни блестящих кусочков.

Интересно, как Ксавьер умудрился запрограммировать *такое* ?

— Разумно, — прокомментировал Клок. — Но недостаточно разумно. Теперь нам придется получить у вас информацию другими способами, не так ли?

Теперь грузовоз снова двигался с постоянной скоростью. Однако на борту по-прежнему царил тишина, и это настораживало. Химические реактивные двигатели — на редкость шумное устройство. Их грохот отдается во всех несущих конструкциях, даже если корабль идет в вакууме. Ионный двигатель работает беззвучно, но на нем так не разгонишься. Оставался только термоядерный реактор с токамаком — абсолютно бесшумный, левитирующий в магнитном поле...

Значит, это термоядерный двигатель.

Мать твою в черную дыру...

Использование термоядерных двигателей в пределах Ржавого Обода каралось смертной казнью. Даже за применение ядерных реактивных двигателей рядом с Каруселью можно было жестоко схлопотать — как минимум, такой корабль больше никогда не выйдет в космос. Термоядерный двигатель сам по себе смертельно опасен. Достаточно ошибиться, направляя выхлоп — и от карусели за несколько секунд

останется пустое место.

— Ксавьер... если с этим что-то можно сделать, немедленно переходи на химические.

— Извини, Антуанетта. По моим расчетам, это оптимальный вариант.

— По твоим расчетам?!

— Да, и я возьму на себя ответственность, если будет нужно. Слушай, у нас на борту заложники. Это меняет дело. Нам нужно, чтобы полиция немедленно нанесла нам визит. Так что я вывешиваю флаг.

— В теории звучит великолепно. Но...

— Никаких «но». Это подействует. К тому же, они увидят, что выхлоп направлен в сторону от анклавов. На самом деле, я даже заставил двигатель модулировать «SOS», но ты этого не слышишь — слишком высокие частоты.

— А копы, думаешь, услышат?

— Не думаю. А вот в том, что они смогут подтвердить сигнал потом, я не сомневаюсь, и это очень важно. Это значит, что мы пытались просить помощи.

— Я восхищен вашим оптимизмом, — произнес Клок. — Но до суда дело не дойдет. Вас просто распылят за нарушение протокола. И не спросят объяснений.

— Он прав, — сказал мистер Пинк. — Хотите жить — разворачивайте корабль и возвращайтесь к Карусели.

— Обратно? Должно быть, вы пошутили.

— Или разворачивайтесь, или умрете, мистер Лю.

Ксавьер расстегнул ремни.

— Вы тоже. Так что оставайтесь лучше на местах. Для вашего же блага.

— А я? — подала голос Антуанетта.

— Побудь здесь... так безопасней. Я на минутку.

У нее не было выбора. Оставалось только доверять Ксаву, который знал все тонкости программы, загруженной в Тваря. Возможно, если ей вздумается погулять по палубе, при следующем неожиданном маневре она может удариться о переборку и что-нибудь себе сломать. Позже они поговорят... но какого черта он установил этот набор ловушек, не сказав ей ни слова? Однако на данный момент приходилось признать: Ксавьер добился преимущества. Даже если результатом его стараний будут всего несколько минут передышки.

Ксавьер исчез в направлении мостика.

Антуанетта посмотрела на мистера Клока.

— Клавейн понравился мне куда больше, чем вы, — объявила она.

Лю прошел на мостик «Штормовой Птицы», убедился, что дверь за ним надежно закрылась, и сел в кресло пилота. Дисплеи на панели управления все еще были настроены на диагностику — глядя на них, трудно было поверить, что корабль движется. Первые тридцать секунд ушли на то, чтобы получить данные о ходе полета, после чего на мостике восстановилась рабочая обстановка. Синтетический голос немедленно начал давать советы — заглушить термоядерный двигатель, так как, согласно показаниям минимум восьми маяков-передатчиков, он все еще находится в пределах Ржавого Обода и поэтому обязан не использовать ничего более высокоэнергетического, чем химические ракетные двигатели...

— Тварь? — прошептал Ксавьер. — Лучше сделай это. Они нас увидят сейчас, я вполне уверен.

Тварь не ответил.

— Это безопасно, — также шепотом продолжил Лю. — Антуанетта осталась внизу с двумя этими уродами. И в ближайшее время никуда не собирается.

Корабль отозвался — намного тише и мягче, чем при общении с Антуанеттой.

— Надеюсь, мы поступаем правильно, Ксавьер.

Судно завибрировало. Термоядерный двигатель плавно остановился, зато заработали ядерные реактивные двигатели. Можно не сомневаться: «Штормовая птица» все еще находится в пятидесятикилометровой зоне Карусели Нью-Копенгагена. Следовательно, использование ядерного синтеза является нарушением списка постановлений длиной в полпарсека. По мнению Ксавьера, это был удачный способ привлечь внимание.

— Я тоже надеюсь. Думаю, скоро выясним.

— Мне кажется, я могу разгерметизироваться. Ты сможешь одеть Антуанетту в скафандр, но так, чтобы те двое не помешали?

— Это будет нелегко. Я уже за нее беспокоюсь. Она осталась с ними внизу... Понятия не имею, сколько они собираются сидеть на попе ровно. Если удастся поместить их в одну каюту, а ее в другую...

— Да. Должно быть, я смогу выборочно разгерметизировать отсеки. Я никогда не пытался делать такое раньше и не знаю, получится или нет. Это непростая процедура

— Возможно, до этого не дойдет, если полиция прилетит раньше.

— Что бы ни случилось, будут проблемы.

Ксавьер угадал смысл по тону голоса Тваря.

— Ты об Антуанетте?

— Она захочет задать тебе вопросы, на которые трудно ответить.

Лю мрачно кивнул. Это последнее, о чем ему стоило напоминать сейчас, но спорить не имело смысла.

— У Клавейна были сомнения на твой счет. Но он не стал спрашивать Антуанетту, что тогда произошло. Разумное решение.

— Рано или поздно она должна узнать. Джим не хотел держать это в секрете до конца ее жизни.

— Только не сегодня, — сказал Ксавьер. — Не здесь и не сейчас. У нас и без того достаточно проблем.

И тут краем глаза он заметил, как на приборной панели что-то изменилось.

На трехмерном экране радара появились три значка, которые ползли со стороны Карусели. Они двигались быстро и, судя по траектории, намеревались взять «Штормовую Птицу» в клещи.

— Ты хотел ответной реакции, Ксавьер, — сказал Тварь. — Отлично. Похоже, ты ее добился.

В последнее время куттеры Конвента не уходили далеко от Карусели Нью-Копенгагена. Если они не следили за Антуанеттой — а полиция обычно устанавливала слежку за теми, кто вызывал у нее интерес — значит, план сработал. Скорее всего, власти поняли, что на борту грузовоза происходит что-то ненормальное, едва «Штормовая Птица» покинула ремонтный док. И еще Лю надеялся, что среди них нет того самого офицера, который проявлял в отношении Антуанетты такое нездоровое любопытство.

— Думаешь, они прикончат нас без предупреждения, не спросив, почему мы шли на термоядерных?

— Не знаю, Ксавьер. В свое время выбор у меня был невелик.

— Нет... ты все сделал прекрасно. Я бы поступил так же. Думаю, и Антуанетта тоже, а Джим Бакс — наверняка.

— Куттеры подойдут на расстояние стыковки в течение трех минут.

— Облегчи им задачу. А взгляну, как поживают наши гости.

— Удачи, Ксавьер.

Лю вернулся в кают-компанию. К его величайшему облегчению, мистер Клок и человек-свинья по-прежнему сидели на своих креслах. Облегчение было не только психологическим: Тварь сбрасывал скорость, и притяжение становилось меньше.

— Ну что? — спросила девушка.

— Все отлично, — с чуть преувеличенной уверенностью сказал Лю. — Полиция прибудет через минуту.

Он сел в кресло, когда тело окончательно потеряло вес. Через несколько секунд раздались удары о корпус — полиция выстреливала швартовые устройства. Пока что все нормально, подумал Ксавьер: раз пристыковались, значит, уже не расстреляют их без предупреждения. Он надет подходящее объяснение. Даже если ублюдки все-таки решат, что кто-то должен умереть, он сумеет оградить Антуанетту от неприятностей.

По кают-компанин пролетел ветерок, и у Ксавьера заложило уши. Давление падало — значит, где-то произошла разгерметизация. Но прежде, чем Ксавьер успел забеспокоиться, воздух снова стал неподвижным. Издали донесся слышался стук и пронзительный визг разрываемого металла.

— Что там творится? — спросил мистер Пинк.

— Похоже, полиция проходит через шлюз, — отозвался Ксавьер. — Отсюда небольшой перепад давления. Могли пройти как нормальные люди, но, по-моему, решили не задерживаться в тамбуре.

Он смолк, и теперь можно было услышать звук приближающегося механизма.

— Эти сволочи послали представителя, — проговорила Антуанетта. — Ненавижу.

Менее чем через минуту представитель явился собственной персоной. Антуанетту передернуло. Машина, похожая на оригами из черного металла, ввалилась в кают-компанию. Робот водил в воздухе острыми конечностями, вычерчивая смертельно опасные дуги. Ксавьер вздрогнул, когда острие с чуть слышным свистом прошло в дюйме от его глаза. Даже мистер Пинк выглядел так, словно хотел мгновенно переместиться в какую-нибудь другую точку пространства.

— По-моему, вы поступили очень глупо, — сказал он.

— Мы не собирались причинять вам вред, — добавил Клок. — Нам нужна была только информация. Сейчас у вас будет гораздо больше проблем.

— Вы пришли с тралом, — возразил Ксавьер.

— Это был не трал, — возразил мистер Пинк. — Это было приспособление для снятия эйдетических образов. Оно безвредно.

— Зарегистрированный владелец этого судна Антуанетта Бакс, — механический полицейский приблизился к ней и встал достаточно близко, чтобы она могла слышать исходящее из него низкое жужжание и почувствовать еле уловимый запах озона. — Вы нарушили распоряжение

Феррисвильского Конвента, касающееся использования термоядерных силовых установок в пределах Ржавого Обода, ранее известного как Блестящий Пояс. Это третья категория гражданских преступлений, которая карается необратимой смертью нервной системы. Прошу предоставить возможность проведения генетической идентификации.

— Что? — переспросила Антуанетта.

— Откройте рот, мисс Бакс. Не двигайтесь.

— Это ты, да?

— Я, мисс Бакс? — робот выдвинул пару манипуляторов с резиновыми наконечниками и обхватил ее голову.

Она почувствовала боль. Боль усиливалась, словно голову все сильнее зажимали в тиски. Из-под какой-то крышки появился еще один манипулятор. На кончике поблескивало маленькое лезвие в форме косы.

— Откройте рот.

— Нет, — на глаза девушки навернулись слезы.

— Откройте рот.

Маленькое злое лезвие, которого было вполне достаточно, чтобы отрезать палец, зависло в дюйме от ее носа. Голову сдавливало все сильнее. Жужжание машины стало более громким и низким, переходя в оргазмическую дрожь.

— Откройте рот. Это последнее предупреждение.

Застонав от боли, Антуанетта подчинилась. Робот добился своего. Манипулятор быстро и незаметно скользнул к ее языку. На миг она почувствовала холод во рту и мимолетное прикосновение металла.

Машина вытащила лезвие. Коленчатые сочленения изогнулись, и лезвие исчезло в отверстии многосоставного центрального шасси. Внутри что-то заурчало и защелкало. Вне сомнений, экспресс-сенсор сверял ее ДНК с записями Конвента: Антуанетта слышала завывание центрифуги. Представитель полиции все еще держал голову девушки мертвой хваткой.

— Отпустите ее, — сказал Ксавьер. — Вы получили то, что хотели. А сейчас отпустите.

Робот освободил Антуанетту. Она дышала с трудом, вытирая слезы. Представитель полиции повернулся в сторону Ксавьера.

— Препятствие действию представителей власти или уполномоченных властями механизмов, согласно распоряжению Феррисвильского Конвента, категория один...

Робот не потрудился закончить фразу и небрежно провел манипулятором по груди Лю. Сверкающий электрод едва коснулся его одежды. Ксавьер коротко кашлянул и забился в конвульсиях, а потом

застыл неподвижно, с открытыми глазами и разинутым ртом.

— Ксав... — задыхаясь, произнесла девушка.

— Эта жестянка его убила, — сказал Клок и начал расстегивать ремни безопасности. — Нам надо что-то делать.

— Вам-то какое дело, мать вашу? — огрызнулась Антуанетта. — Между прочим, эта ржавая дрянь здесь из-за вас!

— Возможно, вы не поверите, но мне есть до этого дело, — он поднялся из кресла, ухватившись за ближайшую точку опоры.

Машина мгновенно повернулась к нему. Клок выглядел непроницаемо спокойным. Он был единственным, кто не вздрогнул при появлении представителя полиции.

— Пропустите меня. Я хочу его осмотреть.

Механическая тварь надвигалась на Ремонтуа. Возможно, она ожидала, что Объединившийся отойдет или сожмется — нормальная защитная реакция. Но Клок был неподвижен, как статуя. Он даже не моргал. Представитель полиции остановился, яростно жужжа и щелкая — очевидно, не мог решить, что с ним делать.

— Возвращайтесь на свое место, — приказала машина.

— Дайте мне пройти, или вам придется совершить убийство. Мне известно, что роботом управляет человеческий мозг. Следовательно, понятие наказания применимо к вам так же, как и ко мне.

Механический полицейский снова поднял парализатор.

— От этого вам толку не будет, — констатировал Клок.

Манипулятор ткнулся в него чуть ниже ключицы. Электрический разряд извивался между двумя отростками, как угорь, вгрызаясь в одежду. Но мистер Клок остался неподвижным. На его лице не появилось даже намека на боль.

— Эта штука на меня не подействует, — спокойно сказал он. — Я Объединившийся. Моя нервная система функционирует не совсем так, как у людей.

Манипулятор начал прожигать кожу. Антуанетта узнала омерзительный смрад, хотя ей никогда не приходилось чувствовать его раньше — запах горячей плоти.

Клок вздрогнул, его лицо стала еще бледней, чем раньше.

— Не сработает... — в голосе Объединившегося появилось напряжение.

Машина убрала парализатор. Антуанетта заметила выжженную ямку глубиной в полдюйма. Клок все еще пытался что-то произнести, когда представитель полиции ударил его.

Ударил, словно походя, коротким тупым дулом пистолета Гэтлинга. [43] Раздался треск, словно расколосась кость. Клок отлетел к переборке и больше не двигался. Он казался мертвым... хотя, по правде говоря, ни одной минуты до сих пор не выглядел вполне живым существом. Вонь горелой плоти все еще наполняла кают-компанию. Антуанетта поняла, что никогда такое не забудет.

Она снова посмотрела на Ксавьера. Клок собирался чем-то ему помочь. Должно быть, смерть наступила уже полминуты назад. Но, в отличие от «паука», в голове у Лю нет кучи фантастических имплантантов, чтобы остановить необратимое разрушение мозга, который следует за остановкой кровообращения. У него не больше минуты...

— Мистер Пинк... — взмолилась Антуанетта.

— Извините, это не мои проблемы, — отозвался человек-свинья. — Я в любом случае труп.

Голова болела до сих пор. Можно не сомневаться, останутся синяки. Чертов робот чуть не раздавил ей череп. Отлично, все они трупы. Мистер Пинк прав. Тогда какая разница, если ей еще пару раз сделают больно? Она не оставит Ксавьера в таком состоянии.

Антуанетта покинула кресло.

— Стойте, — сказал полицейский. — Вы производите вмешательство на месте преступления. Вмешательство на месте преступления, категория...

Она продолжала двигаться, отталкиваясь от поручней, пока не добралась до Ксавьера. Лю был мертв уже минуту. Он не дышал. Антуанетта взяла его за кисть, пытаясь нащупать пульс. Она отчаянно пыталась вспомнить, как это правильно делается. Или попробовать на шее?..

Представитель отстранил ее с небрежной легкостью, словно охапку сена. Антуанетта возобновила движение. Никогда в жизни она не была так зла и в то же время испугана. Ксавьер умирал. На самом деле, он уже умер. Скорее всего, она скоро последует за ним. Мать твою в черную дыру! Все, что ее беспокоило полчаса назад — предстоящее банкротство.

— Тварь! — крикнула Антуанетта. — Тварь, если ты можешь сделать что-нибудь... еще не поздно...

— Простите, Маленькая Мисс, но невозможно сделать что-либо, что не причинит неудобства вам больше, чем уполномоченному... — он сделал паузу и добавил. — Я сожалею, действительно очень сожалею.

Девушка посмотрела на стены. Это был миг запредельного спокойствия, словно затишье перед бурей. Тварь никогда так не говорил.

Как будто субличность спонтанно переключилась на программу другой сущности. До сих пор он ни разу не говорил о себе»я»...

— Тварь... — спокойно произнесла она. — Тварь?..

Но робот уже надвигался на нее. Его конечности, твердые как алмаз, и острые как сабли, ножницами резали воздух. Антуанетта кричала и молотила его кулаками, но машина упорно отталкивала ее от Ксавьера. От его острых конечностей было не увернуться. Кровь брызгала из порезов, на мгновение повисая в воздухе рубиновыми бисерными арками. Антуанетта почувствовала дурноту и слабость, сознание начинало уплывать.

И тут человек-свинья встал.

Через секунду мистер Пинк уже оседлал полицейского. Несмотря на небольшой рост, силы в нем оказалось предостаточно. Гиперсвин вцепился в манипуляторы, и сервоприводы робота зажужжали громче. Хлыстики и завитки крови повисали вокруг, смешиваясь с кровью Антуанетты. Бусинки дробились снова и снова, воздух наполнялся алым туманом. Девушка видела, как робот безжалостно наносит удары мистеру Пинку. Кровь хлестала, образуя над ними рваный алый занавес, похожий на утреннюю зарю. Свин рычал от боли, но продолжал сражаться. Конечность с парализатором выгнулась дугой, в розовом тумане, трещина, вспыхнула голубая ломаная линия. Дуло пистолета Гэтлинга начало вращаться быстрее, словно робот собрался раздробить переборки.

Антуанетта ползла по перилам, пока снова не добралась до Ксавьера. Изрезанные ладони кровоточили. Она коснулась его лба. Несколько минут назад она могла спасти Лю, но сейчас все бесполезно. Мистер Пинк держался храбро, но проигрывал. Скоро чертова железка одолеет его снова оттащит ее от Ксавьера, а потом, возможно, убьет.

Вот и все. Ей следовало просто слушаться советов отца. Папа всегда говорил: «не связывайся с “пауками”». Ему было неизвестно, при каких обстоятельствах она могла с ними связаться. Но время показало, что папа был прав.

Извини, папа. Ты прав, а мне казалось, что я знаю лучше. Обещаю, в следующий раз буду хорошей девочкой...

Представитель полиции замер. Жужжание стихло. Пистолет Гэтлинга сделал несколько медленных оборотов и остановился. Парализатор коротко загудел, заискрился и умер. Центрифуги тоже не было слышно. Робот стал неподвижен — отвратительный, черный, перепачканный кровью механический монстр. Он дрейфовал по кают-компани и время от времени ударялся о переборки.

Антуанетта нашла в себе силы заговорить:

— Мистер Пинк... что вы сделали?

— Я ничего не делал, — отозвался свин и кивнул на Ксавьера. — На вашем месте, я бы занялся им.

— Пожалуйста, помогите мне. У меня не хватит сил справиться самой.

— Ничего, справитесь.

Она видела, что мистер Пинк серьезно ранен. Он терял кровь, но казалось, что раны и порезы не причиняют ему особого неудобства. Похоже, все кости остались целы.

— Умоляю вас. Помогите мне сделать массаж сердца.

— Я уже сказал, что никогда не помогаю людям, Антуанетта.

Так или иначе, она попыталась сделать несколько толчков. Однако каждое движение высасывало из нее все больше сил, которых и так оставалось не слишком много.

— Пожалуйста, мистер Пинк...

— Извините, Антуанетта. Ничего личного, но...

Девушка остановилась. Она чувствовала, что переполняется злостью.

— Что?

— К сожалению, я не люблю людей как вид.

— Отлично, мистер Пинк. В таком случае, говорю вам как представитель вида... В гробу я видала и вас, и ваши принципы!

Она снова склонилась над Ксавьером и сосредоточилась. Ей предстояла последняя попытка.

Глава 23

Клавейн и Хи поднимались на лифте из подвалов Шато де Карбо. По дороге Клавейн размышлял над тем, что услышал и увидел. При иных обстоятельствах история Сухой и Мерсье только усилила бы его недоверие. Но несомненная искренность Хи и пугающая атмосфера опустевшей лаборатории комнаты сделали свое дело. Клавейн не мог выбросить историю из головы. Конечно, удобнее было бы решить, что хозяин «Замка Воронья» просто хотел, чтобы у гостя — или пленника? — разыгралось воображение. По этой причине Клавейн предусмотрительно выбрал для объяснения наименее вероятную версию — точно так же, как сделал сам Хи, расследуя историю Сухой.

Как подсказывал опыт, самое невероятное в итоге оказывается самым близким к истине. Видимо, так устроен мир.

Подъем проходил в полном молчании. Клавейн был по-прежнему уверен, что должен бежать при первой же возможности и сделать еще одну попытку встретиться с бывшими противниками. Но так же верно было и другое. За последние несколько часов Клавейн узнал о многом и вынужден был признать, что опасно далек от полного понимания ситуации.

Скейд действовала не в собственных интересах и даже не в интересах некой безликой группировки Объединившихся. Похоже, она работала на Мадемуазель, которая вознамерилась подчинить своему влиянию Материнское Гнездо. То, что представляла собой сама Мадемуазель, вообще выходило за рамки понимания. Эта женщина — как и Хи — живо интересовалась «личинками» и их технологиями. Достаточно того, что она доставила существо в Замок и научилась с ним общаться. Да, она мертва. Но, возможно, Скейд оказалась столь преданным агентом, что теперь Мадемуазель и Скейд фактически слились в единое целое.

Можно строить любые предположения. Ясно одно: истоки этой ситуации лежат гораздо глубже в прошлом, чем Клавейн мог представить.

Но, по большому счету, это ничего не меняет. Первостепенной задачей по-прежнему остается возвращение орудий класса «ад». К чему бы не стремилась Скейд, больше всего она желала завладеть этим оружием.

Значит, ему, Невилу Клавейну, надо добраться до орудий первым.

Кабина лифта остановилась. Хи открыл решетчатую дверь, и они снова зашагали по мраморным коридорам, пока не оказались в абсурдно огромной комнате, какие бывают в фешенебельных отелях. Низкий потолок

украшала вычурная гипсовая лепнина. Мебель была расставлена с продуманной небрежностью, напоминая скульптурную композицию: антрацитовый клин рояля с золоченой надписью фирмы, высокие напольные часы, несколько высоких черных резных стоек, на которых красовались алебастровые бюсты, пара диванов с ножками в виде львиных лап, обитые темно-алым бархатом, и три позолоченных кресла размером с троны.

Два кресла были уже заняты. В одном расположился человек-свинья, одетый в точности, как Хи — простой черный халат и брюки. Клавейн фыркнул. Сомнения еще оставались, но вообще-то гиперсвин до боли напоминал Скорпио — пленника с корабля Демархистов. Последний раз Клавейн видел его в Материнском Гнезде. В другом расположился Ксавьер, молодой механик, который помог Клавейну добраться до Карусели Нью-Копенгагена. Забавное совпадение... Оба оказались здесь не случайно. Но попытки сконструировать какой-либо подходящий сценарий не дали ничего, кроме головной боли.

— Вас представить? — осведомился Хи. — Вряд ли это нужно, но ради приличия... Мистер Клавейн, позвольте вам представить: Скорпио; Ксавьер Лю... — он кивнул Ксавьеру: — Как вы себя чувствуете?

— Все в порядке, — ответил молодой человек.

— Мистер Лю пережил остановку сердца. Ему нанесли удар парализующим оружием на борту «Штормовой Птицы», корабля Антуанетты Бакс. Разряда хватило бы на то, чтобы свалить гамадриаду, а не человека.

— Парализатором? — переспросил Клавейн — скорее из вежливости.

— Представитель полиции Феррисвильского Конвента. Не беспокойтесь, этот индивид больше ничего подобного не сделает. Если вообще сможет что-то сделать.

— Вы его убили? — спросил Лю.

— Я бы так не сказал, — Хи повернулся к Клавейну: — Ксавьеру повезло, что он остался в живых, но все будет в порядке.

— А Антуанетта?

— С ней тоже все хорошо. Несколько порезов и ушибов, ничего опасного для жизни. Скоро она поправится.

Клавейн сел в свободное желтое кресло, напротив Скорпио.

— Я еще могу понять, откуда здесь Лю и Антуанетта. Но ты...

— Долгая история, — сказал Скорпио.

— Я никуда не спешу. Почему бы не рассказать все с начала и до конца? Если не ошибаюсь, ты находился под стражей.

— Ситуация немного осложнилась, мистер Клавейн, — вмешался Хи. — Я понял, что Объединившиеся привезли Скорпио во внутреннюю систему, чтобы передать его властям.

Ксавьер уставился на человека-свинью, вытаращив глаза.

— Так ты Скорпио?! Я думал, Хи в шутку тебя так называл. Получается, нет? Надо же, блин... Тот самый Скорпио!.. Сколько же за тобой гонялись... НУ НЕ ФИГА СЕБЕ!

— У тебя громкая репутация, Скорпио, — заметил Хи.

— Мать твою... — Лю снова откинулся на спинку кресла; он все еще не оправился от потрясения. — Каким чертом тебя занесло на Нью-Копенгаген?

Он был явно не в восторге от того, что оказался в одном здании с упомянутым Скорпио, и тем более в одной комнате.

— Я пришел за ним, — ответил Скорпио, указав на Клавейна коротким кивком.

На этот раз глаза полезли на лоб у Клавейна.

— За мной?

— «Пауки» предложили мне сделку. Сказали, что отпустят и не будут выворачивать наизнанку, если я помогу им тебя поймать, поскольку от них ты улизнул. Я и не подумал отказываться. Зачем?

Хи снова вступил в разговор.

— Скорпио получил надежные документы — этого было достаточно, чтобы его не арестовали при первой же проверке. Думаю, они действительно собирались его освободить, когда он все сделает.

— Но я еще не...

— Скорпио и его напарник-Конджойнер шли по вашему следу, мистер Клавейн. Разумеется, он привел их к мисс Бакс. Таким образом, Ксавьер тоже получил свою порцию неприятностей. В результате схватки больше всего пострадала Карусель. Полиция Конвента уже давно приглядывалась к Антуанетте, так что до ее корабля добрались достаточно быстро. Однако никто не получил ранений, пока представитель полиции не проник на «Штормовую Птицу».

Клавейн нахмурился.

— Но это не объясняет, как они... нет, постойте. Вы их прикрывали, верно?

Хи кивнул, и на его лице, как показалось Клавейну, мелькнуло выражение гордости.

— Я ожидал, что Конджойнеры пошлют кого-то по вашему следу. Мне стало интересно, и я доставил сюда Скорпио, мистера Лю и Антуанетту,

чтобы выяснить, какова их роль в этом любопытном деле. Мои корабли находились в окрестностях Нью-Копенгагена и ждали, пока произойдет какой-нибудь неприятный случай — особенно неприятный для Антуанетты Бакс. Единственное, о чем я жалею — что мы не вмешались раньше. Было бы меньше крови.

Услышав звук, похожий на приближающееся тиканье метронома, Клавейн обернулся. В комнату вошла женщина. Высокие каблуки ее туфелек напоминали стилеты, длинный смоляно-черный плащ развевался, словно вокруг нее бушевала буря. Клавейн узнал женщину.

— А, Зебра, — улыбаясь, произнес Хи.

Женщина подошла и обняла его. Они поцеловались, скорее как любовники, чем как друзья.

— Уверена, что тебе не нужно немного отдохнуть? Столько работы за один день...

— Я свежа и полна сил. И Болтливые Близнецы тоже.

— Ты... хм-м... смогла договориться относительно служащего Конвента?

— Да, мы с ним побеседовали. Хочешь его увидеть?

— Представляю, как наши гости повеселятся. Почему бы и нет? — Хи пожал плечами, словно речь шла о послеобеденном чаепитии.

— Тогда я пошла за ним, — сказала Зебра.

Она развернулась, и звонкий стук ее каблуков замер в отдалении.

Шаги, которые раздались в коридоре через секунду, звучали иначе. Пара ног... Две пары ног, поправил себя Клавейн, которые ступали почти синхронно. Два безротых здоровяка, похожих друг на друга как две капли воды, вкатили в комнату кресло и установили между диванами. В кресле сидела Антуанетта — усталая, но отнюдь не умирающая, хотя ее руки и голова были почти полностью обмотаны бинтами.

— Клавейн... — начала она.

— Я жив и здоров. Рад, что у вас все обошлось. Прости, что создал вам столько проблем. Честное слово, я надеялся, что вы обо мне больше никогда не услышите.

— Человек предполагает, а обстоятельства располагают, верно? — усмехнулась Антуанетта.

— Похоже. Но мне все равно жаль. Если бы я смог что-то исправить...

Девушка повернулась и посмотрела на Ксавьера.

— Как ты? Она сказала, что с тобой все в порядке, но я не знала, верить ей или нет.

— Как видишь, — ответил Лю. — Полный порядок.

На самом деле никто из троих не смог бы встать самостоятельно, подумал Клавейн.

— Думала, не справлюсь, — произнесла Антуанетта. — Я пыталась запустить твое сердце, но у меня сил не хватало. Знаешь, у меня было ощущение, что я вот-вот отключусь. Но я собралась и попыталась еще раз. И, похоже, получилось.

— На самом деле, — сказал Хи, — вы действительно упали в обморок. Конечно, вы сделали все, что могли, но потеряли слишком много крови.

— Тогда кто?..

Владелец замка кивком указал на гиперсвина.

— Наш друг Скорпио спас Ксавьера. Не так ли?

— Ерунда, — буркнул человек-свинья.

— Может быть, для вас это ерунда, мистер Пинк, — возразила девушка. — Но для Ксава, черт побери, это ни разу не ерунда... Думаю, я должна вас поблагодарить.

— Не трудитесь. Проживу без вашей признательности.

— И все же я скажу. Спасибо!

Скорпио покосился на нее, затем пробормотал что-то невнятное и отвернулся.

— А корабль? — спросил Клавейн, прерывая неловкую паузу. — С ним все нормально?

Антуанетта бросила быстрый взгляд на Хи.

— Думаю, нет. Я угадала?

— На самом деле, ваш корабль в полном порядке. Как только Лю пришел в себя, Зебра попросила его инструктировать «Штормовую Птицу» на полет в режиме автопилота по заданным координатам. У нас есть доки в анклавах Ржавого Обода, о которых никто не знает — иногда мы пользуемся ими во время операций. Звездолет в целости и сохранности, и ничего плохого с ним уже не случится. Это я вам обещаю, Антуанетта.

— Когда мне можно снова его увидеть?

— Скоро. Но насколько скоро, пока не могу сказать.

— Получается, я у вас в плену?

— Нет, конечно. Все, кто здесь находится — мои гости. Просто вам лучше не расходиться, пока у нас не появится возможность кое-что обсудить. Я знаю, у мистера Клавейна иное мнение на этот счет — возможно, вполне обоснованное. Думаю, можно сказать, что кое-кто из вас обязан мне жизнью... — он поднял руку, пресекая возможные возражения. — Но это ни в коем случае не значит, что вы передо мной в долгу. Я просто прошу уделить мне немного времени. Нравится вам или

нет, — Хи неторопливо обвел взглядом слушателей, — все мы оказались участниками чего-то столь грандиозного, что просто не готовы это осознать. Возможно, оказались поневоле... но так было всегда. Став перебежчиком, мистер Клавейн приблизил нечто важное. Полагаю, у нас нет другого выбора, кроме как следовать событиям. Если угодно — играть роли, которые предопределены каждому из нас... даже тебе, Скорпио.

Из коридора раздалось мерное поскрипывание, которому вторили уже знакомые звонкие щелчки. Вскоре Зебра вошла в комнату, толкая перед собой кресло-каталку, наподобие того, в котором привезли Антуанетту. На сиденье вертикально стоял отполированный до зеркала металлический цилиндр, который почему-то хотелось назвать самоваром. Из него во все стороны торчали замысловато изогнутые трубки с непонятными приспособлениями.

Клавейн заметил, что цилиндр немного покачивается из стороны в сторону, словно что-то пыталось вырваться наружу.

— Поставь его сюда, — сказал Хи, указывая примерно в центр комнаты.

Зебра остановила кресло. Цилиндр по-прежнему покачивался. Хи нагнулся и легко постучал по нему согнутым пальцем.

— Эй, здравствуйте, — произнес он, повысив голос. — Очень рад, что вы смогли прийти. Вы знаете, где находитесь, или хотя бы что с вами случилось?

Цилиндр закачался сильнее.

— Позвольте объяснить, — Хи обратился к своим гостям. — То, что мы имеем удовольствие наблюдать — система жизнеобеспечения куттера Феррисвильской полиции. В течение всего срока службы пилот куттера не покидает летательный аппарат. Иногда это может длиться несколько лет. Чтобы сократить массу, основную часть его тела хирургическим способом отделяют от нервной системы, замораживают и помещают в хранилище штаб-квартиры Конвента. Пилоту не нужны конечности, так как он может управлять представителями через нейронный интерфейс. Ему еще много чего не нужно. Все это удалено, подписано и заморожено.

Цилиндр сильно качнулся вперед и назад.

— Тпру! — Зебра едва успела присесть и остановить его.

— Внутри этого цилиндра, — продолжал Хи, — находится пилот куттера, повинный в недавних неприятностях на борту корабля мисс Бакс. Подлый маленький гаденыш, верно? Как это, должно быть, весело — терроризировать команду корабля, которая всего-то навсего нарушила пару замшелых постановлений. Милое развлечение, ничего не скажешь.

— Это уже не в первый раз, — заметила Антуанетта.

— Отлично. Но, боюсь, на этот раз наш гость немного перегнул палку, — Хи обратился к цилиндру. — Верно, приятель? Отделить вашу систему жизнеобеспечения от остальных устройств оказалось нетрудно. Надеюсь, это не вызвало у вас особого дискомфорта. Конечно, я понимаю: должно быть, больно, когда твою нервную систему отделяют от нервной системы куттера. Приношу свои извинения. Вообще-то я не специализируюсь на пытках.

Цилиндр застыл, словно прислушивался.

— Но я не смогу просто отпустить вас. Такие поступки нельзя оставлять безнаказанными, верно? Поймите, я в высшей степени нравственный человек. Мои собственные преступления заострили мою этичность до беспрецедентного уровня, — он наклонился к зеркальной поверхности цилиндра, почти касаясь ее губами. — Слушайте внимательно, потому что я не хочу, чтобы у вас остались какие-либо сомнения по поводу произошедшего.

Цилиндр мягко закачался.

— Мне досконально известно, как поддерживать вашу жизнь. Электричество здесь, питательное вещество там... это проще, чем реактивный двигатель. Мне кажется, что вы можете существовать в своей банке десятки лет, если туда регулярно подавать питание и воду. Именно это я и собираюсь делать — пока вы не умрете естественной смертью, — Хи посмотрел на Зебру. — Думаю, неплохая идея. Что скажешь?

— Поместить его в ту же комнату, что и других?

— Думаю, именно так, — он лучезарно улыбнулся гостям и с нескрываемой нежностью проследил, как Зебра увозит цилиндр из комнаты.

Наконец звук ее шагов стих.

— Вы жестокий человек, Хи, — проговорил Клавейн

— Я не жесток, — ответил он. — По крайней мере, в том смысле, который вы вкладываете в это слово. Но жестокость — весьма полезный инструмент, если точно знать, в какой момент его использовать.

— Этот гребаный ублюдок получил по заслугам, — сказала Антуанетта. — Извини, Клавейн, но я не собираюсь не спать ночей из-за того, что он сдохнет в своей банке. Если бы не Хи, он бы нас прикончил.

Клавейн вздрогнул, словно одно из привидений, блуждающих по подвалам Шато де Карбо, прошло сквозь него.

— А другой? — с неожиданной настойчивостью спросил он. — Другой Объединившийся... Это была Скейд?

— Нет, не Скейд. На этот раз — мужчина. Он тоже ранен, но причин, которые могут помешать выздоровлению, я не вижу.

— Я могу с ним встретиться?

— В ближайшее время, мистер Клавейн. С ним я еще не закончил. Я хочу быть абсолютно уверен, что он не причинит мне никакого вреда, прежде чем я введу его в бессознательное состояние.

— Этот чертов «паук» нам наврал, — вмешалась Антуанетта. — Сказал, что у него нет никаких имплантантов, ублюдок.

Клавейн обернулся к ней.

— Он мог ими пользоваться, пока необходимо, а потом просто вымывал из тела, когда надо приходилось проходить через какую-либо систему контроля или безопасности. Саморазрушение имплантантов занимает немного времени — от силы несколько минут. Потом остатки выходят через кровь и мочу.

— Только будьте осторожны, — произнес Скорпио. — Чертовски осторожны.

— Есть какая-то причина для такой осторожности? — спросил Хи.

Гиперсвин подался вперед.

— Еще какая. «Пауки» посадили мне в голову какую-то дрянь, которая связана с его имплантантами. Типа маленького клапана или чего-то в этом роде. На вене или артерии. Он умрет — я умру... Все просто.

— М-м-м... — Хи провел пальцем по губам. — Ты полностью в этом уверен?

— Я уже один раз терял сознание, когда пытался напасть на него.

— Вас связывали теплые дружеские отношения, верно?

— Брак по расчету, дружнице. И он это знал это. Потому мной и пользовался.

— Отлично. Может быть, когда-то у тебя там что-то было. Но мы проверили всех вас. У тебя нет ни одного имплантанта, Скорпио. Или тебе никто ничего не вживлял, или твой клапан уничтожили прежде, чем у нас оказался.

У Скорпио приоткрылся рот. Это было совершенно человеческое выражение удивления и самоотвращения.

— Нет?! Этот долбаный засранец не мог...

— Вполне вероятно, что ты мог уйти когда заблагорассудится. И никакая сила на свете не заставила бы тебя остановиться.

— Верно говорил папа, — вздохнула Антуанетта. — Никогда не связывайся с «пауками». Никогда.

— Ты это мне говоришь? — возмутился гиперсвин.

— Так ведь тебя обманули, а не меня.

Скорпио фыркнул, но ничего не ответил. Возможно, подумал Клавейн, он просто не знал, что может сказать, не усугубляя своего положения.

— Скорпио, — серьезно сказал Хи. — Ты не пленник. Да, я не в восторге от твоих поступков. Но я и сам не без греха. И я знаю: иногда есть причины, которых другие не видят. Ты спас Антуанетту, за что я тебе очень признателен. И мои гости, подозреваю, тоже.

— Ближе к делу.

— Я выполню соглашение, которое с тобой заключили Конджойнеры. Ты можешь идти куда заблагорассудится. Можешь вернуться в свои катакомбы в городе. Честное слово.

Скорпио встал. Это явно стоило ему усилий.

— Тогда я пошел.

— Подожди.

Хи ни на йоту не повысил голос, но что-то в его тоне заставило человека-свинью остановиться. Казалось, до сих пор все происходящее было просто игрой, и только сейчас Хи открыл свою истинную сущность — человека, с которым не стоит шутить, когда речь заходит о чем-то серьезном.

Скорпио послушно опустил в свое кресло. Потом очень мягко спросил:

— Что?

— А вот теперь послушайте меня внимательно.

Хи снова обвел всех взглядом. Его лицо стало строгим и бесстрастным.

— Очень внимательно. Я не буду повторять дважды.

В комнате стало тихо. Даже Болтливые Близнецы казались более безмолвными, чем обычно.

Хи подошел к роялю, наиграл унылую тему из шести нот и со стуком опустил крышку.

— Я уже говорил, что мы живем в особенное время. То, что сейчас происходит, имеет огромное значение. Возможно, это последние времена. И несомненно, что заканчивается огромная глава истории человечества. Наши жалкие дрязги, минутные перемирия, наши смешные фракции, и наши детские игры в войну — все это близится к завершению. На самом деле, мы и есть дети. Маленькие дети, которые ползут на четвереньках по Галактике, которая принадлежит взрослым. Их возраст и мощь не сравнятся с нашей. Думаю, женщина, которая жила в этом здании до меня, стала проводником одной из этих сил. А может быть, и не одной. Я понятия

не имею, как это получилось и почему. Но верю, что через нее эти силы подчинили своему влиянию и Конджойнеров. Я могу только предполагать, потому что вижу: не за горами отчаянные времена.

Клавейн хотел возразить. Он хотел спорить. Но он многое открыл для себя, многое показал ему Хи. Такая попытка была лишена всякого смысла. Этот человек сделал предположения и оказался прав. Клавейну оставалось только слушать, соглашаться и желать, чтобы все было наоборот.

Хи продолжал.

— Даже Конджойнеры, кажется, чего-то опасаются. И это меня пугает. Мистер Клавейн — уважаемый человек, — он склонил голову, словно это заявление нуждалось в подтверждении. — Да, я знаю о вас все, мистер Клавейн. Мне довелось изучать вашу историю. Иногда мне даже хотелось повторить ваш путь. Это был очень нелегкий путь, верно? Между идеологиями, между мирами, едва ли не между видами... И на всем пути вы никогда не следовали ничему настолько переменчивому, как ваше сердце, ничему настолько незначительному, как чье-то знамя. Вы просто давали холодную оценку и решали, что нужно, что правильно сделать в данный момент.

— Я был и предателем, и шпионом, — сказал Клавейн. — Убивал невинных для военных целей. Делал детей сиротами. Если это заслуживает уважения, черт возьми...

— Поверьте, встречались тираны похуже вашего, мистер Клавейн. Я просто хочу доказать, что нынешние времена заставляют людей делать невообразимые вещи. Повернуть оружие против Конджойнеров — после того, как четыреста лет вы были одним из них. И не потому, что Демархисты проводят правильную политику. Просто потому, что вы почувствовали, что в вашей фракции что-то прогнило. Почувствовали, хотя, возможно, не видели ясных доказательств: на карту поставлено нечто большее, чем любая фракция, любая идеология. Стоит вопрос о существовании людей как вида.

— Как вы узнали? — спросил Клавейн.

— Вы сами сообщили эту информацию своим друзьям, мистер Клавейн. На Карусели Нью-Копенгагена вы были весьма разговорчивы — думали, что вас никто не слышит. Но у меня везде есть уши. Кроме того, я владею техникой траления не хуже, чем Конджойнеры. Вы все прошли через мой лазарет. Неужели я бы не унился до небольшого нейрологического исследования, когда ставки так высоки? Думаю, ответ очевиден.

Хи снова повернулся к Скорпио, и его пристальный взгляд словно

вдавил гиперсвина в спинку кресла.

— А теперь о том, что должно произойти. Я собираюсь сделать все возможное, чтобы помочь мистеру Клавейну выполнить его предназначение.

— Перебежать к «зомби»? — уточнил Скорпио.

— Нет, — Хи покачал головой. — Что это даст? У Демархистов нет ни одного субсветовика — по крайней мере, в этой системе. Поступок мистера Клавейна пропадет впустую. К тому же, если его потребуется снова освободить из рук Демархистов, моего влияния может оказаться недостаточно. Нет, давайте займемся истоками проблемы. Что заставило мистера Клавейна порвать с Объединившимися? — Хи кивнул Клавейну, как конферансье. — Продолжайте. Расскажите нам об этом. После всего, что я сказал, было бы неплохо услышать остальное из ваших уст.

— Вы знаете, не так ли?

— Да. Насчет орудий.

Клавейн кивнул. Он не знал, кем себя чувствовать: победителем или побежденным. Ему оставалось только одно — говорить.

— Я хотел убедить Демархистов подготовить экспедицию и захватить орудия класса «ад», прежде чем Скейд приберет их к рукам. Но Хи прав: у них даже нет межзвездных кораблей. Это был глупый, бесполезный жест. Я только думал, что делаю что-то важное.

Он чувствовал, как накатывает запоздалая усталость, отбрасывая длинную тень подавленного настроения.

— Именно этим поступок и являлся... всегда. Последний жест выжившего из ума старика, — Клавейн оглядел остальных, чувствуя, что должен каким-то образом принести извинения. — Простите. Я втянул всех вас в эту историю, и все зря.

Хи подошел сзади и положил ладони ему на плечи.

— Не извиняйтесь, мистер Клавейн.

— Но ведь это правда, не так ли? Мы ничего не можем сделать.

— Вы говорили с Демархистами. Что они сказали, когда речь зашла о корабле?

Клавейн вспомнил свой разговор с Пероте и Вой.

— Они сказали, что у них нет ни одного.

— И?

Клавейн печально улыбнулся.

— Что один, пожалуй, смогут откопать, если будет очень нужно.

— Скорее всего, смогут, — ответил Хи. — Но что им это даст? Им — ослабевшим, истощенным, погрязшим в коррупции, не закаленным в боях?

Пусть Демархисты достанут корабль — я не стану им мешать. В конце концов, не имеет значения, кто завладеет оружием — главное, чтобы это были не Конджойнеры. Думаю, есть кое-кто еще. У кого есть реальные шансы успеть. В первую очередь — те, у кого есть те же технологии, которыми сейчас они располагают.

— И кто это? — поинтересовалась Антуанетта — скорее всего, она уже начала догадываться.

Клавейн посмотрел на хозяина Замка.

— Но у вас тоже нет межзвездных кораблей.

— Нет. Действительно нет. Но мне, как и Демархистам, известно, где найти подходящий экземпляр. В системе достаточно кораблей Ультра. При большом желании один из них можно угнать. В этом нет ничего невозможного. На самом деле, я уже разрабатывал планы захвата субсветовика... на всякий случай.

— Для этого вам потребуется маленькая армия, — заметил Клавейн.

— Верно, — Хи произнес это так, словно только что пришел к подобному выводу. — Думаю, она у меня появится ... — он повернулся к свину. — Или нет, Скорпио?

Скорпио настороженно слушал, как Хи излагал ему изысканный план операции по угону субсветовика. Это была беспрецедентная по наглости операция. Однако Хи напомнил, что люди-свиньи не раз совершали дерзкие преступления, причем не с меньшим размахом. Они контролировали весь Малч, отобрав бразды правления у тех, кого в данной ситуации было просто смешно называть представителями власти. Насмехаясь над попытками Феррисвильского Конвента ввести военное положение в самых темных уголках города, люди-свиньи и их союзники создавали зоны преступности по всему Ржавому Ободу. Эти зоны, контролируемые криминальными структурами, были просто не отмечены на картах. Конвент объявил, что тамошние анклавов якобы не подлежат восстановлению после Комбинированной Эпидемии. Однако от этого они не перестали существовать. И трудно было отрицать, что обстановка там была намного гармоничней, чем в анклавах, которые контролировал Феррисвильский конвент

Хи не забыл упомянуть акции, которые люди-свиньи и баньши производили по всей системе. Это подтверждало наличие опыта и ресурсов, необходимых для угона субсветовика. Остальное было вопросом времени и планирования. Звездолет придется выбрать заранее, причем такой, который будет идеально соответствовать целям. Неудачный исход

исключался в принципе: задачу было необходимо решить любой ценой — даже ценой жизнью и потери ресурсов. Если Ультра заподозрят, что один из их кораблей собираются угнать, они усилят охрану на всех субсветовиках, или вообще массово покинут систему. Действовать придется быстро, помня, что второго шанса не будет.

По словам хозяина Замка, он уже проиграл некоторое количество возможных сценариев угона и пришел к выводу: лучшее время для атаки — первая фаза выхода в космос, когда субсветовик только что отошел от станции. В этот момент корабли Ультра наиболее уязвимы: пилоты почти всегда пренебрегают обычными мерами предосторожности. Еще лучше, если это будет корабль, экипаж которого проводит законные торговые операции только в качестве прикрытия. Обычно такие корабли продавали какой-нибудь фракции оборонительные системы, а их противникам — вооружение. Разумеется, Ультра старались не разглашать подобные сведения. Однако Хи успел развернуть шпионскую сеть по всем маршрутам и стоянкам. Переговоры между кораблями также прослушивались. Скорпио смог познакомиться с последними записями, где в море технических терминов и коммерческого жаргона можно было выловить крупницы полезной информации. В процессе Хи обратил внимание на один из звездолетов, который некоторое время находился в пространстве Йеллоустоуна — последнее время дела у его экипажа шли довольно скверно.

— С самим кораблем все в порядке, — сказал Хи, конфиденциально понизив голос. — Технически исправен — по крайней мере, нет ничего такого, что невозможно было бы починить по пути к Дельте Павлина. Думаю, он нам подойдет, Скорпио.

Он выдержал паузу.

— Я переговорил с Лашером... кажется, это твой заместитель? Теперь он в курсе моих планов. Я попросил его набрать штурмовую группу для этой операции — несколько сотен лучших бойцов. Не обязательно свиней. Но, подозреваю, они будут в большинстве.

— Постой, постой... — Скорпио поднял короткую неуклюжую руку. — Ты сказал «Лашер». Каким чертом ты его знаешь?

Хи выглядел скорее удивленным, чем раздраженным.

— Это мой город. Я знаю в нем все.

— Но Лашер...

— Он предан тебе, как и раньше. Я это знал и даже не пытался переманить на свою сторону. Сначала он был твоим почитателем, верно?

— Ты ни черта не знаешь о Лашере.

— Того, что я знаю, достаточно. Он убьет себя, стоит тебе только слово сказать. Повторяю, я не пытался его переманить. Я... рассчитываю на твое согласие, Скорпио. Вот и все. На то, что ты примешь мою просьбу и сделаешь то, о чем говорилось. Лашер считает, что ты приказал набрать бойцов, а я просто передал приказ. Что поделатъ, пришлось опередить события. Но, как было объявлено ранее, нынче не время для сомнений. Мы ведь не склонны к сомнениям, верно?

— Нет...

— Вот и славно, — Хи похлопал его по плечу, как старого друга. — Корабль «Ужасный ребенок», из торгового округа Индустрии Марка Гектора. Как думаешь, Скорпио, вы с Лашером сможете его взять? Или я обратился не к тем свиньям?

— Пошел ты, Хи!

Владелец Замка расплылся в лучезарной улыбке.

— Как я понимаю, это знак согласия.

— Я не закончил. Мне нужна моя команда. Не только Лашер, но и все, кого я укажу. Неважно, в Малче ли они, неважно, в каком дерьме плавают и что натворили. Ты доставишь их сюда. Понятно?

— Сделаю все что смогу. Я тоже не всемогущий.

— Отлично. В общем, когда дело будет сделано и мы погрузим Клавейна на борт...

— Ты тоже с ним полетишь. Понимаешь, другой дороги тебе нет. Неужели ты серьезно думаешь, что сможешь вернуться в стоноровское общество? Тогда попробуй выйти отсюда — прямо сейчас. Я пожелаю тебе всех благ, но защищать тебя не стану. И насколько бы Лашер не был предан тебе, Конвент выследит вас по запаху крови. Тебе нет никакого смысла здесь оставаться. Равно как и Антуанетте, и Ксавьеру. Вы отправляетесь с Клавейном, и это будет мудро.

— Говоришь, я должен покинуть Город Бездны?

— Всем нам время от времени приходится выбирать, Скорпио. Это не всегда легко. Но этого никому не избежать... — Хи сделал неопределенный жест. — Кто говорит, что это навсегда? Ты здесь не родился, как и я. Через сто или двести лет Город все равно не исчезнет. Он может измениться, стать непохожим на нынешний, но разве это имеет значение? Он станет лучше или хуже. Но то, какое место ты в нем займешь, зависит только от тебя. Возможно, к тому времени ты уже не захочешь возвращаться.

Скорпио устремил взгляд на бегущие строчки, изобилующие жаргонными словечками торговцев.

— А корабль, про который ты говорил...

— Да?

— Если я захвачу его, передам Клавейну и решу остаться на борту... есть кое-что, на чем я настаиваю.

Хи пожал плечами.

— Пара условий с твоей стороны — вполне законно. И чего ты хочешь?

— Переименовать его. Пусть он называется «Зодиакальный Свет». Вопрос открыт для переговоров.

Хи посмотрел на него с холодным, отстраненным любопытством.

— Уверен, что мистер Клавейн не будет против. Но почему именно это так? Это для тебя что-то значит?

Скорпио не ответил.

Позже, намного позже, уже зная, что захват корабля прошел удачно, команда высажена, а судно направляется в систему звезды Дельты Павлина, где находится мир планета под названием Ресургем, Хи стоял на одном из балконов среднего уровня Шато де Карбо. Теплый ветер трепал полы его черного халата, и они хлестали по ногам. Хи глубоко втянул воздух, ощущая ароматы масел и пряностей. Здание все еще находилось внутри пузыря атмосферы, пригодной для дыхания, которую извергала из Бездны умирающая Лилия — колоссальное творение биоинженерии Конджойнеров, созданное в течение краткого срока их безмятежного правления. Стояла ночь, и в силу какого-то редкого совпадения внешних оптических условий и собственного настроения он обнаружил, что Город Бездны невероятно прекрасен — как все человеческие города, которые в том или ином смысле обязаны своей жизнью людям. Хи много раз видел, как Город менялся. Но ничто не менялось так, как он сам.

Сделано, подумал он.

Корабль в пути, Клавейн получил помощь и сможет выполнить свою миссию. Он наконец-то совершил бесспорно хороший поступок, единственный в своей жизни. Конечно, это не может искупить все его прошлые деяния, все совершенные им жестокости — даже страдания инопланетного существа, которое он так и не смог спасти, которое подвергалось истязаниям, прежде чем Мадемуазель поместила это создание в свой замок. Но это лучше, чем ничего.

Все, что угодно было лучше, чем ничего.

Балкон тянулся вдоль боковой стены черного здания, ограниченный невысоким парапетом. Хи подошел к самому краю. Теплый ветерок, похожий на неглубокое дыхание животного, набирал силу, пока не стал

довольно ощутимым. Внизу, на расстоянии головокружительных километров, в безумных лабиринтах света запутался Город. Таким было небо над его родным поселением после воздушных боев — одно из немногих воспоминаний молодости.

Однажды он сказал себе: когда, наконец, достигнет искупления, когда сделает нечто, способное покрыть хотя бы некоторые совершенные грехи, он оборвет свою жизнь. Лучше умереть с почти равным счетом, чем подвергаться риску совершить в будущем нечто худшее. Его воля к злу не исчезала, хотя и спряталась где-то в глубине — и все еще жила там, свернувшись в ожидании, как гамадриада. И опасность слишком велика.

Он посмотрел вниз, представляя, что почувствует через секунду. Через мгновение все закончится благодаря плавной, элегантной игре массы и гравитации. Он станет не более чем примером действия законов баллистики. Не будет больше способности воспринимать боль, не будет жажды освобождения.

Женский голос прорезал темноту ночи.

— Нет, Хи.

Он оглянулся, но остался стоять на краю. Город все еще завораживал, притягивая к себе.

Она прошла по балкону, звонко щелкая каблуками. Хи почувствовал, как женские руки обвились вокруг его тела. Нежно, медленно, она отвела его от края.

— Нет, — прошептала она. — Это заканчивается не так. Не здесь, не сейчас.

Глава 24

— Вот машина — мало ли что случится, — проговорил маленький смуглый человечек и кивком указал на одинокий вездеход, припаркованный у обочины.

Овод посмотрел на сгорбленную тень за лобовым стеклом.

— Похоже, водитель уснул.

— Не-а.

Однако на всякий случай коротышка подъехал поближе. Оба вездехода были одной модели — стандартные разработки, финансируемые правительством. Правда, тот, что предназначался «на случай неприятностей» выглядел не в пример более прискорбно. Дождь барабанил по кузову, и разнокалиберные латки на кузове — следы многократного ремонта — выделялись матовыми прямоугольниками. Шофер Овода вылез из кабины, подбежал к припаркованной развалюхе, прыгая через лужи, и постучал в окно. Стекло медленно опустилось. Примерно минуту водители оживленно переговаривались, подкрепляя аргументы энергичными жестами и мимикой — по крайней мере, это относилось к коротышке. Наконец он вернулся, плюхнулся на сиденье рядом с Оводом, что-то пробормотал, еле переводя дух, потом отпустил ручной тормоз, и машина с визгом отъехала.

— На этой улице больше никто не припаркуется, — сказал Овод. — Это выглядит подозрительно — просто стоять и ждать.

— А ты бы предпочел, чтобы машины вообще не было — ночью, да еще когда с неба дождик писает?

— Нет, конечно. Просто позаботься, что этот соня придумал хорошую историю — вдруг ребята Вуалюмье решат с ним немного побеседовать.

— Уже придумал, не волнуйся. У него якобы рандеву с замужней женщиной. Видишь окна на верхнем этаже? Он торчит тут и дожидается, когда дама даст знать, что муж ушел.

— Может быть, ему стоит чуть-чуть оживиться?

— Я уже сказал ему, чтобы не клевал носом, — вездеход со скрежетом повернул за угол. — Расслабься, Овод. Мы уже сто раз такое проделывали. Только в Кювье. И в этом секторе было не меньше дюжины митингов. Причина, по которой я стараюсь тебе помогать, такова, что тебе нечего дергаться из-за мелочей.

— Ты прав, — сказал Овод. — Похоже, у меня нервы шалят.

Коротышка рассмеялся.

— Это у тебя нервы?

— Ставки слишком высоки. Я не хочу подвести людей — после того, как мы зашли так далеко.

— Ты их и не подведешь. И они не подведут. Ты еще не понял? Они любят тебя, — водитель щелкнул переключателем на приборной панели, заставляя дворники работать быстрее. — Чертовы Преобразователи, блин... Мало им дождей. Однако для планеты это полезно — или что они там лепят. Кстати, как ты думаешь: правительство врет?

— Насчет чего? — спросил Овод.

— Той дивной штуки в небе.

Овод последовал за организатором в условленное здание. Несколько неосвещенных коридоров — и они вошли в просторную комнату без окон. Комната была набита битком, лица всех сидящих обращены к передвижной сцене с кафедрой. Послышались аплодисменты — негромкие, уважительные, но никакого исступления. Окинув взглядом собравшихся, Овод понял: как и обещалось, пришло около сорока человек.

— Добрый вечер, — произнес он, положив руки на кафедру и наклонившись вперед. — Спасибо, что пришли. Я ценю тот риск, который вы приняли на себя. Обещаю, дело того стоит.

Среди его последователей были представители всех слоев общества, за исключением верхушки правительства. Не потому, что никто из госслужащих не делал попыток примкнуть к Движению: некоторые искренне симпатизировали Оводу. Но принимать их в организацию означало идти на неоправданный риск. Такие отсеивались задолго до того, как попадали в окружение Овода. Зато в движении активно участвовали техники, повара и водители грузовиков, фермеры, водопроводчики и учителя. Некоторые из них уже достигли преклонных лет и помнили Город Бездны — они были взрослыми, когда «Лорин» привез их на Ресургем. Другие родились во времена режима Жирардо и «те самые» дни — почти такие нищие и тяжелые — называли «добрыми старыми временами», хотя сами верили в это с трудом. Наконец, несколько человек, подобно самому Оводу, сохранили о старом мире лишь детские воспоминания.

— Значит, это правда? — спросила женщина из первого ряда. — Расскажи нам, Овод. До нас всех доходили слухи. Развей наши сомнения.

Он терпеливо улыбнулся, хотя женщина вела себя не слишком вежливо. Ей явно не было дела до того, что митинг проходит по определенному сценарию.

— О каких именно слухах вы говорите?

Женщина встала и огляделась.

— Что ты их нашел — корабли. Которые увезут нас с этой планеты. И что ты еще нашел межзвездное судно, на котором мы сможем отправиться обратно на Йеллоустоун.

Овод ответил не сразу. Посмотрев поверх аудитории, он повысил голос и обратился к кому-то в заднем ряду:

— Пожалуйста, первую картинку!

Потом он шагнул чуть в сторону, чтобы не загромождать обшарпанную заднюю стену, и через зал ударил луч проектора.

— Этот снимок сделали ровно двадцать дней назад, — сказал он. — Я не скажу, где именно. Но вряд ли у кого-то возникнет сомнение, что это пейзаж Ресургема, снимок сделан не так давно. Видите, насколько голубое небо и как много зеленых насаждений на переднем плане? Так может выглядеть низина, где наиболее успешно проводится терраформирование.

Фокус изображения сместился вниз, открывая вид на каньон или расселину. Два стройных металлических объекта нос к носу стояли на площадке в тени между парой отвесных скал.

— Это шаттлы, — сказал он. — Крупные модели для челночных перелетов с поверхности на орбиту, каждый способен вместить до пятисот пассажиров. Вы можете судить об их размерах сами, вон то маленькое отверстие — входной люк. Следующая, пожалуйста.

Изображение изменилось. Теперь под одним из шаттлов стоял сам Овод и, запрокинув голову, разглядывал люк, который только что казался таким крошечным.

— Я спустился по склону. Я не мог поверить, что они настоящие, пока глядел на них сверху, и решил рассмотреть поближе. Это действительно корабли. И, насколько мы можем судить, в прекрасном состоянии, и все системы функционируют так же хорошо, как в день прибытия.

— Откуда эти шаттлы? — спросил кто-то из зала.

— С «Лорина».

— И они все время находились на планете? Не верю.

Овод пожал плечами.

— Они устроены так, что могут сохранять себя в рабочем состоянии. Старые технологии саморегенерации. Не то, что новое поколение, к которому мы привыкли. Эти шаттлы — реликты той эпохи, когда вещи не ломались, не изнашивались и не выходили из употребления. Мы все помним это время.

— Ты был внутри? Я слышал, что ты туда забрался и даже вышел

живым.

— Следующий.

Снимок был сделан на мостике. Овод, еще один мужчина и женщина улыбались в камеру, за ними светился пульт управления.

— Нам понадобилось много времени — несколько дней — чтобы найти с кораблем общий язык. Дело не в том, что он не хотел общаться. Просто мы забыли все протоколы, которые, по мнению его создателей, должны знать наизусть. Но, как вы видите, судно явно находится в рабочем состоянии.

— Они могут летать?

Овод серьезно кивнул.

— Точно сказать не могу. Пока все говорит о том, что проблем не возникнет. Но мы только начали диагностику. Работа идет полным ходом. Шаттлы должны летать, если исходить из наших сведений о машинах Прекрасной Эпохи. Пока это все.

— Как ты их нашел? — спросила еще одна женщина.

Овод опустил глаза, подбирая подходящую формулировку.

— Я всю свою жизнь искал способ улететь с этой планеты, — наконец, ответил он.

— Вопрос не об этом. А если эти шаттлы — ловушка правительства? Если власти специально сделали так, чтобы ты их нашел? И эти корабли спроектированы для того, чтобы уничтожить тебя и твоих сторонников — раз и навсегда?

— Правительство не знает ни одного способа покинуть планету. Поверьте мне.

— Откуда ты знаешь?

— Следующий кадр.

Теперь на экране было небо. Овод подождал, пока изображение сфокусируется, и указал на самую важную деталь этой картины, вполглаза наблюдая за реакцией аудитории. Многие уже видели такой снимок. Кто-то из присутствующих видел этот объект собственными глазами, остальные — на фотографиях малого разрешения. Это было тускло светящееся охряное пятно, что-то вроде бесформенной кометы, которое преследовало солнце на закате. По словам Овода, это было лучшее изображение, доступное правительству.

— Это не комета, — произнес он. — Все, что правительство говорит об этом небесного объекта — ложь. И не сверхновая, о чем тоже распускают слухи. Властям удастся нас обманывать, потому что немногие настолько хорошо знают астрономию, чтобы понять, что это за предмет. А

те, кто понимает, не говорят об этом. Они запуганы и понимают, что у правительства есть веские причины распространять ложь.

— Тогда что это?

— Поскольку морфологически этот объект нельзя определить как комету, он не может быть чем-то за пределами нашей солнечной системы. Он движется по отношению к звездам, каждую ночь понемногу смещаясь, прячась за другими планетами. У этого объекта есть только одно название — на мой взгляд, это вполне очевидно.

Он посмотрел на публику сверху вниз, убедившись, что завладел вниманием аудитории.

— Это планета. Вернее, то, что от нее осталось. Размытое пятно находится на месте газового гиганта, Руха. Сейчас мы видим, можно сказать, выпотрошенную тушку, — Овод улыбнулся. — Именно поэтому правительство не хочет, чтобы вы что-то знали. Они ничего не могут изменить и не понимают, почему это случилось... — Он кивнул в сторону задних рядов. — Следующий.

Овод показывал, как больше года назад началось уничтожение газового гиганта.

— Сначала были выпотрошены три маленьких каменистых луны. Самовоспроизводящиеся машины оставили от них одни оболочки. Добытое вещество собрали, обработали и направили через всю систему к Руху. Там уже ждали другие машины. Они превратили три луны Руха в колоссальные фабрики, которые каждую секунду пожирали мегатонны сырья и выбрасывали высокоорганизованные механические компоненты. Затем вокруг газового гиганта соорудили огромное металлическое кольцо, невероятно плотное и прочное. Вот оно, смотрите: едва заметно, но, честное слово, толщина этой штука в диаметре более дюжины километров. Одновременно они протягивали трубы из похожего материала вниз в саму атмосферу.

— Кто «они»? — спросил какой-то мужчина. — Кто это делает, Овод?

— Не «кто». «Что». Машины, причем созданные не людьми. Правительство тоже уверено в этом на все сто процентов. Кроме того, у них версия, что это как-то связано с Силвестом. Он отправил некий вид предупреждающего сигнала — скорее всего, непреднамеренно, — который и привел сюда этих тварей.

— Так и амарантян, наверно, так же сделали?

— Возможно, — ответил Овод. — В пользу этой теории есть определенные доводы. Но тогда должны были оставаться следы, резонансные промежутки. Никаких признаков, что в системе был еще один

газовый гигант. Правда, амарантяне погибли миллион лет назад. Возможно, Подавляющие выполнили грязную работу и прибрали за собой.

— Подавляющие? — переспросил бородатый мужчина, которого Овод помнил как безработного палеоботаника.

— Так их назвало правительство. Не знаю почему, но мне кажется, это имя им подходит как никакое другое.

— Что они хотят с нами сделать? — женщина снова встала. У нее были исключительно скверные зубы.

— Не знаю, — ответил Овод и вцепился в край кафедры.

Он чувствовал, как буквально за минуту изменилось настроение в комнате. Как всегда, когда они начинают видеть, что происходит. Кто-то узнал об этой штуке, как только она появилась в небе и наблюдал за ней с тревогой. Потом поползли слухи. В течение почти всего года из Кювье объект не наблюдался — а здесь жила основная часть населения Ресургема. Однако ни один человек не считал это явление добрым предзнаменованием.

Сейчас странное пятно висело в вечернем небе, и отрицать его существование было невозможно.

Эксперты правительства придерживались на этот счет своего мнения. Они пришли к абсолютно правильному выводу: феномен, несомненно, имел искусственное происхождение. Версия о неизвестных планетарных процессах долго не продержалась. Кое-кто предположил, что в разрушении Руха повинны люди — Конджойнеры или новая воинствующая группировка Ультра. Отдельные недалекие личности даже приписывали эти чудовищные деяния Триумвиру Илии Вольевой. Но большинство справедливо считало причиной вмешательство иной космической расы — вполне возможно, ответная реакция на исследования Силвеста.

Однако эксперты правительства располагали самыми поверхностными данными. Ни один из них не видел машины так близко, как Овод.

Вольева и Хоури разработали собственные теории.

Как только арка, опоясавшая Рух, была достроена, свойства его магнитосферы разительно изменились. Возникло мощное четырехполюсное поле, напряженность которого оказалась несравненно выше, чем у естественного магнитного поля Руха. Магнитные потоки петлями навивались вокруг географических параллелей, от экватора к полюсам, вырываясь далеко за пределы атмосферы. Ясно, что это поле имело искусственное происхождение. Подавляющие пустили электрический ток по кабелям, проложенным вдоль параллелей и обвивающим планету подобно обмотке электромотора.

Процесс создания этой обмотки Овод и Хоури наблюдали

собственными глазами. Они видели, как прокладывались петли, как они погружались в атмосферу, но точно оценить глубину погружения не могли. Должно быть, обмотка тонула в океане металлического водорода, чтобы вступить в контакт с богатой металлами каменной сердцевиной Руха и передать ей вращательный момент. Внешнее ускорение заставляло вращаться обмотку, а через нее — и саму планету.

Тем временем металлическое кольцо вокруг Руха генерировало междуполусной переменной ток, который проходил сквозь планету и возвращался в арку через плазму магнитосферы. Заряженные элементы в кольце оказывали сопротивление полю, в которое были внедрены, слегка изменяя угловой момент в обмотке.

Газовый гигант начал вращаться быстрее — сначала это было почти незаметно.

Процесс продолжался уже почти год. Эффект оказался катастрофическим. Из-за увеличения скорости вращения планеты ее притяжение ослабевало, и ядро больше не могло удерживать атмосферу. В течение каких-то шести месяцев половина массы атмосферы рассеялась в околопланетном пространстве и образовала туманность, столь же красивую, сколь и омерзительную. Именно ее можно было наблюдать в вечернем небе Ресургема в виде пятна, похожего на отпечаток большого пальца. Сейчас Рух уже почти лишился атмосферы. Давление стремительно падало, жидкий водород переходил в газообразное состояние, выделяя огромное количество энергии, которую использовали раскручивающие механизмы. В океане металлического водорода происходили еще более драматические изменения. Эти процессы тоже были частью грандиозного плана, и ни один не начинался и не завершался случайно.

Все, что осталось от Руха в настоящий момент — это тектонически нестабильное ядро, которое разрывала сила вращения. Машины облепили его — в точности как говорил Овод, — перерабатывая и очищая вещество. В туманности медленно возникали уплотнения и узлы, похожие на переплетенных между собой призраков, превосходящие по размерам луны. Сгустки постепенно обретали очертания.

— Я не знаю, что там происходит, — снова заговорил Овод. — Подозреваю, что никто этого не знает. Но я попробую предположить. До сих пор Подавляющие действовали строго поэтапно. Механизмы их деятельности непонятны, но можно сказать одно: могущество этих машин не безгранично. Им нужна материя. Просто превратить газовый гигант в туманность они не могут. Для этого необходимо изготовить инструменты,

для чего и были разрушены первые три луны. Запомните это хорошо: они нуждаются в материи. Получение энергии, кажется, не составляет для них проблемы. Возможно, машины тянут ее прямо из вакуума. Но очевидно, что они не могут превращать энергию в материю — не могут в принципе, независимо точностью или эффективностью. Поэтому им и приходится работать поэтапно, пошагово. Сейчас они разделали Рух и получили, как я понимаю, около одной десятой процента всей полезной массы в системе. Исходя из этого, можно предположить: полученная масса будет использована для того, чтобы сделать следующий шаг. Какой именно — неизвестно. Но я рискну сделать еще одно предположение. В системе есть только один объект с массой большей, чем у газового гиганта. Это солнце. Думаю, Подавляющие займутся им.

— Это просто домыслы, — негромко крикнул кто-то из зала.

— Хотелось бы верить. Но это объясняет, почему Подавляющие еще не уничтожили Ресургом. Причина очевидна: им это просто не нужно. Однако это не значит, что в ближайшее время нам можно не беспокоиться за нашу планету. Повод для беспокойства возникнет — боюсь, даже раньше, чем нам бы хотелось. Все произойдет само собой. Подавляющие разом уничтожат всю систему.

— Нет... — воскликнул кто-то.

Овод приготовился отвечать. Сомнения людей понятны. Такое происходило не первый раз — чтобы принять правду и сжиться с ней, всегда необходимо какое-то время. Овод специально начал с рассказа о шаттлах — людям необходимо оставить надежду. Да, приближается гибель колонии, конец всего мира — но это не означает, что погибнут люди. Путь к спасению остается. Этим людям, всем и каждому, нужно только одно — это смелость, чтобы поверить ему, и решимость, чтобы пойти за ним.

И тут Овод понял, что возглас был вызван совершенно другой причиной.

Полиция. Первые уже входили через дверь.

Действуй так, будто твоя жизнь в опасности, сказала ему Хоури. Все должно выглядеть исключительно правдоподобно. Если план сработает — а он сработает, нам всем на благо, — люди поверят, что тебя арестовали совершенно неожиданно, и никто тебя не предупредил. Так что дерись получше, Овод, и будь готов к боли.

Он спрыгнул со сцены. Лица полицейских были скрыты респираторами, в руках баллоны со спреем и прочие средства усмирения. Стражи порядка быстрыми подпрыгивающими шагами двигались сквозь ошеломленную публику, молчаливые и бесстрастные, как машины. Овод со

всех ног бросился к проходу, вспоминая маршруту отступления. В двух кварталах отсюда его ожидает вездеход... Главное, чтобы все выглядело реально. Даже ценой крови.

Он слышал хлопки откидных кресел, когда люди вставали или пытались встать. Щелкали гранаты с психогенным газом, время от времени раздавалось жужжание прерываемое влажным шлепком — это полицейские стреляли оглушающими пулями. Послышался звук удара брони о кость, кто-то закричал... Потом мгновение полной тишины — но только мгновение. Комната потонула в безумной панике. Каждый думал лишь о том, как выбраться наружу.

Выход, к которому прорывался Овод, был перекрыт. В коридоре маячили полицейские.

Овод бросился в другую сторону. Та же история. В горле запершило, откуда-то неожиданно накатил паника, необоримая, как желание чихнуть. Действие газа оказалось настолько мощным, что Оводу захотелось уползти в угол и съежиться. Страх не давал твердо стоять на ногах. Сопrotивляясь страху, Овод схватил стул и поднял над головой, точно щит.

И тут полицейские навалились на него.

Следующее, что осознал Овод, — что стоит на коленях, потом на четвереньках. Полицейские колотят его дубинками, но так, чтобы не поломать кости и не повредить внутренние органы — просто оставить нескольких синяков.

Рядом Овод увидел другую группу полицейских. Они повалили женщину с плохими зубами, и она исчезла под ними, как карта в руке шулера.

Дождидаясь осведомителя, чтобы закончить строительство, надсмотрщик небрежно копался в пластах воспоминаний своих прежних воплощений.

Надсмотрщик не являлся просто машиной Подавляющих. Это было бы слишком рискованно — сосредотачивать все знание и опыт в такой уязвимой конструкции. Но, когда стая прибывала туда, где требовалось провести зачистку — обычно это было пространство не более чем несколько световых часов в поперечнике — из множества субсознаний, способных лишь к ощущению и восприятию, генерировался единый разум, рассредоточенный между множеством носителей. Между ними устанавливались связи, передающие информацию со скоростью света, сплетая неторопливое, надежное, уверенное течение мысли. Если же требовалась быстрая обработка данных, ее поручали более мелким

соединениям. Мыслительные процессы надсмотрщика происходили с неизбежной медлительностью, но эта ограниченность никогда не воспринималась Подавляющими как проблема. Они даже не пытались соединить подэлементы надзирателя коммуникационными каналами, которые позволяли бы мгновенный обмен информацией. В архиве содержалось слишком много предупреждений об опасности подобных экспериментов. Целые виды удалялись из истории галактики из-за единственного глупого эпизода, вызвавшего нарушение причинности.

Надсмотрщик был не только медлительным и рассредоточенным образованием. Он был образованием временно существующим, которому разрешалось лишь мимолетное самоосознание. И даже в эти моменты он с мрачной обреченностью понимал: исполнив свои обязанности, он должен немедленно умереть. Но необратимость его судьбы не вызывала горечи, когда он просматривал архивные воспоминания о своих предыдущих появлениях, воспоминания о действиях во время предыдущих зачисток. Просто так должно быть. Разум, даже машинный — нечто такое, чем не позволительно заражать галактику, даже предотвращая надвигающийся кризис. Ибо самым худшим врагом разума был разум.

Он обнаружил, что вспоминает некоторые из предыдущих зачисток. Конечно, сущность надсмотрщика, руководящего теми зачистками, не совсем совпадала с нынешней. Когда группы Подавляющих встречались, что происходило редко, они обменивались знаниями, информацией о недавних зачистках, методами и схемами. Со временем эти встречи становились все более редкими, поэтому за последние пять миллионов лет в библиотеку техник пополнилась лишь однажды. Чем дольше группы были отделены друг от друга, тем осторожнее контактировали при встрече. Ходили даже слухи, что разные фракции Подавляющих конфликтуют за право на проведение зачисток.

Что-то определенно шло не так, что-то изменилось со старых времен, когда опустошения проводились чисто и методично, когда не было массовых проскальзываний через сеть. Надзиратель не мог отказаться от умозаключений. Колоссальная галактическая машина для сдерживания разума, машина, одной из послушных частей которой был надсмотрщик, слабела и разрушалась. Разум просачивался сквозь ее трещины, распространяясь подобно паразитам. Ситуация неуклонно ухудшалась в течение последних пяти миллионов лет, однако это не шло ни в какое сравнение с тринадцатью Галактическими Оборотами — тремя миллиардами лет — которые прошли до появления первых признаков кризиса. Неужели больше не удастся сдерживать распространение

разума? Достаточно было пощадить всего один вид, позволить ему избежать уничтожения. Пощадить тех, кто были когда-то четвероногими позвоночными, которые дышали кислородом. Млекопитающих. Надсмотрщик почувствовал далекое эхо родства. Ничто подобное никогда не беспокоило его, когда Подавляющие уничтожали дышащих аммиаком мешкообразных тварей или покрытых шипами и иглами инсектоидов.

Надсмотрщик заставил себя выйти из этого настроения. Очень вероятно, такой образ мышления понижал коэффициент эффективности зачисток.

Нет. Млекопитающие умрут. Так бывало всегда, так должно быть.

Он посмотрел, как расширяются работы вокруг Дельты Павлина. Надсмотрщик знал о предыдущей зачистке, об уничтожении птицеподобных, которые обитали в этом секторе космоса около миллиона лет назад. Млекопитающие развивались в другой планетной системе и просто пришли сюда. Значит, достаточно будет одной фазы повторной зачистки. Последний раз она производилась слишком небрежно, думал надзиратель. Конечно, всегда возникало желание провести зачистку с минимальными повреждениями окружающей среды. Миры и солнца обращали в оружие лишь под угрозой массового появления разума третьего класса. Но даже тогда этого старались избегать. Надсмотрщик не любил производить чрезмерные разрушения. Опустошение звезд вызывало у него иронию — в течение трех миллиардов лет смысл работы состоял в проведении зачистки минимальной ценой. Но что сделано, то сделано. Определенное количество дополнительных повреждений в данном случае неизбежно и необходимо.

Грязно, беспорядочно. Но это, подумал надсмотрщик, и была «жизнь».

Инквизитор вглядывалась в мокнувший под дождем Кювье. Ее отражение в темном стекле словно парило на фоне города.

— Мадам, вы уверены, что все будет нормально? — спросил вошедший охранник.

— Я справлюсь, — бросила она, не поворачиваясь. — Если что, вы в соседней комнате. Снимите с него наручники и оставьте нас.

— Вы уверены, мадам?

— Снимите наручники.

Охранник разъединил пластиковые браслеты. Овод встряхнул кистями руки и нервно прикоснулся к лицу, как актер, трогаящий слой грима,

который мог еще не высохнуть.

— Можете идти.

— Слушаюсь, мадам.

Охранник удалился и закрыл за собой дверь.

Овод с облегчением плюхнулся на специально приготовленный для него стул. Хоури по-прежнему смотрела в окно стекло, крепко стиснув за спиной руки. Струи дождя, стекая с карниза над окном, образовали прозрачный занавес. Ночное небо превратилось в дымчатую пелену неопределенного цвета — смесь красного с черным в равных пропорциях. Не было звезд, не было зловещего объекта в небе.

— Больно было?

Надо оставаться в роли. Овод помнил об этом.

— Как вы думаете, Вуалюмье? Я сделал это сам, из склонности к мазохизму?

— Нам известно, кто ты такой.

— Мне тоже. Меня зовут Рензо. С чем вас и поздравляю.

— Ты Овод. Которого мы искали, — ее голос звучал немного громче обычного. — Знаешь, тебе очень повезло.

— Да неужели?

— Если бы тебя обнаружили Антитеррористы, ты бы оказался в морге. Может быть, в нескольких моргах. Благодарю полицейских. А вообще-то, тебя спасло то, что они не знали, с кем имеют дело. Даже если бы я прямо сказала им, кто ты такой — сомневаюсь, что они бы поверили. Овод — герой мифов. Думаю, они ожидали увидеть гиганта, способного порвать их голыми руками. Но ты выглядишь как обычный человек. Ты ничем не отличаешься от тех, кто ходит по улицам Кювье.

Овод провел пальцем вокруг рта, пытаясь оценить степень повреждений.

— Будь я Оводом, я бы извинился за такое разочарование.

Она развернулась и подошла к нему. Это была не Хоури, не ее манера держаться, не ее выражение лица. Даже аура, которую она излучала, не могла принадлежать Хоури. Овод пережил страшный момент сомнения. Все, что произошло после их последней встречи в этой комнате, вдруг показалось нереальным.

Но Ана Хоури существовала. Она раскрыла ему свои секреты — не только те, что касались ее подлинной личности и личности Триумвира, но и секреты, пробуждающие боль, которая гнездилась глубоко в душе. О том, что у нее есть муж; о том, что их безжалостно разлучили. Он не сомневался ни на миг, что Ана до сих пор любит того человека. И в тоже время

отчаянно хотел оторвать ее от прошлого, заставить принять случившееся и двигаться дальше. И это заставляло чувствовать вину. То, что он хотел сделать, было не только помощью Хоури. Он желал ее, желал горячо и неистово. И ненавидел себя за подобные мысли, но желание не ослабевало.

— Ты можешь встать?

— Я же пришел сюда.

— Тогда иди за мной. И не вздумай что-нибудь выкинуть. Иначе тебе будет очень плохо.

— Что вы от меня хотите?

— Кое-что обсудить наедине.

— Мне и здесь неплохо, — фыркнул Овод.

— Хочешь, я отдам тебя Антитеррористам? Это очень легко устроить. Уверена, они будут счастливы тебя видеть.

Инквизитор провела пленника в комнату, которую он помнил по первому визиту — со стеллажами, забитыми массой папок, вдоль трех стен. Закрыв за собой дверь, плотно и надежно, Ана взяла со стола тонкий цилиндрик серебристого цвета, похожий на сигару, подняла над головой и несколько раз медленно обернулась вокруг себя. Наконец крошечные красные огоньки на «сигаре» замигали и стали зелеными.

— Ну вот, все в порядке, — сказала она, когда огоньки перестали менять цвет в течение трех-четырёх минут. — С недавних пор приходится соблюдать крайнюю осторожность. Пока я была на звездолете, здесь установили жушок.

— И что, много узнали? — поинтересовался Овод.

— Вообще ничего. Это была примитивная «пуговица». К тому времени, как я вернулась, она сама собой накрылась. Но потом они сделали другую попытку, чуть менее неуклюжую. Я не могу рисковать, Овод.

— Кто это развлекался? Еще один департамент?

— Возможно. Я пообещала им голову Триумвира на блюдечке и не доставила. Кто-то что-то начал подозревать.

— У тебя есть я.

— Ага... Полагаю, это должно меня немного утешить... О, черт! — казалось, она только что смогла разглядеть его лицо. — Что они с тобой сделали! Прости, что заставляю тебя через это пройти.

Она извлекла из ящика стола крошечную аптечку, смочила дезинфицирующим раствором ватный тампон и начала аккуратно обрабатывать его рассеченную бровь.

— Больно, — прошипел Овод.

Лицо Аны находилось совсем близко. Он видел каждую пору на ее

коже... и мог глядеть ей прямо в глаза, не испытывая неловкости.

— А чего ты хотел? Тебя действительно сильно избили?

— Твои друзья не сделали ничего такого, чего не делали раньше. Выживу... — Овод непроизвольно дернулся. — Да, гуманизмом они не страдают.

— Они не получили никаких особых распоряжений — только обычные инструкции общего характера... Извини, но это было неизбежно. Если хоть одна частность, касающаяся твоего ареста, покажется не совсем правдоподобной, нам конец.

— Ты не против, если я сяду?

Хоури помогла ему опуститься на стул.

— Жаль, что приходится заставлять других людей испытывать боль.

Овод вспомнил, как полицейские повалили женщину с гнилыми зубами.

— Ты уверена, что с ними все будет в порядке?

— За решетку никого не посадят. По крайней мере, я так планирую.

— Это я и имею в виду. Ана, те люди не должны страдать. Им предстоит быть свидетелями.

Хоури еще раз смочила вату.

— Черт подери, они пострадают куда больше, если наша затея провалится. Никто из них ногой не ступит на борт шаттла, пока не решится последовать за тобой. Лучше чуть-чуть потерпеть сейчас, чтобы не умереть позже.

Как будто в подтверждении своих слов, она чуть сильнее надавила тампоном, и Овод взвыл: больное место как будто проткнули иголкой.

— Весьма трезвый взгляд на мир, — простонал он. — Похоже, что ты провела с теми Ультра больше времени, чем говорила.

— Я не Ультра. Да, я использовала их. Они использовали меня. Но это не значит, что я стала такой же, — Хоури захлопнула аптечку и спрятала ее обратно в стол. — Постарайся это запомнить, ладно?

— Извини. Просто вся эта история выглядит до черта отвратительно. Как будто это не люди, которые живут с нами на одной планете, а стадо овец. Мы решили, что где-то там им будет лучше, и гоним их туда. Не оставляя им никакого права на выбор.

— У них нет времени делать выбор, вот в чем проблема. Мне бы тоже хотелось сделать все демократично. Знаешь, что мне больше всего на свете нравится? Чувствовать, что у меня совесть чиста. Но на этот раз у меня ничего не выйдет. Представь себе, что люди узнают, как оно все выглядит на самом деле. Единственная возможность не погибнуть вместе с этой

гребаной планетой — сесть на межзвездный корабль. Который сросся с телом своего капитана, зараженного Комбинированной Эпидемией, и в результате превратился черт знает во что. Добавлю, что этот капитан — убийца, который окончательно выжил из ума. Ох... Само собой, народ сломя голову помчится к твоим шаттлам. А раскатывать перед ними ковровую дорожку будет лично Триумвир Илия Вольева, персона нон грата номер один на Ресургеме. Как ты думаешь, сколько человек скажет «спасибо, не надо»?

— По крайней мере, они сами сделают выбор, — сказал Овод.

— Ага. Шикарное утешение — и для нас, и для них. Когда они будут, к чертям собачьим, превращаться в пепел, а мы — на это любоваться. Извини, Овод, но я лучше сделаю свой выбор сейчас, а этические вопросы буду решать позже, когда мы спасем несколько жизней.

— Если даже дело выгорит, всех нам не спасти.

— Знаю. Могли бы, но не получится. Это неизбежно. Двести тысяч человек разбросаны по всей планете. Если мы начнем прямо сейчас, то сможем вывезти всех в течение шести месяцев. За год — почти наверняка. Но даже года может не хватить. Думаю, операцию можно будет считать успешной, если мы спасем хотя бы сто тысяч. Скорее всего, будет меньше. Не знаю... — Хоури с силой провела ладонями по лицу — и внезапно как будто постарела и обессилела. — Я стараюсь не думать, насколько скверно все может закончиться.

Черный телефон на ее столе зазвонил. Косясь на свою серебристую «сигару», Хоури позволила ему издать несколько дребезжащих трелей. Огоньки по-прежнему светились зеленым. Жестом приказав Оводу сидеть тихо, она сняла тяжелую трубку.

— Вуалюмье слушает. Надеюсь, это важно. Я допрашиваю подозреваемого по делу Овода.

Голос на другом конце провода что-то ответил. Хоури вздохнула, затем закрыла глаза. В трубке продолжали говорить. Овод не мог разобрать ни слова, но понял, что собеседник Хоури находится на грани истерики. Казалось, он рассказывает о какой-то катастрофе. Голос становился все более надрывным, а затем смолк.

— Мне нужны имена тех, кто в этом замешан, — сказала Хоури, повесила трубку и посмотрела на Овода. — Прости.

— За что?

— Эти уроды убили кого-то, когда разгоняли митинг. Она умерла несколько минут назад. Эта женщина...

Он не дал ей договорить.

— Я знаю, кого ты имеешь в виду.

Хоури ничего не ответила. Молчание наполнило комнату, усиленное и отраженное от рядов папок на стеллажах — жизнью, задокументированных и прокомментированных с безжалостной точностью.

— Ты знал, как ее зовут?

— Нет. Она была просто моим последователем. Просто искала способ покинуть Ресурге́м.

— Прости... — Хоури потянулась через стол и взяла его за руку. — Прости. На самом деле, прости, Овод. Я не хотела, чтобы все так началось.

Овод коротко рассмеялся. Сейчас он презирал себя до глубины души.

— Все отлично. У нее это получилось, верно? То, чего она хотела. Убраться с планеты. Она стала первой.

Глава 25

Закованная в черный металл, который заменил ей тело, Скейд широким шагом двигалась по кораблю. Теперь это был ее корабль, целиком и полностью. «Ночной тени» уже ничто не угрожало: недавно она незамеченной проскользнула через последний «слой» оборонительного периметра Демархистов. Теперь между кораблем и местом его назначения не осталось ничего, кроме расстояния — нескольких световых лет.

Металлические пальцы Скейд касались переборок. Это было восхитительное ощущение — прикосновение неживого к неживому. Было время, когда присутствие Клавейна на корабле распространялось, подобно зловонию. Потом он переметнулся на сторону противника, но оставался Ремонтуа, друг и союзник Клавейна. И только теперь, когда эти двое исчезли, Скейд могла с полным правом назвать «Ночную Тень» своим кораблем. Она могла назвать его любым другим именем, какое только придет ей в голову, или вообще оставить его безымянным, хотя у Объединившихся такое не принято. Нет, пожалуй, она сохранив старое название. Скейд находила в этом некое извращенное удовольствие. С каким наслаждением она повернет против Клавейна это прекрасное оружие, которое некогда принадлежало ему самому! И наслаждение будет еще сильнее, если оно сохранит имя, которое Клавейн дал ему. Наслаждение последним ударом, унижением, достойная месть за то, что этот предатель с ней сделал.

Однако, несмотря на всю свою ненависть, она не могла отрицать, что приспособилась к своему новому состоянию, хотя всего неделю назад представить не могла, что такое возможно. «Доспехи» действительно заменили ей тело. Скейд восхищенно любовалась своим отражением в зеркальных стенах и порталах. Неловкость, которая донимала ее первое время, исчезла. Уединившись в своей каюте, Скейд забавлялась часами, наслаждаясь ловкостью и силой своих новых рук. «Броня» училась предвидеть ее движения, освобождаясь от необходимости ждать сигнала, ползущего вверх и вниз по спине. Скейд исполняла на голографической клавиатуре фуги для одной руки в непредусмотренном композитором темпе, ее бронированные пальцы превращались в сверкающий металлический смерч, смертоносный, как артиллерия. Ее мастерство заставляло токкату Ре мажор, сочиненную неким Бахом, коллапсировать подобно ядру сверхновой. Скейд превращала фуги в поток звуков, больше

напоминающий очередь пистолета Гатлинга, и лишь подняв скорость мышления почти до предела, могла наслаждаться музыкой.

Но это было просто развлечение. Скейд сумела проскользнуть через оборонительные линии Демархистов, но последние три дня ее не оставляло ощущение, что проблемы еще не закончились. Что-то следовало за ней, покинув систему Йеллоустоуна и двигаясь по очень похожей траектории.

Настало время поделиться новостями с Фелкой.

На «Ночной Тени» царила тишина. Только механические шаги Скейд разносились по коридору, ведущему в спальный отсек — мерно и тяжело, как удары кузнечного молота. Корабль двигался с ускорением два «g», подчиняющие инерцию машины работали гладко и спокойно, но у Скейд движение не вызывало неудобства.

Она заморозила Фелку вскоре после того, как узнала о своей ошибке. Тщательно проверяя все новости с Йеллоустоуна и его окрестностей, Скейд поняла, что Клавейн снова обманул ее; что Ремонтуа и свин не смогли найти отступника и попали в руки местных бандитов. Ей очень хотелось поддаться соблазну и сделать вывод, что сам Клавейн мертв. Но она уже совершила такую ошибку раньше и не хотела совершать ее второй раз. Именно по этой причине Скейд и оставила Фелку на корабле. Это было средство давления, которое можно будет использовать в ходе переговоров с Клавейном. Скейд знала, кем он считает Фелку.

Он заблуждался, но в данном случае это не имело никакого значения.

Скейд намеревалась вернуться в Материнское Гнездо после завершения миссии, но провал заставил ее пересмотреть планы. «Ночная Тень» вполне способна продолжать полет в межзвездном пространстве. На пути к Дельте Павлина понадобится только минимальное техническое обслуживание. Производитель Работ мог самостоятельно завершить строительство эвакуационного флота и не нуждался в непосредственном наблюдении. Когда корабли будут готовы к полету и оборудованы устройствами, контролирующими инерцию, часть из них последует за Скейд в направлении системы Ресургема. Остальные отправятся в другом направлении, нагруженные спящими Объединившимися. Одна мощная боеголовка закончит существование Материнского Гнезда.

Скейд попытается вернуть орудия. Если первая попытка не увенчается успехом, то ей останется только дожидаться своей армады. Эти корабли больше «Ночной Тени» и намного мощнее вооружены — на них установлены релятивистские рельсовые пушки. Как только похищенные орудия окажутся в руках Объединившихся, армада Скейд отправится на встречу с остальными звездолетами — в другую систему, как можно

дальше и от Дельты Павлина, и от Волков.

И тогда корабли отправятся еще глубже в космос, на много десятков, даже сотен световых лет, двигаясь в плоскости Галактической эклиптики. Пора сказать «прощай» этой планетной системе. Скорее всего, никто из них больше ее не увидит.

Созвездия сместятся, думала Скейд. Не просто на несколько градусов — настолько, чтобы изменятся до неузнаваемости. Впервые в истории люди окажутся действительно под чужим небом. В котором не будет успокоительных образов из детских сказок человечества, того взаиморасположения звезд, которое получило дополнительный смысл благодаря человеческому сознанию. И люди всегда будут помнить, что привычное небо может стать жестоким, как волшебный лес, кишачий монстрами.

Внезапно вес изменился. Казалось, Скейд оказалась на морском судне, которое внезапно попало в шквал. Облокотившись о переборку, Скейд установила связь с Жаструсьяком и Моленкой, учеными-техниками, экспертами по системе контроля инерции.

«Что-то случилось?»

Первой отозвалась Моленка.

(Нет, Скейд. Просто небольшая нестабильность пузыря. Ничего неожиданного.)

«Если возникнут какие-либо отклонения, Моленка, я хочу узнавать об этом немедленно. Возможно, нам может потребоваться выжать из этой техники гораздо больше, и я хочу быть в ней абсолютно уверена».

На этот раз ответил Жаструсьяк.

(У нас все под контролем, Скейд. Машина в превосходно стабильных условиях состояния два. Незначительное отклонение угасло назад в середину.)

«Хорошо. Но старайтесь лучше контролировать нестабильные состояния, договорились?»

Скейд хотела добавить, чтобы эти двое больше не пугали ее, но передумала. Не стоит делиться своими страхами с другим Объединившимися. По крайней мере, не сейчас. Слишком много зависит от того, насколько остальные подчинятся ей, признав ее лидерства. Подчинить своей воле тех, кто связан общим сознанием — задача не из легких. И верный способ выпустить ситуацию из-под контроля — это посеять сомнение в собственных способностях.

Но поле стало равномерным. Удовлетворенная, Скейд продолжала путь в спальный отсек.

Из криогенных саркофагов были заняты только два. Шесть часов назад Скейд запустила цикл пробуждения на саркофаге Фелки. Сейчас та пребывала в бессознательном состоянии, крышка ее саркофага, ближайшего из двух, была открыта. Мягко приблизившись, Скейд полусогнула бедра, почти присев на корточки. Диагностическая аура говорила о том, что Фелка «отогрелась» и сейчас находится в состоянии «быстрого сна»: глазные яблоки двигались, веки чуть вздрагивали. Скейд металлическую ладонь ей лоб и надавила — очень мягко и нежно. Спящая застонала и поднялась.

«Фелка... Фелка... Просыпайся».

Фелка медленно приходила в себя. Скейд терпеливо ждала, глядя на нее почти с любовью.

«Фелка. Пойми меня. Ты выходишь из состояния замороженного сна, в котором находилась шесть недель. Ты чувствуешь дискомфорт и растерянность, но это пройдет. Ничего не бойся».

Фелка открыла глаза и тут же зажмурилась, как от боли: мягкий голубой свет, заливающий отсек, казался ей слишком ярким. Она снова застонала и попыталась вылезти из сундука, но для этого требовалось слишком большое усилие, тем более при двухкратной перегрузке.

«Полегче».

Фелка что-то промычала. Потом последовало нечленораздельное бормотание, снова и снова, пока слова не прозвучали четко.

— Где я?

«На борту „Ночной Тени“. Помнишь? Мы полетели за Клавейном во внутреннюю систему».

— Кла-вейн... — она молчала примерно десять-пятнадцать секунд и добавила: — У-мер?

«Не думаю».

Фелка попробовала снова открыть глаза. На этот раз у нее получилось.

— Расскажи мне... что произошло.

«Клавейн провел нас. Он бросил корвет. Это произошло около Ржавого Обода. Думаю, ты хорошо это помнишь. Ремонтуа и Скорпио последовали за ним. Кроме них, никто не мог пойти — только они могут находиться в пространстве Йеллоустоуна, не привлекая внимания. Тебе я бы не позволила отправиться с ними по очевидным причинам. Клавейн беспокоится о тебе, Фелка, и это делает тебя ценной».

— Залож-ницей?

«Нет, конечно, нет. Просто одной из нас. Клавейн — овца, отбившаяся от стада, в отличие от тебя. Мы хотим вернуть его, Фелка. Как блудного

сына».

Они шли в сторону мостика. Фелка потягивала коктейль со вкусом шоколада, в котором содержались мидишны, способствующие восстановлению организма.

— Где мы? — спросила она.

Скейд указала на дисплей, который показывал звездное поле с кормы. Единственная тусклая красно-желтая звезда была обведена зеленым — Эпсилон Эридана, видимая в двести раз слабее, чем с самой отдаленной точки системы, из Материнского Гнезда, и в десять миллионов раз по сравнению с небом Йеллоустоуна. Впервые в жизни Скейд действительно находилась в межзвездном пространстве.

«Мы в шести неделях полета от Йеллоустоуна, это более тысячи трехсот астрономических единиц. Почти все время мы поддерживаем двукратное ускорение, то есть „Ночная Тень“ уже набрала одну четвертую скорости света. Обычный корабль к этому времени изо всех сил пытался бы выжать одну восьмую, Фелка. Но мы можем увеличить еще, если понадобится».

Скейд знала, что это не принесет почти никакой практической выгоды. Теория относительности гарантировала это. Предельно высокая скорость сократит субъективное время их путешествия к Ресургему, но никак не отразится на объективном времени, которое займет перелет. И именно объективное время играет основную роль: именно его измеряет внешний наблюдатель, а значит, Скейд придется и еще дольше ждать встречи с другими кораблями эвакуационного флота.

Однако могли найтись и другие причины увеличить ускорение. Втайне Скейд уже обдумывала опасные и увлекательные возможности, которые могли полностью изменить правила.

— А другой корабль? — спросила Фелка. — Где он?

Скейд уже рассказала ей о судне, которое следовало за ними. На дисплее появился второй кружок, разделенный двумя пересекающимися линиями толщиной с волос — почти точно над тем, который обозначал Эпсилон Эридана.

«Вот он. Очень слабый, но там есть явный источник тау-нейтрино, и объект движется тем же курсом, что и мы».

— Только далеко сзади, — сказала Фелка.

«Да. Три или четыре недели позади нас».

— Может, это торговый корабль — Ультра или кто-то еще, движется примерно в том же направлении.

Скейд кивнула.

«Я думала о такой возможности. Непохоже. Ресургом — не самое популярное место для Ультра, а если бы корабль направлялся в другую колонию в том же секторе, мы бы уже заметили разницу в траектории. Он висит у нас на хвосте.

— Кормовое преследование?

«Да, он летит именно за нами. И у них есть даже некоторое тактическое превосходство. Они далеко, но наше пламя направлено в их сторону. Я могу следить за ними, потому что у нас есть тяжелые нейтринодетекторы военного класса, хотя это непросто. А им не требуется никаких ухищрений, чтобы обнаружить „Ночную Тень“. Я разделила наши лучи выхлопа на четыре составляющие и придала им небольшое угловое отклонение, но им довольно и этого, чтобы отследить наше положение. Однако у нас нет выброса нейтрино. Когда мы развернемся и направим пламя в сторону Ресургема, это даст нам определенное преимущество... Но до этого не дойдет. Корабль никогда не догонит „Ночную Тень“, как бы он не старался».

— Значит, он должен был безнадежно отстать, верно? — спросила Фелка.

«Нет. Он держит два „g“ от самого Ржавого Обода».

— Не думала, что обычные корабли могут так быстро двигаться.

«Как правило, нет. Но всегда найти способ, как это сделать. Помнишь Ирравель Веда?»

— Конечно, — ответила Фелка.

«Преследуя Рана Сэвэна, Ирравель модифицировала свой корабль, чтобы достичь стабильного двукратного ускорения. Но она сделала это весьма жестоким способом: не модифицировала двигатели, а сняла с корабля все, что можно, оставив один скелет. Она даже высадила всех своих пассажиров на комете, чтобы уменьшить массу».

— Думаешь, что тот корабль сделал нечто подобное?

«Другого объяснения нет. Но это им не поможет. Даже с двукратным ускорением они не могут сократить разрыв. Если мы еще уменьшим инерцию, расстояние между нами увеличится. До трех „g“ им не разогнаться, Фелка. Невозможно сбросить такую массу, от корабля просто ничего не останется. Скорее всего, они и так идут на пределе возможностей».

— Думаю, это Клавейн, — сказала Фелка.

«Кажется, ты в это уверена».

— Сомневаюсь, что он согласится отступить. Это не в его стиле.

Клавейн решил добыть орудия. И не собирается просто так сидеть и смотреть, как наложишь на них свои холодные железные руки».

Скейд хотела пожать плечами, но доспехи не позволили.

«Это только подтверждает мои старые подозрения. Клавейн не рационалист, а человек, который любит красивые жесты, и неважно, насколько они глупы и бесполезны. И все, что сейчас происходит — его самый грандиозный и безнадежный жест на сегодняшний день».

Клавейн попал в первую ловушку Скейд в восьмистах астрономических единиц от Йеллоустоуна, в ста световых часах от границы системы. На самом деле, нечто подобное ожидалось. Наоборот, могло насторожить, если бы Скейд ничего не предпринимала. Но она оправдала ожидания.

«Ночная Тень» сеяла мины. Вот уже неделю она оставляла за кормой автоматизированные, высокоавтономные механизмы наподобие «шершней». Носовые сенсоры на корабле Клавейна почти не замечали их. «Шершни» были достаточно малы, чтобы Скейд могла производить и разбрасывать их и расставлять сотнями, засоряя пространство на пути преследователей.

«Шершни» не отличались высоким интеллектом и поражающей мощностью. Скейд знала, какой траектории должен придерживаться Клавейн... впрочем, он тоже догадывался, куда она направляется. Но она понимала кое-что еще. Малейшее отклонение от прямой, соединяющей Эпсилон Эридана и Дельту Павлина, будет стоить Клавейну нескольких драгоценных недель. Он и так двигался со значительным отставанием и вряд ли мог позволить себе задерживаться. Следовательно, он будет продолжать следовать тем же курсом — не считая пренебрежимо мелких отклонений.

Однако это означало необходимость «засеивать» значительное пространство. Взрыв — не самый эффективный способ причинить вред космическому судну, разве что он произойдет в непосредственной близости от обшивки: ударные волны в вакууме не распространяются. Шанс, что одна из мин окажется ближе чем в тысяче километров от корабля отступника, настолько ничтожен, что его можно не принимать в расчет. Следовательно, нет смысла снабжать мины разрывными зарядами. Несомненно, Клавейн ожидает, что мины научены «замечать» корабль со стандартного расстояния в несколько световых секунд и открывать по нему огонь. Это могли оказаться одноразовые пусковые установки, скорее всего, корпускулярные. Примерно так действовал бы он сам, зная, что за корабль

его преследует.

Но Скейд использовала разрывные заряды, вставляя их, насколько Клавейн мог судить, в каждую двадцатую мину, со статистическим увеличением плотности от центра к краю группы. Боеголовка реагировала, как только корабль оказывался на расстоянии светового часа от нее. Возникала сильная вспышка ярко-голубого света, который сменялся фиолетовым, затем красным, удаляясь со скоростью несколько сотен километров в секунду. Затем — когда через час, когда через десять, — взрывалась другая мина. Иногда две или три, расположенные недалеко друг от друга, срабатывали одновременно, озаряя вечную ночь космоса подобно фейерверку. Некоторые разрывы происходили совсем близко, но не настолько, чтобы причинить какой-либо вред кораблю. Клавейн провел регрессивный анализ распространения волн и пришел к выводу, что лишь одна из тысячи мин имеет какой-то шанс задеть его звездолет. Вероятность действительно серьезных разрушений была еще в сто раз ниже. Этого следовало ожидать: мины явно предназначались для другой цели.

Значит, Скейд использует разрывные заряды, чтобы увеличить точность прицела других орудий. Взрывы освещали корабль подобно вспышкам стробоскопа, позволяя оценить его положение в конкретный момент времени и рассчитать скорость. Возможно, другие «шершни» улавливали обратное рассеивание отраженных фотонов от корпуса звездолета Клавейна. Размеры бомб не позволяли встроить в них детекторы нейтрино, поэтому Скейд приходилось полагаться на устаревшие позиционные оценки: «Ночная Тень» на много световых часов опережала преследователя. Разрывы позволяли судить о прежнем положении корабля. Однако это не мешало мощным орудиям Скейд держать его на прицеле. Клавейн знал эти орудия. Их выстрел виден только по вспышке, когда оно поражает цель. По мощности они примерно в сто раз превосходят разрывные заряды — это корпускулярные пушки или гразеры, которые сохраняют поражающую силу на расстоянии пяти световых секунд. Если луч проходит мимо, его невозможно заметить. В межзвездном пространстве мало сгустков пыли. Даже если он пройдет через такой сгусток в считанных километрах от корабля, то не рассеется настолько, чтобы быть замеченным приборами. Клавейн чувствовал себя глухим с завязанными глазами, который пробирается по минному полю и не слышит жужжания пуль, пролетающих рядом.

Самое смешное, что он не заметит выстрела даже в тот момент, когда луч ударит в его судно.

Стратегия, которую Клавейн разработал, могла с определенной

вероятностью оказаться успешной. Если дальность действия орудий Скейд — около пяти световых секунд, они зависят от позиционных оценок, по крайней мере, десятисекундной давности... скорее всего, тридцатисекундной. Алгоритмы прицеливания экстраполировали его курс, беря в вилку наиболее вероятную позицию в будущем с пространством менее вероятных подсчетов. Но эти тридцать секунд позволяли свести на нет всю эффективность стратегии Скейд. Объединившей крайне неэффективной. При стабильном двукратном ускорении корабль Клавейна перемещался за полминуты на девять километров, более чем на две длины своего корпуса. Достаточно немного поиграть скоростью — и Скейд лишится возможности определить его положение внутри этой девятикилометровой зоны. Чтобы гарантировать точное попадание, ей придется придумать что-то еще. Это игра чисел, которая не позволяла испытывать уверенность в победе. Но Клавейну довелось достаточно повоевать, чтобы не сомневаться: такое решение в данной ситуации можно считать оптимальным.

Он оказался прав. Прошла неделя, затем еще одна. Взрывы прекратились. Остались только редкие, отдаленные вспышки разрывных зарядов. Объединившаяся продолжала следить за ним, но, похоже, отказалась от идеи уничтожения его корабля чем-то таким же простым, как поток частиц.

Клавейн оставался начеку и нервничал. Он слишком хорошо знал Скейд.

Она так просто это не оставит.

Клавейн оказался прав. Два месяца спустя пятая часть его армии была мертва, а большинству раненых, скорее всего, оставалось жить несколько недель. Первый предвестник будущих проблем казался вполне безобидным: незначительные изменения в спектре излучения со стороны «Ночной Тени». Казалось невозможным, что такая мелочь вызовет глубокие потрясения на их корабле, но Клавейн знал: Скейд ничего не станет делать без веской причины. Его подозрения подтвердились. Когда это стало ясно, Клавейн собрал старших офицеров на мостике корабля.

Звездолет, который Скорпио по каким-то глубоко личным соображениям переименовал в «Зодиакальный Свет», был типичным торговым субсветовиком. За двести лет своего существования он несколько раз подвергался капитальному ремонту и переоборудованию, менял владельцев, но его «ядро» не пережило никаких серьезных переделок. Длина корабля составляла четыре километра, и по всем габаритам он

превосходил «Ночную Тень». Огромные, как пещеры, грузовые отсеки были способны вместить целую флотилию среднего размера шаттлов. Обводами он напоминал конус, вытянутый к носу и грубо обрубленный на корме, где на расширяющихся стойках крепились два межзвездных двигателя. За два века двигатели покрылись наростами дополнительных конструкций, но под этими наслоениями все еще угадывались очертания двигателей Конджойнеров. Основная часть корпуса была темной и гладкой, как мокрый мрамор — за исключением носа, заключенного в оболочку из модифицированного льда, пронизанного гипералмазными волокнами. Как и обещал Хи, корабль находился в полностью исправном состоянии. Бизнес, который вели его предыдущие владельцы, не предполагал участие в серьезных стычках. Армия «свиной» была научена при захвате объектов не наносить им непоправимого ущерба, и повреждения оказались минимальны.

Мостик находился на расстоянии трети длины от носа — одна целая и тридцать пять сотых километра вертикальной дистанции во время ускорения. По большей части аппаратура здесь была такой же древней, как и везде на борту звездолета, хотя великолепно работала. Клавейна это не удивило. Ультра не напрасно прослыли неисправимыми консерваторами: они практически не использовали нанотехнологии, что и позволило им сохранить позиции после Эпидемии. В недрах корабля размещалась «фабрика» для производства необходимых запчастей, но сейчас она была полностью переведена на изготовление оружия. На то, чтобы совершенствовать инфраструктуру корабля или запастись запчастями, не оставалось ни времени, ни мощностей. Клавейн быстро сжился с музейной обстановкой огромного старого звездолета. Это была настоящая крепость, которая сможет выдержать сражение с Триумвиром Илией Вольевой.

Сам мостик представлял собой сферу, помещенную в карданных подвесах и шарнирных соединениях — это позволяло ему свободно поворачиваться вместе с кораблем, реагируя на любые маневры и развороты. Стены были набиты проекционной техникой, которая отображала вид снаружи корабля — данные поступали от «шершней» — и могла показывать как текущее состояние окружающего космического пространства, так и симулировать различные стратегические сценарии, например, прибытие в систему Ресургема. На свободных секторах стен возникали длинные тексты на норте, выполненные старомодным шрифтом — нудный список неисправностей и автоматических систем, способных эти неисправности устранить.

На круглом огражденном возвышении из ребристого металла были

установлены сидения, дисплей и системы управления. Здесь могли разместиться двенадцать человек — большее количество вызывало дискомфорт. Сейчас, по мнению Клавейна, именно это и происходило. Само собой, на мостике находился Скорпио. С ним пришли Лашер, Тень, Кровавый — предводители армии свиней — и Круз, одноглазая женщина, еще одна представительница преступного мира. На заднем плане поместились Антуанетта Бакс и Ксавьер Лю, грязные как черти — их экстренно оторвали от ремонтных работ. Остальные места занимали люди-свиньи и просто люди, примерно в равных пропорциях. Последние в свое время участвовали в исследованиях технологий, которые проводились в Замке Воронья. Подобно Скорпио и его братьям, они пришли к выводу, что присоединиться к экспедиции будет лучше, чем оставаться в Город Бездны или Ржавом Ободе. И, наконец, здесь была Паулина Сухой собственной персоной: она изъявила желание вернуться к работе, которая некогда перевернула ее жизнь. По мнению Клавейна, она до сих пор напоминала человека, который только что сбежал из дома с привидениями.

— Ситуация немного изменилась, — произнес Клавейн, убедившись, что внимание сосредоточено на нем. — Правда, я пока не знаю, что об этом думать.

Он указал на объемный цилиндрический дисплей в центре возвышения — систему воспроизведения изображений, достойную украсить собой лавку древностей. Внутри помещалась прозрачная спиральная лопасть, которая могла вращаться с огромной скоростью. Разноцветные лазеры, установленные в основании цилиндра, направляли вверх пульсирующие лучи света, где они прерывались поверхностью лопасти.

В цистерне появился совершенно плоский квадрат. Он медленно поворачивался, демонстрируя свои призрачные поверхности всем собравшимся на мостике.

— Это двухмерное изображение пространства прямо по курсу, — объяснил Клавейн. — Вы уже можете наблюдать мощные релятивистские эффекты: звезды изменили положение, их спектры сдвинулись в сторону фиолетового. Горячие звезды кажутся более тусклыми, так как большая часть их излучения теперь приходится на ультрафиолет. Появились карлики — сейчас инфракрасное излучение воспринимается как видимое. Но сегодня нас интересуют не звезды.

Он указал на тусклый объект в центре середине квадрата.

— Вот. Может показаться, что это еще одна звезда. На самом деле так приборы воспринимают корабль Скейд. Она старается сделать так, чтобы

не видели ее двигателей, но мы регистрируем достаточно блуждающих фотонов, которые испускает «Ночная Тень», чтобы установить ее положение.

— Можете определить мощность толчка? — спросила Сухой.

— Конечно. Судя по температуре пламени, двигатели работают в номинальном режиме... что означает ускорение в один «g» для типичного судна в миллион тон. Двигатели «Ночной Тени» меньше стандартных, но она считается малым субсветовиком. Вообще-то, это не сыграло бы большой роли. Но сейчас «Ночная Тень» идет с двукратным ускорением, а иногда разгоняется до трехкратного. Как и у нас, у нее есть установки для управления инерцией. Но я точно знаю: для них это не предел.

— В отличие от нас, — Сухой побледнела еще сильнее. — Квантовый вакуум — это змеиное гнездо, и мы уже поковырялись там очень острой палочкой.

Клавейн терпеливо улыбнулся.

— Я понял, к чему вы ведете. Но если Скейд что-то предпринимает, мы должны найти способ сделать то же самое. На самом деле, меня беспокоит совсем другое.

Картина на вращающемся квадрате неуловимо изменилась. «Звезда», которая отмечала местоположения «Ночной Тени», стала немного ярче.

— Или она разгоняется, или меняет геометрию луча, — сказала Антуанетта.

— Я тоже так думал. Но тогда спектр был бы другим. Он вспыхивает и гаснет вместе со всем корпусом.

— Лазеры? — спросил Лашер.

Клавейн посмотрел на человека-свинью. Это был самый преданный союзник Скорпио.

— Похоже на то. Сверхмощные оптические лазеры — может быть, целая батарея. Лучи направлены назад, по линии полета. Думаю, мы видим не весь поток, а только часть.

— И что ей от этого? — спросил Лашер. Его лицо пересекал шрам — темная косая черта, словно проведенная карандашом от брови до щеки. — Она слишком далеко от нас, чтобы использовать лазер как оружие.

— Знаю, — отозвался Клавейн. — Это меня и беспокоит. Скейд пальцем не шевельнет без особых на то причин.

— Значит, она хочет нас прикончить?

— Мы просто должны выяснить, как она собирается это сделать, — ответил Клавейн. — И уповать на то, что мы можем накрыть, ко всем чертям, ее затею.

Никто ему не ответил. Каждый смотрел на медленно вращающийся квадрат света с маленькой злобной звездой в центре.

Спикер правительства был маленьким, опрятным мужчиной с холеными руками и идеальным маникюром. Он презирал пыль, сор, отбросы — в общем, грязь в любом ее проявлении. Поэтому, когда ему передавали подготовленное заявление — свернутый лист тонкого синтетического пергамента, на котором печатались правительственные документы — спикер брал его только двумя пальцами, большим и указательным, чтобы максимально ограничить контакт кожи с материалом. За свой рабочий стол в Доме Вещания — одного из приземистых зданий, соединенных с Домом Инквизиции, — спикер садился лишь после того, как убеждался в отсутствии крошек и жирных пятен. Вот и сейчас он разместил пергамент на столешнице — так, чтобы нижний край лежал строго параллельно ее краю — и сложенный пополам лист, медленно и тщательно, словно сапер, открывающий ящик, в котором может лежать бомба. Затем рукавом разгладил бумагу по диагонали, чтобы она лежала ровно, без выпуклостей. По завершении процесса спикер опустил глаза и начал знакомиться с текстом. Просто для того, чтобы убедиться, что не сделает ошибок, когда будет его произносить.

С другой стороны стола стоял оператор, наводя на спикера камеру. Это была старинная плавающая камера, подвешенная на консоли операторского крана. Оптическая система работала превосходно, невзирая на свой возраст, однако срок службы моторов уже давно истек. Подобно многому в Кювье, эта камера служила насмешливым напоминанием о добрых старых временах, когда все было намного лучше. Но спикер не допускал подобных мыслей. Размышлять о нынешнем уровне жизни не входило в его обязанности. По правде говоря, у него просто не было повода об этом задумываться. Они с женой получали дополнительный рацион и проживали в одном из лучших кварталов Кювье.

— Готовы, сэр? — спросил оператор.

Спикер ответил не сразу. Какое-то время он продолжал изучать документ, его губы медленно шевелились, проговаривая текст. Спикер понятия не имел, откуда взялся этот доклад, кто составлял и редактировал текст, кто ломал голову над речевыми оборотами. Это опять-таки не входило в его обязанности. Он знал, что правительственная машина работает, как всегда, и ее отлаженные, хорошо смазанные механизмы доставили этот документ прямо ему в руки, чтобы он донес его до людей. Маленький опрятный мужчина еще раз пробежал глазами текст, посмотрел

на оператора и произнес:

— Да. Думаю, сейчас готов.

— Можно повторить чтение, если с первого раза не получится. Это не прямой эфир.

— Думаю, одного раза будет достаточно.

— Тогда — начали...

Спикер прочистил горло.

— Демократическое Правительство Кювье намерено сделать следующее заявление. Неделю назад беглый преступник, известный как Овод, был успешно арестован в ходе совместной операции, проводимой силами Антитеррористического Бюро и Дома Инквизиции. В настоящее время Овод находится под стражей и не представляет угрозы для законопослушных граждан Кювье и прочих поселений Ресургема. Демократическое Правительство Кювье самым решительным образом опровергает необоснованные слухи, которые распространяются сторонниками Овода. Нет никаких доказательств того, что колонии угрожает неизбежное уничтожение. Нет никаких доказательств, что два работоспособных, исправно функционирующих шаттла существуют на самом деле. Нет никаких признаков того, что организованы скрытые эвакуационные лагеря, также нет никаких доказательств массового движения из основных центров населения к этим выдуманным лагерям. Более того, нет абсолютно никаких оснований полагать, что корабль Триумвира Вольевой обнаружен и способен вместить все население Ресургема.

Спикер сделал паузу, снова посмотрев в объектив камеры.

— Двадцать шесть часов назад [\[44\]](#) Овод публично опроверг свое участие в распространении этих слухов. Он осудил тех, кто преднамеренно способствует расползанию подобных ложных сведений. Кроме того, Овод принес правительству извинения за разного рода неудобства, причиной которых могло быть его участие в подобных актах.

Лицо спикера не отражало даже намек на тот внутренний диссонанс, который порождали в нем эти слова. На самом деле, еще в первый раз бегло просматривая текст, он покопался в памяти, но тщетно. Он не помнил, когда Овод выступал с каким-либо публичным заявлением, а тем более критиковал свои действия. Но, вполне возможно, спикер просто пропустил этот репортаж.

Немного изменив тон, он продолжал.

— В связи руководство Мантельского Научно-Исследовательского Института сообщает, что версия о происхождении объекта, наблюдаемого в

небе Ресургема в вечерние часы, сейчас пересмотрена. Ученые отказались от предположения, что данный объект является разновидностью кометы. Признано наиболее вероятным, что он обязан своим происхождением Руху, самой крупной планете системы Дельты Павлина. В свою очередь, Демократическое Правительство Кювье категорически опровергает любые предположения о том, что Рух подвергся внешнему воздействию или находится в процессе разрушения. Любые слухи подобного рода призваны посеять панику и не имеют ни малейшего отношения к реальности.

Он снова сделал паузу и позволил себе тень легкой, призрачной улыбки на губах.

— Этим заканчивается обращение Демократического Правительства Кювье.

Илиа Вольева без особого удовольствия скурила до фильтра одну из сигарет, которыми ее исправно снабжал корабль. Триумвир снова была на борту «Ностальгии по Бесконечности». Она думала, думала изо всех сил — сознание гудело как турбинный двигатель, работающий в режиме перегрузки. Ее ботинки с чавканьем погружались в липкие выделения корабля, напоминающие слизь. Голова слегка гудела — в том числе из-за непрерывного жужжания откачивающих насосов. Но вопреки всему, Вольева испытывала что-то вроде подъема. Наконец-то она ясно увидела, в каком направлении следует действовать.

— Хорошо, что ты решил поговорить со мной, Капитан, — произнесла Вольева. — Ты не представляешь, что это для меня значит. Я так долго...

Его голос раздался отовсюду одновременно, издали и с расстояния в полшага. Необъятный, безвозрастный... Наверно, так звучит Глас Божий.

— Мне жаль, что это заняло так много времени.

Она чувствовала, как с каждым его слогом корабль дрожит мелкой дрожью.

— Капитан... ты не против, если я спрошу тебя, почему?

Ответ последовал не сразу. Похоже, Бреннигену требуется время, чтобы выстроить мысли в определенной последовательности. Как будто невероятные размеры сделали мыслительный процесс Капитана неадекватно замедленным, и беседа с ней на самом деле не отражает реальную скорость его протекания.

— Есть вещи, с которыми мне нужно было смириться, Илиа.

— Какие вещи, Капитан?

Снова бесконечная пауза. Это был уже первый диалог с того момента, как они возобновили общение. Первое время подобные «зависания» пугали

Вольеву: всякий раз ей казалось, что Капитан впадает в очередной ступор. Правда, сейчас эти кататонические припадки проходили не столь жестоко — корабельные системы продолжали функционировать как обычно. Однако она по-прежнему ступора, который мог вырасти из такой паузы. Порой проходили месяцы, прежде чем ей снова удавалось вызвать Бреннигена на разговор. Но теперь, похоже, это время прошло. Тишина просто означает, что идет процесс обдумывания. Время уходило на то, чтобы принять сигнал, чтобы этот сигнал прошел туда и обратно по огромному пространству измененного материала, трансформированного корабля, а затем преобразование всех потоков в мысли. Он неожиданно согласился обсуждать темы, которые раньше выходили за рамки любых разговоров.

— Вещи, которые я сделал, Илия. Преступления, которые я совершил.

— Капитан, все мы совершали преступления.

— Мои были исключительными.

Да, подумала она, с этим не поспоришь. Втайне от всех договорившись с инопланетным разумом — Трюкачами, — Капитан совершил чудовищное преступление против одного из членов своей команды. Он уговорил Трюкачей переправить собственное сознание в мозг этого человека. Трюкачи выполнили это куда аккуратнее, чем позволяли человеческие технологии. Таким образом, в течение многих лет Бренниген существовал на корабле единым в двух лицах. Один из этих двух медленно изменялся, пораженный Комбинированной Эпидемией.

Преступление было слишком отвратительным, чтобы раскрыть его остальным членам экипажа. Тайное стало явным лишь во время драматических событий в системе Цербер-Гадес. Именно тогда Вольева позволила Капитану поглотить и трансформировать свой собственный корабль. Это было наказанием за преступление. Тогда Вольевой ничего не стоило просто убить Капитана, но у нее была еще одна причина для такого выбора. Это давало ей дополнительный шанс на выживание. Корабль уже находился под контролем одной враждебной силы, и если бы ее место занял Капитан, это означало бы меньшее из двух зол. Илия с готовностью признавала, что с тех пор не часто подвергала это решение анализу.

— Я знаю, что ты сделал, — сказала она. — И тебе известно, насколько мне отвратителен твой поступок. Но тебе уже пришлось пострадать, Капитан, никто этого не отрицает. Пора оставить прошлое в прошлом и двигаться дальше.

— Я чувствую себя виноватым.

— А я чувствую себя виноватой за то, что сделала с артиллеристом. И

виновата во всем этом не меньше твоего, Бренниген. Если бы я не довела его до безумия, сомневаюсь, что эта каша вообще бы заварилась.

— И все-таки я должен жить с тем, что сделал.

— Это случилось очень давно. Ты был напуган. Не спорю, это ужасное преступление, но оно не являлось поступком разумного человека. Это не делает твой поступок оправданным. Это делает его немного более понятным. Если бы я оказалась в твоей ситуации... которую и человеческой не назовешь... если бы я оказалась чем-то заражена и знала, что это что-то меня убьет... Знаешь, я не поручусь, что не решилась бы на столь крайние меры.

— Ты бы никогда его не убила, Илия. Ты выше этого.

— Капитан, на Ресургеме меня считают военным преступником. Знаешь, иногда мне кажется, что они правы. А если бы мы на самом деле разрушили Феникс?

— Вы же этого не сделали.

— Надеюсь.

Снова долгая пауза. Вольева продолжала шагать по щиколотку в слизи. Выделения корабля всегда различались по текстуре и цвету — например, в соседних отсеках или коридорах. Если бы не ее устройства, он затопил бы себя за пару месяцев. Интересно, помогло бы это Капитану или наоборот. Вольева надеялась, что никогда не отважится на такой эксперимент.

— Илия, чего ты хочешь на самом деле?

— Орудия, Капитан. В конце концов, ты можешь ими управлять. Я пыталась поработать с ними, но результат ошеломляющим не назовешь. Они полностью интегрированы в старую сеть управления.

— Они мне не нравятся, Илия.

— Мне тоже. Но сейчас, как мне кажется, они нам нужны. У тебя есть сенсоры, Капитан. Ты видел то, что видели мы. Я показывала тебе, как были уничтожены каменные луны. И это только начало.

После новой подозрительной паузы Капитан произнес:

— Я видел, что они сделали с газовым гигантом.

— Тогда ты должен был видеть, что там возникает кое-что новое. В облаке, в которое они превратили Рух. Пока это просто набросок, наполовину сформированный зародыш. Но оно явно возникло не просто так. Это что-то огромное, Капитан. Мы никогда не имели дела ни с чем подобным. Уже сейчас — несколько тысяч километров в поперечнике. И оно продолжает расти.

— Я не видел.

— Я не знаю, что это за штука и чем оно будет. Но могу догадаться.

Подавляющие хотят сотворить что-то с солнцем, с Дельтой Павлина. Что-то непоправимое. И сейчас я бы уже не говорила, что они хотят спровоцировать взрыв. Произойдет нечто большее, чем любой выброс массы, о котором мы слышали.

— Что за оружие может убить солнце?

— Не знаю, Капитан. Не знаю... — Вольева изо всех сил затянулась окурком, но он уже давно потух. — Только сейчас меня куда больше занимает другой вопрос. Гораздо более интересный. Что за оружие может убить их оружие?

— Ты думаешь, что орудия из Тайника подойдут?

— Их там тридцать три. Какое-нибудь да справится, как ты думаешь?

— Ты хочешь, чтобы я в этом участвовал, — произнес Бренниген.

Вольева кивнула. Разговор только что достиг критической точки. Если кататонического припадка сейчас не последует, значит, в отношениях с Капитаном Джоном Бреннигеном достигнут значительный прогресс.

— Что-то в этом роде, — сказала она. — В конце концов, ты контролируешь орудия. Я сделала все, что могла, но не могу заставить их подчиняться без твоего согласия.

— Это очень опасно. Сейчас нам ничто не угрожает. И мы ничего не сделали, чтобы спровоцировать Подавляющих. Использование Тайника... даже единственного орудия из Тайника...

Он не закончил фразу. Впрочем, достроить ее было нетрудно.

— Знаю, это немного рискованно.

— Немного рискованно? — удивленный смех Капитана вызвал что-то вроде маленького землетрясения. — Ты всегда была склонна преуменьшать, Илия.

— Хорошо. Ты поможешь или нет, Джон?

Последовала холодная пауза.

— Я немного подумаю, Илия. Немного подумаю.

Пожалуй, это в самом деле можно было считать прогрессом.

Глава 26

Скейд нанесла удар без предупреждения. Несколько недель Клавейн пребывал в ожидании, но не мог точно догадаться, что именно произойдет. Хотя он знал «Ночную Тень» как свои пять пальцев, пользы от этого не было: «фабрика» на борту военного межзвездного корабля позволяла Скейд создавать оружие со скоростью воображения, изменяя каждый экземпляр в зависимости от требований ситуации. Подобно сумасшедшему кукольнику, его противница могла за считанные часы облекать в металл самые темные фантазии, а затем спускать их на врага.

Корабль Клавейна достиг скорости в половину световой. Теперь игнорировать релятивистские эффекты стало невозможно. За каждые сто минут, проходящих на Йелоустоне, на борту «Зодиакального Света» проходило восемьдесят шесть, и с увеличением скорости соотношение будет неизбежно изменяться. Оно сожмет обычные пятнадцать лет полета до четырех лет корабельного времени — а может быть, и еще сильнее, если ускорение увеличится.

Однако скорость в половину световой все-таки не считается радикально релятивистской, особенно если имеешь дело с врагом, который движется почти в том же диапазоне ускорения. Самые быстрые мины, которые сбрасывала Скейд, проносились мимо «Зодиакального Света» с относительной скоростью ^[45] всего несколько тысяч километров в секунду. Огромная скорость, но лишь по стандартам межзвездных войны. Мины с трудом обнаруживались, пока корабль Клавейна не появлялся непосредственно в их зоне действия, но угрозы наткнуться на одну из них не возникало. Разумеется, проще всего было избавиться от корабля противника в прямой схватке. Однако моделирование на симуляторе доказывало, что произвести такую атаку выше возможностей Скейд. Она может по-прежнему создавать препятствия в кильватере, но даже если половина «Ночной Тени» будет пущена на бомбы, «Зодиакальный свет» всегда сможет обнаружить их заранее и уйти от опасности.

Но, несмотря на благоприятный прогноз, Клавейна по-прежнему мучили смутные сомнения — как и его советников.

Препятствие, обнаруженное носовыми сенсорами «Зодиакального Света», двигалось быстрее, чем ожидал Клавейн. Релятивистские эффекты, искажая классическое восприятие, не позволяли просчитать ситуацию интуитивно. Когда два объекта двигаются навстречу друг другу со

скоростью ниже световой, и естественно предположить, что скорость сближения составляет сумму их индивидуальных скоростей. Однако настоящий результат, подтвержденный с ошеломляющей точностью, выглядит иначе: скорость сближения двух сближающихся объектов, при скорости каждого в половину световой, никогда не будет равняться скорости. Она составит только восемь десятых от нее. Это решало многие проблемы Вселенной, однако не могло нормально приниматься человеческим сознанием.

Именно на эту скорость указывало Доплеровское эхо от препятствия. Следовательно, то, что выпустила Скейд, двигалось в сторону Йеллоустоуна со скоростью в половину световой. Размеры впечатляли: диаметр этой структуры в форме круга составлял тысячу километров. Масс-детекторы не могли видеть ее целиком.

Если бы объект находился прямо по курсу, столкновение было бы неизбежно. Но проекционная точка удара лежала всего лишь в дюжине километров от края препятствия. Системы «Зодиакального Света» восприняли это как сигнал к немедленному маневрированию.

Их погубил сам маневр, а не столкновение.

Автоматика корабля совершила уклонение с ускорением в пять «g», предупредив экипаж за считанные секунды до маневра. Те, кто оказались рядом с креслами, успели сесть и пристегнуться. Другим помогли роботы-слуги, которые находились неподалеку. В некоторых отсеках поверхность внутренних переборок могла изменять свою структуру, смягчая удары. Но не всем членам экипажа повезло. Те, кто находился в больших помещениях, погибли, разбившись о стены или выступающие предметы. Незакрепленные устройства сорвались с места, убив и покалечив многих, включая Теня и двух его взводных. Люди-свиньи, которые работали снаружи на корпусе, просто оказались в открытом космосе, и спасти их было невозможно.

Корабль тоже получил серьезные повреждения. Он не был рассчитан на столь жесткое маневрирование, и в корпусе появилось много трещин и слабых мест — в основном около стоек, на которых крепились двигатели Конджойнеров. По оценкам Клавейна, на восстановление судна требовался примерно год работы. Внутри ситуация была столь же неблагоприятной. Досталось даже «Штормовой Птице»: ее сорвало с креплений, и вся предыдущая работа Ксавьера пошла насмарку.

Клавейн напомнил себе, что все могло быть намного хуже. Они все-таки не столкнулись с препятствием. Рассеянная кинетическая энергия околосветовых скоростей во мгновение ока превратила бы корабль в

россыпь обломков.

Предмет, на который они чуть не напоролись, оказался световым парусом — возможно, только первым из сотен. Сколько их еще могла сбросить Скейд? Можно предположить, что это был однослойный парус последнего поколения — пленка толщиной в один атом из материи с искусственно усиленными межатомными связями. Они разворачивались на некотором расстоянии от «Ночной Тени», чтобы пламя ее двигателей не повредило пленку. Возможно, что их немного «раскручивали» для усиления твердости.

Затем на пленку направлялись лазеры. Именно это и наблюдали с мостика Клавейн и старшие офицеры экипажа. Фотонные пучки давили на поверхность парусов с силой в сотни «g», пока космическая пыль, наполняющая межзвездное пространство, не заставляла их терять скорость. Но плотно сфокусированные лазеры не давали им остановиться, толкая пленки навстречу кораблю Клавейна. Позиция «Ночной тени» была достаточно благоприятна, чтобы направлять паруса точно в сторону «Зодиакального Света».

Как всегда, это была игра с числами. Бог знает, сколько парусов прошло мимо, пока один из них не появился прямо перед «Зодиакальным светом». Скорее всего, Скейд разыгрывала гамбит [\[46\]](#), не рассчитывая на успех, но сочла его вероятность достаточно высокой, чтобы сделать попытку.

Можно было не сомневаться: это далеко не последний парус.

Как только самые серьезные повреждения были устранены, Клавейн вместе с группой экспертов сели за разработку системы контрмер. Симуляции показали, что пробить парус и пройти сквозь него вполне реально — достаточно сделать достаточно широкое отверстие. Но для этого обнаружить преграду было нужно немного раньше, чем удавалось на текущий момент. Кроме того, пленку надо было чем-то пробить, а управление орудиями, установленными на корпусе, после атаки Скейд оказалось невозможным. Оставалось только принимать временные меры — создать прикрытие.

Прикрытием должен был служить шаттл, летящий впереди «Зодиакального Света» на расстоянии ста тысяч километров. Естественно, никакой команды на борту: корпус был разгерметизирован и облегчен почти до состояния пустой оболочки. Время от времени другой шаттл из ангаров «Зодиакального света» пополнял его запасы антивещества — операция, требующая изрядных затрат энергии и сопряженная с немалым риском. Сам «Зодиакальный Свет» пока обходился без антивещества, но

для маневров в районе Дельты Павлина следовало оставить хотя бы половину того, что хранилось на борту. Это означало, что на поиск окончательного решения Клавейну отводится всего сто дней.

Решение лежало на поверхности. Если парус мог уничтожить корабль, то для защиты нужно было пустить навстречу другой, такой же. Производство однослойной пленки не выходило за рамки возможностей «фабрики» «Зодиакального Света». Процесс не требовал привлечения нанотехнологий. Кроме того, паруса могли быть не столь огромными, как тот, что сбросила Скейд, — равно как и их количество. Противообордажные лазеры, которые никогда не считались эффективным оружием, создавали оптимальное давление фотонов. Парусам «Ночной Тени» было необходимо сообщать ускорение в сотни «g»; встречному достаточно было двух.

Сооружение окрестили «защитным парусом». В течение девяти дней было изготовлено несколько пленок — первая могла не пережить столкновения. В любом случае, следовало иметь запас: однослойная пленка не вечна, и межзвездная пыль неуклонно сокращает срок ее жизни. Этот эффект только усиливался по мере того, как «Зодиакальный Свет» приближался к световой скорости. Но до Ресургема «защитных парусов» должно было хватить. Безопасность стоила того, чтобы увеличить массу корабля на один процент.

Развернув защитный парус, Клавейн позволил себе вздохнуть с облегчением. Создавалось впечатление, что в ходе полета они со Скейд изобретают все новые правила ведения межзвездных боев. Первый раунд его соперница выиграла — она уничтожила пятую часть его команды. Сейчас Клавейн сделал ответный ход, так что применить прежнюю стратегию Скейд уже не сможет. Несомненно, сейчас она озадаченно изучала размытое пятно фотонов далеко за кормой «Ночной Тени». Можно не сомневаться: даже по этим обрывочным данным Скейд быстро догадается, какую тактику избрал перебежчик. Ей даже не понадобится выпускать «шершней» с высокочувствительными камерами, которые запишут и передадут ей изображение «Зодиакального света». И она снова попытается сотворить что-нибудь новое и пока непредсказуемое.

Клавейн знал это. Следовало быть готовым ко всему и надеяться, что удача на их стороне.

Скейд находилась в недрах «Ночной тени» вместе с Моленкой и Жаструсьяком — специалистами по установкам, контролирующим инерцию. Все трое прошли довольно далеко вглубь «пузыря», в котором

сила инерции была уменьшена. На «доспехах» Скейд прекрасно физиологические изменения почти не отражались, но даже она не могла сказать, что чувствует себя вполне нормально. Ее мысли собирались и разбегались с пугающей быстротой, как облака на видеозаписи, которую прокручивают в ускоренном режиме. Она проносилась между настройками, которые ей никогда еще не доводилось переживать, а ужас и восторг открывались ей как две противоположные грани одной эмоции. Причиной было не только изменение состава крови в доспехах под действием поля, но и самим полем, которое исподволь играло угасанием и нарастанием нейрехимии и синаптических сигналов.

Моленка явно беспокоилась.

(Три «g»? Ты уверена?)

«Иначе я бы к вам не обратилась».

Аппаратура окружала их со всех сторон, точно вогнутые черные стены. Казалось, Скейд и ее помощники оказались в пещере, чьи гладкие сюрреалистические своды проточены многовековым током терпеливых подземных вод. Скейд чувствовала беспокойство техника. Механизмы находились в стабильном режиме и, на ее взгляд, вмешиваться в их работу не было смысла.

Моленка не сдавалась.

(Зачем? Клавеину нас не догнать. Все, что он может — это выжать два «g» — ценой огромных усилий, сбросив все, что можно, до последнего грамма. Он безнадежно отстал, Скейд. Так что он тебя не сцапает.)

«Увеличь ускорение до трех „g“. Я хочу понаблюдать за его реакцией, чтобы узнать, не предпримет ли отступник попытку сравняться с нами в скорости».

(Он не сможет.)

Скейд протянула металлическую руку и указательным пальцем почесала Моленку под подбородком. С той же легкостью она могла убить ее, раздробить кости в мелкую серую пыль, если та не подчинится.

«Просто сделай это. Тогда я буду знать точно. Согласна?»

Само собой, Моленке и Жаструсьяку не повезло, но Скейд ожидала чего-то подобного. Их протест был неким ритуалом, который требовалось совершить. Позже Скейд почувствовала, как нагрузка возросла, и поняла, что они уступили. Ее глаза запали глубже, челюсти сжались, словно тоже превратись в металл. Ходьба по-прежнему не требовала усилий — об этом заботилось механическое тело, — но Скейд осознавала, насколько неестественно выглядят ее движения.

Она направлялась к каюте Фелки, шаги раздавались по коридору, словно мерные удары молота о наковальню. Скейд не питала ненависти к Фелке, даже не порицала за ненависть, которую та испытывала к ней. Вряд ли стоило ожидать, что Фелка простит ей попытку убить Клавейна. Однако Фелка была необходима Скейд. Ни одна фракция не должна завладеть оружием класса «ад». Это вопрос выживания Объединившихся и дело верности Материнскому Гнезду. Скейд не могла рассказать Фелке о голосе, который подсказывал ей направление действий, но убедить в жизненной важности этой миссии считала своим долгом.

Дверь каюты оказалась заперта. Скейд могла беспрепятственно заходить в любое помещение корабля, однако вежливо постучалась и подождала пять или шесть секунд, прежде чем войти.

«Фелка... Что ты делаешь?»

Фелка спокойно сидела на полу, скрестив ноги. Казалось, преодоление трехкратного ускорения не требует от нее ни малейших усилий. В тонкой черной пижаме она казалась бледнее обычного, а рядом со Скейд — хрупкой, как маленькая девочка.

Вокруг на полу лежали несколько дюжин маленьких белых прямоугольников, на каждом из которых был изображен какой-то символ. Скейд увидела, что одни из них черные, другие красные или желтые. Она уже встречала нечто подобное, но не могла вспомнить, где именно. Выстроенные с чрезмерной аккуратностью, они образовали вокруг Фелки нечто вроде колеса со спицами, отдельные фрагменты которого отсутствовали. Фелка двигала прямоугольники с места на место, словно исследовала пермутации какой-то огромной абстрактной структуры.

Скейд наклонилась и подняла один из прямоугольников. Это оказался кусок блестящего, белого картона или пластика. Изображение было только на одной стороне, другая — совершенно чистая.

«Я поняла. Это игра, в которую играют в Город Бездны. Пятьдесят две карты в наборе, тринадцать карт на каждый символ, как тринадцать часов на циферблатах Йеллоустоуна.

Скейд положила карту на место. Еще несколько минут Фелка продолжала переключать прямоугольники. Карты звонко щелкали, ложась друг на друга. Скейд ждала.

— Они немного старше Города Бездны, — сказала Фелка.

«Но я угадала, верно? В них играют именно там».

— Там есть много игр, Скейд. Это только одна из них.

«Где ты нашла карты?»

— Мне их сделал корабль. Я помню, как они должны выглядеть.

«А рисунки и значки?» Скейд подняла другую карту, с изображением бородатого человека. «Этот мужчина похож на Клавейна».

— Это просто Король. Картинки я тоже помню.

Скейд уже рассматривала другую: царственная женщина со стройной шеей, одетая в нечто вроде церемониальных доспехов.

«А эта — на меня».

— Это Королева.

«Зачем это, Фелка? Какой на самом деле в этом смысл?»

Скейд снова встала и жестом обвела всю композицию.

«Число передвижений должно быть ограничено. Твой единственный противник — слепой случай. Не вижу в этом ничего привлекательного».

— Думаю, и не сможешь.

Некоторое время Скейд снова слушала, как щелкают карты.

«А какова цель?»

— Поддерживать порядок.

Скейд издала короткий смешок. «Получается, играть можно до бесконечности».

— Это не проблема, которую можно рассчитать. Достижение — это конец чего-то. Игра состоит в том, чтобы поддерживать любое состояние, кроме от провала, — она закусила губу, как ребенок, который старательно раскрашивает картинки, и быстрым движением переложила шесть карт. Построение весьма эффектно изменилось — секунду назад Скейд считала, что такой расклад невозможен. Она с пониманием кивнула.

«Это Великая Марсианская Стена, верно?»

Фелка подняла на нее глаза, но не ответила и снова взялась за дело.

Скейд знала, что догадалась правильно. Игра — если ее действительно можно было назвать игрой — заменяла Фелке Стену, которую разрушили четыреста лет назад. Однако Стена играла столь важную роль жизни маленькой Фелки, что та возвращалась к давним воспоминаниям, едва что-то в окружающем мире вызывало у нее стресс.

Разозлившись, Скейд снова присела на корточки и быстрым движением разметала карты. Фелка застыла. Несколько секунд ее рука неподвижно висела в воздухе над тем местом, где только что лежали пластиковые прямоугольники.

Потом Фелка подняла глаза. На ее лице было написано непонимание.

Как это бывало с ней иногда, она оформила свой вопрос в плоское, несклоняемое заявление.

— Зачем.

«Послушай меня. Ты не должна этого делать. Ты одна из нас. Ты не

можешь вернуться обратно в детство — просто потому, что Клавейна здесь больше нет».

Фелка с отчаянием посмотрела на карты, потом попыталась восстановить в узор. Но Скейд потянулась и схватила ее за руку.

«Нет. Остановись. Ты не можешь идти обратно. Я тебе не позволю».

Она взяла Фелку за подбородок и повернула к себе.

«Дело не только в Клавейне. Я знаю, что он для тебя кое-что значит. Но Материнское Гнездо гораздо важнее. Клавейн всегда оставался чужим. Но, ты — одна из нас, по сути своей. Мы нуждаемся в тебе. В той, что ты есть сейчас — не в той, что была».

Скейд освободила ее руку, но Фелка продолжала смотреть на карты.

Уходя из каюты, где Фелка по-прежнему сидела, скрестив ноги, она понимала, что поступила жестоко. Но не менее жестоко, чем Клавейн, из-за которого Фелка вернулась в детство. Стена была для нее глупым Богом, которому она поклонялась, который засасывал ее душу — несмотря на то, что остался лишь в ее памяти.

Фелка снова начала раскладывать карты.

Скейд тащила саркофаг Галианы по пустым лабиринтам «Ночной Тени» — медленно, один осторожный шаг за другим. Это напоминало похоронную процессию с единственным участником. Каждый раз, когда металлическая ступня со звоном впечатывалась в пол, стационарные гироскопы начинали борьбу за поддержание равновесия. Череп Скейд стал неожиданно тяжелым и жестоко давил на оставшиеся позвонки. Язык превратился в неподвижный комок мышц. Даже ее лицо изменилось: казалось, невидимые нити оттягивали вниз кожу на щеках. Глазные яблоки тоже деформировались, что вызвало небольшое искажение поля зрения.

Сейчас масса «Ночной тени» сократилась на три четверти. Три четверти массы, сожженных полем, пузырь которого поглотил уже половину корабля — от кормы до миделя.

Ускорение возросло до четырех «g».

Скейд редко заходила в зону действия поля — просто потому, что воздействие на психику, хоть и смягченное механизмами ее доспехов, вызывало слишком сильный дискомфорт. Четких границ у «пузыря» не было, но в определенной точке пространства все эффекты внезапно исчезали. Его геометрия вообще не обладала сферической симметрией. Внутри поля попадались закупорки и шпилечные структуры, желудочки и трещины, где выраженность эффектов понижалась или повышалась, сочетаясь с другими искажениями. Вероятно, не последнюю роль играла

странная топология самой установки. Когда одна из ее составляющих по какой-то причине перемещалась, поле сдвигалось вместе с ней. Бывали другие случаи — когда казалось, что поле само заставляет установку двигаться. Техники упорно делали вид, будто прекрасно понимают суть происходящего. Они действительно выявили ряд закономерностей, которые позволяли связать определенные изменения с определенными условиями. Но эти правила действовали лишь в ограниченном ряде случаев. Машина успешно «сократила» массу корабля вдвое, но сейчас требовалось намного больше. Изредка чувствительные квантово-полевые приборы, расставленные техниками по всем помещениям «Ночной Тени», фиксировали возвратно-поступательное движение пузыря. Казалось, он на мгновение набухал, поглощая корабль полностью, и тут же сжимался до прежних размеров. Скейд убеждала себя, что чувствует эти «всплески», хотя они длились намного меньше микросекунды. Пока перегрузка составляла два «g», такая они случались редко, сейчас — по три-четыре раза на день.

Саркофаг был водружен на подъемник, и платформа поехала вниз, по направлению к границе пузыря. За смотровым окошком угадывались очертания волевого подбородка Галианы. На ее лице застыло выражение бесконечного спокойствия и безмятежности. Это была очень удачная мысль — перенести Галиану на борт «Ночной Тени». Не важно, что главная задача миссии состояла в поимке Клавейна. Где-то на задворках сознания Скейд еще во время сборов затаила уверенность: путешествие продолжится в межзвездном пространстве. Тогда возникнет острая необходимость обратиться к Галиане за советом, хотя это весьма опасно. Перенести замороженную женщину на борт ничего не стоило. Все, что требовалось теперь — это самообладание и сила воли, чтобы попросить консультации.

Скейд втолкнула саркофаг в стерильную белую комнату, и дверь за ней незаметно закрылась. Почти все помещение занимали устройства цвета яичной скорлупы. Они становились заметны лишь после того, когда начинали двигаться. Это были старинные устройства, за которыми любовно и трепетно ухаживали еще со времен первых марсианских экспериментов Галианы. Доставить его на борт «Ночной Тени» тоже не составило труда.

Открыв саркофаг, Скейд «подогрела» замороженное тело на пятьдесят милликельвинов ^[47], затем установила бесцветное устройство в рабочую позицию, и прибор, вибрируя, поплыл над Галианой, не касаясь поверхности ее кожи. Скейд шагнула назад, сервоприводы ее доспехов упруго скрипнули. Бледный механизм вселял в нее тревогу — как всегда. С

ним что-то было не так. Именно из-за этой глубоко скрытой неполадки его почти не использовали — за исключением редких случаев, когда возникала крайняя необходимость. Но с теми, кто осмеливался открыть ему свои сознания, происходили ужасные вещи.

Скейд не намеревалась использовать устройство на полную мощность... До поры до времени. Сейчас нужно просто поговорить с Волком, а для этого достаточно побочных функций — ей нужны лишь полная изолированность и запредельная чувствительность установки, способность улавливать малейшие сигналы в бурном море нейронного хаоса и усиливать их. До подключения основных функций дойдет лишь в том случае, если на то будут веские причины. Следовательно, пока можно не беспокоиться.

Она знает о неисправности установки, и этого достаточно.

Пора. Внешние индикаторы показывали, что Галиана «отогрелась» достаточно, чтобы будить Волка. Прибор уже уловил знакомые сигналы электрической и химической активности: женщина в саркофаге начала думать.

Скейд закрыла глаза. Это был момент перехода: сначала чувство, словно все вокруг начинает вращаться, затем ощущение дезориентации и, наконец, смещение восприятия. В следующий миг она оказалась на скальном пятачке, таком крошечном, что с трудом могла стоять. Таких скал было много. Они цепочкой уходили в туман, который окружал Скейд, подобно дорожке на сером мелководье, соединенные острыми каменными гребнями. Рассмотреть что-либо в десяти-пятнадцати метрах было невозможно. Холодный влажный воздух пах морской солью и гниющими водорослями. Скейд озябла и поплотней укуталась в халат. Кроме халата, на ней ничего не было, пальцы босых ног словно цеплялись за край камня. Мокрые темные волосы лезли в глаза. Она подняла руку, отбросила со лба непослушную прядь — и вздрогнула от неожиданности: гребень на макушке исчез. Скейд снова стала обычным человеком — Волк сделал ее тело прежним. Где-то в отдалении, словно возбужденная толпа, ревел океан. Небо было бледным, серо-зеленым, и казалось неотделимым от тумана, который простирался до самой земли. От этого зрелища Скейд затошнило.

Первая пробная, неумелая попытка общения между Скейд и Волком, когда он говорил устами Галианы, вызвала ощущение безнадежной одномерности. Общение происходило нестерпимо медленно по сравнению с прямым контактом сознаний. После этого Скейд согласилась встретиться с Волком в трехмерной симуляции пространства с эффектом присутствия и

полного погружения.

Это был выбор Волка — не ее выбор. Именно он придумал эту обстановку, куда Скейд была вынуждена войти, принимая его условия. Можно было бы наложить на эту реальность что-нибудь по собственному усмотрению, но Скейд боялась, что привнесет какие-нибудь нюансы и детали, которые допускать не следует.

Лучше играть по правилам, установленным Волком, даже если при этом у нее нет полного контроля над ситуацией. Скейд знала, что такая игра походила на обоюдоострый клинок. Она бы не стала доверять ни единому слову, сказанному Волком, но Галиана тоже присутствовала где-то рядом. Галиане тоже известно достаточно много, и ее знание все еще может пригодиться Материнскому Гнезду. Единственная сложность — отличить ее саму от Волка, поэтому Скейд приходилось уделять столько внимания каждому нюансу окружающей обстановки. Неизвестно, где может прорваться Галиана, и вряд ли ей удастся надолго оттеснить чуждый разум.

«Я уже здесь. А ты где?»

Рев прилива усилился. Ветер снова сбил ей на глаза прядь волос. Вокруг было множество острых камней, и она почувствовала шаткость своего положения. Внезапно в тумане открылся небольшой просвет, и на границе зоне видимости появилась расплывчатая серая фигура. Очертания фигуры лишь намеком напоминали человеческие — впрочем, туман, который то сгущался, то рассеивался вокруг нее, все равно не позволял разглядеть детали. Призрачный силуэт вполне мог сойти за обломанное непогодами сухое дерево. Но Скейд чувствовала присутствие, и оно было ей знакомо. Пугающий холодный разум походил на узкий луч прожектора, бьющего сквозь туман. Это был разум без самосознания, мысли без эмоций и без какого-либо ощущения себя как личности. Только анализ и заключения.

Далекий рев прибоя начал складываться в слова.

— Что тебе от меня надо, Скейд?

«То же, что...»

— Пользуйся голосом.

Она подчинилась.

— То же самое, что я всегда от тебя хотела: совета.

— Где мы, Скейд?

— Мне казалось, ты сам выбрал место.

— Я не это имел в виду. Где находится тело?

— На борту корабля, — ответила Скейд. — В межзвездном пространстве, на полпути между Эпсилон Эридана и Дельтой Павлин.

Интересно, почему Волк не знает, что они больше не находятся в Материнском Гнезде. Возможно, это просто счастливая случайность; впрочем, Скейд не была в этом убеждена.

— Зачем?

— Ты знаешь зачем. Из-за орудий в районе Ресургема. Мы должны завладеть ими, прежде чем придут машины.

Очертания фигуры мгновенно стали четче. На миг Скейд увидела морду, темные собачьи глаза и хищный оскал стальных зубов.

— Ты должна ценить, что у меня смешанное отношение к вашей миссии.

— Почему? — Скейд еще плотнее закуталась в халат.

— Тебе уже известен ответ. Тому, частью чего я являюсь, вряд ли понравится использование орудий.

— Я не хочу вступать в дебаты, — сказала она. — Мне нужна только поддержка. Выбирай одно из двух, Волк. Позволить орудиям попасть в чьи-то руки — тех, на кого ты не сможешь оказывать влияние — или помочь мне вернуть их. Ты понимаешь, к чему я веду? Для тебя будет лучше, если орудиями завладеет та фракция людей, которую ты уже знаешь, в которую ты уже внедрился.

Небо посветлело, сквозь серо-зеленую завесу тумана пробилось серебряное солнце. Блики заиграли на каменных хребтах, соединяющих скальные заводы и камни, рисуя узор, который напомнил Скейд синаптические магистрали на срезе мозговой ткани. Затем туман снова сомкнулся, стало еще холоднее, и она почувствовала себя более уязвимой.

— Так в чем проблема?

— Позади меня находится корабль. Он сел нам на хвост с того момента, как мы покинули пространство Йеллоустоуна. У нас есть установки для контроля инерции. На данный момент наша инерционная масса — двадцать пять процентов. Однако тот звездолет легко нас нагоняет. Как будто у них на борту есть такие же устройства.

— Кто управляет тем кораблем?

— Клавейн, — ответила она, с огромным интересом наблюдая реакцию Волка. — По крайней мере, я уверена, что это он. Я пыталась вернуть Клавейна в Материнское Гнездо, после того, как он стал перебежчиком. В системе Йеллоустоуна ему удалось улизнуть. Сейчас Клавейн угнал корабль Ультра. Но я понятия не имею, откуда он взял те устройства.

Казалось, Волк был озадачен. Призрачный силуэт появлялся и исчезал в тумане, искажаясь после каждого погружения в зеленоватый сумрак.

— Ты пыталась убить его?

— Да, но мне не удалось... он очень цепкий, Волк. И остановить тоже — хотя я на это надеялась.

— Что для тебя Клавейн...

Интересно, кто это сказал: Волк, Галиана, или непонятная смесь обоих?

— Ладно, что предложил твой драгоценный Ночной Совет?

— Усилить работу машины.

Волк исчез и снова появился.

— А если Клавейн тоже это сделает? Снова и снова, шаг за шагом?.. Ты решила, что будешь делать тогда?

— Не говори ерунды.

— Страхам надо смотреть в лицо, Скейд. Немыслимое тоже надо принимать в расчет. Есть способ проскользнуть впереди него, если только у тебя хватит духу.

— Я не смогу. Я не знаю, как это сделать... — она почувствовала головокружение. Камень под ногами был очень скользким, а грани скальных гребней — достаточно острыми, чтобы прорезать ей кожу. — Мы понятия не имеем, как механизмы работают в таком режиме.

— Вы можете узнать, — сказал Волк раздраженно. — Введение должно было показать, что надо делать, верно?

— Чем экзотичней технология, тем сложнее перевести сообщения, которые ее описывают.

— Но я могу помочь тебе.

Скейд прищурилась.

— Помог?

— Во Введении. Сейчас наши разумы соединены. Нам ничто не мешает продолжить следующую фазу эксперимента. Мое сознание в состоянии отбирать и перерабатывать информацию Введения. Получая подсказки, я бы точно указал, что тебе надо для осуществления перехода в состояние четыре.

— А это легко? Ты бы помог мне, просто чтобы убедиться, что я получу орудия?

— Конечно, — на мгновение в голосе Волка появились игривые нотки, и Скейд снова увидела стальной оскал. — Разумеется, так будем не только мы с тобой.

— Извини?

— Приведи Фелку.

— Нет, Волк...

— Приведи ее, или я не стану помогать.

Она начала спорить, хотя знала, насколько это бесполезно, что у нее нет выбора, кроме как подчиниться требованиям Волка. Туман снова сгустился. Неожиданно пристальный аналитический «взгляд» Волка исчез, словно пламя горелки, у которой повернули вентиль. Скейд осталась одна. Дрожа от холода, она вслушивалась в долгий тихий стон далекого прибоя.

— Нет...

Туман напелзал. Вода в скальных впадинах поднималась, поглотив камень, на котором стояла Скейд, снова возникло короткое головокружение... и она оказалась в металлической тюрьме своих доспехов на борту «Ночной Тени». Повышенная гравитация давила немилосердно. Скейд провела стальным пальцем стальному изгибу своего бедра. Она еще помнила, какова на ощупь ее плоть, помнила холод и шероховатую поверхность камня под босыми ногами. Эмоции, которых она не желала, на миг затопили ее — чувство потери, сожаление, ужас, болезненное воспоминание целостности. Но то, что следовало сделать, было слишком важным. Она отбросила их, сохранив только злость.

Это поможет ей в ближайшие дни.

Глава 27

В тех редких случаях, когда прогулки по кораблю было не избежать, Клавейн пользовался поддерживающим экзоскелетом, из-за чего постоянно ходил в синяках и ссадинах: рама нещадно давила и натирала кожу. Сейчас ускорение составляло пять «g», они медленно догоняли «Ночную Тень», сократив разрыв до трех световых дней. Как только Скейд увеличивала скорость, Клавейн убеждал Сухой сделать то же самое, только чуть больше, на что та соглашалась с неохотой. Примерно через неделю судового времени Скейд отвечала очередным разгоном. Даже если она не желала заставлять свои машины работать в более жестком режиме, чем это было необходимо, преследователь вынуждал ее.

Паулина не пользовалась экзоскелетом. Когда они с Клавейном встретились, ученая дама полулежала в передвижной анатомической кушетке, тяжело дыша в паузах между фразами. Как и многое другое на корабле, кушетка выглядела временным приспособлением, собранным кое-как на скорую руку. «Фабрика» работала сутками напролет, выпуская оружие, боевое снаряжение, криосаркофаги и запчасти; все остальное собиралось в мастерских попроще.

— Ну что? — спросила Сухой. Ускорение сделало ее еще больше похожей на привидение, кожа вокруг запавших глаз потемнела.

— Мне надо семь «g», — сказал Клавейн. — В самом крайнем случае — шесть с половиной. Можешь?

— Я уже сделала все, что могла.

— Не тот ответ, который мне хотелось услышать.

Она ткнула в схему на стене — толстые красные линии на коричневой поверхности ржавого металла. На чертеже изображалось поперечное сечение «Зодиакального света». Широкая корма корабля, где крепились двигатели, была обведена окружностью, проходящей примерно по средней линии.

— Видишь это, Клавейн? — Сухой обвела круг, сделав его поярче. — Пузырь, подавляющий инерцию, поглотил судно почти на всю длину. Этого достаточно, чтобы снизить нашу полезную массу в пять раз. Но здесь, в носовой области корабля, мы чувствуем все пять «g», — она указала на маленький конус, выступающего из пузыря.

Клавейн кивнул.

— В этом месте поле настолько слабое, что тебе приходится

использовать самые чувствительные детекторы, чтобы просто его обнаружить.

— Правильно. Наши тела и материал корабля, окружающий нас, до сих пор почти полностью сохраняют инерционную массу. Пол давит на нас с силой в пять «g» — но только потому, что находимся за пределами пузыря.

— К чему ты клонишь?

— Вот к чему, — Сухой изменила картинку, увеличив круг, который полностью поглотил звездолет. — Геометрия поля непроста, Клавейн. И оно отнюдь не напрямую зависит от степени подавления инерции. При пяти «g» мы можем полностью исключить жилые отсеки из основной зоны воздействия установки. Но при шести «g»... Мы окажемся в пузыре.

— Но мы и так внутри.

— Да, но пока ничего не чувствуем. При шести «g» эффект воздействия превысит порог психологического восприятия. Это произойдет мгновенно — здесь нет линейной зависимости. Мы почти сразу перестанем чувствовать себя как при пятикратной перегрузке и будем чувствовать нормальный вес.

Клавейн поменял позу. Он пытался пристроиться так, чтобы рама экзоскелета вызывала наименьший дискомфорт.

— Звучит не так уж плохо.

— Но одновременно ты будешь чувствовать, что твое тело весит в пять раз меньше, чем должно. Каждая часть тела, каждый мускул, каждый орган, каждая кость, все внутренние жидкости рассчитаны на определенные условия, в том числе и определенную инерцию. Все изменится, даже вязкость крови, — Сухой заставила кушетку проехать вокруг Клавейна, одновременно восстанавливая дыхание. — Я видела, что происходит с людьми, которые попадали в поле сильного подавления инерции. Очень часто они умирали. У них останавливалось сердце. Случалось кое-что еще, особенно если поле было нестабильным... — с явным усилием Паулина посмотрела ему в глаза. — Не могу гарантировать, что такого не произойдет.

— Я все-таки хочу это сделать, — сказал Клавейн. — Обычные устройства будут работать нормально? Криосаркофаги, например?

— Не могу ничего обещать, но...

— Тогда именно это мы и сделаем. — Клавейн улыбнулся. — Заморозим армию Скорпио. Хотя бы ту часть, на которую хватит новых шкатулок. Тех, кого не можем заморозить, или тех, кто нам нужен для консультаций, снабдим системами жизнеобеспечения — чтобы

поддерживать дыхание и кровяное давление. Это поможет, верно?

— Опять же, ничего не обещаю.

— Шесть «g», Сухой. Это все, о чем я прошу. Ты сможешь сделать это, правда?

— Смогу. И сделаю, если ты настаиваешь. Но пойми... квантовый вакуум — это гнездо со змеями...

— Знаю. И мы потыкали в них острой палкой.

Сухой терпеливо позволила ему закончить свою фразу.

— Нет. Так было раньше. А при шести «g» можешь считать, что сидишь в яме со змеями.

Клавейн дал ей насладиться эффектом собственных слов, потом похлопал по железному корпусу кушетки.

— Просто сделай это, Паулина. А я позабочусь об аналогиях.

Сухой развернула кушетку и направилась к лифту. Клавейн посмотрел ей вслед и поморщился от боли. Похоже, он заработал очередной синяк.

Через некоторое время пришло сообщение. Клавейн проверил его на предмет скрытой информационной атаки, но ничего не обнаружил.

Отправителем оказалась Скейд. Клавейн просматривал послание у себя в каюте, наслаждаясь короткой передышкой. Гравитация снова была в норме: экспертам Сухой предстояло покопаться в своей установке, а они не слишком любили этим заниматься, когда система функционировала. Загрузив запись в устройство для просмотра, Клавейн попивал чай.

В овальном проекционном поле, затуманенном по краям, появились голова и плечи Скейд. Клавейн вспомнил, что в прошлый раз, когда он получил ее послание по пути к Йеллоустоуну, она выглядела точно также. Тогда он думал, что причина ее странной скованности — специфический формат послания, но теперь начал в этом сомневаться. Скейд держала голову совершенно неподвижно, словно находилась в хирургических тисках перед операцией на мозге. Шея торчала из какого-то странного металлического воротника, наводящего на мысль о средневековых доспехах. Было еще что-то странное, но что именно, Клавейн не мог понять.

— Клавейн, — сказала Скейд. — Пожалуйста, сделай одолжение — посмотри это сообщение полностью и подумай над моим предложением. Оно дается мне нелегко, и я не буду повторять его дважды.

Она выдержала паузу. Клавейн ждал.

— Ты доказал, что тебя непросто уничтожить. На данный момент все мои попытки провалились, и я не уверена, что смогу сделать что-нибудь

еще. Не подумай, будто теперь я хочу, чтобы ты остался в живых. Тебе не случилось последнее время интересоваться, что творится у тебя за кормой? Глупый вопрос. Уверена, что доводилось. Думаю, даже твоя аппаратура обнаружения засекала корабли. Помнишь оперативную группу, которую ты должен был вести? Производитель Работ завершил строительство. Три корабля идут за тобой. Они вооружены еще лучше, чем «Ночная Тень»: тяжелые релятивистские электромагнитные пушки, бозонные батареи типа корабль-корабль, грязеры... не говоря уже о дальнобойных стингерах. И у них цель. Очень заметная.

Клавейн знал это, хотя звездолеты только что появились на границе зоны действия детекторов. Фотонные паруса, запущенные Скейд, сослужили ему службу: наводя на них оптические лазеры «Зодиакального Света», Клавейн заставлял проносящиеся мимо сверхтонкие полотнища выходить на траекторию неизвестных кораблей. Шансы столкновения были невелики, к тому же преследователи могли воспользоваться приемом Клавейна и тоже выбросить «защитные паруса». Однако со стороны Скейд подобная практика прекратилась.

— Знаю, — прошептал Клавейн.

— Но я попытаюсь с тобой договориться. Ты не хочешь умирать, а я на самом деле не желаю убивать тебя. Откровенно говоря, у меня есть другие проблемы, на которые мне скоро придется тратить силы.

— Прелестно, — Клавейн хлебнул чая.

— Я оставлю тебя в живых. И, что более важно, верну тебе Фелку.

Клавейн поставил кружку на стол.

— Она очень больна, Клавейн. Она снова ушла в свои грезы о Стене. Сейчас ее занимает только одно: она выкладывает вокруг себя какие-то круговые структуры, играет в какие-то запутанные игры, которые требуют полного внимания постоянно и круглосуточно. Это заменяет ей Стену. Фелка перестала спать — совсем как настоящая Объединившаяся. Я волнуюсь, действительно волнуюсь. Вы с Галианой столько трудились, чтобы сделать из нее полноценного человека... но все, что вы сделали, сейчас рушится. Изо дня в день, как Стена на Марсе... — Скейд растянула губы в печальной улыбке. — Сейчас она совсем не узнает людей. И не выказывает никакого интереса к чему бы то ни было, что выходит за рамки невероятно узкого круга ее навязчивых идей. Она не спрашивает даже о тебе, Клавейн.

— Если ты причинишь ей боль... — он обнаружил, что начал говорить.

— Однако кое-что еще можно исправить... может быть, даже

исправить все. Это зависит только от тебя. Сейчас разница в скорости между нашими кораблями достаточно мала, и мы можем произвести передачу. Уйди с моего курса и дай понять, что больше не собираешься им следовать. Тогда я вышлю к тебе корвет с Фелкой на борту. Разумеется, направлю его в глубокий космос.

— Скейд...

— Надеюсь, ты ответишь немедленно. Хотелось бы получить от тебя послание, но, за неимением, буду рада увидеть, что пламя твоих двигателей направлено в другую сторону.

Она вздохнула, и Клавейн понял, что его беспокоило с самого начала, когда он просматривал это сообщение: Скейд не сделала ни единого вдоха, ни разу не перевела дух между фразами.

— И последнее. Я даю тебе предостаточно времени на размышление, прежде чем сочту твоё молчание отказом. Когда время выйдет, я все-таки посажу Фелку на корвет и отправлю его в космос. Разница в том, что её будет сложно найти. Подумай над этим, Клавейн. Как тебе такое — Фелка одна посреди звезд, далеко от людей... Может быть, она и не поймет, что происходит. А может быть, прекрасно поймет, — Скейд немного помолчала. — Полагаю, ты знаешь — лучше, чем кто бы то ни было. В конце концов, она твоя дочь. Вопрос только в том, что она на самом деле для тебя значит?

Сообщение кончилось.

Ремонтуа уже пришел в себя. Каюта, где он находился, служила ему и жилищем, и тюрьмой. Когда Клавейн вошел, Ремонтуа улыбнулся — спокойно и чуть с удивлением. Как всегда, он выглядел не блестяще, но уже не походил на человека, которого только что извлекли из криосаркофага, а еще раньше — вытащили с того света.

— А я все ждал, когда ты ко мне заглянешь, — с обезоруживающей веселостью произнес Ремонтуа.

Он лежал на спине и казался расслабленным и спокойным: голова на подушке, руки сложены на груди. Клавейн присел рядом, и экзоскелет переместился с одних синяков на другие.

— Боюсь, это было несколько затруднительно, — сказал Клавейн. — Рад видеть, что ты оживаешь. Извини, но тебя все-таки рановато «отогрели».

Ремонтуа небрежно махнул рукой.

— Понимаю. Невозможно...

— Подожди.

Клавейн внимательно разглядывал друга. Для того, чтобы внедриться в общество Йеллоустоуна, Ремонтуа пришлось немного изменить внешность. Например, обзавестись волосами, без которых он был похож на заготовку для манекена.

— Что подождать, Клавейн?

— Есть кое-какие незыблемые правила, Рэми, которые тебе надо усвоить. Ты не можешь покидать эту комнату. И будь добр, не пытайся этого сделать. Не ставь меня в неудобное положение.

Ремонтуа пожал плечами, словно это не имело никакого значения.

— У меня и в мыслях не было. Что еще?

— Ты не можешь общаться с какой-либо из систем за пределами своей каюты, пока находишься здесь. Опять же, пожалуйста, не пытайся.

— А как ты узнаешь, если попытаюсь?

— Узнаю.

— Ладно, хотя бы честно предупредил... Что-нибудь еще?

— Пока я не знаю, могу ли тебе доверять. Отсюда все эти предосторожности. Кстати, поэтому я тебя до сих пор не размораживал.

— Предельно ясно.

— Я не закончил. На самом деле, мне бы очень хотелось доверять тебе, Рэми. Но я не уверен, что это возможно. Нельзя рисковать этой миссией.

Ремонтуа попытался заговорить, но Клавейн предостерегающе поднял палец.

— Поэтому никакие оправдания не принимаются. Вообще никакие. Если ты что-нибудь выкинешь — неважно что, неважно, насколько это будет серьезно — что угодно, что может каким-то образом помешать миссии... я тебя убью. Никаких «если», никаких «но». Абсолютно ни одной попытки. Мы далеко от Феррисвилльского Конвента и от Материнского Гнезда.

— Я уже понял, что мы на корабле, — пробормотал Ремонтуа. — И летим быстро... очень быстро. Знаешь, я хотел уронить что-нибудь на пол, чтобы точно определить ускорение. Но ты хорошо постарался, здесь совсем ничего нет. Ладно, попробую догадаться. М-м... четыре с половиной «g»?

— Пять, — ответил Клавейн. — Скоро увеличим до шести, а потом еще.

— Судя по каюте, мы не на «Ночной Тени». Ты что, захватил субсветовик? Наверно, было непросто.

— Мне слегка помогли.

— А скорость? Как ты умудрился так разогнаться без волшебной шкатулки Скейд?

— Она не создала эту технологию с нуля. Просто кое-что украла — этого оказалось достаточно, чтобы понять общий принцип. Но она оказалась не единственной. Я встретил человека, у которого был доступ к первоисточнику.

— Этот человек здесь?

— Нет. Он обеспечил нас аппаратурой, а сам остался. Это мой корабль, — Клавейн поднял руку, заключенную в жесткий каркас, и похлопал по грубой металлической стене. — Он называется «Зодиакальный Свет». Еще мы возьмем небольшую армию. Скейд впереди нас, но я ей орудия так просто не отдам.

— А, Скейд... — Ремонтуа с улыбкой кивнул.

— Что тебя так позабавило?

— Она выходила на связь?

— Можно сказать. Поэтому я тебя разбудил. А что, собственно?

— Скейд не сказала, что... — Ремонтуа запнулся, и Клавейн понял, что его друг пристально следит за его реакцией. — Очевидно, нет.

— Ты о чем?

— Она чуть не умерла. Когда ты сбежал с кометы, где мы встречались с Производителем Работ.

— Ей явно стало лучше.

— Ладно, это очень сильно зависит... — Ремонтуа снова запнулся. — Но ведь дело не в Скейд, правильно? Я вижу в твоём взгляде отеческое беспокойство, — одним легким движением он поднялся с кровати и уселся на край, будто не замечая ускорения в пять «g», только маленькая жилка, вздувшаяся на виске, выдавала напряжение. — Дай подумать. Фелка все еще находится у нее, так?

Клавейн ничего не сказал, ожидая продолжения.

— Я пытался сделать так, чтобы Фелка пошла со мной и Скорпио, но Скейд не согласилась. Фелка якобы была ей нужна на борту «Ночной Тени»... в качестве предмета для сделки, как я понимаю. Я так ее и не переубедил. Конечно, можно было попробовать, но тогда меня бы тоже за тобой не послали.

— Ты собирался убить меня.

— Я собирался тебя остановить... уговорить вернуться обратно в Материнское Гнездо. Нет, я не спорю: если бы другого выхода не оставалось... А разве ты бы меня не убил, если бы возникла необходимость? — Ремонтуа перевел дух. — Мне казалось, что я смогу отговорить тебя не переходить на сторону врага. Никто другой не смог бы дать тебе шанс.

— Поговорим об этом позже. Сейчас меня интересует Фелка.

В каюте стало очень тихо. Потом Клавейн сменил позу. Возможно, Ремонтуа не видит, насколько ему неудобно.

— Что случилось? — поинтересовался тот.

— Скейд предлагает вернуть Фелку, при условии, что я прекращу преследование. Посадит ее на корвете и выпустит в нашу сторону. Корвет будет двигаться на максимальной скорости в пределах нашей досягаемости, и мы сможем перехватить его одним из шаттлов.

Ремонтуа кивнул. Похоже, он на самом деле серьезно задумался. Клавейн почти почувствовал, как его друг мысленно просматривает возможности и комбинирует их в разных сочетаниях.

— А если ты откажешься?

— Она все равно выбросит Фелку в космос. Разница в том, что корвет будет очень трудно найти. В лучшем случае, я прекращу преследование, чтобы Фелку вернули в целостности и сохранности. В худшем — я никогда не найду ни ее, ни корвет. Мы в межзвездном пространстве, Рэми. Здесь до черта пустого пространства. Впереди — двигатели Скейд, позади — наши. И огромное пространство мертвых зон, которое не просматривает ни один из наших сенсоров.

Последовала еще одна длинная пауза. Некоторое время Ремонтуа размышлял, потом лег обратно, чтобы восстановить кровоснабжение головного мозга.

— Клавейн, Скейд нельзя доверять. Она абсолютно незачем убеждать тебя в своей искренности: по ее мнению, у тебя нет ничего полезного и ничего опасного. Ты не можешь отплатить ей той же монетой, как в истории с заложниками на Деймосе.

— Похоже, я ее напугал, — сказал Клавейн. — Она не ожидала, что мы с такой легкостью догоним «Ночную Тень».

— Даже если и так... — Ремонтуа не договорил и умолк.

— Ты понимаешь, для чего я разбудил тебя.

— Похоже, начинаю догадываться. Сейчас Скейд находится в том же положении, что и Ран Сэвэн. А ты выступаешь в роли Ирравель Веды, которая хочет спасти своих пассажиров.

— Сэвэн заставил тебя служить ему, дать совет, тактику, которую он мог бы использовать против Ирравель.

— Так что ситуация выглядит чуть-чуть иначе.

— Для меня сходство достаточное, — Клавейн заставил раму привести подняться. — Думаю, картина ясна, Рэми. Скейд ожидает услышать или увидеть мой ответ течение ближайших дней. Ты сможешь мне выбрать

этот ответ. В идеале, я хочу получить Фелку и не потерять цель из виду.

— И вот, значит, ради чего ты меня разморозил. Просто от отчаяния. Как говорят, «лучше черт, да знакомый»?

— Ты мой самый старый и самый близкий друг, Рэми. Просто я не знаю, можно ли тебе еще доверять.

— А если совет, который я дам тебе, окажется хорошим?..

— Полагаю, это отчасти восстановит мое доверие, — Клавейн натянуто улыбнулся. — Конечно, хорошо было бы поговорить об этом с Фелкой.

— А если у нас не получится?

Клавейн ничего не ответил, развернулся и ушел.

Четыре маленьких шаттла отошли от «Зодиакального Света» по ровным дуговым траекториям, каждый в своем направлении, рассекая искаженную релятивистскими эффектами звездную сферу на ровные четверти. Потoki их выхлопов сияли в струях пламени, исходящих из дюз корабля Клавейна, подобно загнутым ответвлениям блестящего канделябра. Их траектории были пронзительно, до боли красивы.

Если забыть, что это военная акция, можно было бы даже испытать что-то вроде гордости...

Клавейн наблюдал за отлетом из купола обозрения, который располагался почти на носу корабля. Надо смотреть на шаттлы, пока они не исчезнут... На борту каждого находился один из опытных членов команды и горючее, которое Клавейн собирался сохранить до Ресургема. Если все пройдет успешно, он получит обратно и шаттлы, и их экипаж... но запас антивещества, увы, невосполним. Шаттлы загрузили горючим настолько, что на борту, кроме пилота, мог находиться только еще один человек.

Будем надеяться, что это правильный ход.

Говорят, принимать трудные решения становится легче, если это происходит неоднократно — тогда они входят в привычку и становятся чем-то вроде тяжелой повседневной работы. Возможно, отчасти так оно и есть. Однако Клавейн не мог отнести это к себе. За последнее время ему пришлось принять несколько крайне трудных решений, и каждое давалось ему по-своему тяжело, каждое следующее тяжелее предыдущего. В том числе и решение, связанное с Фелкой.

Дело было не в том, что он не хотел вернуть ее. Достаточно было только пожелать. Впрочем, Скейд знала, что Клавейн не в меньшей степени стремится заполучить орудия. Это желание не было продиктовано соображениями личной выгоды, именно поэтому его было невозможно

подкупить — в том смысле, в каком это обычно подразумевается. Но Фелка оказывалась превосходным орудием для достижения договоренности. Скейд знала о глубокой душевной связи между ними, которая зародилась еще на Марсе. Действительно ли Фелка — его дочь? Клавейн не знал, даже сейчас. Он убедил себя, что это правда, к тому же она сама так сказала... но, может быть, только для того, чтобы убедить его вернуться? Как бы то ни было, признание Фелки медленно, но верно подрывало его уверенность. Чтобы узнать правду, придется спросить саму Фелку, когда такая возможность появится... если появится.

Но если разобраться — какое это имеет значение? Разве ее ценность как человеческого существа зависит от того, есть ли между ними генетическая связь? Даже если Фелка — его дочь, разве он знал об этом, когда спасал девочку на Марсе? Но что-то заставило его, с огромным риском, вернуться за ней в Гнездо Галианы. Он чувствовал, что должен спасти Фелку. Галиана твердила ему, что это бессмысленно, что Фелку нельзя считать мыслящим человеческим существом, что она — лишенное сознания устройство для переработки информации, живой компьютер.

Но он доказал, что Галиана неправа. Возможно, первый и единственный раз в жизни.

Так что это не имело значения. Он делает все это по соображениям человечности — не кровных связей или верности. Если он забудет об этом, то позволит Скейд забрать орудия. Он может вернуться к «паукам» и предоставить остальное человечество своей роковой судьбе. Если миссия будет провалена — какая польза от единственного гуманного жеста, сколь бы он ни был оправдан?

Шаттлы ушли. Клавейн надеялся и молился, что принял правильное решение.

Машина правительства, похожая на спинку, неслась по улицам Кювье. Дождь все еще лил, но облака начали понемногу расходиться. Разрушенная планета вот уже несколько часов ясно просматривалась в вечернем небе. Теперь облако освобожденной материи напоминало какую-то многорукую тварь. Мерцающие пятна пурпура, бледной зелени и охры, среди которых изредка пробегали бесшумные вспышки электрических штормов, казались брачной окраской этого глубоководного животного, не занесенного ни в один в каталог. Мрачные тени и яркие симметричные фокусы отмечали точки, где машины Подавляющих появлялись на свет, собирались вместе и твердели. До сих пор все, что происходило с Рухом, можно было считать очень редкой формой природного явления. Теперь такой уверенности не

было.

Овод видел, как люди в Кювье относились к феномену. Большинство просто не обращало на него внимания. Когда объект появлялся в небе, люди как ни в чем не бывало ходили по улицам, и никто не задирали голову и не указывал пальцем. Сейчас, когда факт существования странного предмета стало невозможно отрицать, жители Кювье старались обходить скользкую тему, а если возникала необходимость, пользовались косвенными терминами. Как будто Подавляющие, обиженные этим бойкотом, заставят остатки Руха покинуть небосвод и испарятся, словно привидение, в которое никто не верит!

Овод сидел на заднем сидении легкового вездехода, за водительским креслом. В спинку переднего сиденья был встроен телевизионный экран. Голубой свет освещал лицо Овода, наблюдавшего за репортажем, который был сделан очень далеко от города. Мерцали снежинки помех; съемку производили ручной камерой, и картинка дрожала, но главное можно было увидеть. Первый из двух шаттлов находился на поверхности — камера показала его в панораме, задержавшись на живописном контрасте изящного обтекаемого корпуса машины и кучи скальных нагромождений, — а второй в воздухе и плавно спускался. Он уже совершил несколько рейсов за пределы атмосферы Ресургема, на орбиту, где находился крупный внутрисистемный корабль. Камера задрожала, пошла вверх и поймала в объектив заходящий на посадку шаттл, который выпустил три струи пламени и осторожно опускался на плоскую каменистую площадку.

— Это можно подделать, — сказал спокойно Овод. — Я знаю, что съемка подлинная... Но кто помешает людям думать иначе?

Хоури, в форме Инквизитора, сидела рядом.

— Можно подделать что угодно, если хорошо постараться, — возразила она. — Только не сейчас, когда все записи хранятся на аналоговых носителях. Сомневаюсь, что такое сможет сотворить весь правительственный департамент соединенными усилиями.

— Попробуй докажи это людям.

Теперь объектив скользил, показывая редкую толпу. Люди выглядели встревоженными и обеспокоенными. Метрах в трехстах от места посадки шаттлов был разбит лагерь — множество запыленных палаток, теряющихся среди валунов и гальки. Его обитатели... так могли выглядеть беженцы любого мира, любого века. Они прошли тысячи километров, собираясь в этой точке из самых разных поселений. Это оказалось нелегко: по грубым подсчетам, одна десятая их числа так и не сумела добраться до лагеря. В

этот марш-бросок люди брали с собой множество личных вещей, хотя знали — если подпольная сеть разведки верно донесла информацию, — что им позволят взять на борт корабля только одежду, которая будет на них на момент отлета. Возле лагеря вырыли яму, и каждая группа отбывающих сбрасывала туда свои пожитки. Это были предметы, с которыми люди не могли расстаться до последнего момента. Может быть, разумнее было бы оставить все это дома перед трудным переходом через половину Ресургема. Фотографии, детские игрушки... — их погребут, как человеческие реликты, в добавление к артефактам амарантян, имеющим возраст миллион лет.

— Мы об этом позаботились, — сказала Хоури. — Есть свидетели, которые добрались до лагеря, а потом вернулись в главные населенные пункты. Конечно, людей приходится уговаривать. Представь себе — вернуться, проделав такой путь. Но...

— Как тебе удалось?

Машина завернула за угол, колеса истерично взвизгнули. За окнами показались кубические строения Дома Инквизитора — серые и плоскостенные, как гранитные утесы. Овод смотрел на них с тревогой.

— Им пообещали, что по возвращении можно будет пронести на борт немного личных вещей.

— Другими словами, дали взятку, — он покачал головой. Черт возьми, неужели ни одно великое дело нельзя сделать без взяток?! — Полагаю, эта мера себя оправдывает и вы хоть что-то будете узнавать. Сколько их сейчас?

Как всегда, Хоури держала в голове все цифры.

— По последним подсчетам, пятнадцать тысяч человек уже на орбите. На земле осталось от двухсот до трехсот. Когда мы наберем пять сотен, шаттл отправится на орбиту. Внутрисистемник будет полон, и людей можно будет переправить на «Ностальгию».

— Смелости им не занимать, — усмехнулся Овод. — Или глупости. Точнее сказать не могу.

— Смелости, Овод. Можешь не сомневаться. А еще они боятся. И в этом их винить нельзя.

На самом деле, эти люди действительно отважны. Они шли к шаттлам, располагая лишь скудными свидетельствами. После ареста Овода среди сторонников массовой эвакуации бурно распространялись всевозможные слухи. Правительство продолжало выступать с умело составленными опровержениями, призванными сеять сомнения в собственной правдивости. Люди должны были придти к выводу, что шаттлы Овода действительно существуют. Добираясь до кораблей, люди фактически нарушали распоряжение правительства. Им грозила тюрьма или смерть за

вторжение в запретную зону.

Овод восхищался ими. Смог бы он поверить подобным слухам или логическим доводам, если бы сам не был инициатором движения? Вряд ли. Но гордости за свои достижения он не испытывал. Людей обманывали, рассказывая о том, какая судьба их ждет в итоге, и он завяз в этом обмане по самое некуда.

Автомобиль подъехал к Дому Инквизиции с заднего фасада. Овод и Хоури прошли в здание через обычный контроль. Личность народного героя до сих пор была строго засекречена. Его снабдили всеми необходимыми документами, что позволяло свободно передвигаться по Кювье и его окрестностям. Охранники считали его обычным чиновником, который приезжал к Инквизитору по делам правительства.

— Ты до сих пор думаешь, что у нас что-то получится? — спросил Овод, стараясь не отставать от Хоури, которая быстрым шагом поднималась по ступенькам.

— Черт бы нас подрал, если не получится, — глухо отозвалась она.

Триумвир ждала их в офисе Инквизитора. Она устроилась на стуле, где обычно сидел Овод, и курила, стряхивая пепел на стерильно чистый пол. От этой нарочитой, вызывающей небрежности Овода передернуло. Но он промолчал. Вольева приведет неопровержимый аргумент: скоро вся планета превратится в пепел — какая разница, если немножко появится уже сейчас?

— Ирина, — начал он. Поскольку для него она оставалась женщиной из Кювье, к ней следовало обращаться именно так.

— А, Овод... — Илия встала, затушив сигарету о ручку стула. — Хорошо выглядишь, Правительственное попечительство не так уж сурово, как говорят.

— Если это шутка, то скверная.

— Конечно, — Триумвир пожала плечами, будто извинение было лишним. — Ты видел, что они недавно сделали?

— Они?

Вольева указала глазами на окно.

— Догадайся.

— Да, конечно. Этого уже невозможно не заметить. Ты знаешь, что они выращивают в облаке?

— Некое устройство, Овод. Я бы сказала, устройства для уничтожения солнца.

— Давайте поговорим в офисе, — вмешалась Хоури.

— О, только не это, — отозвалась Вольева. — Там нет окон, Ана, а вид

из окон так здорово помогает сосредоточиться... Тебе так не кажется? Через минуту факт сговора Овода с правительством станет публично известен, — она смерила его жестким взглядом. — Верно?

— Если хочешь, называй это сговором.

Овод уже записал на пленку «заявление», в котором выступал от лица правительства. Он сообщал, что шаттлы действительно существуют, равно как и угроза планете, и в связи с этим администрация неохотно дала ему официальное разрешение организовать и провести массовую эвакуацию населения. В течение часа репортаж покажут по всем каналам телевидения Ресургема и будут несколько раз повторять в последующие дни.

— Это не будет выглядеть как сговор, — произнесла Хоури, холодно глядя на подругу. — По заявлению ясно, что Овод старается ради безопасности жителей Ресургема, а не своих собственных интересов. Все получилось вполне убедительно, потому что это правда, — она повернулась к Оводу. — Верно я говорю?

— Я просто озвучила расхожее мнение, — усмехнулась Вольева. — Ладно, не обращай внимания. Достаточно скоро мы сами увидим реакцию населения. Кстати, Ана, это правда, что в некоторых отдаленных поселениях уже были случаи общественных беспорядков?

— Которые были успешно подавлены.

— Уверяю, это еще только цветочки. И не удивляйся, если последует попытка переворота.

— Этого не случится, — ответила Хоури. — Сейчас люди понимают, сколько поставлено на карту. Они увидят, что правительственный аппарат выполняет свои функции — обеспечивает организованную эвакуацию.

Илиа покосилась на Овода и фыркнула.

— Видишь? Она до сих пор остается неисправимой оптимисткой.

— К сожалению, Ирина права, — проговорил он. — Нам стоит ожидать намного худшего. Ты же никогда не думала, что получится вывести всех сразу.

— Но мы можем... — сказала Ана.

— Люди не просто груз. Их нельзя просто перевозить на корабле, как маленькие аккуратные единицы. Допустим, большинство поверит, что правительство не пудрит им мозги насчет эвакуации — это само по себе можно считать маленьким чудом. Но непременно найдется кучка недовольных, от которых будет большая куча проблем.

— В качестве такового ты и сделал карьеру, — прокомментировала Хоури.

— Да, именно так, — Овод печально улыбнулся. — К сожалению, я не

один. И все равно, Ирина права. Мы достаточно скоро узнаем, как отреагирует народ. Кстати, как там у нас с внутренними угрозами? И что думают об этих махинациях другие отделения?

— Скажем так: стоит рассчитывать на пару-тройку убийств, — сказала Инквизитор. — Но об этом пусть болит голова у наших злейших врагов. Главное — не допустить большего, пока этот массовый исход не закончится...

— Ты изучала эту штуку в небесах более плотно, чем мы оба, — перебил Овод, обращаясь к Вольевой. — Можешь сказать, сколько времени у нас в запасе?

— Нет, не могу. Разумеется, я не могу, потому что не знаю, что за дрянь они там строят. Все, на что я способна — выдать крайне обоснованное предположение.

— Сделай милость.

Вольева презрительно фыркнула и пошла вдоль окна, словно мерила его шагами. Овод покосился на Хоури. Интересно, как она на это реагирует? Между женщинами буквально звенел воздух — ничего подобного он раньше не замечал... Впрочем, может быть, действительно не замечал, хотя это было весьма сомнительно.

— Скажем так, — заявила Триумвир, развернувшись на каблуках, так что они звучно скрипнули по полу. — Что бы там не возводили эти засранцы — оно большое. Намного больше, чем любая структура, которую могли бы построить люди — даже при наличии неограниченного количества времени и материалов. Самые маленькие сооружения из тех, что мы можем разглядеть в облаке, должны были давно разрушиться под собственной тяжестью, превратиться грудой оплавленного металла. Но ничего подобного не происходит. Делайте выводы.

— Продолжай, — сказал Овод.

— Либо они заставляют материю становиться на много порядков прочнее, чем нам представляется возможным, либо они умеют локально управлять гравитацией. Думаю, тут адская смесь того и другого. Если разогнать как следует потоки вещества, они могут выполнять некоторые структурные функции ребер жесткости. Надо только уметь ими управлять...

Похоже, Вольева начала размышлять вслух, ненадолго забыв о слушателях.

— Подозреваю, что они могут манипулировать инерцией, когда появляется необходимость. Мы наблюдали, как потоки материи меняли направление — чуть ли не поворачивали на девяносто градусов. Это

требует глубоких познаний в метрическом инжиниринге, способность воздействовать на основной субстрат пространства-времени. Если Подавляющие на такое способны, значит, скорее всего, могут управлять и гравитацией. Мне кажется, этого мы еще не видели. Они приберегают такое для крупных операций. Для крупных штрихов. А все, что нам до сих пор показывали... Ну, выпотрошили несколько камушков, ну, соорудили мотор Дайсона вокруг газового гиганта... Все это — мелочи жизни. А сейчас нам предстоит познакомиться с тяжелым машиностроением Подавляющих.

— Теперь ты меня пугаешь, — сказал Овод.

— Чего я и добивалась, — Вольева коротко улыбнулась — впервые за весь вечер.

— И что это будет? — спросила Хоури. — Машина, которая сделает из солнца сверхновую?

— Нет. Думаю, эту версию можно сразу исключить. Я не сомневаюсь, они и на такое способны. Но такое проходит только с тяжелыми звездами — которые и сами взорвутся рано или поздно. Кстати, это было бы страшное оружие. Представь себе — стерилизовать пространство в радиусе в десятки световых лет! Не знаю, как это можно устроить... вероятно, настройкой поперечного ядерного сечения таким образом, чтобы сделать невозможным синтез элементов легче железа, тем самым сдвигая вершину кривой связующей энергии. У звезды неожиданно кончится запал, не окажется ничего, чтобы удержать внешнюю оболочку от схлопывания. Знаете, скорее всего, они такое уже делали. Солнце Земли находится в середине пузыря межзвездного медиума, который остался после недавнего взрыва сверхновой. Этот пузырь пересекается с другой структурой с центром в созвездии Орла. Может быть, это произошло по естественным причинам. Может быть, это следы стерилизаций, которые Подавляющие производили за миллионы лет до истребления амарантян. Или оружия цивилизаций. Скорее всего, мы никогда не докопаемся до правды. Дело в другом: здесь не произойдет ничего подобного. В нашей части галактики нет сверхгигантов. Здесь нет ни одной звезды, из которой можно сделать сверхновую. Думаю, против звезд поменьше — таких, как Дельта Павлина — они используют другое оружие. Это будет не такой эффектный спектакль — просто стерилизация одной солнечной системы. Но на определенном уровне весьма эффективно.

— И как бы ты убила нашу звезду? — спросил Овод.

— Есть несколько способов. Как я уже говорила, все зависит от времени и ресурсов. Например, Подавляющие могут собрать кольцо вокруг

звезды — наподобие того, что мы видели вокруг Руха. Разумеется, оно будет больше и использовать другие принципы. У Дельты Павлина нет твердой поверхности и каменистого ядра. Значит, эти сволочи соорудят что-то вроде синхрофазотрона. Если пустить поток излучения через кольцо, можно создать магнитное поле огромной мощности за счет волновых колебаний. Поле ускорителя стиснет звезду, как удав, и начнет выдавливать хромосферу от экватора к полюсам. Ей будет просто больше некуда деваться. Потом раскаленная плазма начнет бить из полюсов. Эти потоки сами по себе можно использовать в качестве оружия. Поворачиваете звезду то в одну сторону, то в другую, как огнемет... Все, что еще требуется — это направить побольше машин к осям, чтобы направлять и фокусировать струи. Это фантастическая штука. Она может уничтожить все планеты в системе — у них не останется ни атмосферы, ни океанов. И не понадобится разрушать Дельту Павлина. Кстати, ей это только пойдет на пользу. Когда часть хромосферы разлетится, ядро вернется в первоначальное расплавленное состояние. Температура звезды понизится, соответственно, срок ее существования увеличится. Полагаю, такой расклад весьма подходит, если у них далеко идущие планы.

— Именно, — сказала Хоури. — Далеко и долго. Если они собрались сжечь планеты, зачем тратить на это ползвезды?

— Если они захотят, то могут разрушить ее полностью. Я просто перечисляю возможные варианты. Пожалуйста, вот тебе другой способ. Как машины уничтожили Рух? Раскрутили его так, что он начал разбрасывать собственную атмосферу. То же самое они могут сделать и с солнцем. Стоят все тот же синхрофазотрон, только располагают его не по экватору, а по меридиану, и запускают. Он входит в сцепление с магнитосферой звезды и начинает крутиться, протаскивая ее за собой, пока не раскрутит ее быстрее центробежной скорости разрушения. ^[48] Материя начнет покидать поверхность звезды, и она расслоится как луковица.

— Тоже долго.

Вольева кивнула.

— Возможно. Нам надо принять во внимание еще одну вещь. То, что они монтируют, непохоже на кольцо. Вокруг солнца тоже никаких признаков активности. Думаю, Подавляющие придумали кое-что другое.

— Чем еще можно разрушить звезду, если не откачкой вещества и раскручиванием? — спросила Хоури.

— Не знаю. Предположим, что они научились в определенных пределах управлять гравитацией. В таком случае, что им мешает сделать черную дыру массой с планету? Материи они насобирали предостаточно.

Скажем, десять масс Земли... — Вольева развела руки, словно натянула невидимую «кошачью колыбель». [49] — Этого хватит. Может быть, у них хватит ресурсов на черную дыру покрупнее. В десять, в двадцать раз больше — в несколько сотен масс Земли...

— И запустить этой штукой в Дельту Павлина?

— Ага. Она начнет проедать путь через звезду. Однако им понадобятся очень точные расчеты, чтобы поместить ее ровно в ту точку, где она произведет максимальные разрушения. Можно попробовать загнать ее в сердцевину звезды, в самую ядерную топку... Можно, но сложно. Если запустить дыру по орбитальной траектории через Дельту Павлина, она будет двигаться по синусоиде. Но эффект будет. Массовая плотность возле радиуса Шварцшильда достигает границы ядерной зоны... Думаю, тогда в звезде возникнут два центра ядерного синтеза, и один будет вращаться вокруг другого. Но эта черная дыра будет очень долго прогрызать звезду — при диаметре три километра... — Вольева пожалала плечами. — Нет, такое возможно. Правда, вопрос заключается в том, как материя будет взаимодействовать с дырой. Если плазма станет слишком горячей, ее излучение начнет отбрасывать от дыры следующий слой материи, и процесс сильно замедлится. Думаю, мне следует сделать некоторые подсчеты.

— Что еще? — спросил Овод. — Если не черная дыра, то что?

— Можно гадать до бесконечности. Процесс ядерного горения в сердце любой звезды завязан на тонкий баланс между давлением и гравитацией. Достаточно слегка изменить соотношение, чтобы катастрофически изменить все ее свойства. Но звезда — структура гибкая и устойчивая. Она в любом случае попытается прийти в новое состояние равновесия, даже если это значит переход к синтезу более тяжелых элементов, — Триумвир снова повернулась к окну, поглядела туда и ткнула пальцем в стекло. — Мы можем вообще не понять, что за механизм Подавляющие собираются использовать. Это неважно, потому что так далеко дело никогда не пойдет.

— Извини? — переспросила Хоури.

— Я не собираюсь ждать. Впервые Подавляющие сконцентрировали свои действия в одной точке. Мне кажется, они сейчас наиболее уязвимы. Кстати, Капитан наконец-то возжелал поучаствовать.

Ана быстро взглянула на Овода.

— Орудия из Тайника?

— Он обещал, что позволит ими воспользоваться, — Вольева по-прежнему стояла к ним спиной, прижав палец к стеклу. — Конечно, мы

рискуем. Мы толком не знаем, на что способны эти орудия. Но ущерб они нанесут, это точно. Уверена, мы можем сорвать их планы.

— Нет, — сказал Овод. — Это неправильно. Не сейчас.

Триумвир отвернулась от окна.

— Почему нет?

— Потому что эвакуация уже началась. Мы увозим людей с Ресургема. Вольева усмехнулась.

— Несколько тысяч. Чертовски много, правда?

— Все изменится, когда эвакуация станет официальным мероприятием. На что мы, собственно, и рассчитываем.

— Как к лучшему, так и к худшему. Желаете рискнуть?

— У нас есть план, — вмешалась Хоури. — Орудия от нас никуда не денутся, но мы оставим их на самый крайний случай. Сейчас незачем провоцировать Подавляющих — после всего, что мы с таким трудом достигли.

— Она права, — произнес Овод. — Тебе придется подождать, Ирина. По крайней мере, пока мы не эвакуируем тысяч сто. Тогда используй свое драгоценное оружие, если потребуется.

— Будет слишком поздно, — ответила Триумвир, поворачиваясь обратно к окну.

— Мы этого не знаем, — возразил Овод.

— Посмотри, — сказала спокойно Вольева. — Ты видишь, что там творится?

— Вижу что?

— Смотри туда, между двумя зданиями. Вон там, за пределами Дома Вещания. Зрелище того стоит.

Овод подошел к окну, Хоури последовала за ним.

— Я ничего не вижу.

— Твое заявление уже вышло в эфир? — поинтересовалась Вольева.

Он поглядел на часы.

— Да... да. Только что должно было выйти, по крайней мере, в Кювье.

— Значит, это первая реакция: пожар. Пока один, но я не сомневаюсь в том, что к концу вечера ситуация обострится. Люди напуганы. Они пребывали в страхе в течение месяцев, с того момента, как эта хрень появилась в небе. А сейчас узнали, что правительство систематически врало им в глаза. При данных обстоятельствах, я бы немножко рассердилась. А вы?

— Это ненадолго, — сказал он. — Поверь мне, я знаю людей. Когда они поймут, что есть путь к отступлению, и все что им надо делать —

действовать рационально и следовать моим указаниям, беспорядки прекратятся.

Вольева улыбнулась.

— Или у тебя суперспособности, Овод, или неадекватное восприятие человеческой природы. Я надеюсь на первое.

— Занимайся своими машинами, Ирина, а я буду заниматься людьми.

— Давайте поднимемся наверх, — предложила Хоури. — На балкон. Оттуда лучше видно.

К тому времени, как они вышли на балкон, улицы уже были запружены электромобилями и вездеходами, чего обычно не случалось в такие дождливые вечера. Внизу, у подножия Дома Инквизиции, выстраивались полицейские фургоны. Овод наблюдал за тем, как офицеры спецотрядов, задевая друг друга броней, щитами и парализующими дубинками, забираются в кузова. Один за другим фургоны отъезжали — полиция направлялась в районы волнений. Другие машины образовали кордон вокруг здания, между ними поспешно воздвигали металлические ограждения с узкими вертикальными отверстиями, похожими на прорези.

С балкона все просматривалось весьма отчетливо. Дождь приглушал звуки города. Где-то раздавались взрывы, лязг столкнувшихся автомобилей, сирены и выстрелы. Это напоминало шум карнавала — не хватало только музыки. Давно не слушал музыку, подумал Овод.

Постепенно, несмотря на все усилия полиции, толпа наступала на Дом Инквизиции. Людей оказалось слишком много, и защитникам правопорядка оставалось только одно — не пустить демонстрантов в само здание. Несколько человек уже лежали на земле перед толпой, оглушенные гранатами или парализованные шокерами. Остальные пытались оттащить их в безопасное место. Один мужчина бился в эпилептическом припадке. Другой выглядел мертвым, или, по крайней мере, находящимся в глубоком обмороке. Овод знал, что полицейские могут перебить половину этих людей за считанные секунды, но пока лишь сдерживали их натиск.

Овод прищурился, вглядываясь в лица офицеров. Люди были напуганы не меньше, чем те, кого должны были успокоить. Очевидно, правительство хотело не допустить бойни и отдало соответствующие распоряжения.

Балкон окружали резные каменные перила. Овод подошел к ним, перегнулся и посмотрел вниз. Хоури последовала за ним. Вольева оставалась вне поля их зрения.

— Пора, — сказал Овод. — Мне пора лично поговорить с людьми. Тогда они узнают, что заявление — не подделка.

Он понимал, что ему достаточно крикнуть. Кто-нибудь услышит, даже

если это окажется всего лишь один человек из толпы. Пройдет немного времени, и все посмотрят наверх. Возможно, люди узнают его прежде, чем Овод произнесет еще слово.

— Постарайся, — почти шепотом произнесла Вольева — Очень постарайся. От этого маленького шоу многое зависит.

Овод обернулся.

— Тогда ты пересмотришь свои планы?

— Я этого не говорила.

— Ирина, — вмешалась Хоури. — Пожалуйста, подумай. По крайней мере, дай нам здесь шанс.

— У вас появится этот шанс, — ответила Триумвир. — Прежде чем использовать орудия, я уведу их за пределы системы. Даже если Подавляющие смогут ответить, «Ностальгия» не окажется единственной целью.

— Это займет какое-то время, не так ли? — спросила Инквизитор.

— Месяц, не больше. Конечно, я не ожидаю, что вы успеете за это время эвакуировать всю планету. Но если будете придерживаться графика — или, возможно, немного его ускорить — я могу подумать и о том, чтобы отложить использование орудий на подольше. Благоразумно, правда? Видите, я иногда бываю гибкой.

— Ты требуешь от нас слишком многого, — сказала Ана. — На поверхности мы можем хоть из кожи вон вылезти, но перевозить больше двух тысяч человек за один раз с низкой орбиты на «Ностальгию» просто невозможно. Это ситуация бутылочного горлышка, Илия.

Казалось, она не заметила, что назвала ее настоящим именем.

— Если очень захотеть, можно не лезть в бутылку, — возразила Вольева. — Я предоставила тебе хороший стимул, не так ли?

— Например, Овода — верно? — парировала Хоури.

Упомянутый Овод обернулся и посмотрел на нее.

— Что там насчет Овода?

— Ей не нравится, что ты встал между нами, — ответила ему Ана.

Триумвир еще раз иронически хмыкнула.

— Нет. Это правда, — сказала Хоури. — Не так ли, Илия? У нас с тобой были превосходные рабочие отношения, пока он не появился. Видимо, ты никогда не сможешь простить меня — или его — за развал нашей прекрасной маленькой команды.

— Не мели чушь, — произнесла Вольева.

— Я не мелю чушь, а только...

Но Триумвир быстро прошла мимо нее.

— Куда ты? — спросила Хоури.

Она остановилась, только чтобы ответить:

— А ты как думаешь, Ана? Обрато, на свой корабль. У меня много работы.

— С какой это радости он «твой»? Я думала, он «наш»!

Но Илия решила, что разговор окончен. Некоторое время Овод прислушивался к ее шагам, стихающим в глубине здания.

— Это правда? — спросил он. — Ты действительно думаешь, что Ирина обиделась... из-за меня?

Но Ана ничего не ответила. После долгой паузы Овод повернулся к городу. Он оперся о перила и наклонился вперед, глядя на толпу и выстраивая сокрушительную речь, которую должен был произнести. Вольева права: от этого зависело многое.

Хоури осторожно взяла его за руку.

В воздухе висел крепкий неприятный запах психогенного газа. Овод почувствовал, как ядовитые пары пробираются в мозг, порождая тревогу.

Глава 28

Скейд шла по кораблю. Теперь на «Ночной тени» все казалось неправильным. Давление на остатки позвоночника почти прекратилось, форма глазных яблок стала почти нормальной, но это было единственным утешением. Все живое на корабле оказалось в зоне действия поля, в пузыре искусственно измененного квантового вакуума. Каждая частица в этом поле лишалась девяти десятых своей инерционной массы.

Звездолет двигался в сторону Ресургема на десяти «g».

Доспехи избавляли Скейд от большинства психических эффектов, вызываемых воздействием поля, но она старалась двигаться как можно меньше. Сама по себе ходьба больше не требовала усилий: механизм испытывал нагрузку в одно «g» — десятую часть от реальной. Такой режим работы нельзя было назвать экстремальным, и Скейд больше не казалось, что она вот-вот упадет и разнесет себе череп. Но легче ей от этого не стало. Когда Объединившаяся хотела пошевелить рукой или ногой, движение напоминало судорогу. Перемещая тяжелые предметы, она не ощущала ни усилия, ни сопротивления, словно все оборудование на борту корабля заменили искусно сделанными муляжами из папье-маше. Даже менять направление взгляда приходилось с осторожностью. Глазные яблоки, не обремененные гравитацией, стали слишком подвижными и то и дело «промахивались», как и при попытке исправить «промах». Скейд знала: глазные мускулы, привыкли приводить в движение ткани с определенной инерционной массой и сейчас были сбиты с толку. Но знания и понимание сути явления не помогли с ним справиться и не делали ощущения приятными. Наконец она временно отключила свой Area Postrena, так как внутренне ухо было дезориентировано изменившимся инерционным полем.

Войдя в каюту Фелки, Скейд обнаружила, что с их прошлой встречи та даже не сменила позу и по-прежнему сидит, скрестив ноги, на том же месте, хотя приказала полу стать мягким. Ее пижама измялась и выглядела несвежей, кожа приобрела нездоровый цвет, волосы засалились, спутались и напоминали полуразрушенное гнездо. Кое-где Скейд заметила розовые проплешины — Фелка выдергивала у себя клочья волос. Она казалась бесконечно спокойной, одна рука покоилась на колене, подбородок чуть приподнят, глаза закрыты. Между верхней губой и ноздрей слабо поблескивало пятнышко слезы.

Скейд проверила неврологическую связь между Фелкой и кораблем, но, к своему удивлению, каких-либо серьезных изменений не обнаружила. Может быть, Фелка снова путешествовала по кибернетическому пространству «Ночной Тени»? Во время последних двух визитов Скейд именно это и происходило. После этого, исследуя системы, она обнаружила головоломные сооружения, созданные Фелкой. Они явно были призваны заменить собой Стену. Но нет, сейчас отрешенность вызвана иную причину. Покинув реальность, Фелке пришлось сделать следующий логический шаг — вернуться к тому месту, откуда все началось.

Она ушла в себя.

Скейд присела, чтобы оказаться на одном уровне с Фелкой, затем протянула руку и коснулась ее переносицы. Она ожидала реакции на прикосновение холодного металла, но с тем же успехом могла трогать восковую фигуру.

«Фелка... ты меня слышишь? Я чувствую, твое сознание где-то здесь, внутри. Это Скейд. У меня есть кое-какая информация, тебе надо это знать».

Скейд подождала. Никакого ответа.

«Дело касается Клавейна. Я сделала все, что могла, чтобы заставить его вернуться, убеждала его, но он не отреагировал ни на одну из моих попыток. Последняя, по-моему, должна была подействовать безотказно. Можно, я тебе расскажу?»

Фелка дышала тихо и ровно.

«Я использовала тебя. Я пообещала ему вернуть тебя, если он повернет. Вернуть тебя живой. Это показалось мне честным предложением. Но его оно не заинтересовало. Он даже не ответил на мое предложение. Понимаешь, Фелка? Ты не настолько важна для Клавейна, как его священная миссия».

Скейд встала и прошлась вокруг Фелки, застывшей, как в медитации.

«Знаешь, я надеялась, что ты хоть немного ему дорога. Так было бы лучше всего — для меня, для тебя, для него. Но Клавейн ответил молчанием. Он показал, что для него важнее. Не ты. Прошло столько лет, столько веков, и ты значишь для него меньше, чем кучка тупых железок. Признаться, я удивлена».

Однако Фелка по-прежнему ничего не сказала. Скейд захотелось нырнуть в ее мозг и найти укромный закоулок, куда она спряталась. Если бы Фелка была нормальной Объединившейся, это не составило бы труда. Но ее сознание было слишком неординарно. Скейд могла лишь скользить по его поверхности и очень редко заглядывать чуть глубже. Больше было

не под силу даже ей.

Скейд вздохнула. Она не хотела мучить Фелку. Она всего лишь надеялась, что выведет ее из транса, настроив против Клавейна.

Не удалось.

Скейд встала за спиной у Фелки, приложила к ее затылку медицинский прибор. Потом закрыла глаза и направила в него поток команд. Результат последовал немедленно. Фелка сложилась пополам и упала, из приоткрытого рта вытекла струйка слюны.

Скейд осторожно подняла безвольное тело и вынесла его из каюты.

Серебряное солнце сверкало, как начищенная монета. Его свет прорезал серые клубы морского тумана. У Скейд снова было тело из плоти и крови. Она снова стояла на плоском камне, и ледяной ветер, пронизывавший ее до костей, и пах равной смесью озона, морской соли и гниющих водорослей. Чуть поодаль темнели миллиарды валунов — они то появлялись, то исчезали, когда очередная волна накатывала на них с исступленно-страстным вздохом.

То же самое место. Скейд не могла отделаться от мысли, что Волк перестает быть предсказуемым.

Она всматривалась в туман. Не более чем в дюжине шагов от нее находилось еще одно существо. Не Галиана и не Волк — маленький ребенок, который сидел примерно на таком же плоском камне. Очень осторожно Скейд начала перешагивать с валуна на валун, прыгая через лужи и острые каменные гребешки. Это было волнующе и весело — снова стать полностью человеком. Еще более хрупкой, чем она была до того, как Клавейн ранил ее, осознающей, что под кожей находятся только мягкие мышцы и ломкие кости. Хорошо быть неуязвимой. Но как хорошо ощущать, как Вселенная химически реагирует с тобой, входит в каждую пору твоей кожи! Чувствовать ветер каждым волоском на руке, чувствовать босыми ногами каждый бугорок, каждую трещину на поверхности побитых морем камней.

Скейд приблизилась к ребенку. Это была Фелка — как и следовало ожидать. Куда более удивительно оказалось другое: она стала именно такой, какой была на Марсе, когда Клавейн спас ее.

Девочка сидела, скрестив ноги, как сидела недавно у себя в каюте. Одежда — сырая, грязная, в пятнах от водорослей — оставляла открытыми ноги и руки. Волосы, длинные и темные, почти как у Скейд, ниспадали вьющимися прядями прямо на лицо. Морской туман словно стирал краски, делая картину почти монохромной.

Фелка мельком взглянула вверх, на секунду встретившись взглядом со Скейд, и снова вернулась к своему занятию, которым, похоже, была полностью поглощена. Вокруг камня, на котором она сидела, неровным кругом лежали кусочки твердых панцирей каких-то ракообразных, клешни, хвостики, игловидные усики и другие малопонятные обломки. Все это было разложено рядами, сориентированными с маниакальной аккуратностью. Соединение маленьких деталей напоминало задачу по анатомической алгебре. Фелка молча разглядывала композицию и изредка поворачивалась всем телом, чтобы изучить тот или другой фрагмент. Время от времени она брала какой-нибудь обломок и перекладывала в другое место. Ее лицо казалось пустым, чего никогда не бывает у играющих детей. Больше всего она походила на человека, полностью поглощенного какой-то серьезной задачей, которая требует полной сосредоточенности и слишком большого напряжения, чтобы наслаждаться.

«Фелка...»

Девочка посмотрела наверх, на этот раз вопросительно — но только для того, чтобы тут же вернуться к своей игре.

Вдалеке послышался шум волн. Стена тумана за спиной у девочки на миг стала почти прозрачной. Скейд по-прежнему не видела моря, однако смогла разглядеть чуть больше, чем в прошлый раз. Мозаика глубоких впадин в камнях, заполненных водой, уходила вдаль, слегка искажаясь. И еще там находилось нечто. Оно было чуть темнее общего серого фона и то появлялось, то исчезало, однако Скейд могла сказать с полной уверенностью, что это не мираж и не галлюцинация. Серый шпиль, огромная, похожая на высокую башню стела, исчезающая в небе. Казалось, оно находится очень далеко — за пределами моря, или вырастает прямо из воды на огромном расстоянии от берега.

Фелка тоже заметила шпиль. Она посмотрела на него с тем же отсутствующим выражением лица и вернулась к своим обломкам. Похоже, полученной визуальной информации было достаточно. Скейд еще размышляла, что это могло быть, когда туман снова сгустился. Теперь их стало трое.

Третьим был Волк. Его — или ее — туманный силуэт возвышался позади Фелки, на расстоянии нескольких шагов. Очертания, по-прежнему размытые, становились чуть более четкими, когда туман светлел, и тогда Объединившейся казалось, что видит скорее женщину, чем животное.

Несмолкающий рев волн снова начал складываться в слова.

— Ты привела Фелку. Я рад.

— Этот ее образ, — произнесла Скейд — она уже помнила, что от нее

требовалось говорить вслух. — Сейчас Фелка так себя осознает. Ребенком. Или это ты хочешь, чтобы я видела ее такой?

— Возможно, — ответил Волк. — Чуть-чуть того, чуть-чуть другого.

— Я просила тебя помочь. Ты дал мне понять, что согласишься, если мне удастся привести Фелку. Смотри, вот она. Клавейн все еще у меня на хвосте. И упорно следует прежним курсом.

— Что ты пыталась сделать?

— Предложила ему Фелку. Но Клавейн не согласился.

— Ты подозревала, что он согласится?

— Мне казалось, он достаточно беспокоится за Фелку, чтобы всерьез задуматься над таким предложением.

— Ты не понимаешь Клавейна, — произнес Волк. — Ради нее он не откажется от своей цели.

— Только Галиана могла бы так утверждать, верно?

Волк не ответил.

— Он отказался повернуть. Что ты будешь делать дальше?

— То, что сказала. Запущу корвет, и пусть Клавейн попробует его найти.

— А как насчет перехвата?

Скейд кивнула.

— В этом весь смысл. Ни один из шаттлов Клавейна не догонит мой. А вот сам корабль с этим справится запросто.

— Ты так уверена? — Волк казался удивленным.

— У них не хватит энергии. Ему следовало бы запустить шаттл задолго до меня и угадать направление.

— Или учесть каждую вероятность, — добавил Волк.

— Он не смог бы этого сделать, — возразила Скейд. Она слышала собственный голос, и в нем было намного меньше уверенности, чем ожидалось. — Ему надо запустить флотилию шаттлов, впустую потратить то топливо, которое...

Она сбилась с мысли.

— Если Клавейн решит, что игра стоит свеч, то поступит именно так. Даже согласится потратить свое драгоценное горючее. Кстати, что он ожидает найти в корвете?

— Я сказала ему, что верну Фелку.

Волк переместился чуть ближе и задержался возле девочки, однако его силуэт не стал более отчетливым.

— Она все еще здесь.

— Я положила в корвет бомбу. Боеголовку с тератонным зарядом.

Она заметила движение, похожее на одобрительный кивок.

— Ты решила, что он повернет свой корабль к точке встречи. Вне всякого сомнения, ты установила что-то вроде детонатора, который сработает при сближении. Очень умно. Твоя жестокость действительно впечатляет.

— Но ты сомневаешься, что Клавейн попадет на такую уловку.

— Ты узнаешь достаточно скоро, верно?

Скейд кивнула. Похоже, она потерпела неудачу. Туман над морем снова поредел, позволив увидеть смутные очертания башни. Вообще-то, это сооружение должно очень темным, если смотреть на него с близкого расстояния. Сейчас оно напоминало мачту бесконечной высоты. И в нем было что-то ненатуральное: определенно, это было не просто гигантская башня в форме узкого конуса.

— Что там такое? — спросила Скейд.

— Там — это где?

— Вон там...

Но, когда она опять посмотрела в сторону башни, то ничего не увидела. Либо туман сгустился, либо сооружение перестало существовать.

— Там ничего нет, — сказал Волк.

— Послушай меня, — Скейд тщательно подбирала слова. — Если Клавейн не попадет в ловушку, я приступлю к тому, о чем мы говорили в прошлый раз.

— То, что немыслимо, Скейд? Переход в состояние четыре?

Фелка прекратила игру и смотрела на обоих снизу вверх. Это был решающий момент, и он растягивался в вечность.

— Я понимаю, что это опасно. Но, в конце концов, мы должны оторваться от Клавейна. И для этого — сделать прыжок через границу нулевой массы в состояние четыре. В фазу тахионной массы.

Хищная усмешка-оскал сверкнула и исчезла.

— Очень мало организмов, Скейд, когда-либо двигалось быстрее света.

— Я готова стать одним из них. Что мне надо делать?

— Ты уже знаешь достаточно. И твои устройства почти способны на это. Потребуется только некоторые дополнения. Ничего такого, с чем не справятся фабрики «Ночной Тени». Тебе нужно только одно: получить совет из Введения.

Скейд кивнула.

— Поэтому я здесь. И для этого привела Фелку.

— Тогда начинаем.

Девочка вернулась к игре, перестав замечать все остальное. Скейд сформировала последовательность кодовых нейрокоманд, побуждая установки Введения инициировать согласованное удвоение.

— Началось, Волк.

— Знаю. Я тоже это чувствую.

Фелка прекратила игру и подняла глаза.

Скейд почувствовала, как стала множеством самой себя. Из тумана, из некоего места, которое невозможно описать или определить, пришло новое ощущение: что-то тянулось вдаль, в холод, подобно коридору, который достигает неясного края бесконечности. Волосы на затылке зашевелились. Она уже знала — в основе ее действий лежит что-то глубоко неправильное и несправедливое. Предчувствие ужаса стало почти осязаемым. Нет, надо держаться и довести задуманное до конца.

Как сказал Волк, страхам надо смотреть в лицо.

Скейд напряженно слушала. Казалось, она слышит шепот, который доносится из бездны призрачного коридора.

— Тварь?

— Да, Маленькая Мисс?

— Ты был полностью честен со мной?

— Зачем быть с вами каким-либо, кроме как честным, Маленькая Мисс?

Антуанетта находилась на нижней палубе «Штормовой Птицы», в полном одиночестве. Ее корабль находился в одном из ангаров «Зодиакального Света», весь в ремонтных лесах, надежно закрепленный распорками и оттяжками, чтобы не пострадать при ускорении. Грузовоз стоял здесь с самого отлета от Йеллоустоуна. Сейчас очередные повреждения ликвидировались под бдительным руководством Ксавьера. Лю пришлось обратиться за помощью к людям-свиньям и бортовым роботам, целиком полагаясь на их опыт. Поначалу эта команда работала куда медленнее, чем бригада гиперприматов. Свиньи явно уступали им в ловкости, однако оказались намного сообразительнее. Вскоре они освоились, роботам удалось подгрузить нужные программы, и работа закипела. Ксавьер не только восстановил корпус, но и заново бронировал его. Двигатели, от швартовых турбинных до главной силовой установки токамака включительно, прошли капитальный ремонт и были полностью отрегулированы и теперь работали безупречно. Все «средства убеждения», то есть многочисленные орудия, перебрали и подключили к новой интегрированной сети управления. Ксавьер объявил, что в маскировке

больше нет необходимости. «Штормовая Птица» слишком долго притворялась обычным грузовозом. Там, куда они направляются, не придется иметь дело с администрацией, которая всюду сует свой нос.

Но теперь скорость увеличилась. Людям приходилось либо сохранять неподвижность, либо пользоваться неуклюжими и громоздкими экзоскелетами. Антуанетта стала реже навещать свой корабль. Но дело было не в окончании работ и не в перегрузках. Ее удерживало кое-что другое.

Сейчас Антуанетта была уверена, что уже давно заметила неладное. Случалось, что она, находясь на борту, не чувствовала себя в одиночестве. Иногда ей казалось, что бдительность Тваря — не просто бессознательное тщательное наблюдение персоны гамма-уровня. За этим крылось нечто большее.

Значит... И Ксавьер, и отец лгали ей. К такому повороту событий Антуанетта была совершенно не готова.

До настоящего момента.

Наступила короткая передышка — установки контроля инерции остановили для очередной технической проверки, и Антуанетта пришла на борт «Штормовой Птицы». Из чистого любопытства она немного покопаться в судовых архивах. Вдруг повезет, и она узнает, что такое это Правило Мандельштама.

Там должны быть такие сведения.

Но даже если ничего не будет, можно попробовать догадаться.

Первые сомнения появились сразу после того, как началась вся эта история с Клавейном. Во время атаки баньши Тварь преждевременно сделал выстрел. Казалось, корабль «запаниковал». Маленькая поправка: интеллект гамма-уровня запаниковать в принципе не может.

А затем представитель полиции, который сейчас наслаждается жизнью в Замке Воронья, допытывался о связи ее отца с Лайлом Мерриком — и упомянул то самое Правило Мандельштама.

Тогда для Антуанетты это был еще один пустой звук.

Но не теперь.

После того, как Тварь случайно сказал о себе «Я» — и словно тщательно сооруженный фасад на секунду отодвинулся в сторону, как театральный задник... и она увидела чье-то лицо, которое за ним скрывалось.

— Маленькая Мисс?..

— Я знаю.

— Знаете что?

— Кто ты. Кто ты такой.

— Простите, Маленькая Мисс, но...

— Заткнись, черт подери!

— Маленькая Мисс... если можно...

— Я сказала, мать твою: заткнись, — Антуанетта с силой шлепнула по пульту управления. Это простое действие всегда задевало Тваря, и она на миг ощутила согревающую душу радость возмездия. — Я все знаю. И насчет Постановления Мандельштама тоже.

— Правило Мандельштама, Маленькая Мисс?

— Не хрен строить из себя невинность! Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Закон, который вступил в силу чуть ли не в тот день, когда ты скончался. Насчет необратимой неврологической смерти.

— Необратимая неврологическая смерть, Маленькая...

— Правило Мандельштама: власти — Феррисвильский Конвент — имеют право конфисковывать и стирать копии бета— или альфа-уровня того, кто приговорен к смерти. И неважно, сколько дубликатов ты с себя наделал. Неважно, что это — грубое неподобие или качественный неврологический скан. Все они должны быть собраны и уничтожены.

— Выглядит как высшая мера наказания, Маленькая Мисс.

— Так оно и есть, верно? И власти подошли к этому со всей ответственностью. Любой, кто приютил преступника, рискует огрести немереные проблемы на свою задницу. Конечно, лазейки есть всегда. Например, заныкать запись скана куда-нибудь подальше. Или переправить к чертям подальше, благо не вся Галактика находится под юрисдикцией Феррисвильского Конвента. Но риск все-таки остается. Я проверила, Тварь. Конвент отловил всех, кто укрывал копии, кто нарушал Постановления Мандельштама. И всех приговорили к смертной казни.

— Это могло бы показаться немного бесцеремонным.

Антуанетта улыбнулась.

— Да неужели? И ты, разумеется, ни сном, ни духом не догадывался, что тебя тоже бесцеремонно прячут? Как, ситуация изменилась?

— Сделать вывод затруднительно.

— Да черта с два это что-нибудь изменило! Ни на один сраный дюйм! И уж точно не там, где дело касается копов. Ты хоть понимаешь, насколько это безответственно, блин? Когда кто-то обманом заставляет кого-то держать у себя нелегальную симуляцию? Ты, гребаный засранец, бабушку твою в черную дыру!

— Заставлять обманом, Маленькая Мисс?

Антуанетта кивнула. Кажется, цель близка. К тому же теперь можно не

осторожничать.

— Полицейский что-то пронюхал, верно? По-моему, он просто не мог связать концы с концами... А может быть, хотел пощекотать мне нервы и выяснить, что мне известно.

Маска снова слетела.

— Я не вполне...

— Думаю, без Ксавьера тут тоже не обошлось. Он «Штормовую птицу» знает, как свои пять пальцев. Каждую подсистему, каждый треклятый кабель. Кому как не ему знать, куда спрятать Лайла Меррика...

— Лайла Меррика, Маленькая Мисс?

— Все ты знаешь. И все помнишь. Ну, конечно, не самого Лайла Меррика, а просто его копию. Не знаю, бету или альфу. И, честно говоря, меня это не очень интересует. Зато чертовски заинтересовало бы кое-кого в суде, верно?

— Сейчас...

— Это ты, Тварь. Ты — он. Лайл Меррик умер, когда власти казнили его за то столкновение. Но этот конец — еще не конец, верно? Твоя жизнь продолжается. Ксав спрятал твою гребаную копию на борту этого гребаного корабля, блин. На борту корабля моего отца. И ты — та самая копия.

Несколько секунд Тварь молчал. Девушка наблюдала за медленными гипнотическими переливами сигнальных ламп и цифр на панели. Она чувствовала боль и опустошенность. Часть ее самой была уничтожена, осквернена, изнасилована. Все, чему она могла доверять в этой вселенной, оторвали и вышвырнули.

Тварь снова заговорил, его голос звучал обманчиво измененным:

— Маленькая Мисс... Я имею в виду Антуанетта... Это ошибка.

— Черта с два. Ты это почти признал.

— Нет. Вы не понимаете.

— Что именно я не понимаю?

— Не Ксавьер спрятал меня. Он помогал, он знал все. Но это не его идея.

— Не его?

— Антуанетта, ваш отец спас меня.

Кулак Антуанетты врезался в пульт управления, и она бросилась прочь из корабля. Ноги ее больше не будет на борту «Штормовой Птицы».

Почти всю дорогу Лашер проспал. Скорпио сказал, что на борту «Зодиакального света» для него работы не найдется — до самого конца

операции. И даже тогда один шанс из четырех, что его подпрягут к чему-нибудь, кроме участия в маневрах корабля. Где-то в глубине души Лашер уже подозревал, что ему достанется самая грязная работа. И несколько не удивился, когда получил по «плотному лучу» сообщение с «Зодиакального Света». Его шаттл оказался в нужной «четверти» пространства, а значит, Лашеру пора готовиться к перехвату корвета, который Скейд выпустила со своего звездолета.

«Старина Лашер, счастливчик... Ты всегда мечтал прославиться. Держи свой шанс».

Нельзя сказать, что он подписался на это с легким сердцем, потому что прекрасно понимал, насколько рискует. Спасение Фелки было весьма опасным предприятием. Количество топлива на борту шаттла рассчитали очень точно — ровно для того, чтобы вернуться домой с пассажиром. Без запаса на возможные ошибки. И на бессмысленный героизм. Клавейн ясно дал понять, что этого делать не стоит. Если траектория корвета хотя бы на километр выйдет за пределы безопасной зоны перехвата, Лашеру — или другому счастливчику — придется отказаться от преследования и разворачиваться. Клавейн сделал единственную уступку: каждый шаттл снабдили ракетой, заменив боеголовку передатчиком. Если корвет окажется в зоне «поражения», пилот может выстрелить, чтобы передатчик закрепился на корпусе корвета. Сто лет субъективного времени — пятьсот объективных лет — устройство будет непрерывно отправлять сигналы. Оставался мизерный шанс, что позывные маяка удастся поймать прежде, чем корвет покинет пределы Обитаемого Космоса. Но это означало, что для Фелки останется хотя бы тень надежды.

Теперь Лашер видел маленькое судно. Шаттл повернул, следуя обновленным координатам, поступающим с «Зодиакального Света». Маленький звездолет с Фелкой на борту находился в свободном падении, истратив последние микрограммы антивещества. Он был хорошо виден из передних иллюминаторов шаттла, подсвеченный носовым прожектором, и напоминал наконечник копья из вороненой стали.

Человек-свинья включил передатчик.

— Лашер на связи. Я его уже вижу. Это точно шаттл. Не могу сказать какого типа, но на наши не похож.

Он сбросил скорость. В идеале ему следовало дождаться ответа Скорпио, но такая роскошь была непозволительной. Сигнал шел до «Зодиакального Света» целых двенадцать минут, и дистанция постоянно увеличивалась — субсветовик поддерживал ускорение в десять «g». У Лашера было полчаса на все. Затем следовало разворачиваться и лететь

назад. Если задержаться хоть на минуту дольше, то его шаттл уже никогда не догонит «Зодиакальный Свет».

Но получаса хватит и на стыковку с корветом, и на то, чтобы попасть на борт и найти дочь Клавейна — или кто она там.

Последний вопрос действительно не волновал Лашера. Только одно имело значение — его попросил Скорпио. И что с того, что сам Скорпио действует по просьбе Клавейна? Это не имело значения. Лашер был так же беззаветно предан своему вождю, как и в тот день, когда решил следовать за ним — почти с тех пор, как Скорпио появился в Городе Бездны.

Это было событие, которое невозможно недооценить. До сих пор люди-свиньи считались отбросами общества, презренными обитателями городских трущоб, а их группировки вечно грызлись между собой. Скорпио сделал их едиными. Он стал криминальным мессией, полумистической фигурой, многие сомневались в реальности его существования. Лашер коллекционировал преступления Скорпио, предавая их памяти с алчностью религиозного фанатика. Он восхищенно изучал каждое — их отличала простота хайку и жестокая изобретательность. Каково это — чувствовать себя автором этих шедевров? Позже он вошел в сферу влияния Скорпио и начал подниматься по ступеням теневой иерархии криминального мира. Лашер хорошо запомнил их первую встречу... и чувство легкого разочарования: Скорпио оказался таким же человеком-свиньей, как и он сам. Но скоро его восхищение стало от этого только сильнее. То, что Скорпио был таким же существом из плоти и крови, делало его свершения еще более выдающимися. И Лашер преодолел робость. Вскоре он уже был одним из главных агентов Скорпио, а затем — одним из близких помощников.

Потом Скорпио исчез. Говорили, что он отправился в космос для участия в суперсекретных переговорах с другой криминальной группой, действующей в системе — возможно, со Скайджеками.

Любые переезды и перелеты для Скорпио были сопряжены с риском, особенно во время войны. И Лашер заставил себя смириться с наиболее вероятным и наиболее горьким исходом — их вождь, скорее всего, погиб.

Прошли месяцы. Затем Лашер услышал новость: Скорпио находится под стражей или что-то вроде этого. Его схватили «пауки», а до этого он, возможно, он побывал в плену у «зомби». Потом под давлением обстоятельств «паукам» пришлось передать пленника Феррисвильскому Конвенту.

Ситуация казалась совершенно безвыходной. Яркое и бесславное правление Скорпио завершилось. Конвент мог предъявить ему любое

обвинение — в военное время почти всякое преступление каралось смертной казнью. К ним в руки попал сам Скорпио — событие, которого ждали очень долго. Показательный суд должен был неизбежно завершиться смертным приговором... и Скорпио окончательно стал бы легендой.

Но все произошло иначе. Вскоре пошли обычные противоречивые слухи. Впрочем, в некоторые из них сходились: Скорпио жив и здоров, он уже на воле, вернулся в Город Бездны и отсиживается в темной угрожающей постройке, которую люди-свиньи знали как Шато де Карбо. Говорили, что в подвале этого замка водились привидения. Теперь Скорпио гостил у таинственного владельца Замка Воронья, и совместно они собирались осуществить нечто неправдоподобное. То, о чем много говорили, но до сих пор считали в принципе невозможным.

Армия «свиной».

Лашер снова вернулся к своему хозяину. Слухи оказались правдой. Скорпио действительно собирал армию для какого-то старика по имени Клавейн, на которого — или вместе с которым — теперь работал. Кроме того, в их планы входил угон корабля, принадлежащего Ультра. По негласным законам преступного мира, такое нельзя было даже обсуждать, не то что осуществлять. Подобный поворот событий и заинтриговал, и напугал Лашера. Особенно после того, как это оказалось только прелюдией к чему-то еще более дерзкому...

Неужели он мог устоять?

Теперь он здесь. Уже несколько световых лет отделяют его от Города Бездны, от всего, что он считает для себя привычным.

Он служил Скорпио. Служил хорошо, не просто выполняя все его приказы, но иногда даже предвидя их; иногда даже идя на шаг впереди своего учителя, за что удостаивался сдержанной похвалы.

Сейчас корвет был совсем близко. Типичный шаттл «пауков» — гладкий, слегка побитый мелкими метеоритами, весь черный. Прожектора шарили по обшивке в поисках люка. Вот и он — в точности как описывал Клавейн: тонкий, как нитка, шов, едва различимый вблизи. Дистанция составляла пятнадцать метров, скорость сближения — один метр в секунду. Корвет достаточно мал, значит, проблем с поисками пассажира не возникнет — при условии, что Скейд сдержала свое слово.

Расстояние между шаттлами сократилось до десяти метров. Тогда из сердца космического аппарата Объединившихся выросло пятно света, подобное первой вспышке восходящего солнца.

Лашер не успел даже моргнуть.

Скейд увидела яркую вспышку боеголовки. Сейчас за кормой «Ночной Тени» не было звезд — только чернильное пятно расползающейся черноты. Релятивистские эффекты сжали видимую Вселенную в широкое кольцо, окружающее звездолет. Но корабль Клавейна все еще следовал позади с прежней скоростью. Бриллиантовая булабочная головка в точке взрыва сверкала в темноте, словно одинокая звезда, которая случайно оказалась не на своем месте.

Объединившаяся сняла спектрограмму излучения, сделала поправку на красное смещение. Совокупный выход тератонного взрыва состоял только из самого приспособления плюс малая остаточная масса антивещества. Значит, уничтоженное судно — шаттл или что-то подобного размера, но не субсветовик. Взрыв звездолета и его машин, глубоко запустивших свои когти в энергетический колодец квантового вакуума, был бы минимум в три раза мощнее.

Итак, Клавейн снова оказался умнее. Нет, поправила себя Скейд: не умнее. Так же умен, как она сама. Дело не в ее ошибках — пока она не допустила ни одной. Просто Клавейн все еще отражает ее атаки, все еще сопротивляется. Но преимущество пока на ее стороне. Скейд не сомневалась: так или иначе, она причиняет упрямому старику серьезные неприятности. Как минимум, она заставила Клавейна сжечь топливо, которое он так сэкономил. Более чем вероятно — побудила направить свои усилия на отражение ее атак, вместо того, чтобы готовиться к сражению, которое ждет его впереди, в окрестностях Ресургема. В стратегическом отношении Скейд не потеряла ничего... за исключением возможности убедительно блефовать.

Но это ей больше никогда не потребуется.

Настало время сделать то, что должно быть сделано.

— Ты, врун долбаный!

Ксавьер поднял взгляд от экрана. Когда Антуанетта ворвалась в их кабину, Лю лежал на своей койке, примостив на колени электронный блокнот. На миг девушка заметила строчки исходных кодов, пробегающих по экрану. Символы и неровные синусоиды напоминали замысловатые формализованные строфы инопланетной поэзии. У Ксавьера буквально отвисла челюсть, и стилус, который он держал в зубах, покатился по полу. Следом свалился блокнот.

— Антуанетта?

— Я все знаю!

— Что ты знаешь?

— О Постановлении Мандельштама. О Лайле Меррике. О «Штормовой Птице». О Тваре. О тебе.

— О чем, о чем?!

Ксавьер соскользнул с койки, сел и принялся накручивать на палец смоляную прядь, изображая крайнее смущение.

— Не смей мне врать, засранец!

В следующий момент она нависла над ним, и на голову Ксавьера обрушился град ударов. Настоящей жестокости в них не чувствовалось, при иных обстоятельствах они могли показаться игривыми. Ксавьер прикрывал лицо, подставляя ее кулакам предплечья, и время от времени пытался что-то пробормотать. Но эти жалкие попытки немедленно пресекались: Антуанетта была в ярости и не желала слушать никаких оправданий.

Наконец гнев иссяк и сменился слезами. Ксавьер поймал ее ослабевшие руки и нежно сжал.

— Антуанетта, — сказал он.

Девушка слабо попыталась освободиться и разрыдалась. Она ненавидела его и любила одновременно.

— Это не моя вина, — проговорил Ксавьер. — Клянусь тебе, не моя.

— Почему ты мне ничего не сказал?

Лю смотрел на нее, пытаясь увидеть глаза за пеленой слез.

— Почему я тебе не сказал?

— Да! Именно это я и спросила.

— Потому что твой отец взял с меня слово.

Когда Антуанетта успокоилась и была готова слушать, Ксавьер рассказал ей все.

Много лет Джим Бакс и Лайл Меррик были друзьями. Оба водили свои грузовозы по Ржавому Ободу и его окрестностям. Обычно два пилота, которые работают в одной торговой сфере, вскоре обнаруживают, как трудно поддерживать искренние дружественные отношения, если их интересы слишком часто пересекаются, а подъем экономики в системе сменяется спадом. Однако интересы Джима и Лайла не пересекались, как и их клиенты. Бакс перевозил крупные грузы по коротким высокоскоростным траекториям — обычно в сжатые сроки и не всегда на законных основаниях. Несомненно, он не искал клиентов из преступного мира, но, по правде сказать, не отказывался с ними работать. Клиентами Лайла были почти исключительно криминальные элементы. Они понимали, что его медленная, хрупкая, неуклюжая шаланда на химических двигателях будет

последним кораблем, который заинтересует таможенников Конвента и куттеры Акцизного управления. Лайл Меррик никогда не обещал, что груз будет быстро доставлен в место назначения. Он вообще не обещал, что груз будет доставлен. Зато можно было не сомневаться: ни один таможенник не сунет нос трюм его грузовоза, и никто никогда не узнает, кому принадлежал и кому предназначался груз. В итоге дела у Лайла шли отнюдь не плохо. Скрывать доходы от налоговой полиции составляло для него серьезную проблему, но он успешно изображал неудачника, балансирующего на грани банкротства. Тем не менее, Меррика трудно было назвать нищим. Тот же Джим Бакс мог только мечтать о таком состоянии. Доходы позволяли ему раз в год посещать Город Бездны и проходить сканирование альфа-уровня, обновляя свои предыдущие копии.

Это продолжалось в течение многих лет. Пока в один прекрасный день его не остановил полицейский куттер. Причина была проста: Лайл Меррик никогда не вызывал недовольства властей, явно неспроста. Куттер без труда лег на курс, которым следовала развалюха Лайла, догнал ее и потребовал заглушить главный двигатель. Грузовоз должен был сбросить скорость и приготовиться к стыковке. Но Меррик знал: стоит ему заглушить двигатель — и ему уже не удастся сохранить лицо. Его блестящая репутация строилась на том, что ни один полицейский никогда не досматривал его груз. Позволив представителю полиции подняться на борт, Лайл подписывал уведомление о банкротстве — на этот раз по-настоящему.

Все, что ему оставалось — удирать.

К счастью — или, как оказалось, к несчастью — он уже находился на подходе к Карусели Нью-Копенгагена. По его сведениям, на где-то «ободе» находился достаточно просторный ремонтный док, куда с некоторым скрипом могла вписаться его посудина. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. Лайл Меррик как минимум получал возможность уничтожить груз до появления полиции. Понятно, что Лайл создавал себе массу проблем, но не обманул бы доверие клиентов. Для него это было куда важнее собственного благополучия.

Но осуществить этот план не удалось. Куттера приближались, к первому присоединились еще трое, один уже приготовился выстрелить в сторону корабля Лайла стыковочными якорями. Меррик прибавил скорость... и на полном ходу врезался в Карусель. Ко всеобщему удивлению — и прежде всего, к удивлению самого Меррика — он уцелел. Тупоносый обитаемый модуль его звездолета пробил оболочку Карусели, подобно птенцу, который пробивает клювом скорлупу яйца. В момент столкновения скорость грузовоза составляла лишь несколько десятков

метров в секунду. Незадачливый пилот отделался множеством синяков и ушибов. Удача не покинула его даже после того, как одна из главных секций силовой установки — раздутые цистерны с химическим топливом — продолжая двигаться по инерции, взорвались. Жилой модуль вмяло еще глубже в карусель, но и на этот раз Меррик выжил.

Он мог сколько угодно радоваться такому везению, но прекрасно понимал, насколько основательно влип. Сектор обода, в который он врезался, не числился среди густонаселенных, но жертв оказалось немало. Когда грузовоз пробил оболочку, герметичность внутреннего пространства Нью-Копенгагена оказалась нарушена. Воздух с шипением и свистом вырывался наружу через отверстие.

Как раз в этом секторе находилась восстановительная зона — миниатюрные поля и лес, освещенные подвесными лампами. Обычно туда мало кто заходил по ночам — разве что десятка два романтиков, желающих полюбоваться «лунным» светом. Но именно в тот момент на Карусели давали концерт из популярных произведений Квирренбаха, собравший несколько сотен зрителей. К счастью, большинство остались живы, но многие получили серьезные ранения. По последним подсчетам, число погибших составило сорок три человека — не считая самого Лайла Меррика. Не исключено, что эта цифра была занижена.

Меррик не пытался исчезнуть. Он уже знал, что обречен. В принципе, неподчинение приказу о стыковке для досмотра не каралось смертной казнью. У него были средства и способы отвертеться. Но теперь... Со времен Комбинированной Эпидемии, когда Блестящий Пояс перестал быть Блестящим Поясом и превратился в Ржавый Обод, акты вандализма против анклавов стояли в списке самых страшных преступлений. По сравнению с этим гибель сорока трех человек была мелкой деталью.

Лайла Меррика арестовали, судили и вынесли решение. Его обвинили по всем статьям относительно столкновения. Приговор — необратимая смерть нервной системы. Поскольку было известно, что осужденного ранее сканировали, в силу вступало Постановление Мандельштама.

Уполномоченных представителей Феррисвилля не зря прозвали «стирающими головками».

Едва приговор был вынесен, они приступили к поиску и уничтожению всех альфа-бета-симуляций Лайла Меррика. За ними стоял законодательный аппарат Конвента, в их распоряжении были арсеналы поискового и отслеживающего программного обеспечения и устройств, устойчивых к спорам Эпидемии. Они прочесывали базы данных или архивы, выуживая уцелевшие симуляции. Конвент дал им право

уничтожить любую общедоступную структуру сбора и хранения информации только по подозрению содержания нелегальной копии. «Стирающие головки» справлялись со своей работой на славу.

Но Джим Бакс не мог допустить, чтобы его друг исчез навсегда. Прежде чем ловушка захлопнулась, друзья Лайла — среди которых были весьма темные личности, — обнаружили его последний альфа-скан и спрятали его от блюстителей закона. Мастерски выполненные исправления в архивных записях клиники создавали впечатление, что Меррик не успел пройти последний сеанс сканирования. «Стирающие головки» долго изучали записи, озадаченные столь странной ситуацией, но вынуждены были признать, что альфа-копия, за которой они гонялись, никогда не существовала. В любом случае, они сделали свое дело: все известные симуляции были стерты.

В определенном смысле, Лайл Меррик избежал наказания.

Однако это была не последняя уловка, к которой пришлось прибегнуть. Джим Бакс сказал, что сможет спрятать скан в таком месте, где блюстители закона вряд ли когда-либо станут искать. Меррик стал субличностью корабля. Альфа-копия человеческого сознания заменила коллекцию алгоритмов и подрежимов, которые представляют собой интеллект гамма-уровня. Настоящее сознание — теперь просто совокупность нервных импульсов, имитация настоящего сознания, — заняло место фиктивной личности.

Настоящий призрак, обитающий в машине.

— Зачем? — спросила Антуанетта. — Почему папа хотел, чтобы все так получилось?

— А как ты думаешь? Он беспокоился и о друге, и о дочери. Таким образом он обезопасил вас обоих.

— Я не понимаю, Ксав.

— Если бы Лайл Меррик не согласился, его бы сейчас вообще не было. А для твоего отца это был единственный способ спрятать скан, не подставляя свою шею. Кстати, Джим получил еще кое-какую выгоду, хотя они с Мерриком об этом и не договаривались.

— Какую?

— Он взял с Меррика слова, что тот будет заботиться о тебе в его отсутствие.

— О нет... — простонала Антуанетта.

— Тебе собирались все рассказать. Это планировалось изначально. Но время шло... и когда Джим умер... — Ксавьер помотал головой. — Понимаешь, мне было нелегко. Как ты думаешь, каково мне было жить с

этой тайной? Шестнадцать лет, Антуанетта, черт бы их подрал. Я же был зеленым юнцом, когда твой отец взял меня на работу, помогать ему со «Штормовой Птицей». Само собой, насчет Лайла я знал все.

— Все равно не понимаю. И что значит «заботиться обо мне»?

— Джим знал, что не сможет всю жизнь находиться рядом с тобой. Он любил тебя больше чем...

Ксавьер осекся.

— Я знаю, что он меня любил. И это было совсем не так, в голографических драмах — какие-то ненормальные отношения между отцом и дочерью. Всякая чушь вроде «ты никогда не говорил, что любишь меня». На самом деле, мы с ним чертовски хорошо ладили.

— Знаю. В этом-то все и дело. Джима беспокоило, что с тобой будет после его смерти. Он прекрасно знал, что ты хочешь унаследовать корабль, и не собирался тебе отказывать — даже не собирался. Черт подери, Антуанетта... Джим гордился тобой. На самом деле гордился. И думал, что ты станешь еще лучшим пилотом, чем он сам. И был уверен на все сто, что у тебя есть настоящая деловая хватка.

Девушка вяло улыбнулась. Отец не раз говорил ей такое... но как приятно услышать то же самое от кого-то еще. Лишнее доказательство того, что Джим Бакс действительно так считал... если это нуждалось в доказательствах.

— И что?

Ксавьер пожал плечами.

— Старик просто хотел позаботиться о тебе. Не такое уж страшное преступление, правда?

— Не знаю. О чем конкретно они договорились?

— Лайл обязывался обитать на «Штормовой Птице». Джим сказал, что он должен все время играть старую субличность гамма-уровня, чтобы ты никогда не заподозрила, что этот... блин... ангел хранитель присматривает за тобой. В общем, заботится о тебе, старается, чтобы ты не влипла слишком глубоко. Знаешь, на мой взгляд, это не лишено смысла. У Лайла было весьма неплохо с инстинктами самосохранения.

Антуанетта вспомнила, как Тварь несколько раз отговаривал ее, когда она собиралась что-то предпринять. Это повторялось не один раз. Она списывала это на чрезмерную осторожность субличности... и оказалась права. На все сто. Просто чуть-чуть ошиблась с первопричиной.

— И Лайл просто взял и подписался на эту аферу? — спросила она.

Ксавьер кивнул.

— Пойми, пожалуйста: Меррик действительно чувствовал себя

виноватым. Он казнил себя за то, что те люди погибли. Поэтому даже не пробовал сбежать. Он надеялся, что его засунут в криокамеру, и он все забудет. Потом уговаривал своих друзей убить его. Понимаешь, он хотел умереть.

— Но не умер.

— Потому что Джим дал ему смысл жизни. Заботиться о тебе.

— И эта гребаная «Маленькая Мисс»...

— Маленький артистический штрих. Надо отдать должное этому засранцу, у него очень неплохо получалось, правда? Пока не случилась серьезная заварушка. Но ты не можешь винить его за то, что он сорвался.

Антуанетта встала.

— Думаю, нет.

Ксавьер выжидающе посмотрел на нее.

— Значит... ты одобряешь то, что мы сделали?

Она повернулась и жестко посмотрела ему в глаза.

— Нет, Ксав, не одобряю. Понимаю. Даже понимаю, зачем ты врал мне все те годы. Но это не меняет ситуацию.

— Извини, — печально пробормотал он, рассматривая свои колени. — Все, что я делал — выполнял обещание, которое дал твоему отцу.

— Это не твоя вина, — ответила Антуанетта.

Позже они занимались любовью. Это было так же прекрасно, как и всегда. Возможно, даже лучше, учитывая тот взрыв, который все еще отдавался у нее в животе. Все, что она сказала Ксавьеру, было правдой. Теперь она знала, какую роль он играл в этой истории. Понятно, что он мог никогда не сказать ей правду — по крайней мере, до тех пор, пока она сама обо всем не догадается. Отца Антуанетта почти не винила. Старик всегда заботился о друзьях, а ради нее готов был свернуть горы. Нет, старина Джим Бакс не сделал ничего такого, что было бы не в его характере.

Но от этого правда не становится менее горькой. Сколько времени она проводила на «Штормовой Птице» — как ей казалось, в полном одиночестве. И, оказывается, Лайл Меррик тоже находился там и, возможно даже подглядывал за ней... Антуанетта не могла отделаться от мысли, что ее предали. И чувствовала себя непроходимой идиоткой.

Вряд ли когда-нибудь она сможет с этим свыкнуться.

Через день Антуанетта решила навестить свой корабль. Может быть, она сможет хотя бы отчасти простить это существо — возможно, единственное во Вселенной, которое сохраняло ей верность? Может быть, для этого достаточно снова подняться на борт?

Правда, вряд ли имеет значение, что эту ложь придумали, чтобы ее защитить.

Но, когда Антуанетта подошла к лесам, которые окружали «Штормовую Птицу», ее ноги как будто приросли к палубе. Несколько секунд девушка тупо смотрела на свой звездолет, запрокинув голову. Он выглядел пугающим, незнакомым. Это был не ее корабль. Ей не хотелось находиться внутри него, становиться его частью.

Она заплакала. Ее ограбили. У нее украли нечто бесценное и никогда не вернут. Потеря была невозполнима.

Решение было принято, все с поразительной быстротой пришло в движение. Скейд сбросила ускорение до одного «g», затем техники уменьшили объем пузыря до размеров бактерии. Теперь его подпитывала лишь тонкая струйка энергии. Это позволяло разъединить основную часть устройств. Затем Скейд дала команду, по которой форма звездолета должна радикальным образом измениться — в соответствии с информацией, которая пришла во время Введения.

В трюмах на корме «Ночной Тени» прятались многочисленные контейнеры с наномашинами, устойчивыми к Эпидемии — темные клубни, набитые низкоуровневыми репликаторами. Команда Скейд освободила их, разбудив запрограммированные механизмы самовоспроизведения. Множась и изменяясь, крошечные устройства формировали кипящие слизистые сгустки, готовые видоизменять материю на микроуровне. Слизь растекалась, пронизывала каждый дюйм кормы, растворяя материал корпуса и извергая его обратно. Основная часть механизмов тут же гибла, становясь частью трансформированных структур. Репликаторы оставляли за собой блестящие обсидиановые структуры, волокнистые арки и спирали, которые тянулись за кораблем, подобно побегам или стрекательным щупальцам. Сходство усиливалось из-за множества вспомогательных приспособлений — узелков, напоминающих присоски и ядовитые железы. В рабочем состоянии механизмы будут шевелиться, почти не касаясь друг друга. Гипнотизирующими волнообразными движениями они начнут взбивать и крошить вакуум. В центре этого движения возникнет зона квантового вакуума в «состоянии четыре» размером с кварк. Зона, где инерционная масса будет выражена строгим математическим нулем.

Потом этот крошечный пузырек-кварк задрожит, заколыхнется — и менее чем за мгновение Планка ^[50] полностью поглотит космический корабль, подвергаясь фазовому превращению инфляционного типа и разрастаясь до макроскопических размеров. Механизмы, которые по-

прежнему будут контролировать его, спроектированы с удивительно малыми допусками, приближающимися к порогу неопределенности Гейзенберга. Никто не мог представить, насколько это действительно было необходимо. Скейд чувствовала: она не готова предвосхитить то, что сказали ей шепчущие голоса Введения. Оставалось лишь уповать, что отклонения не повлияют на работу установки — или, по крайней мере, не настолько, что та выйдет из строя. И надеяться на нормальное состояние механизмов, а о каких-то неисправностях вообще не хотела думать.

Сначала ничего не происходило. Установку запустили, и сенсоры квантового вакуума уловили странные слабые вибрации... Однако точные измерения показывали, что скорость «Ночной Тени» не увеличилась ни на ангстрем ^[51] в секунду по сравнению с обычным уровнем подавления инерции. Злая на себя и на весь свет, Скейд пробиралась через промежутки между изгибами черных механизмов. Вскоре она нашла ту, кого искала — Моленку, специалиста по системам Введения. Женщина выглядела так, будто потеряла половину крови.

«Что-то не так?»

Моленка пыталась объяснить, но лишь обрушила на сознание Скейд безумные объемы технических данных. Стараясь сохранять спокойствие, Скейд разборчиво впитала информацию, выделяя самое необходимое. Конфигурация систем контроля за расширением поля оказалась несовершенной. Пузырь вакуума в «состоянии два» перешел в нулевое состояние, прежде чем смог протиснуться через потенциальный барьер в сверхсветовое «состояние четыре».

Скейд оценила состояние установки. Похоже, никаких повреждений.

«Думаю, вы поняли, в чем ошибка? Можете сделать надлежащие поправки, изменения и повторить попытку?»

(Скейд...)

«Что?»

(Произошло нечто странное. Я нигде не могу найти Жаструсьяка. Он находился намного ближе меня к оборудованию, когда мы проводили эксперимент. Но сейчас его там нет. Он просто исчез, исчез бесследно.)

Скейд выслушала ее, скорее терпеливо, чем заинтересованно. И через несколько секунд после того, как женщина смолкла, переспросила:

«Жаструсьяк?»

(Да... Жаструсьяк.)

Кажется, она полностью открыта...

(Мой коллега. Он тоже специалист по системам Введения.)

«Моленка, на этом корабле нет ни одного человека по имени

Жаструсьяк. И никогда не было».

Ей показалось, что Моленка стала еще бледнее, и ее ответ прозвучал немногим громче, чем выдох.

(Нет...)

«Уверяю тебя, здесь нет никакого Жаструсьяка. Команда маленькая, я знаю всех».

(Это невозможно. Он находился здесь со мной не более двадцати минут назад. Мы работали среди механизмов, готовили их к переходу. Жаструсьяк стоял там, делал установки последней минуты. Клянусь!)

«Возможно».

Скейд почувствовала почти непреодолимое искушение: проникнуть в сознание Моленки и установить мнемоническую блокаду, стереть воспоминания о том, произошло. Но это не сможет похоронить несомненное противоречие между тем, что техник считала правдой, и объективной реальностью.

«Моленка, знаю... это трудно, но ты должна продолжить работу. Я сожалею насчет Жаструсьяка... как я могла забыть? Обещаю, мы попробуем его найти. Есть много мест, куда он мог бы забраться».

(Я не...)

Скейд не дала ей договорить. Ее холодный металлический палец коснулся подбородка Моленки.

«Нет. Никаких слов. Никаких слов, никаких мыслей. Просто возвращайся к установке и внеси необходимые коррективы. Сделай это для меня, хорошо? Для меня и для Материнского Гнезда».

Моленка задрожала. Скейд видела, что женщина смертельно перепугана. Это был смиренный, безнадежный ужас маленького млекопитающего, которое попало в когти хищника.

(Да, Скейд.)

Имя «Жаструсьяк» присутствовало в сознании Скейд и казалось обманчиво знакомым. Она не могла его стереть. Как только выдалась возможность, Скейд вошла в коллективную память и просмотрела всю информацию, которая касалась этого имени. Это просто какой-то странный продукт подсознания Моленки — несомненно, природы творческой. В момент потрясения оно создало образ несуществующей личности...

К некоторому удивлению, Скейд узнала, что Материнское Гнездо знает некоего Жаструсьяка. Этот Объединившийся был завербован во время оккупации Город Бездны. Довольно скоро он снискал доверие Внутреннего Кабинета, получил доступ к его базам данных и начал работать над

прогрессивными концепциями, в частности, над теорией проникающего движения. Жаструсьяк входил в небольшую группу теоретиков, которые создали собственную исследовательскую базу на астероиде и разрабатывали методы, позволяющие сделать знаменитые двигатели Конджойнеров «невидимыми».

Задача оказалась не из легких, и команда Жаструсьяка стала одной из первых, кто подтвердил это собственным примером. Их база вместе с половиной астероида была уничтожена во время аварии.

Таким образом, Жаструсьяк мертв. И, судя по всему, вот уже много лет. Но будь он жив... Именно Жаструсьяка Скейд хотела бы видеть в качестве эксперта в своей команде на борту «Ночной Тени». Очень вероятно, к настоящему он стал бы специалистом примерно такого же уровня, как и Моленка, и в итоге работал бы вместе с ней.

И о чем это говорит?

Скейд решила остановиться на версии о неприятном совпадении.

Как раз в этот момент к ней обратилась Моленка.

(Мы готовы, Скейд. Можем попытаться повторить эксперимент.)

Скейд замялась. Она была уже готова рассказать Моленке то, что узнала о Жаструсьяке. Но затем придумала кое-что получше.

«Приступай».

Установка пришла в движение. Изогнутые черные рукава молотили вакуум. Порой казалось, что они проходят друг через друга, разрывая и связывая пространство-время подобно дьявольской ткацкой машине, баюкая измененную метрику, заманивая ее в тахионную фазу. Несколько секунд — и они превратились в размытое пятно за кормой «Ночной Тени». Датчики гравитационных волн и экзотических частиц зарегистрировали шквал глубоких пространственных потрясений — это по всей границе пузыря свернулся и сжался на микроуровне квантовый вакуум. Компьютеры снимали картину напряжений, обрабатывали ее, рассказывая Моленке о том, как меняется геометрия пузыря. В свою очередь, она передала картину Скейд, визуализировав сферу поля как пылающую глобулу [\[52\]](#), пульсирующую и дрожащую подобно капли ртути в невидимой магнитной колыбели. По поверхности пузыря перекачивались призматические волны всех цветов спектра — часть этих цветов не могла восприниматься глазом обычного человека. Эти переливы отражали самые потаенные нюансы взаимодействия квантового вакуума. Но это не волновало Скейд. Все, что для нее имело значение — сопутствующие показатели, которые говорили о том, что пузырь ведет себя нормально.

Настолько нормально, насколько можно ожидать от чего-то, не имеющего права существовать в этой Вселенной. Наконец появилось голубое свечение, выходящее из пузыря — и сканеры засекли излучение Хокинга [53], частицы, которые удалялись от «Ночной Тени» на сверхсветовой скорости.

Моленка сигнализировала, что техники готовы расширить пузырь. Тогда весь корабль окажется внутри собственной сферы пространства-времени в тахионной фазе. Процесс произойдет мгновенно. Затем — по расчетам Моленки, за пикосекунду [54] субъективного времени — поле снова сожмется до микроскопических размеров. Но этого момента стабильности окажется достаточно, чтобы переместить «Ночную Тень» на расстояние в одну световую наносекунду [55] — примерно треть метра. Корабельные зонды уже выведены за пределы ожидаемого радиуса пузыря и готовы зарегистрировать момент, когда корабль совершит перемещение, превратившись в тахион. Конечно, тридцать сантиметров — слишком мало, чтобы соперничать с Клавейном. Но прыжок можно будет сделать более продолжительным или повторять раз за разом... Как всегда, самое сложное — сделать первый шаг. Потом останется только оттачивать мастерство...

Скейд дала Моленке команду увеличить пузырь, одновременно настраивая свои имплантанты на максимальную скорость восприятия. Обычные изменения в работе систем корабля стали едва заметны. Черные рукава за кормой двигались так медленно, что Скейд без труда могла следить за их завораживающим танцем. Объединившаяся исследовала состояние своего сознания и обнаружила беспокойство с примесью почти животного страха и предчувствие непоправимой губельной ошибки. Помнится, Волк говорил: мало кому из органических существ когда-либо доводилось двигаться быстрее света. При иных обстоятельствах она могла прислушаться к этому невысказанному предупреждению. Но в то же время Волк подгонял ее, склонял именно к этому решению. Он оказал неоценимую помощь в расшифровке инструкций Введения. Скейд предположила, что таким образом Волк обеспечивает собственное существование. Но с тем же успехом он мог просто забавляться, наблюдая, как ее раздирают противоречия, а вопрос выживания его совершенно не беспокоил.

Неважно. Все уже сделано. Черные рукава изменили состояние поля вокруг пузыря. Теперь они бережно приглаживали его границы, квант за квантом, готовя его расширение. Вот пузырь снова задрожал и начал набухать, превращаясь в сгусток округлых мятых вздутий. Его размеры

менялись в логарифмической прогрессии — но слишком медленно. Скейд уже поняла: что-то пошло не так. Расширение должно было произойти настолько быстро, что никто не успел бы почувствовать, даже в состоянии ускоренного осознания. Пузырь уже должен был поглотить корабль, но пока достиг лишь размеров грейпфрута и висел среди беспорядочно машущих рукавов, словно издеваясь. Скейд почти молилась, чтобы этот шарик снова сжался до размеров бактерии, но уже знала из отчетов Моленки: скорее всего, он начнет бесконтрольно расти. С восхищением и ужасом Объединившаяся смотрела, как пузырь вздулся до размеров мяча, потом покрылся волнообразными бороздками, уподобившись грецкому ореху...Орех превратился в тор... Описать дальнейшие трансформации было невозможно. Кажется, Моленка клялась, что такое в принципе невозможно в нашей Вселенной. Пузырь снова стал похож на сферу, на его поверхности пульсировали беспорядочные выпуклости и впадины. Скейд казалось, что смотрит в лицо горгульи, которая корчит ей рожи. Конечно, это была лишь фантазия, порождение ее перепуганного подсознания... Нет. Здесь зарождалось что-то враждебное. Скейд чувствовала это, и ощущение не исчезало.

Пузырь снова разбух. Теперь он, пожалуй, мог бы поглотить небольшой шаттл. Некоторые из рукавов оказались у него на пути, и их острые края пробились сквозь кольшущуюся мембрану. Сенсоры задыхались в гудящем урагане корпускулярных потоков и волн гравитации. Материя медленно, но верно выходила из-под контроля. Важнейшие системы управления на корме «Ночной Тени» самопроизвольно отключились. Движение рукавов стало судорожным и беспорядочным, они налетали друг на друга, словно плохо организованный кордебалет. Узелки и выпуклости на их поверхности исчезли. Еще толчок — и мембрана пузыря поглотила сотни кубометров аппаратуры. Машины больше не могли сдерживать его рост — они выходили из строя и разрушались. В глубине пузыря возникали тусклые вспышки. Большинство контролирующих рукавов уцелела, втянувшись в корпус «Ночной Тени». Скейд почувствовала, как по кораблю прокатилась серия взрывов. Цепочка розовых вспышек протянулась к мостику. Ее прекрасные машины разрывали сами себя в клочья. Пузырь, корчась и пульсируя, продолжал расти, просачиваясь сквозь сдерживающие щупальца — слабеющие, изогнутые, скрученные. По всему кораблю выли сирены, с лязгом захлопывались диафрагмы в переборках. В центре пузыря возникло светящееся ослепительно-белое ядро — материя превращалась в чистое фотонное излучение. Это был катастрофический откат в «состояние три», в

котором материя полностью лишена массы...

Фото-лептонная вспышка волной прокатилась по мембране. Последние рукава, которые еще пытались сдерживать пузырь, повисли подобно сломанным пальцам. Затем послышалось короткое яростное шипение плазмы, и пузырь раздулся еще больше, поглощая «Ночную Тень» и одновременно рассеиваясь. Скейд почувствовала, как мембрана прошла сквозь нее — это напоминало внезапный порыв ледяного ветра в жаркий день. В то же мгновение ударная волна потрянула корабль, и Скейд отбросило к переборке. Поверхность должна была стать мягкой, смягчая удар, но этого не произошло. Словно со стороны, Скейд услышала грохот чего-то тяжелого и металлического.

Однако звездолет по-прежнему никуда не исчез. Скейд сохранила способность думать и до сих пор слышала вой сирен и предупреждающие возгласы, диафрагмы в переборках оставались закрытыми. Потом до нее дошло: все кончилось. Пузырь рассеялся. Он жестоко повредил «Ночную Тень» — возможно, корабль уже не подлежит ремонту — но не смог ее уничтожить.

Скейд заставила себя восстановить нормальную скорость мышления, и ее гребень затрепетал от избытка крови, которую следовало охладить. На миг она ощутила странную пустоту в голове, но это ощущение вскоре исчезло. Похоже, ее металлическое тело не получило никаких повреждений. Уцепившись за переборку, Скейд вытащила себя на середину коридора. Корабль находился в свободном падении — как и следовало ожидать. «Ночная Тень» дрейфовала в космосе, установки центробежной гравитации не работали.

«Моленка?»

Ответа не последовало. Похоже, бортовая сеть вышла из строя. Теперь нейрообщение возможно только при непосредственном контакте. Однако Скейд знала, где Моленка находилась до того, как процесс вышел из-под контроля. На всякий случай она громко позвала женщину-техника, но, не дождавшись ответа, направилась в сторону отсека с аппаратурой. К счастью, до разгерметизации не дошло, однако Скейд приходилось уговаривать каждый шлюз, чтобы пройти.

С тех пор, как Скейд последний раз посещала этот отсек, здесь кое-что изменилось. Выгнутые поверхности аппаратуры, блестящие, точно черное стекло, поменяли положение в пространстве. Интересно, сколько раз это происходило? В воздухе пахло озоном и целым букетом чего-то малознакомого, сквозь несмолкающий вой сирен и предупредительных возгласов доносилось жужжание и потрескивание, словно где-то искрила

проводка.

— Моленка?

(Скейд...)

Мысленный ответ был невероятно слабым, но узнать техника не составляло труда. Несомненно, Моленка находилась где-то неподалеку.

Скейд плыла вперед, цепляясь за переборки то одной, то другой рукой. Механизмы окружали ее со всех сторон — гладкие черные выступы и рифы, похожие на неровные стены подводной пещеры. Проход расширился, и Скейд оказалась в тупичке пяти-шести метров в поперечнике. Все поверхности были облеплены разъемами для ввода данных. За встроенным окошком в дальней переборке темнели ограничительные рукава, все еще тянущиеся за корму, разбитые и скрюченные. Даже сейчас некоторые из них продолжали шевелиться. Эти вялые круговые движения казались предсмертными судорогами живого существа. Теперь Скейд видела разрушения собственными глазами. Ситуация оказалась куда более скверной, чем она ожидала. Звездолет был выпотрошен, словно анатомическое пособие.

Но не это привлекло внимание Скейд. В центре тупика плавал волнистый мешочек. Внутри молочно-белой полупрозрачной оболочки что-то шевелилось, то проступая, то исчезая. Мешочек напоминал морскую звезду, но его тупые псевдоподии явно копировали пропорции человеческого тела. Да... то, что ворочалось внутри, действительно было человеком. Казалось, его разрезали на куски, а потом сложили заново в произвольном порядке. Скейд видела то лоскуток темной одежды, то бледные пятна плоти, смешанные без всякой логики в последовательности.

«Моленка?»

Расстояние между ними не превышало двух-трех метров, но ответ донесся как будто издалека.

(Да, это я. Я попала, Скейд. Я заперта в части пузыря.)

Скейд вздрогнула, пораженная спокойствием техника. Несомненно, Моленке предстояло умереть, но она говорила о своем затруднительном положении с восхитительной бесстрастностью. Вот позиция настоящей Объединившейся. Убежденной в том, что ее сущность будет жить и дальше в едином сознании Материнского Гнезда, и что физическая смерть — это лишь исчезновение второстепенного периферийного элемента чего-то большего, по-настоящему значительного... Стоп. Скейд напомнила себе, что сейчас Материнское Гнездо очень далеко.

«В части пузыря, Моленка?»

(Он распался на фрагменты, когда проходил сквозь корабль. Один

потянулся ко мне, как будто сознательно. Будто искал кого-то, чтобы окружить, заключить в себя.)

«Морская звезда» омерзительно задрожала, словно находилась в нестабильном состоянии и собиралась схлопнуться в точку.

«Какое состояние внутри, Моленка?»

(Похоже, «состояние один», Скейд... Честно говоря, не чувствую никакой разницы. Просто я заперта... и очень далеко. Я чувствую, что очень, очень далеко.)

Фрагмент пузыря начал сокращаться — именно таким образом, как предполагала Моленка. Мембрана сморщивалась. Если до сих пор форма пузыря лишь грубо напоминала человеческое тело, то теперь мембрана почти облепила Моленку. Какое-то мгновение техник выглядела почти привычно — если бы ее не покрывала струящаяся глазурь жемчужного света. Может быть, пузырь сейчас разлетится и освободит Моленку, робко подумала Скейд. Но уже поняла, что ничего подобного не произойдет.

Пузырь снова задрожал, сокращаясь, точно пищевод при икоте. На лице женщины-техника — теперь ее было хорошо видно — появилось выражение запредельного страха. Даже через исчезающе слабые неврологические каналы Скейд охвативший ее ужас и предчувствие беды. Кажется, глазурная пленка сжималась.

(Помоги мне, Скейд. Я не могу дышать.)

«У меня не получится. Я не знаю, что делать».

Мембрана туго обтянула кожу Моленки. Техник начала задыхаться. Она уже не могла говорить, автоматические программы в ее голове постепенно отключали зоны мозга одну за другой, экономя жизненные ресурсы, чтобы выиграть три-четыре дополнительных минуты почти бессознательного последнего вдоха.

(Помоги мне. Пожалуйста...)

Пузырь продолжал сжиматься. Скейд наблюдала за этим, не в силах отвернуться. Боль мощным потоком хлынула через остатки неврологических каналов. В этом потоке уже ничего нельзя было различить. Скейд рванулась вперед, в отчаянной попытке сделать хоть что-нибудь, даже если от этого не будет проку. Металлические пальцы коснулись поверхности мембраны, и она тут же начала съеживаться быстрее. Неврологическая связь рушилась. Полупрозрачная пленка сплющивала Моленку, давление почти уничтожило чуткую сеть имплантантов, которые наполняли ее тело.

На миг пузырь застыл, снова судорожно дернулся, а затем начал сжиматься с невообразимой скоростью. Когда рост Моленки сократился на

четверть, полупрозрачная пленка внезапно стала алой изнутри. Сознание Скейд ударил истощный вой, и связь прервалась окончательно. Моленка была мертва. Сохраняя пропорции человеческого тела, пузырь продолжал уменьшаться. Вот он стал похож на манекен, потом — на марионетку, на детскую куклу... вот стал крошечной фигуркой в палец длиной, теряя очертания и определенность форм, словно плавясь и обтекая. Когда все кончилось, в пространстве висел маленький шарик, наполненный чем-то молочно-белым.

Скейд протянула руку и схватила его. Она уже знала, что эту штуку надо как можно скорее выбросить в вакуум — прежде, чем она сожмется еще больше. Материя внутри мембраны — то, что некогда было Моленкой — находилась под огромным давлением. В один прекрасный момент этот шарик внезапно решит увеличиться, и Скейд не хотела даже думать о том, что тогда может произойти.

Это оказалось не так-то просто. Казалось, шарик жестко закрепили в определенной точке пространства... и, наверно, времени. Скейд приказала своему механическому телу увеличить силу. В конце концов ей удалось сдвинуть шарик с места. Он весил столько же, сколько тело Моленки... нет, пожалуй, даже больше, судя по тому, как трудно было заставить его остановиться или сменить направление движения.

Скейд начала свой нелегкий путь к ближайшему дорсальному шлюзу.

Спираль проектора раскрутилась до нужной скорости. Клавейн стоял, держась руками за поручни, окружающие сферу просмотра, и разглядывал непонятный предмет, изображение которого появилось в цилиндре. Больше всего это напоминало раздавленного жука: ворох мягких внутренностей, похожих на веревки, вывалившихся наружу с одной стороны жесткого темного панциря.

— Что-то она никуда не торопится, — сказал Скорпио.

Антуанетта кивнула и выразительно присвистнула.

— Отторопилась. Теперь дрейфует, куда звездный ветер понесет. Вот дерьмо, господи... Как думаете, что с ней произошло?

— Что-то нехорошее, но ничего катастрофического, — спокойно отозвался Клавейн, — иначе мы бы вообще не увидели ее. Скорпио, можешь дать увеличение на корму? Похоже, именно там все и произошло.

Скорпио перенастроил внешние камеры. Ему приходилось попотеть, чтобы удерживать в фокусе дрейфующий корабль: дифференциал скорости составлял более тысячи километров в секунду. Примерно через час они окажутся в зоне досягаемости орудий. Сейчас «Зодиакальный Свет» шел с

постоянной скоростью, системы подавления инерции были отключены, двигатели заглушены. Огромные маховики раскручивали центральную часть корабля, где обитали все члены экипажа, вырабатывая один «g» центробежной гравитации. Клавейн наслаждался: теперь не надо было бороться с перегрузками и набивать себе синяки каркасным экзоскелетом. А самое приятное — прекратилось воздействие подавляющего инерцию поля, которое нещадно давило на психику.

Скорпио наконец-то настроил изображение.

— Вот, — сказал он. — Теперь все четко.

— Спасибо, — кивнул Клавейн.

Ремонтуа, единственный, кто продолжал носить экзоскелет, прошаркал мимо Паулины Сухой и подошел поближе к цилиндру, окруженный жужжанием сервоприводов.

— Я не знаю, что это за устройства, Клавейн. Но они здесь неспроста.

Клавейн кивнул. Он был того же мнения. В основном, форма звездолета сохранилась, но из его кормовой части веером торчало сложное хитросплетение волокон и арок. Это напоминало моментальный снимок часового механизма, в котором взорвалась небольшая бомба, и россыпь пружин и храповиков брызнула в разные стороны. Клавейн обернулся к Ремонтуа.

— Может быть, рискнешь предположить?

— Скейд поняла, что не сможет от нас оторваться, что мы все равно нагоним ее. И, похоже, пошла на крайние меры.

— Крайние? — переспросил Ксавьер, одной рукой обнимая Антуанетту за талию. Оба были по уши в машинном масле.

— У нее уже была установка, контролирующая инерцию, — продолжал Ремонтуа. — Мне кажется, это не совсем она. Установку переделали, чтобы перейти в другое состояние.

— Какое, например? — спросил Ксавьер.

— Установка убирает инерционную массу... это Скейд называет «состоянием два». Но убирает не полностью. Значит, в поле состояния три вся инерционная масса падает до нуля. Материя превращается в поток фотонов и может двигаться только со скоростью света, не больше и не меньше. Расширение времени становится неопределенным, таким образом, корабль остается замороженным в фотонном состоянии до конца времени.

Клавейн кивнул и пристально посмотрел на своего друга. Казалось, Ремонтуа без возражений носит экзоскелет, хотя прекрасно знал: эта конструкция способна мгновенно обездвигить его, если Клавейн усомнится в его намерениях.

— А «состояние четыре»? — спросил Клавейн.

— Оно может оказаться весьма полезным, — ответил Ремонтуа. — Если Скейд сможет проскочить «состояние три» и плавно соскользнет в «состояние четыре»... Тогда корабль окажется в поле, где его инерционная масса станет отрицательной. Это состояние тахиона. Скейд сможет двигаться со сверхсветовой скоростью.

— Чего она и пыталась добиться? — вежливо уточнил Ксавьер.

— Это самое подходящее объяснение.

— И что, по-твоему, произошло? — осведомилась Антуанетта.

— Некоторая нестабильность поля, — произнесла Паулина Сухой. Ее бледное лицо отражалось в стекле проектора, создавая ощущение, что в цилиндре заперт призрак.

— Если я скажу, что ядерный синтез — это детские игры по сравнению с контролем над пузырем измененного пространства-времени, это будет верно, — Паулина говорила тихо и торжественно. — Это действительно игра, в которую малыши играют на своих днях рождения, пока не вырастут. Подозреваю, что Скейд сумела создать микроскопический пузырь. Скорее всего, меньше атома, и совершенно точно не больше бактерии. Пузырем такого размера управлять легко, но эта легкость обманчива. Видите — вот здесь — серпы и рукава? — она кивком указала на изображение, которое по-прежнему медленно вращалось в проекторе. — Должно быть, это генераторы поля и системы-ограничители. Предполагается, что они позволят полю расширяться, сохраняя стабильное состояние, пока оно не поглотит корабль. Пузырь разрастается со скоростью света, ему достаточно половины миллисекунды, чтобы покрыть звездолет размером с «Ночную Тень», но измененный вакуум расширяется со сверхсветовой скоростью. Пузырь «состояния четыре» имеет такую характерную особенность, как скрученное время — порядка одной на десять в минус сорок третьей степени секунды. Не так много для того, чтобы среагировать, если что-то пойдет не так.

— А если пузырь так и будет расти?.. — поинтересовалась Антуанетта.

— Не будет, — заявила Сухой. — А если и будет, ты об этом никогда не узнаешь. И никто не узнает.

— Так что Скейд повезло, что у нее остался корабль, — подытожил Ксавьер.

Паулина кивнула.

— Должно быть, произошла небольшая авария. Вероятно — при переходе из одного состояния в другое. Достаточно застрять в «состоянии

три», чтобы небольшой кусочек ее корабля превратился в чистый белый свет. Маленький фото-лептонный взрыв.

— Однако живучесть эта штука сохранила, — возразил Скорпио.

— А признаки жизни подает? — спросила Антуанетта.

Клавейн покачал головой.

— Нет. Правда, их и не может быть — мы все-таки имеем дело с «Ночной Тенью». Ее создавали, чтобы скрывать все, что только можно. Обычные методы сканирования здесь не помогут.

Свин немного поколдовал с настройками, и изображение корабля окрасилось в спектральные зеленые и голубые тона.

— Вот термика, — пояснил он. — Энергия у них еще есть, Клавейн. Если бы основные системы взорвались, корпус бы уже немного поостыл.

— Я не сомневаюсь, что на звездолете кто-то выжил, — сказал Клавейн.

Скорпио кивнул.

— Кто-то — может быть. Они затаятся, подождут, пока мы не пройдем мимо, за пределы дальности сенсоров. Быстро подлатают дыры. И прежде чем ты об этом узнаешь, окажутся у нас на хвосте и начнут создавать нам проблемы.

— Я об этом думал, — отозвался Клавейн.

Свин снова кивнул.

— Ну и что?

— Я не собираюсь атаковать их.

Диковатые черные глаза Скорпио вспыхнули.

— Клавейн...

— Фелка еще жива.

Последовало неловкое молчание. Клавейн чувствовал: тишина давила, как пять «g». Все смотрели на него — даже Сухой. И каждый, похоже, благодарил судьбу, что не обязан принимать подобное решение.

— Ты этого не знаешь, — на щеках Скорпио заиграли желваки. — В тот раз Скейд провела нас и погубила Лашера. И ничем не показала, что Фелка осталась у нее. Потому что Фелки у нее нет. Или вообще нет в живых.

— Хорошо, чем она могла бы тебе это показать? — спокойно спросил Клавейн. — Скейд способна подделать что угодно.

— Что-то узнать от Фелки. То, что одной Фелке и известно.

— Ты ни разу не видел Фелку, Скорпио. Она сильная — намного сильнее, чем полагает Скейд. И Скейд не получит от нее ничего, чем сможет мной управлять.

— Ладно. Допустим, Фелка там. А теперь представь, что Фелку заморозили, чтобы не создавала проблем.

— И какая разница?

— Она ничего не почувствует, — ответил Скорпио. — Сейчас у нас хватает оружия. Мы просто разнесем «Ночную Тень», как мишень в тире. В одно мгновение, безболезненно. Фелка ничего не узнает.

Клавейн почувствовал, что закипает, но пока держался.

— А что бы ты сказал, если бы Скейд не убила Лашера?

— Она его убила, — Скорпио стукнул кулаком по перилам. — Остальное неважно.

— Нет, кое-что очень важно, — вмешалась Антуанетта. — Клавейн прав. Мы не можем действовать так, словно одна человеческая жизнь ничего не значит. Чем мы тогда лучше волков?

Ксавьер, по-прежнему обнимая ее за талию, гордо расправил плечи.

— Я согласен. Извини, Скорпио. Я знаю, что она убила Лашера. И понимаю, как тебя зацепило...

— Ни черта ты не понимаешь, — в голосе Скорпио было больше печали, чем злости. — И не надо говорить мне про ценность единственной человеческой жизни. Просто Фелку вы знаете. А Скейд тоже человек. А как насчет нее команды?

— Послушай Клавейна, — мягко произнесла Круз, которая до сих пор молчала. — Он прав. Мы еще десять раз кокнем эту Скейд. Сейчас не самый подходящий момент.

— Можно предложить? — спросил Ремонтуа.

Клавейн с беспокойством посмотрел на него.

— Что, Рэми?

— Просто мы... мы в пределах полета шаттла. Придется потратить немного антивещества... примерно пятую часть того, что осталось... Но другого шанса может просто не представиться.

— Шанса... — повторил Клавейн. — Какого шанса?

Ремонтуа удивленно заморгал, словно его спросили о чем-то очевидном.

— Шанса спасти Фелку, конечно!

Глава 29

Ремонтуа рассчитал безошибочно. Клавейн заподозрил, что его друг оценил расход энергии шаттла задолго до того, как спасательная операция стала чем-то относительно реальным.

На шаттле отправились трое: Скорпио, Ремонтуа и Клавейн.

К счастью, на подготовку оставалось мало времени. Именно к счастью. Располагая днями или хотя бы часами, Клавейн пребывал бы в метаниях и сомнениях, до бесконечности балансируя между каждой единицей оружия, броневым щитком и возможностью взять больше топлива, которое, с другой стороны, может понадобиться позже... Теперь же ему оставалось одно: не мудрствуя лукаво, воспользоваться облегченным шаттлом, который запускали впереди «Зодиакального Света», пока не придумали более надежную защиту от парусов Скейд. Этот шаттл представлял собой просто скелет, похожий на чертеж или набросок, набор тонких черных шпангоутов, продольных балок и голых серебристых систем. По мнению Клавейна, он выглядел непристойно. Клавейн привык к машинам, одетым в соответствующий корпус. Но этот экземпляр имел все шансы справиться с поставленной задачей. Если же Скейд всерьез решит обороняться, никакая броня их не спасет.

Единственной закрытой частью шаттла оказалась кабина пилотов, но даже там не было атмосферы. Это означало, что во время операции все трое должны будут ходить в скафандрах и взять еще один для Фелки. Кроме того, в кабине освободили место для криогенного саркофага, если окажется, что Скейд заморозила пленницу. Избыток массы устранялся выбросом оружия и пустых топливных цистерн на обратном пути.

Клавейн занял среднее сиденье, подключив панель контроля полетами прямо к скафандру. Скорпио сел в кресло с левой стороны, Ремонтуа справа. Каждый из них мог принять управление кораблем, если Клавейну потребуется отдых.

— Ты уверен, что достаточно мне доверяешь? — с лукавой улыбкой спросил Ремонтуа, когда состав группы утверждался окончательно. — Нам предстоит находиться вместе в течение всей операции...

— Думаю, у меня будет возможность это проверить, — ответил Клавейн.

— От меня будет не много проку. Стандартный космический скафандр не налезет на экзоскелет, а тяжелые модели у нас еще не готовы.

Клавейн кивнул Кровавому, помощнику Скорпио.

— Помоги ему выбраться из этой штуки. Если он начнет что-нибудь вытворять, ты знаешь, что делать.

— Я не буду ничего вытворять, Клавейн, — сказал Ремонтуа.

— Почти верю. Но имей в виду: я не стал бы рисковать, будь у меня хоть один человек, кто знает «Ночную Тень» так же хорошо, как ты. Или как Скейд, если на то пошло.

— Я с вами, — твердо заявил Скорпио.

— Мы собираемся забрать Фелку, — сказал Клавейн. — А не мстить за Лашера.

— Возможно, — на лице человека-свиньи почти не отражалось эмоций, и это согласие показалось Клавейну не слишком убедительным. — Но давайте по-честному. Мы вытащили Фелку — отлично. Но вы же не собираетесь вежливо сказать «до свидания» и убраться восвояси?

«Так Скейд ее и отдаст», — подумал Клавейн.

— Мы прихватим мини-боеголовку, Клавейн. Запасы «горячей пыли» не слишком пострадают, зато эта милая штучка сделает аккуратную дырку в «Ночной Тени».

— Спасибо за помощь, Скорпио. Я понимаю твои чувства. После того, что сделала Скейд... Но ты нужен нам здесь. Ты руководишь программой создания оружия.

— А ты нам здесь не нужен?

— Это касается меня и Фелки, — отрезал Клавейн.

Человек-свинья взял его за руку.

— Тебе предлагают помощь. Пользуйся, пока дают. Я редко сотрудничаю с людьми, так что по такому случаю прояви великодушие, твою мать, и не выпендривайся.

Клавейн пожал плечами. Участие Скорпио в этой операции оптимизма не вызывало, но энтузиазм человека-свиньи оказался на удивление заразительным. Клавейн повернулся к Ремонтуа.

— Похоже, он летит с нами, Рэми. Ты еще не раздумал присоединиться?

Ремонтуа посмотрел на Скорпио, потом на него.

— Справимся.

Теперь, когда миссия началась, оба молчали, стараясь не отвлекать Клавейна. Он вел шаттл прямым курсом к дрейфующей «Ночной Тени» и старался не думать о настоящей скорости их движения. Звездолеты падали сквозь пространство со скоростью всего на два процента меньше световой, однако со стороны этого было совершенно не заметно. Звезды смещались

относительно своих координат и меняли цвет из-за релятивистских эффектов, но выглядели совершенно неподвижными, даже при таком высоком тау-факторе. Их траектория не проходила в непосредственной близости от какого-нибудь светящегося небесного тела. Иначе можно было бы увидеть, как оно бы проплыло в темноте, лишённое сферичности сжатием Лоринца-Фицджеральда. [56] Но даже тогда оно не пронеслось бы мимо — для этого корабль должен был бы пройти едва ли не в верхних слоях его атмосферы. Они бы увидели пламя из дюз звездолета, который возвращается к Йеллоустоуну — при условии, что они занимали бы один коридор. Обшивки кораблей светились в инфракрасном режиме, нагретые постоянным, почти незаметным трением о межзвездный водород и микроскопические зерна пыли. Однако в сознании Клавейна этот факт почему-то не соотносился с внутренним ощущением скорости. Он осознавал, что это трение создает определенные проблемы для шаттла, несмотря на небольшое поперечное сечение их суденышка. Зато космическое излучение, которое релятивистские эффекты сделали еще более жестким, непрерывно пронизывали корпус. Именно по этой причине кабину обшили бронированными листами.

Перелет прошел быстро. Впрочем, это могло быть субъективным ощущением Клавейна: он боялся, что окажется на борту «Ночной тени» и обнаружит, что он опоздал. Основную часть пути все трое провели в бессознательном состоянии, сохраняя энергию скафандров: в случае атаки Скейд любые усилия все равно оказались бы бесполезны.

Клавейн и его спутники проснулись, когда искалеченный звездолет появился в поле прямой видимости.

Антрацитовый силуэт в черноте межзвездного пространства. Клавейн видел его лишь потому, что с «Зодиакального Света» прямо на корабль был направлен луч оптического лазера. Некоторые детали оставались незаметными. Но и того, что представало взгляду, было достаточно, чтобы чувствовать себя неуютно. Корабль напоминал полуразрушенный готический собор в лунном свете. Легкая тень шаттл ползла по изувеченному корпусу, и тот словно корчился от ее прикосновения.

С близкого расстояния непонятные выросты выглядели еще более странно. Они имели сложную структуру, но до сих пор это было не настолько очевидно — равно как и то, до какой степени они оказались скручены и искорежены. Скейд очень повезло: повреждения пришлось главным образом на корму. Корпус напоминал вскрытую грудную клетку, но на двигателях Конджойнеров, которые торчали по краям разрыва, лишь пострадала обшивка. Клавейн подвел шаттл еще ближе. Скейд не

собиралась атаковать — иначе это бы уже произошло. Очень осторожно скелетообразное суденышко лавировало среди скрученных балок и изломанных дуг — того, что осталось от сверхсветовой установки.

— Отчаянная попытка, — заметил Клавейн. — Она же знала, что мы не доберемся до Ресургема раньше, чем она... Почему это показалось ей недостаточным? Она хотела опередить нас на годы.

— И могла, — отозвался Скорпио. — Почему тебя удивляет, что она воспользовалась возможностью?

— Я тоже удивлен, — Ремонтуа вмешался прежде, чем Клавейн успел ответить. — Скейд знала, что играет с огнем. Я спрашивал ее о «состоянии четыре». Скейд отрицала, что оно ее сколько-нибудь интересует, но выражение ее лица о многом говорило. Она всегда любила рискованные эксперименты.

— Ясно одно, — подытожил человек-свинья. — Вашей подружке сильно приспичило получить эти орудия. Похоже, они для нее чертовски много значат.

Клавейн кивнул.

— Учитывая, что мы имеем дело не с настоящей Скейд. А с тем, что добралось до нее в Замке — чем бы оно ни было. Мадемуазель. Она хотела получить орудия и просто вживила Скейд эту идею.

— О, эта Мадемуазель меня очень заинтересовала, — сказал Ремонтуа. Ему уже частично рассказали о последних событиях в Городе Бездны. — Я бы не отказался с ней встретиться.

— Оpozдал, — ответил Скорпио. — Можешь взглянуть на ее труп у Хи в ящике... Тебе что, Клавейн не рассказывал?

— Рассказывал, — раздраженно отозвался Ремонтуа. — В ящике есть что-то. Но явно не та ее часть, которая имеет значение. Та — главная — часть добралась до Скейд. И сама стала Скейд. Такой, какой мы ее знаем.

Клавейн провел шаттл между парой отростков, похожих на изуродованные лезвия ножниц, и вернулся в открытое пространство. С этой стороны «Ночная Тень» оставалась непроглядно черной — лишь в некоторых местах ее освещали прожектора шаттла, выхватывая из черноты детали. Крошечный кораблик медленно полз вдоль борта звездолета. Клавейн смотрел туда, где за невидимыми бесшовными люками прятались орудия — совершенно бесполезное занятие: порты открылись бы раньше, чем он успел бы моргнуть. Примерно столько же занимало наведение орудий.

— Вы, двое, — сказал Скорпио, — знаете, как пробраться в эту хрень?

— А как же, — отозвался Ремонтуа. — Это был наш корабль. Неужели

ты его не узнаешь? Тот самый корабль, на котором тебя вытащили от Марушки Чанг.

— Все, что я помню, Ремонта — это как ты меня страдал.

В этот момент Клавейн обнаружил искомый люк и вздохнул с облегчением. «Ночная тень» все еще не проявляла никакой реакции: ни огней, ни признаков пробуждения электроники. Клавейн выпустил эпоксидные якоря-присоски и затаил дыхание, когда они коснулись бронированной обшивки. Но ничего не произошло.

— Теперь начинается самое трудное, — сказал он. — Рэми, я хочу, чтобы ты остался на шаттле. Скорпио пойдет со мной внутрь.

— Могу я спросить, почему?

— Да, хотя я надеялся, что ты не станешь спрашивать. У Скорпио больше опыта рукопашных схваток, чем у тебя... и, пожалуй, даже больше, чем у меня. Но самое главное — я недостаточно доверяю тебе, чтобы пойти внутрь вместе.

— До сих пор ты мне доверял.

— И доверяю. Тебе поручается сидеть в шаттле и ждать нашего возвращения, — Клавейн посмотрел на часы. — Через тридцать пять минут мы должны вернуться. Жди нас, но как только время пройдет, лети назад. Ни минуты больше, даже если мы со Скорпио уже будем входить в шлюз.

— Ты серьезно?

— У нас достаточно топлива, чтобы вернуться с Фелкой. Если ты полетишь один, у тебя образуется некоторый запас, который позже очень пригодится. Чему я всегда доверял, Рэми, так это твоей ответственности.

— Но не настолько, чтобы взять меня на борт.

— Не туда, где находится Скейд. Ты можешь снова переметнуться к ней. Я не могу рисковать.

— Ты не прав, Клавейн.

— Не прав?

— Я никогда не был перебежчиком. И ты тоже. Это Скейд перешла на другую сторону. И все остальные тоже.

— Идем, — человек-свинья потянул Клавейна за руку. — У нас двадцать девять минут.

Клавейн и Скорпио покинули шаттл. Обследовав периметр люка, Клавейн обнаружил почти незаметную нишу, которое маскировало внешний пульт управления. Ширина ниши позволяла просунуть внутрь руку в перчатке. Нащупав тройку ручных переключателей — обычный вариант для корабля Объединившихся, — Клавейн установил их в позицию «открыть». Даже если на корабле нет электричества, встроенные

аккумуляторы смогут запитывать замок около ста лет. Но даже после этого люк можно будет открыть: с другой стороны находился ручной механизм.

Люк скользнул в сторону. Из шлюза ударил кроваво-красный свет, и в глазах заплясали темные пятна. Привыкнув к освещению, Клавейн пропустил Скорпио в тамбур, который оказался весьма просторным, шагнул следом и едва не врезался в человека-свинью. Толкаясь в своих громоздких скафандрах, они разместились в шлюзе, Клавейн закрыл внешний люк, и тамбур начал наполняться воздухом. Прежде, чем давление достигло нормы, прошла вечность.

Затем внутренний люк открылся. Помещения корабля утопали в том же багровом полумраке аварийного освещения. Но это означало, что на корабле есть электричество. Значит, кто-то мог уцелеть.

Клавейн изучил данные об окружающей обстановке, которые выросли на виртуальной панели, затем отключил подачу воздуха и поднял щиток. На борту «Зодиакального Света» не нашлось ничего лучшего, чем эти неуклюжие старые скафандры. Запасы воздуха и энергии в них были ограничены, так что не мешало поберечь ресурсы. Скорпио последовал примеру Клавейна.

— Где мы? — прошипел свин.

— В средней части корабля, — ответил Клавейн, даже не стараясь понижать голос. — Но при таком освещении и без гравитации все выглядит непривычно. Честно говоря, даже для меня. Интересно, кого из экипажа мы можем найти.

— Скейд пометок не делала? — Скорпио по-прежнему говорил шепотом.

— Нет. Чтобы управлять таким кораблем, достаточно двух хорошо обученных пилотов — более чем достаточно. И можешь не шептать, Скорпио. Если здесь кто-то есть, он уже знает, что мы внутри.

— Кстати, напомни, какого черта мы без оружия?

— А смысл? То, что здесь есть, куда мощнее и надежнее. Или мы заберем Фелку без лишнего шума, или проведем небольшие переговоры, — Клавейн коснулся поясника. — Поскольку у нас есть кое-какие вспомогательные средства.

Они принесли на корабль мини-заряды. Это была знаменитая «горячая пыль» — микрогранулы антивещества в бесконтактной оболочке. Вся система величиной с булавоочную головку помещалась в бронированный корпус размером с палец. Одного такого «пальца» было достаточно, чтобы от «Ночной Тени» осталось только воспоминание.

Клавейн и Скорпио спускались по коридору, залитому багровым

светом. Время от времени они останавливались, кто-то из них снимал мини-боеголовку с предохранителя, делал по корпусу мазок эпоксидом и приклеивал в угол или в тень. На самом деле, при хорошо организованном поиске от «сюрпризов» можно было избавиться минут за двадцать. Но, судя по всему, в ближайшее время на этом корабле никто ничего не организует.

Примерно через восемь минут они достигли тройной развилки, и Скорпио нарушил молчание.

— Ну как, сориентировался?

— Да. Мы рядом с мостиком, — Клавейн указал на один из коридоров. — А тот ведет в криогенный отсек. Если Фелку заморозили, нам туда. Для начала надо проверить сначала его.

— У нас двадцать минут, потом надо выбираться.

На самом деле, в этих временных ограничениях не было никакой необходимости. На худой конец, «Зодиакальный Свет» мог подкорректировать скорость и встретить шаттл, если они застрянут на борту «Ночной Тени». Но это означало непозволительную трату времени. Это означало посеять в остальных членов команды благодущие, что может быть смерти подобно. Взвесив все, Клавейн пришел к выводу, что им троим лучше погибнуть — или, по крайней мере, остаться — здесь, чем допустить подобное. Даже если Ремонтуа не вернется, их помощники и старшие офицеры справятся с задачей и проведут операцию. Но экипаж «Зодиакального света» должен верить, что счет идет на секунды. Так оно и есть. Да, это жестоко. Но война — вообще жестокая штука. И это было далеко не самое страшное решение, которое Клавейну доводилось принимать.

Криогенный отсек оказался недалеко.

— Я что-то вижу, — проговорил Скорпио — впервые за несколько минут.

Клавейн притормозил и вгляделся в красноватый полумрак. Зоркости человека-свиньи можно было позавидовать.

— Похоже на тело, — сказал он наконец.

Медленно, отталкиваясь от мягких переборок, они плыли вперед, приближаясь к странному предмету. Клавейну казалось, что в голове тикает старинный секундомер: он помнил о каждой минуте, каждой секунде, которая проходила зря.

Это действительно оказалось тело.

— Узнаешь? — спросил Скорпио, зачарованно разглядывая труп.

— Не уверен, что его вообще кто-нибудь сможет опознать, — отозвался Клавейн. — Но это не Фелка. И, судя по всему, не Скейд.

С телом произошло что-то ужасное. Оно было разрезано точно пополам, очень аккуратно — словно поработал умелый патологоанатом. Внутренние органы, плотно упакованные в кольцевидные или серпантинные образования, поблескивали подобно глазированным конфетам. Человек-свинья вытянул короткую руку и толкнул тело — вернее, его половину. Словно нехотя, оно поплыло прочь и вяло стукнулось о переборку.

— Как думаешь, где остальное? — любопытствовал Скорпио.

— Где-нибудь, — ответил Клавейн. — Должна плавать неподалеку.

— Чем его так? Похоже на лучевик, но где ожоги?

— Это был причинный градиент, — пояснил третий голос.

— Скейд... — выдохнул Клавейн.

Она висела у них за спиной. Она подобралась нечеловечески бесшумно — ни Клавейн, ни Скорпио не услышали даже дыхания. Ее бронированное тело перегораживало коридор, черное как ночь, оттеняя бледный овал лица.

— Привет, Клавейн. Привет... Скорпио, как я понимаю? — Скейд посмотрела на человека-свинью. — Получается, поросенок, ты и не собирался умирать?

— Клавейн уже объяснил: мне чертовски повезло, что я встретил Конджойнеров.

— Ах, как трогательно.

Клавейн смотрел на нее, поневоле ощущая благоговейный ужас. Ремонтуа говорил о несчастном случае, но к такому Клавейн был не готов. Металлическое тело Скейд напоминало средневековые доспехи, которым для чего-то придали очертания женского тела — с роскошными бедрами и небольшими выпуклостями на груди, имитирующими бюст. Но Клавейн уже понял, что это не доспехи, а система жизнеобеспечения, которая одновременно заменяет недостающую часть тела. В данном случае тело отсутствовало как таковое. Шея жестко крепилась в отверстии, похожем на воротник. В этом грубом соединении живой плоти с механизмами было что-то кричащее неправильное. Омерзительное чувство диссонанса усилилось, когда Скейд начинала улыбаться.

— Полюбуйся, что ты со мной сделал, — она говорила вслух, чтобы Скорпио тоже мог слышать. — Чувствуешь гордость?

— Это сделал не я, Скейд. Я очень хорошо знаю, как все произошло. Я ранил тебя — это правда. Мне очень жаль, что так получилось. Но ты прекрасно знаешь, что я сделал это ненамеренно.

— Ненамеренно стал перебежчиком? Как у тебя все просто!

— Я не отрезал тебе голову, Скейд, — сказал Клавейн. — Сейчас Дельмар уже залечил бы все ранения, которые ты получила по моей вине. Даже следа бы не осталось. Но у тебя были другие планы.

— Мои планы определял ты. И моя верность Материнскому Гнезду.

— Я не сомневаюсь в твоей верности, Скейд. Только интересно, чему ты в на самом деле служишь.

— Тринадцать минут, — прошипел Скорпио. — А потом сматываемся. Скейд резко повернулась к нему.

— Спешите, верно?

— А ты будто не спешишь? — парировал человек-свинья.

— Вы пришли не просто так. Не сомневаюсь, ваши орудия могли давно уничтожить «Ночную Тень», если бы Клавейну это было нужно.

— Отдай мне Фелку, — произнес Клавейн. — И я оставлю тебя в покое.

— Неужели она для тебя так много значит? Ты даже готов уничтожить меня чуть попозже, хотя сейчас у тебя все шансы?

— Да, она очень много для меня значит, но...

По гребню Скейд побежали бирюзовые и оранжевые переливы.

— Я отдам тебе Фелку, если после этого ты уйдешь. Но сначала я тебе кое-что покажу.

Она подняла руки и обхватила свою шею, словно хотела сама себя задушить. Но металлические пальцы, очевидно, могли совершать очень тонкие манипуляции. Клавейн услышал, как в груди у Скейд что-то щелкнуло, а затем металлическая стойка, которая крепилась к ее шее, начала подниматься. Скейд снимала собственную голову. Клавейн смотрел с испугом и отвращением. Над «воротником» появилась нижняя часть опоры, с которой свешивались болтающиеся отростки. С кончиков капала розовая жидкость — то ли кровь, то ли какой-то заменитель.

— Скейд... — пробормотал Клавейн. — В этом не было необходимости.

— О нет! Я хочу, чтобы ты всецело осознал, что со мной сделал. И почувствовал ужас.

— Думаю, до него дошло, — произнес Скорпио.

— Просто отдай Фелку, и я уйду.

Скейд по-прежнему держала голову в руке, словно взвешивая ее. Губы шевелились, как ни в чем не бывало.

— Ты ненавидишь меня, Клавейн?

— Ничего личного, Скейд. Просто мне кажется, что тебя ввели в заблуждение.

— Ввели в заблуждение, и поэтому я забочусь о выживании Объединившихся?

— С тобой что-то произошло, — сказал Клавейн. — Когда-то ты была одной из лучших Объединившихся. И по-настоящему преданно служила Материнскому Гнезду — как и я. А потом была та операция в Замке Воронья.

Он увидел, как глаза Скейд непроизвольно расширились.

— Шато де Карбо? Какое он имеет к этому отношение?

— Куда большее, чем ты думаешь, — ответил Клавейн. — Ты была единственной, кто выжил и вернулся. Но ты вернулась не одна. Возможно, ты почти не помнишь, что там произошло на самом деле. Это не важно. Я уверен: в тебя что-то вселилось. И оно ответственно за все, что ты сейчас делала, — он попытался улыбнуться. — Поэтому я не могу тебя ненавидеть или даже винить в чем-то. Ты не Скейд. Не та Скейд, которую я знал. Тебе кажется, что ты служишь чему-то высшему...

— Чушь какая!

— Но такое возможно, правда? Я знаю, я сам побывал в Замке. Скажи, как мне до сих пор удавалось висеть у тебя на хвосте? Мы оба используем одну технологию, и ее источник находился там. Инопланетной технологии, которая позволяет манипулировать инерцией. Установка прекрасно работала, пока ты не захотела выжать из нее нечто большее, верно?

— Я просто хотела использовать все ее возможности.

— Ты пыталась двигаться быстрее света, тем же способом, что и Галиана.

Он заметил, как при имени Галианы глаза Скейд сверкнули.

— Зачем, Скейд? Неужели что-то оказалось настолько важным, что ты пошла на подобный риск? Это же просто орудия.

— Ты тоже очень хочешь их получить.

Клавейн кивнул.

— Только глядя на тебя. А еще флот, который ты показала мне в комете. Я понял, что ты решила как можно скорее убраться из этого сектора пространства. Что случилось, Скейд? Что ты видела в своем кристальном шаре?

— Тебе показать?

— Показать... мне?

— Дай мне доступ к твоему сознанию. Ты увидишь именно то, что видела я. Тогда ты поймешь. И, возможно, согласишься на вещи моими глазами.

— Не надо... — начал Скорпио.

Клавейн убрал ментальную защиту. Сознание Скейд вошло в него так внезапно и бесцеремонно, что он заморгал. Но Объединившаяся просто показывала образы, как и обещала. Ничего больше

Это был конец всего.

Цепочки человеческих анклавов вспыхивали яркими искрами и превращались в ничто. Пепельные венки ядерных взрывов ложились на поверхности планет, слишком незначительных, чтобы уничтожать их полностью. Кометы и астероиды сгоняли в кучу, точно отару овец, и сталкивали между собой — волна на волну. Их было слишком много, чтобы столкновения угасали сами собой. С поверхности звезд вырывались потоки раскаленной плазмы, собирались плотными пучками и лизали лица планет, превращая их в бесплодные куски материи. Каменистые планеты дробились, и пространство наполнялось мелким крошевом. Газовые гиганты вертелись волчками, разбрасывая клочья атмосферы, как капризный ребенок разбрасывает игрушки. Звезды умирали; одни из них, зараженные неизвестным недугом, начинали гореть слишком жарко, другие остывали. Их уничтожали множеством способов. Клавейн смотрел, как взрываются корабли в межзвездном пространстве, когда их экипажи даже не подозревали об опасности. Он слышал панический хор радио и лазерных передач; сначала их было бесчисленное множество, потом то один, то другой голос смолкал, пока не остались единицы. Но в конце концов стихли и они. Эфир наполняло лишь бессознательное пение транслирующих передатчиков. Но даже они замолчали, когда пали последние оплоты человечества.

Зачистка охватила огромное пространство — несколько десятков световых лет в поперечнике. На проведение операции потребовалось примерно семьдесят лет... мгновенная вспышка в плавном течении галактической истории.

И всюду, где проходила зачистка, он ощущал присутствие тусклой, безжалостной древности: Ансамбль машинных разумов, многие из которых едва достигали на порога самосознания. Они были древними, как звезды... нет, древнее любых звезд. Все, что они умели, все, что их интересовало — это подавление жизни. Но в этом они были экспертами.

— Когда это начнется? — спросил Клавейн.

— Уже началось. Просто мы еще не знаем. Но за последние полвека Волки уже достигли колоний, которые ближе всего к Первой Системе. Уже примерно сто лет человечество состоит из нескольких разобщенных групп, слишком напуганных, чтобы путешествовать или принимать попытки общаться друг с другом.

— А Объединившиеся?

— Мы тоже. Мы тоже в опасности, и тоже уязвимы. В некоторых системах наши поселения разрушены полностью. Материнских Гнезд не осталось. Но они успели послать сообщение.

Клавейн впитал информацию и сдержанно кивнул. Сейчас он был готов принять все.

— Как им это удалось?

— Благодаря Введению. Эксперименты, которые начала Галиана, — ответила Скейд, по-прежнему держа голову на весу. — Она исследовала связь человеческих сознаний с последовательными квантовыми состояниями. Но материя в состоянии квантовой суперпозиции взаимодействовала, на нематериальном уровне, с каждой частицей, которая когда-либо существовала или будет существовать. Галиана преследовала только одну цель — изучить новые состояния параллельного сознания. Но она открыла окно в будущее. Канал оказался несовершенным, Марса достигали только слабые отголоски. И каждое послание, проходящее через «трубопровод», увеличивало уровень «шума». Понимаешь, канал имел ограниченную пропускную способность. Введение оказалось ценным ресурсом, но его можно было использовать лишь в крайней ситуации.

У Клавейна закружилась голова.

— Наша история уже изменилась?

— Галиана узнала достаточно, чтобы создать первый двигатель для межзвездных кораблей. Все дело в энергии, Клавейн. И в управлении квантовыми червоточинами. В ядре двигателя Объединившихся находится конец микроскопической червоточки, а другой уходит в прошлое. На пятнадцать миллиардов лет назад, и высасывает энергию из кварк-глюонной плазмы изначального огненного шара. Кстати, та же технология используется в орудиях конца времени.

— Орудия класса «ад», — сказал Клавейн.

— Первоначально у нас не должно было быть этих достижений. Никаких межзвездных экспедиций до первого полета «Сандры Вой», который произошел веком позже. Наши корабли были медленными, тяжелыми, хрупкими и развивали скорость не больше двадцати процентов световой. Экспансия человечества неизбежно задерживалась. В течение четырех столетий удалось успешно заселить только горстку систем. Но и тогда мы привлекали внимание Волков. Зачистки производились жестоко и эффективно. Та версия истории, которая тебе известна — попытка ее улучшить. Скорость расселения увеличили. И у нас появилось оружие, чтобы противостоять возникшим угрозам.

— Теперь я понимаю, почему орудия класса «ад» не смогли построить снова, — пробормотал Клавейн, — Галиана показала метод их изготовления и сразу уничтожила информацию.

— Это было подарком из будущего, — гордо произнесла Скейд. — Из нашего собственного будущего.

— А сейчас?

— Зачистки продолжаются. Волки вновь обеспокоены появлением людей. Оказалось, они легко чувствуют наши двигатели на расстоянии в несколько световых лет.

— И тогда вы решили еще немного попутать в будущем.

— Да. На этот раз они обратились к нашему недавнему прошлому — спустя много времени после того, как история Объединившихся изменилась. В первом послании нам указали, что использовать двигатели небезопасно. По этой причине сто лет назад мы прекратили постройку кораблей. Позже нам подсказали, как делать двигатели невидимыми — как на «Ночной Тени». Демархисты считали, что мы построили ее ради тактического превосходства в войне. На самом деле «Ночная Тень» — наше первое оружие против Волков. Затем нам предоставили информацию о конструкции установок, контролирующей инерцию. Но тогда я ничего не знала. Меня послали в Замок за образцами инопланетной технологии. Они должны были помочь нам собрать прототип машины, подчиняющей инерцию.

— И что потом?

Скейд улыбнулась.

— Нам дали шанс. На этот раз единственная возможность спастись — бегство. Объединившиеся должны покинуть этот объем пространства, прежде чем Волки сюда явятся.

— Сбежать?

— Немного не в твоём стиле, Клавейн? Но иногда это единственное, что имеет смысл. Позже мы можем подумать о возвращении... и даже о конфронтации с Волками. Другие расы потерпели поражение, но люди, думаю — особый случай. У нас уже хватило духу изменить собственное прошлое.

— Значит, ты думаешь, что остальные были глупыми сосунками, которые не пытались ничего предпринять?

— Клавейн... — вмешался Скорпио. — Нам действительно пора выбирать.

— Скейд... — проговорил Клавейн. — Ты достаточно мне показала. Я даже допускаю, что ты считаешь свои действия справедливыми...

— Но ты все еще считаешь меня марионеткой, которой управляет какая-то тайная сила?

— Не знаю. Не исключено.

— Я служу только Материнскому Гнезду.

— Отлично, — Клавейн кивнул. Он уже понял, что ему глубоко наплевать, во что верит Скейд. — А сейчас отдай мне Фелку, и я покину твой корабль.

— Ты уничтожишь меня, когда уйдешь?

Клавейн сомневался, что ей известно о мини-бомбах.

— Что случится, если я оставлю тебя дрейфовать? Ты сможешь отремонтировать свое судно?

— В этом нет нужды. Нас уже нагоняют другие звездолеты. Вот это и есть твои настоящие противники. Куда лучше вооружены, чем «Ночная Тень», не менее проворны и недоступны для обнаружения.

— Поэтому мне лучше тебя не трогать? Не уверен.

Скейд приподняла голову и крикнула куда-то в коридор:

— Приведите Фелку!

Через полминуты за спиной Скейд появились двое Объединившихся, неся кого-то третьего, облаченного в скафандр. Щиток шлема был открыт, и Клавейн узнал Фелку. Казалось, она без сознания — но несомненно жива.

— Вот. Забирай ее.

— Что с ней?

— Ничего страшного. Я говорила, что она начала уходить в себя, помнишь? И очень сильно сучает по своей Стене. Возможно, с тобой ей станет лучше. Но есть кое-что, что тебе надо знать, Клавейн.

Он настороженно посмотрел на Скейд.

— Что?

— Фелка не твоя дочь. И никогда ею не была. Все, что она говорила — ложь. Она лгала сознательно, пользуясь последней возможностью тебя вернуть. Звучало правдоподобно, не находишь? Может быть, потому, что ты хотел в это поверить. Тем не менее, это неправда. Ну как, она тебе все еще нужна?

Клавейн знал, что Скейд не обманывает его. Она могла солгать, чтобы причинить ему боль — но только в том случае, когда это служило ее планам. Сейчас была не та ситуация.

Слова с трудом проталкивались сквозь горло.

— Почему Фелка... должна стать... менее нужной?

— Будь честен, Клавейн. Это может иметь значение.

— Я хочу спасти того, о ком забочусь, вот и все, — Клавейн попытался

овладеть собственным голосом. — Дочь она мне... или нет... это неважно.

— Не важно?

— Совершенно не важно.

— Отлично. В таком случае, тебе здесь больше делать нечего. Помоему, Фелка хорошо послужила нам обоим. Она защитила меня и помогла привлечь к сотрудничеству Волка. В одиночку мне бы это не удалось.

— Волка?!

— О, извини. Я тебе про него не говорила?

— Все, сматываемся, — произнес Скорпио. — «Гребешок» тянет время.

— Нет. Погоди немного. Я хочу знать, что она имела в виду.

— Я имела в виду именно то, что сказала, — бережно, почти любовно Скейд вернула свою голову на место. В металлической броне снова что-то щелкнуло, и Скейд моргнула. — Я прихватила с собой Волка. Мне всегда казалось, что от него будет польза. Так и получилось.

— Хочешь сказать, что взяла с собой тело Галианы?

— Галиану, — поправила Скейд. — Она не мертва, Клавейн. В том смысле, в каком ты всегда считал — нет. Я нашла Галиану, когда она возвращалась из Глубокого космоса. Личность и воспоминания были совершенно нетронутыми. Мы с ней разговаривали. Галиана спрашивала насчет тебя и Фелки, и мне пришлось немного приврать — ради всех нас. Надо было, чтобы она считала вас мертвыми. Понимаешь, у нее уже не было сил сопротивляться. Волк пытался захватить ее и под конец почти добился своего. Но даже тогда он не убил Галиану, не тронул ее сознание, так как посчитал ее воспоминания полезными. К тому же он знал, что она для нас значит, что мы не посмеем причинить ей вред.

Клавейн смотрел на Скейд, надеясь вопреки очевидному, что она снова лжет. И знал, что это не так. Однако он должен был задать еще один вопрос.

— Ты отдашь мне Галиану?

— Нет, — Скейд подняла черный металлический палец. — Ты уйдешь с Фелкой или ни с чем. Это твой выбор. Но Галиана останется здесь, — и, как будто это только что пришло ей в голову, добавила: — Между прочим, вас интересовало, что я знаю о мини-бомбах, которые вы оставили на борту.

— Ты не успеешь их найти, — сказал Скорпио.

— Я и не собираюсь, — усмехнулась Скейд. — Верно, Клавейн? Раньше меня защищала Фелка, теперь — Галиана. Нет, я не буду ее тебе показывать. В этом нет необходимости. Фелка тебе это подтвердит. Она

тоже встречалась с Волком — правда, Фелка?

Фелка не шелохнулась.

— Пошли, — сказал Скорпио. — Сваливаем, пока она не передумала.

Клавейн был с Фелкой, когда она очнулась. Он сидел в кресле рядом с ее койкой и расчесывал бороду. Звук был такой, как издают кузнечики в поле: стрик, стрик, стрик... Этот звук безжалостно лез куда-то в подкорку, вытаскивал из дремоты. Фелке снился Марс. Снилось ее Стена. Фелка потерялась в бесконечной всепоглощающей задаче, целью которой была нерушимость Стены.

— Фелка, — голос звучал резко, почти сурово. — Фелка... Просыпайся. Это я, Клавейн. Ты среди друзей.

— Где Скейд? — спросила она.

— О ней можно забыть. Тебе незачем из-за нее беспокоиться. Главное, что с тобой все в порядке. Я чертовски рад снова тебя видеть. Бывали моменты... знаешь, мне казалось, что этого уже никогда не произойдет.

Она находилась в каюте. Но явно не на борту «Ночной Тени». Здесь все казалось грубоватым. Это явно был корабль, но не такой опрятный и ухоженный.

— Ты со мной даже не попрощался, — сказала Фелка. — Просто взял и сбежал.

— Знаю, — Клавейн потер пальцем в уголке глаза. Он выглядел измотанным и как будто состарился с тех пор, как они виделись последний раз. — И приношу свои извинения. Но я нарочно так поступил. Ты бы меня отговорила, — в его голосе послышался упрек. — Верно?

— Я просто хотела, чтобы ты позаботился о себе. Поэтому и убеждала тебя войти в Закрытый Совет.

Клавейн смягчился.

— И в итоге добилась прямо противоположного?

Не сговариваясь, оба улыбнулись.

— Если считать это заботой о себе — тогда да. Мне следует признать, что я не то задумала.

— Скейд заботилась о тебе?

— Она хотела добиться от меня помощи. А я не стала ей помогать. Я... начала уходить. Мне не хотелось слышать, что тебя убили. Скейд очень старалась, Клавейн.

— Я знаю.

— У нее Галиана.

— Это я тоже знаю, — сказал он. — Мы со Скорпио установили

бомбы на ее корабле. Мы могли бы уничтожить его, но я не хочу задерживаться. Нам надо как можно быстрее добраться до Ресургема.

Фелка села на кровати.

— Послушай меня внимательно.

— Слушаю.

— Ты должен убить Скейд. И неважно, что там Галиана. Галиана сама хотела, чтобы ты это сделал.

— Я знаю, — ответил Клавейн. — Но мне от этого не легче.

— Нет, — Фелка повысила голос. Ее не пугало, что она кричит на человека, который только что спас ее. — Нет. Ты не понимаешь. Я имею в виду именно то, что Галиана хотела, чтобы ты это сделал. Мне известно, Клавейн. Я коснулась ее сознания, когда мы встречались с Волком.

— От Галианы ничего не осталось.

— Осталось. Волк делал все возможное, чтобы спрятать ее, но... я смогла ее почувствовать.

Она смотрела ему в лицо, изучая древние, скрытые загадки, записанные в его чертах. Это было лицо, которое Фелка узнавала легче, чем любое другое. Но что это значило на самом деле? Была ли их глубокая душевная связь чем-то большим, чем случайность, обстоятельства и участие в истории? Она помнила, как рассказывала ему о генетическом родстве с ней. Может быть, он понял, что она его обманула. Но сейчас ничто в его настроении на это не указывало.

— Фелка...

— Послушай, Клавейн, — она схватила его руку и стиснула, требуя внимания. — Слушай внимательно. Я никогда не говорила тебе, так как это волновало меня слишком сильно. Но я узнала сознание из будущего, с которым встречалась в экспериментах Введения. Помнишь, я говорила про невыразимое зло. И еще что-то знакомое. Это была Галиана.

— Нет... — выдохнул Клавейн.

Она еще сильнее сжала его руку.

— Это так. Но она не виновата. Теперь я понимаю. Это было ее сознание, после того как Волк завладел ей. Скейд привлекла Волка к своим экспериментам. Ей был нужен его совет по поводу тех установок.

Клавейн покачал головой.

— Волк никогда бы не стал ей помогать.

— Но помог! Она убедила его, что это необходимо. Потому что орудия достались бы Скейд, а не тебе.

— А Волку какая от этого выгода?

— Почти никакой. Но он предпочитает, чтобы орудия попали к тому,

на кого можно хоть как-то влиять, а не в третьи руки, вроде твоих. В общем, он согласился помочь, потому что знал: он найдет способ уничтожить орудия, как только сможет до них дотянуться. Я была там, Клавейн. В его владениях.

— Волк тебе позволил?

— Он сам попросил. Вернее, та его часть, которая еще принадлежала Галиане... — Фелка перевела дух.

Она знала, как тяжело Клавейну. Ей уже пришлось пройти через эту боль, а для него Галиана значила намного больше.

— Значит, какая-то часть Галианы еще уцелела? Та, что помнит нас? Ты это имела в виду? Которая до сих пор помнит, чем она была раньше?

— До сих пор помнит, Клавейн. Помнит и чувствует.

Фелка снова умолкла. Сейчас ей предстояло сказать самое страшное.

— Поэтому ты должен это сделать.

— Что?

— То, что собирался. До того, как Скейд сказала тебе про Галиану. Ты должен убить Волка.

Она снова посмотрела в его лицо — такое знакомое и изумительно древнее. И сожалела о жестокости своих слов.

— Тебе надо уничтожить корабль.

— Но если я это сделаю... — Клавейн заговорил с неожиданным напряжением, словно обнаружил брешь в доводах Фелки и устремился туда, — Я убью Галиану.

— Я знаю, — ответила она. — Знаю. Но ты должен это сделать.

— Ты не можешь об этом знать.

— Могу. И знаю. Я чувствовала ее, Клавейн. И чувствовала, чего она хочет. Она хочет умереть.

Он сидел в обзорном куполе на носу «Зодиакального Света», в тишине и одиночестве, и смотрел в темноту. Экипаж получил распоряжение не беспокоить его, пока ему самому не вздумается появиться, хотя уединение могло продлиться много часов.

Через сорок пять минут его глаза полностью привыкли к темноте. Он смотрел в бесконечное море ночи за кормой корабля и ждал знака. Изредка на стекле возникала вспышка, порожденная космическим излучением. Но он знал, что знак будет другим, и его будет ни с чем не спутать. Слишком темно, чтобы такое пропустить.

Она появилась из черных недр — бело-голубая вспышка, которая за две секунды достигла максимальной яркости, а затем начала медленно

гаснуть, проходя через весь спектр до красного и ржаво-коричневого. В поле зрения осталось фиолетовое пятно, которое не исчезало, даже если закрыть глаза.

«Ночная Тень» была взорвана.

Несмотря на все усилия, Скейд не смогла обнаружить заряды, установленные внутри ее корабля. Достаточно было пропустить одну мини-бомбу, которая выполнила свою миссию. Но это был только первый из каскада взрывов: сначала антивещество на складе боезапаса, затем двигатели. Это произошло мгновенно и без всякого предупреждения.

Клавейн думал о Галиане. Скейд решила, что обезопасила себя. Что ему никогда не придет в голову атаковать корабль, на борту которого находится Галиана.

Возможно, Скейд была права.

Но Фелка убедила его в том, что это надо сделать. Она была единственной, кто коснулся сознания Галианы и чувствовал боль, вызванную присутствием Волка. И только ей удалось передать Клавейну простое послание.

«Убей меня».

Так он и сделал.

Когда пришло полное понимание, Клавейн заплакал. Всегда оставалась небольшая возможность, что Галиана сможет вернуться и стать прежней. Он так и не смирился с тем, что произошло. Он надеялся, и эта надежда позволяла отрицать ее смерть.

Но сейчас помощи ждать было неоткуда.

Он убил существо, которое любил больше всего на свете.

Клавейн плакал в тишине и одиночестве.

Прости меня, прости меня, прости меня...

Он ощущал, как она приближается к той мерзости, в которую он превратился. Это чувство не имело точных человеческих аналогов: Капитан начал осознавать грубоватое и резкое металлическое присутствие шаттла Вольевой. Сама Вольева не догадывалась о его полном всеведении. Исходя из разговоров, которые вели женщины, Капитан понял, что Илия считала его то ли узником «Ностальгии по Бесконечности», то тюремщиком, который в каком-то смысле сросся со своей тюрьмой. При этом Вольева аккуратно составляла карты и вносила в каталог нервные узлы его новой, сильно увеличенной анатомии. Она прослеживала способы его проникновения в старую кибернетическую сеть корабля и взаимодействия с этой сетью. Должно быть, на уровне логического анализа Илия уже

убедилась, что делать различие между тюрьмой и тюремщиком больше не имело смысла. Однако последний ментальный барьер все еще сохранялся. И она продолжала представлять Капитана чем-то внутри звездолета. Возможно, это потребовало бы слишком жестокого пересмотра их прежних отношений. Капитан не мог упрекнуть ее в недостатке воображения. В противном случае у него самого возникли бы серьезные затруднения в отношении самого себя.

Капитан почувствовал, как шаттл вошел внутрь. Это было еще одно ощущение, которое практически не поддавалось описанию. Как будто камень протолкнули сквозь кожу. Совершенно безболезненно, потому что в брюшной полости находилось аккуратное отверстие. Через несколько минут последовала серия внутренних толчков: шаттл встал на крепления.

Она вернулась.

Капитан сосредоточил внимание на внутренних ощущениях. Он очень остро и точно осознавал, что происходит внутри него. Ощущения, порожденные внешней Вселенной — всем, что находилось за пределами корпуса — отступили на второй план. Капитан постепенно сужал фокус своего внимания: сначала — на определенной внутренней области, затем на артериях извилистых коридоров и сервисных трубопроводах, которые червями проходили через эту область. Илия Вольева была единственным атомарным объектом, который двигался по коридору. Вообще, внутри Капитана — как и полагается живому организму — находились другие существа, симбионты, которые когда-то существовали независимо от него. Например, крысы — светлые маленькие призраки. Они ощущались слабо и полностью подчинялись его воле, не в состоянии ни удивить, ни позабавить. Машины были еще более тупыми. Напротив, Вольева вызывала ощущение индивидуальности. Она напоминала чужеродную клетку: ее можно убить, но не заставить подчиняться.

Сейчас она говорила с ним. Капитан слышал звук ее голоса, улавливая вибрацию обивки в коридоре.

— Капитан? — сказала Илия Вольева. — Это я. Я вернулась с Ресургема.

Он ответил ей таким же образом — заставляя вибрировать материал корабля. На его взгляд, это напоминало едва различимый шепот.

— Рад снова видеть тебя, Илия. Мне было немного одиноко. Что нового на планете?

— Волнения, — ответила Вольева.

— Волнения?

— Ситуация развивается. Хоури думает, что сможет держать ее под

контролем достаточно долго, чтобы эвакуировать большинство населения, но я в этом сомневаюсь.

— А Овод? — деликатно поинтересовался Капитан.

Его очень порадовало, что Вольеву больше беспокоит развитие событий на Ресургеме, чем кое-что другое. Возможно, она до сих пор не заметила входящего лазерного сигнала.

— Овод хочет стать всеобщим спасителем. Человеком, который поведет их к Земле Обетованной.

— Кажется, ты склоняешься к более решительным действиям.

— Ты в последнее время наблюдал за объектом, Капитан?

Конечно, он наблюдал. Пожалуй, любопытство было единственным из человеческих чувств, которые у него остались. Он наблюдал, как Подавляющие уничтожили Рух, с легкостью раскрутив гигантскую планету, как волчок. Он видел плотные тени новых машин, которые рождались в облаках освобожденной материи — огромные, как планеты. Врезанные в раскаленные сгустки туманности, они напоминали наполовину сформированные зародыши в экспериментальной лаборатории. Можно не сомневаться: скоро Подавляющие соберут из этих деталей нечто гораздо большее. Можно даже угадать, как оно будет выглядеть. Самая крупная деталь напоминала утробу с раструбом, две тысячи километров в ширину и шесть тысяч в глубину. Два других, вероятно, вставят в заднюю часть этого гигантского мушкетона.

Это была уникальная машина. Она не имела ничего общего с теми кольцами и арками, которые возводились Подавляющими вокруг Руха. Уникальная машина — Вольева считала, что эта штука способна покалечить звезду. Капитан Джон Бренниген пришел к выводу: стоит жить хотя бы для того, чтобы посмотреть, как работает это сооружение.

— Я наблюдал, — сказал Капитан.

— Думаю, эта хрень почти готова. Несколько месяцев, а то и меньше — и она будет готова. Мы не можем упустить такую возможность.

— Ты имеешь в виду Тайник?

Капитан чувствовал ее тревогу.

— Капитан, ты говорил мне, что подумаешь по поводу моей просьбы. Обещание остается в силе?

Он позволил ей поволноваться, прежде чем ответил. Похоже, Илия действительно не знает о лазерном сигнале. Более того, он был уверен: если бы Илия что-то заметила, разговор бы начался именно с этого.

— Это не слишком рискованно — использовать орудия, когда мы уже зашли так далеко, и нас еще не атаковали?

— Риск будет еще больше, если мы оставим это на потом.

— Мне кажется, у Хоури и Овода меньше энтузиазма по поводу немедленной атаки. Эвакуация идет по плану.

— Они вывезли только две тысячи человек, Капитан. Один процент населения. Это не более чем жест. Да, все пойдет гораздо быстрее, если правительство возглавит эвакуацию. Но тогда участятся общественные беспорядки. Поэтому нам надо подумать об упреждающем ударе по Подавляющим.

— Мы вызовем огонь на себя, — заметил Капитан. — И они меня уничтожат.

— У нас есть Тайник.

— Илиа, они непригодны для обороны.

— Отлично, — раздраженно произнесла Илиа. — Я об этом уже подумала. Мы развернем орудия на дистанции нескольких световых часов от корабля. Они могут самостоятельно занять позицию, прежде чем мы активируем их. Так же, как мы сделали это на Гадесе.

Не имело смысла напоминать ей, что атака против Гадеса, мягко говоря, провалилась. Но справедливости ради надо отметить: в этом не было вины орудий.

Капитан начал придумывать новое возражение. Не стоит слишком легко соглашаться, иначе она заподозрит неладное.

— А если Подавляющие поймут, что орудия пришли от нас... ко мне?

— К тому времени мы уже вмажем им как следует. Если последует ответная реакция, тогда об этом позаботимся.

— А орудия, которые ты имеешь в виду...

— Детали, Капитан, детали. Можешь не ломать над этим голову. Все, что тебе надо сделать — передать их под мой контроль.

— Все тридцать три?

— Нет. Это не нужно. Только те, что я отметила. Бросать все ресурсы против Подавляющих в мои планы не входит. Как ты любезно напомнил, несколько орудий могут пригодиться позже... на случай репрессалии. [\[57\]](#)

— Ты все хорошо обдумала?

— Скажем так, всегда бывают непредвиденные обстоятельства, — ответила она. И добавила заискивающе: — Последняя просьба, Капитан.

Капитан задержался с ответом. Вот оно, похоже, и случилось. Сейчас она спросит о лазерном сигнале, который через равные промежутки времени отражается от его обшивки. Очень не хотелось привлекать к этому ее внимание, но...

— Выкладывай, Илиа, — мрачно произнес он.

— Полагаю, у тебя еще остались сигареты?

Глава 30

Она парила в невесомости, облетая помещение Тайника, словно королева, устраивающая смотр своим войскам. Тридцать три смертоносных орудия, и ни одно не повторяло другое. Добрая половина ее жизни ушла на их изучение — тех, что стояли сейчас в отсеке, и еще семи, утерянных или уничтоженных. Но даже сейчас ее знания о большинстве орудий по-прежнему оставались поверхностными. Испытать удалось лишь единицы. Само собой, семь отсутствующих были известны ей лучше остальных. Скорее всего, некоторые из оставшихся орудий вообще могли быть использованы только один раз. Подвергнуть их испытаниям означало лишиться единственной возможности нанести удар. К счастью, это относилось не ко всем. Самым сложным оказалось классифицировать орудия по разрушительной способности и возможному количеству выстрелов, а затем составить соответствующий список. Илия Вольева успешно скрывала свою неосведомленность от окружающих, однако наедине с собой она признавала, что лишь приблизительно представляет, на что способна, по крайней мере, половина орудий. И даже этот намек на понимание стоил Вольевой десятилетий скрупулезного и напряженного труда.

Теперь, основываясь на этих познаниях, ей предстояло решить, какие именно орудия разворачивать против Подавляющих. Она освободит восемь смертоносных установок, а двадцать пять оставит на борту «Ностальгии по Бесконечности». Выбранные орудия отличались небольшой массой. Их можно будет разместить на боевых позициях быстро и незаметно. Результаты ее исследований позволяли предположить, что эти восемь орудий имеют достаточный радиус действия, чтобы нанести серьезный удар по Подавляющим, но расчеты во многом строились на догадках. Вольева ненавидела строить догадки. На самом деле, она даже сомневалась, что сможет таким образом причинить серьезный ущерб — достаточно серьезный, чтобы хоть как-то повлиять на работу треклятых машин. Вольева была уверена только в одном: их заметят. Если до сих пор деятельность людей в системе можно было сравнить с жужжанием мух — нечто раздражающее, но вполне безвредное — то теперь ей хотелось устроить что-то вроде крупномасштабной атаки комариного роя.

И попробуйте их прихлопнуть, ублюдки.

Илия облетела орудия, притормаживая возле каждого из восьми и

убеждаясь, что с момента проведения последней инспекции ничего не изменилось. Все в порядке. Орудия покоились в своих бронированных колыбелях, именно в том положении, в котором она их и оставила. Вид у них был весьма зловещий, но никаких сюрпризов с их стороны, похоже, не ожидалось.

— Капитан, мне понадобятся вот эти восемь, — сказала Илия.

— Только восемь?

— Пока хватит. Не надо класть все яйца в одну корзину, что бы ни значила эта поговорка.

— Уверен, при желании можно найти подходящее значение.

— По моему сигналу ты будешь выводить их одно за другим. Сможешь?

— Когда ты скажешь «развернуть», Илия?..

— Просто выводи их за пределы корабля. За пределы... из себя...

Она запуталась. Капитан относился к себе и «Ностальгии» как к единому целому. Сейчас было достаточно какой-нибудь мелочи, чтобы уничтожить внезапно возникшую атмосферу сотрудничества. Вольевой этого очень не хотелось.

— Просто наружу, — сказала она. — Когда орудия окажутся в космосе, мы еще раз произведем системную проверку. Поставим тебя между орудиями и Подавляющими в целях безопасности. Не думаю, что за нами наблюдают, но попусту рисковать не стоит.

— На большее я бы и не согласился, Илия.

— Ладно. Начнем со старого доброго Семнадцатого, хорошо?

— Орудие семнадцать, Илия.

Движение было неожиданным и пугающим. Слишком долгое время ни одно из орудий не трогалось с места, и Вольева уже забыла, как это выглядит. Колыбель, в которой лежало орудие, плавно поползла по рельсам. Масса размером с обелиск скользила мягко и бесшумно. Последнее было вызвано весьма прозаическим обстоятельством — в Тайнике отсутствовала атмосфера. Однако Илии показалось, что тишина стала особенно глубокой, словно в момент вынесения приговора или свершения казни.

Сеть рельсов позволяла доставить орудие в другой отсек, меньшего размера, который находился непосредственно под Тайником. Здесь вполне могло разместиться самое крупное из адских орудий: он был специально перестроен для этой цели.

Илия смотрела, как шестиметровый цилиндр исчезает в люке, и вспоминала встречу с субличностью орудия. Тогда Семнадцатый проявил подозрительные признаки свободы воли и указал на недостаточность ее

полномочий. Вольева не сомневалась: нечто подобное существовало в каждом орудии. Но сейчас беспокоиться по этому поводу было уже бессмысленно. Осталось только надеяться, что Капитан и орудия не передумают и выполняют ее просьбу.

Да, беспокоиться было бессмысленно. И в то же время ее упорно терзало дурное предчувствие.

Соединительный люк закрылся. Вольева подсоединила мониторинговую систему скафандра к внешним камерам и сенсорам, чтобы наблюдать за орудием, как только оно появится под корпусом корабля.

Но приборы показывали нечто неожиданное. Мониторы звездолета сообщали, что судно подвергалось обстрелу оптическими лазерами.

Первой реакцией было оглушительное ощущение полного краха. Она лезла вон из кожи, чтобы свести риск к минимуму — и по какой-то непонятной причине ее действия насторожили Подавляющих и привлекли их внимание. Неужели для этого было достаточно всего лишь начать развертывание орудий? Скорее всего, лазеры направлялись обнаруживающими сенсорами дальнего действия. Они заметили корабль, учуяли его из темноты.

Потом Вольева поняла, что источник излучения находился явно в другом секторе системы.

Оно пришло из межзвездного пространства.

— Илия?.. — спросил Капитан. — Что-то не так? Прервать развертывание?

— Ты знал об этом, верно?

— О чем я знал?

— Что кто-то навел на нас лазер. На частоте передачи сообщений.

— Извини, но я только что...

— Ты не хотел, чтобы я это заметила. И я не замечала, пока не подключилась к сенсорам корпуса, чтобы наблюдать за орудием.

— Какой лазер... постой...

Громоподобный голос ненадолго стих.

— Подожди. Теперь я вижу, что ты имеешь в виду. Я не замечал... было слишком много работы. Ты быстрее чувствительна к подобным мелочам, Илия... Последние дни я слишком ушел в себя. Если ты подождешь, можно установить источник излучения... у меня есть сенсоры данных... ты знаешь.

Она не верила ни одному слову. Но, черт подери, как это докажешь? Капитан контролировал все системы. Если бы он не отвлекся, Илия вообще бы не обнаружила этот лазерный луч.

— Ладно. Как давно поступают сигналы?

— Примерно день, Илия. День, где-то так...

— Что значит «где-то так»? Что ты врешь, ублюдок!

— Я имею в виду... несколько дней. Не больше недели... по скромным подсчетам.

— Свинья! — она перешла на русиш. — Лживая свинья, ублюдок!.. Почему ты мне раньше не сказал?

— Я думал, ты уже знаешь про этот сигнал, Илия. Неужели ты не перехватила его на подлете?

Ага, вот как славно. Теперь уже сигнал, а не просто лазерная вспышка. Что дальше?

— Конечно, нет. Я спала до самого последнего момента, а передатчик настроен только на внутрисистемные сообщения. Межзвездные идут в фиолетовом смещении, то есть вне обычной полосы частот. Каково фиолетовое смещение, Капитан?

— Умеренное, Илия... Десять процентов спектра. Достаточно, чтобы сигнал вышел за пределы ожидаемой полосы частот.

Она прикинула в уме. Десять процентов спектра... при такой скорости субсветовику придется тормозить не меньше тридцати дней. Даже если он на полном ходу ворвется в систему, у нее есть еще полмесяца. Конечно, маловато для того, чтобы отдохнуть и расслабиться. Но это было бы хуже обнаружить, что незваные гости находятся на расстоянии двух дней пути.

— Капитан? Скорее всего, это запись сообщения, которое постоянно повторяется — иначе они не могли бы так долго поддерживать сигнал. Направь его в мой скафандр. Немедленно.

— Хорошо, Илия. А орудия из склада? Прекратить развертывание?

— Да... — начала она, но тут же поправила себя. — Нет. Нет! Ничего не меняем. Выводим эту хрень... нам еще несколько часов с ними возиться. Помнишь, что я тебе говорила? Прикрой их со стороны Подавляющих.

— А как насчет сигнала, Илия?

Будь у нее возможность, она бы пнула его, и побольнее. Но в пределах досягаемости ничего не оказалось.

— Просто прокрути.

Щиток ее шлема потемнел, как будто в Тайнике выключили свет, потом темнота сменилась бескрайним морем белизны. Молочное марево образовало экран, который постепенно обретал глубину. Вольева стояла в конце длинной, строго обставленной комнаты, перед черным столом. По другую сторону стола сидели трое, а сам стол казался клином густой тьмы.

— Здравствуйте, — сказал один из них — бородатый мужчина. —

Меня зовут Невил Клавейн. Кажется, у вас есть то, что мне нужно.

В первый момент казалось, что он вырастает из стола. Его одежда была такой же матово-черной, и лишь руки выделялись на фоне темноты. Пальцы были вытянуты вперед, ладони опутаны канатами вен. Борода и волосы белели сединой, лицо прорезано расселинами глубоких морщин.

— Он имеет в виду устройства у вас на борту, — сказала девушка, которая сидела рядом с Клавейном — почти девочка, и тоже вся в черном. Вольева вздрогнула: акцент Йеллоустоуна трудно было не узнать. — Мы знаем, что у вас есть тридцать три. Наши сенсоры постоянно фиксируют специфическое излучение, так что не вздумайте блефовать.

— Это не сработает, — подхватил третий — человек-свинья. — Мы очень упорны, понимаете? Мы даже угнали этот корабль, хотя все говорили, что это невозможно. Мы даже уничтожили субветовик Конджойнеров. Так что не надейтесь, что после всех этих заморочек мы отправимся восвояси с пустыми руками, — в подтверждение своих слов он сделал весьма выразительный жест своей неуклюжей пятерней, похожей на черепашую лапу.

Клавейн кивнул и наклонился вперед.

— Скорпио прав. У нас есть все средства, чтобы завладеть орудиями. Вопрос только в том, хватит ли вам здравого смысла, чтобы отдать их без боя?

Илии показалось, что он ждет ответа. Желание ответить было почти непреодолимым, хотя она знала, что обратной связи не будет... И она заговорила. Возможно, передатчик скафандра запишет ее слова и попытается послать встречный сигнал. Да, ее послание будет идти в лучшем через три дня, ответа можно ожидать минимум через неделю, и все же...

Клавейн заговорил снова.

— Однако, не будем столь категоричны. Я понимаю... у вас тоже проблемы. Мы видели, что происходит в вашей системе, и представляем, насколько это серьезно. Но наша цель останется неизменной. Нам нужны орудия, и мы надеемся, что они будут готовы к передаче, как только мы прибудем в систему. Никаких уловок, никаких задержек. Это не обсуждается. Но мы можем договориться о деталях и выгодах взаимного сотрудничества.

— Ага... — выдохнула Илия. — И что вы можете предложить, находясь в двух неделях пути?

— Наш корабль скоро прилетит, — продолжал Невил Клавейн. — Возможно, раньше, чем вы ожидаете. Но пока мы находимся за пределами

дальности эффективного общения. Это послание будет транслироваться до нашего прибытия. Для облегчения переговоров я направляю к вам свою бета-копию. Уверен, вы знакомы с протоколами воспроизведения. На всякий случай мы присылаем вам техническую документацию. Таким образом, вы можете приступить к полной и немедленной инсталляции. На момент тысячного повторения послания у вас появятся все данные, необходимые для активизации моей бета-копии.

Он спокойно улыбнулся, и его руки, до сих пор неподвижно лежащие на столе, развернулись в дружелюбном жесте.

— Пожалуйста, подумайте об этом. Разумеется, мы также подготовимся к приему вашей бета-копии, если вы захотите вывести на связь уполномоченного по договорам. Будем ожидать ответа с нетерпением. Это Невил Клавейн, с «Зодиакального Света», конец сообщения.

— Конечно... — пробурчала Вольева. — Знаем мы с эти сраные протоколы... козел высокомерный.

Послание явно приходило больше тысячи раз. Следовательно, все данные, необходимые для активизации «беты», уже получены.

— Ты получил их, Капитан?

— Да, Илия.

— Почисти эту «бету», хорошо? Проверь, чтобы никакой дряни не было. Потом найди способ активизации.

— Даже если в нем есть что-нибудь из боевых вирусов, я сомневаюсь, что при моем нынешнем состоянии они смогут причинить мне вред. Это все равно, что прокаженному беспокоиться по поводу легкого кожного заболевания, например дерматита, или капитану тонущего корабля устранять протечки через червоточины в древесине, или...

— Да, смысл понятен, спасибо. А теперь сделай то, что я попросила. Я хочу поговорить с этим Клавейном. Один на один.

Щиток снова стал прозрачным. Как раз вовремя: следующее оружие уже ползло к открытому люку. Вольеву охватила бессильная ярость. И не из-за того, что эти ребята свалились как метеор на крышу и выставили столь специфические требования. Из-за того, каким образом Капитан пытался скрыть это от нее.

Что за игру он ведет?

Она не знала. Но ей это очень не нравилось.

Илия Вольева отошла от работа.

— Старт, — произнесла она без малейшей опаски.

Бета-копия была адаптирована к обычным протоколам, обратно

совместимым со всеми основными симуляционными системами — начиная с тех, что появились в середине Прекрасной Эпохи. Она немедленно сообщила, что не содержит каких-либо вирусов, которые могли быть привнесены умышленно или случайно. Однако Вольева, следуя поговорке «доверяй, но проверяй», потратила полдня, чтобы лично в этом убедиться. Тесты дали однозначно отрицательный результат. Но даже после этого она сделала все возможное, чтобы убедиться — «бета» изолирована от сети контроля кораблем, насколько возможно.

Разумеется, Капитан оказался прав на все сто процентов. Теперь он, по большому счету, стал собственным кораблем. То, что угрожало звездолету, угрожало и ему. И теперь, слившись со своим судном благодаря суперадаптивному инопланетному вирусу, он испытывал сильное недовольство, когда в него пытались влезть что-то наподобие человеческого сознания. Одного такого невидимого захватчика — Похитителя Солнц — ему уже хватило.

Неожиданно слуга зашевелился. Сначала он отступил на шаг и чуть не опрокинулся, но удержал равновесие. Двойные глаза-камеры смотрели в разных направлениях, затем вошли в бинокулярный режим, и робот уставился на Вольеву. Радужки-диафрагмы открылись и закрылись. Робот сделал еще один шаг, на этот раз навстречу Илии. Она подняла руку.

— Стой!

Она инсталлировала «бету» в одного из немногих по-настоящему антропоморфных слуг. Правда, больше всего эта конструкция напоминала скелет, собранный из груды запчастей. Зато в его присутствии Илия чувствовала себя спокойно. Она была физически сильнее и проворнее.

— Поговори со мной. Инсталляция завершена?

Голос служащего напоминал жужжание мухи в спичечном коробке:

— Я симуляция бета-уровня Невила Клавейна.

— Хорошо. Кто я?

— Не знаю. Вы не представились.

— Я Триумвир Илия Вольева, — ответила она. — Это мой корабль «Ностальгия по Бесконечности». Ты инсталлирован в одного из слуг. Машина старая и дряхлая, но это сделано намеренно, так что не пытайся что-нибудь выкинуть. Ты подсоединен к устройству самоуничтожения, но если оно не сработает, я тебя разнесу голыми руками.

— Выходки — последнее, что пришло бы мне в голову, Триумвир. Или Илия. Как к вам обращаться?

— Сэр. Теперь у меня такой титул.

Слуга, казалось, не слышал ее.

— Илия, вы приготовили свою бета-копию для передачи на «Зодиакальный Свет»?

— Если и так, то какая тебе разница?

— Просто любопытствовал, вот и все. Это была бы очаровательная симметрия. Мы оба представлены в симуляциях. Вы не находите?

— Я не доверяю бета-копиям. И вообще не вижу в этом смысла.

Слуга огляделся, щелкая и жужжа своими глазами-биноклями. Илия активировала его в той части корабля, которая выглядела относительно нормально — трансформированные выросты Капитана сюда почти не проникли. Но обстановка, к которой она уже привыкла, постороннему показалась бы немного странной. Арки затвердевшего, поблескивающего материала тянулись через все помещение, словно китовые усы, и лоснились от химических выделений. Пол покрывал слой серовато-черной вонючей жидкости глубиной около дюйма.

— Ты что-то хотел сказать? — напомнила Илия.

Робот снова воззрился на нее.

— Использование бета-копий имеет смысл, Илия. В данный момент оба наших корабля находятся за пределами дальности эффективного общения, но они сближаются. Симуляции могут ускорить процесс переговоров, установив, если можно так выразиться, основные правила. Когда расстояние между звездолетами сократится, «беты» смогут передать оригиналам свои знания. Оригиналы из смогут просмотреть запись переговоров и намного быстрее принять соответствующие решения.

— Звучит убедительно. Но то, с чем я разговариваю — набор алгоритмических реакций, упрощенная и предсказуемая модель. «Как Клавейн поступил бы в предлагаемых обстоятельствах».

Робот очень правдоподобно пожал плечами.

— И какова ваша точка зрения?

— Где гарантия, что настоящий Клавейн, окажись он здесь, поступил бы именно так?

— Старые как мир заблуждения. Вы рассуждаете совсем как Галиана. На самом деле, проигрывайте одну и ту же ситуацию сколько угодно раз — и настоящий Клавейн всякий раз будет действовать по-разному. Так что, имея дело с бета-копией, вы ничего не теряете, — робот поднял скелетообразную руку и поглядел на Вольеву сквозь решетку поршней и проводов. — Вы понимаете, что это не поможет?

— Извините?

— Поместить меня в это тело, подчеркнуто не имеющее сходства с человеком... А голос... это не я, совсем не я. Вы видели сообщение. Это не

совсем справедливо по отношению ко мне, согласны? На самом деле я немного шепелявлю. И иногда даже этим пользуюсь. Полагаю, вы могли бы понять, что это часть моего характера.

— Я уже говорила...

— Вот что я предлагаю, Илия. Откройте машине доступ к своим имплантантам, хорошо? И я смогу выстроить фантом в вашем аудио-визуальном поле.

Почему-то она почувствовала себя оскорбленной.

— У меня нет имплантантов, Клавейн.

— Но вы же Ультра, — в жужжащем голосе послышалось удивление.

— Да, но я весьма... брезглива, — последнее слово она произнесла по-русски. — У меня никогда не было имплантантов, даже до Эпидемии.

— Я думал, что понимаю Ультра, — задумчиво произнесла «бета». — Признаюсь, вы меня удивили. Но у вас однозначно должен быть какой-то способ просмотра проектируемой информации. Вы не работаете с голограммами?

— У меня есть очки, — призналась Вольева.

— Принесите их. Они сделают жизнь намного легче, уверяю вас.

Ей не понравилось, что симуляция начала командовать. Но приходилось признать, что предложение не было лишено смысла. Илия приказала другому слуге принести очки и наушники, затем надела гарнитуры и позволила «бете» смодулировать изображение. Скелетообразный робот исчез, вместо Илия увидела Клавейна — такого же, как в сообщении. Иллюзия была неполной: ощущения, что в отсеке стоит человек из плоти и крови, не возникало. Но в целом, это выглядело лучше, чем нагромождение металла.

— Вот и славно, — сказал настоящий голос Клавейна. — Теперь можно поговорить о делах. Я уже спрашивал: вы пошлете свою бета-копию на «Зодиакальный Свет»?

Вопрос оказался весьма щекотливым. Илии не хотелось признаваться, что на корабле нет необходимой аппаратуры. Ее могли просто не понять.

— Я подумаю. А пока давайте продолжим нашу беседу, хорошо? — Вольева улыбнулась. — У меня еще масса дел.

Клавейн улыбнулся в ответ.

— Надеюсь, ничего серьезного?

Даже занимаясь подготовкой к инсталляции, Илия продолжала контролировать развертывание орудий. Она сказала Капитану, что не хочет выдавать его присутствия, пока «бета» активирована. В итоге, единственным средством общения становились все те же наушники. Кроме

того, Бренниген мог пользоваться своими своеобразными средствами невербальной коммуникации.

— Я не хочу, чтобы Клавейн узнал больше положенного, — сказала она Капитану. — Особенно о тебе. И о том, что случилось с «Ностальгией».

— Почему он должен что-то узнать? Если «бета» обнаружит что-то лишнее, мы можем просто ее уничтожить.

— У Клавейна возникнут вопросы.

— Если возникнут, — сказал Капитан.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... мы не намерены договариваться, верно?

Теперь она вела робота через корабельные помещения на мостик, стараясь выбирать места поспокойнее, и наблюдала за тем, как он изучает окружающую обстановку. Похоже, до него уже дошло, что на борту произошло что-то из ряда вон выходящее. Однако ни одного вопроса, напрямую касающегося Эпидемии, не последовало. Откровенно говоря, здесь можно было даже не стараться. «Зодиакальный свет» приближается. Скоро он окажется в зоне видимости, его сенсоры передадут изображение «Ностальгии», и вряд ли команда Клавейна решит, что среди Ультра появились поклонники стиля барокко.

— Илия, — сказал голос Клавейна. — Давайте не будем ходить вокруг да около. Нам нужны тридцать три изделия, которые сейчас находятся у вас на борту. Очень нужны. Конечно, вы знаете, о чем идет речь?

— Если я скажу «нет», это будет слегка неубедительно.

— Хорошо, — фантом выразительно кивнул. — Прогресс. По крайней мере, мы выяснили, что орудия существуют.

Илия пожала плечами.

— Если мы не собираемся ходить вокруг да около, почему бы не назвать вещи своими именами? Это орудия. Вам это известно. Мне тоже. И они тоже знают, можно не сомневаться.

Триумвир на секунду подняла очки на лоб. Слуга мерил мостик широкими шагами, его движения выглядели почти человеческими, но им недоставало плавности. Она опустила очки — фантом тоже двигался рывками, как марионетка.

— Это мне уже больше нравится, Илия. Да, орудия. Очень старые, неизвестного происхождения...

— Не пудрите мне мозги, Клавейн. Если вы столько знаете об орудиях, то должны догадываться, кто их сделал. Возможно, ваши догадки даже точнее моих. Ладно, вот моя версия: этих тварей изготовили Конджойнеры. Что вы на это скажете?

— Признаюсь, вы на правильном пути. Тепло.

— Тепло?

— Горячо. Очень горячо, на самом деле.

— Так расскажите мне, что это все значит, черт возьми. Если это орудия Конджойнеров, почему вы только недавно выяснили, куда их занесло?

— Эти орудия испускают определенные сигналы, Илия. Мы засекали их.

— Но вы не Конджойнеры.

— Теперь нет... — Клавейн сделал рукой неопределенное движение, и Илия заметила, как слуга повторил его почти синхронно. — Буду откровенен — надеюсь, это поможет мне выиграть переговоры. Конджойнеры хотят вернуть орудия. Они тоже направляются сюда — на самом деле, целый флот тяжеловооруженных кораблей. Можно сказать, висят у нас на хвосте.

Илия вспомнила, как человек-свинья упоминал звездолет Объединившихся, уничтоженные командой «Зодиакального света».

— Зачем вы мне это говорите? — спросила она.

— Вижу, вас это обеспокоило. Я вас не виню. Я тоже обеспокоен. — Фантом почесал бороду. — Поэтому сначала вам следует подумать о переговорах со мной. Позвольте мне забрать орудия. Это будет передача из рук в руки. Затем я решу вопрос с Объединившимися.

— Почему вы думаете, что вам повезет больше, чем мне?

— По ряду причин. Первая: мне уже удавалось перехитрить их, и не раз. Вторая, и, возможно, более веская: до очень недавнего времени я тоже был Объединившимся.

— Я проверил, Илия, — зашептал в наушнике голос Капитана. — Среди Конджойнеров действительно был Невил Клавейн.

Илия мысленно кивнула и снова обратилась к фантому.

— Думаете, это имеет какое-то значение?

Он кивнул.

— Конджойнеры не склонны к зверствам. Если у вас на борту не окажется того, что им нужно, вас оставят в покое. Однако если орудия останутся у вас, Объединившиеся вас уничтожат.

— Маленькая нестыковка, — заметила Вольева. — Если орудия останутся у меня, что мне сделают ваши приятели?

Клавейн заморгал.

— Вы хорошо представляете, как ими пользоваться?

— Есть определенный опыт.

— Значит, не знаете. Вам просто удалось их активировать. Если бы вы действительно воспользовались орудиями, мы бы обнаружили их лет на сто раньше. Не переоценивайте себя. Вы знакомы с этими технологиями, Илия. Это может плохо кончиться.

— Можно, я сама решу?

Клавейн... Стоп. Хватит думать об этой штуке, как о человеке...

Он снова почесал бороду.

— Я не хотел вас обидеть. Но орудия опасны. Я делаю честное предложение. Вам лучше передать их мне сейчас. Об остальном я позабочусь.

— А если я скажу «нет»?

— Мы сделаем именно то, что обещали: возьмем оружие силой.

— Взгляните наверх, Клавейн. Хорошо? Сейчас я вам кое-что покажу. То, о чем вы знаете, если я не ошибаюсь. Но повторение не повредит.

Она заранее загрузила программу, и теперь сферический дисплей показывал увеличенное изображение гибнущей планеты. Облака материи клубились и рвались, время от времени открывая сгустки новообразований. Из центра туманности выросал объект, похожий на воронку, десятки раз превосходящий размерами любую конструкцию, созданную человечеством. Похоже, он почти сформировался. Сенсоры не могли «видеть» сквозь мегатонны материи, которая до сих пор заслоняла обзор, но и этого было достаточно, чтобы создать ощущение безмерной сложности этого причудливого образования длиной в сотни километров. Нагромождение отвратительных деталей сбивало с толку. В нем было что-то от живого организма — узлы и утолщения хрящей, сухожилия, железистые наросты. Самое изошренное воображение не смогло создать ничего подобного. Даже сейчас к титаническому сооружению то там, то здесь прирастали новые слои материи: Вольева видела плотные потоки массы. Но оно выглядело почти завершенной.

— Клавейн, — сказала Илия. — Много из этого вы уже видели?

— Далеко не все. И не так четко, как сейчас.

— И что вы об этом думаете?

— Почему бы вам для начала не озвучить собственные выводы?

Вольева прищурилась.

— На мой взгляд, все очевидно. Я видела, как Подавляющие выпотрошили три малые планеты, прежде чем занялись этой дрянью. Эти твари не отсюда. И то, что их привлекло, сделал Дэн Силвест.

— О да... Мы предполагали, что без него не обошлось. Но об этих машинах мы тоже кое-что знаем. По крайней мере, у нас догадки

относительно того, что они собой представляют.

— Кто «мы»? — уточнила Вольева.

— Объединившиеся. Просто я недавно перешел в другой лагерь... — он немного помолчал, потом заговорил снова. — Лет двести-триста назад наши экспедиции отправились в Глубокий космос. Они проникли куда дальше, чем это удавалось другим фракциям. И один из наших кораблей встретился с этими машинами. Мы назвали их Волками. Я почти не сомневаюсь: это они, и никто больше.

— У этих тварей нет самоназвания, — сказал Илия. — Мы называем их «Подавляющие» — это имя они получили во время Войн Утренних Зорь.

— Это тоже результат наблюдений?

— Нет. Не только.

Пожалуй, она рассказала ему слишком много. Но Клавейн каким-то образом побуждал ее к откровенности, и контролировать себя было очень трудно. Чуть меньше осторожности — и она, наверно, выложила бы ему все, что произошло на орбите Гадеса, и как Хоури позволили мельком заглянуть в бездну галактической истории — бесконечной череды войн и уничтожений, которая тянулась к самой заре дней...

Конечно, кое-что можно было обсудить даже с бета-копией. Но некоторые вещи она предпочла бы сохранить в тайне... до поры до времени.

— Вы загадочная женщина, Вольева.

— Ага. А еще я женщина, у которой очень много работы, — она приказала дисплею увеличить изображение. — Подавляющие строят какое-то орудие. И я сильно подозреваю, что с его помощью они собираются спровоцировать какой-то крупный катаклизм. В свое время им удалось уничтожить всю расу амарантян, но на этот раз, думаю, будет кое-что похуже. Вероятно, окончательная гибель системы. Я просто не могу допустить, чтобы это произошло. На Ресургеме двести тысяч человек, и они все погибнут, когда оружие пустят в ход.

— Я сочувствую, поверьте.

— Тогда вы должны понять, что я никому не отдам орудия. Ни сейчас, ни в будущем.

Впервые Клавейн рассердился. Он провел рукой по волосам, и его голова стала похожа на ошкетинившегося ежа.

— Дай мне орудия, и их используют против Волков. Что тебя смущает?

— Ничего, — весело ответила Илия. — За исключением того, что я

тебе не верю. Если эти орудия настолько разрушительны, как ты сказал, я не собираюсь передавать никому. Ни-ко-му. В конце концов, мы хранили их несколько сотен лет. Не повредили, не поцарапали. Я бы сказала, что это делает нам честь, не так ли? Мы проявили ответственность. И после этого передать их какой-то замшелой компании жуликов? — она улыбнулась. — Я бы сказала, что это опрометчиво. Особенно учитывая тот факт — как следует из твоего признания, Клавейн, — что вы не являетесь полноправными владельцами этих орудий.

— Я посмотрю, что ты скажешь, когда столкнешься с Объединившимися, Илия.

— М-м-м... По крайней мере, я буду иметь дело с законными владельцами.

Клавейн помассировал правую бровь, словно борясь с мигренью.

— Нет. Все будет совсем не так, как ты думаешь. Им нужны только орудия. Они получают их и тут же улетят с ними в Глубокий космос.

— Я полагаю, ты поступишь куда более великодушно?

— Да, можешь не сомневаться. Я верну их человеческой расе. Демархистам... Ультра... армии Скорпио... Мне не важно, кто ими владеет, если я буду уверен, что орудия используют по назначению.

— Например?

— Против Волков. Они приближаются, Илия. Объединившиеся знают это. И все, что у вас происходит — лишнее тому подтверждение. Следующие несколько веков станут очень интересными, Илия.

— Интересными? — переспросила она.

— Да. Но не в том смысле, как нам бы хотелось.

Илия отключила «бету» — до поры до времени. Образ Клавейна превратился в россыпь пятнышек и исчез. На его месте неподвижно стоял слуга. Переход был резким: до сих пор Илия почти ощущала присутствие Клавейна.

— Илия? — произнес Капитан. — Мы уже готовы. Последнее орудие выведено наружу.

— Отлично. — Вольева стянула наушники и ответила вслух. — Какие новости?

— Ничего особенного. Развертывание пяти орудий прошло без инцидентов. У оставшихся трех я заметил временные аномалии: у шестого с управлением движения, у четырнадцатого и двадцать третьего прерывистые неполадки в подсистеме наведения. Но ничего не повторилось с момента развертывания.

Триумвир сунула в рот сигарету и ответила лишь после того, как выкурила ее на четверть.

— Похоже, ничего фатального.

— Уверен, неполадок больше не будет, — прогремел Капитан. — Картина электромагнитного поля в Тайнике значительно отличается от внешней. Возможно, из-за этого возникли небольшие сбои. Сейчас орудия сориентируются в пространстве.

— Будь добр... приготовь, пожалуйста, шаттл.

— Извини?

— Ты слышал, что я сказала? Я собираюсь наружу, хочу проверить орудия.

Она встала, ожидая ответа.

— Илия, в этом нет необходимости. Я сам могу проследить за состоянием орудий.

— Может быть, ты можешь их контролировать, Капитан. Но я все-таки знаю их несколько лучше.

— Илия...

— Большой шаттл не понадобится. Я даже подумывала полететь в скафандре, но в нем невозможно курить.

Капитан вздохнул. Звук был такой, словно в отдалении обрушилось трехэтажное здание.

— Очень хорошо. Я приготовлю шаттл. Будь осторожна, ладно? В любом случае держись той стороны корабля, которую Подавляющие не могут видеть.

— Они слишком далеко, чтобы нас заметить. И в ближайшие пять минут ситуация вряд ли изменится.

— Но имей в виду, что я беспокоюсь.

Неужели? Почему-то в это не слишком верилось. Возможно, ему одиноко: он висит в космическом пространстве, и единственный человек, с кем можно общаться — она, Илия. Но именно она раскрыла преступление Джона Бреннигена, разоблачила его, приговорила к трансформации. Чувства Капитана по отношению к ней должны быть чертовски смешанными.

Она докурила сигарету. И по какой-то дурацкой прихоти засунула окурочек в приплюснутую голову слуги, напичканную проводами и железками, вдавив «бычок» между двумя тонкими металлическими стойками. Кончик загорелся тускло-оранжевым.

— Мерзкая привычка, — пробормотала Триумвир.

Она выбрала двухместный шаттл, похожий на кобру без хвоста — тот самый, на котором Хоури и Овод наблюдали за работой Подавляющих возле газового гиганта. Капитан уже прогрел двигатели и вывел судно в шлюз. При столкновении с «кубиками» шаттл слегка пострадал, но основную часть повреждений удалось устранить без особого труда: на складе хватало подходящих запчастей. То, что осталось, не влияло на поведение судна, если не увлекаться перегрузками и дальними перелетами.

Илиа уселась в кресло пилота и принялась изучать показания приборов. Капитан потрудился на славу, даже наполнил до краев топливные цистерны, хотя она не собиралась удаляться от корабля больше чем на несколько сотен метров.

Какое-то напряжение возникло на задворках сознания — чувство, которое Илиа не могла игнорировать.

Триумвир вывела шаттл через армированные люки в открытый космос. Рядом в корпусе зияло огромное отверстие, из которого появились орудия. Сами они скрывались за округлой громадой корабля, не попадая в поле зрения Подавляющих. Вольева последовала туда же, поглядывая на туманные массы разрушенной планеты, которые поднимались из-за «горизонта» корабля.

Потом она увидела восемь орудий из Тайника — они походили на затаившихся чудовищ. Каждое из них было уникально, но некое неуловимое сходство указывало, что все они созданы одним и тем же разумом. Вольева всегда подозревала, что орудия — творения Конджойнеров, но услышав от Клавейна подтверждение своей догадки, почему-то расстроилась. Но зачем ему лгать? С другой стороны, зачем Конджойнерам понадобилось создавать этих монстров? Причина могла быть одна: они собирались использовать свои творения. Интересно, не против ли остального человечества?

Каждое орудие было одето в «упряжь» из стальных балок, к которым крепились рулевые ракеты и целевые подсистемы, а также небольшое количество оборонительного вооружения для защиты самих орудий. «Упряжь» позволяла орудиям поворачиваться самостоятельно. В принципе, они могли «добраться» в любую часть системы, но это был бы слишком длительный процесс. Поэтому недавно Вольева укомплектовала их ракетами-тягачами — по восемь на каждое орудие, — разместив их на противоположных сторонах «упряжи». Теперь перемещение агрегатов через систему займет меньше месяца.

Вольева направила шаттл к группе орудий. Они почувствовали ее приближение и поменяли позиции. Илиа проскользнула между ними, затем

завалилась на бок, развернулась и сбросила скорость. Сейчас надо проверить орудия, у которых Капитан нашел временные неисправности. Диагностические данные, краткие, но содержательные, пробежали по браслету на ее кисти. Она опрашивала каждое орудие, дотошно анализируя результаты.

Что-то пошло не так.

Проблема состояла как раз в том, что все шло нормально. Оказалось, что ни с одним из восьми ничего не произошло.

Вольева переживала колючее чувство неправильности. Она делала то, к чему ее побуждали, полностью уверенная, что действует по собственному усмотрению. Орудия на самом деле были в полном порядке. Никакого намека на неполадки, временные или хронические. Это могло значить только одно: Капитан снова наврал ей, сообщив о несуществующих проблемах.

Спокойно. Если бы только она не поверила ему на слово, а проверила все сама, прежде чем покидать судно...

— Капитан... — нерешительно сказала Вольева.

— Да, Илия?

— Я тут обнаружила нечто забавное. Оказывается, все орудия в полном порядке, никаких проблем. Нет и не было.

— Илия, я вполне уверен, что были временные сбои.

— Неужели?

— Да, — голос звучал не слишком убедительно. — Да, вполне уверен. Зачем мне сообщать то, чего нет?

— Понятия не имею. Возможно, ты хотел выпроводить меня наружу... только вот опять-таки, чего ради?

— В самом деле, ради чего? — в его голосе звучала обида, но не такая, какую ей бы хотелось слышать.

— Не знаю. Однако у меня есть неприятное подозрение, и я собираюсь его проверить.

И тут она увидела. Одно из орудий — тридцать первое, квинтэссенция силы — отделилось от группы. Оно скользило в сторону, из направляющих реактивных двигателей вырывались яркие сполохи. Металлическая громада маневрировала без видимых усилий, плавно, почти изящно. Вольева посмотрела на браслет. Гироскопы вертелись, сдвигая сбрую в точку центра тяжести. Тяжело, словно многотонный указующий перст, орудие выбирало цель.

Оно разворачивалось в направлении «Ностальгии по Бесконечности».

Поздно. Проклиная себя, Вольева тупо осознавала, что происходит.

Капитан пытался покончить с собой.

Она должна была понять, что это произойдет. Его выход из ступора являлся всего лишь хитростью. Скорее всего, он давно свести счеты с жизнью, раз и навсегда, чтобы положить конец своим беспредельным страданиям. И сейчас Вольева предоставила ему идеальную возможность. Она уговорила его дать ей доступ к орудиям из Тайника, и он согласился. Слишком легко.

— Капитан...

— Извини, Илия, но я должен это сделать.

— Нет. Не должен. Ни этого, ни чего-то подобного.

— Ты не понимаешь. Я знаю, что хочешь понять, и даже думаешь, что понимаешь, но тебе никогда не узнать, каково это — жить вот так.

— Капитан... послушай меня. Мы можем все обсудить. Чем бы это ни было, вместе мы справимся.

Орудие замедлило вращение, его цветкообразное рыло почти развернулось в сторону затемненного корпуса.

— Слишком поздно обсуждать, Илия.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала она в отчаянии, не веря даже самой себе. — Найдем способ сделать тебя таким, каким ты был... человеком.

— Не глупи. Ты не в состоянии сделать меня не тем, во что я превратился.

— Тогда мы придумаем, как сделать это... терпимым... покончить с болью, неудобствами, которые ты испытываешь. Тебе станет намного лучше, чем сейчас. Мы можем это, Капитан. Нет ничего недостижимого, если хорошо подумать.

Орудие остановилось. Теперь оно указывало прямо на корпус корабля.

— Ты убил человека, — продолжала она. — Уничтожил личность и завладел его телом. Я знаю. Это было преступление, Капитан, ужасное преступление. Саждаки не заслуживал того, что ты с ним сделал. Но разве ты не видишь? Ты уже расплатился за преступление. Саждаки умер дважды: сначала в своем теле, потом в твоём. Это было наказанием, одному Богу известно за что. Нет больше нужды в дальнейшем искуплении вины, Капитан. Что сделано, то сделано. Ты достаточно натерпелся. То, что с тобой случилось, кто угодно сочтет достаточным наказанием. Ты заплатил за свой поступок тысячу раз.

— Я все еще помню, что сделал с ним.

— Конечно. Но это не значит, что ты должен прямо сейчас налагать на себя наказание.

Она мельком покосилась на браслет.

И заметила, что орудие активировано. Через минуту его можно будет использовать.

— Должен, Илия. Должен. Пойми, это не какая-либо прихоть. Я все запланировал намного раньше, чем ты можешь себе представить. Все время, пока мы разговаривали, я помнил о своей единственной цели — покончить с собой.

— Ты мог бы это сделать, пока я находилась внизу, на Ресургеме. Почему не сделал?

— Почему?

То, что она услышала, могло быть только смехом. Это был ужасный рыдающий смех приговоренного к смерти.

— Разве это не очевидно, Илия? Чего хорошего в акте правосудия, если он осуществляется без свидетелей?

Браслет сообщал, что орудие готово к атаке.

— Ты хотел, чтобы я увидела, как это произойдет?

— Конечно. Ты всегда была не такой, как все, Илия. Моим лучшим другом. Единственной, кто говорил со мной, когда я болел. Единственной, кто понимал.

— А еще именно я сделала тебя таким.

— Это была необходимая мера. Я не виню тебя, действительно не виню.

— Пожалуйста, не надо. Ты причинишь боль не только себе...

Сейчас надо сделать все возможное и невозможное. Любое слово может оказаться решающим.

— Ты нам нужен, Капитан. Нам нужны орудия, содержащиеся в тебе, и ты сам, чтобы помочь эвакуировать людей из Ресургема. Ты убиваешь не только себя. Ты обрекаешь на гибель двести тысяч человек. Это будет куда более страшное преступление, чем то, в котором себя обвиняешь.

— Грех по оплошности.

— Капитан, умоляю тебя... не делай этого.

— Илия, пожалуйста, отведи шаттл. Не хочу, чтобы тебя зацепило каким-нибудь обломком. У меня никогда не было намерения тебя погубить. Я просто хотел, чтобы ты стала свидетелем. Кем-то, кто бы понял.

— Я уже поняла! Этого недостаточно?

— Нет.

Орудие проснулось. Поток излучения, который вырвался из его рыла, оставался невидимым, пока не коснулся обшивки корабля. И здесь, на один ослепительный миг, проявил себя — ураганом высвобожденного воздуха и

ионизированной брони. Копье метровой толщины пробило корпус насквозь. «Тридцать первый» был не самым мощным инструментом в арсенале Вольевой, но обладал почти неограниченной дальностью. Именно по этой причине Илия отобрала его для акции против Подавляющих. Прорезав корпус, луч вышел с другой стороны с такой же вспышкой. Потом орудие снова принялось за работу, прогрызая корпус по длине.

— Капитан...

Его голос вернулся.

— Извини, Илия... Сейчас я уже не могу остановиться.

Он стонал от боли. Пожалуй, это было даже не удивительно. Его нервные окончания проросли в каждую часть «Ностальгии по Бесконечности». Раскаленное лезвие, вскрывающее корпус, должно вызывать запредельную боль — это все равно, что резать собственное тело. Ее снова осенила догадка. Это должно быть нечто большее, чем просто самоубийство — быстрое и аккуратное. Но для расплаты за содеянное этого недостаточно. Собственная казнь должна проходить медленно, тянуться долго. Тщательно, с изобретательностью продуманное наказание — и прилежный свидетель, который оценит и запомнит, как Джон Армстронг Бренниген покарал себя.

Луч уже прорезал борозду длиной в сто метров. Из нее вырывался воздух и жидкость, словно из раны хлестала кровь.

— Остановись, — пробормотала Илия с безнадежной отрешенностью. — Пожалуйста. Ради всего святого, остановись.

— Дай мне закончить это, Илия. Пожалуйста. Прости меня.

— Нет. Я не позволю вот так...

Она не рассуждала и не взвешивала. Секунда размышлений — и она вряд ли нашла бы смелость действовать. Она никогда не считала себя храброй, и тем более способной на самопожертвование.

Илия повела шаттл по направлению к лучу, чтобы оказаться между дулом орудия и смертоносной сквозной раной в корпусе «Ностальгии по Бесконечности».

— Нет! — слышался голос Капитана.

Но было уже слишком поздно. Он не смог бы отключить орудие меньше чем за секунду или развернуть его прежде, чем луч зацепит суденышко. Шаттл пересек траекторию луча по касательной — Вольева не планировала сводить счеты с жизнью — и мощный поток излучения срезал его правый борт. Броня, изоляция, внутренние конструкции, герметичные мембраны — все это исчезло в течение доли секунды. В следующую

секунду Илия осознала, что смогла увернуться от сердцевины луча, а еще через секунду — что это ничего не меняет.

В любом случае она умрет.

В глазах потемнело. Горло наполнилось чем-то ледяным и плотным, словно ей в глотку заливали жидкий гелий. Илия попыталась вздохнуть, холод ворвался в легкие. Потом в груди материализовался кусок гранита. Внутренние органы превратились в кусок льда.

Она открыла рот, пытаясь хоть что-то сказать. Похоже, это было самым правильным, что следовало сделать.

Глава 31

— Почему, Волк? — спросила Фелка.

Они были одни, в том же серо-стальном сумраке под серебряным небом, среди заполненных водой углублений в скалах, куда Скейд приводила ее по настоянию Волка. Сейчас это был просто сон. Она находилась на корабле Клавейна, Скейд была мертва. Однако Волк выглядел не менее реально, чем в прошлый раз. Его силуэт медленно двигался во мгле, словно столб дыма, который по какой-то прихоти обрел очертания гротескной человеческой фигуры.

— Что почему?

— Почему ты так ненавидишь жизнь?

— Я — нет. Мы — нет. Мы только делаем то, что должны.

Фелка сидела на камне в окружении тех же останков морских животных. Она понимала, что присутствие Волков объясняет одну из великих космических загадок, парадокс, который занимал умы людей со времен первых полетов в пространстве. Галактика изобиловала звездами, и у большинства их них были планетные системы. Да, не все они располагались на нужном расстоянии от звезд, чтобы стать колыбелью жизни. Не на всех присутствовали необходимые фракции металлов, которые могли положить начало углеводородным реакциям. Порой сами звезды оказывались слишком нестабильными. Но численность звезд в Галактике превышала сотни миллиардов. И незначительная их часть порождала миры, пригодные к обитанию, что обуславливало малое количество обитаемых систем.

Однако разум почему-то не стремился распространяться от звезды к звезде, несмотря на относительную несложность подобных путешествий. Вглядываясь в ночное небо, философы пришли к выводу, что разумная жизнь, скорее всего, исчезающе редка. Возможно, человечество являлось единственным мыслящим видом в Галактике.

Они ошибались. Но эта ошибка открылась лишь с началом заселения космоса. Экспедиции находили следы погибших цивилизаций, разрушенные миры, потухшие светила. Великое множество.

Оказалось, разумная жизнь была не такой редкостью, как казалось сначала. Просто она была очень, очень склонна к самоуничтожению. Или что-то уничтожало ее.

Волки оказались недостающим элементом головоломки. Именно они

были причиной вымирания цивилизаций. Неумолимые, терпеливые, вечные, они выслеживали разум и приводили в исполнение приговор, вынесенный неизвестно кем и неизвестно когда.

Безмолвие и пустоту Галактики нарушали только стаи машин, бдительно патрулирующих пространство.

Волк ответил на вопрос. Но не объяснил, в чем причина.

— Зачем? — спросила Фелка. — Какой смысл действовать таким способом? Если вы настолько ненавидите жизнь, почему бы вам не покончить с ней раз и навсегда?

— Навсегда? — Волк казался удивленным, словно услышал нечто принципиально новое.

— Вы бы могли отравить каждую звезду в Галактике или раздавить на кусочки каждую планету. Или вам не хватает смелости нанести последний удар?

Медленный вздох напоминал сход далекой лавины, шелест гальки.

— Это не ради уничтожения разумной жизни, — сказал Волк

— Нет?

— С точностью до наоборот, Фелка. Для ее сохранения. Мы ее хранители, мы не позволяем разуму познать настоящий кошмар.

— Но вы убиваете его. Вы полностью уничтожаете цивилизации.

Волк исчез и снова появился. И Фелке показалось, что она слышит голос Галианы:

— Иногда надо стать жестоким, чтобы быть добрым, Фелка.

После гибели Галианы Клавейна почти никто не видел. Каждый на борту, вплоть до рядовых армии Скорпио, понимал без слов, что его не стоит беспокоить, разве что в крайних случаях, когда речь шла о принятии стратегических решений. Неизвестно, было ли это просьбой самого Клавейна или кого-то из его ближайших помощников. Вполне возможно, что он являлся комбинацией обоих источников. Клавейн стал чем-то вроде корабельного призрака, его почти никогда не видели и лишь изредка слышали; призраком, который иногда проходил по коридорам «Зодиакального Света», когда почти весь экипаж спал. Порой, когда корабль разгонялся, можно было уловить ритмичное «тук... тук... тук...» — шаги его экзоскелета. Клавейн становился чем-то неосязаемым.

По слухам, он часами не выходил из наблюдательного купола, уставившись в черноту беззвездного кильватерного пространства. Те, кто его видел, замечали, как он постарел за эти несколько недель. Казалось, релятивистские эффекты больше не имели над ним власти, и его

субъективное время текло вместе с объективным, вне корабля. Он стал похож на человека, чья жизнь окончена — осталось лишь обременительное выполнение обязанностей, необходимых для завершения миссии.

Подробности были мало кому известны, но все признавали: это решение далось Клавейну очень тяжело. Кто-то считал, что на самом деле Галиана давно умерла, а уничтожение ее тела лишь подвело последнюю черту. Но остальные придерживались иного мнения. До сих пор смерть Галианы была чем-то временным. Объединившиеся сохраняли ее тело, надеясь когда-нибудь освободить ее от Волка. Вероятность оставалась ничтожно малой, но в глубине души Клавейн по-прежнему надеялся: Галиана, которую он любил еще со времен войны на Марсе, однажды вернется к нему, выздоровевшая и обновленная. Но надежда погибла в обломках «Ночной Тени». Он сам уничтожил ее. По слухам, его уговорила Фелка; но никто не мог отрицать, что последнее слово оставалось за Клавейном. И именно его руки окрасил кровью этот акт милосердия.

Как бы то ни было, но состояние Клавейна отразилось на общей ситуации не столь болезненно, как могло показаться сначала. Казалось, он готовился к этому шагу заранее, распределив обязанности между своими соратниками. Подготовка к сражению продолжалась полным ходом даже без какого-либо участия с его стороны. «Фабрика» работала на полную мощность, выпуская оружие и средства защиты. Почти вся поверхность корпуса «Зодиакального Света» была усеяна щетинистыми пучками противокорабельного вооружения. Тренировки превращали армию Скорпио в грозный монолит. По мере того, как рос уровень их подготовки, экипаж начинал понимать, как велика была роль счастливого случая в предыдущих успехах. В будущем такое было недопустимо. Они по-прежнему могли потерпеть поражение, но это не должно было произойти из-за недостаточности тактической подготовки или отсутствия дисциплины.

«Ночная тень» была уничтожена, и угроза нападения по пути следования существенно снизилась. Сканеры дальнего действия подтверждали, что за ними следуют другие корабли Объединившихся, но разрыв между ними и «Зодиакальным Светом» не сокращался. После того, что произошло с кораблем Скейд, никто уже пытался попытать судьбу и войти в «состояние четыре».

На полпути к Ресургему «Зодиакальный свет» вошел в режим торможения, опасаясь сбиться с курса. До сих пор ориентиром служило пламя двигателей «Ночной тени», хорошо заметное благодаря релятивистским эффектам. Однако теперь, когда кораблю не грозило нападение, мысли экипажа занимала главная цель их миссии. По мере

приближения к системе данные становились все более определенными, позволяя погрузиться в проработку деталей предстоящей операции.

В системе Дельты Павлина происходило что-то непонятное. Судя по снимкам, в системе стало тремя лунами меньше. Они исчезли без следа, словно их и не было. Что еще более странно, исчез газовый гигант. На его месте находилось металлическое ядро, окутанное чем-то наподобие туманности, по размерам в десятки раз превосходящей саму планету. Возникало впечатление, что газовый гигант разрушили, увеличив скорость его вращения при помощи какого-то огромного механизма, который сейчас уже был наполовину демонтирован. В облаках материи плавали арки, остроконечные параболы и змеевики, из которых уже собирали что-то новое. А в центре туманности находилось что-то невероятно огромное — машина длиной в две тысячи километров, которая не могла быть создана людьми.

Ремонтгау помог Клавейну разместить сенсоры, которые улавливали специфический поток нейтрино, испускаемый орудиями класса «ад». По мере приближения удалось установить, что тридцать три находятся в прежней точке, а еще шесть — на широкой орбите вокруг Гадеса, в «спящем» состоянии. Одного орудия не досчитались, но Клавейн знал об этом еще до того, как покинул Материнское Гнездо. Более точные данные удалось получить с расстояния в четверть светового года, когда корабль сбросил скорость. Теперь стало ясно, что группа из тридцати трех орудий, судя по всему, находится на борту корабля. Сам корабль — субсветовик, того же типа, что и «Зодиакальный Свет», — вероятно, и был судном Триумвира, «Ностальгией по Бесконечности». Он дрейфовал во внутрисистемном пространстве, на орбите Дельты Павлина, в точке Лагранжа ^[58] звезды и Ресургема.

С противником все было относительно ясно. Что же касается Ресургема... Со стороны главной обитаемой планеты не поступало ни радиосигналов, ни других передач в коротковолновом диапазоне. Однако колония явно продолжала существовать. Результаты спектрального анализа атмосферы указывали на активное продолжение терраформирования со значительным расширением водяного покрова, который уже можно наблюдать на поверхности. В районах полюсов начали появляться ледяные шапки. Воздух стал более теплым и влажным, чем миллион лет назад. Инфракрасное исследование поверхностной флоры показало наличие генетически измененных растений, приспособленных к холодной, сухой, бедной кислородом атмосфере. «Пятна» с высокой температурой указывали на зоны, где атмосфера подвергалась принудительной переработке,

присутствие очищенных металлов — на интенсивную индустриализацию. На предельном увеличении уже просматривались дороги и трубопроводы, а также крупные объекты явно искусственного происхождения, которые перемещались в атмосфере — скорее всего, дирижабли. Ресургом был по-прежнему населен. Однако, кто бы ни населял поверхность планеты, общение с внешним миром их не интересовало.

— Неважно, — сказал Скорпио. — Ты прилетел сюда забрать орудия? Вот и все. И не осложняй себе жизнь.

Он был первым, кто нарушил уединение Клавейна.

— Хочешь сказать, ограничимся звездолетом? Так, Скорпио?

— Переговоры можно начать немедленно. Пока забросим им «бету». Возможно, когда мы войдем в систему, орудия будут уже готовы и перевязаны ленточкой. Говорим «спасибо», делаем разворот — и нас уже след простыл. Остальные к этому времени еще будут добираться.

— Не все так просто, Скорпио, — отозвался Клавейн, по-прежнему глядя куда-то в пространство.

— Думаешь, на переговоры можно забить? Отлично. Тогда заявляемся к ним и демонстрируем наш арсенал.

— В таком случае — надеюсь, что они еще не научились пользоваться орудиями. Иначе бой будет недолгим.

— Я не думаю, что Вольевой развернуть их против нас — как раз плюнуть.

Клавейн отвернулся от окна.

— Ремонтна не может гарантировать, что наши «смирительные коды» сработают. Если мы воспользуемся ими слишком рано, Вольева успеет найти лазейку. Можешь не сомневаться: она найдет что угодно, лишь бы оно существовало.

— Ладно, попробуем с ними договориться, — кивнул человек-свинья. — Отправляй «бету». Купит нам немного времени, а сам ничего не будет стоить.

Клавейн не ответил.

— Как думаешь, Скорпио, они понимают, что у них происходит?

Свин заморгал. Порой он не успевал следить за переменами в настроении Клавейна. Этот человек был самым противоречивым и сложным из всех, кого Скорпио встречал после того, как попал на яхту Перепела.

— Не понял?

— Машины уже здесь. Они уже что-то делают. Людям достаточно посмотреть в небо, чтобы увидеть: что-то происходит. Уверен, они даже

поняли: это что-то скверное.

— А что они могут сделать? Ты же видел компьютерные прогнозы. Будь я проклят, если у них есть хоть один шаттл. И что им остается? Сунуть голову в песок и делать вид, что все в порядке.

— Не знаю, — ответил Клавейн.

— Запускаем «бету», — сказал свин. — Только на корабль и плотным лучом.

Примерно минуту Клавейн молчал. Скорпио наблюдал, как тот снова глядит в иллюминатор, в черноту космоса. Интересно, что он надеется там увидеть. Может быть, ему кажется, что можно отменить вспышку света, которая стала сигналом гибели Галианы — надо только очень постараться? Скорпио знал Клавейна не так долго, как некоторых других, но считал его здравомыслящим человека. Но печаль — та отчаянная, отягощенная угрызениями совести печаль, которая терзала сейчас Клавейна, — не оставляет камня на камне от здравого смысла. Скорпио полагал, что роль таких эмоций, как грусть и печаль, никогда не получала должной оценки в истории. Горе, угрызения совести, переживание потери, боль и тоска оказывали, по крайней мере, столь же сильное воздействие на формирование событий, как злость, жадность и жажда мести.

— Клавейн?.. — осторожно проговорил человек-свинья.

— Никогда не думал, что сделать выбор — это так трудно, — сказал Клавейн. — Но Хи оказался прав. Трудность выбора — единственное, что имеет значение. Я думал, стать отступником — самое сложное, что мне когда-либо придется сделать. Я считал, что больше не увижу Фелку. И представить себе не мог, насколько ошибался. Это было так просто! Несравнимо проще того, что я сделал позже. Я убил Галиану, Скорпио. И самое страшное — по собственной воле.

— Но ты снова спас Фелку. Вот тебе утешение.

— Да, — отозвался Клавейн. Это был голос человека, который тщетно ловит последние осколки спокойствия. — Я спас Фелку. По крайней мере, кого-то спас. Но это уже не та Фелка, которую я оставил в Материнском Гнезде. Сейчас в ней самой сидит Волк. Всего лишь призрак Волка... Но когда я говорю с Фелкой, то не могу понять, кто мне отвечает — она или эта металлическая тварь. И сомневаюсь, что когда-нибудь буду уверен в том, что она мне говорит.

— Ты достаточно сделал для Фелки. Ты рисковал головой, чтобы вытащить ее оттуда. Кстати, тоже выбор не из легких. Но ты здесь не один такой.

Скорпио почесал свой вздернутый пяточок.

— Знаешь, всем, кто торчит на этом корабле, пришлось выбирать. Например, Антуанетта. Я знаю ее историю, Клавейн. Собралась сделать доброе дело — похоронить своего отца, как он того хотел... А в итоге ее втянули в борьбу за спасение человечества. Ну, и не только человечества, как ты понимаешь... Могу поспорить, она делает это не для того, чтобы залечить больную совесть. Мы и вообразить не можем, куда наш выбор нас заведет. И не последует ли за ним еще один, куда более сложный. Ты думал, что совершаешь охрененно геройский поступок, когда уходил от «пауков». А оказалось, что это просто начало чего-то большего.

Клавейн вздохнул, и Скорпио заметил, что его лицо немного просветлело. А может быть, просто очень хотел это увидеть.

— А ты, Скорпио? — голос Клавейна зазвучал мягче. — Тебе приходилось делать трудный выбор?

— Ага. Например, я согласился помогать вам, сукины дети.

— И как тебе это?

— Кое-кто из вас — сукины дети. Которых надо убивать так медленно и мучительно, как только я могу представить. Но вы не все такие.

— Можно считать это комплиментом.

— Считаю сколько хочешь. Завтра я могу передумать.

Клавейн снова вздохнул и почесал бороду.

— Ладно. Делаем, что решили. Отправляем «бету».

— Тогда надо составить сопутствующее послание, — ответил Скорпио. — Начальные условия соглашений, если хочешь.

— Все, что полагается, Скорпио. Все, черт возьми, что полагается.

За время своего долгого жестокого правления Подавляющие освоили пятнадцать способов уничтожения карликовых звезд.

Несомненно, размышлял надсмотрщик, есть и другие методы, более или менее эффективные. Несомненно, они уже изобретались и применялись в различные эпохи галактической истории. Галактика была огромной и очень древней, и Подавляющие знали о ней далеко не все. Но факт оставался фактом: за последние четыреста сорок миллионов лет не появилось ни одного нового способа уничтожения звезд. Со времени последнего методологического обновления Галактика совершила два оборота. Это был пугающе долгий срок — даже по холодным расчетам Подавляющих. И за это время они не открыли ничего нового.

Возможность разрушать звезды пением оказалась последним методом, который вошел в библиотеку техник уничтожения. Этот метод был призван правомочным четыреста сорок миллионов лет назад. И

все же надсмотрщик исследовал его с оттенком любопытства. Так старый мясник разглядывает новые аппараты, призванные увеличить продуктивность скотобойни. Нынешняя зачистка обеспечивала Подавляющим благоприятную возможность испытания метода и произвести его всестороннюю оценку. Если результат не удовлетворит надсмотрщика, то он оставит в архиве соответствующую запись. Это будет рекомендация: при последующих зачистках использовать один из четырнадцати более старых способов уничтожения звезд. Но сейчас он верил в эффективность певца.

Все звезды поют — сами для себя. Внешние слои звенят и гудят в широком диапазоне частот, словно несмолкающие переливы колоколов. Могучие сейсмические волны передают вибрации глубоко в плазму, в самое сердце звезды, к поверхности расплавленного ядра. В звездах-карликах вроде Дельты Павлина эти вибрации не слишком сильны. Но певец подстраивался к ним, двигаясь вокруг звезды в экваториальной плоскости. Он накачивал звезду гравитационной энергией, подбирая резонансные частоты так, чтобы увеличить вибрации. Млекопитающие дали бы певцу немелодичное имя «гравер», гравитационный лазер.

В его сердце скрывалась микроскопическая струна, миниатюрная частичка стремительно охлаждающейся ранней Вселенной. Она тянулась из кипящей пены квантового вакуума — тонкая ниточка, несравнимая с мощными потоками излучения, которые пронизывают космос. Но для нужд певца этого было достаточно. Струна вытягивалась и удлинялась, как петля жевательной резинки, ее наполняла энергия, которой обладал в этом состоянии вакуум — энергия, которую певец использовал всегда. Струна вытягивалась, пока не достигала макроскопического размера и макроскопической концентрации массы и энергии. Тогда она искусно завязывалась в замкнутую структуру, похожую на восьмерку, и начинала вибрировать, создавая узкий конус пульсирующих гравитационных волн.

Амплитуда колебаний увеличивалась — медленно, но верно. С точностью и изяществом генерируя гравитационные волны с определенной частотной модуляцией, певец лепил синусоиды внутренних вибраций звезды, растягивал одни, сжимал другие. Вращение звезды уничтожало сферическую симметрию ее первоначальных колебаний, но относительно оси вращения они все еще оставались симметричными. Певец разрушал эту симметрию, фокусируя свои усилия на единственной точке, лежащей в экваториальной плоскости, между собой и центром массы звезды. В этой точке он сосредотачивал всю свою силу, вливая в нее энергию своей потаенной струны. Непосредственно под певцом, в верхних

слоях оболочки светила, сжимались и отражались друг от друга потоки массы, нагревая и компрессируя поверхностный водород до состояния готовности к термоядерной реакции. Синтез, на самом деле, происходил в трех или четырех концентрических слоях звездной материи, но это было несущественным. Важно было, что певец добивался другого: чтобы сферическая поверхность звезды начала морщиться и искажаться. В кипящей раскаленной поверхности звезды проростало нечто вроде пуповины — внутренняя впадина, достаточно широкая, чтобы поглотить небольшую каменистую планету. Концентрические кольца синтеза, круги нестерпимого сияния, расходились от пуповины, выбрасывая в космос шквал рентгеновских лучей и нейтрино. Однако певец продолжал нагнетать гравитационные волны, заставляя звезду пульсировать. Частота пульсации была рассчитана с хирургической точностью, пуповина продолжала углубляться — казалось, невидимый палец давил на мягкую поверхность воздушного шара. Материя перераспределялась, вокруг пуповины возникало выпячивание. Певец буравил в звезде отверстие, и плазме надо было куда-то деваться.

Это продолжалось до тех пор, пока дыра не достигала ядерной точки в центре звезды.

Перелет с орбиты Ресургема до «Ностальгии по Бесконечности» занимал пятнадцать часов. И каждую минуту этих бесконечных часов Ану Хоури терзали мрачные предчувствия. Причина заключалась не только в том, что с Дельтой Павлина происходило что-то настораживающе странное, хотя и без этого не обошлось. Хоури видела, как оружие Подавляющих приступило к работе. Гигантская валторна повернула свой раструб к звезде, и под ним, на ее поверхности, уже росло неистово горячее пятно. Увеличение показало, что это пятно — зона синтеза, точнее, несколько концентрических зон, которые окружили углубляющуюся яму в плазме. Все это происходило в том полушарии звезды, которое было обращено к Ресургему — похоже, совершенно не случайно.

Что бы ни делало это устройство, оно работало с удивительной скоростью. А как долго его строили... Хоури предполагала, что окончательное разрушение Дельты Павлина будет происходить столь же неспешно. Теперь на это можно даже не надеяться. Лучшая аналогия — подготовка к казни: долгие судебные процессы, заседания, апелляции, окончательное вынесение приговора... и наконец — краткий миг полета пули или вспышки электрического разряда. Здесь происходило что-то подобное: длительные, основательные приготовления, за которыми

следовала почти мгновенная казнь.

Эвакуировано только две тысячи человек. На самом деле, даже не эвакуировано, а только перемещено с поверхности Ресургема на орбиту. Никто из них еще не видел «Ностальгии по Бесконечности» и не имел ни малейшего представления о том, что обнаружат, когда ступят на борт судна. Хоури надеялась, что ее напряжение не слишком бросается в глаза: пассажиры и без того на взводе.

Следовало учесть, что судно не было рассчитано на такую толпу. Перелет проходил в условиях, которые сделали бы честь транспортировке заключенных. Системы жизнеобеспечения работали в экстремальном режиме, снабжая пассажиров только кислородом и водой и поддерживая приемлемую температуру воздуха. На самом деле, эти люди пошли на огромный риск: они вручили свои судьбы силам, не подвластным их контролю. Единственным, кто поддерживал беженцев, был Овод. Правда, даже он, похоже, находился на грани нервного истощения. На корабле постоянно возникали ссоры и мелкие неурядицы — и всякий раз он появлялся в точке конфликта, и ссора затухала. Потом то же самое повторялось в другом месте. Его харизма действовала подобно масляной пленке, которая успокаивает волны. Все пятнадцать часов ему предстояло бодрствовать — после того, как в течение шести часов он размещал на борту пятисот новоприбывших.

Слишком долго. Хоури не могла закрыть на это глаза. А впереди еще девяносто девять перелетов, прежде чем эвакуацию можно будет считать завершенной. Девяносто девять ситуаций, благоприятных для того, чтобы начался ад кромешный. Если бы население Ресургема удалось убедить, что их отправляют на межзвездный корабль, что здесь не кроется какая-то дьявольская ловушка правительства — все бы пошло намного легче. С другой стороны... после того, как люди увидят «Ностальгию по Бесконечности», ситуация может значительно ухудшиться. Последняя надежда — на орудия, которые должны остановить эту дрянь, которая буравит Дельту Павлина. Когда это произойдет, прочие проблемы неожиданно покажутся детской игрой.

Но во время перелета они почти в безопасности.

Внутрисистемный транспорт создавался не для полетов в атмосфере. Это был страшноватый громоздкий шар, на одном полюсе торчал пучок двигателей, а на другом — небольшое углубление кабины пилотов. Первые пятьсот пассажиров провели много дней на борту и не преминули сунуть нос в каждую грязную трещину. Обстановка была почти спартанской, но места, по крайней мере, хватило всем. Когда прибыла следующая партия,

ситуация слегка усложнилось. Пищу и воду приходилось использовать рационально, и каждому пассажиру выделили по уютному уголку. Но и тогда положение оставалось вполне приемлемым. Дети без особых помех носились по корабельным помещениям, а взрослые при желании могли найти уединенное местечко. Но затем прибыла еще одна партия, еще пять сотен человек. Все снова изменилось, и снова в худшую сторону. Теперь пассажиров скорее заставляли, чем просили выполнять правила. Корабль стал напоминать полицейское государство в миниатюре. Определенные проступки должны были караться очень сурово, хотя до этого дело пока не дошло. Впрочем, Хоури сильно сомневалась, что все перелеты будут проходить столь же гладко.

Последние пять сотен являлись самой сильной головной болью. Их размещение напоминало дьявольскую головоломку. Как бы ни распределяли пассажиров, всегда оставалось человек пятьдесят, которые слонялись по шаттлу, не зная куда приткнуться, и мрачно осознали, что их могут посчитать лишними единицами, без которых решить проблему было бы не в пример проще.

Тем не менее, на борт ухитрились поместить всех. Алгоритм был найден, и это позволяло надеяться, что в следующий раз все пройдет более гладко. Но дисциплину явно следовало ужесточить. Похоже, права людей на перевозчике придется свести к минимуму.

Теперь шел тринадцатый час перелета. На судне воцарилось спокойствие — люди были измотаны до предела. В коридоре Хоури заметила Овода. Ближайшая группа пассажиров находилась на изрядном расстоянии, за пределами слышимости. Пепельное освещение превращало его лицо в каменную маску. Овод выглядел измученным и явно не радовался тому, чего удалось достичь.

— Мы сделали это, — сказала Хоури. — Неважно, что сейчас происходит. Мы спасли две тысячи жизней.

— Спасли? — глухо отозвался он.

— Люди не собираются назад на Ресургом.

Со стороны их можно было принять за деловых партнеров. Никаких физических контактов. Овод все еще оставался «гостем» правительства, и демонстрация любых иных мотивов сотрудничества была крайне нежелательна. Из-за этой необходимости держать дистанцию, которая сохранялась в течение всего времени перелета, Хоури чувствовала, как ее тянет к этому человеку — еще сильнее, чем когда бы то ни было. Она помнила тот полет на шаттле, когда они столкнулись с Подавляющими в атмосфере Руха. Но тогда ничего не произошло, как и по возвращении на

Ресургем. Эротическое напряжение, возникшее между ними, становилось все более волнующим и болезненным. Овод привлекал ее все сильнее, и она знала, он желает ее столь же сильно. И еще она знала, что это должно произойти. Это было лишь вопросом принятия того, что было необходимо принять. Одна жизнь завершилась, надо было начинать другую. Сделать выбор, отбросить прошлое и согласиться — заставляя себя поверить — что она не предаст своего мужа. Она надеялась, что Фазиль Хоури — если он, конечно, еще жив, — пришел к такому же решению и нашел в себе силы закрыть главу его жизни, которая содержала Ану Хоури. Они любили друг друга, отчаянно любили, но Вселенная не беспокоится о таких мелочах. Теперь у каждого из них свой путь.

Овод нежно коснулся ее руки. Тени спрятали этот жест.

— Нет, — сказал он. — Мы не повезем их обратно на Ресургем. А мы можем честно сказать: «Там, куда мы вас возедем, будет лучше»? А если это просто другое место гибели?

— Это межзвездный корабль, Овод.

— Да. Который никуда не спешит.

— Пока.

— От души надеюсь, что ты права.

— У Илии прогресс в отношениях с Капитаном, — сказала Ана. — Он начал вылезать из своей раковины. Если она уговорит его пустить в ход орудия, то сможет уговорить сдвинуться с места.

Овод отвернулся от иллюминатора. Грубые тени выделяли каждую черточку его лица.

— А потом?

— Другая система. Неважно какая. Мы выберем. Все лучше, чем оставаться здесь, верно?

— Может быть. Пока. А ты не хочешь узнать, чем нам может помочь тот же Силвест?

Ана осторожно отвела его руку.

— Силвест? Ты серьезно?

— Во время той заморочки на Рухе он явно выразил участие. По крайней мере, кто-то или что-то нас вытацило. То, в чем ты узнала Силвеста или копию его личности. То, что потом вернулось в Гадес.

— Что ты предлагаешь?

— То, что мы считали невысказанным: попросить помощи. По твоим словам, матрица Гадес древнее Подавляющих. Она должна быть сильнее их. То, что случилось на Рухе, это доказывает. Ты же видела, что именно сделал Силвест? Возможно, он не сможет оказать нам прямую поддержку.

Но у него должна быть весьма ценная информация. Дэн находится там в течение субъективной вечности, у него есть доступ к архивам всех цивилизаций.

— Ты не понимаешь, Овод. Я говорила, но до тебя, похоже, не дошло. В матрицу Гадеса нет легкого пути.

— Почему же, я помню. Вернее, путь существует, но для этого нужно умереть, верно?

— Может быть, есть другой. Но я не уверена, что он сработает. Смерть — единственный путь, который мне известен. Так что я не собираюсь в Гадес, не в этой жизни и не в следующей.

Овод опустил глаза, его лицо стало маской, скрывающей эмоции. Он расстроен — или понял? Ему неизвестно, каково это — падать к Гадесу, зная, что смерть неминуема. Ану Хоури воскресили сразу после встречи с Силвестом и Паскаль. Но где гарантия, что «они» вновь проявят такую же благосклонность? Воскрешение потребовало значительной траты вычислительных ресурсов Гадеса. И они — кто бы они ни были, силы, факторы, личности, проводящие бесконечные подсчеты в матрице, — они могут не согласиться на подобное. Оводу легко говорить, он понятия не имеет, на что это похоже.

— Овод... — начала Хоури.

В этот момент на его щеке мелькнул розово-голубой отблеск. Хоури помрачнела.

— Что это было?

Овод снова повернулся к иллюминатору.

— Вспышка света. Похоже на зарницу. Я уже не первый раз это вижу. Если не ошибаюсь, они возникают где-то в эклиптике, в том же секторе, где пасутся Подавляющие. Когда мы уходили с орбиты, ничего подобного не было. Первый раз сверкнуло двенадцать часов назад. Но на оружие это непохоже.

— Это похоже на наши орудия, — пробормотала Хоури. — Илия пустила их в ход.

— Она сказала, что даст нам отсрочку.

Это было правдой. Вольева обещала не разворачивать адские орудия в течение тридцати дней и пересмотреть свое решение о немедленном их использовании, если эвакуация пойдет успешно.

— Должно быть, что-то случилось, — предположила Хоури.

— Или твоя подруга солгала, — спокойно отозвался Овод.

Под прикрытием теней он снова взял ее за руку и, едва касаясь, провел пальцем по кисти до середины указательного пальца.

— Нет. Она бы не стала лгать. Что-то произошло, Овод. Ей пришлось изменить план.

Корабль появился из темноты два часа спустя. Пассажиров вряд ли удалось бы оттащить от иллюминаторов, и теперь могли полюбоваться «Ностальгией по Бесконечности». Хоури и Овод могли только надеяться, что реакция будет не слишком бурной. Ана хотела опустить внешние ставни — на всех старых внутрисистемниках такая возможность предусматривалась — но Овод отговорил ее. Это могло вызвать нездоровый интерес и подозрения.

— Все не так страшно, — шепнул он. — Ты знаешь, как должен выглядеть межзвездный корабль. Ты знаешь, как «Ностальгия» выглядела раньше, знаешь, во что превратился твой Капитан, и тебя это беспокоит. Но эти люди родились на Ресургеме. И большинство из них не видели даже картинок со звездолетами. Они не знают, как должен выглядеть субсветовик. Все их представления основаны на старых записях и космических операх, которыми нас пичкает Дом Вещания. «Ностальгия по Бесконечности» может показаться им слегка... необычной... Но про Эпидмию они, скорее всего, даже не подумают.

— А когда они окажутся на борту? — спросила Хоури.

— Тогда их мнение может измениться.

В чем-то Овод был прав. В причудливых наростах и прочих архитектурных излишествах, которые украшали корабль, Хоури видела симптомы болезни. Но она знала о Эпидемии больше, чем все население Ресургема. Лишь несколько пассажиров испытали что-то вроде беспокойства. Абсолютное большинство уже объявило странные разрастания устройствами, выполняющими никому не известные функции. В конце концов, это был звездолет, который стер с поверхности планеты целое поселение. Люди действительно не представляли, как должен выглядеть корабль Триумвира, но зловещее впечатление вполне отвечало их ожиданиям.

— В конце концов, они видят корабль, — сказал Овод. — Многие просто не доберутся до иллюминаторов. Значит, будут слушать всевозможные байки или просто решат не беспокоиться.

— Не беспокоиться? Они бросили все и отправились в такую даль!

— Они устали, — произнес Овод. — Устали, и им уже ничего не надо, только убраться отсюда.

Перевозчик плыл мимо «Ностальгии». Хоури слишком часто подлетала к звездолету, производила стыковку и заводила шаттл в ангар,

чтобы помнить каждый отросток на обшивке. И то, что появилось в иллюминаторе, весьма настораживало.

— Раньше этого не было, — озадаченно произнесла она.

— Чего?

Она понизила голос и указала одними глазами.

— Этот... шрам. Видишь?

— Шрам? Да уж, трудно не заметить.

Это был не шрам, а неровный разрыв вдоль всего борта, длиной несколько сотен метров. Он казался глубоким, очень глубоким. Он уходил в нутро корабля, судя по всему, появился совсем недавно. Острые кромки, никаких признаков того, что корпус пытались заделать... В животе у Хоури что-то оборвалось.

— Он свежий, — тихо сказала она.

Глава 32

Шаттл-перевозчик скользил вдоль «Ностальгии по Бесконечности» — одинокий пузырь,двигающийся под боком огромного раненого кита. Хоури и Овод пробрались в пилотскую кабину, которая теперь редко использовалась, закрыли за собой дверь и включили несколько прожекторов. Лучи ползали по обшивке, подчеркивая все выпуклости и впадины. Причудливые новообразования тошнотворно очевидна — складки, завитки, лоскуты «змеиной кожи». Но больше никаких повреждений.

— Ну как? — прошептал Овод. — Что скажешь?

— Не знаю, — ответила Хоури. — Я могу сказать только одно. Обычно к этому времени мы уже слышим Илию.

Он кивнул.

— Думаешь, здесь произошла катастрофа, верно?

— Мы были тогда далеко.

— И ты не уверена, что видела именно это — так?

— Честно говоря, да. Вспышки не возникали где попало, по всему небу. Они били почти из одной точки, которая лежит в плоскости эклиптики. Что бы мы ни видели, это должно было находиться далеко — в десятках световых минут отсюда, возможно, даже в нескольких светочасах. Корабль мог оказаться в центре событий, но тогда разброс вспышек был бы куда больше.

— Отлично. Извини, что не вздыхаю с облегчением... Получается, вспышки не имеют отношения к этой дыре в корпусе. Иначе — если источник где-то на краю системы — представить страшно, сколько энергии высвобождалось при этих вспышках. Похоже, в корабль все-таки чем-то попали, но если бы это было прямое попадание, нам не о чем было бы разговаривать.

— Может, в него попали шрапнелью или чем-то вроде этого.

— Я бы не сказал.

— Черт возьми, Овод, здесь явно что-то стряслось.

Дисплеи панели управления ожили, хотя никто ничего не делал. Хоури прикусила губу, перегнулась через панель и с интересом смотрела на шаттл.

— Что это? — спросил Овод.

— Нас приглашают в док. Нормальный направляющий вектор. Как будто ничего особенного не случилось. Но тогда почему Илия до сих пор не

на связи?

— Под нашей ответственностью две тысячи человек. Давай убедимся, что не лезем в ловушку.

— Ты же понимаешь, — ее пальцы заскользили по панели управления, перепрыгивая через кнопки и рычаги, и время от времени вводя ответную команду.

— Так что ты собралась делать? — поинтересовался Овод.

— Войти в док. Вряд ли корабль задумал нечто против нас. Он уже десять раз мог это сделать.

Овод скорчил гримасу, но возражать не стал. Нормальное притяжение сменилось микрогравитацией [59] — шаттл вошел в позицию прямого сближения для стыковки, управление перешло «Ностальгии по Бесконечности». Корпус увеличился, затем открылся, показывая внутренности ангара. Хоури закрыла глаза. Ей показалось, что перевозчик просто не пройдет в люк и застрянет. Однако ничего не случилось. В следующую секунду судно уже вошло в ангар и подруливал к швартовным стапелям. Потом последовал слабый, почти неуловимый толчок, по корпусу пробежала легкая дрожь. На приборной панели появились новые сигналы: перевозчик установил неразрывную связь с ангаром. Все прошло абсолютно нормально.

— Мне это не нравится, — сказала Хоури. — Непохоже на Илию.

— Она была не в настроении, когда мы ее последний раз видели. Может, просто все еще сердится?

— Так уж и сердится, — огрызнулась она — и тут же пожалела об этом. — Что-то не так. Я просто еще не знаю что.

— А как насчет пассажиров? — спросил он.

— Пусть побудут внутри, пока мы не выясним, что стряслось. После пятнадцати часов еще пару можно потерпеть.

— Им это не понравится.

— Ничего, переживут. Пусть кто-нибудь из твоих людей придумает объяснение, ладно?

— Ложью больше, ложью меньше... Ничего страшного, верно? Ладно, что-нибудь сообразим. Допустим, перепад атмосферного давления...

— Отлично. Это не должно выглядеть, как конец шоу. Просто убедительная причина, по которой надо чуть-чуть побыть на борту.

Овод ушел, чтобы договориться со своими помощниками. Наверно, все пройдет гладко, подумала Хоури. Наверно, большинство пассажиров и не рассчитывает, что их высадят мгновенно. Они не сразу поймут, что произошло нечто непредвиденное. Главное, чтобы не пошли слухи о том,

что никому не позволяют выйти. Тогда несколько часов спокойствия им обеспечено.

Оставалось только дожждаться Овода.

— И что теперь? — осведомился он, входя в кабину. — Выходим через главный люк? Боюсь, за нас начнут переживать.

— Здесь есть запасной выход, — сказала Хоури, кивком указав на бронированную дверь в стенке кабины. — Я запросила переходную трубу из ангара. Мы выйдем и вернемся, и никто ничего не заметит.

Снаружи что-то лязгнуло. Пока корабль выполнял приказы беспрекословно. Индикаторы показывали, что давление и состав воздуха внутри переходника в норме, но Хоури настояла на том, чтобы надеть скафандры — они находились тут же, в шкафу. После этого внутренний люк был открыт. Овод и Хоури вошли в шлюз. Открыть внешний люк тоже не составило труда — разницы в давлении не было.

В туннеле их что-то ждало.

Хоури вздрогнула. Она поняла, что Овод чувствует нечто подобное. За годы солдатской службы в ней глубоко укоренилась неприязнь к роботам: на Окраине Неба робот слишком часто становится последним, что ты видишь в своей жизни.

То, что стояло перед ними в туннеле, напоминало человека, но лишь очертаниями. Это был «скелет» из тонких, как проволока, сочленений и стоек, не отягощенный никакими излишествами. Механизмы из разных сплавов, соединяющиеся проводами сенсоры и подобные артериям питательные трубопроводы болтались в пределах скелетной конструкции. Робот растопырил руки, перегораживая.

— Выглядит подозрительно, — прокомментировала Ана.

— Здравствуйте, — сказал робот. Звук его голоса напоминал лай.

— Где Илия? — спросила Хоури.

— Ей нездоровится. Не могли бы вы позволить вашим скафандрам принять в обработку данные об окружающей обстановке в полном видео-аудио представлении? Все станет намного проще.

— О чем это он? — спросил Овод.

— Хочет, чтобы мы ему позволили манипулировать тем, что видим через свои скафандры.

— Он может это делать?

— Все на корабле может, если мы позволим. У большинства Ультра есть имплантанты для достижения того же эффекта.

— А ты?

— Мне их удалили перед тем, как я отправилась на Ресургом. Иначе

меня было бы слишком просто выследить.

— Разумно, — кивнул Овод.

— Уверяю вас, — задрезжал слуга, — это не ставит целью ввести вас в заблуждение. Как вы можете видеть, я не способен причинить вред человеку. Именно поэтому Илия выбрала для меня это тело.

— Илия выбрала?..

Робот очень по-человечески кивнул, хотя венчающее его тонкорамным приспособление лишь отдаленно напоминало голову. В переплетении тонких проволочек и пластин что-то торчало — маленький белый пенек, очень напоминающий окурочок.

— Именно. Она пригласила меня на борт. Я — симуляция Невила Клавейна бета-уровня. На самом деле, я никогда не был писанным красавцем... но, надеюсь, и на эту штуку не очень похож. Если вы хотите увидеть меня таким, какой я на самом деле... — он сделал еще один очень человеческий жест.

— Осторожно, — прошептал Овод.

Но Хоури уже отдала скафандру субвокальную команду, приказывая принять и обработать данные. Изменения оказались незначительными. Строго говоря, они касались только робота. Компьютер просто стер его из визуального поля и теперь заполнял пустое место с учетом всех особенностей восприятия трехмерного пространства. Хоури не забыла о мерах предосторожности. Если слуга сделает слишком резкое движение или что-нибудь еще, подозрительное с точки зрения скафандра, картина немедленно станет прежней.

На том месте, где только что находился робот, появилась фигура человека. Казалось, ее выложили из другой картины и поместили сюда. Изображение было слишком резким и ярким, тени падали не под тем углом. Однако компьютер скафандра сделал эти ошибки намеренно. Эти легкие искажения напоминали о том, что это лишь изображение, маскирующее облик робота.

— Так-то лучше, — сказал человек.

Хоури смотрела на пожилого мужчину, очень худощавого. Волосы и борода были совершенно белыми.

— Невил... как ты сказал?

— Невил Клавейн. Думаю, ты Ана Хоури.

Его голос тоже стал почти человеческим. Оставался лишь слабый намек на искусственность.

— Никогда о таком не слышала, — Хоури покосилась на своего спутника.

— Я тоже, — подтвердил Овод.

— И не могли слышать, — ответил Клавейн. — Понимаете, я только что прибыл в систему... Вернее, прибываю.

Ладно, с деталями разберемся позже.

— Что с Илией?

Лицо Клавейна стало напряженным.

— Боюсь, не могу вас обрадовать. Вам лучше пройти со мной.

Он развернулся и зашагал прочь, словно не сомневался, что Хоури последует за ним. Компьютер сохранял легкую неловкость в его движениях.

Хоури вновь посмотрела на Овода. Ее компаньон кивнул, не сказав ни слова.

Они шли за Клавейном.

Он вел их через лабиринты коридоров «Ностальгии по Бесконечности». Ничего он не сделает, твердила себе Хоури. По крайней мере, ничего такого, что не санкционировано Илией. Даже если ее подруга инсталлировала «бету», то не стала наделять ее неограниченными полномочиями, так что спектр действий робота жестко ограничен. Так или иначе, симуляция — это просто программа — очень умная программа, напомнила себе Хоури. Программа которая управляет слугой на «поверхностном» уровне. Ее действие всегда может быть прервано одной из оставшихся сетей корабля.

— Клавейн, — сказала Хоури. — Расскажи мне, что здесь произошло, Ты сказал, что прибываешь... В каком смысле?

— На корабле, — ответил он. — Он называется «Зодиакальный Свет» и сейчас завершает торможение. Скоро он прибудет в систему и остановится рядом с вашим. Мой оригинал сейчас на борту. Я попросил Илию инсталлировать «бету»: расстояние слишком велико, чтобы вести плодотворные переговоры. Она согласилась... и вот я здесь.

— Тогда ты знаешь, где Илия?

— Само собой. Просто я не вполне понимаю, что здесь произошло. Понимаете, ваша подруга меня выключила...

— Но кто-то же тебя включил? — заметил Овод.

Они брели по колено в потоке слизи цвета желчи — скорее, переходили его вброд. Покинув ангар, они оказались через те отсеки, где сохранялась центробежная гравитация. Правда, ее величина заметно «плавала».

— Не Илия, — сказала «бета». — Это было бы слишком просто.

Можно сказать, я... очнулся... и обнаружил... Похоже, я превзошел сам себя.

— Илия мертва, Клавейн? — перебила Хоури.

— Нет, — он произнес это таким соблезнующим тоном, словно отвечал утвердительно. — Она не погибла. Но с ней не все в порядке. Хорошо, что вы прилетели. Как я понимаю, у вас на борту шаттла пассажиры.

Похоже, врать не имеет смысла.

— Две тысячи человек, — ответила Хоури.

— Илия говорила, что вам придется сделать сто рейсов туда и обратно. Это только первый, верно?

— Дай нам время, и мы сделаем все сто, — сказал Овод.

— Похоже, время — это единственная вещь, которой у вас больше нет, — ответил Клавейн. — Сожалею, но это так.

Хоури решила кое-что уточнить.

— Ты заикнулся о переговорах. Что нам обсуждать, черт подери?

Старик сочувственно улыбнулся.

— Боюсь, очень многое. Понимаете, у вас есть одна вещь, которая чертовски нужна моему оригиналу.

Слуга хорошо ориентировался на борту. Он вел их через лабиринты коридоров и шахт, палуб, трубопроводов, отсеков и тамбуров. О некоторых Хоури знала только понаслышке. Некоторые отсеки никто не посещал десятилетиями, и даже Илия старалась в них не задерживаться. «Ностальгия по Бесконечности» была огромна и даже в прежние времена напоминала головоломку. Топологию корабля отличала непостижимость системы подземных коммуникаций, расположенной под заброшенным мегаполисом. Здесь обитали призраки — самые настоящие, а не созданные кибернетическими системами или чьим-то бурным воображением. В километровых коридорах вздыхали потоки воздуха. Еще были крысы, бродячие роботы... и один сумасшедший. Словом, обстановка старого полузаброшенного особняка.

Сейчас все слегка изменилось. Корабль стал домом привидений в полном смысле этого слова. Внешне судно выглядело по-прежнему, но в него словно вселился призрак, пропитав собой каждый дюйм пространства. Хоури знала, что в любом отсеке, в любом коридоре их окружает Капитан. Он чувствовал их, они чувствовали его — чувствовали кожей, спинным мозгом. Это было навязчивое ощущение пристального, изучающего взгляда. Возможно, раньше обстановка на борту казалась не такой напряженной... а может быть, и наоборот. Хоури не могла понять. Все

зависит от того, на чьей стороне Капитан.

Этого Хоури тоже не знала. Скорее всего, не знала сама даже Илия.

Постепенно обстановка стала почти узнаваемой. Это были палубы, которые почти не затронула трансформация Капитана. Коридор напоминал рисунок сепией в каком-нибудь древнем манускрипте. Так мог выглядеть монастырский коридор монастыря. Темноту слегка рассеивали охряные светильники, похожие на свечи в канделябрах. Клавейн направлялся в медицинский отсек.

В комнате с низким потолком не было окон. Роботы-хирурги, сторбившись, покорно расползлись по углам, словно не хотели попадаться на глаза. В центре комнаты, в окружении диагностической аппаратуры, одиноко стояла койка, на которой лежала женщина — глаза закрыты, руки аккуратно сложены руки на груди. Кривые биомедицинских показателей дрожали над ней, как северное сияние.

Хоури подошла к койке. Это была Илия Вольева, вне всяких сомнений. Вернее, копия прежней Вольевой, которую подвергли какой-то ужасной опытной процедуре по ускорению старения, с применением препаратов для притягивания плоти к костям и превращения кожи в подобие пергамента. Казалось, она стала такой хрупкой, что в любой момент могла рассыпаться в пыль. Это был не первый раз, когда Хоури видела подругу в этой комнате. Когда они забирали с Ресургема Дэна Силвеста, началась перестрелка, и Триумвир была ранена. Но тогда разговора о серьезной угрозе для жизни даже не возникало. Теперь лишь показания приборов позволяли понять, что Илия Вольева еще жива. Ее тело было почти полностью обезвожено.

Хоури вздрогнула и обернулась к бета-копии.

— Что тут произошло?

— Откровенно говоря, до сих пор не знаю. Когда как она меня усыпила, с ней все было в порядке. Затем я очнулся, и обнаружил, что нахожусь здесь, в этой комнате. Она лежала на кровати. Машины стабилизировали ее состояние, но больше ничего не смогли сделать. В конечном счете, она должна была умереть, — Клавейн кивком указал на дисплей, склонившийся над Вольевой. — Я видел подобное во время войны. Она вдохнула вакуум. Никакой защиты от внешней потери влаги не было. Декомпрессия, похоже, произошла быстро, но недостаточно быстро, чтобы убить ее. Основные повреждения в легких... лед кристаллизовался и разорвал альвеолы. Она ослепла на оба глаза, нарушены некоторые мозговые функции. Не думаю, что стоит углубляться в подробности. Еще повреждены трахеи, ей будет трудно разговаривать.

— Она же Ультра, — с отчаянием проговорил Овод. — Ультра не

умирают, если один раз вдохнут вакуум.

— Илия совершенно не похожа на тех Ультра, которых я встречал, — сказал Клавейн. — У нее нет никаких имплантантов, никаких вживлений. Иначе она перенесла бы это гораздо легче. По крайней мере, имплантанты приняли бы на себя удар, нанесенный мозгу. Но у нее не оказалось ни одного. По-моему, она в принципе не хотела помещать в себя что-то инородное.

Хоури посмотрела на него.

— Что ты сделал?

— То, что было необходимо. Поступило требование, чтобы я сделал все, что возможно. Все, что я мог — это ввести комплект медишнов.

— Постой, — Ана жестом остановила его. — Откуда поступило?

Клавейн почесал бороду.

— Точно не скажу. Просто чувствовал, что обязан это сделать. Вы должны понять: я всего лишь программа. Вполне возможно, кто-то пнул меня и вмешался в мое исполнение, заставляя действовать определенным образом.

Хоури и Овод переглянулись. Несомненно, они подумали об одном и том же. Только одна сила могла включить робота и заставить его спасти Илию. Капитан.

По спине пробежал холодок: Ана почувствовала, что за ней наблюдают.

— Клавейн, — сказала она. — Послушай меня. Я не знаю кто ты на самом деле. Но ты должен понять. Илия ни за что на свете не согласится, чтобы ей вводили медишны. Она скорее умрет.

— Знаю, — ответил он, беспомощно разводя руками. — Но я просто должен был это сделать. Если бы мой оригинал находился здесь, он поступил бы точно так же.

— Игнорируя ее глубочайшее нежелание, это ты имеешь в виду?

— Да, можно сказать и так. Потому что я испытал это на собственной шкуре. Понимаешь, мне довелось попасть примерно в такую же переделку. Я был ранен... фактически, умирал. Но ни за что на свете не хотел, чтобы мой мозг нашпиговали какими-то мерзкими машинками. Однако кое-кто не стал слушать моих возражений и сделал так, как надо. За что я очень благодарен. Мне подарили четыреста лет жизни. В любой другой ситуации я бы и мечтать о таком не мог.

Ана посмотрела на Вольеву, которая неподвижно лежала в окружении приборов, затем снова на человека, который если и не спас жизнь ее подруге, то не позволил ей умереть сразу.

— Клавейн... — пробормотала она. — Черт тебя дери, кто ты такой?

— Клавейн, Объединившийся, — произнес голос, тихий и прозрачный, как дым. — Слушай его внимательно: он говорит то, что имеет в виду.

Это был голос Вольевой, однако тело на койке не шевелилось. Единственным свидетельством того, что она пришла в себя, было изменение биомедицинских показателей.

Хоури щелкнула креплением и сняла шлем. Старик исчез, снова превратившись в скелетообразную конструкцию. Она положила шлем на пол и опустилась на колени возле кровати.

— Илия?

— Ага, — выдох походил на шелест бумаги.

Хоури заметила едва уловимое движение губ: Вольева формировала слова, но звук раздавался сверху.

— Что произошло?

— Несчастный случай.

— Мы видели повреждения на корпусе. Это...

— Ага. На самом деле, это моя вина. Как всегда. Я, как всегда, я виновата. Как всегда... черт бы меня подрал...

Хоури мельком взглянула на Овода.

— Ты?

— Поддалась на обман, — ее губы снова дрогнули — это должна была быть усмешка. — Капитан... Я думала, он наконец-то принял мою точку зрения. И использует орудия из Тайника против Подавляющих.

Картина вырисовывалась, но весьма туманно.

— И как ему удалось...

— Я вывела восемь орудий наружу. Потом был сбой. Мне показалось, что был сбой. На самом деле... Джон меня выманил.

— Он хотел тебя убить?

Хоури произнесла это почти шепотом. Смешно — Капитан все равно услышит каждое слово. Но это произошло само собой.

— Нет, — выдохнула Вольева. — Джон хотел убить... себя, а не меня. А я должна была на это смотреть. Как свидетель...

— Зачем?

— Чтобы видеть его раскаяние. Видеть, что это... преднамеренно, не случайно...

Овод тоже снял шлем и, изящно примостив его на руке, присел рядом.

— Но корабль цел. Что случилось, Илия?

Вольева снова изобразила полуусмешку.

— Я... пересекла луч. Думала... это его остановит.

— Похоже, остановило.

— Не ожидала, что выкарабкаюсь. Но... я не сделала то, что хотела.

Робот подошел к кровати. Теперь, непохожий на Клавейна, он казался почти неуклюжим.

— Они знают, что я ввел тебе медишны, — сказал робот; его голос тоже изменился. — А теперь знают, что тебе тоже это известно.

— Клавейн... бета-копия... у него не было выбора, — сказала Вольева, прежде чем кто-то успел вставить слово. — Без медишнов я бы уже скончалась. Пугают ли они меня? Да. Очень пугают, будь они неладны. Меня тошнит при одной мысли, что эта дрянь ползает внутри моего тела, точно пауки и черви. Но я понимаю, что так надо. В конце концов, я всю жизнь возилась с такими штуками. И я вполне понимаю, что чуда не будет. Слишком много... Все не восстановить.

— Мы что-нибудь придумаем, Илия, — сказала Хоури. — Твои ранения не могут...

Вольева перебила ее.

— Забудь меня. Я ничего не значу. Только орудия... Это мои дети... злобные, нехорошие, как угодно... Не хочу, чтобы они попали в чужие руки.

— Кажется, мы добрались до сути дела, — произнес Овод.

— Клавейн... настоящий Клавейн... хочет получить орудия, — продолжала Вольева. — По его мнению, у него есть возможность отобрать их у нас... — ее шепот стал чуть громче. — Верно, Клавейн?

Слуга кивнул.

— Я бы все-таки предпочел договориться добровольной передаче, Илия. Ты это знаешь. Тем более сейчас, когда мне пришлось посвятить твоему здоровью немного времени. Не надейся ошибиться. Мой оригинал способен быть очень жестоким, если решит, что жестокость оправдана. Он уверен, что имеет на это полное право. А человек, который уверен в своем праве — самый опасный противник.

— Зачем ты это говоришь? — спросила Хоури.

— Это в его... в наших... интересах, — добродушно ответила бета-копия. — Повторяю, я бы предпочел убедить вас отдать орудия добровольно. В самом крайнем случае, мы бы избежали риска повредить эти чертовы штуковины.

— Почему-то ты не кажешься мне чудовищем, — пробормотала Хоури.

— Конечно, — ответил робот. — И мой оригинал — тоже не монстр. Он всегда предпочитает обходиться малой кровью. Но если кровопролитие

необходимо, тогда, э-э-э... тогда моему оригиналу придется провести небольшую резню. Вроде хирургической операции. Тем более сейчас.

Последнюю фразу робот произнес так выразительно, что Овод спросил:

— Почему «тем более сейчас»?

— Потому что он очень долго шел к этому и очень много сделал, — робот выдержал паузу, и сетчатая конструкция, которая служила ему головой, медленно повернулась, словно обводя каждого взглядом. — Он предал все, чему верил на протяжении четырехсот лет. Уверяю вас, это далось ему нелегко. Он солгал своим друзьям и оставил своих любимых людей, зная, что иным путем не сможет достичь цели. И совсем недавно ему пришлось принять очень жестокое решение. Он уничтожил то, что любил больше всего. Это причинило ему огромную боль. В этом отношении я — не точная копия настоящего Клавейна. Мою личность сформировали до этого ужасного события.

— Настоящий... он не такой, как ты?

Шепот Вольевой был тих, но мгновенно привлекал к себе внимание.

— Я — набросок, Илия. Сделанный до того, как его жизнь превратилась в ад. Могу только догадываться, какая пропасть нас разделяет, меня и его. Но я бы не советовал игнорировать нынешнее состояние моего оригинала.

— Психологические приемы, — прошептала Вольева.

— Простите?

— Поэтому ты пришел, не так ли? Не для того, чтобы вместе найти разумное решение, а чтобы вселить в нас священный страх.

Слуга снова кивнул — на этот раз сдержанно.

— Если бы я стремился именно к этому, то счел бы свою работу хорошо сделанной. Возможность обойтись малой кровью — помните?

— Если хочешь кровопролития, — прошипела Вольева, — то обратился по адресу.

Вскоре она провалилась в какое-то странное состояние — возможно, что-то наподобие полусна. Дисплеи успокоились, плавные синусоиды, гармоники Фурье и гистограммы показывали, что сейсмические колебания активности перешли в основную зону нейроактивности. Еще несколько минут Овод и Хоури наблюдали за ней, пытаясь догадаться, спит ли она, размышляет или просто потеряла сознание.

Следующие шесть часов пролетели незаметно. Овод и Хоури вернулись на шаттл-перевозчик и обсудили обстановку со своими

помощниками. К счастью, за время их визита к Вольевой не произошло ничего серьезного. Пара мелких вспышек недовольства — но почти все пассажиры поверили истории о проблемах совместимости атмосфер. Беженцам сообщили, что технические неполадки устранены — оказалось, что в работе сенсоров произошел небольшой сбой. Теперь можно было спокойно начинать высадку и размещение в соответствии с планом, который огласили заранее. Во вращающейся части корабля, в сотни метров от ангара, для беженцев уже подготовили просторный отсек. Он почти не пострадал от чумных трансформацией Капитана, но Вольевой и Хоури пришлось потрудиться, чтобы замаскировать некоторые подозрительные детали.

Однако, вопреки их стараниям, жилая зона все равно оставалась холодной, сырой и сильно напоминала склеп. С помощью дополнительных перегородок отсек разделили на несколько секторов, в каждом из которых могло разместиться около сотни человек. В свою очередь, в этих секторах выгородили несколько комнат, чтобы обеспечить семьям некоторое подобие уединения. Полностью отсек вмещал около десяти тысяч человек. Еще четыре рейса шаттла-перевозчика. Начиная с шестой партии, людей придется расселять в других зонах корабля. И тогда правда выйдет наружу. Люди поймут, что корабль, на который их привезли, не просто заражен Комбинированной Эпидемией. Он пропитан и изменен собственным Капитаном, и все они в прямом смысле находятся внутри самого Капитана.

Скорее всего, за осознанием придет ужас, начнется паника. Более чем вероятно, что придется перевести колонию на военное положение — еще более строгое, чем на Ресургеме. За этим последуют убийства, и тогда останется только вводить суровые наказания, отвечая насилием на насилие.

Но, даже это потеряет смысл, если станет известна еще одна правда. Триумвир, ненавистная Илия Вольева, все еще жива, и именно она организовала эвакуацию.

Вот тогда начнется самое страшное.

Хоури смотрела, как шаттл-перевозчик покидает ангар и направляется в сторону Ресургема. Тридцать часов в полете. Плюс — если сильно повезет — еще полстолько на то, чтобы погрузить новую партию беженцев. Итого — два дня. Через два дня Овод вернется. Если за это время люди не разбегутся по всему кораблю, она может гордиться тем, что покорила неприступную вершину.

Но потом будет еще девяносто восемь перелетов. Ровно столько — чтобы доставить всех беженцев на борт корабля...

Один шаг за один раз, подумала Хоури. Именно этому ее учили в

армии: разбить проблему на решаемые единицы. Неважно, насколько огромной кажется проблема: с ней можно справиться, разделив ее на кусочки, сосредоточившись на деталях и не беспокоясь о ситуации в целом.

Снаружи продолжалось космическое сражение. Вспышки напоминали беспорядочную перестрелку синапсов в вывернутом наружу мозге. Хоури была уверена, что Вольева кое-что знала о происходящем. Возможно, «бета» тоже знала. Но Илия спала, а от робота вряд ли стоит ждать чего-нибудь, кроме очередной маленькой лжи. Оставался Капитан — ему тоже должно было быть что-то известно.

Хоури шла по кораблю. Чтобы добраться до Тайника, ей пришлось воспользоваться системой ветхих транспортеров — точно так, как делала это сотни раз вместе с Вольевой. Теперь ей предстояло пройти тем же путем в одиночку, и из-за этого возникало странное чувство неправильности происходящего.

Отсек выглядел так же, как во время их прошлого визита: темнота и невесомость. Хоури остановила подъемник на уровне люка, затем надела скафандр и «обвязку» с портативными двигателями. Несколько минут — и она оказалась в Тайнике и, затаив дыхание, плыла во мраке. Отталкиваясь от стены, Хоури изо всех сил пыталась не обращать внимания на тревогу, которую всегда испытывала в присутствии орудий. Навигационная система скафандра была уже включена — оставалось только дожждаться, пока та сориентируется по маякам на стенах Тайника. Потом на лицевой панели появились серо-зеленые силуэты с аннотациями. Расстояние до стен варьировалось от десятков до сотен метров. Паутинная решетка мониторинговой системы — жирные поперечные линии — рассекала помещение Тайника под разными углами. Орудия все еще находились здесь. Но Хоури ожидала, что их будет больше.

Перед тем, как она улетела на Ресурге́м, их оставалось тридцать три. Вольевой удалось вывести восьми из них, прежде чем Капитан попытался покончить с собой. Но висящих в пространстве силуэтов было подозрительно мало. Хоури пересчитала их, затем еще раз в другом порядке... потом направилась вглубь Тайника... Может быть, какая-то проблема с сенсорами? Но первое подозрение оказалось верным. На борту «Ностальгии по Бесконечности» осталось только тринадцать орудий. Двадцать отсутствовало.

Хоури почти не сомневалась, что знает, где они находятся. Восемь были где-то снаружи. Там же, вероятно, и другие двенадцать, которых Ана недосчиталась. И, вполне возможно, двигаются через систему. Туда, где сверкали зарницы, которые они с Оводом видели из шаттла. Вывод

напрашивался сам собой.

Вольева — или кто-то другой — бросил двадцать орудий против Подавляющих.

Оставалось только гадать, кто победит.

Знай врага в лицо, думал Клавейн.

На этот раз он совсем не знал своего врага.

Клавейн сидел на мостике «Зодиакального Света», один, погруженный в глубокую сосредоточенность. Глаза были полузакрыты, лоб пересекли привычные морщины беспокойства. Так может выглядеть гроссмейстер, который готовится сделать самый важный ход во всей партии. Кончики его пальцев застыли над объемной проекцией — нематериальной фигуркой субсветовика, на борту которого находились похищенные орудия.

Клавейн вспоминал, что говорила Скейд — давно, в Материнском Гнезде. Все указывало на то, что этот корабль — «Ностальгия по Бесконечности». Скорее всего, его капитан — по-прежнему женщина по имени Илия Вольева. Клавейн даже помнил ее изображение, которое Скейд показывала ему. Но допустим, данные верны, и ему действительно предстоит иметь дело с Вольевой. Это почти ни о чем не говорит. Он может доверять только тому, что узнает сам, при помощи своих вынесенных в пространство органов чувств. Только настоящему.

Образ, который висел перед ним, позволял считать все главные тактические данные чужого корабля. Детали постоянно перемещались, нарастали новые слои, модель становилась все более подробной — по мере того, как системы-разведчики «Зодиакального Света» доставляли уточненные данные. Длинные строки базовой интерферометрии [\[60\]](#) снимали электромагнитный профиль корабля по всему спектру, от мягкого гамма-излучения до низкочастотных радиоволн. Картина обратного волнового рассеяния сбивала с толку, интерпретирующая программа зависала в недоумении или начинала выдавать очевидную нелепицу, заставляя Клавейна постоянно вмешиваться в анализ данных. По какой-то причине компьютер раз за разом рисовал странный гибрид субсветовика, морского ежа и готического собора. Впрочем, общие очертания были вполне узнаваемы. Клавейн терпеливо перенастраивал программу, стирая наиболее странные детали. Возможно, «Ностальгию по Бесконечности» одели неким подобием панциря, который и сбивал с толку приборы. Подобным образом некоторые анклавы Ржавого Обода прятались в искусственных «облаках».

Учитывая, что программа работала исправно, пока Клавейн не начинал

навязывать ей свое видение, Все прочие варианты представлялись чересчур... неординарными, чтобы принять их к рассмотрению.

В дверь постучали. Клавейн повернулся, хрустнув экзоскелетом.

— Да?

На мостике появилась Антуанетта Бакс, за ней следовал Ксавьер. Оба также носили экзоскелеты, только украшенные люминесцентными завитками и выпуклыми барочными накладками. Это был не первый образец подобного «творчества», который Клавейну доводилось наблюдать. Особенно подобная тенденция процветала в армии Скорпио. Впрочем, в этом не было ничего дурного, и Клавейн не видел смысла вводить дисциплинарные взыскания. Он вообще приветствовал все, что укрепляло единство и целеустремленность.

— Что случилось, Антуанетта? — спросил Клавейн.

— Надо кое-что обсудить.

— Относительно атаки, — добавил Лю.

Клавейн кивнул и попытался улыбнуться:

— Если нам очень повезет, то до этого не дойдет. Команде хватит ума спокойно возвратить орудия, и мы отправимся домой, не сделав ни единого выстрела.

Конечно, на данный момент на такой поворот событий представлялся наименее вероятным. Излучение орудий ясно показывало, что еще двадцать из них покинули корабль. На борту оставалось только тринадцать. Результат дополнительной диагностики был еще более безрадостным: некоторые из них успели активировать. Наконец, три орудия просто исчезли — и все это произошло за последние восемь часов судового времени. Клавейн воздерживался от предположений, но не мог отделаться от мерзкого ощущения, что прекрасно понимает, в чем дело.

— А если нам их не отдадут? — спросила девушка, садясь в кресло.

— Тогда применим силу, — ответил Клавейн.

Ксавьер кивнул.

— Именно так мы и подумали.

— Надеюсь, это будет сделано быстро и решительно, — произнес Клавейн. — Я даже почти уверен. Скорпио отменно подготовил своих бойцов. Техническую поддержку Ремонта трудно переоценить. У нас есть отлично обученная штурмовая группа и оружие. Чего нам не хватает?

— Ты забываешь про нас, — сказал Лю.

Клавейн повернулся к модели корабля, проверяя, не изменилось ли что-нибудь за последние несколько минут. К его огорчению, программа снова украшала корпус наростами, шишками и разнокалиберными витыми

иглами. Клавейн беззвучно выругался. Корабль походило на Город Бездны времен Эпидемии.

Он насторожился. В голове что-то щелкнуло.

— Ты что-то сказал? — Клавейн быстро посмотрел на Ксавьера.

— Мы хотим помочь, — ответила Антуанетта.

— Вы уже помогли, — отозвался Клавейн. — Без вас мы, вероятно, вообще не угнали бы этот корабль. Я уже не говорю о том, что именно вы помогли перейти в другой лагерь.

— Это было раньше, — возразил Ксавьер. — Сейчас мы говорим об участии в атаке

— А-а... — Клавейн почесал бороду. — Вы имеете в виде настоящую помощь? Боевую?

— В трюм «Штормовой Птице» до черта всего влезет, — сказала Антуанетта. — Она маневренная, быстрая... Например, на ней можно отвезти на базу нашу добычу.

— И корпус бронирован, — добавил Ксавьер. — Ты видел, как ей досталось, когда мы уходили с Нью-Копенгагена. Теперь внутри у нее стало просторнее. Мы можем с комфортом разместить половину ребят Скорпио.

— Не сомневаюсь.

— Тогда в чем проблема? — поинтересовалась девушка.

— Это не ваша битва. Вы помогли мне, и я очень вам благодарен. Но я слишком хорошо знаю Ультра. Думаю, что знаю... Они просто так ничего не отдадут. Хватит крови, Антуанетта. Позволь мне сделать так, чтобы этого больше не было.

Молодые люди — интересно, давно ли они стали казаться ему столь юными? — таинственно переглянулись. Клавейн подозревал, что им известен какой-то секрет, в который его не посвятили.

— Ты неправ, — произнес Лю.

Клавейн посмотрел ему глаза.

— Уверен, Ксавьер?

— Конечно...

— Я действительно считаю, что вы не должны участвовать в сражении, — Клавейн снова повернулся к модели звездолета. — А сейчас, если вы не против... я кое-чем займусь.

Глава 33

— Илия, просыпайся.

Хоури стояла рядом с ее койкой, наблюдая за показаниями нейронной диагностики и пытаясь уловить признаки проблесков сознания. По виду было совершенно непонятно, жива Вольева или нет. Однако за то время, пока Хоури посещала Тайник, диагностические показатели совершенно не изменились.

— Вам помочь?

Хоури обернулась, пораженная и пристыженная одновременно. С ней снова заговорил скелетообразный слуга.

— Клавейн... Не думала, что ты все еще включен.

— Минуту назад я действительно был выключен

Робот, до сих пор стоявший в тени, подошел к койке, потянулся к одной из установок, похожей на приземистое горбатое животное, и нажал на какие-то кнопки.

— Что ты творишь? — спросила Хоури.

— Привожу ее в сознание. Ты ведь этого хотела?

— Я... Черт, не знаю, что с тобой делать. То ли верить, то ли разнести вдребезги.

Слуга отошел в сторону.

— Разумеется, ты не должна мне доверять. Моя основная цель — убедить вас передать орудия. Я не могу применять силу, зато могу использовать убеждения и дезинформацию, — он достал что-то из-под койки и изящным движением бросил Ане. Хоури автоматически схватила предмет на лету.

Это были голоочки с наушниками. Обычный гарнитур, изготовленный на борту и потерявший вид от долгого употребления. Хоури надела его и увидела, как на скелетообразную фигуру слуги наложился уже знакомый образ седого мужчины. Голос, звучащий в наушнике, стал богаче и окрасился интонациями.

— Так-то лучше, — сказал он.

— Кто управляет тобой, Клавейн?

— Илия кое-что говорила о вашем Капитане, — ответил Клавейн. — Я его никогда не видел и не слышал, но подозреваю, что он меня использует. Когда Илия была ранена, он включил меня, чтобы я смог ей помочь. Я все-таки бета-копия. Я обладаю всеми знаниями Клавейна, всем его опытом, а

он хорошо разбирается в медицине. Хотя, как мне кажется, Капитан мог пользоваться разными источниками, включая и собственные воспоминания. Полагаю, он не хочет вмешиваться напрямую и использует меня в качестве посредника. Я его марионетка, так или иначе.

Хоури так и подмывало поспорить. Но ничто в словах Клавейна не указывало на то, что он врет или пытается быть более убедительным. Капитан нарушил свое молчание только для того, чтобы совершить самоубийство, но его попытка провалилась. Илия получила смертельные ранения. Теперь он снова замкнулся в себе, погрузившись в еще более мрачный психоз. Остается только гадать, кем Капитан сделал этого псевдо-Клавейна: марионеткой или оружием.

— В таком случае, какого черта я должна тебе доверять? — Хоури указала взглядом на Вольеву. — Ты мог бы ее убить?

— Нет, — он энергично покачал головой. — Ваш корабль... ваш Капитан... он бы не позволил. Я уверен. И в любом случае, у меня такого даже в мыслях не было. Пойми, Ана: я не из породы хладнокровных убийц.

— Ты просто программа, — ответила Хоури. — Программа, которая способна на что угодно.

— Я не собираюсь ее убивать, пойми. Я хочу вернуть эти орудия, потому что верю в человечность. И никогда не считал, что цель оправдывает средства. Даже на войне, на любой треклятой войне, в которой мне доводилось участвовать. Если мне придется убить ее, чтобы вернуть орудия — я ее убью. Но прежде сделаю все возможное, чтобы получить свое другими средствами. Иначе чем я лучше Объединившихся?

Без предупреждения, Илия заговорила из своей кровати:

— Зачем они тебе, Клавейн?

— Могу спросить тебя то же самое.

— Это... черт подери... мои орудия.

Хоури пристально разглядывала подругу, но та, казалось, пребывала в том же состоянии, что и минуту назад.

— На самом деле это не твои орудия, — сказал Клавейн. — Это все еще собственность Объединившихся.

— О, мать твою... а ты спешишь их вернуть... законному владельцу?

— Не совсем так, Илия. Я просто хороший парень, который хочет взять у тебя эти чертовски опасные игрушки, прежде чем до них доберутся плохие парни. Прежде чем это станет твоей проблемой, а не моей. Когда я говорю «плохие парни», то именно это и имею в виду. Имея дело со мной, ты имеешь дело со здравомыслящим человеком. Но Объединившиеся не станут тратить время на переговоры. Они просто отнимут орудия без

вопросов.

— Знаешь, Клавейн... вся эта байка о том, как ты переметнулся в другой лагерь... мне что-то с трудом верится.

— Илия... — Хоури склонилась над ней. — Илия, отвлекись от Клавейна. У меня к тебе один очень серьезный вопрос. Что ты сделала с орудиями? В Тайнике их осталось всего тринадцать.

Вольева закудаhtала. Похоже, ее забавляло собственное остроумие.

— Разогнала по всей округе. Одним выстрелом убила двух зайцев. Для Клавейна они вне зону досягаемости. Я разбросала их... по всей системе... установила автономный режим и позволила вести огонь по Подавляющим. Как там мои прелестные крошки, Хоури? Видела, какой этой ночью был фейерверк?

— Фейерверк продолжается, Илия. Но, черт подери, я так и не поняла, кто побеждает.

— Говоришь, продолжается?.. Это уже здорово, правда?

Казалось, она ничего не сделала, но над койкой возникла полупрозрачная сфера, наподобие облачка, в которое помещают реплики персонажей в комиксах.

Клавейн не солгал: после столкновения с лучом Вольева ослепла. Но теперь у нее на носу красовались маленькие серые очки, связанные с имплантатами, которые робот вживил ей в мозг. В некотором смысле ее зрение даже улучшилось. Теперь Илия могла видеть в любом частотном диапазоне, причем не только электромагнитное излучение — например, считывать поля, генерируемые машинами, с большей ясностью, чем до сих пор. Правда, это не меняло отношения Вольевой к чужеродным предметам, которые наводнили ее организм. Подобное всегда вызывало у нее протест, и теперь только угроза смерти заставила Триумвира пойти на такой шаг.

Проектируемая сфера была скорее совместной галлюцинацией, чем обычной голограммой.

Ее покрывала сетка зеленых линий планетарной системы координат, расширяясь в районе экватора и стягиваясь к полюсам. Эклиптика системы — молочно-белый диск, усыпанный символами с аннотациями — рассекал сферу пополам. В центре диска горел оранжевый глаз Дельты Павлина. Киноварно-красное пятно указывало на остатки Руха, а более яркий алый вырост в форме рога — на чудовищное орудие Подавляющих, которое теперь вращалось вместе со звездой. Саму звезду окружала сетка лиловых линий, и точка на его поверхности, точно на одной оси с орудием, показывала, что погружение внутрь звезды достигло глубины одной восьмой ее диаметра. Четверть пути к термоядерной сердцевине была

пройдена. Неистовые фиолетово-белые кольца раскаленной материи расходились в стороны от центра погружения, словно застывшие волны озера, но эти островки нового синтеза были жалкими искорками по сравнению с силовой установкой самого ядра. Однако, сколь бы волнующими не выглядели эти трансформации, основное внимание привлекала не звезда. Хоури насчитала двадцать черных треугольников примерно в том же квадрате эклиптики, где находилось орудие Подавляющих. Это были орудия из Тайника.

— Вот вам состояние игры, — сказала Вольева. — Так выглядит сражение в реальном времени. Не ревнуешь меня к моим игрушкам, Клавейн?

— Ты понятия не имеешь, насколько ценны эти орудия, — проговорил робот.

— Неужели?

— От них зависит, жить человечеству или умереть. Всему человечеству, Илия. Мы тоже знаем о Подавляющих, Илия. И о том, на что эти твари способны. Мы получили послание из будущего: человеческая раса должна быть уничтожена, полностью стерта этими машинами. Мы назвали их Волками, но можно не сомневаться: у нас один враг. Поэтому ты не имеешь права попусту растрачивать их силу.

— Попусту? — в ее голосе звучала смертельная обида. — Это не называется «попусту». Это тактический ход: я задерживаю Подавляющих. Я хочу выиграть время, чтобы спасти Ресургом.

Голос «беты» стал настойчивым, словно зондировал сознание.

— Сколько орудий ты потеряла в этой кампании?

— Ни одного, точно.

Робот склонился над ней.

— Илия... слушай меня внимательно. Сколько орудий ты потеряла?

— Что значит «потеряла»? Три орудия были неисправны. Слишком много для инженерии Конджойнеров, не находишь? Другие два рассчитаны на одноразовое использование. Я бы не говорила о «потерях», Клавейн.

— Хочешь сказать, Подавляющие не истребили ответным огнем ни одного орудия?

— Два слегка повреждены.

— Вернее, полностью уничтожены, так?

— Я еще не получила телеметрию с их «упряжи». Я вообще не могу оценить степень повреждений, пока не изучу картину сражения.

Хоури видела, как Клавейн выпрямился и сделал шаг назад. Он как будто потускнел, став еще больше похожим на призрак, закрыл глаза и

начал беззвучно шептать что-то, подозрительно напоминающее молитву.

— Начнем с того, что орудий было сорок. Сейчас, по моим подсчетам, девять утрачено. Сколько еще, Илия?

— Сколько понадобится.

— Ты не можешь спасти Ресургем. Ты имеешь дело с силой, которая выше твоего понимания. Все, что ты сейчас делаешь — это бесполезное расточительство. Отдай орудия — и мы используем их должным образом, так, что они обеспечат людям реальный перевес. Здесь только авангард Волков, но скоро их станет намного больше. Но если мы сможем изучить орудия, то, возможно, изготовим новые образцы. Десятки, сотни, может быть, даже тысячи.

Она снова улыбнулась; Хоури была уверена в этом.

— Так к чему был весь этот прекрасный треп, Клавейн? Говоришь, цель не оправдывает средства? Ты верил хоть одному своему слову?

— Я верю только в одно: ты расточительно используешь орудия. Население Ресургема все равно обречено. Все, что ты сможешь изменить — немного отсрочить их гибель. На несколько дней. А потом будут еще миллионы и миллионы погибших. Но если передашь нам орудия — сейчас, то мы еще успеем хоть что-то изменить.

— Значит, я должна допустить, чтобы двести тысяч человек погибли ради будущего спасения миллионов?

— Не миллионов, Илия. Миллиардов.

— Знаешь, Клавейн... — она улыбнулась, словно последний раз в жизни. — Ты меня почти убедил — на одну минуту. Я почти поверила, что с тобой можно иметь дело. Я ошиблась, верно?

— Я не подонок, Илия. Я просто точно знаю, что нужно делать.

— Как ты сказал, самый опасный противник...

— Пожалуйста, не надо так плохо обо мне думать. Я все равно заберу орудия.

— Твоему кораблю лететь сюда еще две недели. Когда вы доберетесь, я буду более чем готова к встрече.

Бета-копия ничего не ответила. Хоури понятия не имела, как расценивать это молчание, но оно ее сильно беспокоило.

Корабль возвышался над ней. Его сдерживали лишь оковы неубранных ремонтных лесов. Во внутренних помещениях «Штормовой Птицы» горели огни, и в одном из иллюминаторов верхней палубы Антуанетта видела силуэт Ксавьера — как всегда, погруженного в работу. В одной руке электронный блокнот, в зубах стилус... Запрокинув голову, Ксавьер

поворачивал древние рычаги-переключатели и прилежно записывал показатели. Вечный счетовод, подумала Антуанетта.

Она отдала экзоскелету команду и встала. Время от времени Клавейн устраивал экипажу несколько часов передышки в условиях нормальной гравитации. Но к настоящему моменту это не относилось. Экзоскелет был на редкость неудобной конструкцией, а мягкие подушечки сенсоров постоянно натирали кожу. Антуанетта уже не могла дождаться, когда «Зодиакальный свет» доберется до Дельты Павлина. Вот тогда можно будет наконец-то избавиться от этих сооружений!

Она смотрела на «Штормовую Птицу» — долго и пристально.

Во время своего последнего визита Антуанетта так и не смогла заставить себя подняться на борт своего корабля. Ей вообще больше не хотелось на нем находиться. С тех пор прошло несколько месяцев, и гнев утих, хотя и не прошел полностью.

Теперь это, скорее, можно было назвать раздражением.

Несомненно, судно было готово к бою. На взгляд непосвященного, никаких радикальных изменений не произошло. К прежним «способам убеждения» добавилось еще несколько орудий, украсив корпус новыми выпуклостями и пиками. «Фабрика» тоннами выпускала орудия и боеприпасы, и позаимствовать немного для собственных нужд оказалось на удивление легко: Скорпио попросту закрыл на это глаза. А Ремонтуа лично помогал Ксавьеру интегрировать наиболее экзотические орудия в сеть управления «Штормовой Птицы».

Антуанетта и сама не понимала, почему в ней проснулось желание сражаться. Она никогда не замечала за собой склонности к жестокости или героизму. Скорее уж ко всяким бесполезным глупым выходкам — вроде похорон отца в атмосфере газового гиганта.

Она пробралась по кораблю наверх, на взлетно-посадочную палубу. Ксавьер продолжал работать, словно не заметив появления Антуанетты. Возможно, он действительно ее не заметил. К тому же, стало уже привычным, что Антуанетта обходит «Штормовую Птицу» стороной.

Усевшись в кресло, Антуанетта ждала, пока Ксавьер отвлечется. Наконец он обернулся, коротко кивнул и снова занялся своими переключателями. Это означало одно: он предоставляет ей пространство и время, чтобы действовать по своему усмотрению. Пожалуй, такой благородный жест стоило оценить.

— Тварь? — спокойно произнесла она.

Обычная пауза перед тем, как Лайл Меррик ответил. Такая же, как обычно, но сейчас она казалась вечностью.

— Да, Антуанетта?

— Я вернулась.

— Да... я заметил. — снова бесконечное молчание. — Я рад, что ты вернулась.

Тональность и тембр его голоса остались прежними, но что-то изменилось. Скорее всего, Лайлу больше не нужно подражать старой субличности, которую он заменил шестнадцать лет назад.

— Почему? — резко спросила она. — Ты скучал по мне?

— Да, — ответил Меррик. — Да, скучал.

— Сомневаюсь, что когда-либо смогу тебя простить, Лайл.

— Я и не ждал, что ты простишь, Антуанетта. Я определенно этого не заслужил.

— Это уж точно.

— Но ты понимаешь, что я дал обещание твоему отцу?

— Это Ксавьер так говорит.

— Твой отец был прекрасным человеком. Он хотел тебе только лучшего.

— И тебе тоже.

— Я его должник. Даже спорить не буду.

— Каково тебе жить с тем, что ты сделал?

Звук, который послышался из динамиков, мог быть смехом... но скорее, это было самоуничижительное фырканье.

— Ты же знаешь: та часть меня, от которой сейчас что-то зависит, не слишком озадачена этой проблемой. Меня — человека из крови и плоти — казнили. Я только тень. Тень, которую упустили «стирающие головки».

— Тень с высокоразвитым чувством самоосуждения.

— Еще раз согласен.

— Лайл, мне хочется ненавидеть тебя.

— Продолжай. Одним человеком больше.

Антуанетта тяжело вздохнула.

— Но я не могу. Это все еще мой корабль. Ты до сих пор работаешь программой в нем, нравится мне это или нет. Правда, Лайл?

— Я уже был пилотом, Маленькая... прости... Антуанетта. И до того, как произошла та маленькая неприятность, немного научился водить корабли. Так что это было нетрудно — объединить себя со «Штормовой Птицей». Сомневаюсь, что настоящая субличность сможет меня заменить.

— О, об этом не волнуйся, — ехидно усмехнулась Антуанетта. — Я тебя ни на кого не променяю.

— Правда?

— Разумеется. И причиной тому — банальный расчет. Я не могу себе этого позволить, иначе просто затрахуюсь перестраивать рабочие характеристики корабля. Про интеграцию новой субличности я вообще тихо молчу. Когда-нибудь — может быть, но только не сейчас.

— По-моему, достаточно веская причина.

— Я не закончила. Вы с моим отцом заключили сделку. Значит, ты заключил сделку со всей семьей Бакс. И я не могу забыть на это, даже если бы хотела. Так не положено.

— Кажется, сейчас речь уже не идет о деловых отношениях, Антуанетта.

— Очень может быть. Зато появилось кое-что другое. Ты слушаешь?

— Конечно.

— Мы собираемся принять участие в сражении. Ты поможешь мне. А это значит, что ты заставишь эту посудину снова взлететь и будешь, мать твою, делать все, что я тебе прикажу. Понятно? Я имею в виду вообще все. Даже если для меня это будет опасно.

— Антуанетта... Я обещал твоему отцу заботиться о твоей безопасности. Это часть сделки.

Она пожала плечами.

— Ты обещал ему, а не мне. Сейчас я сама подвергаю себя опасности, может быть, даже смертельной. Я сама. Ясно?

— Да... Антуанетта.

Девушка встала из кресла.

— Еще кое-что, напоследок.

— Да?

— Никаких «Маленьких Мисс».

Хоури спустилась в приемный отсек. Это было необходимо — показаться беженцам и сделать все возможное, чтобы они не подумали, что про них забыли. И в этот момент корабль накренился.

Толчок был резким и жестким. Не удержавшись на ногах, она отлетела в сторону и чувствительно приложилась о переборку. Хоури выругалась. Тысяча вероятностей разом промелькнула в сознании, но все мысли улетучились при звуках нарастающего шума — криков паники, которая охватила две тысячи пассажиров. Из общего рева вырывались отдельные выкрики и вопли. Корабль больше не двигался. Однако одного толчка оказалось достаточно. Только что судно казалось чем-то надежным и незыблемым, и сейчас от этой иллюзии не осталось и следа.

Прежде всего — положить конец панике.

Хоури шагала по лабиринту коридорчиков, среди переборок, разделяющих помещение на миниатюрные каморки. Все, что она могла сделать — это успокоить людей, которые подбегали к ней, пытаясь выяснить, что произошло. Ситуацию надо было обратить если не на пользу, то хотя бы не во вред.

Было оговорено заранее, что в случае экстренной ситуации ее личные представители немедленно собираются вместе. Сейчас все двенадцать уже дожидались Хоури. Все выглядели почти такими же напуганными и растерянными, как и люди, которых они опекали.

— Вуалюмье... — представители обратились к ней почти в один голос.

— Черт подери, что происходит? — спросил один. — Несколько человек получили ушибы и переломы. Люди напуганы. Почему нас никто не предупредил?

— Пришлось уйти от столкновения, — ответила Хоури. — Прямо на нас шел обломок астероида. Выстрелить мы бы не успели, пришлось маневрировать.

Это звучало крайне неубедительно, но, по крайней мере, напоминало рациональное объяснение.

— Мы просто не успели предупредить, — добавила она, словно вдогонку собственным мыслям. — На самом деле, это хорошо: корабль сам сманеврировал — значит, системы безопасности исправны.

— Вы никогда не говорили, что они могут не работать, — заметил мужчина.

— Возможно. Но теперь в этом можно не сомневаться, верно?

Хоури велела объявить, что беспокоиться из-за толчка не стоит, и проследить, чтобы пострадавшие получили необходимую помощь.

К счастью, обошлось без жертв. Трещины и переломы оказались не настолько серьезными, чтобы пострадавших пришлось перевозить в медицинский отсек. Прошел час, затем два, напряжение начало спадать. Большинство беженцев явно приняла ее объяснение.

Великолепно, подумала Хоури. Теперь все, что мне требуется — убедить в том же самом себя.

Она не успела. Прошел еще час, и корабль снова пришел в движение.

На этот раз все толчок был мягче. Хоури качнулась, поспешно схватилась за ближайшую опору и выругалась — скорее от злости, чем от неожиданности. Интересно, что теперь говорить пассажирам. Прежнее объяснение, пожалуй, уже не подходило. Ладно, пусть заместители сами разберутся. Немного времени — и они, возможно, придумают нечто более

правдоподобное, на что у нее просто не хватит фантазии.

Теперь Хоури возвращалась в палату Вольевой. Ощущения неправильности было неотвязным и начинало доставать. Что еще хуже, Хоури не сразу понимала, чем это вызвано. Возможно, корабль слегка повернулся вокруг своей оси, так что пол оказался не совсем горизонталью, и потоки жидкости стали собираться у одной из стен коридора. Капли падали под заметным углом. К тому времени, как она добралась до медицинского отсека, игнорировать изменения стало невозможно. Приходилось прилагать усилия, чтобы сохранять вертикальное положение. Хоури пришла к выводу, что легче и безопаснее всего — держаться поближе к одной из стен.

— Илия?

К счастью, Вольева бодрствовала, поглощенная картиной сражения, которое разворачивалось в призрачной сфере. Бета-копия присутствовала тут же. Пальцы слуги были соединены кончиками на уровне предполагаемого носа, образовав задумчивую пирамидку, словно робот размышлял над какой-то абстрактной проблемой. Возможно, так оно и было.

— Что такое, Ана? — прозвучал скрипучий голос Вольевой.

— Что-то с кораблем.

— Ага, я тоже чувствую. И Клавейн.

Хоури надела очки и посмотрела на них: больная женщина и седой мужчина, который терпеливо стоит у кровати. Они выглядели так, словно знали друг друга всю свою жизнь.

— По-моему, мы двигаемся, — сказала Хоури.

— Больше чем двигаемся, я бы сказал, — произнесла бета-копия. — Набираем скорость, не так ли? Местная вертикаль смещается.

Клавейн был прав. Когда корабль зависал на орбите, псевдогравитацию поддерживало вращение внутренних секций, и ее ось была перпендикулярна продольной оси судна. Но когда «Ностальгия по Бесконечности» приходила в движение, ускорение становилось дополнительным источником тяготения. На этот раз его вектор был направлен вдоль оси корабля, два вектора складывались, и равнодействующая образовывала некий промежуточный угол.

— Одна десятая «g», — добавил Клавейн, — или около того. Достаточно, чтобы местная вертикаль отклонилась на пять-шесть градусов.

— Никто не просил корабль двигаться, — сказала Ана.

— Думаю, он сам решил полетать, — усмехнулась Вольева. — Из-за этого мы и были толчки. Капитан немного засиделся на месте и

подзаржавел. Верно, Капитан?

Но Капитан не ответил.

— И какого черта? — спросила Хоури.

— Думаю, из-за этого, — сказала Вольева, указывая на разбухшую сферу.

На первый взгляд, там ничего не изменилось. Оставшиеся орудия из Тайника по-прежнему были хорошо видны, как и устройство Подавляющих. Однако Хоури заметила значок, которого в прошлый раз не было. Он стремительно ворвался в зону сражения под острым углом к эклиптике, словно пришел из межзвездного пространства. За ним выстроился пучок мигающих цифр и символов.

— Корабль Клавейна? — спросила Хоури. — Но это невозможно. Мы ожидали его через две-три недели...

— Значит, ошиблись, — сказала Вольева. — Верно, Клавейн?

— Теряюсь в догадках.

— Фиолетовое смещение падало слишком быстро, — продолжала Илия. — Но я решила, что сенсоры врут. Ни один корабль, способный на межзвездные перелеты, не может так быстро сбрасывать скорость. Однако...

— Он смог, — закончила за нее фразу Ана.

— Ага. Вместо того чтобы явиться сюда через месяц... Ему хватило двух-трех дней, а то и меньше. Блестяще, Клавейн, мои поздравления. Как ты ухитрился, могу я спросить?

Бета-уровень покачал головой.

— Не знаю. Этот фрагмент стерли из моей личности, прежде чем отправить сюда. Но я попробую рассуждать, так же как и ты, Илия. Может, корабль моего оригинала оснащен более мощным двигателем, чем любой из двигателей Объединившихся. Или у него есть нечто подозрительно похожее к устройству, которое позволяет контролировать инерцию. Выбирайте. В любом случае, это не самые хорошие новости, верно?

— Хочешь сказать, что Капитан видел его корабль? — спросила Хоури.

— Можешь не сомневаться, — ответила Вольева. — Все, что вижу я, видит и он.

— Так зачем мы двигаемся? Разве Джон не хочет умереть?

— Не так, как могло показаться, — сказал робот. — И не сейчас. Судя по траектории, мы направляемся в пространство Ресургема, верно?

— Мы будем там примерно через двенадцать дней, — подтвердила Илия. — Свинство... слишком много, чтобы от этого была хоть какая-то

польза. Конечно, это зависит от ускорения. Если Капитан так и будет держать одну десятую «g»... в чем нет необходимости, в конце концов... При одном «g» «Ностальгия» могла бы обогнать Клавейна дня на два.

— И чего в этом проку? — спросила Хоури. — Там мы точно так же уязвимы, как и здесь. В конце концов, он нас догонит. Куда бы мы ни двигались.

— Я бы не сказала, что мы беззащитны, — сказала Вольева. — У нас остались тринадцать орудий, и мы можем использовать их. Я не понимаю, за каким чертом Капитану понадобился Ресурге́м, зато другое очевидно: процесс эвакуации намного упрощается. Или я не права?

— Думаешь, Капитан, наконец-то решил нам помочь?

— Не знаю, Хоури. Я признаю это, как определенную теоретическую вероятность, вот и все. В любом случае, Овода лучше оповестить.

— Что ему сказать?

— Чтобы пошевеливался. Горлышко бутылки может стать чуть пошире.

Глава 34

Внутри цилиндрического экрана, установленного на мостике «Зодиакального Света», появился мерцающий силуэт. Клавейн, Ремонтуа, Скорпио, Кровавый, Круз и Фелка сидели полукругом перед проектором, наблюдая, как жемчужное пятно приобретает очертания человеческого тела.

— Ну, — сказала бета-копия Клавейна. — Вот я и дома.

Глядя на собственное отражение, перевернутое слева направо, Клавейн испытывал неприятное чувство. Неправдоподобное спокойствие скрадывало все естественные асимметрии его. Клавейн не любил симуляции, особенно собственные. Он терпеть не мог, когда ему передразнивают — и тем более передразнивают точно. А может быть, ему просто льстила та легкость, с которой его сущность воплощалась в ансамбле бессознательных алгоритмов?

— А тебя порезали, — сказал Клавейн своей копии.

— Извини?

Ремонтуа склонился к экрану и заговорил:

— Вольева стерла часть тебя, причем не маленькую. Это грубая работа, она бросается в глаза, но сказать, что именно произошло, мы пока не можем. Очень вероятно, Вольева просто уничтожила некоторые блоки памяти. Пока остаются какие-то сомнения, нам придется обращаться с тобой, как с потенциальным носителем вируса. Это значит, что ты будешь на карантине, пока не завершится обследование. Твои воспоминания не соединят с воспоминаниями Клавейна, так как риск заражения слишком велик. Тебя заморозят, превратят в неизменную структуру воспоминаний и заархивируют. Можно сказать, ты умрешь.

Бета-копия смиренно пожала плечами.

— Надеюсь, до этого я еще немного послужу, верно?

— Ты что-нибудь выяснил? — спросил Скорпио.

— Думаю, да, и немало. Правда, я не могу точно сказать, какие из моих воспоминаний настоящие, а какие внедренные.

— Разберемся, — сказал Клавейн. — Просто расскажи нам, что ты выяснил. Капитан корабля — действительно Вольева?

Бета живо кивнула.

— Да, именно она.

— Она знает про орудия? — спросил Кровавый.

— Да.

Клавейн огляделся, затем снова обратился к «цистерне».

— Пока все верно. Она согласна отдать их добровольно?

— Не думаю, что на это стоит рассчитывать. На самом деле, по моим предположениям, Илия может создать для нашей миссии некоторые затруднения.

— Она знает, что это за орудия? — задала вопрос Фелка.

— По-моему, почти ничего. У нее есть какие-то туманные подозрения, но похоже, это ее не слишком интересует. Зато она кое-что знает о Волках.

Фелка нахмурилась.

— А точнее?

— Не знаю. Мы не беседовали по этому поводу. Нам лучше просто принять тот факт, что Вольева уже имела с ними дело... и выжила, что вряд ли надо доказывать. По крайней мере, это заслуживает уважения, как я полагаю. Между прочим, она называет их Подавляющими. Я не уточнял, почему.

— Я знаю, почему, — спокойно произнесла Фелка.

— Вольевой не обязательно сталкиваться с ними напрямую, — проговорил Ремонтуа. — В этой системе давно наблюдается активность Волков. Вполне возможно, что она понаблюдала за ними и пришла к определенным логическим выводам.

— Мне кажется, ее опыт немного глубже, — заметила бета-копия, но не стал развивать мысль.

— Я с ним согласна, — сказала Фелка.

Все, кто находился на мостике, обернулись к ней.

— Ты дал ей понять, что мы настроены серьезно? — спросил Клавейн, снова привлекая внимание к проектору. — Объяснил, что ей лучше иметь дело с нами, чем с остальными Объединившимися?

— Думаю, она поняла.

— И что?

— Ее ответ можно свести к двум словам. «Спасибо, справлюсь».

— Эта Вольева — упертая кретинка, — произнес Ремонтуа. — А жаль. Было бы намного лучше придти к взаимопониманию, не прибегая к демонстрации силы.

— Есть еще одно обстоятельство, — сказала бета-копия. — Они проводят эвакуацию населения Ресургема. Вы уже видели, что машины Волков делают со звездой. Они долбят ее чем-то наподобие гравитационного лазера. Скоро воронка достигнет сердцевины звезды, эпицентра ядерного синтеза, и произойдет мощный выплеск энергии. Это

все равно, что сверлить отверстие в основании плотины, чтобы обеспечить максимальный напор воды. Только в данном случае речь не о воде, а о расплавленном водороде с температурой и давлением ядра звезды. По моим предположениям, они превратят Дельту Павлина в нечто наподобие огнемета. Как только «сверло» достигнет ядра, энергия, заключенная там, вырвется наружу, и звезда умрет... Или, по крайней мере, станет более тусклой и холодной. Но это не главное. Волки получают оружие, способное сжечь любую планету в радиусе нескольких световых часов, просто направив туда струю плазмы. Думаю, оно сможет и сорвать атмосферу с газового гиганта, и превратить каменистую планету в оплавленный шар. Людям не обязательно знать, что произойдет с Ресургемом. Поверьте... они хотят убраться оттуда, чем быстрее, тем лучше, и совершенно правы. Сейчас на борту корабля уже находятся беженцы, перевезенные с планеты. По меньшей мере, несколько тысяч, .

— И у тебя есть свидетельства этого, да? — поинтересовался Скорпио.

— Нет ничего, что я мог бы доказать.

— Тогда мы предположим, что их не существует. Это, очевидно, попытка убедить нас не атаковать.

Овод стоял на поверхности Ресургема. Полы его пальто трепал ледяной ветер, проникающий везде и царапающий холодом каждый дюйм кожи. Конечно, не «бритвенная буря», но достаточно неприятно, чтобы отбить желание прогуляться. Овод поправил тонкие пылезащитные очки и посмотрел на крошечную звездочку, которая двигалась в небе. Шаттл-перевозчик.

Опускались сумерки. Впереди небо окрасилось в насыщенные бархатно-фиолетовые тона, переходящие на южном горизонте в черный. Сквозь очки можно было видеть только самые яркие звезды, но время от времени даже они становились тусклыми, когда их затмевала очередная вспышка орудийного залпа. На севере, растянувшись почти на полгоризонта, на невидимом ветру трепетал нежно-розовый сияющий занавес. Прекрасное зрелище... Световая феерия, которая на самом деле является светопреставлением. Занавес был образован ионизированными частицами, вырванными из оболочки звезды орудием Подавляющих. Оно рыло в плазме туннель, который уже наполовину достиг эпицентра ядерного синтеза. Вокруг стен того туннеля, которым не давала сомкнуться стоячая гравитационная волна [\[61\]](#), менялись сами внутренние структуры звезды. Нормальные теплообменные процессы пытались приспособиться к атаке орудия. По мере сдвига плотности верхних слоев ядро уже начало

менять свою форму. Песня нейтринно, вырывающихся из сердца звезды, сменила тональность, предвещая прорыва ядерных масс. Пока люди не имели четкого представления о том, что произойдет, когда оружие Подавляющих закончит свою работу. Пожалуй, не стоит задерживаться, чтобы ответить на этот вопрос.

Он ждал, пока очередная группа поднимется в шаттл, чтобы совершить перелет — последний на этот день. Внизу на площадке красовалось суденышко — элегантное, окруженное толпой людей, которые ожидали эвакуации. Время от времени кто-то пытался пролезть без очереди, и ту же закипала драка. Толпа всегда вызывала у Овода отвращение, хотя к каждому человеку в отдельности он испытывал уважение и симпатию. За все эти годы Овод встречал слишком мало людей, которым можно было доверять. Впрочем, это в порядке вещей. Большая масса народа всегда становится толпой. Эту толпу он создал сам. Но кто сказал, что ты должен любить то, что сам создал?

Хватит. Сейчас не время презирать людей, которых он спасает — презирать лишь за то, что они позволили своим страхам выйти наружу. Овод не был уверен в том, что если бы сам оказался на их месте, то вел бы себя более достойно. Ему бы тоже захотелось увезти свою семью с планеты. И если ради этого кто-то другой должен остаться и погибнуть, то это его личные проблемы.

Но он не был одним из толпы. Он был одним из тех, кто нашел возможность вывезти людей с обреченной планеты. И сделал это возможным.

Овод полагал, что это кое-чего стоит.

Так что... Выше голову.

Скользкий в высоте перевозчик пересек зенит и ушел в тень. Значит, все еще здесь... почему-то при этой мысли Овод почувствовал облегчение, короткое, как вспышка. Траектория шаттла была жестко ограниченной. Любое отклонение повлекло бы за собой атаку системы обороны класса «земля — космос». Хоури и Вольева прибрали к рукам половину правительственных департаментов, но некоторые были неподвластны их прямому влиянию. Например, Служба Гражданской Безопасности. Именно она сейчас представляет наибольшую опасность, так как ей поручено не допустить повторения инцидента, спровоцированного Триумвиром. Именно в ее распоряжении находились ракеты быстрого реагирования класса «земля — космос», оборудованные самонаводящимися боеголовками. Они были спроектированы для уничтожения заходящих на орбиту кораблей, прежде чем те могли создать угрозу для колонии. Мелкие

челноки Ультра ухитрялись быстрым маневром проскакать под сеть радара, но эвакуационный шаттл был для этого слишком велик. Оставалось только использовать некоторые закулисные рычаги. Результатом стало соглашение: Служба закрывает глаза на полеты перевозчика и прочих трансатмосферных шаттлов, пока они не нарушают границ летного коридора. Овод знал это. Навигационные системы на борту шаттла тоже это знали. И все равно он чувствовал иррациональное облегчение, когда видел шаттл.

Зазвонил мобильный телефон. Овод выудил из кармана пальто громоздкий аппарат и потыкал кнопки неуклюжими пальцами в толстых перчатках.

— Овод?

Он узнал голос одного из операторов Дома Инквизиции.

— Записанное сообщение с «Ностальгии по Бесконечности», сэр. Воспроизвести его сейчас или вы перезвоните с орбиты?

— Сейчас, пожалуйста.

Овод подождал, слушая слабое щебетание электромагнитных переключателей, а затем шипение аналоговой пленки. Он неплохо представлял себе секретную телефонную машинерию Дома Инквизиции, которая теперь работала на него.

— Это Вуалюмье. Слушай внимательно. Наши планы слегка изменились. Это длинная история... В общем, мы летим к Ресургему. Новые координаты я передам прямо на перевозчик, так что не беспокойся. Но теперь перелет будет занимать куда меньше, чем тридцать часов. Может быть, мы даже подойдем так близко, что перевозчик вообще не понадобится. Мы просто будем возить людей на шаттлах и высаживать борту «Ностальгии». Это значит, что все сведется к челночным полетам на орбиту. Нам понадобится только пятьсот рейсов, чтобы вывезти всех! Овод... кажется, у нас неплохие шансы. Ты подготовишь все со своей стороны?

Овод посмотрел на бурлящую толпу. Скорее всего, Хоури ожидает ответа.

— Оператор? Примите сообщение, запишите и передайте, хорошо? — он выдержал паузу и заговорил: — На связи Овод. Сообщение принято. Я сделаю все, что смогу, чтобы ускорить эвакуацию, как только пойму, что это имеет смысл. Но... можно одно маленькое «но»? Если вы сократите время перелета — отлично. Я от всей души за. Но вы не можете вывести звездолет на орбиту Ресургема, даже на удаленную. Даже если я сумею сорвать половину населения планеты с насиженных мест, останется

Служба Гражданской Безопасности, которая может создать нам большие проблемы. Я хочу сказать, по-настоящему большие проблемы. Поговорим позже, Ана. Боюсь, что у меня много работы.

Овод попросил оператора уведомить о получении и ожидать ответа. Потом снова засунул в карман телефон, увесистый, как полицейская дубинка. И начал спускаться по склону, к толпе, время от времени проскальзывая и поднимая клубы пыли.

— Мы снаружи, Антуанетта.

— Отлично, — ответила она. — Думаю, теперь можно вздохнуть спокойно.

Из иллюминаторов мостика «Зодиакальный свет» казался невообразимо огромным — длинный скальный риф, темный, повсюду усеянный странными выходами пород и каменистыми выступами, изрезанный узкими проходами. Ангар, который только что покинула «Штормовая Птица», напоминал золотистое прямоугольное окошко, прорезанное в ближайшем склоне. Оскаленные челюсти ворот скользили навстречу друг другу, но проем был все еще достаточно велик. Антуанетта переводила взгляд с иллюминаторов на тактические дисплеи и экраны радаров. Бронированные челюсти плавно смыкались, а в зазор врывались стаи маленьких скелетообразных штурмовиков, немногим превосходящих трициклы. Они стремительно ныряли внутрь — скорость обеспечивали высокотемпературные реактивные двигатели, термоядерные, с запалом антивещества. Глядя на них, Антуанетта подумала о рыбках-паразитах, которые чистят рот какому-то подводному монстру. По сравнению с ними «Штормовая Птица» казалась довольно крупной рыбиной.

Это был самый сложный маневр из всех, что Антуанетта когда-либо осуществляла. Клавейн внезапно отдал приказ: держать ускорение три «g», пока «Зодиакальный Свет» не окажется на расстоянии десяти светосекунд от «Ностальгии по Бесконечности». На тех же трех «g» вылетали все штурмовики в текущей волне. Вывод космического аппарата из ангара летящего звездолета — вообще непростое дело, особенно если учесть, что на борту находился полный запас вооружения и топлива. Но при таком ускорении? Это был настоящий экзамен на мастерство. Даже если бы Клавейн сбросил ускорение до пол-«g» — именно так пилоты прибывают и отходят от обода Карусели Нью-Копенгагена — Антуанетта сочла бы это напряженной работой. Но три «g»? Это просто издевательство.

Но она справилась. Теперь «Штормовую Птицу» окружали сотни метров пустого пространства. И никого вокруг.

— Корабль? По моей команде запускай токамак. Пять... четыре... три... два... и... поехал.

Антуанетта напряглась. Многолетний опыт подсказывал, что сейчас последует легкий толчок под сиденье, и ждала этого момента с замиранием сердца. Именно так происходил переход с ядерных реактивных двигателей на термоядерные.

Но толчка не последовало.

— Реакция синтеза поддерживается и стабильна. На борту можно осуществлять передвижения. Три «g», Антуанетта.

Она покачала головой.

— Ох, мать твою... кажется, все прошло гладко.

— Ты можешь поблагодарить Ксавьера, и, возможно, Клавейна. Они обнаружили сбой в одной из самых старых подпрограмм управления двигателями. Она вызывала небольшую нестыковку при смене топливного режима.

Девушка уменьшила изображение «Зодиакального света». Теперь звездолет был виден во всю длину. Из пяти ангаров на корпусе судна тянулись непрерывные потоки самодельных штурмовиков. Большинство были так малы, что казались игрушечными, но это были настоящие маленькие шаттлы. Некоторые из них были просто «макетами», которые несли лишь запас топлива, позволяющий оказаться в пределах светосекунд от «Ностальгии по Бесконечности». Но даже зная об этом, невозможно было отрицать: зрелище впечатляло. Казалось, огромный корабль истекает плотными потоками светящейся крови.

— И ты никогда не пытался с этим что-то сделать?

— Я всегда пытался делать все как можно лучше.

— Не сомневалась, Кораблик.

— Извини за то, что произошло, Антуанетта...

— Это уже в прошлом.

Она не могла больше называть его Тварем. И Лайлом Мерриком, естественно, тоже. Он все-таки оставался субличностью корабля.

«Корабль» — он и есть корабль.

Антуанетта еще уменьшила изображение. В поле зрения сенсоров попали многочисленные штурмовики, возле каждого светилась колонка цифровых кодов и короткая стрелка вектора — тип, дальность полета, численность экипажа и вооружение. Теперь масштаб атаки стал более очевиден. В ней участвовало около сотни летательных аппаратов. Примерно шестьдесят из них были «фальшивками». Остальные тридцать предназначались для транспортировки штурмового эскадрона — обычно на

борту находился один тяжело вооруженный гиперсвин, — плюс пара тандемных «трайков», на которых разместили тактических специалистов. Все эти шаттлы несли различное вооружение — от одноразовых гразеров до гигаватных бозеров Брейтенбаха. Бойцы были одеты в сервоброню, большинство получили огнестрельное оружие, а остальные, оказавшись на борту вражеского звездолета, могли снять мелкие орудия со своих летательных аппаратов.

Шествие сопровождали еще примерно тридцать судов среднего размера — двух— или трехместные шаттлы гражданского образца, с закрытыми корпусами, позже переделанные для выполнения боевых задач. Это были собственные шаттлы «Зодиакального Света», которые находились на борту, когда звездолет угнали, и рейдеры из флота Хи. Помимо вооружения того же типа, что на «трайках», они несли более тяжелую артиллерию — ракетные установки и устройства для жесткой стыковки. И наконец — девять корветов, шаттлов среднего класса, способных вместить дюжину бойцов в полной экипировке членов экипажа. Длина корпуса позволяла установить самые мелкие электромагнитные пушки. Три корвета оснастили установками для управления инерцией, что позволяло этим шаттлам развивать ускорение от четырех до восьми «g». Неуклюжие, асимметричные, они не предназначались для полетов в атмосфере, но в будущем сражении это не помешает.

«Штормовая Птица» была намного крупнее любого из кораблей, которые находились на борту «Зодиакального света. В ее ангарах могли поместиться три трех шаттла и дюжина трициклов вместе с экипажами. Создать для корабля Антуанетты установку для управления инерцией не удалось — оборудование на борту „Зодиакального Света“ не позволяло воссоздать технологию, но вооружение и броня с лихвой компенсировали это. Теперь никто не назовет ее судно грузовозом, подумала Антуанетта. Теперь это боевой звездолет, и ей пора к этому привыкать.

— Маленькая... я имею в виду, Антуанетта...

Она заскрежетала зубами

— Ну?

— Я просто хотел сказать... сейчас... пока не стало слишком поздно...

Антуанетта нажала на кнопку, отключив динамики, затем поднялась с кресла и втиснулась в экзоскелет.

— После, Кораблик. Пора устроить смотр войскам.

Один, сжимая за спиной руки, стараясь не чувствовать жестких объятий экзоскелета, Клавейн стоял в смотровом куполе и следил за

вылетом своей штурмовой эскадры.

Шершни, трициклы — пустые и с экипажем на борту, шаттлы...

Корабли покидали ангары «Зодиакального Света», кружили и поворачивали, собираясь в эскадрильи. Хитроумно тонированное стекло купола защищало глаз от слепящих вспышек, деликатно затеняя огненные пятна за дюзами и превращая их в тусклые лиловые кисточки. На некотором расстоянии, в стороне от скопления кораблей, висел серо-коричневый щербатый полумесяц, похожий на осколок шарика для пинг-понга — Ресургом. Имплантанты Клавейна уже засекли местоположение корабля Вольевой. Другие члены экипажа еще не видели «Ностальгию по Бесконечности» — судно находилось слишком далеко, чтобы увидеть его невооруженным глазом. Единственная нейрокоманда — и «Ностальгия по Бесконечности» словно выплыла из темноты. Корабль Триумвира находился на расстоянии световых секунд отсюда. Однако четырехкилометровый корпус «Ностальгии» образовывал угол около трети угловой секунды, что позволяло наблюдать судно даже в самый мелкий оптический телескоп «Зодиакального Света». Впрочем, с тем же успехом Триумвир может разглядеть его собственное судно. И, если будет внимательна, не пропустит вылета эскадры.

Теперь он знал, что причудливые наросты, появление которых он приписывал сбою программы, существуют на самом деле. Похоже, с кораблем Вольевой нечто из ряда вон выходящее. Что-то превратило звездолет в грубую омерзительную карикатуру на самого себя. Что это было? Неужели Комбинированная Эпидемия? Клавейн мог только предполагать. Один-единственный раз он видел подобного рода трансформации. Это была фантазмагорическая архитектура Города Бездны. Клавейну доводилось слышать о том, как Эпидемия заражала корабли. Ее споры проникали в судовые механизмы, которые позволяли звездолетам восстанавливать и обновлять себя. Но корабль, искаженный до такой степени, как тот, что висел сейчас за стеклом купола, должен был просто выйти из строя. При виде этого чудовища Клавейна бросало в дрожь. Оставалось только надеяться, что трансформация не затронула ни одного живого существа.

Зона сражения должна охватить все пространство протяженностью в десять светосекунд, которое разделяет «Зодиакальный Свет» и «Ностальгию», хотя его центральную точку будут определять действия Вольевой. Есть где развернуться, подумал Клавейн. Как раз в таком объеме тактику начинает определять такой фактор, как время пересечения пространства.

При трех «g» сферу можно пересечь в течение четырех часов, а самым быстрым кораблям его флота хватит чуть более двух часов. Гиперскоростному снаряду потребуется еще меньше — сорок минут. Клавейн уже просматривал свои воспоминания о предыдущих кампаниях, отыскивая тактические параллели.

Битва за Англию. ^[62] Полузабытое воздушное столкновение во время одной из межнациональных войн древности, когда сражение вели дозвуковые летательные аппараты, оснащенные поршневыми двигателями. Соотношение объема пространства и скорости пересечения было почти таким же, как в этот раз, хотя элемент трехмерности играл куда меньшую роль. Мировые войны двадцать первого века были в этом отношении еще менее показательны. Тогда суборбитальные радиоуправляемые устройства могли в пределах сорока минут достичь любой точки планеты и уничтожить любой объект. Но войны, которые начались в Солнечной системе полстолетия спустя, предлагали больше полезных параллелей. Клавейн вспомнил кризис, которым завершился раскол между Землей и Луной, и битву за Меркурий, отмечая причины побед и поражений. Затем вспомнил Марс конца двадцать второго века, бои с Объединившимися. Зоны этих сражений охватывали пространство, простиравшееся далеко за орбиты Фобоса и Деймоса, так что фактически затраченное время пересечения даже для самых быстрых одноместных боевых файтеров составляло три-четыре часа. Уже тогда встала проблема измерения временных промежутков между взаимосвязанными событиями. Для нарушения коммуникации в зоне прямой видимости противники заполняли пространство огромными облаками посеребренной «соломы».

Потом были другие кампании, другие войны, которые уже не стоило подгружать в собственное сознание. Оно уже сохраняло молчаливые уроки этих боев. Клавейн знал, какие ошибки совершили другие, но и помнил каждую ошибку, которую допустил на протяжении своей долгой военной карьеры. Наверно, это были не самые страшные ошибки. Иначе он не стоял бы здесь, на мостике «Зодиакального света». Но все уроки имели цену.

В стекле купола возникло еще одно отражение.

— Клавейн?

Он обернулся, и экзоскелет встревоженно зажужжал.

— Фелка...

Признаться, он не ожидал ее здесь увидеть.

— Я пришла посмотреть, как это произойдет.

Экзоскелет придавал ее движениям неестественность. Казалось, Фелка марширует, ведомая под руки невидимой охраной. Потом они стояли рядом

и наблюдали, как остатки штурмового эскадрона падают в космос.

— Если бы ты не знала, что это война... — начал он.

— ...это было бы почти красиво, — отозвалась Фелка. — Да. Я согласна.

— Я поступил правильно, так?

— Почему ты меня спрашиваешь?

— Ты — самое близкое мне существо, которому я могу вручить свою совесть. Я продолжаю спрашивать себя, что бы сделала Галиана, если бы сейчас...

Фелка не дала ему договорить.

— Она бы беспокоилась, так же, как ты. Есть люди, которые не беспокоятся... и никогда не сомневаются, что всегда делают все хорошо и правильно... От них все беды. От таких, как Скейд.

Клавейн вспомнил вспышку, которая уничтожила «Ночную тень».

— Я сожалею о том, что произошло.

— Но ведь я сказала, что это нужно, Клавейн. Я знаю, что Галиана этого хотела.

— Чтобы я убил ее?

— Она умерла много лет назад. У нее не было... конца. Все, что ты сделал — это закрыл книгу.

— И лишил ее последнего шанса вернуться в жизнь.

Фелка взяла его за руку, покрытую старческими пятнами.

— Она бы сделала с тобой то же самое. Я знаю.

— Возможно. Но ты все еще не сказала, согласна ли с этим.

— Если мы вернем орудия, то это послужит нашим краткосрочным интересам. С этим я согласна. Больше я ни в чем не уверена.

Клавейн пристально посмотрел на нее.

— Нам нужны эти орудия, Фелка.

— Знаю. А вдруг ей... Триумвиру... они тоже нужны? Твой «представитель» сказал, что она пытается вывезти людей с Ресургема.

— Это не... — он понял, что с трудом находит слова, — не то, что беспокоит меня в первую очередь. Если Вольева проводит эвакуацию — а я не вижу никаких тому подтверждений, — у нее появляется еще одна причина отдать мне то, что я хочу. Чтобы мне не приходилось вмешиваться.

— А тебе не приходило в голову — хотя бы на миг, — предложить им помощь?

— Мы здесь для того, чтобы получить орудия. Все остальное неважно. Включая и благие намерения.

— Так я и думала, — сказала Фелка.

Пожалуй, лучше вообще было не начинать этот разговор.

В молчании они смотрели, как фиолетовые огни атакующих кораблей двигаются к Ресургему, к звездолету Триумвира.

Составив ответ на последнее послание Овода, Хоури пришла к весьма тревожному заключению. Ходить становилось тяжелее. Похоже, предсказания Вольевой сбывались. Капитан не остановился на одной десятой «g» и продолжал наращивать скорость. По оценке Хоури, с которой согласилась бета-копия Клавейна, ускорение с тех пор удвоилось и, вероятно, продолжало расти. Угол наклона бывших горизонтальных поверхностей составил двадцать угрожающих градусов — достаточно для того, чтобы скользкий пол превратился в почти непреодолимое препятствие. Но это была не самая серьезная проблема, которая ее не это волновало ее.

— Илия, послушай меня. У нас все весьма хреново.

Вольева оторвала взгляд от своей любимой сферы. Внутри тыквообразного облака по-прежнему плавали разноцветные значки, похожие на ярких замороженных рыбок. С тех пор, как Хоури последний раз посещала Илию, вид изменился — в этом можно было не сомневаться.

— Что у нас, ребенок?

— Отсек, где у нас находятся беженцы.

— Продолжай.

— Оно не предназначено для того, чтобы во время полета в нем находились люди. Мы планировали, что они будут там только до тех пор, пока «висим». В этом отсеке центробежная гравитация — со всеми вытекающими. Ты понимаешь, что сейчас происходит? Капитан увеличил скорость, появился новый вектор тяготения... Пока только пол-«g», но голову даю на отсечение — только пока. Даже если мы отключим вращение, это ничего не изменит. Стены становятся полом.

— Мы на космическом корабле, Хоури. Это нормальный переход в режим полета.

— Ты не понимаешь, Илия. Две тысячи человек торчат в помещении, в котором не могут находиться физически. Они на взводе. Пол наклонился слишком сильно, они чувствуют себя, словно на тонущем корабле, и никто не говорит им, что происходит... — Хоури сделала паузу, переводя дух. — Илия, дело вот в чем. Ты оказалась права насчет горлышка бутылки. Я попросила Овода ускорить процесс на Ресургеме. Это значит, что к нам действительно очень скоро придут тысячи людей. Мы всегда знали, что надо освободить помещения, где можно будет разместить беженцев. Теперь

нам придется сделать это немного быстрее.

— Но тогда получается... — казалось, Вольева не в состоянии закончить мысль.

— Да, Илия. Народу предстоит прогулка по кораблю. Нравится нам это или нет.

— Только прогулка может закончиться очень скверно. По-настоящему скверно.

Ана посмотрела на свою старую наставницу:

— Знаешь, Илия, что в тебе мне нравится? Твой гребаный оптимизм, который лезет из всех щелей.

— Заткнись и посмотри на дисплей. Нас атакуют... и очень скоро.

— Клавейн?

Вольева едва заметно кивнула.

— «Зодиакальный Свет» отправил к нам эскадру штурмовых космолетов, в общей сложности около сотни. Большинство чешут сюда на трех «g». Мы можем из кожи вон вылезти, но максимум через четыре часа они нас догонят.

— Клавейн не должен получить орудия.

Триумвир, которую Хоури еще не видела такой старой и хрупкой, едва заметно качнула головой.

— И не получит. Без боя не получит.

Они обменялись ультиматумами. Клавейн предоставил Илии Вольевой последний шанс передать орудия — тогда он отзывал свой флот. Триумвир предупредила Клавейна: если он не отзовет свой флот немедленно, она повернет против него оставшиеся тринадцать орудий.

Клавейн ответил.

— Извини. Неприемлемо. Мне очень нужны эти орудия.

Он очень удивился, когда ответ на это послание пришел спустя три секунды. Он повторял его слово в слово. У Илии уже не оставалось времени, чтобы прочесть его сообщение.

Глава 35

Вольева наблюдала, как пять из оставшихся тринадцати орудий, покинув «Ностальгию по Бесконечности», занимают атакующие позиции. Над койкой появились еще пять разноцветных значков — точно игрушки, которые подвешивают над кроватками младенцев. Триумвир потянулась и передвинула одну из призрачных иконок, выправляя положение орудия относительно своего корабля и стараясь прятать их за корпусом. Фигурки двигались с какой-то неспешной настойчивостью; это было отражение перемещения орудий в реальном времени.

— Ты собираешься сразу же пустить их в ход? — осведомилась Хоури.

Вольева бросила на нее мимолетный взгляд.

— Нет. Пока еще нет. Пока он меня не вынудит. Я не хочу, чтобы Подавляющие знали о том, что у меня что-то осталось.

— В конце концов тебе все равно придется.

— Если только до Клавейна не дойдет, что ему не выиграть. Возможно, дойдет. Еще не поздно.

— Но мы не знаем, что есть у него, — сказала Хоури. — А если что-то такое же мощное?

— Даже если так, ничего страшного. Ему от меня кое-что нужно, понимаешь? А мне от него — ничего. И в этом мое преимущество.

— Я не...

Илиа раздраженно вздохнула. Она не видела необходимости разжевывать такие вещи.

— Он должен бить точно, как хирург. Он не может рисковать, иначе пострадают орудия, которые ему так нужны. Иными словами, если ты собралась ограбить дом, то не станешь его взрывать. А у меня руки развязаны. У Клавейна нет ничего такого, что мне нужно.

Ладно, добавила она про себя, почти ничего. Эта штука, которая помогает ему развивать такое ускорение — она вызывала у Вольевой смутный интерес. Даже если это не загадочная технология управления инерцией... Нет. Во всяком случае, без подобной штуки она вполне проживет. При таком раскладе против Клавейна можно использовать все, что есть в арсенале. Сделать так, что он просто исчезнет. Единственной потерей будет вещь, в существовании которой она вообще не уверена.

Но кое-что ее беспокоило. Определенно, у Клавейна есть какой-то туз в рукаве. Тем более, если она столкнулась с тем самым Клавейном,

Мясником Тарсиса. Он не смог бы прожить четыреста с лишним лет в постоянной опасности, не научившись замечать очевидное.

Значит, Клавейн знает нечто такое, чего не знает она?

Илиа снова протянула руку сквозь проекцию, нервно переставляя свои игрушки и прикидывая, какую из них первой пустить в ход. Пожалуй, подумала она, при всех ограничениях со стороны ситуации, будет намного интересней позволить сражению развиваться, нежели сразу уничтожить главный корабль противника.

— Есть новости от Овода? — спросила Вольева.

— Он вылетел с Ресургема, везет к нам еще две тысячи пассажиров.

— Ты сообщила ему, что у нас небольшие проблемы из-за Клавейна?

— Я сказала, что мы перемещаемся к Ресургему. Не вижу смысла давать ему лишний повод для беспокойства.

— Правильно, — удовлетворенно произнесла Илиа. — В конце концов, на Ресургеме сейчас ничуть не безопаснее, чем в космосе. Во всяком случае, в космосе у людей есть шанс на выживание. Небольшой, но...

— Ты уверена, что не воспользуешься орудиями из Тайника?

— Воспользуюсь, Хоури. Но ни секундой раньше, чем необходимо. Ты никогда не слышала выражения «увидеть белки глаз»? ^[63] Возможно, не слышала — такого сорта вещи, скорее всего, знают только солдаты.

— Я многое забыла из своей солдатской жизни. Еще больше, чем ты знала.

— Просто доверься мне. Или для тебя это слишком сложно?

Спустя двадцать две минуты сражение началось. Первый залп Клавейна был почти до обидного неадекватен. Илиа засекала пуск установок рельсовых орудий — волны электромагнитной энергии, сконцентрированные так, чтобы толкать маленький плотный снаряд со скоростью одной или двух тысяч километров в секунду. Этим снарядам потребуется час, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее орудия от «Ностальгии по Бесконечности». На предельном увеличении она могла видеть ракеты-носители — крестообразные скелеты, — а затем пульсирующую цепочку аннигиляционных взрывов, которые, пожирая само орудие, разгоняли снаряды до нужной скорости. Таких штук у Клавейна явно маловато, чтобы заполнить пространство непосредственно вокруг ее корабля. Илиа могла увернуться от удара, просто продолжая движение и немного меняя курс, чтобы не входить в ту зону пространства, где корабль должен, по расчетам противника, оказаться час спустя. Именно

туда был нацелен снаряд рельсового орудия.

Сначала именно так и происходило. Ей даже не приходилось просить о чем-то Капитана — он обладал той же тактической информацией, что и Вольева, и, казалось, был способен принимать аналогичные умозаключения. Она чувствовала слабые толчки в разной плоскости, словно ее койка стояла на плоту, который плывет по беспокойному морю — это срабатывали стационарные реактивные двигатели, усыпавшие весь корпус «Ностальгии по Бесконечности».

Но она придумала кое-что получше.

Зная положение рельсовых пушек и пусковых электромагнитных установок, определить точное направление следующего снаряда не составляло труда. Конечно, оставалась вероятность совершения ошибки, но очень малая. Это было забавно — оставаться на месте до последнего момента, и только потом уводить корабль. Илия ввела симуляцию в тактический дисплей, показывая Капитану вероятную точку столкновения с каждым следующим снарядом, и образовалась, когда тот пересмотрел стратегию. Так в самом деле получалось симпатичнее и к позволяло экономить топливо. И еще она надеялась, что урок не прошел для Клавейна даром.

Она хотела, чтобы противник пошевелил мозгами. Потому что тогда ей бы пришлось шевелить мозгами еще быстрее, чем он.

Клавейн наблюдал, как последнее из рельсовых орудий выстрелило и разрушило себя в каскаде быстрых ярких разрывов.

С того момента, как все началось, прошел час. Им удалось заставить Вольеву потерять время, отвлекая от других составляющих атаки. Большого Клавейн и не ожидал. Если бы один из снарядов попал в ее корабль, кинетической энергии столкновения оказалось бы достаточно, чтобы повредить звездолет, возможно, даже сделать в нем большую открытую трещину, но не уничтожить полностью. Оставался еще один шанс — четыре попадания подряд — но Триумвир сразу показала, что уже показала, что подобные опасности для нее проблем не создают. Клавейн испытывал смешанные чувства: что-то наподобие сожаления — и огромное облегчение от того, что переговоры окончены и конфликт перешел в бесконечно более честную стадию настоящего сражения. Скорее всего, Вольева испытывала нечто подобное.

Фелка и Ремонтау парили рядом с ним в наблюдательном куполе, отключенном от вращающейся части корабля. «Зодиакальный Свет» затормозил и дрейфовал на границе «поля битвы». Экзоскелеты были

больше не нужны, и без привычной конструкции Клавейн чувствовал себя странно незащитным.

— Расстроен, Клавейн? — спросил Ремонтуа.

— Нет. На самом деле, я так и планировал. Все могло пройти еще проще, но тогда я бы начал искать ловушку.

Ремонтуа кивнул.

— Эта Вольева явно неглупа, что бы она не сотворила со своим кораблем. Полагаю, ты так и не веришь в историю с эвакуацией?

— Сейчас появилось больше оснований верить этому, — сказала Фелка. — Правда, Клавейн? Мы видели шаттлы, которые курсируют между планетой и орбитой.

— Только и всего, — возразил Клавейн.

— А шаттл побольше — между орбитой и звездолетом, — не сдавалась она. — Какие еще доказательства тебе нужны?

Клавейн скрипнул зубами.

— Это не обязательно эвакуация, — сказал он. — Это может быть все, что угодно.

— Так оправдай ее за недостаточностью улики.

Он повернулся к Фелке. Злость была готова хлынуть через край, но он надеялся, что это пока незаметно.

— Вольева сделала свой выбор. У нее есть орудия. Только они мне и нужны.

— В дальнейшей перспективе орудия не имеют никакого значения.

Клавейн больше не мог притворяться.

— Черт побери, что ты хочешь этим сказать?

— Именно то, что сказала. То, что я знаю, Клавейн. А я знаю, что все это — все, что здесь происходит, все, что так важно для тебя и для всех нас, в дальнейшей перспективе не меняет абсолютно ничего.

— Как я понимаю, этим откровением ты обязана Волку?

— Ты знаешь, что я принесла в себе часть его с корабля Скейд.

— Знаю. Именно поэтому, Фелка, я не собираюсь принимать твои слова на веру.

Она отвернулась, сделала несколько шагов к стенке купола и исчезла в выходном люке, ведущем в главный отсек. Клавейн хотел окликнуть ее, но ни одного подходящего извинения на ум не приходило.

— Клавейн?

— Что, Рэми?

— Первая гиперскоростная ракета придет к цели через минуту.

Первая волна гиперскоростных ракет пронеслась мимо, обгоняя «Штормовую Птицу». Разница скорости составляла почти тысячу километров в секунду. Одна, другая, третья, четвертая... Они направлялись из разных точек, но чуть позже их траектории сойдутся впереди, как встречные линии на наброске трехмерной перспективы.

Две минуты спустя еще одна волна прошла по правому борту, с интервалом в три минуты, слева скользнула третья — немного на расстоянии.

— Вот дерьмо, господи, — прошептала девушка. — Похоже, мы не просто играем в войнушку.

— Страшно? — спросил Ксавьер, впрессованный в сиденье рядом с ней.

— Еще бы не страшно, — Антуанетта только что вернулась в главный отсек «Штормовой Птицы» после проверки тяжело вооруженного штурмового эскадрона, который везла в грузовом трюме. — Но это хорошо. Папа всегда говорил...

— Бойся того, что не боишься... Все верно, — Лю кивнул. — Это одна из его любимых пословиц.

— На самом деле...

Оба посмотрели на приборную панель.

— Что, Кораблик? — спросила Антуанетта.

— На самом деле, это моя любимая пословица. Но твоему отцу она так понравилась, что он ее позаимствовал. Это было лестно.

— Так что, Лайл Меррик в действительности говорил... — начал Ксавьер.

— Конечно.

— Не врешь? — недоверчиво спросила девушка.

— Не вру, Маленькая Мисс.

Последняя волна снарядов все еще двигалась по направлению к «Ностальгии по Бесконечности», когда Клавейн начал следующую стадию атаки. Это опять-таки не было элементом неожиданности. Он вообще редко присутствует в космических войнах, где противников разделяют тысячи километров пустоты, и нет никакой возможности прятаться и маскироваться. Только хладнокровное планирование, тактика и стратегия, и надежда на то, что враг упустит нечто очевидное, что хитроумная уловка выдаст подлинную расстановку сил. Это почти во всех отношениях игра в открытую. Это война, в которой противникам не следует строить иллюзии: его планы ни для кого не секрет. Как шахматная партия, где исход можно

предсказать уже после трех-четырех ходов, особенно если силы игроков неравны.

Вольева следила за траекториями гиперскоростных ракет, которые неслись сквозь пространство от развернутых «Зодиакальным Светом» пусковых установок. Ускорение сто «g» поддерживалось в течение сорока минут, после чего становилось чисто баллистическим. Тогда они начинали двигаться со скоростью чуть ниже одного процента световой. Страшная угроза, но не настолько, чтобы с ней не справились средства автономной защиты корпуса. Любой звездолет должен уметь отслеживать и уничтожать быстро движущиеся объекты — это неотъемлемая часть стандартных программ по избежанию столкновения. Пока этих средств хватало, чтобы отражать удары Клавейна.

Вопрос состоял в распределении нагрузки. Каждой ракетой занималась определенная группа судовых орудий, поэтому всегда оставалась отличная от нуля вероятность, что в одном секторе обстрела появится слишком много ракет одновременно, и ей — или Капитану, который на самом деле держал оборону — придется попотеть.

Но до такого не дойдет. Илия изучила прогноз распределения и пришла к выводу, что Клавейн не пытается нанести ей серьезных повреждений. Не потому, что не может. На стадии ускорения ракетой можно управлять — этого достаточно для того, чтобы подстроиться под самый легкий маневр «Ностальгии по Бесконечности». Прямое попадание гиперскоростной ракеты, даже с холостой боеголовкой, могло бы мгновенно уничтожить корабль. Но ни одна из ракет не находилась на траектории, которая бы обеспечивала реальный шанс попадания. Они промчались мимо на расстоянии в десятки километров. Одна из двадцати взорвалась недалеко от Ресургема. Судя по характеру вспышки — маленький заряд антивещества. Либо остатки топлива, либо мини-боеголовка.

Чуть ближе — и «Ностальгию» определенно задело бы взрывом, подумала Вольева. Пять орудий, которые она вывела, достаточно прочны, чтобы о них не беспокоиться. Но взрыв снес или вывел бы из строя добрую половину орудий на корпусе, и звездолет мог не выдержать более плотной атаки. Конечно, она бы не допустила подобного. Просто ей бы пришлось потратить значительную часть ресурсов, чтобы предотвратить подобную ситуацию. Но кое-что ее откровенно раздражало. Большинство ракет, которые приходилось уничтожать, не представляли настоящей угрозы — они не несли боеголовок, и их траектории не пересекали курс корабля.

Она еще не дошла до того, чтобы поздравлять Клавейна. Пока он

просто действовал по учебнику — раздел «Массированная атака». Он проверял ее оборону, последовательно создавая угрозу — низкую, вероятную, высокую. Ничего умного, ничего оригинального... правда, в подобной ситуации Вольева действовала примерно так же. По крайней мере, надо отдать ему должное: он не успел ее разочаровать.

Пожалуй, за это стоит дать ему последний шанс. А потом шутки кончатся.

— Клавейн? — поинтересовалась она, отправив сигнал на той же частоте, на которой они ранее обменивались ультиматумами. — Ты меня слышишь?

Прошло двадцать секунд, затем в динамиках раздался голос Клавейна.

— Слушаю, Триумвир. Предлагаешь выслушать предложение о капитуляции?

— Я предлагаю тебе шанс, прежде чем тебя прикончить. Шанс убраться подальше и сражаться в другое время и с другим противником.

Вольева ждала, пока сообщение проползет туда и обратно. Возможно, он специально создает задержку. Но, скорее всего, Клавейн до сих пор на борту «Зодиакального Света»

— Зачем тебе это нужно, Триумвир?

— Я не считаю тебя плохим парнем, Клавейн. Просто... ты немного заблуждаешься. Думаешь, что тебе эти орудия нужны больше, чем мне. Но ты не прав... Ты ошибаешься. Я не отдам их тебе. Наши корабли не пострадали. Сворачивай свой флот, и мы объявим это недоразумением.

— Илия, ты говоришь как человек, уверенный в своем превосходстве. На твоём месте я бы не был столь самонадеян.

— У меня есть орудия, — она обнаружила, что улыбается и хмурится одновременно. — Это создает определенное преимущество, согласен?

— Извини, Триумвир, но мне кажется, одного ультиматума хватит кому угодно. Или я не прав?

— Ты болван, Клавейн. А знаешь, что самое грустное? Ты никогда не представлял, насколько глуп.

Клавейн не ответил.

— Ну что, Илия? — спросила Хоури.

— Я дала шанс этому ублюдку. Поиграли — и хватит, — она повысила голос — Капитан? Ты меня слышишь? Я хочу, чтобы ты передал мне полный контроль над Семнадцатым. Сделаешь?

Ответа не последовало. Момент затягивался. Триумвир замерла в ожидании. Если Капитан откажется, все ее планы пойдут прахом. И окажется, что старик не так глуп, как ей только что казалось.

Затем она увидела, как один из значков, висящих в сфере, чуть-чуть изменился. Илия получила полный контроль над Семнадцатым.

— Спасибо, Капитан, — проговорила она почти с нежностью. — Привет, Семнадцатый. Рада встретиться.

Илия сунула руку в проекцию и сжала значок в пальцах. Иконка снова слабо вспыхнула, отображая собственный вес орудия, которое вышло из-за корпуса «Ностальгии». По мере движения оно выравнивалось, корректировало дистанцию и наводилось на «Зодиакальный Свет». Сведения о местоположении Клавейна запаздывали на двадцать секунд, но это не беспокоило Вольеву. Даже если он резко тронется с места, это его не спасет. Семнадцатый накроет огнем всю область вероятного местоположения противника, зная, что тот гарантированно находится в одной из данных точек. Гадать о результативности попадания не придется — взрыв двигателей Конджойнеров осветит всю систему. Пожалуй, она всерьез рискует привлечь внимание Подавляющих.

Но она должна сделать это.

И все-таки она беспокоилась. В этом расстреле было что-то неправильное. Слишком необратимо, слишком быстро, слишком... непорядочно. Последнее ее удивило. Надо дать ему еще один шанс уйти, сделать последнее предупреждение. В конце концов, он преодолел такой путь. И вполне естественно вообразил, что она отдаст орудия.

Клавейн... Клавейн... думала она. Это не должно произойти таким образом...

Но произошло. Ничего не поделаешь.

Вольева ткнула пальцем в иконку, как ребенок в игрушку.

— До свидания, — прошептала она.

Прошла секунда. Символы состояния возле иконки менялись, отражая процесс глубоких изменений. Триумвир смотрела на модель «Зодиакального света» в реальном времени и мысленно считала до двадцати. Через двадцать секунд луч Семнадцатого разорвет корабль в клочья. Убийственный поток проделает в звездолете дыру величиной с каньон, при условии, что не вызовет мгновенную и необратимую детонацию двигателей.

На счете «десять» Илия замерла. Она уже знала, что взяла идеальный прицел. Попадание будет идеально точным. Клавейн не узнает о собственной смерти, не почувствует, как наступит небытие.

Еще десять секунд она предвкушала горькое чувство триумфа, которое последует за убийством.

Время вышло. Она непроизвольно зажмурилась, как ребенок,

ожидающий увидеть самый большой и яркий фейерверк.

Двадцать секунд превратились в двадцать одну... двадцать первая стала двадцать второй... тридцатой. Прошло полминуты. Затем минута.

Корабль Клавейна по-прежнему оставался на экране.

Ничего не случилось.

Глава 36

Потом она снова услышала его голос — спокойный, вежливый, почти извиняющийся:

— Я знаю что ты пыталась, Илия. Но неужели мне не пришло бы в голову, что ты попытаешься воспользоваться орудиями?

— Что... ты... с... сделал?

Двадцать секунд растянулись в вечность.

— На самом деле — ничего, — сказал Клавейн. — Просто велел орудию не открывать огонь. Они наша собственность, Илия, а не твоя. Разве тебе никогда не приходило в голову хоть на секунду, что мы могли предусмотреть подобную ситуацию?

— Врешь, — сказала она.

В голосе Клавейна появилось удовлетворение, словно он заранее знал, что Илия потребует доказательств.

— Могу показать еще раз, если хочешь.

Он предложил ей обратить внимание на орудия из Тайника, брошенные против Подавляющих.

— Видишь вот то, что ближе всех к останкам Руха, хорошо? Сейчас оно прекратит огонь.

Это был переломный момент. В течение часа первые волны штурмовиков Клавейна оказались в непосредственной близости от «Ностальгии по Бесконечности». Он наблюдал за процессом с удаления в десять световых секунд. Наверно, так чувствует себя генерал на вершине холма, оглядывая свои армии в бинокль — с вершины, куда не долетает яростный шум и грохот сражения.

— Неплохой трюк, — сказала Вольева.

— Никаких трюков. Просто меры предосторожности — наверно, ты ничего такого не предполагала? Это наши орудия, Илия. Подумай серьезно.

— Сигнал?

— Кодированный выброс нейтрино. Ты не сможешь ни заблокировать его, ни рассеять, так что даже и не пытайся. Все равно не выйдет.

Следующего вопроса Клавейн не ожидал. Пожалуй, Вольеву все-таки не стоило недооценивать.

— Все ясно. Но если есть способ заставить их прекратить огонь... По-моему, должен быть способ их уничтожить.

Временная задержка составляла двадцать секунд. И еще одна, чтобы придумать подходящий ответ.

— И что это мне даст, Илия? Я бы уничтожил то, зачем пришел.

Еще двадцать секунд.

— Не обязательно, Клавейн. Ты бы мог просто пригрозить, что уничтожишь их. Я полагаю, зрелище будет захватывающим — независимо от способа. На самом деле, мне даже предполагать не надо. Я уже видела, как это происходит. Действительно впечатляющее зрелище. Почему бы тебе не пригрозить, что ты взорвешь одно из орудий? У меня еще есть несколько штук на борту. И посмотрим, к чему это приведет.

— Не стоит подбрасывать мне такие идеи.

— Почему бы нет? Потому что ты можешь их осуществить? Я так не думаю, Клавейн. Ты можешь заставить их прекратить огонь И больше ничего. Я уверена.

Она завела его в ловушку. Теперь Клавейну оставалось только следовать за ней.

— Есть...

— Тогда докажи. Пошли сигнал самоуничтожения одному из орудий, что разбросаны по системе. Почему бы тебе не уничтожить то, которое ты уже остановил?

— Потому что это бессмысленно — просто ради доказательств разрушать то, что нельзя восстановить.

— Клавейн, это очень сильно зависит от того, что именно ты хочешь доказать.

Лгать было бесполезно. Клавейн вздохнул. Казалось, с плеч свалился огромный груз.

— Я не могу уничтожить ни одного.

— Отлично... — промурлыкала Вольева. — Переговоры должны вестись честно, ты понимаешь. Скажи мне, можно ли вообще разрушить орудия издалека?

— Да, — сказал он. — Есть код, уникальный для каждого.

— И что?

— Эти коды мне неизвестны. Я подбираю их, пытаюсь подобрать.

— Значит, со временем ты можешь их вычислить?

Клавейн почесал бороду:

— Теоретически — да. Но не спеши их защищать.

— Значит, поиски продолжаются?

— Но ведь они мне нужны, верно?

— А мне и искать не надо, Клавейн. У меня есть свои собственные

системы самоуничтожения — на каждом орудии, полностью независимые от чего-либо, что могли изначально установить твои люди.

— В благоразумии тебе не откажешь, Илиа.

— Я просто очень серьезно отношусь к своей работе. Как и ты.

— Не спорю.

— И что мы имеем? Как ты понял, я все еще не собираюсь отдавать их тебе. И у меня до сих пор есть другие орудия.

Клавейн максимально увеличил изображение. Вокруг корабля Вольевой плясали огненные вспышки. Список потерь был уже открыт — пятнадцать гиперсвинов Скорпио, убитые бортовыми оборонительными орудиями Вольевой. Они погибли прежде, чем вошли в тридцатикилометровую зону звездолета. Другие штурмовые группы продвинулись дальше, одной даже удалось достичь корпуса. Однако, каков бы ни был исход кампании, обойтись без крови уже не удалось.

— Я знаю, — сказал Клавейн и отключил связь.

Управление «Зодиакальным Светом» перешло к Ремонтуа. Клавейн подготовил один из последних летательных аппаратов, оставшихся в ангаре звездолета — шаттл из флотилии Хи. Клавейн узнал арки и полосы боевой раскраски баньши, которые вспыхивали и пульсировали при движении, словно оживали. Бывшее гражданское судно — небольшое, с осиной «талией», легковооруженное. Но это был последний шаттл, на борту которого находилась установка для контроля инерции, поэтому Клавейн предпочел придержать его. Возможно, в глубине души он всегда подозревал, что захочет присоединиться к сражению. Это суденышко окажется на месте чуть больше чем через час.

Уже одетый в скафандр, Клавейн шел по шлюзу-трубопроводу, который вел к люку шаттла, одиноко припаркованного в ангаре, когда кто-то взял его за руку.

— Клавейн...

Он обернулся, прижимая к себе шлем.

— Фелка?

— Ты не сказал мне, что собираешься покинуть корабль.

— Просто не хватило духу.

Она кивнула.

— Я бы попыталась тебя отговорить. Но я понимаю. Ты должен.

Клавейн кивнул, ничего не сказав.

— Клавейн...

— Фелка, мне очень жаль, что...

— Неважно, — перебила она, сделав еще шаг. — Нет, я имела в виду... конечно, это важно... но мы можем поговорить и позже. По пути.

— По пути? — тупо переспросил Клавейн.

— В зону сражения. Я лечу с тобой.

Только сейчас он заметил, что Фелка тоже в скафандре, а в руке держит шлем, похожий на перезрелый фрукт.

— Зачем?

— Затем. Если ты погибнешь, я тоже хочу умереть. Все очень просто, Клавейн.

Они отстыковались от «Зодиакального Света». Клавейн смотрел на удаляющийся звездолет и думал, вернется ли когда-нибудь.

— Будет не слишком комфортно, — предупредил он, выставляя максимальное ускорение.

Пузырь подавления инерции поглотил четыре пятых массы летательного аппарата, но радиус действия не захватывал кабину пилотов. Клавейн и Фелка чувствовали все восемь «g» — ускорение давило, словно свинцовая плита.

— Я справлюсь, — ответила она.

— Еще не поздно вернуться.

— Я лечу с тобой. Нам надо еще многое обсудить.

Клавейн вызвал картину сражения и оценил изменения, которые произошли, пока он готовился к полету. Шаттлы вились вокруг «Ностальгии по Бесконечности», как разъяренный осиный рой, с каждым оборотом сокращая расстояние. Погибли двадцать три солдата из армии Скорпио, в основном люди-свиньи. Одна из штурмовых групп, которой удалось прорваться дальше всех, находилась не более чем в километре от корпуса огромного звездолета и стала почти неуязвима для оборонительных орудий средней дальности. «Штурмовая Птица», выделявшаяся своими габаритами, приближалась, готовая влиться в агрессивный рой. Вольева развернула все орудия класса «ад», кроме одного, которое все еще оставалось на борту ее корабля. Основной дисплей показывал всю систему Дельты Павлина. Орудие Волков продолжало вдавливать свое гравитационное жало в плоть звезды. Клавейн совместил дисплеи и повернулся к Фелке.

— Боюсь, разговаривать будет нелегко.

(Тогда не будем говорить, верно?)

Он удивленно уставился на нее. До сих пор Фелка не общалась с ним способом Объединившихся — устанавливая связь сознаний и передавая

слова и больше, чем слова, прямо в его мозг.

«Фелка...»

(Все в порядке, Клавейн. Я делала это нечасто, но не потому, что не смогла бы...)

«Я и не думал, что ты бы не смогла... просто...»

Клавейн понял. Они могли обмениваться мыслями, хотя на борту не было сети Объединившихся. Поля, которое генерируют имплантанты, достаточно сильны, чтобы «чувствовать» друг на друга на расстоянии нескольких метров без дополнительного усиления.

(Верно. Обычно я не хотела. Но ты — не просто «кто угодно».)

«Ты и не должна, если не...»

(Маленькое предупреждение, Клавейн. Ты всегда можешь смотреть в мою голову. Там нет ни барьеров, ни разделений, нет мнемонических блокад. По крайней мере, для тебя. Но не погружайся слишком глубоко. Не потому, что увидишь что-либо личное, или нечто такое, чего я стыжусь... просто...)

«Я не смогу понять этого?»

(Иногда я сама не понимаю, что там, а ведь живу с этим с рождения.)

«Ясно».

Он мог просматривать поверхностные слои ее личности, чувствовать движение мыслей. Здесь ничто не внушало беспокойства. Не было ничего, что он не мог бы проверить; ни одного чувственного переживания или воспоминания, которые Клавейн не сумел бы распутать, раскрыть, как свои собственные. Но под этим тихим покровом, словно под толстым слоем, то проступая, то исчезая, бушевал шторм ее сознания. Бездонный, неистовый, словно двигатель, который всегда работает на предельных оборотах и не способен обрести даже минутный отдых в собственном разрушении.

Он испуганно отстранился, словно мог сорваться в эту бездну.

(Ты понял, что я имею в виду?)

«Я всегда знал, что ты живешь с чем-то подобным. Только не...»

(Это не твоя вина. И вообще ничья, даже не Галианы. Просто я такая, какая есть.)

Он понял — возможно, более ярко и полно, чем когда-либо раньше. Вот что порождало неутолимую потребность в мыслительной деятельности, которую испытывала Фелка. Игры — сложные, запутанные — давали работу гудящей машине ее неординарного мозга. Они отнимали ничтожную часть ее избыточной энергии, немного замедляя неистовое вращение. Когда Фелка была ребенком, у нее была Стена — все, в чем она нуждалась. Но Стену отняли. С тех пор все остальное казалось

недостаточным. Возможно, эта мыслительная «машина» развивалась вместе с Фелкой. Не исключено, что и Стена могла в итоге оказаться слишком простой задачей, не отвечающей требованиям незаурядного разума. Как бы то ни было, Фелка нашла замену — игры, головоломки, лабиринты и загадки, которые создавали машине необходимую нагрузку и обеспечивали хотя бы намек на душевное спокойствие.

«Теперь я понял, почему ты думала, что Трюкачи могут тебе помочь».

(Даже если они не переделают меня — вообще-то, я не уверена, что хочу измениться... то, по крайней мере, дадут что-то, над чем можно подумать. Их моря запечатлели столько сознаний, столько образов... Может быть, я смогла бы уловить что-то такое, что не удавалось ни одному пловцу. Возможно, я даже оказалась бы им полезна.)

«Я всегда говорил — сделаю все, что смогу. Но от этого не легче. Ты понимаешь?»

(Конечно.)

«Фелка...»

Должно быть, она достаточно читала в его сознании, так что Клавейну даже не пришлось формулировать вопрос.

(Я солгала, Клавейн. Чтобы спасти тебя, чтобы заставить тебя вернуться.)

Клавейн уже знал это. Скейд сказала ему. Но до нынешнего момента он не оставлял надежду. Может быть, это Скейд солгала ему, а Фелка сказала правду.

«Это была ложь во спасение, я понимаю. Ее в моей жизни достаточно, и я сам за это в ответе».

(Все равно ложь остается ложью. Я не хотела, чтобы Скейд убила тебя. Мне казалось, лучше не говорить правды...)

«Должно быть, ты знала, что я всегда...»

(Клавейн... это естественно — желание знать. Нас всегда что-то связывало — с тех пор, как ты меня спас. До того, как я родилась, ты попал в плен к Галиане. Ей ничего не стоило добыть генетический материал...)

Ее мысли утратили четкость.

(Клавейн... ты не против, если я тебя кое о чем спрошу?)

Между нами нет никаких секретов, Фелка.

(Когда ты был в плену у Галианы, вы занимались любовью?)

Он ответил спокойно, удивляясь самому себе.

«Не знаю. Думаю, да. Я помню это. Но, опять же, что значат воспоминания после четырех сотен лет? Может быть, я просто вспоминаю воспоминание. Надеюсь, это не так. Но зато потом... когда я

Присоединился...»

(Тогда вы...)

«Мы занимались любовью. Поначалу — очень часто. Думаю, другим Объединившимися такое не нравилось — они воспринимали это как животный акт, как шаг назад, к стартовой черте, от которой человечество уже ушло. Конечно, Галиана с ними не соглашалась. Ей всегда нравились чувства и ощущения, она любила гулять по их царству. Именно этого никогда не понимали ее враги: она действительно любила людей. Куда больше, чем они. Поэтому Галиана и создала Объединившихся. Не для того, чтобы они стали лучше всего остального человечества. Для того, чтобы каждый мог максимально реализовать свою одаренность, для напоминания о том, кем мы можем стать, если поймем все, на что способны. А они изображали ее бездушным монстром-редукционистом, который презирает обычных людей. Ты не представляешь, насколько они ошибались. Галиана не считала любовь древним трюком эволюции, биохимическим обманом мозга, от которого надо избавиться. Она относилась к ней как к семени, которое нужно питать и растить, к чему-то такому, что должно достичь высших проявлений. Но они этого не видели. И проблема состояла в том, что тебя пришлось Присоединить, прежде чем ты смогла оценить то, чего достигла Галиана».

Клавейн воспользовался паузой, чтобы оценить перегруппировку сил вокруг корабля Вольевой. За последние минуты погибли еще двое, но атака продолжалась.

«Да, мы занимались любовью — в первые дни, которые я прожил как Объединившийся. Но прошло время, и это перестало быть необходимым, превратилось в дань воспоминаниям. Воспоминаниям о чем-то детском. Не грешном, не примитивном, даже не скучном — но уже совершенно не интересном. Дело не в том, что мы разлюбили друг друга или потеряли вкус к чувственным переживаниям. Просто появилось слишком много ошеломляющих способов достижения интимности. Когда однажды ты касаешься чьего-то сознания, проходишь в его мечты, видишь мир его глазами, чувствуешь мир его кожей... О да. Кажется, что уже никогда не возникнет настоящего желания ощутить то же самое по-старому. Честно говоря, я не жалею. Мы с Галианой как будто повзрослели, вошли в другой мир, где множество других удовольствий и соблазнов. И у нас не было причин оглядываться назад. Что было, то прошло».

Она ответила не сразу. Шаттл по-прежнему летел вперед. Клавейн снова перевел взгляд на показания приборов и дисплеи с тактическими сводками. На какой-то миг — ужасный, как бездна, — у него возникло

подозрение Неужели он был слишком откровенным? Но в этот момент Фелка обратилась к нему, и стало ясно: она поняла все.

(Я думаю, мне надо рассказать тебе про Волков.)

Глава 37

Когда Илия Вольева принимала решение, это всегда придавало ей сил. На этот раз — достаточно, чтобы сорвать с кожи медицинские зонды, выдрать шунты и с ненавистью отшвырнуть их в угол. Она оставила только очки, которые заменяли ей глаза. Если очень постараться и не думать о мерзких машинках, которые сейчас плавают по всему организму, можно считать себя крепкой и бодрой. Это всего лишь иллюзия, и за этот прилив энергии позже придется платить — и почти наверняка собственной жизнью, однако такая перспектива ее не пугала. Вольева чувствовала лишь глубокое удовлетворение: оставалось немного времени, и она, по крайней мере, сможет что-нибудь сделать. Конечно, это здорово — лежать здесь, управляя происходящим на расстоянии, словно утомленный жизнью священнослужитель. Но это не в ее стиле. Она — Триумвир Илия Вольева, и это кое к чему обязывает.

— Илия... — начала Хоури, недоуменно взирая на нее.

— Хоури, — голос Вольевой по-прежнему походил на хрип, но она говорила с обычным пылом. — Сделай мне одно одолжение — не путайся под ногами и не донимай всякой ерундой вроде «а может, не надо». Поняла?

— Думаю... поняла.

Вольева щелкнула пальцами, подзывая ближайшего слугу. Робот засеменял к ней, раздвигая истошно верещащие медицинские мониторы.

— Капитан... пусть слуга проводит меня в ангар, хорошо? Мне нужен скафандр и шаттл в полной готовности.

Хоури подхватила ее, удерживая подругу в сидячем состоянии.

— Илия, что ты задумала?

— Я собираюсь наружу. Мне надо поговорить... серьезно поговорить... с номером семнадцать.

— Ты не в состоянии...

Вольева вяло отмахнулась.

— Хоури, послушай. Может быть, сейчас я рассыпаюсь на части. Но помести меня в невесомость, дай скафандр и пару орудий, и я покажу, что все еще могу намылить кое-кому шею. Поняла?

— Ты не сдаешься, верно?

Слуга помог Вольевой встать на ноги.

— «Сдаешься»? Не подскажешь, как это будет по-русски?

Хоури не ответила и взяла подругу под руку.

Догнав последнюю атаковую группу — и заодно оказавшись в вероятной зоне корабельных орудий, — Антуанетта завершила маневр уклонения и сбросила скорость, доведя ускорение до одного «g». В иллюминаторах уже можно было разглядеть удлинённый корпус «Ностальгии по Бесконечности» — на расстоянии в две тысячи километров звездолет Триумвира казался маленькой светящейся черточкой. Основную часть корпуса скрывала тень. Но два-три раза в минуту его озаряла вспышка — это взрывалась мина, боеголовка, двигатель, боеприпас... И на миг выхватывала судно из темноты, как скользкий луч маяка озаряет башню, встающую из глубин бушующего океана. По крайней мере, по поводу местоположения звездолета никаких сомнений не возникало. Вокруг роились огненные искры — такие яркие, что на сетчатке возникали тающие розовые следы в виде арок и спиралей, которые были хорошо видны, если смотреть на звездное небо. Такие же следы оставляли огненные палочки, которыми Антуанетта вместе с другими детьми играла во время шоу фейерверков на старой Карусели. Взрывы мелких снарядов выглядели как булавоочные уколы в черном занавесе. Изредка небо прочерчивали пурпурные и изумрудные лучи наводящих лазеров, попавших в облако газа или остатков корабельного топлива. Проклиная дурную привычку обращать внимание на неподходящие вещи в неподходящее время, Антуанетта ловила себя на мысли, что космических операх и голографических драмах все эти детали всегда изображают неправильно. Там лазерные лучи делают невидимыми, чтобы создать элемент зловещей неожиданности. А еще сражение сильно напоминало свалку. Газовые облака и обломки неприкаянно плавали по всему пространству, время от времени отражая и рассеивая пучки волн и частиц и сводя на нет работу лучевого оружия.

Рой уплотнялся в середине и рассеивался по краям, образуя мятую сферу радиусом от десятков до сотен километров с кораблем противника в центре. «Штормовая Птица» находилась довольно далеко, но Антуанетта осознавала, что представляет собой соблазнительную цель. Конечно, оборонительную систему Триумвира больше занимают штурмовики, которые подобрались к самому корпусу, но не стоит возлагать на это слишком большие надежды.

Из динамиков внутренней связи раздался голос Ксавьера:

— Антуанетта? Скорпио готов к отлету. Можешь открывать ангар в любой момент, только предупреди заранее.

— Мы... слишком далеко, — процедила она.

Канал занял Скорпио. Теперь Антуанетта легко узнавала его по голосу.

— Антуанетта? Расстояние нормальное. Чтобы добраться, топлива хватит за глаза. Ближе подходить не стоит, не подставляй «Штормовую Птицу».

— Чем ближе я вас выкину, тем больше топлива у вас останется. Согласен?

— Черт, трудно поспорить. Тогда продвись еще на пятьсот километров. Слышишь? Вот это точно будет что надо.

Антуанетта увеличила разрешение, подхватывая потоки телеметрии от многочисленных камер, которые сейчас скользили вокруг корабля Триумвира. Новые данные тут же пошли в обработку. Изображение «поплыло» и начало меняться — неравномерно, со сбоями и задержками, но Антуанетте показалось, что она висит в пространстве в паре километров от самого звездолета. Пожалуй, одну вещь в голодрамах показывали верно. Молчание. Только она никогда не представляла себе, насколько ужасной, неправильной будет эта тишина, сопровождающая сражение. Жалкая немота, лакуна, которую ее воображение заполняло бесконечным воплем. До сих пор лишь беспорядочные вспышки освещали звездолет Триумвира, на миг очерчивая форму, но не позволяя разглядеть ни одной детали. Несомненно, в архитектуре судна было что-то извращенное, способное вызвать недоумение.

Но лишь сейчас Антуанетта заметила то, чего не было раньше: прямоугольник света, словно золотая дверь, возник среди странных наслоений, покрывающих «Ностальгию по Бесконечности». Прошел лишь миг, но этого оказалось достаточно, чтобы нечто выскользнуло оттуда. Пламя, вырвавшееся из дюз шаттла, выхватило из темноты ступенчатый хребет аркбутана. ^[64] Шаттл скользил в стробоскопических вспышках своих двигателей, и его черная тень ползла по обшивке корпуса, чешуйчатой, как кожа ящерицы.

«Что насчет Волков, Фелка?»

(Все, Клавейн. По крайней мере — все, что я узнала. Или все, что Волк позволил мне узнать.)

«Возможно, это неполная картина. И даже не ее фрагмент».

(Понимаю. Но, думаю, это все-таки стоит тебе рассказать.)

Это не просто война против разума. Война — это только часть, только деталь колоссальной программы космического управления, в

которой уже появились сбои. Хотя цель Волков казалась очевидной, они отнюдь не пытались очистить Галактику от разума как такового. То, что они делали, скорее напоминало расчистку леса, после которой остаются лишь молодые деревца и поросль, чем выжигание под пашню. Они оставляли несколько аккуратных язычков пламени, но не тушили его вовсе.

Подумай об этом, продолжала Фелка. Существование Волков — это разгадка одной вселенской тайны. Оно объясняет, почему люди почти одиноки во Вселенной; почему в Галактике так редко встречаются иные цивилизации. Почему порой человечество кажется причудой статистики, случайностью, которая нарушила закономерности безжизненного космоса. Что формирование разума, формы жизни, использующей инструменты — такая удивительная редкость. Что Вселенная существовала несчетные миллиарды лет, прежде чем такое явление стало возможным. Вера в уникальность человечества продержалась до рассвета космической эры. Покинув пределы Земли, исследователи начали искать следы других культур в ближайших планетных системах. Все шло к тому, что техногенные цивилизации должны быть достаточно обыденным явлением. Но по какой-то причине все эти цивилизации погибли.

Свидетельства указывают на то, что гибель наступала в определенный промежуток времени, незначительный по сравнению с продолжительностью циклов эволюционного развития видов — не более чем несколько веков. Похоже, он приходился на тот период, когда цивилизация делала первые серьезные шаги в межзвездное пространство.

Другими словами, находилась примерно на той же стадии развития, на какой находится сейчас человечество — раздробленное, раздираемое мелкими дрязгами, но по-прежнему представляющее собой единый вид.

Стоит ли удивляться, продолжала Фелка, что из этих предпосылок логически вытекает возможность существования чего-то подобного Волкам — или Подавляющим, как их называют некоторые их жертвы. Это — почти неизбежность, обусловленная развитием и гибелью разумной жизни. Стаи безжалостных машин-убийц, которые прячутся в межзвездном пространстве и на протяжении веков терпеливо ожидают появления нового разума...

На первый взгляд, это кажется бессмысленным. Если разум по каким-то причинам необходимо уничтожить — почему уничтожить его в зародыше? Разум — производная жизни; жизнь — кроме очень редких и экзотических ее разновидностей — зарождается из обычного химического

состава при соблюдении определенных условий. Если разум — зло, почему не сделать невозможным его возникновение, вмешавшись в цикл развития?

Есть тысячи способов сделать это, особенно действуя во временном масштабе Вселенной. Можно начать с процесса образования планет: аккуратно разрушать водовороты облаков срастающейся материи, которые собираются вокруг молодых звезд. Сделать так, чтобы планеты формировались на орбитах, где невозможно появление воды. Или допускать формирование только очень тяжелых или очень легких планет. Можно вышвыривать небесные тела в холод космического пространства или кипящие недра материнских звезд.

Можно отравить планеты. Для этого достаточно слегка нарушить соотношение элементов в их оболочках — каменных, водяных, воздушных. Тогда условия для формирования определенных видов органической химии станут неблагоприятными. Можно добиться того, что химические соединения определенной сложности станут хронически нестабильными — это полностью исключает появление сложной многоклеточной жизни. Можно поступить проще — непрерывно подвергать миры кометной бомбардировке. Наконец, можно воздействовать на сами звезды, на орбитах которых способна зародиться жизнь. Заставить их сжигать свои планеты в массивных коронарных вспышках или отбрасывать их в длительные ледниковые периоды.

Даже если ты опоздал; даже если тебе пришлось признать, что жизнь зародилась и эволюционировала; даже если возник разум и появились технологии — еще не все потеряно.

Выход есть всегда.

Ни одна цивилизация не переживет столкновения со сверхплотными черными дырами. Можно сталкивать нейтронные звезды, пока они не уничтожат друг друга в стерилизующих потоках гамма-лучей. Струи плазмы из сдвоенных небесных тел — это настоящие орудия направленного действия: такой огнемёт бьет на расстояние в тысячи световых лет...

И даже если это было бы невыполнимо или нежелательно, жизнь можно истребить грубой силой. И тогда единственная цивилизация — цивилизация разумных машин — могла бы беспредельно господствовать в Галактике в течение многих миллионов лет, время от времени уничтожая очаги зарождения органической жизни.

«Но они здесь не для того», — сказала Фелка.

(Тогда для чего?) спросил Клавейн.

«Из-за кризиса. Кризис, который разразится в далеком будущем

Галактики, через три миллиарда лет. По правде говоря, не так уж и много.

Всего-навсего тринадцать оборотов Галактической спирали. Прежде чем сошли ледники, ты мог ходить по пляжу Земли и собирать осадочный камень, возраст которого превышал три миллиарда лет.

Тринадцать оборотов Галактики. В масштабах Вселенной — это ничто» .

(Кризис?) — переспросил Клавейн.

«Столкновение», — произнесла Фелка.

Глава 38

Миновав обещанные пятьсот километров, Антуанетта покинула мостик. Корабль вполне мог позаботиться о себе в течение трех-четырех минут, пока она поспрашивает со Скорпио и его отрядом.

Антуанетта вошла в огромный ангар, уже разгерметизированный, легко распахнув внешний люк. Первый из трех шаттлов уже стартовал, и голубые кисточки пламени, вырывающиеся из его дюз, уже выписывали дугу, скользя к сверкающему скопищу огней. Следом за ним двигалась пара «трайков». Второй шаттл транспортировали к люку при помощи гидравлического подъемника, который обычно использовался для перемещения крупногабаритных грузов.

Скорпио, полностью пристегнувшись, сидел в кабине «трайка», возле третьего шаттла. Перелет в трюме «Штормовой Птицы» действительно позволил сэкономить топливо, а значит — оставить больше места для брони и вооружения. Доспехи человека-свиньи были украшены разноцветными щитками и зеркальными заплатками, от которых рябило в глазах. Рама его трицикла скрывалась под напластованиями брони и тупыми рылами реактивных орудий и лучевиков, торчащих во все стороны. Из-под седла трицикла выполз Ксавьер — он только что последний раз проверил все системы и отсоединял свой электронный блокнот от диагностического порта. Выпрямившись, он с довольным видом поднял большой палец и похлопал Скорпио по бронированной спине.

— Похоже, ты в полной готовности, — заметила Антуанетта. Сейчас все разговоры велись через основной коммуникативный канал скафандров.

— Ты могла бы и не подставляться, — отозвался человек-свинья. — Но, раз уж до этого дошло, грех не сэкономить топливо.

— Я тебе не завидую, Скорпио. Я знаю, сколько ребят ты потерял.

— Они солдаты, Антуанетта, — свин щелкнул тумблером, и на приборной панели вспыхнула радуга дисплеев, цветных шкал и решеток прицелов. — Причем не мои, а наши.

Подъемник доставил второй шаттл к люку и выронил его в открытый космос. Вспышка двигателей окрасила броню Скорпио в ярко-голубой цвет.

— Послушай, — сказал он. — Имей в виду одну тонкость. Если бы ты знала, что такое быть «свиньей» в Малче, то не видела бы в сегодняшней истории никакой трагедии. Многие из этих ребят могли давно отправиться на тот свет. Но они живы, потому что подписались на этот крестовый

поход. Мне кажется, они по гроб жизни обязаны Клавейну. Без вариантов.

— Это не значит, что они обязаны умереть сегодня.

— Ну, кто-то погибнет. Клавейн всегда знал, что без потерь не обойтись. И мои ребята тоже знали, на что идут. Мы не взяли без потерь ни одного квартала в Городе Бездны. Большинство вернется. С орудиями. Мы уже почти победили, Антуанетта. Когда Клавейн заткнул ту пушку, для Вольевой война закончилась. — Скорпио звонко опустил затемненный щиток шлема. — Так что мы уже не воюем. Так, зачищаем территорию.

— Можно, я все-таки пожелаю тебе удачи?

— Можешь пожелать хоть ясного неба. Это все равно ничего не изменит. А если изменит — значит, я не готовился к бою, а страдал ерундой.

— Все равно удачи, Скорпио. Удачи тебе и твоим ребятам.

Третий шаттл вывели на стартовую позицию. Антуанетта смотрела, как он покидает ангар, как за ним устремляются оставшиеся трициклы... И приказала Кораблю покинуть зону сражения.

Вольева добралась до орудия номер семнадцать, не получив ни единой царапины. Сражение за ее корабль продолжалось, но Клавейн, похоже, пошел на изрядные жертвы, чтобы вожделенные орудия не пострадали. Перед вылетом Илия изучила схемы атак трициклов, шаттлов и корветов и пришла к выводу, что «Ностальгия по Бесконечности» сможет добраться до Семнадцатого под угрозой пятнадцатипроцентной вероятности попадания. Раньше подобный расклад показался бы ей совершенно неприемлемым... но сейчас, к собственному ужасу, она поняла, что видит в этом чуть ли не благосклонность судьбы.

Семнадцатый висел в космосе в гордом одиночестве. Остальные уже вернулись в ангар и находились там в относительной безопасности. Подплыв к орудию, Вольева пришвартовала шаттл настолько близко к Семнадцатому, насколько могла — теперь никто не рискнул бы обстреливать шаттл, чтобы не повредить орудие. Не желая тратить время на такую ерунду, как проход через шлюз, она просто разгерметизировала кабину и вышла наружу. Силовой скафандр помогал двигаться, создавая ложное ощущение силы и жизнеспособности. Скорее всего, без него она вообще не смогла бы ничего сделать.

Выбравшись из люка, Вольева на мгновение зависла над ребристым боком Семнадцатого. Сейчас она была как на ладони, но картина сражения заворожила ее. По сторонам, сверху, снизу проносились корабли, плясали искры пламени, вырывающегося из дюз. Невиданные бирюзовые цветы

раскрывались и облетали в течение минуты — это взрывалось антивещество. В наушниках оглушительно трещали помехи, датчики радиации на скафандре зашкаливали. Вольева отключила и то, и другое. Сейчас она нуждалась в тишине и спокойствии.

Шаттл оказался прямо над люком орудия. Непослушными пальцами Вольева нажимала толстые кнопки браслета, набирая команду. Работать приходилось медленно, чтобы не наделать ошибок. Клавейн передал одному из ее орудий сигнал о прекращении огня. Если сейчас ее приказ не сработает, в этом не будет ничего удивительного.

Но люк открылся, скользнув в сторону и выпуская мутный зеленый свет.

— Спасибо, — сказала Вольева, ни к кому конкретно не обращаясь.

Она головой вперед нырнула в бледное сияние. Война исчезла, как дурной сон. Над собой Вольева видела только бронированное брюхо шаттла с полуоткрытым люком. Ее окружали внутренние устройства орудия, купающиеся в вялом зеленом полусвете.

Вольева провела те же процедуры, что проделывала ранее, каждую секунду ожидая ошибки и одновременно сознавая, что абсолютно ничего не теряет. Генераторы страха работали на полную мощность, но она обнаружила, что это странным образом утешает, а не пугает. Значит, важнейшие функции орудия все еще активны, и Семнадцатого просто оглушили, но не убили. Илиа никогда не задумывалась всерьез над такой возможностью, однако сомнения оставались всегда. Что, если Клавейн сам не лучшим образом разбирается в этих кодах?

Но орудие не было мертво, оно просто спало.

А потом все произошло в точности так, как в первый раз. Люк закрылся, внутренние механизмы пришли в движение, появилось ощущение приближения чего-то молчаливого и злобного. Вольева заставила себя собраться. Она уже знала, что имеет дело всего лишь с весьма своеобразной субличностью, но это не слишком спасало ситуацию.

Нечто материализовалось за спиной — точно тень, которая постоянно готова войти в поле бокового зрения, но никогда этого не делает. Вольева снова была обездвижена, и снова страх усилился в десятки раз.

(Нет покоя грешникам, Илиа?)

Она помнила, что орудие может слышать мысли.

«Я просто решила навестить тебя, Семнадцатый. Посмотреть, как ты поживаешь. Ты не против?»

(И как это понимать? Просто светский визит?)

«Ладно, не просто. Немного больше».

(Я так и предполагал. Ты приходишь, только когда тебе что-то нужно, верно?)

«Если честно, Семнадцатый, ты тоже не слишком стараешься оказать радушный прием».

(Ты о чем? Паралич, чувство присутствия, страх? Тебе это не нравится?)

«По-моему, я никогда не утверждала, что в восторге от таких вещей.»

В ответе Семнадцатого прозвучал почти неощутимый намек на обиду.

(Возможно.)

«Семнадцатый... нам надо обсудить одно дело — если ты не возражаешь...»

(Я никуда не спешу. Ты тоже.)

«Правильно понимаешь. Ты знаешь, что у нас некоторые проблемы, Семнадцатый? Код, который не позволяет тебе стрелять?»

Теперь неудовольствие — если это было именно неудовольствие — превратилось в нечто близкое к негодованию.

(Как я могу об этом не знать?!)

«Мне просто надо было убедиться, вот и все. По поводу кода, Семнадцатый...»

(Да?)

«Я подозреваю, у тебя нет ни малейшей возможности его игнорировать. Я права?»

(Игнорировать код?)

«Что-нибудь в этом роде. У тебя есть определенная степень свободы воли и все такое... Думаю, можно попробовать ее повисить... Ну, это мы обсудим, если ничего больше... Да, я понимаю, это слишком — ожидать, что ты способен на подобное...»

(«Слишком», Илиа?)

«Хорошо. Твои возможности не безграничны. И если верить Клавеину, этот код действует на корневом уровне, прерывая работу программы... Ладно. Не думаю, что в этом смысле от тебя можно многого ожидать, верно?»

(Что может знать Клавеин?)

«Скорее больше, чем ты или я.»

(Не говори глупости.)

«Тогда ты хочешь сказать, что это возможно?..»

Наступило молчание. За это время Вольева успела подумать, что, вероятно, добилась своего. Даже страх стал слабее, превратившись во что-то наподобие истерики.

И тут Семнадцатый ответил.

(Я знаю, что ты пытаешься сделать, Илия.)

«Знаешь?»

(Ничего не выйдет. Неужели ты всерьез воображаешь, что мной так легко манипулировать, да? Так наивно? С такой детской неуклюжестью?)

«Не знаю. Просто в какой-то момент мне показалось, что я оставила в тебе какой-то отпечаток. Вот и все».

(Ты умираешь, не так ли?)

Этот вопрос оглушил ее.

«Откуда ты знаешь?»

(Илия, я могу рассказать о тебе намного больше, чем ты — обо мне.)

«Да умираю. Какое это имеет значение? Ты просто машина, Семнадцатый. И совсем не понимаешь, что это такое».

(Я не стану тебе помогать.)

«Не станешь?»

(Ничего не выйдет. Ты права. Код на корневом уровне. Я ничего не могу с этим поделать.)

«Тогда как чему весь этот треп о свободе воли?»

Паралич прошел в одно мгновение, без предупреждения. Страх остался, но уже не настолько сильный, как раньше. Вокруг снова двигались механизмы, люк распахнулся, за ним поблескивало брюхо шаттла.

(Ничего не было. Просто размышления.)

«Тогда я пойду. До свидания, Семнадцатый. У меня такое чувство, что нам вряд ли доведется еще раз поговорить».

Она забралась в шаттл.

Но стоило ей протиснуться сквозь люк в разгерметизированную кабину, как снаружи что-то пришло в движение. Медленно, словно гигантская стрелка компаса, которая пытается нащупать север, орудие наводилось на новую цель. Из дюз толкающих двигателей, закрепленных на «сбруе», вырывались снопы пламени. Вольева посмотрела вдоль ствола Семнадцатого, пытаясь разглядеть его цель в хаосе сражения. Но среди вспышек огня сложно было увидеть хоть что-то определенное, а времени на вызов тактических сводок не осталось.

Орудие остановилось и замерло. Теперь оно напоминало железную стрелку титанических часов, которые должны вот-вот пробить час.

А затем нестерпимо жгучая струя ударила из дула шестиметрового цилиндра.

Семнадцатый выстрелил.

Это произойдет через три миллиарда лет, говорила Фелка.

Две галактики столкнутся: наша и ее ближайшая соседка, Туманность Андромеды. В данный момент их разделяет расстояние более двух миллионов световых лет, но неотвратимо двигаются навстречу друг другу, навстречу глобальному уничтожению.

Клавейн спросил ее, что может произойти, если две галактики встретятся. Фелка объяснила: есть два возможных сценария, два возможных варианта будущего.

В одном Волки, Подавляющие — или, строго говоря, их дальние потомки — помогут жизни пережить этот кризис, убедятся, что разум вновь появился по его окончании, и позволят ему процветать и расширяться беспрепятственно. Предотвратить столкновение невозможно, сказала Фелка. Даже сверхцивилизация машин, заселившая всю Галактику, не располагает необходимыми ресурсами. Все, что можно — это не допустить всеобщей гибели.

Эта проблема решается на разных уровнях. Волкам известны способы перемещения целых звездных систем, так что некоторые из них можно увести от столкновения. В течение последнего периода Галактической истории эти способы не находили применения, но в прошлом они были неоднократно опробованы и использованы — как во время локальных катаклизмов, так и при ликвидации чрезмерно распространившихся цивилизаций. Достаточно разобрать одну-две планеты, чтобы создать простое устройство и замкнуть его вокруг брюха звезды. Затем оно начнет сжимать и гнуть переменными магнитными полями раскаленную атмосферу звезды, заставляя материю вылетать в космос. Направляя выброс звездной материи в одном направлении, можно превратить звезду в гигантский ракетный двигатель. Процесс необходимо проводить очень аккуратно, чтобы не нарушить стабильность звезды, чтобы планеты не сошли с орбит, когда она начнет двигаться. Такой процесс займет много времени, но это не проблема: до того времени, как система должна быть перемещена, остается не один десяток миллионов лет.

Есть и другие способы: частично завернуть звезду в панцирь из зеркал, заставив двигаться за счет давления собственного излучения. Среди не столь надежных и испытанных методов, которым не очень доверяют, — те, что связаны с управлением инерцией в огромных масштабах. Они наиболее легки и порой прекрасно работают. Однако случалось, что их применение приводило к настоящим катастрофам. Целые системы вылетали из Галактики с околосветовой скоростью и исчезали в межгалактическом пространстве без надежды на возвращение.

Волки пришли к выводу: не все старое стоит считать устаревшим.

Конечно, великая работа не сводится к перемещению звезд. Даже если две галактики лишь слегка коснутся друг друга, а не столкнутся лоб в лоб, заполняющие их газы и пыль все равно вступят во взаимодействие. Вспыхнет чудовищный фейерверк. Взрывные волны рикошетом пройдут по галактикам, толчки породят множество новых циклов рождения звезд. Возникнет поколение сверхмассивных горячих светил, которые будут жить несколько космических мгновений и умирать в ослепительных вспышках сверхновых. Отдельные звездные системы переживут это событие, но огромные пространства Галактики будут стерилизованы этими катастрофическими взрывами. Прямое столкновение нанесет еще более страшный ущерб, который так или иначе надо пытаться свести к минимуму. В течение следующего миллиарда лет машинам придется усиленно работать не над подавлением появлений разумной жизни, а над созданием горячих звезд. Те звезды, которые все-таки успеют родиться, будут уведены к краю пространства теми же способами, чтобы взрывы не угрожали новым расцветающим культурам.

Великая работа завершится не скоро.

Но это только один вариант будущего. Есть другой, продолжала Фелка. В котором разум уцелеет, как уцелел сейчас. В котором Подавляющие утратят господство в Галактике.

В этом будущем время великого расцвета разума стремительно приближается и может наступить в течение ближайших миллионов лет. В одно биение сердца галактика обезумеет от жизни, наполнившись до краев мыслящими и чувствующими видами.

Но все они обречены на гибель.

Органический разум не сможет достичь необходимого уровня сплоченности и согласованности, чтобы предотвратить столкновение. Сотрудничество видов в таких масштабах просто невозможно. Начнется борьба между разумными видами, цивилизации будут уничтожать друг друга. Цивилизации никогда не станут настолько сплоченными, чтобы осуществить такую обширную и длительную программу, как предотвращение столкновения галактик. И дело не в том, что им будет не по силам предотвратить надвигающуюся угрозу. Просто у каждого вида возникнет собственная стратегия, свое решение этой проблемы. Начнутся диспуты, которые перерастут в вооруженные конфликты — такие же жестокие, как Войны Утренних Зорь.

Слишком много рук окажется на руле космоса, прокомментировала Фелка.

Столкновение галактик произойдет, и результаты — как самого столкновения, так и войн, сопровождающих его — будут катастрофическими. Нет, Млечный Путь не станем безжизненным в одно мгновение. Еще пару миллиардов лет угасающие очаги разума будут бороться за существование, но их меры приведут к одному: уцелевшие мало чем будут отличаться от машин. Ничего подобного обществам, которые населяли Галактику до столкновения, больше не возникнет.

Семнадцатый выстрелил.

Этот факт едва успел отложиться в голове Вольевой, когда луч оборвался. Орудие вернулось в то же состояние, в котором она его обнаружила. По грубым оценкам, оно вышло из-под контроля Клавейна примерно на полсекунды. Возможно, даже меньше.

Она включила передатчик и в шлеме тут же раздался голос Хоури.

— Илия?.. Илия?.. Ты меня...

— Слышу, Хоури. Что-то случилось?

— Да так, ничего. Кажется, ты сделала то, что намеревалась. Орудие выстрелило. Прямое попадание в «Зодиакальный Свет».

Вольева закрыла глаза, перебирая ощущения и не понимая, почему не испытывает победного восторга, которого следовало ожидать.

— Прямое попадание?

— Ну да!

— Этого не может быть. Я не видела вспышки. Двигатели Конджойнеров...

— Я сказала «прямое попадание», а не «смертельный удар».

К этому времени Илия добилась от приборной панели изображения «Зодиакального Света». Потом спроецировала его на щиток шлема и с затаенным волнением принялась рассматривать повреждения. Луч разрезал судно Клавейна, словно буханку хлеба, отхватив примерно треть его длины. Заостренный нос, сверкая ровным срезом ледяной оболочки, пронизанной алмазными волокнами, ужасающе медленным движением отгибался от остальной части судна, словно срубленный шпиль. Сама рана все еще светилась пурпурными оттенками, точно живое тело, по обеим сторонам от среза то и дело возникали вспышки взрывов. Илия не жаловалась на отсутствие ярких впечатлений, но более красивого зрелища не видела, наверное, за всю свою жизнь. Обидно, что она не видела собственными глазами, как это все начиналось.

В этот момент шаттл вздрогнул, и Вольева ударилась о переборку. Черт, она так как не успела пристегнуться. Что произошло? Может, орудие

наводилось на другую цель и при этом задело шаттл? Она вползла в кресло, тряхнула головой, поправляя очки, и посмотрела в иллюминатор, но Семнадцатый оставался в прежнем положении, словно только что прекратил огонь. Шаттл снова задрожал. Та же дребезжащая дрожь с одного борта. На этот раз Илия ощутила через перчатки характерную вибрацию — металл скользил по металлу. Так бывает, когда два небольших корабля, идущих «впритирку», начинают задевать друг о друга.

Она пришла к этому заключению за мгновение до того, как первый гость появился в аварийном шлюзе. Вольева выругалась. Она еще и люк за собой не задраила! Хорошо, что не догадалась заодно снять шлем... Скафандр по-прежнему вызывал обманчивое чувство защищенности. Ей следовало думать о незваных гостях, а не о системах жизнеобеспечения. Будь она в нормальном состоянии, черта с два бы до такого дошло... Впрочем, перед смертью можно позволить себе пару раз ошибиться. В конце концов, ей все-таки удалось нанести Клавейну нечто вроде решающего удара. Сейчас его корабль, скорее всего, уже развалился, и половинки дрейфуют по отдельности, оставляя следы запутанных потоков механических выделений.

— Триумвир? — задребезжал в шлеме незнакомый голос.

Илия с интересом изучала броню незнакомца. Пожалуй, эти завитушки даже могут претендовать на оригинальность. Но пятна люминесцентной краски и зеркальные лоскуты вызывали приступ космической болезни.

— Вы имеете удовольствие меня видеть, — пробормотала Вольева.

На нее смотрело широкое дуло лучевика. Позади стояли еще двое, тоже в радужных доспехах. Непонятно, как эта троица умудрилась поместиться в шлюзе. Первый убрал со щитка черный фильтр, защищающий от вспышек. Под толстым затемненным стеклом можно было рассмотреть маленькие темные глазки и нос-пяточок. Гиперсвин.

— Меня зовут Скорпио, — информировал он. — Я прибыл, чтобы принять твою капитуляцию.

Вышеозначенная Триумвир восхищенно поцокала языком.

— Мою капитуляцию?

— Да, Триумвир.

— Когда ты последний раз смотрел в иллюминатор, Скорпио? Думаю, давно. Пора сделать это еще разик.

Трое переглянулись и примерно минуту совещались по внутренней связи. Потом Вольева почувствовала: они поняли, что произошло. Дуло лучевика качнулось, в черных глазах человека-свиньи мелькнула нерешительность.

— Все равно ты считаешься военнопленной, — сказал он, но уже с намного меньшей убедительностью, чем в первый раз.

Вольева снисходительно улыбнулась.

— Это очень интересно. Ну и где нам следует произвести необходимые формальности? На вашем корабле или на моем?

«И это все? Из этого я должен выбирать? Даже если мы выиграем, если победим Волков — по большому счету это ни черта не значит? И лучшее, что можно сделать в интересах сохранения самой жизни, учитывая все ту же дальнейшую перспективу — свернуться калачиком и умереть прямо здесь? Сдаться на милость Волков и не пытаться с ними бороться?»

(Я не знаю, Клавейн.)

«А ты не допускаешь, что это ложь? Что это лживая пропаганда, болтовня в самооправдание — все, что Волк показал тебе? Может быть, нет никакой высшей цели? Скорее всего, на самом деле они уничтожают разум ради простого исполнения какого-то эфемерного долга. И больше ни для чего. И даже если все, что он тебе показал — правда, она не становится истиной. Основания могут быть сто раз вескими, но сколько жестокостей совершались во имя прекрасных идей! Поверь мне. Никакая утопия не стоит того, чтобы уничтожить миллиарды разумных живых существ. И неважно, какова альтернатива.

(Но ты прекрасно знаешь, какова она, Клавейн. Абсолютное вымирание.)

«О да, конечно. Это они так говорят. А если все не так просто? Если то, что они тебе рассказали — правда, то всю будущую историю Галактики определяет именно существование Волков. Мы никогда не узнаем, что могло произойти, если бы они не возникли, дабы помочь жизни пережить кризис. Условия эксперимента изменились. Появились новые переменные. Например, слабость Волков. То, что они начали терпеть неудачу за неудачей — факт. А может быть, изначально они не создавались такими жестокими, Фелка? Ты думала об этом? Когда-то они были пастухами, а не браконьерами? Потом произошел какой-то сбой — произошел так давно в прошлом, что об этом уже никто не помнит. Они продолжали следовать правилам, заложенным в них, но действовали все более и более тупо, все более и более жестоко. То, что начиналось как мягкое сдерживание, превратилось в уничтожение видов. То, что начиналось как контроль, стало тиранией, самоувековечивающейся и самоповторяющейся. Подумай об этом, Фелка. Возможно, есть высший мотив, высшая цель их деятельности... но не обязательно».

(Я знаю только то, что мне поведал Волк. Это не мое дело — выбирать. Не мне указывать, как ты должен поступить. Я просто решила рассказать тебе все.)

«Понимаю. И не виню тебя».

(Что ты собираешься делать?)

Клавейн думал о том, какая это жестокая штука — равновесие. Он сравнивал перспективы: космические раздоры — тысячелетние сражения, гремящие по всей Галактике — и бесконечно более величественное вселенское молчание. Он думал о мирах и вращающихся вокруг них лунах, чьи дни некому считать, чьи времена года никто не помнит. Думал о звездах, живущих и умирающих в отсутствии наблюдателей, светящих в бездумную темноту до скончания времени — и ни одной мысли, ни одного проблеска разума, способного потревожить ледяное спокойствие между «сегодня» и «вечностью». Машины могут еще долго патрулировать космос, перерабатывать и интерпретировать данные. Но не будет ни узнавания, ни любви, ни ненависти, ни потерь, ни боли — только анализы и информация, пока последняя искра напряжения не угаснет в последней электроцепи, оставляя последний застрявший алгоритм наполовину выполненным.

Конечно, ты безнадежный антропоцентрист, Невил Клавейн. Вся эта драма разворачивается в местной группе галактик, не более того. Где-то — не в десятках, а в сотнях миллионов светолет отсюда — находятся другие группы галактик, собранных по десятку, по два десятка, но отграниченные друг друга собственным тяготением. Слишком далеко, чтобы быть достигаемыми даже в воображении — но «недостигаемо» не значит «не существует». Они зловеще молчаливы — но молчание не означает бесчувственности. Возможно, они познали ценность молчания. Грандиозная история жизни Млечного Пути — и во всей локальной группе, которую он представляет — может оказаться единственной бусинкой на нити, которая тянется через вечность. В конце концов, это действительно может быть несущественно, — то, что происходит здесь и сейчас. Слепо выполняя инструкции, полученные в далеком прошлом Галактики, Волки могут задушить разум или помочь ему пережить смертельный кризис. Вероятно, каков бы ни был исход, это тоже не играет никакой роли, как не играет роли вымирание на единственном острове, когда в окружающем мире бушует могучий поток жизни.

А может быть... именно это имеет значение. Куда большее, чем что бы то ни было.

Клавейн увидел это с неожиданной ясностью, от которой могло остановиться сердце. Все, что имеет значение, происходит здесь и сейчас.

Все, что имеет значение — выживание. Разум, склонившийся и принявший собственное вымирание — неважно, ради каких далеких перспектив, ради каких великих и прекрасных целей — это не тот вид, который имеет смысл сохранить.

И не тот, которому Клавейн готов служить. Чем труднее выбор, тем проще проблема, это он понял давно. Он может уступить орудия и внести вклад в неизбежное вымирание человечества, зная при этом, что сделал это ради возможного сохранения разумной жизни как таковой. И может забрать их — хотя бы в том количестве, в котором они доступны, — и попытаться решить проблему, которая угрожает людям здесь и сейчас.

Может быть, это бессмысленно и просто отсрочит неизбежное. Но если так, почему бы не попытаться?

(Клавейн?..)

Он был погружен в безмерном спокойствии. Все стало понятно. Остается только сказать Фелке, что принял решение забрать орудия и стоять до конца. И будь она проклята, это дальнейшая перспектива. Он — Невил Клавейн, который никогда не сдавался.

Но неожиданно что-то привлекло его внимание.

По «Зодиакальному Свету» нанесли удар. Корабль был расколот разломился.

Глава 39

— Привет, Клавейн, — сказала Илия Вольева. Ее голос напоминал шуршание Трюкачей, так что ему приходилось вслушиваться, чтобы разобрать слова.

— Рада тебя видеть, в конце концов. Подойди ближе, хорошо?

Он подошел к ее койке. В это не хотелось верить, но перед ним была Триумвир. Женщина выглядела смертельно больной, однако от нее исходило глубокое спокойствие, а на лице, хотя глаза прятались под серыми непрозрачными очками, читалось сознание выполненного долга, той блаженной эйфории, смешанной с запредельной усталостью, которая приходит по завершении долгого и трудного дела.

— Рад познакомится, Илия, — сказал Клавейн.

И пожал ей руку, так мягко, насколько мог. Она была ранена, а затем, незащищенная, вновь вышла в космос, где кипело сражение — и получила такую дозу радиации, что даже медишны, введенные в ее организм, не могли ее спасти.

Триумвир умирала, ее время почти истекло.

— Ты почти такой же, как твоя копия, Клавейн, — произнесла она спокойным скрипучим голосом. — И в тоже время другой. В тебе есть серьезность, которой не хватает машинам. А может быть, мне просто так кажется. Потому что теперь я знаю тебя лучше — как противника. Я не уверена, что уважала тебя раньше.

— А теперь?

— Ты дал мне время подумать. Теперь я могу сказать, что уважаю.

В каюте находилось девять человек. Рядом с кроватью Вольевой стояла Хоури — Клавейн решил, что это помощница Вольевой. В свою очередь Клавейна сопровождали Фелка, Скорпио и двое его гиперсвинов, Антуанетта Бакс и Ксавьер Лю. Шаттл Конджойнера-отступника, человека, который прожил четыреста лет, причалил к «Ностальгии по Бесконечности», как только было объявлено о прекращении огня. Вскоре к нему присоединилась «Штормовая Птица».

— Ты рассмотрела мое предложение? — деликатно поинтересовался Клавейн.

Вольева презрительно усмехнулась.

— Твое предложение?

— Мое пересмотренное предложение. Которое не включает в себе

твою одностороннюю капитуляцию.

— По-моему, ты не в том положении, чтобы предъявлять ультиматумы. По моим последним данным, у тебя осталось полкорабля.

Она была права. Ремонт и основная часть команды уцелели, но сказать, что звездолет сильно пострадал, означало не сказать ничего. Оставалось загадкой, почему не сдетонировали двигатели Объединившихся.

— Я имел в виду... соглашение. О взаимном сотрудничестве, равном и взаимовыгодном.

— Напомни, хорошо?

Клавейн обернулся.

— Антуанетта, сделай одолжение.

Девушка вышла вперед. Похоже, она испытывала примерно такой же трепет, как и Клавейн.

— Илия...

— Триумвир Вольева, молодая леди. По крайней мере, до тех пор, пока мы не познакомимся получше.

— Что я хотела сказать... у меня есть корабль... грузовой...

Илия посмотрела на Клавейна, и он понял ее без слов. У нее оставалось слишком мало времени, чтобы тратить его на предисловия.

— У Антуанетты есть грузовоз, — твердо произнес Клавейн. — Сейчас он пришвартован к «Ностальгии». Судно рассчитано на трансатмосферные перелеты. Характеристики не блестящие, но проблем не будет.

— И что ты предлагаешь?

— На «Штормовой Птице» есть грузовые помещения с нормальным давлением. Они пригодны для перевозки крупных партий пассажиров. Условия не самые шикарные, но...

Вольева подозвала Антуанетту.

— Сколько?

— Четыре тысячи — легко. Может, даже пять. Триумвир, оно так и напрашивается на роль ковчега. Ну... на худой конец, баржи. [\[65\]](#)

Клавейн кивнул.

— Подумай, Илия. Насколько я понял, здесь проводится операция по эвакуации. Я подозревал, что меня пытаются обмануть, но сейчас получил все доказательства. Однако вы не вывезли даже двух процентов населения планеты.

— Мы сделали все, что смогли, — защищаясь, возразила Хоури. Клавейн жестом остановил ее.

— Я верю. Учитывая условия, вы сделали очень много. И спасете столько людей, сколько сможете. Но можно сделать еще больше. Орудие Волков... прошу прощения, Подавляющих... буравит Дельты Павлина. И оно не будет ждать, пока мы что-нибудь придумаем. Если использовать «Штормовую Птицу», нам хватит пятидесяти рейсов. А может быть, и меньше. Допустим, сорок. Антуанетта права: из ее судна выйдет неплохой ковчег. К тому же достаточно быстрый.

Вольева вздохнула:

— Если бы все было так просто, Клавейн.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы имеем дело не с безликими единицами. На Ресургеме живые люди. Напуганные, отчаявшиеся... — серые очки поймали блик света. — Верно, Хоури?

— Она права. Внизу творится черт знает что. Администрация...

— До сих пор вы работали вдвоем, — возразил Клавейн. — И имели дело с правительством. Сейчас у нас есть армия. Неплохой аргумент, который позволяет быстро договориться. Что скажешь, Скорпио?

— Мы можем взять Кювье, — ответил человек-свинья. — Я уже про это подумал. Не сложнее, чем квартал Города Бездны. Или это судно, если на то пошло.

— Вы никогда не захватывали мой корабль, — напомнила Триумвир. — Так что не переоценивай свои возможности.

Она повернулась к Клавейну, и в ее голосе появилась настойчивость.

— Ты серьезно собираешься действовать силой?

— Если это единственный способ увести людей с планеты — то да.

Если бы не очки, можно было сказать, что Вольева прищурилась.

— А у тебя, похоже, изменились планы, Клавейн. С каких пор тебя так беспокоит эвакуация Ресургема?

Клавейн посмотрел на Фелку.

— Просто оказалось, что с возвращением орудий не все так просто. Мне пришлось сделать трудный выбор, более трудный, чем хотелось... И я его сделал.

— Хочешь сказать, они тебе больше не нужны?

Клавейн улыбнулся.

— На самом деле, нужны. Как и тебе. Но думаю, мы сможем договориться, не так ли?

— У нас еще масса дел, Клавейн. Я имею в виду не только эвакуацию населения. Как я понимаю, ты решил, что я позволю Подавляющим жить спокойно?

Он покачал головой.

— Нет. На самом деле, у меня даже в мыслях не было.

— Я умираю, Клавейн. У меня нет будущего. При правильном уходе я протяну еще недель пять-шесть, но не больше. Подозреваю, в каком-нибудь другом мире с этим могли бы справиться — с технологиями, которые использовали до Эпидемии. Но для этого меня придется заморозить, а я этого терпеть не могу. Честно говоря, хватило. Итак, я считаю вопрос решенным... — она чуть приподняла иссохший кулачок и стукнула по одеялу. — Я завещаю тебе этот треклятый корабль. Когда мы закончим эвакуацию, ты увезешь на нем людей — подальше отсюда. Сейчас я передаю его тебе. Он твой.

Вольева повысила голос — должно быть, это стоило ей немалых усилий.

— Ты меня слышишь, Капитан? Теперь это корабль Клавейна. Таким образом, я ухожу в отставку как Триумвир.

— Капитан?.. — неловко спросить Клавейн.

Она улыбнулась.

— Не волнуйся, в свое время все узнаешь.

— Я позабочусь о беженцах, — сказал Клавейн. Он был почти потрясен. — Честное слово... Обещаю, Триумвир. Я тебя не подведу.

Вольева остановила его, вяло махнув рукой.

— Я верю тебе. Ты из тех, кто не сворачивает с полдороги.

Клавейн почесал бороду.

— Остается еще одна вещь.

— Орудия? Кто их получит? Не волнуйся. Я уже все продумала.

Она смолкла. Клавейн ждал, изучая невнятные выпуклости и впадины на одеяле, в которых было трудно узнать человеческое тело.

— Итак, мое предложение, — голос Вольевой звучал чуть громче, чем вздох ветра. — Обсуждению не подлежит. Ты... Как тебя...

— Антуанетта, — почти неуверенно пробормотала девушка.

— М-м-м...

Казалось, это самая неинтересная вещь, которую она слышала.

— А твой корабль... грузовоз... на самом деле такой большой и быстрый, как тут говорили?

Антуанетта неуверенно пожала плечами.

— Я думаю.

— Тогда я его беру. Когда мы закончим эвакуацию, судно тебе больше не понадобится. Вам лучше убедиться, что сделаете работу, прежде чем я умру.

Клавейн посмотрел на Антуанетту, затем на Вольеву.

— Для чего тебе ее корабль, Илия?

— Слава, — рассеянно произнесла она. — Слава и освобождение. А ты что подумал?

Антуанетта сидела на мостике корабля. Это был ее корабль, а до этого он был кораблем ее отца. Корабль, который она сначала любила, потом ненавидела. Корабля, который был частью ее жизни, частью ее самой. Это их последнее свидание. Хорошо это или плохо, но в жизни все меняется. И сейчас что-то заканчивается. То, что началось, когда она покинула Карусель во исполнение смешной детской клятвы. Но эта клятва была порождением доброты и любви. И благодаря ей Антуанетта оказалась в самом сердце войны, стала причастна к великой всеограшающей исторической машинерии. Если бы знать, если бы иметь хоть малейшее представление о том, что произойдет... Что ее втянут в историю с Клавейном, которая началась за сотни лет до ее рождения, что ее вырвут из привычного мира, привычной обстановки, что ее занесет в такую даль, на много световых лет от дома, на десятилетия в будущее. Наверно, у нее бы духу не хватило... или наоборот. Она заглянула бы страху в глаза и с упрямой решительностью сделала бы то, что пообещала себе годы много лет назад. Да, скорее всего, именно так бы и было. Упрямство не лечится. Если это и не было ее девизом, то теперь, наверно, станет. Скорее всего, папа был бы не в восторге... или нет? Почему-то Антуанетта была почти уверена: в глубине души он бы согласился и, возможно, даже гордился бы ей.

— Корабль?

— Да, Антуанетта?

— Знаешь... ладно. Сдаюсь. Можешь называть меня Маленькая Мисс.

— Это всегда было просто игрой, — Тварь, или, точнее, Лайл Меррик, выдержал выразительную паузу — И у меня неплохо получалось, что скажешь?

— Папа был прав, что доверял тебе. Ты действительно обо мне заботился, верно?

— В силу возможности. Не все получалось так, как я надеялся. Но ты, честно говоря, не облегчала мне задачу. Полагаю, что это было неизбежно, учитывая наследственность. Твоего отца при всем желании трудно было назвать осторожным. А ты — то самое яблоко, которое от яблони недалеко падает.

— Но мы с этим жили, — сказала Антуанетта. — И до сих пор живем. И это чего-то стоит, как думаешь?

— Полагаю, так.

— Корабль... Лайл...

— Антуанетта?

— Ты знаешь, чего хочет Триумвир?

Несколько секунд Лайл Меррик не отвечал. Всю свою жизнь девушка думала, что субличность делает паузы для вящего правдоподобия, но дело оказалось в другом. Сознание симуляции работает со скоростью, очень близкой к скорости обычного человеческого мышления. Паузы указывали на самый настоящий самоанализ.

— Да, Ксавьер информировал меня.

Антуанетта обрадовалась. По крайней мере, эту часть соглашения ему открывать не надо.

— Когда эвакуация закончится — в смысле, когда мы заберем столько людей с планеты, сколько успеем, — Триумвир хочет использовать «Штормовую Птицу» в своих целях. Она говорит, для славы и освобождения. Звучит как миссия камикадзе.

— Мне тоже так показалось, — синтезированный голос Лайла Меррика звучал абсолютно спокойно. — Насколько я понял, Илия умирает. Поэтому это не будет самоубийство в обычном смысле... но, честно говоря, разница несущественна. Мне кажется, она хочет некоторым образом искупить свое прошлое.

— Хоури — ее напарница — говорит, что Вольева — не монстр, как думают люди на планете.

Антуанетта пыталась копировать ровный деловитый тон Меррика. Они ходили вокруг да около, и никто не хотел первым сказать о том, ради чего начался разговор.

— Думаю, она все-таки натворила каких-то дел.

— Тогда это касается нас обоих, — произнес Меррик. — Да, Антуанетта, я знаю, о чем ты беспокоишься. Но не стоит за меня волноваться.

— Она думает, ты просто корабль, Лайл. И никто не скажет ей правды, так как им очень сильно нужна ее помощь. Но даже если и расскажут, ничего не изменится...

Антуанетта запнулась. Ей было очень грустно, и она ненавидела себя.

— Ты умрешь, верно? В конце концов, и... это могло произойти черт знает сколько лет назад. Если бы папа и Ксавьер не помогли тебе.

— Я заслуживаю этого, Антуанетта. Я сделал нечто ужасное и ушел от наказания.

— Но, Лайл...

У нее защипало в носу. Слезы подступили к глазам, готовые хлынуть наружу. Глупые беспричинные слезы. Черт подери... Она любила свой корабль... затем возненавидела его, из-за лжи, в которую он впутал ее отца, из-за лжи, которой ее пичкали. А потом она снова полюбила корабль — потому что «Штормовая Птица» и призрак Лайла Меррика, поселившийся там, оказались хрупкой ниточкой, которая протянулась в прошлое, к папе. И сейчас, когда наконец-то восстановлено внутреннее согласие... У нее отбирали то, что она только что научилась любить. Последнее, что связывало с папой, ускользало у нее из рук. И все из-за этой суки Вольевой...

Почему все так запуталось? Все, что она хотела — сдержать клятву.

— Антуанетта?

— Мы можем убрать тебя, — сказала она. — Вытащить из корабля и заменить обычной субличностью. И Вольева ничего не узнает.

— Нет. Это мой шанс. Если она хочет славы и освобождения, почему я не могу урвать свой кусочек?

— Ты — это совсем другое дело. Тебе незачем приносить себя в жертву.

— Но я бы хотел именно этого. Не будь жадиной, хорошо?

— Нет, — ответила она, ее голос сорвался. — Нет, не могу.

— Пообещай мне кое-что, Антуанетта.

Она вытерла глаза, словно он мог не увидеть ее слез... и ощутила странное ликование.

— Что, Лайл?

— Что ты начнешь, черт возьми, заботиться о себе. Прямо сейчас. Что бы ни произошло.

Она кивнула.

— Обещаю.

— Вот и славно. И я хочу еще кое-что тебе сказать. А потом, как мне кажется, нам надо разбежаться. Я могу продолжать эвакуацию в одиночку. И, черт побери, категорически отказываюсь подвергать тебя постоянной опасности продолжением полетов у меня на борту. Неплохо звучит для приказа, а? Впечатляет? Ты не думала, что я на такое способен?

— Нет, Кораблик. Не думала.

Антуанетта улыбнулась. В ней боролись самые противоречивые чувства.

— И последнее, Антуанетта. Это было приятно — служить тебе. Приятно и почетно. А теперь, пожалуйста, иди и поищи себе другой корабль — желательно что-нибудь побольше и получше. И командуй им.

Уверен, ты превосходно справишься.

Она встала с кресла.

— Самый лучший. Обещаю.

— Не сомневаюсь.

Она пошла к люку, но задержалась в проеме.

— Прощай, Лайл.

— Прощай, Маленькая Мисс.

Глава 40

Когда его вытащили из утробы саркофага, он дрожал. Он чувствовал себя человек, которого откопали из-под снега. Лица людей, стоящих стояли вокруг, начинали различаться, но ни одно из них не показалось знакомым. Кто-то укутал его тощие плечи термоодеялом. Люди молчали. Они понимали, что он вряд ли способен общаться, и давали ему время прийти в себя.

Пару минут Клавейн сидел на краю криогенной камеры, пока не почувствовал, что в состоянии встать на ноги. Сделав несколько шагов, он споткнулся, но умудрился сделать вид, будто неожиданно захотел опереться о бронированный наличник иллюминатора. Заодно можно было взглянуть наружу. Но там не было ничего — только чернота и его собственное призрачное отражение на переднем плане. Оно напоминало маску: затененные глазницы казались пустыми дырами, за которыми был только космический вакуум. Клавейн испытал приступ дежа вю: когда-то он уже находился здесь и созерцал свое отражение, похожее на маску. Он терпеливо тянул ниточку, разматывая клубок воспоминаний. Да. Дипломатическая миссия, которую в последний момент все-таки решили провести. Шаттл, несущийся к оккупированному Марсу, предстоящее столкновение со старым врагом и другом по имени Галиана... Уже тогда — четыреста лет назад, а теперь уже больше — он чувствовал себя слишком старым для этого мира, слишком старым для роли, которую ему навязали. Знать бы тогда, что ему еще предстоит... Он либо рассмеялся бы, либо сошел бы с ума. Тогда казалось, что жизнь уже кончена, хотя это было только начало, в настоящее время едва отличимое от воспоминаний детства.

Он снова посмотрел на людей, которые его разбудили, потом на потолок.

— Притушите свет, — сказал кто-то.

Отражение исчезло. Теперь Клавейн мог разглядеть в иллюминаторе нечто, кроме черноты. Рой звезд, усеявших полнеба. Красные, голубые, золотые и льдисто-белые. Некоторые ярче, некоторые бледнее... Но Клавейн не узнавал ни одного созвездия. Все, что могло сказать ему расположение светил, втиснутых в небольшой сектор пространства — что корабль все еще движется со скоростью, близкой к световой.

Клавейн обернулся.

— Сражение состоялось?

— Да, Клавейн, — бледная темноволосая женщина заговорила от всей группы. В ее голосе звучала теплота, но не было той абсолютной уверенности, которую он ожидал услышать. — Все кончено. Мы столкнулись с тремя кораблями Объединившихся, один уничтожили, остальные два повредили.

— Только повредили?

— Симуляции не позволяют сказать точнее, — ответила она.

Она подошла ближе и поднесла к его губам колбу с коричневой жидкостью. Клавейн разглядывал лицо и волосы женщины. В них было что-то знакомое. Он поймал проблеск, высветивший те же древние воспоминания, которые потревожило его собственное отражение в иллюминаторе.

— На, выпей. Восстановительные медишны из аптечки Илии. Тебе станет намного легче.

Клавейн взял колбу, понюхал... Пахло шоколадом, хотя он ожидал почувствовать аромат чая. Клавейн сделал несколько глотков.

— Спасибо, — сказал он. — Ничего, если я спрошу, как тебя зовут?

— Конечно, — ответила женщина. — Я Фелка. Ты хорошо меня знаешь.

Клавейн снова посмотрел на нее и пожал плечами.

— Кажется, мы знакомы...

— Пей. Думаю, тебе это нужно.

Память возвращалась урывками. Так город оживает после аварии в сети электроснабжения. Квартал за кварталом, совершенно беспорядочно; подручные осветительные приборы мерцают и гаснут, прежде чем восстановится нормальное освещение. Но он уже почувствовал себя неплохо. Однако ему по-прежнему приходилось принимать медишны: каждый прием предназначался для восстановления определенной функциональной зоны мозга, каждая производила более точную регулировку. Перед каждым приемом Клавейн строил такие рожи, что смотреть было страшно. Под конец он клятвенно пообещал себе, что до конца своих дней не прикоснется к шоколаду.

Через несколько часов Клавейн пришел к выводу, что за его нервную систему можно не беспокоиться. Оставались мелкие детали, которые он помнил не очень четко. Но амнезия оттаивания — явление настолько распространенное, что считается почти нормальным. Клавейну выдали легкий биомониторинговый [66] «камзол» наподобие тех, что носили

средневековые герольды, и долговязого слугу цвета старой бронзы в качестве сопровождающего, после чего отпустили на все четыре стороны.

— Можно поинтересоваться, для чего вы меня «отогрели»? — спросил Клавейн.

— Про это потом поговорим, Клавейн, — отозвался Скорпио — судя по всему, он был при исполнении. — Нам спешить некуда.

— Но нам надо принять какое-то решение. Верно?

Свин покосился на одного из командиров — девушку по имени Антуанетта Бакс. У нее были огромные глаза и целая галактика веснушек на носу. Клавейн чувствовал, что воспоминания, связанные с ней, еще не выплыли на поверхность. Антуанетта кивнула, но почти незаметно.

— Само собой, — сказал Скорпио. — Не для того, чтобы на тебя полюбоваться. На самом деле проблема — дерьмо дерьмом, и без света ясно.

Это место, скрытое в недрах огромного корабля, как будто принадлежало другой части Вселенной. Просторная поляна, поросшая травой, была окружена деревьями и накрыта, словно куполом, синтетическим голубым небом. Голографические птицы — попугаи, птицы-носороги и прочая крылатая мелочь — проносились между стволами, словно кометы, окрашенные в спектрально чистые цвета. Вдали журчал подозрительно реальный водопад, который низвергался в крошечное озерцо, порождая облако жемчужно-голубой водяной пыли.

Фелка вела Клавейна по мягкому ковру прохладной блестящей зелени. Длинное черное платье ниспадало до пят и волочилось по росистой траве, но Фелку это не беспокоило.

Они присели на пеньки с отполированными до зеркала срезами, лицом друг к другу. Кроме птиц, здесь никто не мог помешать их уединению.

Клавейн огляделся. Сейчас он себя чувствовал намного лучше. Память почти полностью восстановилась, и лишь один фрагмент упорно не желал становиться на место.

— Это ты создала, Фелка?

— Нет, — осторожно ответила она. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что это немного напоминает лес в сердце Материнского Гнезда. Мне так кажется. Там, где у тебя была мастерская. За исключением, конечно, гравитации.

— Значит, ты все вспомнил.

Клавейн почесал щетинистый подбородок — кто-то заботливо сбрил ему бороду, пока он спал.

— Обрывки, осколки... Из того, что произошло перед тем, как меня заморозили — почти ничего.

— Что ты помнишь?

— Ремонтуа покинул нас, чтобы установить контакт с Силвестом. Ты собиралась уйти вместе с ним, но затем передумала. Кажется, это все. Вольева погибла, верно?

Фелка кивнула.

— Мы эвакуировали людей с планеты. Вы с Илией договорились поделить оставшиеся орудия. Она взяла «Штормовую Птицу», загрузила в нее агрегаты, сколько поместилось, и полетела прямо в сердце машины Подавляющих.

Клавейн покачал головой и тихонько присвистнул:

— И как, это что-то изменило?

— Вообще ничего. Но выглядело впечатляюще.

Он улыбнулся.

— Меньшего я от нее и не ожидал. А еще что было?

— Хоури и Овод... ты помнишь их? Эти двое присоединились к Ремонтуа и отправились на Гадес. У них были шаттлы, они добрались до «Зодиакального Света» и запустили системы самовосстановления. После этого осталось только поддерживать снабжение сырьем — корабль сам себя отремонтирует. Это потребует времени — как полагает Хоури, достаточно, чтобы наладить контакт с Силвестом, .

— Она говорила, что уже побывала в Гадесе, — Клавейн сорвал несколько травинок, раздавил их и понюхал зеленые пятна, оставшиеся на пальцах. — Я не знал, как это понимать. Но Илия, кажется, ей верила.

— Рано или поздно мы все выясним, — сказала Фелка. — После того, как им удастся наладить контакт... сколько бы это ни заняло времени... они возьмут «Зодиакальный Свет», покинут систему и последуют нашей траектории. Что касается нас... так вот, это все еще твой корабль, Клавейн. Правда, текущими проблемами занимается Триумвират — Кровавый, Круз и Скорпио. Их избрали большинством голосов. Хотели выбрать Хоури, но она решила остаться после эвакуации.

— Если память мне не изменяет, удалось спасти сто шестьдесят тысяч человек, — произнес Клавейн. — Это сильно отличается от истины?

— Нет, все правильно. На самом деле, впечатляет — пока не понимаешь, что сорок тысяч спасти не удалось...

— Что-то пошло не так? Если мы не смогли вмешаться...

— Нет, Клавейн, — ее тон стал назидательным, словно она указывала на ужасную ошибку, которую он совершил в ходе политической

компании. — Нет. Ты не должен так думать. Посмотри, что произошло.

Они находились достаточно близко и могли общаться способом Объединившихся. Фелка проецировала в его сознание образы, картины из сцены гибели Ресургема. Клавейн видел последние часы планеты. Гравитационный бур Волков — то, что все называли орудием Подавляющих — пробил отверстие в самое сердце звезды, воткнув невидимое жало в раскаленное термоядерное ядро. Диаметр скважины не превышал нескольких километров в самом широком месте, и плазма вырвалась наружу под огромным давлением. Звезда истекала кровью, но процесс не напоминал бесконтрольное кровопускание. Тонкую струю раскаленных продуктов ядерного синтеза изогнули дугой, которая чуть расширялась и охлаждалась по мере удаления от поверхности звезды. Скорость потока составляла половину световой. Сдерживаемый и направляемый гравитационными импульсами, которые его породили, поток образовал плавную параболу, которая упиралась в дневную сторону Ресургема. В точке столкновения ширина плазменной струи составляла почти тысячу километров. Эффект оказался катастрофическим и наступил почти мгновенно. Атмосфера испарилась в ослепительной вспышке, через секунду испарились ледяные шапки и несколько водоемов. Обезвоженная, лишенная воздуха кора начала плавиться, словно лицо планеты превращалось в чудовищный вишнево-красный ожог. Луч проникал все глубже, на сотни километров, выбрасывая в космос сгустки расплавленной породы. Тем временем сейсмические волны уже обогнули планету и встретились на ночной стороне, уничтожив все живое — каждое человеческое существо, каждый организм, что люди привезли на Ресургем. Впрочем, жизнь на планете была все равно обречена. Через несколько часов гибнущая планета завершила бы оборот, последовательно подставляя обезумевшему светилу каждый дюйм своей поверхности. Поток продолжал свой чудовищный путь, поступающая из звезды плазма не иссякала. Он давно сжег кору Ресургема, но продолжал вгрызаться в изуродованное ядро.

Три недели спустя от Ресургема остался дымящийся бесформенный сгусток, похожий на головешку диаметром четыре пятых от первоначального. Затем луч обрушился на другую цель, и там повторилось то же самое. Материя истекала из сердца Дельты Павлина, оставляя холодную пустую оболочку. В дальнейшем реакции синтеза в ядре неизбежно прекратятся. По словам Фелки, этот момент еще не наступил — по крайней мере, если верить сигналам, которые удавалось получить из системы. Последним сигналом, который оповестит о том, что это

произошло, станет грандиозный взрыв.

— Вот видишь, — сказала она, — нам на самом деле очень повезло. Мы смогли спасти очень многих. Остальные погибли, но не по нашей вине. Мы просто сделали все, что могли в данных обстоятельствах. И нет смысла казнить себя. Не появись мы здесь, погибли бы все. Флот Скейд не в счет. Они бы не стали вести переговоры.

Клавейн вспомнил вспышку, в которой погибла «Ночная Тень». И Галиана — необратимо, навсегда. Это было сделано по его приказу. Даже сейчас он чувствовал боль.

— Но ведь Скейд мертва, верно? Я взорвал ее вместе с кораблем. Другие корабли флота действовали каждый сам по себе, даже когда мы вступили с ними в бой.

— Ну да, — уклончиво отозвалась Фелка.

Клавейн проследил взглядом за пурпурным ара, который перелетал от дерева к дереву.

— Я могу консультировать вас по стратегическим вопросам, но не испытываю ни малейшего желания стать капитаном и владельцем этого корабля. Для начала, это не мой корабль. Вольева могла говорить что угодно. Во-вторых, я слишком стар, чтобы командовать. И в любом случае, зачем я нужен этому кораблю? У него есть свой собственный Капитан.

Голос Фелки стал вдвое тише.

— Значит, ты помнишь Капитана?

— Я помню, что сказала Вольева. Но не припоминаю, чтобы разговаривал с самим Капитаном. Он все еще при делах — в том смысле, как она говорила?

— Все зависит от того, что ты называешь «делами», — очень осторожно ответила Фелка. — Его инфраструктура до сих пор цела, но с тех пор, как мы покинули Дельту Павлина, он ничем не проявляет себя как разумное существо, .

— Получается, Капитан мертв?

— Нет, я бы так не сказала. Если верить Вольевой, от него зависит работа чуть ли не всех корабельных систем. Она рассказывала: когда Капитан в очередной раз входил в ступор, это выглядело так, словно на борту отключали энергию. Ничего подобного не происходит. Корабль все еще заботится о себе, поддерживает работу устройств, производит саморемонт и иногда модернизацию.

Клавейн кивнул.

— Может быть, Капитан действует бессознательно? Он перестал быть разумным существом... как пациент, у которого сохранились базовые

мозговые функции, но не более того?

— Это все, что мы можем предположить. Но дальше предположений дело не идет. Иногда у него бывают короткие проблески разума. Тогда корабль делает для себя некоторые вещи без команды или необходимости. Вспышки творчества. Словно Капитан до сих пор здесь, но спрятался еще глубже.

— Возможно, он оставил тень самого себя, — сказал Клавейн. — Бессознательную оболочку, которая тупо воспроизводит поведенческие образцы.

— Чем бы это ни было, Бренниген искупил свою вину. Он сделал нечто ужасное, но в итоге спас сто шестьдесят тысяч жизней.

— И Лайл Меррик тоже, — добавил Клавейн, впервые с момента пробуждения вспомнив секрет корабля Антуанетты и самопожертвование человека, заменявшего субличность «Штормовой Птицы». — Два искупления по цене одного? Думаю, для начала неплохо, — он отколол щепочку и повертел в пальцах, . — Итак, что произошло, Фелка? Зачем меня разморозили, хотя знали, что это может стоить мне жизни?

— Сейчас увидишь, — ответила она и посмотрела в сторону водопада.

Клавейн недоуменно проследил за ее взглядом. Только что они были совершенно одни... но теперь у самого уреза воды, у подножья водопада кто-то стоял. Туман чуть размывал очертания.

Но он узнал эту женщину.

— Скейд...

— Привет, Клавейн, — произнесла она, но не сделала ни шага в его сторону.

Ее голос звучал глухо — акустика в помещении была не самая лучшая. Клавейн ощутил приступ раздражения, почти гнева. Похоже, его просто дурачат.

— Бета-копия, как я понимаю? — произнес он, обернувшись к Фелке. — Похоже, Производителю Работ удалось выкроить достаточно рабочей памяти, чтобы засунуть по одной Скейд на каждый корабль.

— Да, это «бета», — она уверенно кивнула. — Но в остальном все немного иначе. Правда, Скейд?

— Данная бета-симуляция сделана совсем недавно, Клавейн, — Скейд слегка повернулась, демонстрируя свое металлическое тело. — Мой оригинал отправил ее тебе во время сражения.

Клавейн помотал головой.

— Извини... Может быть, у меня проблемы с памятью, но твой оригинал я уничтожил до сражения. Это я помню очень хорошо. Я взорвал

«Ночную Тень» вскоре после того, как спас Фелку.

— Это только твои воспоминания. Впрочем, примерно так оно и было.

— Ты не могла уцелеть, Скейд, — упрямо произнес Клавейн, словно его вера могла рассеять призрачную фигуру, которая сейчас стояла перед ним.

— Я никогда не теряю голову, Клавейн. Я была уверена, что ты уничтожишь «Ночную Тень», после того как забрал Фелку. По правде сказать, у меня были некоторые сомнения. Сотворить такое, когда у меня на борту Галиана... — она улыбнулась, и на ее лице появилось нечто близкое к восхищению. — Я напрасно сомневалась, верно? Ты оказался куда более безжалостным противником, чем я могла себе вообразить — даже после того, что ты со мной сделал.

— У тебя находилось тело Галианы, а не Галиана, — ровно произнес Клавейн. — Я всего лишь дал ей покой. Это следовало сделать сразу после ее смерти, много лет годы назад.

— Но ты же сам в это не веришь. Ты всегда знал, что это не конец, а тупик.

— Это все равно что смерть.

— Но шанс выйти из тупика есть всегда, Клавейн. Не сейчас, так в будущем. Когда-нибудь она могла бы избавиться от Волка... — голос Скейд стал вкрадчивым. — Ты в это верил. Ты верил, что когда-нибудь ее можно будет вернуть.

— Я поступил так, как должен был поступить, — отрезал Клавейн.

— Такая жестокость... Ты меня восхищаешь. Ты куда больший «паук», чем кто-либо из нас.

Клавейн встал и подошел к воде. Теперь между ним и бета-симуляцией осталось несколько метров. Из-за тумана она казалась призраком, парящим над землей.

— Я поступил так, как должен был поступить, — повторил он. — И всегда поступал именно так. Я не жесток, Скейд. Будь я жестоким, я бы не чувствовал боли.

— А ты чувствовал?

— Это самое отвратительное, что я совершил в своей жизни. Я выкинул ее любовь из Вселенной.

— Сочувствую, Клавейн.

— Как ты смогла выжить, Скейд?

Она провела пальцем по шее, словно отрезала плоть от доспехов.

— Как только вы с Фелкой улетели, я отсоединила свою голову и поместила ее внутрь маленькой ракеты. Ну, разумеется, ввела себе

интерглиальные ^[67] медишны — чтобы дать мозг выдержал ускорение. Потом запустила ракету с кормы «Ночной Тени», в сторону своей эскадры. Маленький снаряд... Я знала, что ты его не заметишь — тебя беспокоило только то, что летит в сторону твоего корабля. Ну вот... ракета вышла из зоны обнаружения твоих приборов, а потом активизировала систему генерации направленного пульс-сигнала. Один из звездолетов направился в мою сторону, сбросил скорость... Ракету поймали и доставили на борт, — Скейд улыбнулась и на секунду прикрыла глаза. — На одном из кораблей находился доктор Дельмар... к сожалению, на том самом, который вы уничтожили. Правда, свою задачу он все-таки выполнил. Он успел создать мой клон. Реинтеграция прошла на удивление успешно. Попробуй как-нибудь, не пожалеешь.

— Значит... — он не находил слов. — Ты опять... целая?

— Да, — колко ответила Скейд, словно это вызывало у нее легкое сожаление. — Именно так. Снова. Целая и невредимая.

— Тогда зачем ты... в таком виде?

— Чтобы ты не забывал, Клавейн. Чтобы ты всегда помнил о том, что со мной сделал. Понимаешь я все еще в космосе. Мой корабль уцелел. Получил повреждения, да... но и твой тоже. Я не из тех, кто сдается. И я получу то, что ты у нас украл.

Клавейн повернулся к Фелке, которая спокойно наблюдала за ними.

— Это правда? Скейд все еще там?

— Точно неизвестно, — ответила она. — Мы знаем лишь то, что рассказала «бета». Может быть, она специально вводит нас в заблуждение. Но в таком случае Скейд проявила удивительную прозорливость. Она даже создала эту копию до уничтожения «Ночной Тени».

— А корабли?

— Поэтому мы тебя и разбудили. Они... там. Мы уже регистрируем потоки излучения.

Фелка рассказала, что корабли Объединившихся пронесли мимо на скорости, равной половине световой относительно «Ностальгии по Бесконечности» — в полном соответствии с результатами моделирования. Орудия были развернуты и последовательно активированы с точностью хореографической постановки или фейерверка. Противник использовал корпускулярные «лучевики» и тяжелые электромагнитные пушки. «Ностальгия» отстреливалась подобными же орудиями, но меньшего калибра, выводя под их прикрытием два орудия класса «ад». Обе стороны использовали приманки и обманные маневры, а когда сражение перешло в решающую стадию, корабли не раз подвергались жестоким перегрузкам,

уходя с траекторий, которые мог предсказать противник.

Ни одна сторона не могла заявить о своей победе. Одно судно Объединившихся было уничтожено, два других получили тяжелые повреждения, но Клавейн считал, что это немногим лучше поражения. Два врага почти так же опасны, как и три.

Однако ситуация могла быть намного хуже. «Ностальгия по Бесконечности» тоже не осталась невредимой — но ничего такого, что не могли бы устранить ремонтные системы. Ни одного из находящихся на борту не ранило, ни один жизненно важный узел не был задет.

— Нам нельзя расслабляться, — сказала Фелка.

Клавейн отвернулся от образа Скейд.

— Извини?

— Два корабля уцелело, помнишь? Они разворачиваются. Медленно, но верно, и явно собираются нас преследовать.

Клавейн усмехнулся.

— Пусть разворачиваются. На этот маневр уйдет не один световой год.

— Не обязательно, если у них есть установки контроля инерции. Я знаю, что ты скажешь: установки могли пострадать во время боя. Даже так: ты не думаешь, что их сумеют отремонтировать.

Она посмотрела на Скейд, но бета-копия никак не отреагировала. Казалось, она превратилась в статую, которую поставили здесь для красоты.

— Отремонтируют, если такое в принципе реально, — отозвался Клавейн.

Фелка удовлетворенно кивнула.

— Триумвират попытался смоделировать ситуацию. При определенных условиях мы играть с ними в догонялки сколько будет необходимо — по крайней мере, пока находимся в нормальной системе отсчета. Все, что нам нужно — понемногу подбираться ближе и ближе к скорости света. Но как это сделать? У меня найдется не слишком много рецептов.

— У меня тоже.

— В любом случае, это нереально. Например, нам надо остановиться, чтобы произвести ремонт. Вот почему мы тебя разбудили, Клавейн.

Он вернулся к пеньку, на котором сидел, опустил на него и услышал, как хрустнули колени.

— Если надо выбирать, то хотя бы из двух вариантов. Правильно?

— Конечно.

Она снова смолкла. Клавейн терпеливо ждал, прислушиваясь к

успокаивающему журчанию водопада.

— Так что ты предлагаешь?

Фелка заговорила так, словно нарушала благоговейную тишину.

— Мы уже далеко. В девяти световых годах от Дельты Павлина, и в радиусе пятнадцати световых лет нет ни одной колонии. Но у нас прямо по курсу бинарная система. Две холодные звезды. Это широкая пара, и у одной из звезд есть планетная система со стабильными орбитами. Планеты «зрелые» — им не меньше трех миллиардов лет. Одна — с двумя маленькими лунами — расположена в зоне, пригодной для обитания. По нашим данным, у нее кислородная атмосфера и много воды. Мы даже обнаружили в атмосфере скопления хлоробактерий.

— Терраформирование?

— Нет. Никаких намеков на то, что люди побывали здесь хотя бы раз. Думаю, есть только одно объяснение.

— Трюкачи.

Она была явно рада не озвучивать эту версию.

— Это давно замечено: чем дальше мы будем осваивать Галактику, тем чаще будем наткаться миров Трюкачей. Так что не стоит удивляться, если мы нашли еще один.

— Говоришь, прямо по курсу?

— Ну, не совсем... но почти. Мы можем сбросить скорость и подойти туда. Если это обычная колония Трюкачей, то там должны быть участки суши. Достаточно крупные, чтобы создать несколько поселений.

— «Несколько» — это сколько?

Фелка улыбнулась.

— Вот доберемся, тогда и узнаем, верно?

Клавейн принял решение — по правде говоря, просто благословил очевидный выбор, — а затем вернулся в свой саркофаг. В его команде было несколько медиков, но все их обучение ограничивалось поспешной загрузкой воспоминаний. Но Клавейн поверил, когда они сообщили, что ему не пережить более чем одного-двух циклов заморозки и отогревания.

— Но имейте в виду, — сказал он. — Я уже немолод, и если останусь бодрствовать, тоже долго не протяну.

— Выбирайте сами, — беспомощно ответили медики.

Клавейн просто старел. Его гены давно отжили свое. Он проходил через несколько циклов омолаживающих программ, с тех пор как покинул Марс, но они только приостанавливали часы, которые через какое-то время снова начинали тикать. В Материнском Гнезде ему бы подарили еще

полвека виртуальной молодости, стоило только захотеть... но Клавейн никогда не прибегнул бы к этому последнему средству омоложения. Окончательно это желание пропало после странного возвращения Галианы и ее еще более странной полусмерти.

Он даже не знал, жалеет ли об этом. Возможно, они доберутся до какой-нибудь прогрессивной колонии, куда еще не добралась Комбинированная Эпидемия. Тогда у него появится шанс. Но зачем? Галиана ушла из жизни. Как бы он ни выглядел, душа его состарилась и смотрела на мир усталыми глазами, потускневшими за четыре сотни лет войны. Он сделал все, что смог. Бремя принятых решений лежало на его плечах тяжким грузом. Вряд ли ему хватит сил для того, чтобы принять еще одно. Достаточно того, что сейчас он, кажется, не ошибся.

Клавейн согласился на заморозку.

Прямо перед тем, как погрузиться в «холодный сон», Клавейн отправил к умирающей системе Ресургема послание «плотным лучом». Послание предназначалось для «Зодиакального Света» и было снабжено системой поиска и разовым кодом. Если корабль еще существует, он получит и расшифрует сигнал. Но кораблям Объединившихся это никогда не удастся. Даже если они перехватят луч, взломать код им будет не под силу.

Это было очень простое послание. Ремонтуа, Хоури, Овод и все, кто ушел с ними, должны были знать, что «Ностальгия по Бесконечности» сбрасывает скорость и на двадцать лет останавливается на планете Трюкачей. Этого достаточно, чтобы «Зодиакальный Свет» прибыл в указанную систему. А также для того, чтобы создать колонию, которая сможет существовать самостоятельно. Какая бы катастрофа не случилась с кораблем в будущем, несколько десятков тысяч человек должны иметь надежное пристанище.

Он знал это. И чувствовал, что сделал нечто маленькое, но очень важное, чтобы привести свои дела в порядок.

С этими мыслями Клавейн уснул.

Он проснулся, чтобы обнаружить: «Ностальгия по Бесконечности» изменила себя, не удосужившись спросить чье-либо мнение.

Никто не знал, почему.

Внутренние перестановки не слишком бросались в глаза. Но стоило выйти наружу на инспекционном шаттле — и изменения становились очевидны. Все случилось во время фазы торможения, когда корабль входил в планетную систему. Дюйм за дюймом, со скоростью эрозии почвы, его

корпус — два неравных состыкованных конуса — менял очертания. Задний, приплюснутый конус втянулся, и корма стала плоской, как основание шахматной фигуры. Никто не успел даже попытаться вмешаться в этот процесс: изменения обнаружили уже после того, как она произошли. Корабль был слишком велик. В некоторые из его помещений — в том числе, расположенные на корме — никто не заглядывал десятки лет. Механизмы были демонтированы или переместились в свободные отсеки, поближе к миделю. Возможно, Илия Вольева заметила бы изменения намного раньше — она вообще отличалась наблюдательностью. Но Вольевой не стало. А новые владельцы еще не успели освоиться в его пространстве.

Изменения не создавали угрозы ни жизни людей, ни работе корабельных систем корабля. Однако они оставались загадкой и доказывали — если это нужно было доказывать — что дух Капитана по-прежнему обитает на корабле и от него еще можно ждать сюрпризов. Впрочем, некоторые сомнения оставались. Играл ли Капитан хоть какую-то роль в трансформации корабля, которым он стал? Производит ли изменения сознательно, или они возникают по некоей беспричинной прихоти его дремлющего воображения? Вопрос казался слишком сложным, чтобы дать на него уверенный ответ.

Впрочем, вскоре перемены в облике звездолета снова перестали замечать. «Ностальгия по Бесконечности» вышла на низкую орбиту водного мира. Зонды устремились сквозь атмосферу в бирюзовый океан, простирающийся от полюса до полюса. Над ним беспорядочными завитками кремовой ваты парили облака. Здесь не оказалось ни одного участка суши, который можно было бы назвать материком, океан казался сплошной пленкой, покрывающей планету. Лишь в паре мест кто-то брызнул охрой на зелено-голубую гладь, образовав островные архипелаги. Чем ниже опускался корабль, тем становилось яснее: это была действительно планета Трюкачей. Догадки переросли в уверенность. Целые континенты живой биомассы покрывали океан широкими серо-зелеными пластами. Атмосфера была пригодной для дыхания, а в почве и скальных породах островов обнаружили следы химических веществ, которые будут необходимы колонистам.

Разумеется, место не идеальное. Острова на планетах Трюкачей имеют привычку исчезать в волнах, порожденных огромными сгустками полумрачной биомассы, которая, собственно, и есть океан. Но двадцати лет вполне достаточно. Если колонисты пожелают остаться, у них будет достаточно времени, чтобы построить понтонные города, способные

плавать в бескрайнем водном пространстве.

Для высадки выбрали архипелаг в северном полушарии — холодный, но, судя по всему, тектонически стабильный.

— Почему именно здесь? — спросил Клавейн. — В этих широтах есть другие острова, и там с тектоникой тоже все в порядке.

— Там что-то есть, — ответил Скорпио. — Мы постоянно ловим слабый сигнал.

Клавейн нахмурился.

— Сигнал? Но здесь просто никого не может быть.

— Это просто радиоимпульсы, — вмешалась Фелка. — Они еле слышны. Но модуляция очень интересная. Код Объединившихся.

— Маяк?

— В каком-то смысле. Но ни один из наших кораблей сюда не заходил, иначе сохранились бы записи. За исключением...

Она смолкла, не желая договаривать.

— Фелка?

— Это только догадка, Клавейн. Догадка, которая ни на чем не основана. Но Галиана могла здесь высаживаться. Это просто нельзя исключить. Ты знаешь, она не смогла бы пролететь мимо, обнаружив мир Трюкачей. Мы ничего не знаем о ее маршруте. Мы не знаем, где она успела побывать, прежде чем столкнулась с Волками. Ты помнишь, когда она вернулась в Материнское Гнездо, все бортовые записи были утеряны или испорчены. Но кто еще мог оставить маяк Объединившихся?

— Любой, кто действует скрытно. Ты знаешь обо всем, чем занимается Закрытый Совет?

— Я просто думала, что об этом стоило тебе сказать.

Клавейн кивнул. Он ощутил прилив надежды... а за ним нахлынула печаль, еще более глубокая от того, что было пережито раньше. Конечно, Галиана не прилетала сюда. Глупо даже надеяться на это. Но что бы не находилось там, внизу, оно должно быть изучено. Значит, поселение действительно стоит расположить поблизости. Тем более, что это не составит проблем.

Это действительно не составило проблем. Вскоре детальный план поселения был готов, а уже через месяц на островах появились временные лагеря.

Именно тогда все и произошло. Неторопливо, словно это было вполне естественно для четырехкилометрового корабля, «Ностальгия по Бесконечности» переходила с орбиты на орбиту, ниже и ниже, по огромной

спирали входя в верхние слои атмосферы. Скорость упала ниже суборбитальной. Корабль тормозил все сильнее, чтобы трение о воздух не повредило обшивку корпуса. В паре отсеков началась паника: «Ностальгия по Бесконечности» двигалась сама по себе, не управляемая никем. Остальных охватило нечто вроде спокойного смирения. Люди были готовы принять все, что бы ни случилось. Клавейн и Триумвират тоже не понимали намерения Капитана. Непохоже, что он хотел причинить вред переселенцам — во всяком случае, сейчас.

Они не ошиблись. Последняя орбита была пройдена, корабль качнулся, словно его корма вдруг отяжелела, и образовал идеальный перпендикуляр к поверхности планеты. Все верно: малейшее отклонение от вертикали — и гравитационное поле планеты просто переломило бы корабль пополам. Теперь, когда он опускался сквозь облака подобно шпилью собора, подвешенному на невидимой нити, его конструкции испытывали нагрузку не больше, чем при ускорении в один «g». Люди с удивлением обнаруживали, что не испытывают ни малейшего дискомфорта. Лишь монотонно ревели двигатели — до сих пор вакуум не позволял услышать их голос. Этот низкий железный гул становился все громче по мере того, как «Ностальгия» приближалась к поверхности планеты.

Жидкой поверхности планеты.

Место, выбранное кораблем, находилось вблизи архипелага, где уже были разбиты лагеря. Однако он опускался прямо в море.

Боже, подумал Клавейн. А он-то ломал голову, зачем понадобились эти необъяснимые трансформации. Сам ли корабль изменил свою форму, или за этим стоял Капитан — но этот спуск был спланирован заранее. В тот самый момент, когда стало ясно, что планета целиком покрыта водой. Корма стала широкой и плоской, чтобы судно могло стоять на морском дне...

Пламя, рвущееся из дюз, ударило в океан, и вода закипела. Звездолет продолжал снижаться, окруженный плотными облаками насыщенного пара, которые поднимались на десятки километров, до самой стратосферы. Глубина моря в месте посадки составляла ровно километр и не уменьшалась почти до самых берегов архипелага. Конечно, это было немного. Клавейн почувствовал, как корма с жутким глубоким стоном коснулась каменистого шельфа. Но основная корабля по-прежнему возвышалась над бушующей поверхностью волн.

«Ностальгия по Бесконечности» совершила посадку. В безымянном мире, затопленном водой, на самом краю пространства, которое человечество называет Населенным Космосом.

Эпилог

Еще несколько дней после этого корпус трещал по швам, приспособиваясь к давлению океана, и этот треск эхом отзывался в нижних палубах судна. То и дело, не дожидаясь приказа людей, у основания корабля появлялись слуги и начинали суетливо заделывать протечки. Иногда звездолет зловеще вздрагивал. Но прошло какое-то время, он окончательно уселся в грунте и уже не выглядел временным дополнением к пейзажу. Скорее он напоминал таинственное геологическое образование, созданное выветриванием — серебряно-тонкая стела из обсидиана или пемзы, изъеденная ветром и дождями, древнюю природную башню, созданную морем и обжитую людьми, которые проделали в ней проходы и пещеры. Небо было таким же серебряно-серым, и лишь изредка облака разрывались, чтобы показать нежную голубизну неба.

Прошла неделя, прежде чем кто-то осмелился покинуть корабль. Только шаттлы носились вокруг него, как потревоженные морские птицы. Даже когда часть ангаров затопило, люди не отваживались сойти на сушу. Связь с командами, которые первыми высадились на планету, удалось восстановить очень скоро. С ближайшего острова, который находился на расстоянии пятнадцати километров, прибыли наспех сделанные лодки. Какое-то время они толклись возле корабля, точно у подножья отвесной скалы. Наконец прилив позволил им достичь люков, предназначенных для выхода людей.

Клавейн и Фелка сидели в первой лодке, которая возвращалась на остров. В течение всего «плаванья» они не сказали друг другу ни слова. Лодка скользила сквозь промозглый серый туман. Клавейн озяб. Глядя, как черная стена звездолета растворяется в тумане, он ощущал уныние, граничащее с отчаянием. Море напоминало суп из-за плавающих микроорганизмов. «Ностальгия по Бесконечности» встала на прикол на самой границе «острова» Трюкачей — плотного скопления биомассы, и эти организмы уже начали приклеиваться к обшивке корабля по ватерлинии. Зеленый налет походил на патину; теперь казалось, что корабль стоит здесь уже не первый век. Интересно, что произойдет, если не удастся уговорить звездолет снова подняться в космос. Возможно, через двадцать лет он станет более сговорчивым. Однако если Капитан уже принял решение и хочет остаться — в буквальном смысле пустив здесь корни, очень сомнительно, что кто-нибудь сможет его переубедить. Возможно, искал

место последнего пристанища, хотел стать памятником самому себе, своим преступлениям и поступку, который эти преступления искупил.

— Клавейн... — сказала Фелка.

Он оглянулся.

— Со мной все в порядке, Фелка.

— Ты выглядишь таким измученным. Но ты нам нужен. Нам еще предстоит сражаться. Неужели ты не понимаешь? Все, что до сих пор происходило — это только начало. Теперь у нас есть орудия...

— Есть несколько штук. И Скейд все еще тянет к ним руки.

— Значит, она попытается их отбить, верно? Но ей это будет не так-то легко.

Клавейн снова оглянулся, но звездолет уже исчез из виду.

— Пока мы здесь, мы мало что можем с этим сделать.

— У нас есть орудия. И Ремонтуа к тому времени вернется, я уверена. А с ним и «Зодиакальный Свет». Это было серьезное повреждение, но такой корабль прекрасно сам себя отремонтирует.

Клавейн поджал губы и кивнул.

— Полагаю, что так.

— Что случилось? — она сжала его руку в ладонях, словно пытаясь согреть. — Ты столько времени вел нас. Мы последовали за тобой. Ты не можешь сейчас все бросить.

— Я не собираюсь ничего бросать, — ответил он. — Я просто... устал. Пусть эти сражения ведет кто-нибудь другой. Мне и так пришлось слишком долго быть солдатом.

— Тогда стань кем-нибудь другим.

— Я имел в виду кое-что другое, — Клавейн пытался заставить себя говорить бодро. — Послушай, я не собираюсь умирать ни завтра, ни через неделю. И мой долг перед каждым из вас — увести эвакуированных отсюда. Просто я не думаю, что непременно буду находиться здесь, когда вернется Ремонтуа. Но кто знает? Время завело мерзкую привычку подбрасывать мне сюрпризы. И я постоянно на них натываюсь.

Они снова смолкли. Лодка поворачивала то вправо, то влево, огибая обширные сгустки похожей на водоросли клейкой биомассы, которая реагировала на их присутствие с какой-то нервной целеустремленностью. Потом Клавейн увидел землю, и вскоре днище лодки начало скрести по камням.

Им пришлось вылезать и добираться до берега вброд. Когда последние несколько футов были пройдены, Клавейна уже колотил озноб. Лодка темнела где-то вдали, а «Ностальгии по Бесконечности» совсем не было

видно.

Навстречу им вышла Антуанетта Бакс. Она осторожно ступала по камням, перешагивая через лужи, похожие на мозаику из серых зеркал. На заднем плане уже можно было разглядеть лагерь — плотное скопление надувных палаток, облепивших скалистый склон.

Интересно, как это будет выглядеть через двадцать лет.

На борту «Ностальгии по Бесконечности» находилось более ста шестидесяти тысяч человек — слишком много для того, чтобы разместить всех на одном острове. Надо создать группу поселений — не меньше пятидесяти. Центральные разместятся на самых крупных и сухих участках суши. Когда это будет сделано, появится возможность начать строительство плавучих колоний — в расчете на довольно длительное пребывание. Работы хватит на всех. Клавейн поймал себя на мысли, что обязан включиться в этот процесс, хотя отнюдь не испытывал ощущения, что рожден для этого.

На самом деле, он уже совершил то, для чего родился.

— Антуанетта, — сказал он, зная, что Фелка не сможет узнать девушку без его помощи, — как дела на суше?

— Дерьмо уже закипает, Клавейн.

Он глядел под ноги, боясь упасть.

— Рассказывай.

— Многих тошнит при мысли, что придется здесь застрять. Они присоединились к Оводу, потому что хотели вернуться домой, на Йеллоустоун. И им совершенно не светит двадцать лет торчать на каком-то необитаемом катыше.

Клавейн терпеливо кивнул и оперся на руку Фелки. Пожалуй, трость уже не помешает.

— А ты объяснила им, что лучше поторчать здесь, чем сгореть заживо?

— Думаю, ты знаешь, на что это похоже. Некоторым занудам ничем не угодишь, правда? — она пожала плечами. — Ладно, представь себе, как бы ты развеселился, услышав, чем обернется самый обычный перелет.

— Знаешь, это почему-то мне в голову не приходило. Ладно... может кто-нибудь устроить нам прогулку по острову?

— Антуанетта... — Фелка помогла ему выбраться на более ровную поверхность. — Мы промокли насквозь и замерзли. Где здесь можно согреться и переодеться в сухое?

— Идем со мной. У нас даже есть чай.

— Чай? — недоверчиво переспросила Фелка.

— Водоросляный чай. Местный деликатес. Не волнуйтесь, никто им еще не отравился. Вкус своеобразный, но привыкнуть можно.

— Полагаю, нам лучше не задерживаться, — сказал Клавейн.

Они последовали за Антуанеттой к лагерю. Люди трудились не покладая рук, устанавливая новые палатки и протягивая силовые кабели от генераторов, похожих на черепахи. Подведя Клавейна и Фелку к одной из палаток, Антуанетта впустила их внутрь, вошла следом и плотно закрыла клапан. Внутри было тепло и сухо, и Клавейн еще сильнее почувствовал, насколько промерз и вымок.

Двадцать лет в этом гостеприимном местечке. Им придется много трудиться, чтобы выжить. Что это за жизнь, когда в ней нет ничего, кроме борьбы за существование? Трюкачи, которые покачиваются на волнах вместе со своими бесконечно старыми загадками происхождения всего во Вселенной, могут демонстрировать обворожительную щедрость или вообще не пожелать общаться с людьми. В других мирах между людьми и Трюкачами возникали тонкие нити понимания. Но прежде чем удавалось подобрать ключ к чуждому сознанию, проходили десятилетия взаимного изучения. До тех пор они были не более чем ленивыми растительными массами, которые демонстрировали работу интеллекта, но результат этой работы никак не проявлялся. Что, если эта колония Трюкачей окажется первой, которая не пожелает «впитывать» нейронные паттерны людей? Можно себе представить, каким одиноким и мрачным покажется этот мир для тех, кто решит — или будет вынужден — остаться здесь. И вряд ли хоть что-то сможет скрасить это одиночество. В таком случае, им лучше было бы остаться с Ремонта, Хоури и Оводом и нырнуть в загадочную структуру живой нейтронной звезды.

Ладно, через двадцать лет они выяснят, так ли это.

— Вот, попробуй, — Антуанетта протянула кружку с теплой зеленой жидкостью.

Клавейн задержал дыхание и осторожно сделал глоток. В ноздри ударил острый солоноватый запах.

— А я не выпью Трюкача?

— Фелка говорит, что ты бы не смог. Думаю, она знает, что говорит. У меня есть подозрение, что она давно жаждет встретиться с этими засранцами и кое-что о них уже разузнала.

— Похоже на то, — он выпил еще немного, — верно...

Но Фелки в палатке не было. Еще минуту назад она стояла рядом.

— И с чего она к ним так рвется? — спросила Антуанетта.

— Надеется кое-что получить. В свое время, когда мы оба жили на

Марсе, ей довелось стать «сердцем» огромной и очень сложной живой машины. Фелка была еще совсем ребенком, но поддерживала ее существование своим интеллектом и силой воли. Это стало смыслом ее жизни. Затем люди — на самом деле, мои люди — отобрали у нее эту машину. Фелка едва не умерла... если ее вообще можно считать живой в привычном для нас смысле. К счастью, до этого не дошло, она даже вернулась к чему-то наподобие нормального существования. Но все, что она делает с тех пор, сводится к попыткам чем-то заменить ту машину. Она ищет что-то бесконечно сложное, какую-то тайну, которую не в состоянии понять за единственный момент озарения. Нечто такое, что, в свою очередь, тоже сможет использовать ее.

— Трюкачи.

Клавейн обхватил ладонями кружку — надо признать, чай оказался весьма неплох.

— Да, Трюкачи. Ладно... я надеюсь, Фелка найдет то, что ищет, вот и все.

Антуанетта полезла под стол и вытащила предмет, который стоял там на полу. Это был металлический цилиндр, изъеденный коррозией и обросший кружевами заизвестковавшихся микроорганизмов.

— Это маяк. Его нашли вчера, примерно в миле отсюда. Должно быть, прошла цунами и смыла его в море.

Клавейн склонился над ним и принялся рассматривать. Мягкий, темный, цилиндр напоминал старую консервную банку.

— Возможно, это от Объединившихся, — сказал он. — Но я не уверен. Ни одного опознавательного знака не осталось.

— Но ты говорил про код Объединившихся.

— Совершенно верно. Это простой внутрисистемный маяк-приемопередатчик. Радиус обнаружения сигнального устройства — несколько сот миллионов километров. Но это не значит, что его оставили именно Объединившиеся. Например, Ультра украли маяк с одного из наших кораблей. Если его разобрать, можно узнать немного больше. Но это придется делать очень осторожно, — он постучал по металлу согнутым пальцем. — Там антивещество. Иначе маяк не мог бы передавать сигналы. Может быть, крохи. Но этого хватит, чтобы сделать на этом месте воронку.

— Тогда сам вскрывай эту жестянку.

— Клавейн...

Он оглянулся. Фелка вернулась. Она промокла еще больше, тонкие пряди волос приклеились к лицу, ткань черного платья облепила тело. По логике вещей, Фелка должна была посинеть от холода. Однако на ее щеках

играл румянец, а глаза сияли.

— Клавейн...

Он поставил чашку на стол:

— Что случилось?

— Ты должен это увидеть.

Клавейн выбрался из палатки. Он успел согрелся и теперь чувствовал острые покусывания холода. Но что-то в поведении Фелки заставило забыть об этом. Способность не обращать внимания на неприятные ощущения появилась у Клавейна давным-давно. Это бывает очень полезно, когда находишься в гуще сражения. Просто ты понимаешь, что боль, неудобство и все подобное сейчас не имеют никакого значения. С ними, как и со многими другими вещами, вполне можно смириться.

Фелка смотрела вдаль.

— Что там такое? — спросил Клавейн.

— Смотри. Видишь? — она встала рядом и указала куда-то пальцем. — Смотри внимательно. Туда, где туман начинает расступаться.

— Я сомневаюсь, что...

— Вот оно. Сейчас...

И он увидел — правда, лишь мельком. Должно быть, после того, как они вошли в палатку, где-то на высоте поменялось направление ветра. Теперь его порыв прорезал в пелене тумана и облаков узкий каньон, протянувшийся далеко в море. Клавейн смотрел на мозаику зеркальных луж и запруд, над которыми торчали остроконечные камни. Видел лодку, в которой приплыл, а еще дальше — полосу грязно-серой воды, которая светлела по мере приближения к горизонту, пока не сливалась с бледным молочно-серым небом. Там, на границе видимости, на мгновение показался остроконечный шпиль «Ностальгии по Бесконечности», конический темно-серый палец, словно вырастающий из моря.

— Это корабль, — мягко сказал Клавейн, боясь разочаровать Фелку.

— Да. Корабль. Но ты не понимаешь. Это нечто большее. Намного, намного большее.

Клавейн забеспокоился:

— В самом деле?

— Да. Потому что я уже видела это раньше.

— Раньше?

— Задолго до того, как мы сюда прилетели, — Фелка повернулась к нему, отлепила со лба мокрую прядь и кивком указала на шип в тумане. — Там был Волк. Он показал мне это, когда Скейд привела меня к нему. Тогда я не знала, как это понимать. Но сейчас знаю. На самом деле это был не

Волк. Это была Галиана. Она пробилась ко мне, а Волк только думал, что ее контролирует.

Клавейн знал, что произошло на борту «Ночной Тени», прежде чем он освободил Фелку. Он знал об экспериментах, и о том, как ей довелось встретиться с Волком. Но сама Фелка еще никогда об этом не рассказывала.

— Может быть, это просто совпадение? — проговорил он. — Допустим, ты получила сообщение от Галианы. Откуда ей было знать, что здесь произойдет?

— Не знаю. Но каким-то образом у нее получилось. Это значит, что информация достигла прошлого — иначе ничего бы не произошло. Все, что мы сейчас знаем, достигло прошлого. Все наши воспоминания об этом месте. Пока неизвестно, каким образом. Более того, Галиана получит эти знания, — Фелка присела на корточки и коснулась ладонью камня. — И все дело именно в этом. Мы не просто так оказались на этой планете. Нас вела Галиана. Почему-то она считала, что нам очень важно здесь оказаться.

Клавейн снова подумал о маяке, который ему только что показали.

— Если она была здесь...

— Если бы Галиана прилетела сюда, — подхватила Фелка, — она непременно попыталась бы пообщаться с Трюкачами. Она бы плавала вместе ними. Вообще-то, у нее могло и не получиться... но ты только представь, что получилось. Что бы тогда произошло?

Туман вновь сгустился, и башня, вырастающая из моря, исчезла.

— Значит, Трюкачи запомнили ее, — словно во сне, пробормотал Клавейн. — Океан записал ее сущность, ее личность, ее память. Все, чем она являлась. Потом Галиана покинула планету, но оставила свою голографическую копию в море, готовую для того, чтобы отпечататься в другой сущности, в другом сознании.

Фелка торжественно кивнула.

— Скорее всего, именно это она и сделала. Трюкачи помнят всех, кто плавал в их океанах.

Клавейн посмотрел вдаль, надеясь снова увидеть корабль.

— Тогда она все еще находится здесь.

— И мы можем с ней встретиться, если поплывем. Вот что она хотела сказать. Это и есть послание, которое она передала через Волка.

У Клавейна защипало в глазах.

— Какая она умная. А если мы ошиблись?

— Мы это узнаем. Не обязательно с первого раза, но узнаем. Все, что нам надо сделать — это плыть, открыв сознание. Если она в море, в его памяти, Трюкачи приведут ее к нам.

— Не думаю, что смогу пережить еще одно разочарование.

Фелка крепко стиснула его руку.

— Мы не можем ошибиться, Клавейн. Просто не можем ошибиться.

Вопреки здравому смыслу, он надеялся, что это правда. Фелка снова потянула его за руку, и они осторожно, шаг за шагом, направились в сторону моря.

---

notes

Примечания

1

Самое заднее поле — участок ромбовидной ямки, расположенный сзади и латерально от треугольника блуждающего нерва. (Прим. ред.)

2

Образ предметов или композиций из них, сохраняемый в течение некоторого времени после прекращения актуального восприятия, имеющий отчетливость и детализовку. (Прим. ред.)

3

Камера, наполненная перенасыщенным паром. Заряженная частица, проходя сквозь нее, вызывает ионизацию и оставляет за собой след в виде цепочки капель (трек). По его толщине и степени его искривления в магнитном поле физики определяют тип частицы. (Прим. ред.)

4

Приращение, пополнение, добавление. Искусственное новообразование, выполняющее определенную функцию (Прим. ред.)

5

Лудиты (Ludite), члены общества английских ремесленников (1811—1816), которые боролись против распространения машин, устраивая беспорядки и уничтожая механизмы. (Прим. перев .)

6

Галактический год — период обращения Галактики вокруг центра.
(Прим. ред.)

7

Головной убор монахини, полностью закрывающий шею и волосы.
(Прим. ред.)

8

В ирландской мифологии: призрак красивой женщины, встреча с которым предвещала скорую смерть. Ночные рыдания баньши также предсказывали гибель кого-то из членов клана. (Прим. ред.)

9

Манхэттенский проект — проект создания ядерного оружия — действительно разрабатывался не один год: с 18 июня 1942 года, когда полковник Джеймс Маршалл получил приказ организовать производственную базу для объединения усилий ученых и инженеров по созданию ядерного оружия, по 16 июля 1945 года, когда на полигоне в штате Нью-Мексико в ходе операции «Trinity» был взорван первый плутониевый заряд «Gadget». Но все-таки и Рим, и Москва строились еще дольше. (Прим. ред.)

10

Сокращенное от «тороидальная камера с магнитными катушками». Тип тороидальной магнитной ловушки. По плазме, заключенной внутри тора, пропускают сильный ток, магнитное поле которого, складываясь с полем тороидального соленоида, образует конфигурацию магнитного поля, необходимую для равновесия и термоизоляции плазмы. (Прим. ред.)

11

Клавейн перефразирует слова Наполеона: «Не сегодня ночью, Жозефина». (Прим. ред.)

Кювье, Жорж (1769—1832), французский зоолог. Сыграл значительную роль в создании палеонтологии и сравнительной анатомии. Описал большое число ископаемых форм и предложил определять по ним возраст геологических слоев, в которых они обнаружены. Реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках. Чтобы объяснить смену флоры и фауны в различные периоды эволюции Земли, выдвинул теорию катастроф. (Прим. ред.)

13

Равноугольная цилиндрическая проекция, в которых меридианы изображаются равноотстоящими параллельными прямыми, а параллели — прямыми, перпендикулярными к изображениям меридианов. Используется в навигации. Недостаток состоит в искажениях пропорций: объекты у полюсов выглядят более крупными, чем те, что находятся у экватора. (Прим. ред.)

14

Тип небесного глобуса, в котором небо представлено конструкцией из пересекающихся колец, в центре которых находится Земля. Каждое из колец соответствует одной из основных плоскостей небесной сферы, таких как небесный экватор и эклиптика. (Прим. ред.)

Дородовому. (Прим. ред.)

Единственным человеком, кто побывал у Странников и вернулся живым, был Филипп Ласкаль. Если учесть, что при этом его психика серьезно пострадала, ирония Фелки станет понятна. (Прим ред.)

17

Отросток нейрона, проводящий импульс к иннервируемым органам и другим нервным клеткам. (Прим. перев.)

В 1927 г. немецкий физик В.Гейзенберг открыл так называемое соотношение неопределенностей. Согласно этому соотношению невозможно определить одновременно значение обоих членов пары физических величин, характеризующих рассматриваемую атомарную систему. (Прим. ред.)

19

Жанр японской поэзии (до конца XIX в. — хокку). Представляет собой трехстишие, состоящее из строк в 5—7—5 слогов. (Прим. ред.)

Искусственно вызванный дефицит сенсорных впечатлений, вызывающий чувство сенсорного и эмоционального голода. Сначала активизируются процессы воображения, возникают яркие образы, проецируемые вовне, затем появляется напряженность, тревога, галлюцинации. (Прим. ред.)

Астрономическая единица длины, равна среднему расстоянию Земли от Солнца, 149,6 млн. км. (Прим. перев.)

Селение около 60 км южнее Кале (Франция), близ которого во время Столетней войны 25 октября 1415 войска английского короля Генриха V разгромили французские войска под командованием коннетабля Ш. д'Альбре. (Прим. ред.)

Окаймление люка или двери в корпусе судна. (Прим. перев.)

Отклоняющая сила вращения планеты. (Прим. ред.)

25

Минимальная скорость, которую необходимо развить телу у поверхности планеты, чтобы преодолеть ее гравитационное притяжение. (Прим. ред.)

Крепления для корабля, способные поддерживать строго горизонтальное или вертикальное положение. (Прим. перев.)

Нервный узел, анатомически обособленное скопление нервных клеток (нейронов), волокон и сопровождающей их ткани. В ганглии перерабатываются и интегрируются нервные сигналы. (Прим. ред.)

Психическое расстройство — оцепенение, с отсутствием реакции на внешние раздражители. (Прим. перев.)

Гигантская летающая птица из арабских сказок, способная унести в когтях слона. (Прим. ред .)

Хоури «совмещает» два библейских сюжета: Ноев ковчег и Исход Моисея. (Прим. ред.)

Ощущения, возникающие в результате изменений, происходящих непосредственно в сенсорном органе (в глазном яблоке, в слуховом канале и пр.), а не вследствие его нормальной стимуляции. (Прим. ред.)

Спиновое число характеризует магнитный момент, возникающий при вращении электрона вокруг своей оси. Принимает только два значения $+1/2$ и $-1/2$ соответствующие противоположным направлениям вращения.. (Прим. перев.)

Частный случай проявления эффекта Доплера. При движении источника света на наблюдателя частота электромагнитной волны растет (фиолетовое смещение), при движении источника от наблюдателя — падает (красное смещение). (Прим. ред.)

Траектория, приближенная к траектории баллистического снаряда.
(Прим. перев.)

Межпланетный медиум — совокупность космической пыли, газов и элементарных частиц в межпланетном пространстве. (Прим. перев.)

Терминатор — условная граница между освещенной и темной стороной планеты. (Прим. ред .)

Антуанетта имеет в виду эксимерный лазер — лазер с активной средой на основе двухатомных возбужденных молекул. Два инертных газа, соединяясь в камере, образуют смесь; ее пропускают по узкой трубке, в которой происходит микроразряд. (Прим. ред .)

Гамма-лазер. В отличие от лазеров генерирует не свет, а гамма-лучи. Диапазон волн гамма-излучения от 0,1 до 0,01А, что в 10...100 раз короче волн рентгеновского излучения. По мощности гамма-излучение превосходит рентгеновское. (Прим. ред.)

Обращенный к спинной плоскости. (Прим. перев.)

Число Маха (М-число) — безразмерная характеристика течения сжимаемого газа. (Прим. перев.)

Конус Марха — здесь область атмосферы с пониженной плотностью, создающаяся позади объекта, движущегося со сверхзвуковой скоростью. Имеет форму, приближенную к конической. (Прим. перев .)

Граница черной дыры. Никакие сигналы (свет, частицы), испускаемые в пределах этой сферы, не могут выйти наружу и достигнуть внешнего наблюдателя. (Прим. ред.)

Пулевой пистолет-пулемет. «Потомок» пулемета Гэтлинга — первого американского пулемета, назван по фамилии изобретателя. (Прим. ред.)

Продолжительность суток на Ресургеме — двадцать шесть часов, как и на Йеллоустоуне. (Прим. ред .)

45

Скорость одного движущегося объекта относительно другого. (Прим. ред .)

Начало шахматной партии, в которой мелкие фигуры жертвуются ради обретения более выгодной позиции. (Прим. ред.)

Единица измерения температуры в системе отсчета, принимающей за нуль температуру вакуума (-273°C). (Прим. перев .)

Скорость вращения, при которой создаётся центробежное ускорение, превышающее гравитацию небесного тела, в результате чего жидкая и газообразная материя (плазма, атмосфера, гидросфера) выбрасывается в космос. (Прим. перев .)

Игра с веревочной петлей, которую определенным образом натягивают между рук, так что она образует фигурки-переплетения. Интересно, что «кошачья колыбель» с ДНК — эмблема Миксмастеров, специалистов по геной инженерии. (Прим. ред .)

50

Самый короткий промежуток времени (квант времени), равный 10-43сек. (Прим. перев .)

51

Внутриатомная мера длины, 10⁻¹⁰ м. (Прим. перев .)

Маленькое, почти сферическое облако темного непрозрачного газа и пыли, которое обнаруживается на более ярком фоне (звёздные облака, туманности). (Прим. перев .)

«Испарение» черных мини-дыр. Допускается излучение вещества и антивещества черными мини-дырами в равных количествах, меньше 10^{-5} г. (Прим. перев .)

10-12 с. (Прим. перев .)

10-9 с. (Прим. перев .)

Преобразование координат какого-либо объекта при переходе от одной инерционной системы отсчета к другой, в т.ч. при движении с субсветовой скоростью. (Прим. перев .)

Принудительные меры политического и экономического порядка, применяемые одни государством в ответ на неправомерные действия другого государства. (Прим. ред.)

Точки в орбитальной плоскости двух массивных объектов, вращающихся вокруг общего центра тяжести, где частица с пренебрежимо малой массой может оставаться в равновесном положении, т.е. неподвижной. (Прим. перев .)

Невесомость, строго говоря, невесомостью не является: вес тела уменьшается до 10^{-6} от исходного, поэтому эти условия принято называть микрогравитацией. (Прим. ред.)

Способ измерения электромагнитного излучения от некоторого небесного объекта, при котором оно принимается по двум или больше направлениям с различными длинами пути, а затем складывается, образуя интерференционную картину. (Прим. перев .)

Стационарные области высокого и низкого акустического давления в помещении, возникающие в результате наложения прямого сигнала и сигнала, отраженного от ограничивающих поверхностей и прошедшего с некоторой задержкой. (Прим. ред.)

Сражение между английскими военно-воздушными силами и Люфтваффе, которое происходило с 10 июля по 31 октября 1940 года в небе над Ла-Маншем. (Прим. ред.)

Выражение американских десантников. Означает подкрасться к противнику незамеченным на близкое расстояние, с которого видны белки его глаз. (Прим. перев.)

Наружная каменная полуарка, передающая распор сводов главного нефа готического храма опорным столбам — контрфорсам, расположенным за пределами основного объема здания. (Прим. ред.)

Антуанетта говорит на норте, который близок к английскому. Слово «Ark» сохранило оба своих основных значения: «Ковчег» (в т.ч. Ноев ковчег) и «баржа». (Прим. ред .)

Предназначенный для перманентной диагностики и регуляции состояния организма. (Прим. перев .)

67

Здесь — служащий для защиты нервных клеток мозга путем заполнения пространства между нейронами и мозговыми капиллярами.
(Прим. перев .)

Содержание

[Аластер РЕЙНОЛЬДС КОВЧЕГ СПАСЕНИЯ](#)

[Пролог](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[26](#)

[27](#)

[28](#)

[29](#)

[30](#)

[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)
[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)